ДБ
420
Н40

Невский В.И.
"Советы
и
вооружённое
восстание
в 1905 году"
М., 1931.

Д5
420
Н-40

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИЧЕСКИХ
КАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА

ВОСПОМИНАНИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ,
ДОКУМЕНТЫ И ДР. МАТЕРИАЛЫ
ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО
ПРОШЛОГО РОССИИ

1931

№ 9—10 (LXII—LXIII)

МОСКВА

В. И. НЕВСКИЙ

1-13 [illegible] фонда

СОВЕТЫ
И
ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ
В 1905 ГОДУ

БИБЛИОТЕКА
ИМСТИТУТ КРАСН ПРОФЕССУРЫ
№ 133307.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

Поступило в производство 14/XI—31
Подписано к печати 16/VIII—32.
Ответственный редактор В. Н. Соколов. Технический редактор С. М. Матвеев. Корректор Величко. Упол. Главлита В—30841. Заказ 1858.
Тир. 5100. ФЗУ Мособлполиграфа.

Госуд. публичная историческая библиотека РСФСР
138307

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию читателя том включает по преимуществу уже опубликованные работы о Советах и вооруженном восстании; только одна из этих работ, о вооруженном восстании в Ростове-на-Дону, публикуется впервые.

Нечего говорить, что все эти работы написаны на основании первоисточников и большого опубликованного в последнее время печатного материала.

Настоящий том, как и уже вышедшее в свет исследование об январских событиях 1905 года,— часть когда-то задуманной и не осуществленной попытки дать историю первой русской революции: двадцатипятилетний юбилей этого великого года послужил побудительной причиной издать эти отдельные монографии.

В приложении печатаются документы департамента полиции о ходе массового движения в декабре, документы о восстании в Москве и обзор источников, на основании которых написаны работы.

Само собою разумеется, что при переиздании работы вновь пересмотрены и в них внесены все те изменения, какие следовало внести, принимая во внимание все мной упущенное и все то новое, что дали свежие публикации других исследователей. Наибольшее число дополнений потребовала статья о Советах.

Автор публикуемых работ должен выразить свою горячую признательность как тем товарищам, в лице главным образом П. И. Анатольева и П. П. Парадизова, по настоянию и с помощью которых я решился опубликовать снова свои статьи, так и издательству «Каторга и Ссылка», принявшему на себя бремя издания.

В. Невский

Светлой памяти безвременно погибшего в борьбе за дело рабочих сына моего Славы посвящаю эту книгу

« ... Совет Рабочих Депутатов не рабочий парламент и не орган пролетарского самоуправления, вообще не орган самоуправления, а боевая организация для достижения определенных целей...»

В. Ленин. «Социализм и анархизм»,—«Новая Жизнь» № 21, от 25 ноября 1905 г.

« ... Это были, наконец, именно органы власти, несмотря на всю их зачаточность, стихийность, неоформленность, расплывчатость в составе и в функционировании...»

В. Ленин. «Победа кадетов и задачи рабочей партии», март 1906.

« ... Революция 1917 года сопровождалась тем явлением, что, с одной стороны, буржуазная империалистическая партия превратилась силою событий в республиканскую партию, а с другой стороны — возникли демократические организации — Советы, созданные еще в 1905 г., ибо уже тогда социалисты поняли, что организацией этих Советов создается нечто великое, новое и небывалое в истории мировой революции. Советы, которые народ сумел создать вполне самостоятельно, это форма демократизма, не имеющая себе равной ни в одной из стран...»

В. Ленин. «Речь о роспуске Учредительного Собрания»,— «Правда» № 6, от 9 января 1918 г.

«Она (советская республика) родилась сразу, родилась так легко потому, что в феврале 1917 года массы создали Советы раньше даже, чем какая бы то ни было партия успела провозгласить этот лозунг. Само народное творчество, прошедшее через горький опыт 1905 года, умудренное им,— вот кто создал эту форму пролетарской власти».

Соч. Ленина, 3-е изд., т. XXII, стр. 315.

I

ВОЗНИКНОВЕНИЕ СОВЕТОВ

1. Беспартийные организации Петербурга

Для более или менее исчерпывающей вопрос работы о Советах 1905 года пока не настало время, так как еще нехватает самых необходимых данных: мы не знаем во многих случаях ни состава Советов, ни времени их возникновения и гибели, ни их деятельности; мы не можем, наконец, с твердой уверенностью сказать, что мы знаем все Советы, существовавшие в 1905 году. Если так обстоит дело с вопросом о Советах Рабочих Депутатов, то еще хуже стоит вопрос о Советах Крестьянских и Солдатских Депутатов,— организациях, которые играли очень большую роль в местном движении 1905 года.

Работы, появившиеся до настоящего времени по этому вопросу, не могут, по только что высказанным соображениям, пре-

тендовать ни на полноту обследованного материала, ни на исчерпывающий анализ происхождения и развития советской формы в эпоху первой русской революции.

Само собой разумеется, что и наша работа не является ни исчерпывающей всего материала, ни попыткой дать историю Советов 1905 года. Единственное, на что мы можем претендовать сейчас, это хотя бы несколько осветить вопросы происхождения и развития советской формы организации, возникшей двадцать пять лет тому назад, в момент величайшего рабочего и крестьянского революционного движения.

Само собой ясно, что Советы свалились не с неба, что были, очевидно, в русском рабочем движении какие-то элементы, какие-то зародыши, из которых эти организации возникли; были, очевидно, такие условия, которые способствовали их развитию и превращению в то, что известно теперь под именем Советов Рабочих Депутатов 1905 года.

По вопросу о происхождении и развитии Советов существуют, как и следовало ожидать, различные мнения.

Эти мнения прежде всего можно разделить на две группы: взгляды меньшевиков и взгляды большевиков. Но меньшевики и большевики в своих воззрениях на происхождение Советов расходятся между собою так безгранично, что о примирении не может быть и речи. В качестве таких непримиримых взглядов на происхождение Советов можно привести мнение т. Н. Бабахана, пытающегося доказать, что исходными точками для возникновения Советов послужили зубатовские организации[1].

Совершенно правильно отвергая эту нелепую мысль т. Бабахана, т. П. Горин в своей работе «Очерки по истории Советов Рабочих Депутатов» держится как будто бы той мысли, что хотя «создание Советов Р. Д. конца 1905 года явилось результатом всего предшествующего рабочего движения, однако Петербургский Совет Рабочих Депутатов—«детище всероссийской политической забастовки в октябре» — с р а з у сложился в организацию пролетариата, поставив своей целью «б о р ь б у з а р е в о л ю ц и о н н у ю в л а с т ь»[2]. Слово «сразу» подчеркнуто нами, ибо, как мы увидиим ниже, это «сразу» явилось не сразу, а было только одним из моментов того процесса, завершением которого явились такие Советы, как декабрьские Советы в Москве, Ростове-на-Дону и Красноярске, эти подлинные органы восстания, чем не был Петербургский Совет Рабочих Депутатов.

Что касается меньшевиков, то они, как известно, держатся

---

[1] Н. Б а б а х а н. «Советы 1905 г.». М. 1923.

[2] П. Г о р и н. «Очерки из истории Советов Рабочих Депутатов», М. 1925 г., стр. 2, изд. 2-е, 1930.— Начиная со стр. 10, посвящен полемике со мной по вопросу с возникновении Советов.

мнения, что они были инициаторами возникновения Советов и что именно их идеи революционного самоуправления и явились тем толчком, который побудил массы притти к этой форме организации.

Нечего говорить, что и Л. Троцкий держится того же неправильного оппортунистического мнения (вернее, т. Горин вслед за Троцким повторяет это неправильное мнение), что создателями Петербургского Совета были меньшевики. «Инициативу создания революционного рабочего самоуправления», говорит он: «взяла на себя 10 октября — в момент, когда надвигалась величайшая из стачек — одна из петербургских соц.-демократических организаций» [1]. Это написано Троцким в его книге «1905» год, а в 1930 году за границей он уже прямо утверждает, что и они, меньшевики, предвосхитили идею создания Совета. «Я приехал из Финляндии», пишет он: «с планом выборной беспартийной организации, по делегату на 1 000 рабочих. От литератора Иорданского, впоследствии советского посла в Италии, я узнал в день приезда, что меньшевики уже выдвинули лозунг выборного революционного органа по одному делегату на 500 человек» [2].

Однако, как бы ни старались меньшевики (и в том числе Троцкий) приписать себе честь образования Советов в эпоху первой русской революции, что бы ни говорили они по этому поводу, какие бы выдержки из своих статей ни приводили они в пользу своего приоритета, дело, однако, и значительно сложнее и значительно красочнее, чем это рисуется меньшевистским публицистам и историкам.

Обыкновенно в пользу того мнения, что Советы 1905 года, вернее Петербургский Совет Рабочих Депутатов, возникли под действием меньшевистской пропаганды, приводят факты и документы, говорящие о распространении и организации меньшевиков того периода, идеи «революционного самоуправления» и «рабочего съезда» Аксельрода [3].

Действительно, идея революционного самоуправления усиленно пропагандировалась меньшевиками в 1905 году. Так, в передовой статье № 101 новой «Искры» в связи с положением о булыгинской Думе говорится: «Необходимо теперь же,

---

[1] Л. Троцкий. «1905». Гос. Изд. М. 1922 г., стр. 107.
[2] Л. Троцкий. «Моя жизнь». Изд. Гранат. Берлин 1930 г., т. I, стр. 202.
[3] О взглядах меньшевиков см. «Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова». «Русск. революц. арх.», Берлин 1921; Рубен (Радин-Кнуньянц). «Первый Совет Рабочих Депутатов» («Образование» № 5 1906); Евгений (Маевский). «Петербургский Совет Раб. Деп.» («Отклики современности», № 5 1906); В. Войтинский «Годы побед и поражений», Берлин 1923, кн. I; сб. «История Совета Рабочих Депутатов», изд. Глаголева; статьи Парвуса, Дана в «Искре».

в связи с предстоящими выборами в Думу, развить самую широкую агитацию и заложить основы широкой рабочей партии...» «... Полулегальные, самовольно образующиеся рабочие агитационные комитеты должны быть образованы немедленно...» «... Ненародным выборам по земскому положению 1864 года они должны противопоставить идею народных выборов всеобщим, равным, прямым, тайным голосованием. Они должны звать все слои населения, городского и сельского, немедленно приступить к осуществлению этой идеи и одновременно с тем, как будут выбираться «законные» депутаты, выбирать своих собственных, действительных представителей. Уездные и губернские собрания таких представителей революционного народа с возможностью посылки ими своих депутатов на общероссийское собрание могут создать мощную организацию для всего революционного движения, направленного на завоевание всенародного учредительного собрания» [1].

В этой статье меньшевик Ф. Дан рисовал себе дело так, что путем подобных революционных выборов будет создан общероссийский революционный центр, который и послужит опорой создания или созыва Учредительного Собрания. Не говоря уже о том, что неправильность этой тактики, построенной в связи с «булыгинской конституцией», вскоре сметенной вихрем революции, была очень скоро доказана жизнью, необходимо подчеркнуть, что Ленин гораздо раньше пустил в оборот идею диктатуры пролетариата и крестьянства,— идею, ни в какой степени не связанную с какой бы то ни было правительственной «конституцией», а возлагавшую единственную надежду на революционное творчество рабочих и крестьян и активность революционной социал-демократии. Стало быть, говорить о том, что именно меньшевистские идеи о революционном самоуправлении содействовали возникновению Советов, по меньшей мере, рискованно [2]. Действительно, ближайшее рассмотрение фактов массового рабочего движения уже начала 1905 года показывает это. Не подлежит ни малейшему сомнению, что, несмотря на то, что особенно в начале 1905 года рабочие массы, как выражается Ленин, «творили историю без социал-демократии», пропаганда и агитация социал-демократии имела огромное значение. В самом деле, в январские дни в Петербурге широкие массы рабочих шли за гапоновцами и очень часто не хотели даже слушать социал-демократов, и однако же вскоре после январских событий началось отрезвление и возврат масс к социал-демокра-

---

[1] «Искра» № 101, от 1 июня 1905 г. «К современному положению».

[2] См., напр., статью А. Кузовлева «Как возник Совет» в сб. «История Совета Рабочих Депутатов г. С.-Петербурга», Спб. 1906.

опирались и первые попытки организации союза весной и летом 1905 года. Вот почему стоит несколько подробнее остановиться на этой форме рабочей организованности, из которой в октябрьские дни вырос Петербургский Совет Рабочих Депутатов» [1].

Такие организации выборщиков или отдельные выборщики остались за Невской заставой на заводах Семянниковском, Обуховском и Александровском, а также на фабриках Паля и Максвеля. Подобные же организации выборных представителей рабочих существовали и на других заводах Петербурга, отчасти возникшие еще до выборов в комиссию Шидловского, отчасти в виде оставшихся от этих выборов депутатов мастерских и цехов.

Так было, напр., за Невской заставой, где тотчас же после событий 9 января рабочие выбрали представителей от мастерских для переговоров с начальством, для руководства стачками, для сбора денег и т. п. функций. В связи с выборами в комиссию Шидловского частью прошли новые депутаты, частью попали старые представители рабочих. Такие же представители мастерских или цехов существовали на других заводах других районов, напр., на заводе Речкина за Московской заставой, на Выборгской стороне, на Васильевском острове, в Городском районе (напр., на Резиновой мануфактуре) [2]. И меньшевистская и большевистская организации в своей партийной работе вынуждены были считаться с этими беспартийными организациями, созданными отчасти стихийно, отчасти под влиянием социал-демократии,— ни одна кампания, ни одна забастовка, ни один митинг в заводе без помощи этих выборных, этого зародыша фабрично-заводских комитетов или заводских выборных советов, успешно пройти не могли.

Интересно то обстоятельство, что и в провинции происходило такое же явление: напр., в Екатеринославе еще в начале года образовалось нечто в роде коалиционного представительства из выборных от заводов (от беспартийных и представителей партий), послужившего исходной точкой для будущего Совета [3].

Что же это были за организации? Прежде всего необходимо подчеркнуть, что эти выборные органы не имели никакого отношения к гапоновскому союзу,— это были либо старые выбор-

---

[1] Комиссия по изучению истории профессионального движения в России. Истпроф ВЦСПС. «Материалы по истории профессионального движения в России», Сб. 2, изд. ВЦСПС, Москва 1924, стр. 215.

[2] С. И. Сомов (Пескин). «Из истории соц.-демократического движения в Петербурге в 1905 г.» («Былое» 1907, апрель и май). См. о возникновении таких органов (депутатов, уполномоченных и т. д.) еще в январе и в сб. «Воспоминания членов Совета Рабочих Депутатов Петербурга» и в 2-томном сб. «Первая русская революция в Петербурге 1905 г.», Л. 1925 г.

[3] См. «Материалы по истории Екатеринославской с.-д. организации большевиков и революц. событий 1904—1905—1906 г.г.», Екат., 1924 г., стр. 130.

там. Об этом говорят десятки свидетелей[1]. Как ни слаба была наша организация в начале 1905 года, социал-демократическая пропаганда и агитация оказали огромное влияние на сознание самых широких рабочих масс. Прежде всего это влияние обнаружилось в связи с кампанией по выборам в комиссию Шидловского. Не входя в детальное обсуждение этого вопроса, здесь необходимо указать на два обстоятельства: во-первых, на то, что меньшевики пытались связать с выборами создание сети подобных комиссий по всей России, и, во-вторых, на то, что рабочие массы «самочинно» революционным чутьем уже тогда нащупывали какие-то особые формы какой-то новой организации[2]. В связи с выборами в комиссию Шидловского рабочие образовали особый институт, нечто в роде института старост, или, вернее, депутатов от цехов и мастерских. П. Колокольников (К. Дмитриев), склонный вообще приписывать инициативу образования Советов меньшевикам, по поводу образования этого института депутатов говорит следующее: «Сам я партийно работал в Невском районе. Здесь с первых же шагов пришлось столкнуться с живым наследием выборной кампании в комиссию Шидловского, в лице выборщиков, сохранивших свои полномочия и превратившихся в фабрично-заводские комитеты после ликвидации комиссии. Тогда вся текущая работа меньшевистской партийной организации, за исключением пропагандистских кружков, переплеталась с коллегиями делегатов выборщиков и опиралась на них. Не менее велика была роль заводских выборщиков как предшественников профессионального союза металлистов: вплоть до 1906 года фабрично-заводское представительство заменяло профессиональный союз, а затем служило исходным пунктом для его организации. На фабрично-заводское представительство

---

[1] См., напр., письмо С. И. Гусева В. И. Ленину («Прол. Рев.» № 3 1922, стр. 167—175: «События пробудили огромную массу сил... кружки оастут, как грибы...» и т. д.

[2] Об этом творчестве масс, независимо от руководителей, Ленин говорит много раз, как это будет видно дальше и в 1905—1908 годах и в 1917 г. См. наприм., в 1917 г. «Задачи пролетариата в нашей революции»: именно такого типа государство начала создавать русская революция в 1905 и 1917 годах. Республика Советов Рабочих, Солдатских, Крестьянских и и проч. депутатов, объединенных Всероссийским Учредительным собранием народных представителей или Советом Советов и т. п.—вот что уже входит в жизнь у нас теперь, в данное время, по инициативе многомиллионного народа, самочинно творящего демократию по-своему, не дожидающегося ни того, как профессора-кадеты напишут свои проекты закона для парламентской буржуазной республики,—ни того как педанты и рутинеры мелкой буржуазной «социал-демократии»... и т. д. соч. В. И. Ленина, т. XX, изд. 3-е, стр. 119-120. О самочинности и стихийности см. также в «Уроках Моековского восстания» т, X, 3-е изд. и во многих других местах статей 1905, 6 и 7 годов.

ные, выдвинутые во время и на случай стачек представители, либо остатки от выборов в комиссию Шидловского, либо, наконец, избранные после кампании, связанные с этой комиссией представители рабочих не только для руководства стачкой, а вообще для защиты и представительства масс (переговоры с администрацией по вопросам заработной платы, распорядков на заводе и т. п.). Это, стало быть, были не только стачечные комитеты, а вообще боевые организации, выдвигаемые ходом революционной борьбы. Коллегии выборщиков, напр., оставшиеся от выборов в комиссию Шидловского, носили на себе явную печать чисто адиминистративного происхождения, в то время как выборные Путиловского завода тотчас после 9 января были выбраны исключительно на случай руководства стачечной борьбой. Это, наконец, были беспартийные неоформленные организации, так как и по существу и по влиянию в них преобладали рабочие беспартийные: ни регулярных собраний, ни уставов эти организации не имели, собирались от случая к случаю, хотя влияние их на рабочую массу было огромно [1]. И еще одна черта характерна для этих, по большей части стихийно создавшихся организаций выборных,— их связь с партийными и с возникавшими с середины 1905 года профессиональными организациями [2]. С партийными организациями они связывались через депутатов-партийцев; так, за Невской заставой большой популярностью пользовались староста Обуховского завода П. А. Злыднев, впоследствии депутат Совета, меньшевик, за Невской заставой — староста Семянниковского завода, меньшевик Гудков, большевик Цыцарин, депутат от—Паля Тюшин, большевик; за Московской же заставой — депутат от фабрики механического производства обуви Суворов, большевик, В. Вылузгин и другие [3].

С профессиональными организациями эти выборные, депутаты, фабрично-заводские организации получали связи просто потому, что ячейки таких выборных депутатов очень часто служили исходными точками создания или зарождения самих союзов.

Стало быть, уже вскоре после январских событий в Петербурге налицо были такие беспартийные неоформленные органи-

---

[1] Пескин в своих воспоминаниях называет именно беспартийных депутатов как наиболее влиятельных и пользововавшихся популярностью; то же самое подтверждает и Колокольников; см., напр., воспоминания Сомова «Былое» 1907 г. апрель, стр. 47-48, и воспоминания Колокольникова, стр. 215-216.

[2] Ленин говоря о возникновении Советов подчеркивает именно «всю их зачатность, стихийность, неоформленность, расплывчатость в составе и функционировании». См. изд. 1-е, т. VII «Победа кадетов и задачи рабочей партии» ч. 1, стр. 121. Здесь же говоритоя, что они создаются вообще «революционными слоями населения», т. е. беспартийными массами.

[3] Тов. Суворов работает и сейчас, а т. В. Вылузгин убит во время гражданской войны.

зации, которые являлись не только стачечными комитетами, а вообще неоформленными беспартийными боевыми организациями рабочего класса: это были не только стачечные комитеты, ибо они существовали не только во время стачки и не только для стачки, но это были и не институты старост, ибо в каждый данный момент такие организации могли превратиться в самый боевой орган пролетариата для достижения какой-либо определенной цели, поставленной себе пролетариатом; это тем более не были зародыши пролетарского самоуправления,— это были просто неоформленные боевые беспартийные органы, выдвигаемые стихийно-революционным движением.

2. Летняя стачка и Совет Рабочих Депутатов Иваново-Вознесенска

Иваново-Вознесенск — один из самых оригинальных центров рабочего движения. Массовое движение там началось давно, еще в 80-х годах прошлого столетия; социалистическая организация ведет свое начало с первой половины 90-х годов, и с первых же своих шагов эта организация носит свой, самобытный, своеобразный характер: в этой организации с самого начала ее существования преобладающую роль играли местные рабочие-социалисты. Отсутствие интеллигенции, слабые связи с такими центрами, как Петербург и Москва, необыкновенно трудные условия для работы приезжего революционера-профессионала на заре социал-демократического движения в Иванове — все это очень скоро способствовало выделению руководителей рабочих—организаторов, пропагандистов, агитаторов; достаточно назвать хотя бы таких выдающихся рабочих, как Д. Талантов и Р. М. Семенчиков.

Этим, может быть, и объясняется то обстоятельство, что «экономизм» находил себе приверженцев в Иваново-Вознесенске еще в 1904 году. По крайней мере, по словам т. В. С. Смирнова, обособленная группа с уклоном к экономизму (руководимая т. Дунаевым) прекратила свое существование только весной этого года [1]. Но и раньше Евдокимов и Кондратьев, несомненно, являлись приверженцами трэд-юнионистского рабочего движения [2]. Зато среди ивановских рабочих никогда не пользовались успехом ни зубатовцы, ни гапоновцы, ни ушаковцы, ни какое-либо иное течение «полицейского социализма».

---

[1] В. С. Смирнов. «Рабочее движение в Иваново-Вознесенске в 1905 г.», Иваново-Вознесенск 1924, стр. 7.

[2] Один из старейших участников ивановского движения т. М. Багаев склонен отрицать это, говоря о том, что Кондратьев и Евдокимов уже в Харькове превратились в узких экономистов («Прол. Рев.», 1925, № 2 (37), стр. 236). Так ли это? А чем, как не узким-преузким трэд-юнионизмом и эконо-

Стихийное рабочее движение января 1905 года мало затронуло сырую, неразвитую толщу ивановских рабочих. Но накаленная атмосфера соседних центров движения (Москва, Орехово-Зуево и т. п.) оказывала свое влияние и на ивановцев, тем более, что экономическое положение рабочих Иваново-Вознесенского района было поистине ужасно.

12 мая 1905 года началась замечательная стачка иваново-вознесенских рабочих,— стачка, сыгравшая огромную роль в истории русского рабочего движения [1]. Чем же замечательна эта стачка? В этом движении иваново-вознесенские рабочие стихийно выдвинули такой орган, такую форму организации, какую с полным правом приходится считать высшей формой организации по сравнению с теми, что были выдвинуты до этого момента и образцами которых являются весенние организации Петербурга и, как увидим ниже, других городов.

В самом деле, как определяет Ленин Советы Рабочих Депутатов в 1905 году, в самый момент их образования, в то время, когда они только что создавались? «Совет Рабочих Депутатов,— говорит он в статье, напечатанной в 21 номере «Новой Жизни», от 25 ноября 1905 года,— не рабочий парламент и не орган пролетарского самоуправления, а боевая организация для достижения определенных целей».

«В эту боевую организацию,— продолжает он,— входят на началах временного, неоформленного боевого соглашения представители Российской Социал-Демократической Рабочей Партии (партии пролетарского социализма), партии «социалистов-революционеров» (представители мелкобуржуазного социализма или крайняя левая революционной буржуазной демократии), наконец, много рабочих «беспартийных». Эти последние являются, однако, не вообще беспартийными, а лишь беспартийными революционерами, ибо их сочувствие всецело лежит на стороне революции, за победу которой они борются с беззаветным энту-

---

мизмом проникнут устав «Ив.-Вознесенского рабочего союза» 1895 года? А ведь он был написан Евдокимовым и принят Ивановской организацией. Факты — упрямая вещь. Не убедительны аргументы т. Багаева и в его книге, изданной в 1930 г.: М. А. Багаев. «За десять лет. Соц.-дем. организация в Ив.-Возн. районе с 1892 по 1902 г.». Аргумент, приводимый т. Багаевым: жандармы обвиняли рабочих в безбожии. Можно не верить в бога и быть самым завзятым оппортунистом. Сам же т. Багаев не может отрицать того факта, что экономизм в Ив.-Вознесенской организации все же был.

[1] Ход и причины стачки описаны подробно т. Ф. Н. Самойловым «Воспоминания об ив.-вознесенском рабоч. движении 1903—1905 гг.», М. 1922; Р. С. Смионовым, «Стачечное движение в Иваново-Вознесенске в 1905 г.», Ив.-Возн. 1924; П. М. Экземплярским, «Очерки по истории рабочего движения. в Ив-Возн.». вып. 1. Ив.-Возн. 1924; см. также: «Пролетарий» за 1905 г., №№ 4, 5, 9, 10, 13, «Голос Труда», орган Моск. Ком. РСДРП, № 5 за 1905 г., а также Ист.-рев. арх., деп. пол., особ., отд., 1905 г., д. № 4, ч. 30, тт. I и II.

зиазмом, энергией и самоотвержением...» [1]. Остановимся пока на этом определении.

Была ли образованная ивановскими рабочими организация обыкновенным стачечным комитетом? Конечно, нет. Это был и стачечный комитет и «боевая организация для достижения определенных целей»— своеобразный стачечный комитет. Прежде всего, если отбросить социалистов-революционеров, которых в Иванове не было, то в эту ивановскую организацию действительно, как говорит Ленин, входили на началах боевого соглашения представители Российской Социал-Демократической Рабочей Партии и беспартийные рабочие-революционеры. Руководство Советом находилось в руках социал-демократии.

«...Вообще, — говорит т. Самойлов, — решения, принимаемые Советом, диктовались руководящим центром городской социал-демократической организации» [2]. По словам участников стачки (Самойлова и других), на заседаниях и президиума и пленума присутствовали и выступали социал-демократы.

Далее, в чем Ленин еще видит отличие Советов от всякой другой организации? В том, что это — новые органы революционной власти. Говоря о периоде «исторического творчества народа», т. е. о 1905 годе, Ленин указывает, что это творчество выразилось в захвате народом политической свободы и в создании новых органов революционной власти — советов рабочих, солдатских, железнодорожных, крестьянских депутатов, новых сельских и городских властей и т. п.

«Эти органы, — говорит он, — создавались исключительно революционными слоями населения, они создавались вне всяких законов и норм всецело революционным путем как продукт самобытного народного творчества, как проявление самодеятельности народа, избавившегося от старых полицейских пут. Это были, наконец, именно органы власти, несмотря на всю их зачаточность, стихийность, неоформленность, расплывчатость в составе и функционировании» [3].

Какие элементы отличают, таким образом, Советы 1905 года от всякой иной организации? Их три: а) классы, создающие Совет, б) способ создания Совета и в) цели, для которых создается Совет.

Советы создают революционные и только революционные классы населения, — не помещики, не капиталисты, не индифферентная и трусливая мелкая городская буржуазия, а ре-

---

[1] В. И. Ленин. Собр. соч., Изд. 1-е, т. VII, ч. 1, стр. 40.

[2] Ф. Н. Самойлов. «Воспоминания об ив.-вознесенском рабочем движении 1903—1905 гг.», ч. I, стр. 44.

[3] В. И. Ленин. «Победа кадетов и задачи рабочей партии». Собр. соч., изд. 1-е, т. VII, ч. I, стр. 121.

волюционные слои населения: рабочие, крестьяне, мелкие служащие и т. п. Советы создаются не по писанному закону старой власти, а революционным путем, самочинно, огромной активностью масс. Советы создаются для того, чтобы овладеть властью. Советы — сама власть. Отвечает ли указанным признакам организация, созданная в Иванове в мае 1905 года? Кто создал Ивановский Совет? Революционные иваново-вознесенские рабочие. Как создали ивановские рабочие свой Совет? По писанному закону, по установленным юридическим нормам? Стоит только прочесть в «Пролетарии»[1] описание выборов в Совет, когда тридцатитысячная масса рабочих собралась 13 мая 1905 года на берегу Талки, чтобы понять, что никто рабочим не подсказывал этих выборов, что ими была проявлена огромная самодеятельность, что каждый рабочий и работница в этот момент были творцами своей организации.

Для чего был создан Ивановский Совет?

Здесь педанты и доктринеры скажут: а вот третьего и главного элемента, признака власти, в Ивановском Совете и нет. В самом деле, т. Самойлов говорит: «Бастующими рабочими было избрано около ста депутатов для переговоров от имени всех бастующих как с хозяевами, так и с представителями власти, а также для руководства стачкой»[2]. Да, это, конечно, так. Иваново-Вознесенский Совет был избран для руководства стачкой; а разве Петербургский Совет, Одесский, Новороссийский, Ростовский и другие не выбирались, между прочим, и для этой цели? Выбирались. Не в том суть. Что делает Советы органами революционной власти? Что по этому вопросу говорит Ленин? Они действовали, как власть, захватывая, напр., типографии (Петербург), арестуя чинов полиции, препятствовавших революционному народу осуществлять свои права (примеры бывали тоже в Петербурге). «Они действовали, как власть, обращаясь ко всему народу с призывом не давать денег старому правительству. Они конфисковывали деньги старого правительства (железнодорожные стачечные комитеты на Юге) и обращали их на нужды нового, народного правительства,— да, это были, несомненно, зародыши нового, народного, или, если хотите, революционного правительства»[3].

Скажут на это: Иваново-Вознесенский Совет не захватил ни одной типографии. Да, в Иваново-Вознесенске ни в одной легальной типографии не печатались «Известия», но зато без разрешения Ивановского Совета ни в одной типографии вооб-

---

[1] «Пролетарий» 1905 г. № 5, стр. 3.
[2] Ф. Н. Самойлов. «Воспоминания», стр. 44.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. VII, ч. 1, изд. 1-е, стр. 121.

ще ничего нельзя было напечатать. Вот что по этому поводу рассказывает т. Ф. Н. Самойлов: «...И еще более ухудшилось настроение фабричной инспекции после того, как было отказано в просьбе какого-то представителя власти разрешить напечатать срочную бумагу в одной из бастующих типографий, с которой последний обратился в Совет Рабочих Депутатов...». Спрашивается, не равносилен ли захват типографии такому положению, когда рабочие, не захватывая типографии, являются фактически ее хозяевами и фабричный инспектор не может без разрешения рабочих напечатать ни одной строчки? Кто власть, Ивановский ли Совет или старая власть, органом которой был фабричный инспектор? Сомнений быть не может, если принять во внимание, что у самого-то Совета была такая свобода печати, какой до этого момента в Иванове не было никогда, и что типография Ивановской социал-демократической организации совершенно свободно выпускала прокламации и воззвания, которые заменяли «Известия» других Советов, организовавшихся впоследствии.

Могут сказать, что Ивановский Совет не совершил ни одного акта, подобного тем, какие совершал, напр., Петербургский Совет и о каких говорит Ленин. Да, Ивановский провинциальный Совет не издавал (да и не мог издать, как провинциальный Совет) обращения ко всей России с просьбой не давать денег русскому правительству; но Ивановский Совет, напр., осуществил на деле такую свободу собраний и слова, каких до этого момента никогда не имели ивановские народные массы: он, как настоящая власть, занимал под собрания городские помещения (здание управы), устраивал митинги, и этому не могло помешать даже побоище, организованное старой властью. Само собой ясно, что без разрешения Советов старая власть, располагая войсками и ружьями, все-таки не имела силы пустить в ход ни одной фабрики, ни одного предприятия. На заседаниях Совета было постановлено: 1) избранному Совету Рабочих Депутатов руководить стачкой; 2) никаких сепаратных переговоров не допускать; 3) всем стачечникам вести себя скромно и организованно; 4) к работе приступать только по решению Совета Рабочих Депутатов. Действительно, мы видим, что ни одного сепаратного действия не только ни один рабочий, ни один завод, ни одна фабрика не предпринимали до тех пор, пока 25 июня, после полуторамесячного существования, депутаты не постановили сложить с себя полномочия и закончить стачку.

Нечего говорить о том, что именно Совет, как власть, организовал охрану фабрик и заводов и вообще всего имущества в городе, и до тех пор, пока эта новая власть существовала в городе, ни один фунт муки, ни один кусок хлеба не был похи-

щен голодными рабочими; именно после того, как депутаты сложили с себя полномочия, начался разгром лавок.

Тов. П. Горин держится того мнения, что отожествлять Ивановский Совет с позднейшими Советами нельзя и что такое отожествление происходит только в силу формальной терминологии. «Таким образом, — говорит т. Горин, приводя экономические требования Иваново-Вознесенского Совета, — если Иваново-Вознесенский Совет и считают первым Советом, то исключительно по формальной терминологии, но не по его деятельности в смысле предрешения основных характерных черт деятельности Советов в 1905 году».

«В этом смысле отожествление Ленинградского, Московского и провинциальных Советов с Иваново-Вознесенским является неверным так же, как неверно отожествление стачечных комитетов с Советами» [1].

Прежде всего неверно считать Иваново-Вознесенский Совет простым стачечным комитетом, как это делает т. Горин, приводя в виде доказательства экономические требования иваново-вознесенских рабочих. Требования экономического характера ивановцами были предъявлены, но т. Горину, повидимому, неизвестно, что тот же самый Иваново-Вознесенский Совет предъявил и требования политические, что требования эти были приняты на пленуме Совета и что на пленуме же Совета было решено, собрав подписи рабочих, отправить требования министру внутренних дел. Это и было сделано.

Об этом ясно говорит такой участник стачки, как т. Ф. Н. Самойлов: «Политические требования были отпечатаны; под ними подписались депутаты с точным указанием предприятия и должности, а затем был собран не один десяток тысяч подписей остальных бастующих. В виде петиции требования эти были отосланы по назначению» [2].

В деле о рабочем движении в Иваново-Вознесенске эти требования, написанные, повидимому, рукой секретаря Совета, имеются, с подписями председателя и всех депутатов Совета.

Этот драгоценный документ говорит о том, что в ходе забастовки и иваново-вознесенские рабочие и их Совет не стояли на месте, а двигались вперед.

В этих требованиях уже нет ни одного экономического пункта: здесь все,— и свобода слова, и свобода собраний, и свобода

---

[1] П. Горин. «Очерки по истории Советов Рабочих Депутатов», М. 1925 стр. 8. См. об этом же и во втором издании книги 1930 г.

[2] Ф. Н. Самойлов. «Воспоминания об иваново-вознесенском рабочем движении в 1903—1905 гг.». М., 1922, стр. 52.

союзов, и созыв учредительного собрания,— все пропитано той политикой, которая так характерна для Советов 1905 года [1].

Только то обстоятельство, что т. Горин не знает, что, кроме экономических требований, Иваново-Вознесенский Совет в самый разгар стачки (недели через три после ее начала) предъявил министру внутренних дел еще и общеполитические требования, и дало ему право сказать: «Выставленные требования и наказ, данный Совету общим собранием, указывают, что возникшая 15 мая общерабочая организация по существу представляла собой стачечный комитет» [2].

Нельзя, конечно, отрицать, что Иваново-Вознесенский Совет сначала был чисто стачечным комитетом, но нельзя отрицать и того, что постепенно в ходе стачки он перерастал узкие рамки только стачечного комитета и превращался во что-то другое. Ведь и Петербургский Совет сначала назывался, как увидим ниже, тоже только стачечным комитетом и только в ходе стачки (правда, очень быстро) изменил свое название.

Во что же превращался иваново-вознесенский стачечный комитет в ходе борьбы? В особого рода стачечный комитет, в котором уже проглядывали черты будущего Совета.

Вне сомнения, Иваново-Вознесенский Совет не боролся с оружием в руках за власть, но ведь и Петербургский Совет тоже не боролся за власть с оружием в руках, как это делали Московский, Ростовский и Красноярский Советы, и однакоже, только по этой причине никто не станет утверждать, что Петербургский Совет не был Советом.

Иваново-Вознесенский Совет возник в такой момент движения, когда ни о немедленном восстании, ни о переходе войска на сторону революции практически вопрос не ставился, но в ходе стачки события в Польше и в Крыму, несомненно, оказали влияние и на ивановцев.

Неверно, вне сомнения, отожествлять Советы со стачечными комитетами. Это утверждение, однако, нисколько не опровергает того мнения, что Советы 1905 года родились не сразу и что прежде, чем выявилась та организация, в которой мы находим существенные черты Совета, шел довольно быстрый процесс превращения всякого рода боевых беспартийных рабочих организаций, в том числе и стачечных комитетов, в Советы.

---

[1] Требования эти опубликованы (дан их фотографический снимок) в новой книге Ф. Н. Самойлова: «Первый Совет рабочих депутатов», изд. «Молодая гвардия», 1931 г. В пункте 6 есть требование созыва учредительного собрания.

Удивительно, что т. Горин, работавший с этим делом об иваново-вознесенской стачке, не нашел этого документа. Ист.-рев. арх., деп. пол., особ. отд. 1905 г., № 4, ч. 30, тт. I и II.

[2] П. Горин. «Очерки» 1-е изд., стр. 6.

Одним из моментов такой эволюции и был Иваново-Вознесенский Совет.

Есть еще признаки, отличающие Ивановский Совет от обычного стачечного комитета.

Как только Ивановский Совет организовался, так сейчас же был избран президиум Совета, орган, несомненно, аналогичный исполнительным комиссиям или исполнительным комитетам следующих Советов. Были у Совета и председатель, и секретарь. «В президиум Совета,— говорит Самойлов,— вошли: председателем А. Е. Ноздрин, секретарем Н. П. Грачев, а вторым и третьим секретарями Добровольский и Суховский и казначеем т. Царский» [1].

Ни в одном стачечном комитете, ни в какой забастовке не было ни президиума, ни председателя, ни секретарей; ни один стачечный комитет не устраивал таких собраний своих депутатов, как это делал президиум Ивановского Совета, когда собирал пленум Совета, где делал отчеты о ходе стачки, о переговорах с предпринимателями и с властями, обсуждал вопросы о безработице [2]. Ни один стачечный комитет не требовал суда над виновниками избиения, устроенного полицией 3 июня, ни один стачечный комитет не обращался к правительству с политическими требованиями, как это сделал Иваново-Вознесенский Совет. Нечего говорить, что Иваново-Вознесенский Совет, как и следующие Советы, организовал и подсобные организации, как, напр., комиссию для сборов в пользу безработных, отряды для охраны фабрик и заводов и т. п.

Относительно сущности новой организации, созданной ивановскими рабочими, не задумывались революционеры, ибо им тогда некогда было заниматься этим, но эту сущность прекрасно поняла буржуазия, орган которой «Новое Время» точно и ясно называл вещи своими именами, когда писал: «Если присмотреться ко всему тому, что проделывалось здешними забастовщиками, то придем к заключению, что здесь забастовкой руководят умелые головы. Здесь видна система. Так, рабочие, начав забастовку, избрали из своей среды Совет Рабочих Депутатов, всего до 150 человек, которых и уполномочили вести переговоры как с фабрикантами, так и с властями» [3]...

Совет Депутатов — этот новый, а не какой-либо другой термин употребляет буржуазная газета; Совет Депутатов —

---

[1] Ф. Н. Самойлов. «Воспоминания», стр. 44.

[2] Здесь разумеется не вообще любой стачечный комитет, может быть, когда-либо и где-либо имевший председателя и уж, наверное, выставлявший политические требования, а те стачечные комитеты, которые руководили экономическими стачками и которые никак нельзя сравнивать с Ивановской организацией, созданной летом 1905 г.

[3] В. С. Смирнов. «Рабочее движение в Ив.-Возн. в 1905 г.», стр. 69.

этот термин отныне подхватят рабочие других городов, и он будет становиться все популярнее и популярнее [1]. Нашему Центральному району еще раз пришлось сыграть большую роль в истории русского рабочего движения: как в 1885 году орехово-зуевская Морозовская стачка, по словам Плеханова, была поворотным пунктом русского рабочего движения, так и теперь, через двадцать лет, в 1905 году иваново-вознесенская стачка явилась моментом, когда были созданы невиданные еще в мире организации — Советы Рабочих Депутатов, эти создания «самобытного, народного», революционного творчества рабочих масс. И не случайность — появление этих зародышевых советских форм именно в гуще рабочих масс исконного центра русского рабочего движения, в Иваново-Вознесенске [2].

Итак, иваново-вознесенская стачка лета 1905 года создала новую форму организации борющихся рабочих масс, неизмеримо более высокую, чем все те беспартийные организации — фабрично-заводских старост, уполномоченных, депутатов,— которые появились в Петербурге (да и в остальной России) еще весной этого года. Следовало ожидать, что развивающееся массовое движение в своем дальнейшем ходе, беря за исходный пункт результаты, достигнутые в Иванове, пойдет дальше и будет совершенствовать те боевые органы, какие были созданы там. Действительно, уже в июле в Костроме, а затем в августе и сентябре в Москве, на основе ивановского опыта, возникают организации гораздо более высокие по типу, чем в Иванове, и в некоторых отношениях гораздо более близкие октябрьским Советам, чем их предшественник [3].

---

1 Число депутатов было не около сотни, как говорит т. Самойлов, и не 150, как утверждает «Новое Время», а 110; см. списки (неполные) у П. Экземплярского, в конце книги; точный и полный список находится в петиции, поданной правительству. Ист.-рев. арх., деп. пол., особ. отд., 1905 г., д. № 4, ч. 30, тт. I и II.

2 Это выражение В. И. Ленина (т. VII, ч. 1, стр. 121, «Победа кадетов и задачи рабочей партии») не следует конечно понимать в том смысле, что какой-то самобытный русский дух проявился в Советах; В. И. Ленин говорит о «революционном творчестве пролетариата, действовавшего самобытно», т. е. революционно, а не по какому-либо трафарету или указке.

3 Тов. П. Горин во втором издании своей работы не только продолжает упорно отрицать, что Иваново-Вознесенский Совет Рабочих Депутатов не был одной из зародышевых форм Советов октябрьских дней, но и упрекает меня в недостаточном понимании природы этих организаций. «... Основная ошибка т. Невского в недооценке целей Совета. Отвечая на третий вопрос — о целях, для которых создается Совет,— т. Невский к сожалению обнаруживает недостаточное понимание того, что основной признак, отличающий Советы от предшествующих рабочих организаций, в том, что Советы Р. Д. своей задачей ставили борьбу за власть и в ряде мест превратились в 1905 году даже в единственные революционные органы власти» (стр. 23 «Очерков по истории Советов Рабочих Депутатов в 1905 году», 2-е изд., М. 1930). Чтобы читателю была ясна вся глубина моего теоретико-

методологического падения, приведем еще одну выдержку из работы т. Горина: «Источник ошибки т. Невского несравненно глубже, так как отличие Советов Р. Д. от других рабочих организаций т. В. Невский видит в трех следующих элементах: «а) классы, создающие Советы, б) способ создания Советов и в) цели, для которых создается Совет». Расшифровка же т. Невским этих трех основных признаков, отличающих Советы от других форм рабочего движения, не может быть признана удовлетворительной» (стр. 21 и 22 «Очерков»). Затем, приведя мою фразу: «Советы создают революционные и только революционные классы населения», т. Горин утверждает: «Такой ответ на вопрос, какие классы создают Советы,— конечно, не может быть признан удовлетворительным и неверен по существу» (стр. 22 «Очерков»).

Посмотрим же сейчас, удовлетворителен и верен ли по существу мой ответ и кого обвиняет в заблуждении т. Горин.

Давая свои формулировки, я их не выдумывал, а просто изложил своими словами определение природы Советов 1905 года Ленина. Определение это находится в работе Ленина «Победа кадетов и задачи рабочей партии» (Собр. соч., 1-е изд., т. VII, ч. I, стр. 121). Вот что здесь мы читаем: «...2) создание новых органов революционной власти,— советы рабочих, солдатских, железнодорожных, крестьянских депутатов, новые сельские и городские власти и проч. и т. п. Эти органы создавались исключительно революционными слоями населения (мой первый признак, т. Горин!), они создавались вне всяких законов и норм, всецело революционным путем, как продукт самобытного народного творчества, как проявление самодеятельности народа, избавившегося или избавляющегося от старых полицейских пут (мой второй признак, т. Горин!). Это были именно органы власти...» (мой третий признак, т. Горин!).

Так в чем же дело, т. Горин? Как видно, моя расшифровка — это расшифровка Ленина. Тов. Горин дальше поясняет: «Видеть в качестве основного признака Советов их самочинное, стихийное появление неверно, так как стихийность более характерна для стачечных комитетов, чем для Советов Р. Д.» (стр. 22 «Очерков»).

У Ленина, т. Горин, говорится следующее: «Это были, наконец, именно органы власти, несмотря на всю их зачаточность, стихийность, неоформленность, расплывчатость в составе и в функционировании» (подчеркнуто мной, — В. Н.). Так как же, т. Горин? И Ленин, по вашему, к сожалению обнаружил недостаточно глубокое понимание природы Советов?

Тов. Горин говорит, чтобы вразумить меня и исправить мое глубокое непонимание и мое методологическое невежество: «Совет Р. Д. является революционной организацией только в период, когда пролетариат является гегемоном революционного движения, и, следовательно, Совет Р. Д. есть орган борьбы пролетарских масс, как гегемона революции, и под его руководством протекает борьба крестьянства, мелких служащих и т. п.» (стр. 22 «Очерков»).

Что пролетариат гегемон революции, это теперь известно школьнику первой ступени. Школьнику первой ступени известно, что и такая, напр., организация, как ВКП(б) или большевистская организация 1905 года, была и есть организацией гегемона.

Ленин говорит, что природа революции 1905 года становится ясной тогда, когда мы уясним себе, что пролетариат был не только гегемоном революции, но таким гегемоном, который использовал особый способ борьбы, массовую политическую стачку.

«Русская революция была вместе с тем и пролетарской не только в том смысле, что пролетариат был руководящей силой, авангардом движения, но

и в том смысле, что специфически пролетарское средство борьбы, именно стачка, представляло главное средство раскачивания масс и наиболее характерное в волнообразном нарастании решающих событий» («Лен. сб.», т. V, стр. 25).

Так говорит Ленин и добавляет, что без изучения смены форм этой борьбы нельзя понять и революции 1905 года, и что в результате этой борьбы и этой смены форм и явились революционные органы.

Вот эту смену форм я и пытаюсь изучать, когда стараюсь проследить генезис Советов. В «Двух тактиках» Ленин говорит, что и революционная диктатура пролетариата и крестьянства имеет свое прошлое и будущее: вот это прошлое Советов октября, ноября и декабря 1905 года и нужно изучить. Тов. Горин даже не пытается это сделать.

В конце концов не важно, к а к о й из Советов следует считать первым. Ленин обращает внимание на то, к а к возникают советы и к а к и е классы создают Советы, ибо, уяснив это, уясняешь природу Советов, как органов революционной власти.

По Ленину, Советы «создавались вне всяких законов и норм, всецело революционным путем, как продукт самобытного революционного творчества, как проявление самодеятельности народа»... Ленин иногда заменял эти термины словом «самочинно», Ленин не отрицает «зачаточность, стихийность, неоформленность, расплывчатость в составе и в функционировании» этих органов, а т. Горин обвиняет меня в том, что я употребляю слово «самочинность», и, отрицая эту самочинность, этот продукт революционного творчества, эту стихийность, утверждает, что Советы, «почти как правило, возникали по почину с.-д. организации». См. Соч. изд. 1-е, «Победа кадетов и задачи раб. партии».

Посчитаем и увидим, правильно ли это «почти как правило».

Петербургский Совет возник не по почину с.-д; о Тверском Совете сам т. Горин говорит, что он непосредственно возник из стачечных комитетов (стр. 285 «Очерков»); поводом к возникновению Костромского Совета, по словам самого же т. Горина, послужила стачка на фабриках Михиной и Зотова, где и выбрали первых депутатов; Киевский Совет, по словам того же т. Горина, возник с т и х и й н о; Екатеринославский Совет Рабочих Депутатов вырос из «выборной комиссии от рабочих» (депутаты предприятий и жел. дор.); Луганский Совет образовался из стачечного комитета завода Гартмана; Воткинский Совет возник из забастовочного комитета; Читинский Совет создался также стихийно; Александровский Совет возник тоже первоначально как стачечная организация; из стачечных организаций выросли Советы в Либаве и Ревеле.

Если даже не считать таких Советов, как Надеждинский, который т. Горин не считает за Совет, и Сулинский, то и то из тридцати Советов, о которых существуют известия, по крайней мере треть возникли не по инициативе с.-д. Возникшие определенно по инициативе с.-д. Советы следующие: Московский, Новороссийский, Ростовский, Николаевский, Самарский, Бакинский, повидимому Таганрогский, Юзовский, Мариупольский. Об остальных мы ничего достоверного сказать не можем. Но и не в этом дело, что с.-д. принимают участие в организации Советов. Ленин считает не это характерным для Советов (не удивительно, что после 9 января с.-д. идет впереди масс): Советы — это продукт революционного, народного и, значит, в той или другой степени, самочинного творчества масс. «Почти правило» т. Горина, таким образом, оказывается далеко не правилом.

В частности, что касается Ивановского Совета, то, конечно, в нем нет того важного третьего признака Совета, о котором говорит Ленин: это не орган власти в том, напр., смысле, как Красноярский или Новороссийский Советы, и не орган восстания, как, напр., тот же Красноярский или Москов-

ский Советы. Это, конечно, верно. Но, во-первых, разве все Советы обладали такой же полнотой власти, как напр., Красноярский Совет? Ведь даже такой орган восстания, как Московский Совет, не мог похвалиться, что он целиком заменил старую власть. В разных местах и разные Советы достигали этой высшей ступени по-разному и не в одинаковой степени: в то время как Красноярский Совет целиком сместил старые власти, а Московский Совет был подлинным органом восстания, Одесский Совет ни в какой мере не может быть характеризован такими признаками. В то время как Новороссийский Совет изгоняет губернатора и превращается в орган власти, не будучи таким органом восстания, как Московский Совет, Бакинский Совет ни в какой мере не был органом восстания. Во-вторых, даже если бы «почти правило» т. Горина было всеобщим правилом, то и тогда можно и следует ему ответить: ведь соц.-демократия-то была разная. Там, где большевики стояли во главе движения или где они преобладали, там в большинстве случаев и Советы превращались в органы восстания. В-третьих, случалось и так: социал-демократов-большевиков почти не было в Советах или было их мало, а дело доходило до восстания: логика движения приводила к восстанию. Так было, н пр., в солдатских Советах в Сибири.

Все дело в том, что Советы, вырастающие из множества самых разнообразных боевых организаций, в свою очередь возникавших как продукт революционного, самочинного творчества масс, быстро меняли свои формы при смене форм той массовой политической борьбы, главной формой которой, по мнению Ленина, была массовая политическая стачка, и смотря по обстоятельствам, превращались то в самую высшую форму органа восстания и власти, какая только была мыслима в 1905 году, то останавливались на полпути и дальше организатора стачки не шли, то даже оставались зародышем власти.

Революционная соц.-демократия, разумеется, имела огромное значение в этом процессе, это бесспорно. Но при изучении истории Советов важно разрешить вопрос о генезисе Советов: как, из каких организаций возникли Советы, кто создавал Советы, какие классы, какие слои этих классов,— словом важна та смена форм борьбы и органов борьбы, об изучении которых говорит Ленин в своем замечательном докладе о революции 1905 года (см. «Ленинский сборник», т. V).

Вот с этой точки зрения и нужно судить и об Ивановском и о других Советах. Тов. Горин говорит, что Ивановский Совет не предъявлял политических требований и что только в ходе борьбы рабочие стали выдвигать и политические требования. В деле б. департамента полиции есть документ — политические требования Ивановского Совета, под которым стоят собственноручные подписи депутатов по предприятиям. Об этом, как мною указано, говорит и т. Ф. Н. Самойлов.

В ходе борьбы ивановские рабочие, а вместе с ними и Совет, возвышались до понимания общеполитических требований Еще не настал момент, когда смена форм массовой политической стачки приводила к восстанию, и потому Ивановский Совет и был только зародышем развитой формы Советов 1905 года.

Эту простую истину об изучении смены форм массовой стачки в России 1905 года не понял т. Горин, а поэтому он не понял и развития советской формы в 1905 году.

Совсем уже странным кажется упрек т. Горина, что я не понимаю, что Советы 1905 года были органами власти. Нужно обладать большой долей невнимания к тому, что пишет противник, чтобы сделать мне такой упрек. Поэтому я и не буду распространяться на эту тему.

(Непонимание т. П. Гориным Ленинского определения природы Советов и склонность его к троцкистскому объяснению всей революции 1905 г. См. «Каторга и Ссылка» 1931 г. № 4 (П. Парадизова «О книге П. Горина»).

3. Костромская стачка и совет рабочих депутатов в июле 1905 года[1]

Под влиянием иваново-вознесенской стачки вспыхнула и забастовка в Костроме.

Стачка началась 2 июля на Кашинской фабрике. До 7 июля правительству, пустившему в ход черную сотню, удавалось частично дезорганизовать стачку, но 7 июля революционное движение взяло верх, и стачка стала всеобщей. И здесь, как в Иванове, тот забастовочный орган. какой выдвинуло стихийное движение, очень скоро приобрел такой характер, что напрасно мы стали бы искать в нем типичные черты обычного стачечного комитета: это орган такого же характера, как и Иваново-Вознесенский Совет Рабочих Депутатов, при чем в нем появляются некоторые новые черты, еще более приближающие его к типичному Совету 1905 года.

Прежде всего, как и в Иванове, новый орган в Костроме получил название Совета, или депутатского собрания. Образование его произошло также революционным путем, вне всяких установленных законом правил, образовали его революционные беспартийные рабочие при участии социал-демократов. Самые выборы, в подражание иваново-вознесенским рабочим, произошли на берегу р. Костромы, на огромном общем собрании (до 8 тысяч чел.); выбрано было 108 депутатов.

Этот Совет Депутатов, собиравшийся два раза в день, выделил из себя стачечную комиссию и совершенно новый орган, который в Иваново-Вознесенске еще не существовал,— не только комиссию по безработице, но и милицию. О том, насколько Костромской Совет сделал шаг вперед по сравнению с Иваново-Вознесенским, видно из прекрасной корреспонденции в «Пролетарии» от 19 июля 1905 года:

«Костромская стачка,— говорится здесь,— длящаяся уже три недели, имеет громаднейшее значение. Бастующая масса под давлением социал-демократии выделяет из себя демократические органы, которые очень скоро легализуются, становясь официальными, всеми признаваемыми центрами. Губернатор говорит с председателем депутатского собрания, фабриканты против своей воли говорят со всеми депутатами, дума обращается к депутатскому собранию рабочих с официальными бумагами и запросами. Сегодня утром было столкновение между полицией пригородных сел и милицией. И полиция с милицией вела пере-

---

[1] О костромской стачке см. М. Ростопчина, «Очерки по истории революционного движения в Костроме», Кострома, 1922; «Пролетарий» 1905 г. №№ 5, 11, 14.

говоры через парламентеров. Как депутатское собрание, так и милиция останутся после стачки»[1].

Разве не ясно, что это не обычный стачечный комитет, а боевой орган революционных рабочих, созданный ими для определенных целей? Это станет еще более ясным, если указать, что под давлением Совета Депутатов, по его заявлению, созывается экстренное заседание городской думы, где и выносится постановление оказать пособие бастующим, отпустив в распоряжение Совета Депутатов тысячу рублей на безработных. Под давлением же Совета полиция принуждена была освободить депутата Кашинской фабрики Савинова, арестованного на улице 7 мая. Под давлением же Совета полиция вынуждена была освободить и трех членов комиссии по сбору денег в пользу забастовщиков, арестованных будто бы за сбор милостыни[2]. Правда, этих трех рабочих — Частухина, Вавилова и Савинова — отдали под суд, но и суд оправдал их. Костромской Совет, как и Совет Иваново-Вознесенска, не издавал своего органа, и в Костроме издания социал-демократической организации заменяли орган Совета, но здесь делается уже шаг вперед по сравнению с Иваново-Вознесенском: социал-демократический комитет издает уже «Бюллетени» более или менее регулярно. Всматриваясь в эти бюллетени, видишь как будто прообраз «Известий». Вот содержание бюллетеня № 1: 1) Помощь больным у Зотова. 2) Увольнение товарищей у Калинина. 3) Аресты. Вот содержание бюллетеня № 2: 1) Сыскное отделение у Зотова. 2) Порядки на фабрике Анонимного общества, 3) Штрафы. 4) Церковная агитация[3]. Эти бюллетени, право, мало чем отличаются от «Известий» любого провинциального Совета, напр., Юзовского или Мариупольского[4]. Та же краткость, те же вопросы революционной стачечной борьбы здесь и там, но только соответствующие различной ситуации лета и осени 1905 года.

Эти бюллетени Костромского Совета — зародыши будущих «Известий», как сам Костромской Совет лета 1905 года — зародыш Костромского Совета ноябрьских дней.

Корреспондент «Пролетария» назвал Совет июльских дней и выделенные им органы демократическими органами, сам не подозревая того, что очень хорошо выразил одну из черт вновь возникающих организаций,— участие в них народа, народной массы, революционной массы рабочих, берущих на себя задачу

---

[1] «Пролетарий», 1905 г., № 4.
[2] М. Ростопчина. «Очерки», стр. 35-36.
[3] Там же, стр. 36-37.
[4] «Материалы по истории Екатеринославской соц.-демократической организации большевиков и революционных событий 1904—1905 гг.», Екатеринослав 1925, стр. 384.

защиты не только своих узко-профессиональных и классовых интересов, но и общедемократических: как же иначе можно понимать образование Костромским Советом лета 1905 года милиции, которая, без сомнения, была образована не только для защиты рабочих?

И еще две интересные и важные черты обоих Советов необходимо отметить: это, во-первых, участие женщин в них, и, во-вторых, выставление не только своих узких экономических требований, но и требований общероссийского значения (напр., восьмичасовой рабочий день, созыв учредительного собрания).

Что действительно и Иваново-Вознесенский и Костромской Советы уже переросли рамки обычного стачечного комитета, что они таили в себе черты новых органов революционной власти,— об этом свидетельствует еще и тот огромный авторитет, каким пользовались оба эти совета не только среди рабочих, но и среди других революционно настроенных слоев населения. «Популярность Совета росла с каждым днем,— говорит т. Самойлов,— не только среди избирателей; она распространялась далеко за пределы города. К нам в Совет, через некоторое время после его избрания, начали поступать самые разнообразные просьбы и жалобы от рабочих ближайших городов и местечек о притеснениях со стороны хозяев; были жалобы и от крестьян на притеснения со стороны помещиков и разного сельского начальства (подчеркнуто нами.— В. Н.). От рабочих нередко приезжали делегаты из разных местностей губернии за советами или со всякого рода жалобами на хозяев. Их приглашали на заседания Совета, выслушивали, давали необходимые указания, а иногда посылали с ними на место кого-нибудь из депутатов или партийных работников для организации стачки» [1].

Таким образом, с полным правом можно сказать, что Ивановский и Костромской Советы действительно первые зародышевые, неоформленные, примитивные прообразы ноябрьских Советов 1905 года, при чем каждый из них — только дальнейшая, более высокая фаза тех стихийно возникавших боевых организаций рабочего класса, какие возникали в Петербурге да и в других городах, начиная с январских дней. Они промежуточные звенья между этими боевыми органами отдельных заводов, районов, но они уже не только простые собрания старост, уполномоченных, депутатов, не фабрично-заводские комитеты, не только простые стачечные комитеты, а нечто высшее, более сложное; они охватывают рабочих уже целого города; они уже заключают в себе много черт Советов позднейшего периода, но они еще не таковы, как Советы конца года,— словом, они

---

1 Ф. Самойлов. «Воспоминания», стр. 52.

первые этапы в развитии этой новой формы революционной организации.

4. Совет депутатов печатников и мысль о создании общегородского совета в сентябре 1905 года в Москве

Давая одно из своих определений Советов 1905 года, Ленин, как мы видели, между прочим, определял Совет как «боевую организацию для достижения определенных целей»[1]. Образцом такой организации может служить Совет Депутатов от типолитографий Москвы в сентябре 1905 года. Для понимания характера этой организации необходимо сказать несколько слов о тех условиях, при которых создался этот Совет Депутатов.

В течение весны и лета массовое движение 1905 года характеризуется, как известно, тем, что в ряды борющейся пролетарской массы начинают вступать самые забитые, самые отсталые слои пролетариата и служащих, — текстильные рабочие, работницы, строительные рабочие, каменщики, плотники, штукатуры и т. п. ремесленники, парикмахеры, шляпочники, портные, модистки и т. п., приказчики, телефонистки, конторщики, грузчики, прислуга и т. п. и т. д.

Вся эта масса трудящихся волнуется по всей России, но массовое движение, начавшееся в Петербурге, наиболее сильно вспыхнувшее затем на окраинах, как бы совершило полный круг, пройдя через Польшу, Юго-Западный край, Юг, Кавказ, Сибирь, Урал и Поволжье, и к началу осени сосредоточилось в центре России, захватив всю массу пролетариата. После летних баррикад в Лодзи, после Потемкинского восстания, после текстильных стачек в Иванове и Костроме движение в августе развернулось в Москве, и, начиная с сентября, Москва — и стала тем центром, где революционные волны достигли наивысшего напряжения.

Первым симптомом этого осеннего движения было еще июльское брожение типографов. Причинами этого брожения печатников являлись общие причины рабочего движения 1905 года — падение заработной платы и увеличение рабочего дня, которых добились предприниматели в течение кризиса первой половины 900-х годов. Хотя с 1903 года по 1905 год, т. е. после окончания кризиса, печатники повысили заработки на 5,4%, но так как в виду нового кризиса, наступившего в Москве в связи с русско-японской войной, цены на продукты питания поднялись от 7% (капуста) до 20% (гречневая крупа), в общем на 19%, то в общем реальная заработная плата рабочих печатного дела или стояла на уровне цен начала столетия, или даже ниже. Так,

---

[1] В. И. Ленин. Собр. соч., изд. 1-е, т. VII, ч. 1, стр. 40.

между прочим, объясняет дело и старший фабричный инспектор в своем донесении в отдел промышленности. «Тарифы заработной платы, — говорит он, — принятые собранием общества [1] в 1903 году, продержались недолго: владельцы быстро забыли принятое решение и все время стремились к сокращению заработка рабочих; между тем стоимость жизни за истекшие два года сильно возросла»... Рабочие были недовольны также и продолжительным рабочим днем. Брожение охватывало то одну, то другую типографию, но вмешавшийся в дело Союз типо-литографских рабочих призвал рабочих к организованным действиям и предложил начать стачку тогда, когда это будет признано удобным и необходимым со стороны Союза (Союзом же были выработаны и общие требования печатников). Однако, в начале августа рабочие типографии Сытина предъявили требования, и так как в Москве не было налицо директоров товарищества, то они ждали ответа до сентября; 13 сентября дирекция типографии дала ответ, не удовлетворивший печатников, и 19 сентября вспыхнула стачка, превратившаяся в настоящее революционное выступление московского пролетариата (с митингами, столкновениями с войсками, баррикадами и демонстрациями и с человеческими жертвами с той и другой стороны), перешедшее затем в октябрьскую забастовку [2].

В нашу задачу не входит описание событий этих бурных московских дней, но необходимо подчеркнуть, что в этом ярко-политическом движении и печатники играли видную роль — они принимали участие и в собраниях и в демонстрациях, где дело доходило до кровавых столкновений с войсками.

Вместе с тем шли и собрания по типографиям, где рабочие-печатники вырабатывали свои отдельные требования и выбирали депутатов. Так и образовался в эти революционные дни тот орган, который, собравшись в первый раз 15 сентября 1905 года, назвал себя Советом Депутатов от типо-литографий г. Москвы.

Этот Совет имел 10 заседаний; на первом из них было представлено 34 предприятия в лице 87 депутатов, а в конце своего существования Совет состоял из 264 депутатов от 110 заведений.

В этом Совете были и представители Союза типо-литографских рабочих, а так как, с одной стороны, в конце августа 1905 года Союз официально присоединился к меньшевистской фракции РСДРП и так как, с другой стороны, в Союзе нахо-

---

[1] Общество деятелей печатного дела; см. В. В. Шер, «История професс. движения рабочих печатного дела в Москве», М. 1904, стр. 161.

[2] Об этой стачке см. в Ист.-рев. архиве в Москве, дело Московского охр. отд. за 1905 г., № 773, т. II; см. также «Пролетарий» 1905, №№ 21 и 22.

дились и большевистски настроенные рабочие, то, стало быть, Совет Депутатов и являлся боевым соглашением в том смысле, в каком дает это определение Ленин.

Для какой же определенной цели организовался Совет Депутатов? «На все время стачки, — читаем мы в резолюции общего собрания депутатов типографских рабочих 25 сентября 1905 года [1], — необходимо учреждение постоянного Совета Депутатов от типографий. Его задача — созывать общие и частные собрания типографских рабочих, подготовлять вопросы для обсуждения, предлагать собраниям решения, принятые Советом Депутатов, приводить в исполнение принятые решения, распределять деньги, поступившие на поддержку стачки, вести сношения с хозяевами типографий».

По существу, задачи, поставленные себе Советом, суть задачи, какие ставит себе любой стачечный комитет, но, во-первых, если о п р е д е л е н н ы е задачи, поставленные Советом, и сближают его со стачечным комитетом, то ведь эти задачи ставились и любым другим Советом, а во-вторых, стачечный комитет этот необычного типа, — он выбран общими собраниями отдельных типографий, он объединяет все печатные предприятия Москвы, он сразу же, революционным путем, осуществляет свободу слова и собраний, постановив революционным путем устроить легальное собрание в Народном доме в Грузинах и добившись легализации следующих собраний (городская дума отвела под собрания Капцовское училище).

Но не только в этом отличие Совета Депутатов печатников от обычного стачечного комитета. Организованный для определенных целей, Совет силою вещей был вынужден сделать дальнейший шаг, — с одной стороны, превратиться на время стачки и в боевой политический орган (Совет в конце стачки выдвинул и политические требования) и, с другой — выдвинуть вопрос о создании постоянного боевого органа рабочих-печатников. В уже цитированной резолюции, в пункте третьем принятых собранием решений, говорится: «Не нужно ли оставить Совет Депутатов постоянным учреждением и после стачки?»

Временный Совет Депутатов после стачки превратился в постоянный и затем преобразовался в чисто профессиональную организацию.

Что Совет Депутатов являлся хотя бы и стачечной, но в с е ж е организацией не обычного стачечного типа, — об этом свидетельствует и его структура: 1) Совет избирался по установленной норме — один депутат от двадцати человек; 2) Совет изби-

---

[1] Ист.-рев. арх. в Москве, дело Московского охр. отд. за 1905 г., № 773, т. II, л. 53.

рал исполнительный орган, нечто вроде исполнительного комитета, функции которого заключались в заведывании финансами организации, распределении пособий бастующим, ведении переговоров с хозяевами и назначении заседаний, и 3) депутаты Совета давали отчеты о его деятельности своим избирателям по предприятиям. Наконец, Совет печатников всем ходом вещей был поставлен во главе такой борьбы типографов, которая вышла далеко за пределы обычной борьбы за экономические интересы: мирная стачка превращалась в восстание, и организация мирного характера становилась боевой организацией.

Уже и в этой ярко политической уличной борьбе и в этой структуре, вне сомнения, проглядывают некоторые черты будущих Советов, но и вообще способ создания, приемы деятельности, состав депутатов (социал-демократы и беспартийные рабочие, «неоформленный широкий боевой союз», как говорит Ленин) и, наконец, структура — все это говорит за то, что Совет депутатов типо-литографий Москвы был одной из тех промежуточных форм, через которую прошла боевая организация пролетариата, прежде чем стать Советом Рабочих Депутатов. В. В. Шер [1], рассказывая о возникновении Совета депутатов типо-литографий, между прочим, замечает: «Так сложилась чуть ли не впервые та форма организации, которой было суждено сыграть такую видную роль в нашем рабочем движении октябрьских дней». Это верно, если только принять во внимание, что еще раньше и в Петербурге, и в Иванове, и в Костроме рабочее движение стихийным революционным процессом вырабатывало формы организации, которые являлись определенными ступенями к кульминационной точке, где окончательно и сложился наиболее совершенный образец Совета [2].

---

[1] В. В. Шер. «История професс. движения рабочих печатного дела в Москве», М. 1924 г., стр. 168.

[2] Советы депутатов создались и в других профессиональных союзах, напр., у табачников, ленточников, столяров. В начале октября меньшевики устроили конференцию нескольких союзов, где и было признано необходимым объединение по профессиям и затем в общий Совет Рабочих Депутатов всей Москвы. Рассказывая об этом, П. Колокольников (К. Дмитриев) полагает, будто из таких советов, возникших в недрах профессиональных союзов, и образовался Московский Совет Рабочих Депутатов, в том смысле, что собрания объединенных Советов Рабочих Депутатов, профессиональных союзов были преемственно связаны с Московским Советом Рабочих Депутатов декабрьских дней. Решительно заявляем, что т. Дмитриев заблуждается: что Советы рабочих депутатов, созданные печатниками, столярами и т. д., имели большое значение при создании Совета в ноябре—декабре это верно, но утверждать, что из них возник Совет, нельзя: идея Совета, уже в сентябре носилась в воздухе и была сформулирована большевистской организацией (см. П. Колокольников (К. Дмитриев) «Отрывки из

Что это действительно так, что мысль о создании Совета, хотя с этим не хочет согласиться т. Горин, возникла не сразу в момент всеобщей политической забастовки в Петербурге.— об этом свидетельствует чрезвычайно интересный документ, хорошо всем известный в Москве, но, конечно, основательно забытый и только недавно извлеченный на свет из архивов. Мы говорим о прокламации, напечатанной т. М. И. Васильевым (Южиным). Это воззвание «В борьбе» действительно замечательный документ, ибо нет ничего невероятного в том предположении, что в нем уже сентябрьские события 1905 года заставили московских большевиков учесть опыт и Иваново-Вознесенска, и Костромы, и типографов Москвы, и вообще опыт всего предшествующего движения. Теперь, в сентябре, после Лодзи, после Потемкинского восстания, после перенесения движения в Москву, московские большевики ставят вопрос о том, что «Москва — это сердце России — должна стать и становится сердцем всенародного восстания».

«Идите вперед на борьбу,— говорится в этом воззвании,— за общие всему рабочему классу политические и экономические требования.

Во имя этих требований бросайте работу, устраивайте собрания. На каждой фабрике и заводе обсуждайте положение дел. Вырабатывайте специальные, частные требования и общие требования всего рабочего класса. Выбирайте депутатов для руководства стачкой. Депутаты сорганизуют разрозненных рабочих. Депутаты обязаны постоянно давать отчет во всех своих действиях, и для этого должны устраивать общие и частные рабочие собрания. Депутаты отвечают перед нами, но и мы отвечаем за депутатов. Пусть депутаты всех фабрик и заводов объединяются в общий Совет Депутатов всей Москвы. Такой общий Совет Депутатов объединит весь московский пролетариат»[1].

воспоминаний», стр, 229; Комиссия по изуч. истории професс. движения в России. Ист. проф. ВЦСПС. «Материалы по истории професс. движ. в России», сб. 12, М. 1924 г.).

[1] Автором этого воззвания, повидимому, как говорит М. И. Васильев. он сам и был. См. М. И. Васильев (Южин), «Московский Совет Рабочих Депутатов и подготовка им вооруженного восстания», М. 1925, стр. 10. «Возможно даже, что оно было написано мной»,— говорит т. Южин.

Несомненно, прав т. Горин, когда доказывает неосновательность утверждения т. Е. Кривошеиной, полагающей, что «инициатива и первоначальная организация Совета принадлежит меньшевикам» (Е. Кривошеина. «Советы РД в революции 1905 года», стр. 142, изд. 1926 г.). Но неправ т. Горин, когда хочет затушевать непонимание и боязнь новых организаций некоторых большевиков в период первых шагов Петербургского Совета. Об этом говорит покойный А. А. Богданов («Историк-марксист» 1920, стр. 222-223), об этом свидетельствует и рассказ т. Глебова-Путиловского о Туле, когда тт. Куделли и Смидович заявили, что в Туле Совет не нужен (см. «Воспоми-

Только после того, когда приехал Ленин и указал на истинное значение новой организации пролетариата, и колебавшиеся по этому вопросу изменили свой взгляд.

Огромной поэтому заслугой московских большевиков является то, что они еще в сентябре, как это видно из листка «К борьбе», предчувствовали огромное значение возникавшей организации: опыт Иванова, Костромы летом 1905 года, опыт самой Москвы в сентябре наталкивал на это!

Как видно отсюда, вопрос об организации Совета Рабочих Депутатов, как органа восстания, был выдвинут не в Петербурге, а в Москве еще в сентябре 1905 года и не сразу, как это представляется т. Горину, а только после того, как опыт иваново-вознесенских, костромских, московских да и рабочих других городов нащупал ту форму организации, имя которой уже носилось в воздухе, которая называлась и в Иванове, и в Костроме, и в Москве Советом Рабочих Депутатов и которая пока еще переживала зародышевые свои формы.

Не сразу, не внезапно, не везде создались Советы, как не сразу, не внезапно и далеко не везде они были и органами восстания и органами новой власти.

5. Организации в других городах России, из которых развились Советы

Ленин, говоря о Советах 1905 года, называет не только Советы Рабочих Депутатов, но упоминает и вообще всякие другие советы — солдатских, железнодорожных, крестьянских депутатов, новые сельские и городские власти и т. п.

Действительно, во многих местах России, в особенности на Юге, первоначальными организациями, из которых возникли Советы Рабочих Депутатов, являлись забастовочные или боевые комитеты, образовавшиеся на железных дорогах, на заводах и фабриках. Вот что рассказывает, напр., т. Шевченко об образовании Совета Рабочих Депутатов, или Депутатского Собрания г. Екатеринослава: «Работа на заводах была почти приостановлена; рабочие хотя и выходили на работу, но никто ничего не делал, собирались кучками, рассуждали, как быть. Начальство растерялось и временно не предпринимало никаких мер. Агитация пошла во-всю. Тут стихийно на самом производстве возникает из рабочих-революционеров разных партий нечто

нания членов Совета Раб. Деп. Петербурга 1905 года», стр. 131-132; довод т. Куделли, что Совет не нужен потому, что революция идет на убыль смешон,— это в октябре-то революция пошла на убыль!); об этом же повествует и т. Южин, когда он рассказывает, каковы были директивы центра о Советах и как они воспринимались большевиками на местах,

в роде коалиции. По каждому более или менее важному вопросу устраивались на заводе совещания из представителей разных партий, без санкции своих комитетов. Такие совещания происходили и в паровозных мастерских. В состав первого входили меньшевики, с.-р. и большевики, а дальше, когда дело доходило до забастовки, приглашали и рабочих зубатовского толка (к этому времени они полевели) Анархисты тоже иногда принимали участие в этих совещаниях. Были также использованы существовавшие тогда цеховые старосты, хотя между ними в то время не было ни одного революционера.

Возникшая стихийно коалиция в паровозных мастерских явилась прообразом сформировавшегося впоследствии Совета Рабочих Депутатов»[1].

Здесь Совет Рабочих Депутатов (в декабре игравший большую роль в событиях) возник, как видим, стихийно из организаций, образовавшихся задолго до октябрьских дней, вскоре же после январских событий (рассказ т. Шевченко в данном случае относится именно к этому периоду времени). И состав этой первоначальной организации, откуда вышел Совет, даже по названию, какое дает ему т. Шевченко,— «коалиция»,— соответствует тому определению, которое мы находили у Ленина: это неоформленный боевой союз социалистов (большевиков и меньшевиков), революционных демократов и беспартийных рабочих, создававшийся всякий раз для определенных целей[2].

Аналогичный характер носили такие организации и в других местах Донецкого бассейна, напр., «Исполнительная Комиссия» на Петровском заводе, «Делегатское Собрание» на Юрьевском заводе[3].

В образовании Ростовского-на-Дону Совета играл тоже очень большую роль не только социал-демократический комитет, где мысль об организации Совета возникла под влиянием известий о деятельности Совета в Петербурге, но в особенности уже давно, еще с лета, существовавшая железнодорожная депутатская организация,— бюро, дорожный комитет Владикавказской железной дороги. Об этом Совете мы скажем ниже; здесь важно подчеркнуть, что под влиянием толчка, данного из Петербурга и Москвы еще весной, и в Ростове перед глазами всех рабочих

---

[1] Материалы по истории Екатеринославской соц.-дем. организации большевиков и революционных событий 1904 — 1905 гг., Екатеринослав 1925, стр. 130.

[2] Тов. Шевченко употребляет слово «коалиция» в том именно смысле, в каком смысле эту коалицию характеризует Ленин, когда говорит о Советах 1905 года, как о «неоформленном, широком боевом союзе социалистов и революционных демократов». В. И. Ленин. «Социализм и анархизм», Собр. соч., изд. 1-е, т. VII, ч. 1, стр. 40.

[3] Т. Харечко. «1905 г. в Донбассе», Л, 1926, стр. 80-81.

уже давно действовала организация, сущность, характер, способ образования которой мало чем отличались от всех подобных депутатских собраний в России.

Точно так же и в Новороссийске как при образовании Совета, так и во время событий большую роль играли железнодорожники и их местная железнодорожная организация. Организация Красноярского Совета, как она рисуется и документами и воспоминаниями участников, также связана с боевыми органами, созданными в процессе революционной борьбы,— стачечным комитетом, руководившим железнодорожной забастовкой Сибирской жел. дор. и Комитетом Солдатских Депутатов, выбранных железнодорожным батальоном [1]. Из этих двух организаций и образовался Красноярский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов на митинге 6 декабря.

Образование Совета Солдатских и Казачьих Депутатов Читинского гарнизона имеет несомненную связь как с Советом железнодорожных рабочих, так и с теми стачечными и солдатскими комитетами, которые были образованы по всем важнейшим железнодорожным пунктам и войсковым частям Сибири в октябрьско-ноябрьские дни 1905 года [2].

Образование Советов в Киеве, Либаве, Ревеле и некоторых других пунктах находится в несомненной связи с функционировавшими еще задолго до октября всякого рода беспартийными неоформленными рабочими организациями.

Так, напр., Союз рабочих г. Киева, оформившийся в организацию советского типа к ноябрю (первое общее собрание было 1 ноября 1905 г.), несомненно вырос из тех делегатских или депутатских собраний девяти крупнейших киевских механических заводов, какие создались и функционировали еще до октября. Несомненна также связь Киевского Совета и с профессиональными организациями Киева. «Целый ряд ораторов,— говорится в отчете об учредительном собрании Совета,— выяснил необходимость для профессиональных союзов преследовать не только экономические, но главным образом политические цели».

Задача Союза делегатов была сформулирована в следующем постановлении: «Союз делегатов ставит своей задачей борьбу против экономической эксплоатации рабочего класса и за его политические права» [3].

---

[1] См. Борис Шумяцкий, «Первый Сибирский Совет Раб. и Солд. Депутатов 1905 года» («Сибирские Огни», 1924, ноябрь—декабрь); А. Абов (Ансон) «1905 год в Красноярске» («Сибирские Огни» 1923, №№ 4 и 5-6 и 1924 № 1).

[2] Д. Зайцев. «Революция и контрреволюция в Сибири»,— «Невский сборник», вып. 1, Спб., 1906, стр. 204 и сл.

[3] «Киевское Слово» № 6397, 1 ноября 1905 г.; стр. 3, статья 4—«Отчет делегатского собрания рабочих г. Киева».

Ревельская организация, Собрание старшин рабочих г. Ревеля, носившая, несомненно, все черты организации советского типа и связавшаяся или по крайней мере пытавшаяся связаться с Петербургским Советом Рабочих Депутатов, возникла из тех неоформленных беспартийных делегатских организаций, какие существовали в Ревеле на заводах еще до октября 1905 года. Что Собрание старшин рабочих г. Ревеля являлось организацией, аналогичной Советам в других городах России,— это явствует из отчетов о работе этого собрания [1]: то же руководство политическими и экономическими стачками, та же организация помощи безработным, та же война с городской думой, что и у других Советов, не руководивших вооруженным восстанием (напр., Одесский Совет).

Надеждинский Совет Рабочих Депутатов, организованный еще в июне 1905 года, возник также из неоформленных беспартийных цеховых организаций, которые выдвинули выборных от цехов. Совет этот имел председателя, исполнительный орган и являлся руководящей организацией для всех Надеждинских заводов [2].

Несомненна связь со стачечной организацией и вырастание из нее и Воткинского Совета Рабочих Депутатов. Смоленский Совет, руководимый меньшевиками, возник также из стачечных организаций. «Опорой для организации Совета в Смоленске,— пишет т. Буркин,— были профсоюзы, которые стали создаваться после областной конференции в Минске, где был доклад и о работе Смоленской организации» [3]. Воронежский Совет возник одним из первых 12 октября 1905 года и вырос из делегатского собрания железнодорожных выборных делегатов. Постепенно в ходе борьбы в состав этого чисто-железнодорожного органа были введены представители и других заводов. Совершенно правильно т. И. Д. Смирнов считает Воронежский Совет приближающимся по типу к Петербургскому: преобладания большевиков в Совете не было, Совет не выступал с оружием в руках, хотя сущность своей советской природы выявил вполне в своей деятельности во время забастовок в октябре, ноябре и декабре [4].

---

[1] См. «Ревельские Известия» №№ 216, 264 и сл. за 1905 г.; здесь помещены отчеты о собраниях.

[2] Сведения об этом Совете находятся в воспоминаниях участника местного рабочего движения т. Мурашова. См. изд. Истпарта «Литература Советов и литература о Советах 1905 года», М. 1925, под ред. М. Н. Покровского, составил В. И. Невский.

[3] Тов. П. О. Горин не сообщает, какими данными он располагает о Смоленском Совете. Данные эти находятся в работе т. Н. Буркина — «1905 год в Смоленской губ.», С. 1926, и в легальной прессе. См. нашу работу «Советская печать и литература о Советах 1905 года». М. 1925.

[4] Тов. П. О. Горин не упоминает ни слова о Воронежском Совете, хотя в «Прол. Рев.» за 1927 г. в №№ 8-9 (67-68) имеется обстоятельная статья т. И. Ю. Д. Смирнова «История первого Совета 1905 г. в Воронеже».

Перечисленные выше факты, несомненно, позволяют нам установить следующие положения:

1. Советы Рабочих Депутатов возникли постепенно в процессе революционного движения из различных боевых революционных организаций, создавшихся еще до октябрьских дней повсюду для определенных боевых целей (главным образом стачки, всякого рода революционные выступления и т. п.).

2. Возникающие Советы носят характер боевых соглашений революционной социал-демократии, революционных демократов и беспартийных революционных рабочих.

3. Уже в этих зародышевых Советах намечаются различные органы, развивающиеся вполне только в период октября—декабря: исполнительные комитеты Советов, милиция, боевые дружины, стачечные комиссии (или комиссии безработных) и т. п.

4. Первой организацией советского типа был Совет Рабочих Депутатов Иваново-Вознесенска в мае 1905 года.

II

ПЕТЕРБУРГСКИЙ И МОСКОВСКИЙ СОВЕТЫ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ 1905 ГОДА

Центр революционного движения с осени перешел в Москву — это верно, но это нельзя понимать так, что Петербург плелся в хвосте событий. Наоборот, даже в дни величайшего напряжения кровавых боев в Москве революционная мысль и инициатива, толкавшие рабочие массы остальной России к действию, исходили из Петербурга: руководителем движения, передовым отрядом революции оставался Петербург,— город, где был подведен итог революционным попыткам пролетариата в разных пунктах страны создать новые формы власти, город, где все эти попытки нашли наиболее полное, яркое, наиболее совершенное завершение и истолкование, где находился центр нашей партии и где был вождь ее В. И. Ленин.

Однако при рассмотрении вопроса о возникновении Петербургского Совета нельзя ограничиваться рассмотрением лишь революционных истоков, которые бурлили в одном Петербурге: в октябре Петербургский Совет был величайшим достижением революции, но революционное движение не остановилось на этом и уже очень скоро шагнуло еще дальше, чтобы взлететь на гребень волны в декабре в Москве и в других городах.

Чтобы шагнуть на эту высшую ступень, движение создало новую, еще невиданную организацию.

Такой организацией не могла быть ни одна из существовавших революционных партий, ни один из союзов, возникавших еще до октября.

Несмотря на огромное идейное влияние, социал-демократия организационно объединяла всего несколько тысяч человек: обе фракционные организации в Петербурге, и большевиков, и меньшивиков, насчитывали в своих рядах от двух до трех тысяч пролетариев, не более, к концу лета и не более пяти-шести тысяч к концу года [1].

---

[1] О числе членов в начале 1905 года см. «Краси. Лет.» 1925, № 1 (12),

Число членов партии рабочих социал-демократов среди петербургского пролетариата было совсем невелико. Правда, социал-демократы безраздельно господствовали в организовавшихся уже к октябрю профессиональных союзах (металлистов, печатников и т. д.), но и сами союзы по своей численности были невелики, и, что самое главное, они объединяли отдельные группы пролетариата, что, впрочем, не мешало им активно участвовать в работе и создании Совета.

Наконец, возникшие к тому времени такие политические организации, как Союз Союзов, являлись организациями буржуазными и в еще меньшей степени могли стать общероссийским политическим и организационным центром революции.

Нужны были какие-то новые формы организации, которые бы наиболее полно и совершенно отражали объективный ход событий: во главе этих событий шел пролетариат, увлекая в своем движении революционные мелкобуржуазные слои населения, и, стало быть, для того, чтобы отразить этот ход движения, необходимо было, чтобы создалась такая организация, главной массой которой был бы пролетариат, окруженный представителями всех слоев революционно настроенной мелкой буржуазии.

Необходимо было, как говорит Ленин, создать боевой союз революционной социал-демократии с беспартийными рабочими и революционными демократами; такая организация была выражением всей революционной России, в противовес остальной контр-революционной России.

Процесс создания такой организации и шел по всей России,

стр. 145—157; В. Невский, «Петербургская с.-д. орг. в январе 1905 года». Мартов в своей «Истории росс. соц.-демократии» (изд. «Книга», Спб 1918, стр. 143) считает, что в первую половину 1905 г. число членов партии меньшевиков в Петербурге было 1 200—1 300, а большевиков — несколько сот. Это, конечно, неверно: число членов партии и большевиков и меньшевиков было приблизительно равно. Если принять, что и у большевиков, и у меньшевиков к концу лета было приблизительно по 1 500 чел., то во всей организации находилось около 3 000 чел. (к концу лета). Если даже принять, что после октябрьских дней число членов партии утроилось, то и тогда в Петербурге к концу 1905 г. насчитывалось не более 9—10 000 членов партии, что едва ли вероятно. Действительно, на Стокгольмском съезде весной 1906 г. было всего с совещательным голосом около 140 делегатов. Считая по норме представительства (от 300 чел. один делегат), получим цифру всех членов партии по всей стране 42 000, причем из Петербурга на съезде было 11 делегатов, что, считая по той же норме, даст 3 300 чел. Допустив, что после декабря, под влиянием поражения в декабре, ушла половина членов партии, можно предположить, исходя из цифр Стокгольмского съезда, что в октябре—ноябре 1905 г., когда организовался Совет, в Петербургской организации находилось не менее 6 000 членов партии, цифра значительно меньшая предположенной нами выше (9 000 чел.). Но допустим даже, что их было 10 000 чел.— и эта несомненно преувеличенная цифра говорит одно: только ничтожная часть рабочих Петербурга (на 300 000

начиная с января: в Иванове, Костроме, Москве, Екатеринославе, в самом Петербурге рабочие массы пытались создавать организации, которые могли бы охватить все революционные элементы пролетариата. То в форме выборных депутатов от мастерских, то в форме депутатов, оставшихся от выборной кампании в комиссию Шидловского, то в форме боевых стачечных комитетов заводских, фабричных, общегородских, железнодорожных, то, наконец, в форме Совета Депутатов в Иванове и Костроме, то в форме Совета печатников в Москве рабочие массы творили историю и, творя ее, все больше и больше приближались к той форме, какая ныне известна под именем Совета Рабочих Депутатов 1905 года.

Происходил какой-то удивительный, своеобразный процесс: история, в лице творящих ее рабочих масс, как будто бы постепенно переходила от одного образца организации к другому, всякий раз видоизменяя ее, отбрасывая одни элементы, вводя новые, то упрощая, то усложняя организацию.

Петербургский пролетариат миллионами нитей был связан с остальной Россией, и эти связи помогали ему, усваивая опыт рабочих других городов, их достижения и успехи, перерабатывать в своей революционной лаборатории и, наконец, дать в октябре 1905 года наиболее совершенный образец организации.

Только так объясняя возникновение Совета, можно понять и как будто бы внезапное появление этой невиданной еще формы организации, и силу ее, и то огромное влияние, какое она имела на всю остальную Россию, и очень быстрое появление Советов в остальной России.

рабочих примерно 2-3% партийных) была организационно охвачена партией.

Думается однако, что предполагаемые нами цифры преувеличены. Такое же явление наблюдалось и в Москве. Мартов в своей «Истории» считает, что там к концу лета большевики имели несколько сот членов партии, меньшевики — несколько меньше. Это неверно. Исходя из цифр большевистской конференции, т. Шестаков считает, что в средине 1905 г. у большевиков было около 2 500 членов партии; считая и меньшевиков, можно принять, что всего членов партии к концу лета в Москве было 3 00. На Стокгольмском съезде от Москвы было 16 делегатов, что дает примерно 4 800 членов партии весной 1906 года. Применяя к Москве те же рассуждения, что к Петербургу, можно сказать, что в Москве к моменту восстания было примерно тысяч десять членов партии (с Окружной организацией,— см. «Путь к Октябрю», вып. 3, М. 1923, стр. 19). Это опять же на 300 000 рабочих Москвы и округа дает 2-3% рабочих, членов партии.

Даже если принять эти цифры, и тогда несомненно, что организационно партия охватывала очень небольшую часть рабочих. Другое дело — идейное влияние: оно было огромно; другое дело — те беспартийные организации, при помощи которых партия вела за собой все рабочие массы. Советы Рабочих Депутатов и были такими организациями. (С. Струмилин. «Рост РКП (б) за 25 лет»). (Справка в изд. «Октября»—«Двадцать пять лет РКП(б)», стр. 80—87, дает цифры гораздо меньшие, чем мы).

Если бы можно было сказать, что появление Совета было чудом, то и тогда необходимо было бы объяснить появление этого чуда.

Петербургский Совет возник в момент наивысшего напряжения революционной борьбы: 8 октября началась забастовка на дорогах московского узла и в течение первых четырех дней захватила не только большую часть железнодорожной сети, но и большинство пролетариата крупнейших промышленных центров. 10 октября уже бастовали рабочие Москвы, Харькова и Ревеля, а 12-го началась забастовка и в Петербурге за Невской заставой. Если верить свидетельству Хрусталева-Носаря, 12 октября им на митинге в Технологическом институте излагалась история сентябрьской стачки печатников в Москве и их Совета Депутатов, и от этого собрания будто бы ведет свое начало Совет, но как раз в это время уже шел стихийный революционный процесс в самых широких рабочих массах; так, на Обуховском заводе рабочие выбрали для руководства стачкой старост, за Московской заставой выборы депутатов произошли 13 октября. Замечательно то, что даже на первом своем заседании 13 октября в резолюции-воззвании «Ко всем рабочим и работницам» Совет называет себя «Рабочим Комитетом». «Нельзя допустить,— говорится в этом воззвании,— чтобы забастовки то вспыхивали, то потухали. Поэтому мы постановили объединить руководство движением в руках общего Рабочего Комитета. Мы предлагаем каждому заводу, каждой фабрике и профессии выбрать депутатов по одному на каждые пятьсот человек. Собрание депутатов фабрики или завода составит фабричный или заводский комитет. Собрание всех депутатов фабрик и заводов составит Общий Рабочий Комитет Петербурга».

Под одним воззванием стоит подпись: «Совет Депутатов Петербургских фабрик и заводов». Рабочие заводов, выбирая депутатов, сначала так и смотрят на них, как на своих представителей в общегородском стачечном комитете. Гесслеровцы пишут, напр., в своей резолюции: «Для руководства всем движением Петербурга избираем депутатов в стачечный комитет, действующий по уполномочию всех рабочих» [1]. И сам Совет еще на третьем собрании (15 октября, в физической аудитории Технологического института) при выработке порядка дня называет себя не Советом Рабочих Депутатов, а то «Общим Рабочим Советом», то просто «Рабочим Советом». Это название встречается и употребляется дальше, но в то же время входит в употребление и всему миру известное теперь имя: «Совет Рабочих Депутатов». Эта подпись впервые появилась как на заголовке первого номера «Известий», так и в конце его.

---

[1] «История Совета Рабоч. Деп. г. С.-Петербурга», Спб 1906, стр. 63.

Все это мы говорим для того, чтобы показать, что рожденный революционными рабочими массами Совет возникал как общегородской стачечный комитет, и ни одному из участников движения не приходило в голову, какое огромное значение имеет та организация, куда он посылал своего избранника-депутата.

Мысль покойного Н. А. Рожкова о том, что Советы Рабочих Депутатов своими корнями уходят в далекое прошлое, нужно, конечно, отбросить, так как между Советами 1905 года и выборными организациями 80-х и 60—70-х годов принципиальная разница: представители рабочих во время стачек 60—70-х годов — простые выборные, часто далеко не боевые люди, а просто известные своей честностью и преданностью интересам класса, простые ходатаи, между тем как Советы 1905 года — боевые организации и революционные органы власти. Да и социально-экономическая и политическая обстановка той и другой эпохи настолько далека друг от друга, что видеть прообраз Совета в стачечном комитете седой старины едва ли возможно. Правы те исследователи, которые возражают против этого взгляда, утверждая, что доводами о преемственности русского рабочего движения вообще Советов не объяснишь.

Но опровержением взгляда Рожкова отмахнуться от вопроса о том, как возникали Советы, тоже нельзя.

Думается, что наиболее точно охарактеризовал способ возникновения Советов Ленин, когда назвал их органами, возникающими революционно-стихийно, самочинно. Тов. Сверчков, известный деятель Петербургского Совета, говорит по этому поводу: «Совет создался стихийно, и на втором же собрании (первое было только организационным) он принял формулировку, определяющую его цели. Соответствовала ли эта формулировка тем лозунгам, которые выдвигали меньшевики? Она была с ними в абсолютном противоречии»[1].

Покойный А. А. Богданов, говоря о Петербургском Совете, тоже характеризует его, как орган «стихийно-массовый». Кстати, объясняя ошибочный взгляд тогдашних большевиков, непонимание ими природы вновь возникшей организации, он прекрасно отразил их боязнь новой гапоновщины в лице Хрусталева-Носаря. Эта боязнь имела тем больше оснований, что в числе депутатов были и видные гапоновцы (напр., А. П. Самуров, Ф. Павловский, А. Г. Карелин, В. М. Карелина, И. М. Харитонов, Г. С. Усанов, В. А. Андрин, С. Сергеев, С. В. Адашев, Т. В. Разуваева, П. С. Кубышкин, Ф. Т. Кондратьев, П. Мей, В. М. Кропин и др.).

Тов. Васильев-Южин считает, что «Советы Рабочих Депутатов возникли прежде всего как стачечные органы, и с этой точки

---

[1] «Историк-марксист» 1920, № 1.

зрения несомненно первым является Иваново-Вознесенский Совет»[1]...

Эту связь Советов со стачечными органами подмечают и другие деятели и участники Советов того времени, напр., т. Рогов, очень хорошо разъясняющий, что наиболее развитые рабочие, а вслед за ними и вся остальная масса были недовольны партийной розней и не верили в то, что в этой розни будет создана единая руководящая боевая организация.

Создавая для борьбы свои стачечные комитеты и выдвигая рядом с экономическими и политические требования, рабочие «и тут опять в этих стачечных комитетах, в которых отражалась политика партии, старались нащупать почву для создания единого крупного политического руководящего центра»[2].

Тов. Смирнов тоже отмечает, что Советы 1905 года «сложились как органы, объединяющие стачечные движения в первую очередь. Уже в своей практической работе Советы стали органами революционной борьбы там, где эта борьба происходила под правильным руководством нашей партии»[3].

Даже т. Горин вынужден теперь согласиться, что «на известной стадии развития рабочего движения практически, конечно, наблюдается превращение стачечных комитетов в Советы Р. Д.», но, как совершенно правильно добавляет он, «это обстоятельство... ни в какой мере не исключает необходимости понимания разницы между этими двумя формами организации в рабочем движении»[4].

Разница, конечно, огромная, ее никто не может отрицать, но спор не в этом. Спор в том,— как возникли Советы? Тов. Горин теперь признает, что «на известной стадии развития практически, конечно, наблюдается превращение стачечных комитетов в Советы Р. Д.», а признав это, нужно исследовать, какие же стачечные комитеты могли превращаться и превращались в Советы.

Если считать, как это делает т. Горин, Орехово-Зуевскую организацию Советом, то нет никакого резона отрицать, что и в Иванове был Совет, ибо между тем и другим нет никакой существенной разницы: и тот и другой сначала выдвигали только экономические требования («Орехово-Зуевский Совет Р. Д.,— говорит т. Горин,— возник в связи с ноябрьской забастовкой, которая, поставив первоначально задачу борьбы за экономические требования, продолжалась в дни декабрьской борьбы и вылилась в политическую стачку» [под-

---

[1] «Историк-марксист», 1920, № 1, стр. 224.
[2] Там же, стр. 230.
[3] Там же, стр. 228.
[4] «Очерки», стр. 8.

черкнуто нами.— В. Н.]) и только в конце выдвинули и политические лозунги. Неверно, конечно, что Ивановский Совет не додумался до политики: факт посылки чисто политических требований Ивановским Советом говорит за то, что и он, как и Орехово-Зуевский Совет, эволюционировал от чисто-стачечного комитета к Совету. Все дело только в том, что иванóвцы строили свой Совет летом, на более низкой стадии всероссийской массовой стачки, а ореховцы в октябре и ноябре, когда стачка повсюду приходила к восстанию.

Но было бы, конечно, неверно утверждать, что Советы возникали т о л ь к о и з с т а ч е ч н ы х комитетов. Они происходили из самых разнообразных боевых организаций, возникавших повсюду, как говорит Ленин.

Мы уже приводили выше факты, подтверждающие это мнение. Приведем их еще несколько. Член Петербургского Совета 1905 года т. Г. А. Стогов говорит, вспоминая это время: «Перед январской забастовкой я работал столяром-краснодеревцем на с.-петербургском заводе (Речкина). Для выработки требований к администрации и руководства забастовкой меня избрали депутатом от столярной мастерской. На первом же заседании, где присутствовало 30 товарищей от разных цехов, было решено считать меня старшим депутатом — звание, сохранившееся до памятных заседаний Совета Рабочих Депутатов» [1].

Можно назвать этих уполномоченных завода Речкина, просуществовавших до октября, стачечным комитетом? И можно и нельзя: когда шли забастовки, эти уполномоченные несли функции стачечного комитета; когда не было стачек, они несли другие функции.

Много членов Петербургского Совета как попали в депутаты еще на выборах в комиссию Шидловского, так и дожили ими до октября и пошли в Совет в октябре [2]. Можно ли назвать этих депутатов, существовавших на многих заводах, стачечными комитетами? И можно, и нельзя: выполняя функции стачечных комитетов, эти органы были шире, разностороннее, носили более боевой, широкий характер.

Тов. Немцов, большевик и член Совета, вспоминая выборы на Выборгской Стороне в октябре, говорит: «Всех собравшихся мы назвали уполномоченными от забастовавших заводов Выборгской Стороны, решили избрать делегатов в забастовочный комитет и послать в Технологический институт, где уже шло собрание делегатов с других заводов».

---

[1] «Воспоминания членов Совета Рабочих Депутатов в Петербурге 1905 г.» Л., 1926, стр. 39.

[2] Там же, воспоминания рабочих.

Создавшаяся организация, как видим, называлась привычным старым термином вследствие той стачечной обстановки, когда обычно возникали стачечные комитеты.

Впрочем, что возникающий «Рабочий Комитет» не обычный стачечный комитет, это понимали все или, по крайней мере, наиболее сознательные рабочие Петербурга: в тех резолюциях, которые они принимали, выбирая своих депутатов, они ясно указывали, что задача, стоящая перед Рабочим Комитетом, не простая стачка, а революционная политическая стачка, цель которой — не только добиться восьмичасового рабочего дня, но и борьба за учредительное собрание и политическую свободу.

Это говорили в своих резолюциях обуховцы, гесслеровцы, печатники, рабочие-электрики, приказчики, конторщики, бухгалтеры.

Подавляющая масса рабочих не задумывалась над тем, в чем заключается сущность Совета: нужно было творить историю, и в этом революционном творчестве и выяснилась сущность новой организации. В своем определении природы Совета Ленин после указаний на революционный характер этой организации продолжает: «Это были, наконец, именно органы власти, несмотря на всю их зачаточность, стихийность, неоформленность, расплывчатость в составе и в функционировании. Они действовали, как власть, захватывая, напр., типографии (Петербург), арестуя чинов полиции, препятствовавших революционному народу осуществлять свои права (примеры бывали тоже в Петербурге, где соответствующий орган новой власти был наиболее слаб, а старая власть наиболее сильна). Они действовали, как власть, обращаясь ко всему народу с призывом не давать денег старому правительству. Они конфисковывали деньги старого правительства (железнодорожные стачечные комитеты на Юге) и обращали их на нужды нового, народного правительства,— да, это были, несомненно, зародыши нового, народного, или, если хотите, революционного правительства» [1].

Вне всякого сомнения, не все то, что здесь перечислено, осуществлялось и проводилось в жизнь Петербургским Советом: он, напр., не производил конфискации денежных средств правительства, но он был некоторое время действительной властью, и, пока он был этой властью, революция шла от победы к победе. Совет, несомненно, стоял во главе движения, которое вырвало у самодержавия манифест 17 октября, Совет ноябрьской забастовкой заставил самодержавие отменить военное положение в Польше, Совет руководил борьбой за восьмичасовой рабочий день, Совет фактически ввел свободу печати, захватывая типографии, Совет осуществил на деле свободу слова и собра-

---

[1] В. И. Ленин, Собр. соч., изд. 1-е, т. VII, ч. 1, стр. 121.

ний, Совет, наконец, сделался объединяющим центром революции. Почему? Потому что он был действительно, хотя и недолго, революционной властью в стране, зародышем той самой власти, той диктатуры пролетариата, которой добились рабочие в октябре 1917 года.

«Описанные нами органы власти,— говорит Ленин,— были в зародыше диктатурой, ибо эта власть не признавала никакой другой власти и никакого закона, никакой нормы, от кого бы то ни было исходящей. Неограниченная, внезаконная, опирающаяся на силу в самом прямом смысле слова, власть — это и есть диктатура. Но сила, на которую опиралась и стремилась опереться эта новая власть, была не силой штыка, захваченного горсткой военных, не силой «участка», не силой денег, не силой каких бы то ни было прежних установившихся учреждений. Ничего подобного. Ни оружия, ни денег, ни старых учреждений у новых органов новой власти не было»... «На что же опиралась эта сила? Она опиралась на народную массу. Вот основное отличие этой новой власти от всех прежних органов старой власти. Те были органами власти меньшинства над народом, над массой рабочих и крестьян. Это были органы власти народа, рабочих и крестьян, над меньшинством, над горсткой полицейских насильников, над кучкой привилегированных дворян и чиновников»[1].

Эти слова Ленина как нельзя лучше иллюстрируются составом Петербургского Совета. Максимальное число депутатов в Совете было в половине ноября — 562 человека, которые представляли 147 фабрик и заводов, 34 мастерских и 16 профессиональных союзов. Из этого числа депутатов (562 чел.) 508 были представителями заводов, фабрик и мастерских и 54 — союзов. В общей сложности все депутаты представляли не менее 250 тысяч рабочих,— стало быть, подавляющее большинство Петербурга, так как за каждым рабочим депутатом стояли сотни и тысячи их товарищей.

Впереди всех шли металлисты, они дали 351 депутата, за ними шли рабочие текстильного производства — 57 депутатов, затем печатники — 32, по обработке дерева — 23, и т. д.

Но в Совете были представители и такого пролетариата, как приказчики и конторщики, и депутаты от служащих почты и телеграфа. Мало того: в Совете были представители социалистических партий, не говоря уже о том, что многие депутаты являлись членами социал-демократической партии и партии социалистов-революционеров: в Исполнительном Комитете Совета из 50 членов 28 были от рабочих районов, 13 от профессиональных союзов (в том числе и от железнодорожного и почтово-теле-

---

[1] В. И. Ленин. Собр. соч., изд. 1-е, т. VII, ч. 1, стр. 122.

графного союза) и 9 от социалистических партий. Петербургский Совет Рабочих Депутатов был действительно союзом революционной социал-демократии, революционных рабочих и революционной демократии, и в том была его сила и его слабость.

В самом деле, объясняя понятие диктатуры, Ленин говорит, что одним из самых существеннейших «методов» действия эпохи «революционного вихря» является «применение народом насилия по отношению к насильникам над народом»[1].

Вот этот «метод» действия Петербургский Совет Рабочих Депутатов применял так редко и так мало, что, по всей справедливости, Ленин имел все основания считать Петербургский Совет, как и другие подобные органы в остальной России, лишь «зародышевыми» органами новой революционной пролетарской власти, диктатуры пролетариата и крестьянства. Почему же Петербургский Совет не применял этого «метода» действия? Потому, что в том боевом союзе революционной социал-демократии, революционных рабочих и революционной демократии, каким был Совет, революционная демократия имела в своих рядах очень мало большевиков и затем не представляла многомиллионного крестьянства, представители которого заседают в Советах после 1917 года, а в руках детей этого крестьянства и было то самое ружье, без чего невозможно и применение того метода, о котором говорит Ленин.

Правда, Петербургский Совет прекрасно понимал это и бросил в массы лозунг: «Вооружайтесь!» Этот лозунг нашел горячий отклик в рабочей массе: в районах, на заводах и фабриках организовались дружины, самим Советом закупалось оружие, эти дружины и милиция (в Невском, Московском и Выборгском районах) охраняли типографии, где печатались «Известия», боролись с черной сотней, охраняли собрания Совета и т. д. Но что значили несколько десятков винтовок и револьверов, когда вооруженные тысячи крестьян царской армии стреляли в рабочих и своих же братьев-крестьян в городах и селениях царской России!

Совет прекрасно понимал, что и другое оружие нужно выбить из рук самодержавия — деньги. И, понимая это, он выпустил «Манифест» (2 декабря) к народу с предложением брать вклады из ссудо-сберегательных касс и из Государственного банка, требуя уплаты всей суммы золотом[2].

---

[1] В. И. Ленин. Собр. соч., изд. 1-е, т. VII, ч. 1, стр. 122.

[2] О том, какое могучее действие оказал этот «Манифест», можно судить по следующим цифрам: за декабрь 1902 — 1904 гг. превышение вкладов в государственные сберегательные кассы Петербурга над выдачами выразилось цифрой 265 р., в провинции 3 914 р. (по всей России — в 4 179 р.), а в декабре 1905 года превышение выдач над поступлениями было по Петербургу — 4 065 р., по провинции — 85 929 р., а всего 89 994 р. («История Совета Раб. Деп. г. Петербурга», стр. 193).

Не менее хорошо Совет понимал и огромное значение организационных связей с революционными массами населения, с социалистическими партиями, профессиональными и политическими союзами, оппозиционными слоями как в столице, так и в провинции. В этом отношении Совет вполне использовал то обаяние, которым он пользовался среди масс, и к концу существования он был связан не только с рабочими массами и профессиональными союзами рабочих и служащих, но и с крестьянским, железнодорожным и почтово-телеграфным союзами; у Совета были прочные связи с социалистическими партиями, налаживались связи с армией. Совет действительно становился огромной силой: под его влиянием создавались Советы в других городах. Приближался момент, когда уже самый факт существования Совета должен был передать в его руки ту самую реальную силу, бросить в его объятия то самое крестьянство, темнотой которого держалось самодержавие... Но та самая революционная демократия, представители которой были в Совете, и те оппозиционные группы, самой большой силой которых была либеральная буржуазия, удовлетворились октябрьской победой и за спиной народа сговаривались с царем. Это и дало уверенность и силу самодержавию. Оно победило: 3 декабря Совет был арестован.

Петербургский Совет отлично понимал, что после первых побед над самодержавием необходимо расширить свою организационную базу и создать всероссийское объединение Советов, которые кое-где возникли помимо Петербургского Совета, а кое-где непосредственно под его организационным влиянием; возникает идея съезда депутатов всех Советов, профессиональных союзов и стачечных комитетов; так, 19 ноября отправляются депутаты в Москву, в южные и поволжские города. И за всем тем Петербургский Совет не превратился в тот орган восстания, каким был Московский Совет Рабочих Депутатов. Было и другое обстоятельство, помешавшее Петербургскому Совету стать тем, чем стал Московский Совет,— органом вооруженного восстания,— это наличие в Совете весьма значительного количества меньшевиков, которые конечно не думали о превращении Совета в такой орган восстания. Борьбе с оппортунистическим влиянием меньшевиков в Петербургском Совете очень много внимания уделяли большевики, в особенности после того, как в большевистской части партии было понято все огромное значение Совета.

Как известно, ни большевики, ни меньшевики в первые моменты существования Совета не могли по весьма естественным причинам понять этого значения. Что это действительно так, и что, по крайней мере, до конца октября, стало быть, до того момента, когда выяснилось, какую силу представляет Совет, как

руководитель в борьбе рабочих масс, большевики не представляли себе всего значения Совета,— об этом свидетельствуют не только резолюции наших районных организаций, вроде резолюции Семянниковского подрайона за Невской заставой, приводимой т. Гориным на стр. 60 своей книги,— резолюции, в которой предлагалось членам Совета социал-демократам даже уйти из Совета, если Совет пойдет не по социал-демократической линии, не только подобные резолюции, но и очень определенное мнение руководящих партийных центров.

Некоторые товарищи, наоборот, полагают, что с самого начала возникновения Совета большевики сразу оценили эту организацию. Так думает, напр., т. П. Горин, когда говорит: «Большевики придавали огромное значение Совету» . Нужно спросить: когда? Если говорить об октябре, как это делает т. Горин, то это неверно. И петербургские и московские большевики сначала не могли оценить всей огромной роли Совета. Тов. Кнуньянц (Радин) очень хорошо выразил тогдашний взгляд большевиков на Совет, как на организацию для руководства только определенными выступлениями пролетариата. «Он может,— писал он в № 5 «Новой Жизни»,— только руководить определенными выступлениями пролетариата, стать во главе активных определенных массовых действий» [1].

Тов. Кнуньянц только верно отражал то официальное мнение, которое существовало в октябре в наших руководящих партийных, и меньшевистских и большевистских, центрах.

В резолюции Петербургского федеративного совета РСДРП, т. е. временного объединенного центра большевиков и меньшевиков, напечатанной в «Письме ко всем партийным работникам» ЦК РСДРП от 27 октября 1905 г., стало быть, уже после того, как Петербургский Совет сыграл огромную роль во всероссийской политической забастовке,— в этой резолюции очень ясно высказана точка зрения партии, весьма близкая к мнению т. Кнуньянца.

Сказав, что партия на своем пути выступления, как руководитель рабочих масс, встречает «политически неоформленные и социалистически незрелые рабочие организации, создаваемые стихийно-революционным движением пролетариата», резолюция дальше указывает, что «каждая из таких организаций, представляющая известный этап в политическом развитии пролетариата, поскольку он стоит вне рядов социал-демократии, объективно оказывается перед опасностью задержать пролетариат на примитивном политическом уровне и тем подчинить его буржуазным партиям».

---

[1] «Новая Жизнь» 1905 г. № 3, статья Кнуньянца «Об организации» и ее продолжение в № 5 с подзаголовком «Советы рабочих депутатов или партия» (по изд. Истпарта, стр. 101).

«Одной из таких организаций,— говорится в резолюции далее,— является Петербургский Совет Рабочих Депутатов».

Установив, таким образом, свой взгляд на природу Совета, резолюция рекомендует социал-демократам, членам Совета: 1) добиваться принятия Советом программы РСДРП; 2) в случае отказа со стороны Совета принять с.-д. программу, уйти из Совета и разоблачать перед пролетариатом антипролетарский характер подобных организаций, и 3) в случае, если Совет, отказавшись принять с.-д. программу, оставит за собой право в каждом отдельном случае определять свою политику, с.-д. не уйдут из Совета, но оставят за собой право доказывать «всю бессмысленность подобного политического руководства».

Тов. М. И. Васильев (Южин), сам принимавший близкое и руководящее участие в движении и даже уже в сентябре выбросивший лозунг организации Совета в Москве, хорошо знал это отношение наших руководящих партийных центров к Советам.

«Эта резолюция,— говорит он,— содержалась в «Письме ко всем партийным работникам» ЦК РСДРП от 27 октября 1905 г., но сущность отношения ЦК к Советам была известна нам уже раньше. Теперь ясно, что такое отношение к Советам являлось большой ошибкой, но тогда оно было господствующим среди большинства социал-демократов, в том числе и меньшевиков. Роль Советов, как новых органов власти, как органов диктатуры пролетариата, была еще не ясна»[1].

Тов. Васильев (Южин) очень правильно определяет тогдашние взгляды большевиков на Советы. И уж совсем неправильно приписывает Ленину т. Горин в октябре и ноябре взгляды на Советы, как на зародыш новой, революционной власти. «В ряде статей, помещенных в «Новой Жизни», Ленин развивал свои положения о Совете Рабочих Депутатов, как боевой организации пролетариата, как зародыше новой революционной власти». Так говорит т. Горин. «Ряд «статей В. И. Ленина в «Новой Жизни» о Советах — это три статьи: в № 13, от 15 ноября, «Неудачная провокация»; в № 16, от 18 ноября, «Учитесь у врагов», и в № 21, от 25 ноября 1905 г., «Социализм и анархизм». Как же определяется в этих статьях сущность Советов? Как «зародыш новой революционной власти»? В первой из этих статей, одобрительно отзывающейся о постановлении Совета, призывавшего рабочих ответить буржуазии всероссийской борьбой всего пролетариата, В. И. Ленин ни слова не говорит о природе Совета и указывает только на то, что «союзу самодержавия и буржуазии мы должны противопоставить союз со-

---

[1] М. И. Васильев (Южин). «Московский Совет Рабочих Депутатов 1905 г. и подготовка вооруженного восстания», М. 1925 г., стр. 17.

циал-демократии и всей революционной буржуазной демократии»[1].

Во второй статье, «Учитесь у врагов», Ленин выступает против «Нашей Жизни», которой не нравилась борьба большевиков в Петербургском Совете против «беспартийных» классовых организаций, против стремлений меньшевиков «объединить весь пролетариат без различия политического вероисповедания».

Ленин выступает против «беспартийности» и ни слова и здесь не говорит о природе Советов.

Только в одной статье, помещенной в «Новой Жизни» (в № 21, от 25 ноября 1905 г.), «Социализм и анархизм», В. И. Ленин касается сущности Совета, но и здесь ни слова не говорит о Совете, как о зародыше новой революционной власти, как о диктатуре пролетариата и крестьянства. Здесь, в этой статье, В. И. Ленин определяет Совет как боевую организацию для достижения определенных целей.

«Совет Рабочих Депутатов,— говорит он,— не рабочий парламент и не орган пролетарского самоуправления, а боевая организация для достижения определенных целей».

«По существу дела Совет Рабочих Депутатов является неоформленным, широким боевым союзом социалистов и революционных демократов, при чем, конечно, «беспартийная революционность» прикрывает целый ряд переходных ступеней между теми и другими. Необходимость в таком союзе очевидна для ведения политических стачек и других более активных форм борьбы за насущные, признанные и одобренные гигантским большинством населения демократические требования»[2].

Нет ни слова о Советах, как органах новой революционной власти, и в статье Ленина, написанной уже в январе 1906 года,—«Платформа большинства». Говоря о бойкоте Думы, В. И.

---

[1] В. И. Ленин. Собр. соч., изд. 1-е, т. VII, ч. 1, стр. 26-27. В статье в «Новой Жизни» от 23 ноября 1905 г. Ленин как раз подчеркивал в противовес буржуазной «Руси», предлагавшей создать «Особый Всенародный Совет депутатов», который бы стал органом власти народа, что «органом власти народа, временно перенимающим обязанности правительства, которое потерпело крах, называется на простом и ясном русском языке временным революционным правительством. Такое правительство должно быть временным; ибо его полномочия иссякают с созывом всенародного учредительного собрания. Такое правительство должно быть революционным»... Соч. Ленина 3-е изд, т. VIII, стр. 406. Здесь еще нет того определения Совета, какое Ленин дал позже. Здесь Ленин еще говорит, что «органы народной власти стали самопроизвольно расти» и что «эти органы—революционные партии и боевые организации рабочих, крестьянских и других, ведущих революционную борьбу, народных элементов». (Там же, стр. 407). Органы власти, к которым Лениным причислены боевые организации рабочих, крестьян и «других, ведущих революционную борьбу, народных элементов» это, конечно, далеко не то определение, какое дает Ленин уж тем органам власти, которые Ленин определяет уже как Советы позже.

[2] Там же, стр. 40.

вооружается против лозунга меньшевиков: выборам в Думу противопоставить выборы в Советы. «Да и к чему,— говорит он здесь,— создавать новые Советы Рабочих Депутатов по-новому, когда есть еще (напр., в Питере) старые Советы Рабочих Депутатов? Это бесполезно и даже вредно, ибо вызовет неправильное, мечтательное настроение, будто падающие и разлагающиеся Советы можно оживить новыми выборами, а не новой подготовкой и расширением восстания» [1].

Больше того: в январе 1906 года Ленин еще смотрит на Советы как на «в р е м е н н у ю (подчеркнуто нами.— В. Н.) беспартийную организацию, которая может иногда дополнить, но никак не заменить прочной и длительной боевой партийной организации».

«... Аресты этих Советов,— говорит он,— дали весьма важный урок рабочим. Эти аресты показали, что опасно доверять лжеконституционализму, как непрочно «революционное самоуправление» без победы революционных сил, как недостаточна временная беспартийная организация, которая может иногда дополнить, но никак не заменить прочной и длительной боевой партийной организации. (Столичные Советы Рабочих Депутатов пали потому, что у них нехватило прочной опоры и боевой организации пролетариата» [2].)

И здесь, как видим, нет ни слова о Советах, как об органах новой революционной власти, и только в марте 1906 года, в работе «Победа кадетов и задачи рабочей партии», В. И. Ленин впервые формулировал свой общеизвестный взгляд на природу Советов начала 1905 г., как на такую организацию, которая отличается теми тремя признаками, о которых мы говорили выше: 1) эта организация «продукт самобытного народного творчества», а не писанного закона; 2) это самобытное т в о р ч е с т в о м а с с и 3) это, наконец, «зародыш нового, народного или, если хотите, революционного правительства» наравне с другими подобными организациями (советами солдатских, железнодорожных, крестьянских и иных депутатов) [3].

Все только что сказанное мы говорим совсем не для того, чтобы умалить значение Петербургского Совета или чтобы указать на ошибки большевиков,— мы говорим это для того, чтобы показать, что создание Советов было не таким простым и однообразным процессом, как это кажется с первого взгляда, и что только наблюдая Советы в их великой борьбе и развитии,

---

[1] Там же, стр. 58.

[2] Там же, стр. 62, статья «Государственная Дума и социал-демократическая тактика».

[3] См. «Победа кадетов и задачи рабочей партии», откуда и взяты нами определения самого Ленина, поставленные нами в кавычки. Соч., 1-е изд., т. VII, ч. 1-я, стр. 121 или 3—6-е изд., т. IX, стр. 116.

все большевики, и прежде всего В. И. Ленин, взвесили огромную роль, какую играли Советы.

История возникновения Московского Совета еще более, чем история Петербургского, подтверждает ту мысль, что советская форма организации возникала и действовала не по какому-то заранее определенному трафарету, а что в зависимости от обстоятельств, времени и места и жизнь и деятельность Совета принимала особые, отличающие его от других организаций формы.

Само собой ясно, что изучение истории Советов 1905 года важно для нас не только потому, что воскрешает в памяти пролетариата его прошлое, но главным образом потому, что, воскрешая это прошлое, иллюстрирует, подтверждает правильность той тактики, какую дает партия и в настоящее время.

Стоит только внимательно продумать историю Советов 1905 года, чтобы понять до какой степени не знают этой истории все те, кто, вкривь и вкось толкуя и искажая ленинскую постановку вопроса о диктатуре пролетариата и о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, пытаются протащить в партию под видом этой проблемы свои оппортунистические (правые) и даже контр-революционные взгляды (троцкисты).

Этот вопрос был поставлен Лениным давно и особенно четко в 1905 г., а в 1917 году в связи с особыми условиями времени и обстоятельств, тщательно, подробно и с исчерпывающей глубиной и ясностью, не дающей места никаким кривотолкам, разъяснен, уточнен и разрешен.

Еще в 1905 году Ленин писал в «Двух тактиках»: «У революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства есть, как и у всего на свете, прошлое и будущее». Говоря об этом будущем, он заявлял:

«Ее будущее — борьба против частной собственности, борьба наемного рабочего с хозяином, борьба за социализм. Тут единство воли невозможно. Тут перед нами не дорога от самодержавия к республике, а дорога от мелкобуржуазной демократической республики к социализму»[1].

Возвращаясь к опыту Советов 1905 г. уже в эпоху Февральской революции и разоблачая оппортунистическое истолкование Каменева по вопросу о характере тогдашней советской формы, Ленин подчеркивал, что оппортунистами Советы «не поняты еще и в том отношении, что они представляют из себя новую форму, вернее, новый тип государства».

«Революционные эпохи,— пишет Ленин,— начиная с конца XIX века, выдвигают высший тип демократического государства, такого государства, которое в некоторых отношениях

---

[1] В. И. Ленин. Собр. соч., изд. 1-е, т. VI, стр. 359.

перестает уже, по выражению Энгельса, быть государством, «не является государством в собственном смысле слова». Это — государство типа Парижской Коммуны, з а м е н я ю щ е е особую от народа армию и полицию прямым и непосредственным вооружением самого народа. В э т о м суть Коммуны, которую оболгали и оклеветали буржуазные писатели, которой ошибочно приписали, между прочим, намерение немедленно «ввести социализм».

Именно такого типа государство н а ч а л а создавать русская революция в 1905 и 1917 годах» [1].

И чтобы не было никаких кривотолков и чтобы оппортунисты всех мастей не могли придраться к словам «немедленно ввести социализм», Ленин дальше категорически утверждает: «Последние (т.-е. Советы.— В. Н.) воспроизводят тот тип государства, какой вырабатывался Парижской Коммуной и который Маркс назвал «открытой, наконец, политической формой, в которой м о ж е т произойти экономическое освобождение трудящихся» [2] (т.-е. то введение социализма, которого так не хотят оппортунисты.— В. Н.).

Едва ли кто станет возражать против этих мнений Маркса и Ленина, а если это так и если принять во внимание очень ясные и точные высказывания Ленина в его капитальных работах (как, напр., «Государство и революция», «Пролетарская революция и ренегат Каутский» и др.), то, право, не останется сомнений в том, что запутыванием, затемнением уже давно поставленного и разрешенного теоретически, а после октября 1917 г. и практически вопроса оппортунисты и справа и слева, своей постановкой проблемы о перерастании пользуются только для того, чтобы протащить свои идейки, граничащие часто с контр-революционной идеологией,— в среду нашего победоносного пролетариата и его партии.

Повторяем, для всякого последователя Ленина теоретический вопрос о перерастании был поставлен давно и решён историей последней революционной эпохи в духе теории Маркса и Энгельса и на практике.

С этой точки зрения история Советов 1905 г., как исходной точки нового типа государства, о каком говорят Маркс и Энгельс, у нас, в нашей стране, в наших своеобразных условиях и для нас и для Запада представляет огромный и актуальный интерес.

Формально Московский Совет организовался значительно позже некоторых даже провинциальных Советов,— первое его заседание происходило 22 ноября, в то время как в Ростове-на-

---

[1] В. И. Ленин. Собр. соч., изд. 1-е, т. XIV, стр. 46.
[2] Там же, стр. 47.

Дону Совет начал свою работу уже 7 ноября, а в Новороссийске еще в октябре организация Совета была в полном ходу. И несмотря на то, что на первом заседании Московского Совета присутствовал эмиссар из Петербурга от Совета, необходимо подчеркнуть то обстоятельство, на которое было указано выше: мысль о создании Совета Рабочих Депутатов возникла в Москве еще в сентябре, и Петербург со своим Советом был только толчком, который ускорил дело организации в Москве.

Формально Совет в Москве начал свое существование 22 ноября, но фактически «организация Московского Совета Рабочих Депутатов началась, по крайней мере, с первых чисел ноября» [1]. Так говорит один из активных его создателей, т. М. И. Васильев (Южин). В этом нет ничего удивительного: после сентябрьской стачки, когда была выдвинута идея Совета Рабочих Депутатов в воззвании «К борьбе», прошел всего один месяц, в течение которого то, что намечалось в московской прокламации в идее, осуществилось на деле в Петербурге.

После этого опыта в Петербурге организация в Москве должна была пойти естественным путем, как дальнейшее развитие того опыта, который проделан в Питере.

Самим участникам движения, в том числе и т. Васильеву, дело представлялось так, что Совет необходимо было организовать в противовес буржуазному московскому стачечному комитету, где было очень много буржуазной интеллигенции и очень мало рабочих, попавших в комитет в момент октябрьской стачки.

«И мы и меньшевики,— говорит т. Васильев,— приступили к организации Совета главным образом потому, что хотели его противопоставить московскому стачечному комитету, достаточно обнаружившему свою предательскую мелкобуржуазную сущность» [2].

Но дело в том, что после октябрьской забастовки не только в Москве, но и в других местах большевики логикой событий вынуждены были создавать боевые организации советского типа, если они не хотели упустить руководство событиями из своих рук. Точно так же, как и в Москве, в Самаре революционные социал-демократы должны были создать революционную беспартийную рабочую организацию в противовес буржуазной — «комитету общественного порядка», возникшему, как и в Москве, в момент октябрьской стачки. А так как, кроме этого буржуазного «комитета общественного порядка», в Самаре возникли еще и другие стачечные комитеты — городской, председателем которого был студент «Варенга», и железнодорожный, председателем которого являлся инженер Осеев,— тоже далеко не ре-

---

[1] М. И. Васильев (Южин). «Московский Совет Раб. Деп.», стр. 23.
[2] Там же.

волюционные, то мысль об организации Совета напрашивалась сама собой. Что и эти организации носили буржуазный характер,— видно из резолюции Самарского Совета Рабочих Депутатов, принятой на первом же заседании Совета.

«Совет Рабочих Депутатов,— говорится в этой резолюции,— находит союз железнодорожный буржуазной организацией, стремящейся затемнять классовое самосознание рабочих, и рекомендует последним не вступать в него. Что касается стачечного комитета, то СРД находит его не заслуживающим доверия рабочих, потому что он — полубуржуазная организация, а деятельность его излишней, а часто и вредной, и потому СРД находит необходимым упразднить его и все дела, касающиеся железнодорожных рабочих, передать в ведение организующихся железнодорожных профессиональных союзов и в Самарский Совет Рабочих Депутатов» [1].

Такое же явление происходило и в Киеве, когда там возникал Киевский Совет Рабочих Депутатов из «Союза рабочих г. Киева».

Там роль организации, в которой господствовала в октябре буржуазия, играл местный «Союз Союзов». И там пришлось социал-демократии бороться с буржуазией за влияние на рабочих, тем более, что даже на первом собрании делегатов, когда создавался Совет, из среды самих делегатов-рабочих раздавались голоса за соединение с буржуазным «Союзом Союзов». И здесь на собрании 6 ноября была вынесена резолюция, резко отрицательная по отношению к буржуазным стачечным организациям, несмотря на красноречивые выступления либерального инженера, призывавшего к сотрудничеству классов. Вот эта резолюция: «Совет Рабочих Депутатов г. Киева по вопросу объединения с «Союзом Союзов» постановляет: интересы рабочего класса требуют особой организации пролетариата, а потому Совет высказывается против вступления в «Союз Союзов», не отказываясь вступать к ним в соглашение в отдельных случаях борьбы с самодержавным правительством» [2].

Было бы излишним приводить подобные же факты из истории возникновения других Советов. То, что представлялось деятелям-большевикам в Москве как необходимость борьбы со своей местной буржуазией, было всероссийской необходимостью для всего российского пролетариата: Советы, как боевые органы соглашения революционной социал-демократии и революцион-

---

[1] «Самарский Курьер», № 426, 3 декабря 1905 г., стр. 3, «Собрание Совета Рабочих Депутатов».

[2] «Киевская Газета» № 308 от 8 ноября 1905 г., стр. 5, «Первое заседание рабочих Киева».

ных рабочих, должны были быть созданы, если социал-демократия не желала упустить руководство пролетариатом из своих рук, как бы сильна местная социал-демократическая организация ни была в то время. Без таких организаций повести на восстание пролетариат было нельзя. Это прекрасно поняли московские большевики в ноябре 1905 года, и, как бы ни судить об этом теперь, величайшим фактом является то, что московские большевики сумели в ноябре-декабре 1905 года сделать шаг вперед по сравнению с Петербургом, а именно превратить Московский Совет из боевого органа соглашения революционной социал-демократии с революционной демократией (социалистами-революционерами и меньшевиками) в орган восстания, где эсеры и меньшевики, т. е. эта самая демократия, играли подчиненную роль, плетясь в хвосте большевиков. В этом и заключается историческая заслуга московских большевиков, и это прекрасно доказано т. Васильевым (Южиным) в его прекрасной работе.

Эта разница двух Советов, как бы двух типов советской формы организации, особенно хорошо иллюстрирована т. Васильевым примером того отношения к армии, которое выявилось со стороны активнейших работников Московского и Петербургского Советов. И тот и другой Совет бросали в массы лозунг: «Вооружайтесь», но в то время как Московский Совет, в лице своего руководящего органа, стремился двинуть в бой московских солдат (хотя и неудачно), Петербургский Совет, в лице своего виднейшего представителя, выразил так свое отношение к армии: «Граждане! Нашим требованием да будет удаление войск из Петербурга! Пусть на 25 верст вокруг столицы не останется ни одного солдата»[1].

Но не только в этом отношении отдельных представителей выразилась разница в Петербурге и в Москве в деле привлечения солдат к Советам: в Москве, хотя и кратковременно, существовал Совет Солдатских Депутатов. Этот Совет организовался в момент восстания в Ростовском полку в начале декабря. Первое и, кажется, единственное собрание этого Совета происходило 2 декабря 1905 г. На этом собрании присутствовали, кроме депутатов восставшего Ростовского, еще представители Екатеринославского, Несвижского, Троице-Сергиевского и Казачьего полков, а также трех саперных батальонов и, разумеется, пред-

---

[1] М. И. Васильев (Южин), «Моск. Сов.», стр. 45, и Л. Д. Троцкий, «1905», стр. 113, изд. 4-е. Слова были сказаны Троцким, правда, в октябре, 18-го числа, на митинге с балкона университета, но здесь важна не дата а факт того отношения к вопросу об армии виднейшего представителя меньшевистской фракции и вскоре затем руководителя Совета (в издании 1922 г. это место находится на стр. 117).

ставители военных организаций РСДРП и партии соц.-революционеров вместе с начальниками боевых дружин[1].

К сожалению, эта организация скоро распалась: падавление восстания в Ростовском полку и вспыхнувшее восстание в Москве не дали возможности этой организации развиться и окрепнуть хотя бы так, как это происходило на Дальнем Востоке и в тех местах, где образовались Советы Солдатских Депутатов,— Чите, Иркутске, Красноярске.

За свое кратковременное существование (от 22 ноября до 5 декабря 1905 года) Московский Совет охватил подавляющее большинство московских рабочих, имея в своем составе более двухсот депутатов, представлявших около ста тысяч рабочих. Какой же характер носил Московский Совет, и что отличало его от Петербургского Совета?

Этой чертой является господствующее влияние большевиков социал-демократов в Московском Совете. Хотя формально все важнейшие решения, касавшиеся выступлений московского пролетариата, проводились через Совет, хотя в Исполнительном Комитете Совета было по два представителя от большевиков, меньшевиков и социалистов-революционеров, хотя были созданы и районные Советы, однако фактически все движение в Москве находилось в руках социал-демократов большевиков. Тов. Черномордик (П. Ларионов) считает, что причинами такого явления были следующие обстоятельства: Московский Совет организовался поздно, не успел развернуть организационной работы, его собрания происходили нелегально, и Московский Совет и его исполнительный орган не носили характера постоянного учреждения, и главное руководство всем движением в Москве находилось в руках федеративного совета РСДРП, где господствовали большевики. «Московский Совет,— говорит т. Ларионов,— был не руководящий орган московского революционного пролетариата, а боевой орган, при помощи которого большевики осуществляли политическое влияние и руководство пролетарскими массами. С другой стороны, Московский Совет был как бы проводником политического влияния с.-д. в массы. При этих условиях не было никакой необходимости в существовании каких-то особых руководящих и деловых органов Совета, как ИК. Руководящие и деловые функции выполняли партийные орга-

---

[1] См. отчет об этом собрании в газете «Вперед» 1905 г. № 3 от 4 дек. Это собрание, как и другое, устроенное солдатами-ростовцами, где уже были представители Астраханского, Самогитского и других полков, депутаты от революционных партий и Совета Рабочих Депутатов, несомненно было попыткой организовать солдатский совет: быстрое подавление брожения в Ростовском полку сделало существование солдатского совета кратковременным. (См. также М. И. Васильев (Южин), выше цитированную работу, изд. 1925 г., стр. 62).

низации, а Совет лишь имел моральное значение и политическое постольку, поскольку он объединял широкие беспартийные пролетарские массы. А это значение он приобретал в постановлениях своих пленумов»[1].

Тов. М. Васильев (Южин) несколько иначе расценивает цель и задачи Совета, считая его «могучим помощником партии» и полагая, что Советы необходимы там, где «социал-демократия не успела еще к моменту революции охватить своей стройной организацией широких рабочих масс»; он, однако, говорит, что «цель Совета Рабочих Депутатов — помочь объединению и руководству политической и экономической борьбой пролетариата[2].

Тов. Черномордик полагает, что оценка т. Южина, вообще говоря, неверна, но применима к Московскому Совету, так как Московский Совет целиком проводил в жизнь все постановления, воззвания и резолюции Московского Комитета большевиков. Говоря это, т. Черномордик утверждает, что определение, данное Лениным, также неприменимо к Московскому Совету, ибо, в силу указанных выше причин, Московский Совет не был «широким боевым союзом социалистов и революционных демократов».

Как определяет Ленин природу Советов 1905 года?

Это — широкий боевой союз социалистов и революционных демократов, при чем, конечно, «беспартийная революционность» прикрывает целый ряд переходных ступеней между теми и другими. Что же это за боевой союз? Это «боевая организация для достижения определенных целей»,— говорит он в другом месте той же статьи, откуда взята цитата о «боевом союзе»[3].

Из кого же состоит эта боевая организация? «В эту боевую организацию входят, на началах временного, не оформленного боевого соглашения, представители Российской Социал-Демократической Рабочей Партии (партии пролетарского социализма), партии «социалистов-революционеров» (представители мелкобуржуазного социализма или крайняя левая революционной буржуазной демократии), наконец, много рабочих «беспартийных»[4].

Спрашивается, отвечает ли характер Московского Совета только что указанным признакам? Несомненно, в его состав входили и большевики, представители пролетарского социализма, и меньшевики, социалисты-революционеры, представители мелкобуржуазного социализма, и беспартийные рабочие. Был ли Мо-

---

[1] С. Черномордик (П. Ларионов). «МСРД 1905», — «Иввестия Моск. Сов. Раб. Деп. 1905 г.», М. 1925, стр. 9.

[2] «Московский Совет Раб. Деп. в 1905 г. подгот. к вооруж. восстанию».

[3] В. И. Ленин. Собр. соч., изд. 1-е, т. VII, ч. 1, стр. 40, «Социализм и анархизм».

[4] Там же, та же стр.

сковский Совет боевой организацией пролетариата для достижения определенных целей? Несомненно. Сам же т. Черномордик говорит: «Через Совет Московская организация нашей партии осуществляла политическое руководство широкими рабочими массами. Через Совет вся деятельность Московского Комитета нашей партии как бы санкционировалась московским пролетариатом».

В этом последнем замечании вся суть. Как бы ни была сильна организация в Москве, каким бы обаянием ни пользовались большевики в Москве в 1905 году, почему-то требовалась санкция организации, куда входили не только социалисты-революционеры, но и беспартийные революционные рабочие. Без этой санкции не выступал в решительные моменты большевистский центр, эта санкция потребовалась для самого решительного акта, предпринятого большевистским центром,— объявления 7 декабря всеобщей политической забастовки, превращающейся в вооруженное восстание.

Почему-то потребовалась такая санкция. Ведь, если верить т. Южину, «в Москве социал-демократия охватила широкие массы рабочих своей стройной организацией» (подчеркнуто нами.— В. Н.), а если это так, то к чему санкция еще какой-то организации, кроме той, которая охватила своей стройной организацией массы? Просто так, чтобы прибавить лишнюю подпись под своей резолюцией? И прежде всего действительно ли наша большевистская организация охватила широкие массы рабочих Москвы своей стройной организацией? Что говорит сам т. Черномордик по поводу стройности Московской организации? «Вся беда заключается в том,— говорит он,— что декабрьское восстание произошло не тогда, когда мы этого хотели, а когда этого хотели наши враги, т. е. в тот момент, когда мы ни политически, ни технически к этому не были еще готовы»[1].

Почти в таких же выражениях высказывается и другой, не менее осведомленный работник о состоянии Московской организации: «Нужно сказать прямо: организации не были подготовлены к подобному выступлению. Отсутствовал план, отсутствовали распоряжения». Это говорит т. Михаил Мироныч (т. Мандельштам Н. Н.). О такой же согласованности и отсутствии плана говорят и другие товарищи: Владимирский, Доссер, Костицын, Виноградов, Седой (З. Литвин), да и стоит ли всех перечислять [2]?

---

[1] «Путь к Октябрю», вып. 1-й, стр. 7.

[2] М. Владимирский. «Московский Ком. РСДРП»,— сб. «Декабрьское восстание в Москве в 1905 г.», стр. 43; З. Доссер и В. Костицын — в сб. «Декабрь 1905 г. на Пресне», М., 1923; там же Виноградов; тов. Седой. «Красная Пресня»,— сб. «Декабрьское восстание в Москве в 1905 г.», стр. 25; тов. А. В. Шестаков (Никодим) в статье «В цикле 25 лет» (сб.

В то же время т. М. Васильев (Южин) в своих воспоминаниях говорит, что накануне восстания решено было привлечь весь пролетариат Москвы к решению вопроса о выступлении, и с этой целью было предложено Московскому Совету подвергнуть вопрос о восстании обсуждению на фабриках и заводах. Когда вопрос был решен, руководство забастовкой и восстанием было формально поручено Исполнительному Комитету Совета, но так как Президиум Исполнительного Комитета состоял из лиц, входивших в федеративный комитет, то фактически руководство принадлежало ему [1]. Совета, стало быть, обойти было нельзя, и весь вопрос заключался в том, что федеративный комитет и Исполнительный Комитет в сущности были одно и то же, и поэтому восстанием руководил федеративный комитет, т. е. большевики.

Все выше приведенные рассуждения нисколько не умаляют московских большевиков, наоборот, их героизм, их революционное чутье, их истинно революционная тактика в декабре 1905 года в том и проявились, что, несмотря на отсутствие плана, на неподготовленность, несмотря на то, что именно наша организация, включая максимум десять тысяч рабочих (в декабре), не охватывая своими организационными рамками широких рабочих масс, поняла необходимость выступления, звала к нему, руководила им и сумела использовать все имеющиеся в ее распоряжении средств и в том числе авторитет Совета [2].

Природа Московского Совета была такова же, как и природа всякого другого Совета,— это был боевой союз социал-демократов, социал-революционеров и беспартийных рабочих, но с тем отличием от Петербургского Совета, что в этом боевом Союзе исключительным влиянием обладали большевики, что Московский Совет в своем развитии ушел значительно дальше Петербургского и, как прекрасно выяснил сам же т. Васильев в своей последней работе, был превращен большевиками в орган восстания революционного пролетариата.

Но даже обладая этим влиянием, они вынуждены были прибегать к санкции Совета, ибо каким бы обаянием ни пользовались большевики, обаяние Совета было еще больше. И московские большевики это прекрасно понимали, когда вместе с рабочими

«Путь к Октябрю», вып. 3) определяет численность организованных рабочих в Москве в середине 1905 г. не более двух с половиной тысяч человек, если даже предположить, что к декабрю организация увеличилась в пять раз, то и это не дает права сказать, что с.-д. организация охватила широкие массы рабочих (стр. 19). См. прим. к стр. 31. Тов. Шестаков считает летом численность нашей организации в две с половиной тысячи; есть данные считать к началу осени организацию тысяч в восемь членов партии.

[1] «Декабрьское восстание в Москве в 1905 г.», стр. 39.

[2] О численности Московской организации см. прим. к стр.

создавали не только общегородской, но и районные Советы, и когда посылали своих депутатов в другие города организовывать Советы. О том, какое огромное значение имели районные Советы в дни вооруженного восстания в Москве, можно судить по воспоминаниям рабочего Ив. Петухова, рассказывающего о выборах Лефортовского Районного Совета, об участии рабочей массы в этих выборах и о том энтузиазме, который охватил рабочих, провожавших своих депутатов до места первого заседания [1]. Характерно подчеркнуть следующий эпизод,— говорит т. Петухов.— Когда от литейщиков был избран старый рабочий, по прозвищу Феофан, то он обратился к собранию с краткой речью. «Товарищи,— сказал он,— только теперь я понял, какая сила в единении рабочего класса. Я увидел, что всеобщим коллективным выступлением на борьбу со своими врагами, буржуями, можно добиться всех прав и свободы. Мне, старику, и во сне не снилось, что мне придется быть избранным для отстаивания наших рабочих прав и носить почетное звание представителя Совета Рабочих Депутатов, но только мне думается, что без кровавой схватки в борьбе с нашими угнетателями дело не обойдется, а поэтому мы, ваши избранники, просим вас поддерживать с оружием в руках ваши Советы Рабочих Депутатов».

Без Советов наша партийная организация, как бы сильна она ни была, как это показал 1917 год, повести за собой м а с с ы на вооруженную борьбу не могла бы, создать той атмосферы сочувствия и содействия, которая охватила десятки миллионов людей, не сумела бы. Так, в Москве, только уничтожив стачечный комитет, где было множество представителей буржуазии, и создав Московский Совет, большевики получили не только организацию, которая давала санкцию решениям большевистского центра, ставила печать, но и действительно была боевой организацией, неоформленным боевым союзом революционной социал-демократии с революционными рабочими. Отличие от Петербургского Совета состояло именно в том, что в этом боевом союзе промежуточные звенья между двумя концами цепи (революционная социал-демократия — большевики, и революционные рабочие — социал-революционеры, меньшевики) были и менее сильны и менее многочисленны, чем в Петербурге; существо же Совета, так сказать, природа его оставалась та же. Именно этот боевой союз позволил москвичам бросить вызов самодержавию, именно этот союз создал вокруг большевистских дружин и большевистского центра ту огромную широкую массу рабочих, без которых нельзя было продержаться и дня, как бы сильны эти дружины ни были. М о с к о в с к и й С о в е т б ы л т о л ь к о д а л ь н е й ш е й с т у п е н ь ю в р а з в и т и и, к о т о р а я н о с и т и м я

---

[1] «Путь к Октябрю», вып. 3, стр. 65-66.

Совета: от боевого союза революционной социал-демократии, революционных демократов и революционных рабочих москвичи начали переход к следующему этапу, первую попытку к такому боевому союзу, к такой цепи, из которой выпадают те промежуточные элементы, та самая революционная демократия, те слои, от которых с таким мучительными потрясениями происходила эмансипация в наше время.

Мы увидим далее, что Петербургский и Московский Советы — как бы два типа этой организации, и что все остальные Советы, в других городах страны, приближаются то к петербургскому, то к московскому типу, подражают то Петербургу, то Москве, повторяя и выявляя в своем развитии существенные черты то Петербургского, то Московского Совета.

III

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ СОВЕТЫ

Вопрос о существовании Советов в провинции еще не вполне освещен. До настоящего времени было установлено существование Советов в следующих городах: в центральной России и на Севере — в Костроме, Саратове, Самаре, Мытищах, Твери, Орехово-Зуеве, Александрове, Вятке, Екатеринбурге, Надеждинском и Воткинском заводах; на Юге России — в Одессе, Николаеве, Киеве, Кременчуге, Екатеринославе, Юзовке, в Макеевке, на Вознесенском руднике, Мариуполе, Таганроге, Ростове-на-Дону, Сулине; на Кавказе — в Новороссийске и Баку; в Сибири — в Красноярске, Иркутске, Чите, Владивостоке, Сретенске, Харбине, Нерчинске; на Западе России — в Белостоке и Смоленске, и Прибалтийском крае — в Либаве и Ревеле[1].

Существует давно установившееся мнение, что во всех перечисленных городах и местечках Советы возникли под влиянием Петербургского Совета, при этом высказывающие такое мнение полагают, что только толчок, данный из Петербурга, заставил

---

[1] Евг. Маевский («Общая картина движения», в т. II, ч. 1-й «Общественного движения в России в начале XX в.») называет еще Сормово, где будто бы существовал Совет (стр. 116). Тщательное исследование этого вопроса т. В. Иллариновым «Из истории революционного движения в Нижегородском крае» показало, что в Сормове в 1905 году Совета не было. Зато имеются указания, что Советы существовали в тех городах и местечках, какие Маевский не упоминает; так, напр., Советы были в Мытищах и Орехово-Зуеве (см., напр., «Путь к Октябрю», вып. 2, стр. 71, воспоминания А. Шестакова). Дальнейшее обследование вопроса, несомненно, даст ряд новых пунктов, где Советы были организованы и действовали. О провинциальных Советах вообще нет сводной работы, а в уже названной выше книге т. Горина им уделено совсем мало места, причем, напр., такие Советы, как Ростовский или Бакинский, отнесены к Донецкому бассейну. О многих Советах не сказано ни слова. Наша работа, хотя и значительно подробнее говорит, чем т. Горин, о провинциальных советах, однако не может претендовать на исчерпывающую полноту. Необходимо все же подчеркнуть, что т. Горин в своей большой работе совсем не использовал очень значительной литературы, использованной нами в нашей небольшой работе: она ему была просто неизвестна.

рабочих и их партии притти к этой форме организации. Действительно, большинство Советов организовалось в ноябре, а часть даже в декабре. Так, в ноябре начали действовать Советы в городах: Ростове-на-Дону, Одессе, Николаеве, Костроме, Самаре; в декабре — в большинстве остальных вышеперечисленных городов.

Больше того: мы знаем, что делегаты Петербургского Совета были в Москве, в Одессе и на Волге, посылал делегатов и Московский Совет, и, несомненно, их воздействие на провинциальные организации отрицать нельзя. Наконец, мы знаем, что идея рабочего съезда имела сторонников среди меньшевиков в то время, и для осуществления ее они предпринимали определенные шаги, ухватившись за Советы, как за удобную организацию, при помощи которой можно создать такой съезд. Все это бесспорно. Вне всякого сомнения, Петербургский Совет был большим толчком и примером, под воздействием которого стали возникать Советы и в других городах: революция нашла, наконец, в Петербурге ту форму организации, которая объединяла действительно широкие массы пролетариата, и было бы странно, если бы Петербургский Совет не толкал рабочих масс остальной России к подражанию. Но за всем тем необходимо подчеркнуть, что везде, где возникали Советы, уже существовали в том или другом виде зачаточные организации, из которых выросли Советы, не исключая Москвы, где идея Совета возникла еще в сентябре и где преобладающее влияние большевиков содействовало дальнейшей эволюции Совета. Поэтому так легко везде возникали Советы, равняясь либо по Петербургу, либо по Москве, в зависимости от соотношения сил, влияния и значения нашей партийной организации.

В самом деле, мы видели, что так происходило дело в Петербурге, где Совет вырос из многочисленных неоформленных депутатских организаций заводов и фабрик; так было и в Костроме, где Совет имел уже предшественника в июльские дни; так было в Москве, где московские печатники проделали опыт создания Совета в сентябре; так дело шло и в Екатеринославле и в Юзовке, где уже вскоре после январских событий организовалась «коалиция» стачечных комитетов, из которых и выросли эти Советы. Так дело шло и в других городах. Остановимся на истории возникновения еще нескольких провинциальных Советов, взяв такие города, где Советы в свое развитие, повторяя опыт Петербурга и Москвы, вносили кое-что новое и своеобразное. В Ростове-на-Дону образование Совета теснейшими узами связано было с существовавшими там стачечными организациями,— стачечными комитетами фабрик и, главное, железнодорожным

бюро Владикавказской железной дороги. 6 ноября в Ростове вспыхнула стачка на табачных фабриках; на другой день стачечный комитет назначил на одиннадцать часов дня на углу Пушкинской улицы и Казанского переулка собрание бастующих рабочих и работниц. Собрание, мирно протекавшее (как раз напротив фабрики Асмолова), было неожиданно атаковано казаками, и началось дикое избиение. Избиение было настолько жестоко, что даже сам полицмейстер, агент которого (пристав Гнедин) руководил избиением, впоследствии сознался, что расправа ничем не была вызвана и отличалась невиданной свирепостью и дикостью [1].

Расправа вызвала бурное возмущение даже среди забитых фабричных работниц-табачниц. Поэтому, когда организованные рабочие стали звать табачниц на митинг в Новопоселенский сад, то работницы не только пошли сами, но, идя, заходили на заводы и звали с собой рабочих других фабрик и заводов. Эта забастовка и послужила исходным пунктом организации Ростовского Совета. Председатель его т. Гурвич так рассказывает об организации Совета:

«... Перед нами стал вопрос, что нам делать. Организация наша состояла из достаточного количества кружков. Связь была по всем заводам и предприятиям Ростова, но мы еще не собирали наших членов на официальные собрания. Погром прошел недавно, настроение начальства было угрожающее, и потому мы официально открыть собрание не решались. В это время до нас дошла весть, что в Ленинграде забастовкой руководил Совет Рабочих Депутатов. Тогда перед нами стал вопрос об образовании Совета Рабочих Депутатов. В организации началось обсуждение этого вопроса, обсуждение медленное, мы не знали, как взяться за это дело. Мало-по-малу на тех заводах, где у нас была крупнейшая связь, стали выбирать депутатов, но дело шло медленно. В это время вспыхнула забастовка на табачных фабриках...

... Когда весть об избиении работниц распространилась, дело было сделано: то, что мы обдумывали в течение нескольких дней, то было сделано буквально в течение нескольких часов, благодаря насилиям, употребленным казаками. Через час после избиения работницы отправились в Новопоселенский сад, где часто проводились собрания забастовавших работниц.

Идя туда, они снимали рабочих с ближайших предприятий. Везде, куда доносилась весть об этом, рабочие самостоятельно бросали работу. Наши сознательные товарищи призывали к избранию депутатов. К трем часам дня результаты выборов оказались настолько значительными, что было решено вечером того

---

[1] «Донская Речь», 1905 г., ноябрь.

же дня созвать первое заседание Совета в Нахичевани на частной квартире. Это было постановлено в два часа дня, а в три часа ко мне явился т. Дьяконов-Розанов и сообщил, что мы собираемся в главных мастерских»[1].

В приведенных словах т. Гурвича в высшей степени тонко подмечена та бурная стремительность, с которой действует революционная масса; то, что днями и неделями обдумывается в кабинете руководителя или организации, то своим революционным почином в течение нескольких часов проводит в жизнь революционная масса.

Вечером 7 ноября в столовой главных мастерских Владикавказской железной дороги собрались депутаты забастовавших фабрик и заводов и центральное бюро железнодорожников, уже давно существовавшая стачечная и руководящая организация депутатского типа. Вначале это собрание еще не было собранием Совета; председателем собрания был Шведов, председатель железнодорожного бюро, кадет, управленец. Собрание потребовало замены его представителем Донского Комитета, в лице которого ростовские рабочие уже давно видели своего представителя и выразителя своих стремлений и интересов. Председателем был выбран Розанов-Дьяконов (впоследствии был заменен Гурвичем).

После этого собрание объявляет в знак протеста против избиения работниц двухдневную забастовку и бойкот табачных изделий Асмолова и затем конструируется как Совет Рабочих Депутатов.

Так, к моменту революционной борьбы, во время стачки, базируясь на стачечных организациях (железнодорожное бюро, стачечные комитеты табачных фабрик и других заводов), возникает Ростовский Совет. Это происхождение Ростовского Совета наложило особый отпечаток на его состав: члены стачечных комитетов женщины-табачницы так и вошли в Совет, и вместе со вновь выбранными депутатками они составляли очень большой процент депутатов Совета,— даже Советы текстильного района, Ивановский и Костромской, не имели так много женщин в своем составе, как Ростовский Совет.

Впечатление от забастовки и объявленного Советом бойкота было огромно; после этого Совет становится настоящей силой и властью в Ростове.

Избранная Советом Исполнительная Комиссия не имела регулярных заседаний, ибо подавляющее большинство ее членов были социал-демократы и даже члены Донского Комитета, который фактически и был руководителем Совета. В этом отношении Ростовский Совет приближался к типу Московского Совета: вли-

[1] «Воспоминания» т. Гурвича (находившиеся в наших руках). См. также ниже статью и литературу о Ростовском Совете.

яние социал-демократии в Ростове среди рабочих было настолько велико, что и Ростовский Совет был, как выражается т. Васильев (Южин) о своем Московском Совете, могучим помощником социал-демократии, санкционируя решения Донского Комитета [1].

Как же решались дела в Совете? «... Здесь решались дела,— говорит т. Гурвич,— как сейчас на волостном сходе, несмотря на то, что масса рабочих состояла из нескольких десятков тысяч человек. Такое отсутствие регулярных действий Исполнительной Комиссии, быть может, объясняется тем чувством колоссального единодушия, которое всегда царило в Совете. Это объясняется тем, что большинство деятелей Совета было тесно связано революционным братством» [2]. Это революционное братство, это тесное слияние трех организаций — Донского Комитета, Исполнительной Комиссии и бюро железнодорожников (об этом говорит т. Гурвич) — и делало ненужным регулярные заседания Исполнительной Комиссии: часто тут же, в столовой, за перегородкой, под шум общего собрания Совета или митинга, заседали Донской Комитет, Исполнительная Комиссия, бюро или три организации вместе; часто важнейшие решения принимались тут же на общем собрании Совета, так как все руководящие организации движения тесно слились в Совете. А Совет становился, действительно, силой. Его заседания происходили почти ежедневно, так как ежедневно на месте заседания Совета (в столовой мастерских) шли митинги, с которыми подчас сливался и Совет.

Что же делал Совет? На этих митингах и собраниях он давал уроки политической грамоты ростовскому рабочему. «Все шли сюда,— говорит т. Гурвич,— особенно рабочее население, с каждой мелочью повседневной жизни и каждым крупным вопросом политического бытия. Но была и главная цель — готовиться к дальнейшей борьбе, выяснять всей массе населения и рабочим смысл происходящих событий...» «...Это была громадная школа политического просвещения рабочего класса» [3].

Вот почему, быть может, Ростовский Совет не имел такой большой нужды в своем органе: газету ему заменяли ежедневные многотысячные митинги и собрания.

В состав Ростовского Совета входили не только рабочие крупных предприятий, но и представители ремесла (шляпочницы и самостоятельные мелкие профессии), профессиональные союзы не только рабочих, но и служащих, домашняя прислуга. Это был, действительно, боевой союз социал-демократии и революцион-

---

[1] События, изложенные на стр. 64—67 взяты из данных, полнее использованных в особой работе о Ростовском Совете (см. ниже стр. 143—184 и особенно стр. 161 и 164).

[2] Гурвич. «Воспоминания».

[3] Там же.

ных рабочих, но только, как и в Москве, здесь главную роль играли социал-демократы и революционные рабочие; промежуточные звенья—социал-революционеры никакого значения не имели.

Характерной чертой Ростовского Совета является та тесная связь, какую он установил с ближайшими революционными организациями — с Батайской, Тихорецкой, Великокняжеской, Новороссийской, Екатеринодарской. В этом отношении Совету оказал огромную помощь железнодорожный союз, бюро которого действовало в согласии с Советом и в руках которого находилась вся железнодорожная сеть Северного Кавказа. Это обстоятельство делало из Ростовского Совета могучую, непобедимую власть над целым краем: в его руках находился ключ к Кавказу, и при благоприятной ситуации этот ключ мог сыграть огромную роль в борьбе.

Еще одна замечательная черта характеризует Ростовский Совет: по мере того как события развивались, руководящую роль в Совете начинали играть все больше и больше представители левого революционного крыла социал-демократии, и, как только наступил решительный момент, единственными руководителями движения остаются большевики: руководство вооруженным восстанием всецело находилось в руках большевиков — Макса Бутягина, Васильченка, Анатолия Сабины и Степана Войченки.

Так, по мере того как приближалась развязка, Совет становился чисто-боевым органом вооруженного восстания и, как в Москве, был могучим орудием помощи в руках революционной социал-демократии.

В нашу задачу не входит детальное описание возникновения и деятельности отдельных Советов, поэтому мы, чтобы уяснить себе природу этих организаций, остановимся еще только на некоторых своеобразных, характерных чертах Советов 1905 года.

Возьмем такой Совет, как Новороссийский.

Новороссийский Совет Рабочих Депутатов официально начал свое существование с декабря 1905 года, но на деле его организация началась раньше, еще в октябре, тесно слившись с развитием двух революционных организаций,— социал-демократической организации и железнодорожного бюро, председатель которого Зеленя играл большую роль в движении и был хорошо связан с Ростовом и Екатеринодаром. В октябре же социал-демократы и социал-революционеры приступили к организации боевых дружин, которые и явились вооруженным оплотом Совета.

Какой же характер носил Новороссийский Совет? В нем были ярко выражены все те черты, на которые указывает Ленин, определяя Советы 1905 года.

Это был, по составу, боевой союз революционой социал-демократии, революционной буржуазной демократии и беспартийных революционных рабочих, ибо в состав его главного органа —

Исполнительной Комиссии — входили социал-демократы (Попов, Николаев, Зеленя и др.) и социал-революционеры (Лейбович, Калинский и пр.), а действия его носили характер настоящих боевых действий с силами самодержавия.

Далее, Новороссийский Совет выявил все черты новой, самочинной, народной, революционной власти. Не говоря уже о том, что, как и все другие Советы, Новороссийский Совет проводил забастовки, пускал в ход и останавливал фабрики и заводы, захватывал типографии и т. п.; он имел, кроме того, в своем распоряжении вооруженную силу — собственные боевые дружины и городскую милицию; пользуясь своей силой, он разоружал городовых и стражников в окрестностях Новороссийска, заставил фактически отказаться от власти губернатора, который, захватив казну, укрепился на станции железной дороги, назначил свои, новые, революционные власти (губернатором был назначен Синюхаев, полицмейстером — Гречкин, начальником гарнизона — Грозинский, начальником боевых сил — Дубровин и начальником почты и телеграфа — Лордкипанидзе) и приступил даже к организации таких институтов, как народный революционный суд, в замену упраздненного самодержавного суда. Это была настоящая новая революционная власть, полная сил и обаяния, — власть, перед которой опускались даже винтовки казаков, которые отказались повиноваться забаррикадировавшемуся губернатору и, подчинившись новой власти, революционной, покинули Новороссийск. «Новороссийская республика» просуществовала до конца декабря и могла бы просуществовать еще и дольше, если бы самодержавие не справилось с главными центрами движения — Петербургом и Москвой.

В Твери Совет Рабочих Депутатов, сконструировавшийся 21 октября (по расчету от 50 человек один делегат), интересен как по характеру своего возникновения, так и по своей попытке поднять вооруженное восстание. Есть данные утверждать, что в Твери исходными точками организации Совета послужили стачечные органы, созданные еще раньше октября тверскими рабочими. По крайней мере, один из самых активных работников в Тверской большевистской организации и председатель Совета, бывший народный комиссар земледелия, т. А. П. Смирнов, об этом говорит очень определено: «Организация стачечных комитетов по всем фабрикам и заводам, также общегородского стачечного комитета (поздней переименованных в Совет Рабочих Депутатов), была произведена через несколько дней после 17 октября» [1].

[1] А. П. Смирнов. «Заметки о Тверской организации» («Спутник коммуниста», орган Тверского ГК РКП(б) 1923 г. № 2-3, февраль-март, стр. 87). Это признает и тов. Горин. Он пишет: «Тверской Совет рабочих депутатов непосредственно возник из стачечных комитетов...» («Очерки», стр. 275). В таком случае к чему было оспаривать это в начале книги!

Это обстоятельство только еще раз подтверждает ту мысль, что во многих местах Советы выростали прямо уже из готовых, боевых беспартийных организаций, созданных рабочими еще раньше октябрьской стачки.

Тверской Совет приближался гораздо более к Московскому, чем к Петербургскому Совету. Так, он прямо признал руководство РСДРП(б). В резолюции, принятой большинством 193 против 5, Совет объявил, что «единственной истинной представительницей интересов всего угнетенного народа он признает РСДРП и в своей дальнейшей борьбе будет следовать руководству именно этой партии»[1].

Задачи Совета заключались, по словам другого участника Тверской организации большевиков, т. Петрова-Широкова, в поддерживании связей с ЦК и крупными промышленными центрами, в руководстве политической и стачечной борьбой, в сборе денег и оказании помощи нуждающимся и т. п.

Эти задачи т. Широков приписывает стачечному комитету, стоявшему во главе Совета, комитету, очевидно, выполнявшему функции Исполнительной Комиссии других Советов[2].

Кроме руководства стачечным движением, Тверской Совет п ы т а л с я поднять и вооруженное восстание: дело дошло до постройки баррикад на дворе Тверской Морозовской мануфактуры и до попытки произвести взрыв в здании Морозовской фабрики. Разгром вооруженного восстания в Москве затушил и вооруженное движение Твери[3].

Существовали еще Советы в Орехове-Зуеве и Александрове[4]. Оба эти Совета возникли в связи с массовой стачкой в октябре (в Орехове) и ноябре (в Александрове). Как и Иваново-Вознесенский, оба эти Совета сначала руководили только экономической борьбой, и лишь по мере развития движения их деятельность получила политическую окраску, при чем Совет в Орехове-Зуеве не вышел за пределы массовой стачечной борьбы, в то время, как Александровский Совет возглавил вооруженное выступление рабочих.

Вооруженным выступлением закончили свое существование и

---

[1] «Новая Жизнь» № 28, от 3 декабря 1905 г.. стр. 4.

[2] П е т р о в-Ш и р о к о в. «Воспоминания о 1904—1906 гг.» («Спутник Коммуниста», 1925, № 3—4, февраль, стр. 105).

[3] Д. Ф е д о р о в. «Воспоминания члена РКП т. Федорова Д. Ф.» («Спутник Коммуниста», 1924 г. № 11-12, август, стр. 67).

[4] Об Орех-Зуевском Совете см. П. Г о р и н. «Очерки», изд. 2-е, стр. 285. а также «На баррикадах революции. Из жизни орехово-зуевских рабочих» (Комиссия по десятилетию Октябрьской революции. Орехово-Зуево, 1927 г). и «1905 год в Орехове-Зуеве», О.-З. 1925. Об Акександровском Совете см. Н. Ш а х а н о в. «Александровская республика», Гос. Изд., М. Ив.-Возн- 1903; и «О рабочем движении и соц.-демократической работе во Владимирской губ. в 900-х годах», Владимир 1925, стр. 125 и след. и Горина, стр. 292, пользовавшегося этим источником.

некоторые Советы Донецкого бассейна, напр., Екатеринославский («Чечелевская республика») и другие [1].

В Екатеринославе, по словам т. А. Фабричного, руководящая роль в Совете принадлежала меньшевикам, «но,— говорит он дальше,— во время всеобщей забастовки и восстания руководящая роль перешла к нам». «Боевой Стачечный Комитет» носил ярко выраженный большевистсикй характер. В «Боевой Стачечный Комитет» вошли Исполнительный Комитет Совета в полном составе, представители железнодорожного союза и еще по два представителя социал-демократических комитетов (от нас вошли товарищи Андрей и Сергей) и один представитель от социал-революционеров. Точно не помню всего состава БСК. Самый Совет, т. е. депутатское собрание, продолжал существовать, и Боевой Стачечный Комитет перед ним отчитывался. Помню, как власть во время забастовки фактически перешла в руки Совета и как к нему официально обратился один из консулов с просьбой разрешить какому-то видному иностранному инженеру уехать из Екатеринослава. Железная дорога пропускала лишь с разрешения Совета так называемые делегатские поезда. Помню рассказ с том, как губернатор, увидев на стене своего дома прокламацию Совета, сказал с усмешкой: «Вот наше новое начальство» [2].

Таганрогский Совет возник под воздействием с.-д. организации, по ее постановлению 5 декабря 1905 года, и скоро в огне борьбы сделался фактической властью города. Он сыграл большую роль в организации и проведении декабрьской стачки: после заседания 11 декабря, когда было постановлено начать политическую забастовку, город действительно замер, при чем прекратили свои функции не только фабрики и заводы, но и правительственные учереждения, как окружной суд, и всякого рода коммерческие предприятия (напр., частные банки). Попытки поднять вооруженное восстание ограничились партизанскими столкновениями с войсками и 18 декабря были ликвидированы.

«Из всех донецких Советов,— говорит т. Т. Харечко,— только Таганрогский, руководимый большевистской организацией с первого же дня, не взирая на полицию и казаков, вел энергич-

---

[1] О советах в Донецком бассейне см. «Материалы по истории Екатеринославской соц.-демократической организации большевиков и революционные события 1904—1905—1906 гг. (К 20 летнему юбилею 1905 г.) 2 к. 1925; Т. Харечко. «1905 год в Донбассе», Л. 1926; Э. Абраменко. «Нарис з історіи соціяль-демократичного руху на Сталинщіні. Х. 1931. Одесска Рада Робітничих депутатів 1905 року. Х. 1931; Ф. Ястребов. «1905 рік у Киеві». Х. 1930; В. Манилов. «Киевский Совет рабочих депутатов», Гиз., 1926; Б. Козельский. «Горлівске повстания 1905 року». Х. 1930; М. Межберг. «Жовтнев», подіі 1905 р. в Одессі». Х. 1931; О. Пятницкий. «Записки большевика», М. 1925.

[2] «Материалы по истории Екат. с.-д. орг.», стр. 281-282.

ную борьбу за власть, закрывая городскую думу и все правительственные учреждения».

О других организациях, аналогичных Советам, тот же Харечко пишет: «Кроме Советов Рабочих Депутатов, в Донецком бассейне на заводах, рудниках и на узловых станциях железной дороги существовали с октября или же возникали в декабре такие организации рабочего представительства, как «Исполнительная Комиссия» на Петровском заводе, «Делегатское Собрание» на Юрьевском заводе или распорядительные боевые стачечные комитеты на железнодорожных станциях. Они так же, как и Советы, были представительством широких масс, избирались общими собраниями рабочих и служащих, перед ними же отчитывались почти ежедневно за каждый шаг своей деятельности и получали от общих собраний директивы для дальнейшей работы. В момент декабрьского революционного подъема эти организации так же, как и Советы, свергали старую власть и объявляли себя «единственной властью»[1].

Николаевский Совет, организованный в дни ноябрьской забастовки, находился под руководством большевистской организации, хотя официально об образовании Совета извещал объединенный комитет социал-демократической организации г. Николаева. Судя по воспоминаниям участников, Совет некоторое время пользовался огромным влиянием среди населения и, пожалуй, был фактической властью: собирал деньги, организовал помощь безработным, имел свою милицию и тому подобное[2].

Либавский Совет возник 14 декабря, по предложению объединенного комитета местных социал-демократических организаций (по одному представителю от 200 рабочих)[3]; Костромской Совет был создан в первых числах ноября, находился под исключительным влиянием большевиков, руководил забастовкой, издавал свои «Известия»; Екатеринбургский Совет был организован, повидимому, не позднее 19 ноября 1905 года, так как в местной газете от этого числа есть сообщение о том, что Екатеринбургский Совет в составе одиннадцати представителей от заводов уже функционирует. Интересно то обстоятельство, что организатором этого Совета являлся Я. М. Свердлов[4].

---

[1] Т. Харечко. «1905 в Донбассе», изд. «Прибой» Л., 1926, стр. 80-81. См. «Таганрогский Вестник» 1905 г. № 306, от 7 декабря, стр. 2, и № 308, от 19 декабря, стр. 2; см. также «1905 год на Северном Кавказе», изд. Севкавкнига, Ростов н/Д, 1926 г.; «Красное Знамя» 1926 № 182; Т. Харченко. «1905 год в Донбассе», Л. 1926; П. Горин. «Очерки», М. 1930.

[2] «Страницы борьбы». Сб. материалов по истории революционного движения в Николаеве Ник., 1923. См. статью А. Лимоне, стр. 79—99, а также «Южную Россию» 1905 №№ 267, 274 и сл.

[3] «Либавский Вестник» № 273, от 17 декабря 1905 г., стр. 3.

[4] «Уральская Жизнь» № 260, от 19 ноября 1905 г.

В возникновении Саратовского Совета заслуживает внимания та точка зрения, какой держалась саратовская социал-демократическая организация при создании Совета в конце ноября. По отчету о заседании саратовской социал-демократической организации видно, что саратовские социал-демократы смотрели на Совет как на боевую стачечную организацию.

«Всякому понятно,— так излагается точка зрения саратовских социал-демократов,— что невозможно вести всеобщую стачку без общегородского стачечного комитета, а так как всеобщие забастовки сделались хроническими, то и боевая стачечная организация должна сделаться более или менее постоянной.

Вместо того, чтобы каждый раз в момент возобновления стачки в суете и суматохе создавать стачечную организацию, гораздо лучше и практичней иметь всегда наготове необходимый технический аппарат в виде СРД, который и в «мирное» время может оказать немалые услуги рабочему классу. Поэтому Комитет высказывается за немедленную организацию Совета Рабочих Депутатов г. Саратова». В резолюции об образовании Совета Комитет высказал очень определенный взгляд по этому поводу: «Саратовская организация РСДРП признает желательным и необходимым создание в г. Саратове выборного Совета Рабочих Депутатов для технического руководства массовыми выступлениями саратовского пролетариата и для обсуждения общих профессиональных нужд рабочего движения»[1].

Советы Рабочих Депутатов в Одессе и в Баку, возникшие уже после Петербургского Совета, были типичными меньшевистскими Советами; в их руководящих органах преобладали меньшевики, и потому вся их тактика, вся их деятельность в самые острые моменты политической борьбы носят на себе явные черты нерешительности, уклона в профессиональную сторону движения и отказа от решительных выступлений против старого строя.

Мы не имеем более точных и подробных сведений ни о Смоленском, ни о Воткинском, ни о Вятском, ни о Белостокском, ни о Совете на Надеждинском заводе, ни об Орехово-Зуевском и Мытищинском Советах, кроме того, что они принимали участие в политических забастовках, что все они возникли уже после октября (за исключением Надеждинского, возникшего еще летом), так сказать, под влиянием примера и толчка, данного Петербургом, но очевидно, что эти Советы не имели того боевого характера, каким отличались даже такие, как, напр., Новороссийский Совет.

Мы точно так же очень мало знаем и о крестьянских Советах 1905 года, но несомненно, что и этого рода организации имели много черт, сходственных с теми, какими отличались Советы Рабочих и Солдатских Депутатов.

---

[1] «Приволжский Край» № 235, от 29 ноября 1905 г., стр. 3.

Крестьянские революционные организации, иногда возникавшие самостоятельно, иногда как отделения Крестьянского Союза, разбросанные по всей стране, сплошь и рядом даже носившие название Совета Крестьянских Депутатов и нередко связанные с нашими рабочими Советами (как, напр., в Твери или Новороссийске и в Сочи), по большей части являлись также боевыми революционными организациями[1].

Именно об этих организациях В. И. Ленин сказал в своей работе «Победа кадетов и задачи рабочей партии» следующее: «Крестьянский Союз рос со сказочной быстротой в период революционного вихря. Это была действительно народная, массовая организация, разделявшая конечно ряд крестьянских предрассудков, податливая к мелкобуржуазным иллюзиям крестьянина (как податливы к ним и наши социалисты-революционеры), но, безусловно, «почвенная», реальная организация масс, безусловно революционная в своей основе, способная применять действительно революционные методы борьбы, не суживавшая, а расширявшая размах политического творчества крестьянства, выдвигавшая на сцену самих крестьян с их ненавистью к чиновникам и помещикам, а не полуинтеллигентов, которые так часто бывают склонны сочинять всякие проекты сделок между революционным крестьянством и либеральными помещиками» [2].

К сожалению, до настоящего времени мы имеем очень мало сведений о возникновении и характере Советов Крестьянских Депутатов.

Тов. Борис Шумяцкий очень правильно отмечает характерную черту своего Красноярского Совета, когда говорит о том, что «Красноярский Совет вплотную подошел к проблеме власти» [3]. Эта черта в Красноярском Совете выявлена еще полнее и ярче, чем в Новороссийске. Но прежде чем остановиться на этом, необходимо подчеркнуть и еще одну новую черточку Красноярского Совета, как и других сибирских Советов,— Читинского и Иркутского: это были не только Советы Рабочих, но и Солдатских Депутатов. В Красноярском Совете из 120 человек депутатов только 80 были рабочие, остальные приходились на долю солдат железнодорожного батальона, перешедшего на сторону

---

[1] См. об этом некоторые данные в «Спутнике Коммуниста» 1925 № 16, изд. Тверск. Ком. ВКП (б); в статье т. В. Кондратьева в сб. «1905 г. в Тверской губ», Т. 1925; в ст. А. Хромова; в работе Н. Янчевского. «Новороссийская и Сочинская республики в 1905 году», Р. н/Д. 1926, и в сб. «1905 год на Северном Кавказе», Р. н/Д. 1926.

[2] В. И. Ленин. Сбор. соч, изд. 1-е, т. VII, ч. 1, стр. 135-136. Несколько выше, на стр. 121, В. И. Ленин так и называет эти организации: «Советы... крестьянских депутатов».

[3] О Красноярском Совете см. «Сибирские Огни» 1927 г. № 5, и 1923 г. №№ 4, 5 и 6 А. Абова (А. Ансона), цит. стр. 105 сб. «1905 год в Сибири», Новониколаевск 1925 г., и «1905 г. в Красноярске», Красноярск 1905 г.

рабочих. Рожденный, как и другие Советы, в дни революционной бури, своей исходной организацией Красноярский Совет имел так называемый Объединенный Стачечный Комитет, который образовался еще в середине октября, во время октябрьской забастовки, в котором руководящую роль играли большевики и в руках которого уже тогда находился Красноярск[1]. Такой же характер носил и Совет в Чите, где рядом с Советом Депутатов Железнодорожников возник «Совет Солдатских и Казачьих Депутатов Читинского гарнизона»; в Иркутске и других городах Сибири возникли Советы Солдатских Депутатов (Владивосток, Сретенск, Нерчинск, Харбин).

В Сибири развитие советской формы, стало быть, сделало еще один шаг вперед, охватив новые революционные элементы, солдат и, значит, крестьян, так как большинство армии, конечно, было крестьянское.

«Объединенный Совет Депутатов от солдат и рабочих» в Красноярске официально был объявлен на митинге 6 декабря, хотя и Совет Рабочих и Совет Солдатских Депутатов продолжали существовать и отдельно. Как только было достигнуто это объединение, вся власть в городе перешла в руки Совета, и в течение того недолгого времени, что существовал Совет, он был не только зародышем новой власти, он стал единственной революционной властью в городе. Что это действительно так, видно из того, что все функции старой городской думы и старых царских властей перешли к Совету. Если Новороссийский Совет только прекратил действия старого царского суда, если он только намеревался разработать новый избирательный закон о городской думе, то Красноярский фактически принялся за строительство новой жизни; были организованы секции: муниципальная, охраны порядка в городе и на железной дороге, охраны труда, охраны здоровья, искусства и зрелищ и управления губернией, т. е. решительно все функции власти — административная, хозяйственная, судебная и военная,— все это перешло к новой власти. Новый суд, новая администрация, новые избирательные нормы, свободная печать, свобода собраний, слова, союзов — все это вводилось, поддерживалось, охранялось вооруженной силой рабочих и солдат, добровольно защищавших свою народную власть, вплоть до подавления Совета самодержавием.

Красноярский Совет поэтому, быть может, является самым ярким прообразом тех новых Советов, которые существуют сейчас, ибо уже тогда, в 1905 году, он ярко выявил все существенные черты советской формы, как органа власти,— самочинность своего революционного возникновения, поддержка его вооруженным народом, смена старых властей и замена их новыми

---

[1] Б. Шумяцкий в «Сибирских Огнях» 1924 № 5, стр. 101.

органами власти и учреждениями, опирающимися на волю подавляющей массы трудящихся.

Такие же явления, как в Красноярске, происходили и в других городах Сибири, и везде, где только возникали формы, подобные той советской форме, которая возникла в Красноярске,— везде она представляла в большей или меньшей степени тот боевой союз, о котором говорит Ленин. Действительно, в Красноярске в состав Совета входили, кроме беспартийных рабочих и большевиков, меньшевики (левые из них участвовали в восстании) и социалисты-революционеры, т. е. та самая революционная демократия, представители которой заседали и в других Советах. Но всюду социал-демократы являются руководителями движения, и всюду во главе идет революционная часть социал-демократии — большевики. «Руководителями движения,— говорит Д. Зайцев,— председателями митингов и членами стачечных комитетов везде являются социал-демократы. Социал-демократические комитеты в Красноярске, Томске и Иркутске приняли характер временного правительства» [1]. И не только в этих трех городах, но и в других пунктах Сибири новые органы революционной власти совершали революционные акты, упразднявшие старую власть. Если, например, в Чите совершался «переход в общественную собственность железной дороги, почтово-телеграфных учреждений и отчасти земель и золотых промыслов Кабинета» [2], то подобные же явления происходили и в других местах.

Таким образом, и в Сибири, как в Европейской России, сущность новых органов власти была одна и та же.

---

[1] Д. Зайцев. «Революция и контр-революция в Сибири», «Невский сборник», вып. 1, стр. 192.

[2] Там же, стр. 221.

IV. СТРУКТУРА СОВЕТОВ

Как же были организованы Советы? Какова их структура? Прежде всего, какие избирательные нормы были положены в основу Советов?

Единообразной избирательной нормы, разумеется, Советы 1905 года не имели. Петербургский Совет, как известно, положил в основу избирательной единицы число пятьсот, при чем эта норма досталась ему в наследство еще от выборов в комиссию Шидловского. Московский Совет последовал в этом отношении за Петербургом; в Одессе выборы производились от каждых ста человек[1], в Костроме выбирали одного депутата от двадцати пяти человек[2], в других городах выборы производились без всяких точно установленных правил (Новороссийск, Екатеринослав), но везде выбираемые депутаты выбирались решительно всеми рабочими и гражданами тех предприятий и учреждений, где производились выборы. Завод и фабрика — вот главная цитадель Советов. Выборы происходили без всякого ограничения, в них принимала участие вся масса революционных рабочих, а во многих местах — и мелких служащих. Обаяние Советов было так велико, что на выборы в Советы в некоторых городах претендовали даже мелкие торговцы (напр., в Новороссийске).

Во всяком случае подавляющее большинство рабочих объединялись Советами,— в таких городах, как Петербург, Москва, Екатеринослав, почти все рабочие входили в Советы. В Петербурге наивысшее число депутатов было 562 чел., при чем на долю фабрик приходилось 508 чел., что при норме 500 чел. дает 254 тысячи рабочих; в Москве максимум депутатов было число 204 от 134 фабрик и заводов, что при той же норме дает около 100 тысяч рабочих; в Костроме — 500 депутатов, что при норме в 25 чел. дает 12½ тысяч рабочих и т. д.

---

[1] См. «Прол. Рев.» 1924, № 1(24), «Устав Общегородского Совета Рабочих Депутатов г. Одессы», стр. 209.

[2] М. Ростопчина. «Раб. движение в Костроме», стр. 40. Мы не приводим здесь этих уставов, а рекомендуем обращаться к нашему изд. «Советская печать и литература о «Советах», изд. Испарта ЦК ВКП (б), М., 1925 г.

Организация Советов шла двумя различными путями,— организовался сразу общегородской Совет, как в Петербурге, Ростове, Новороссийске и других местах, или рядом с общегородским Советом устраивались и районные Советы, как в Москве и Одессе, при чем и здесь организация шла разными путями: в Москве члены районных Советов посылали в общегородской своих представителей, но общегородской строился независимо от районных Советов; в Одессе же, напр., Совет выбирался сначала по районам, и эти районные Советы, собираясь вместе, и составляли общегородской Совет (три районных Совета были: Пересыпский, Городской и Дальницкий).

Как общее правило, Советы избирали исполнительный орган, называвшийся то Исполнительным Комитетом, то Исполнительной Комиссией, при чем в некоторых Советах и Исполнительный Комитет составлялся из Исполнительных Комитетов районных Советов (Одесса).

Некоторые Исполнительные Комитеты избирали, в свою очередь, президиум. Совет выбирал председателя, который чаще всего был председателем президиума, секретарей и других должностных лиц.

Жалованья члены Совета, конечно, не получали, так как Советы располагали небольшими средствами, поступавшими из добровольных взносов и членских отчислений рабочих. Кроме указанных органов, почти все Советы немедленно же создавали много подсобных организаций: комиссию помощи безработным, комиссию митинговую, издательскую или редакционную (где имелись «Известия»), финансовую и т. п., и там, где Советы руководили восстанием или становились настоящими органами власти, создавали боевые дружины, милицию (Новороссийск, Одесса, Красноярск, Екатеринослав, Юзовка, Мариуполь, Тверь и т. д.), назначали начальников боевых дружин, начальников разных городских учреждений (почты, телеграфа, железных дорог и т. д.), как, напр., в Красноярске, Чите, Новороссийске и других местах.

Некоторые Советы обладали солидными вооруженными силами, как Красноярский, Читинский и т. д.

Далеко не все Советы располагали своими органами. Следующие Советы издавали специальный советский орган —«Известия Совета Рабочих Депутатов»: Петербургский, Московский, Одесский, Костромской, Бакинский, Новороссийский, Юзовский, Мариупольский, Вятский, Таганрогский. Прочие Советы, как Ростовский, пользовались легальной прессой, печатая в ней свои отчеты, или считали своей прессой прессу партийную, как это было в Красноярске, где «Красноярский Рабочий», газету «Красноярской социал-демократической организации, с полным правом

можно считать советской газетой (так же было в Чите, где издавался «Забайкальский Рабочий»).

Печатались «Известия» либо захватным порядком, либо в постоянных типографиях, как в Красноярске.

Все Советы без исключения издавали и печатали тем или иным путем резолюции, постановления, воззвания, листовки, прокламации и т. п.

Печатные произведения некоторых Советов, как, напр., Петербургского, имели огромное агитационное значение и оказали могучее влияние на рабочих всей России.

В составе решительно всех Советов принимали участие представители двух революционных партий — социал-демократов и социалистов-революционеров,— при чем преобладающую роль в них играли социал-демократы — меньшевики или большевики, смотря по соотношению партийных сил в данном городе: какова была партийная физиономия города, таково было и лицо Совета.

Представители профессиональных организаций, и в особенности железнодорожников, играли также большую роль в Советах.

В общем же никаких твердо установленных норм, так сказать, конституции Советов, не было: они только намечались, рождаясь под влиянием обстоятельств, в каждом городе в зависимости от своеобразных условий места и времени.

V. ЭВОЛЮЦИЯ СОВЕТОВ

В течение своего недолгого существования Советы 1905 года пережили своеобразную эволюцию, если так можно назвать тот бурный своеобразный процесс, который протекал в течение одного лишь года, начиная с январских дней по декабрь, когда Советы были раздавлены подавляющей силой врага, а члены их либо погибли в бою, либо пошли на каторгу, в ссылку, тюрьму или эмиграцию.

Советы возникли и выросли из тех форм коллективного революционного творчества, которые были созданы рабочими всей России тотчас же после январских событий,— стачечных комитетов, выборных институтов (выборщиков, депутатов, старост), железнодорожных бюро, стачечных комитетов на заводах, боевых комитетов в полках, батальонах,— словом всех тех боевых революционных органов, иногда старых по форме, но новых по своему характеру и содержанию, имевших своей первой и главной задачей руководство революционной борьбой рабочих с самодержавием и буржуазией.

Вместе с ходом революционной борьбы изменялись и эти организации: то тут, то там эти организации усложнялись и расширялись, охватывая все более и более широкие массы рабочих.

Наиболее ранними формами этих организаций были: Иваново-Вознесенский Совет весны и лета 1905 года, затем Костромской июльский Совет и Совет рабочих типо-литографий в сентябрьские дни в Москве и, быть может, Совет в Надеждинском заводе.

В этих организациях уже намечаются некоторые черты будущих Советов: они называют себя Советами Депутатов, они выбирают нечто аналогичное Исполнительному Комитету (Президиум, Исполнительную Комиссию) и некоторые другие органы — комиссию для помощи безработным, финансовую комиссию и т. д., они, наконец, объединяют не только рабочих одного предприятия или группы предприятий (печатники в Москве), но и всех рабочих всех предприятий данного города (Иваново-Вознесенск). Это уже не простые стачечные комитеты, но это и не типичные Советы 1905 года.

В октябре, в момент величайшей из забастовок в мире, создается Петербургский Совет, а за ним возникают и Советы в других городах и совершенно самостоятельно в Москве, где уже в сентябре мысль о Совете висит в воздухе.

Петербургский и Московский Советы являются двумя типами Советов. Оба они — боевой союз революционной социал-демократии с революционной демократией и беспартийными революционными рабочими, но в то время как в Петербурге революционная демократия (меньшевики и социал-революционеры) занимают преобладающее значение, в Москве боевой характер Совета выражен резче и влияние находится всецело в руках именно левого крыла революционной социал-демократии—большевиков.

Все остальные Советы приближаются то к типу Петербургского, то Московского Совета: Одесса, Киев, Баку и подобные им приближаются к первому типу; Красноярск, Новороссийск, Ростов, Тверь и так далее — к московскому типу, при чем и эти Советы переживают эволюцию в ходе революции, отбрасывая нерешительные, соглашательские элементы по мере приближения к развязке, к вооруженному восстанию.

Наконец кульминационный пункт революционного движения вовлекает в свой круговорот и армию, и создаются, главным образом в Москве и в Сибири, Солдатские Советы, то в виде отдельно существующих организаций, то сливаясь с Советами Рабочих Депутатов.

Советы становятся организаторами и руководителями восстания и часто сливаются с чисто боевыми партийными организациями.

Преобладающую роль в Советах играют металлисты. но постепенно в них вовлекаются и более отсталые слои рабочих.

Вместе с тем все ярче и резче выявляются в Советах и зародыши новой революционной власти, прообраз нашей диктатуры пролетариата и крестьянства.

Советы, как говорит Ленин, являются продуктом самобытного, народного, революционного творчества, и действительно они охватывают главным образом. массы русского пролетариата: Петербург, Москва, Тверь, Иваново-Вознесенск, Кострома, Саратов, Самара, Екатеринослав, Ростов, Орехово-Зуево. Новороссийск, Красноярск, Чита, Николаев, Одесса, Киев — города либо с исключительно русским населением, либо с преобладанием его; Советы на окраинах страны (за исключением Ревеля, Белостока, Баку, Сибири) немногочисленны: там как в январе, так и теперь, в октябрьские и декабрьские дни, во главе движения стоит исключительно партийная организация,— стачечные, военно-боевые, военно-революционные комитеты.

«У революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства,— писал Ленин в 1905 году,— есть, как и у всего

на свете, прошлое и будущее. Ее прошлое — самодержавие, крепостничество, монархия, привилегия. В борьбе с этим прошлым, в борьбе с контр-революцией возможно «единство воли» пролетариата и крестьянства, ибо есть единство интересов.

Ее будущее — борьба против частной собственности, борьба наемного рабочего с хозяином, борьба за социализм» [1].

Это будущее стало нашим настоящим, но оно стало настоящим только потому, что в прошлом русский рабочий класс под руководством своей партии заложил основы той самой диктатуры, имя которой — С о в е т ы.

Что это действительно так, что наша партия, именно большевики, еще в 1905 году заложила основы советской власти,— об этом свидетельствуют все только что изложенные факты.

С первого взгляда, разбираясь в тех резолюциях и статьях, какие были вынесены и написаны большевиками в конце 1905 г., может показаться, что большевики коренным образом изменили свои взгляды на Советы на протяжении нескольких месяцев.

Действительно, в известном «Письме ко всем партийным работникам» ЦК РСДРП от 27 октября высказывался тот взгляд, что Совет Рабочих Депутатов есть политически не оформленная и социалистически не зрелая организация, могущая объективно задержать пролетариат на примитивном политическом уровне и тем самым подчинить его буржуазному влиянию. Отсюда выдвигалась задача побудить Совет принять программу и тактику социал-демократической партии. По принятии этой программы Совет должен признать руководство партии «и в конечном счете раствориться в ней». В случае отказа Совета принять нашу программу социал-демократы должны выступить из Совета и разоблачить его антипролетарский характер; в случае же, если Совет откажется принять определенную программу и будет в каждом данном случае определять свою политику, социал-демократы останутся в Совете, развивая собственную программу и доказывая всю бессмысленность подобной тактики Совета.

В сущности говоря, большевики остались верны резолюциям III съезда и только развивали более конкретно мысль, выраженную в пункте «б» резолюции по вопросу об открытом политическом выступлении РСДРП, принятой на этом съезде. В этом пункте говорилось: «Использовать все легальные и полулегальные рабочие общества, союзы и другие организации для обеспечения преобладающего влияния на них социал-демократии и превращения их, по мере возможности, в опорные пункты будущей открытой социал-демократической рабочей партии в России».

Превратить революционную беспартийную рабочую организацию в опорный пункт партии — это однако не значит уступить такой организации гегемонию партии.

---

[1] В. И. Л е н и н. Собр. соч., изд. 1-е, т. VI, стр. 359.

Вполне естественно, наоборот, со стороны партии добиваться, чтобы революционная беспартийная организация признала руководство партии, ее программу и тактику.

Большевики остались верны резолюциям III съезда и идее о революционной диктатуре пролетариата и крестьянства, развитой уже в июле 1905 года в работе Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции».

Весь вопрос заключался в том, как применить эти резолюции и идеи работы Ленина к конкретной действительности.

Здесь не все большевики и не сразу разгадали сущность Советов, и даже сам Ленин в соответствии с изменившейся конкретной обстановкой различно квалифицировал различные Советы.

Первый раз В. И. Ленин высказался о сущности Советов в конце ноября 1905 года, в статье «Социализм и анархизм», определяя природу Совета, как боевую организацию и как широкий неоформленный боевой союз революционных социалистов, революционных демократов и революционных беспартийных рабочих. Но и здесь, в этой статье, Ленин подчеркивает признание Советами руководства социал-демократической партии. Стало быть, никаких разноречий во взглядах Ленина в ноябре 1905 года и в мае — июле 1905 года нет.

Только в январе 1906 года, говоря о социал-демократической полемике по поводу выборов в Государственную Думу и возражая против попытки меньшевиков помимо Думы осуществить революционные лозунги в форме какого-либо нелегального представительства, Ленин подчеркивает, что хотя Советы и возникли революционным путем, но никакая беспартийная организация не может заменить боевой партийной организации.

Такая беспартийная революционная организация может иногда дополнить, но не может заменить партийной боевой организации[1]. И здесь нет противоречия той идее о диктатуре пролетариата, которая была развита Лениным уже в мае и июле 1905 года. Правда, здесь нет и определения природы Совета как зародыша новой революционной власти; но это было возможно сделать, только учтя опыт декабрьских событий и роль в них Советов. Как только это было сделано (а сделано это было в феврале 1906 года), так сейчас же и появилось то определение Советов, какое В. И. Ленин дал в работе «Победа кадетов и задачи рабочей партии».

Из только что сказанного следует, что во взглядах В. И. Ленина по вопросу о Советах противоречий нет, а есть только развитие этих взглядов, их уточнение и расширение, по мере того как расширялось и уточнялось изучение Лениным опыта декабрьских дней: определение природы Советов, данное Лениным в мар-

---

[1] В. И. Ленин. Собр. соч., изд 1-е. т. VII, ч. 1, стр. 62.

то, и есть определение Советов, как таких организаций, которые по сути дела и были практическим осуществлением той диктатуры, о какой Ленин говорил в работе о двух тактиках[1]. Таким образом, мы видим, что мысль о руководстве нашей партии в Совете проходит красной нитью в той оценке, какую давал Ленин Советам и партии во время их работы в декабрьские дни.

Но мы видели, что и на деле там, где Советы действительно были боевыми революционными организациями, где они были аппаратами и организациями вооруженного восстания, там большевики стояли во главе Советов, там руководство находилось в руках большевиков. Так прежде всего дело происходило в Москве, так же дело шло и в Екатеринославе и вообще в Донецком бассейне, так было во время вооруженного восстания в Ростове-на-Дону, в Красноярске, в Чите, Новороссийске, так было везде, где преобладали большевики, где была инициатива в их руках.

Та самая диктатура пролетариата и крестьянства, идея которой была развита Лениным, как мы видели, была временно осуществлена именно теми Советами, где они, становясь органами восстания, становились вместе с тем и органами власти, а органами власти они становились там, где руководителями пролетарских и крестьянских масс были большевики, разделявшие и отстаивавшие идею диктатуры[2]. Вот почему мы с полным правом можем сказать, что именно под руководством нашей партии большевиков в 1905 году пролетариат заложил основы той самой диктатуры, имя которой — Советы.

---

[1] Любопытно, что далеко не так стройно развивались взгляды на природу Советов других, хотя и выдающихся большевиков. Интересно проследить, напр., эволюцию взглядов Кнуньянца, высказанных им в статьях «Об организации» в № 3 и 5 «Новой Жизни» за 1905 г. (стр. 54 и 100, изд. Истпарта) См. также статью члена Петербургского района Н. Медведева в № 6 «Новой Жизни» «Об организации» (стр. 133, изд. Истпарта), и статью П. Н. Гвоздева в № 7 «Новой Жизни», тоже под рубрикой «Об организации» (стр 167, изд Истпарта). В этом же номере—статья рабочего-меньшевика К. Д. «О Совете Депутатов».

К сожалению, рассмотрение этого интересного вопроса не входит в наши задачи, потому подчеркнем только, что Кнуньянц, ставя правильно вопрос о руководстве партии в Совете, далек от мысли видеть в Совете зародыши власти и склонен рассматривать Совет как боевое соглашение и аппарат для руководства стачкой.

[2] О форме крестьянской организации, ставшей под руководством большевиков формой или зародышем новой власти, см., напр., в № 11 «Новой Жизни» в статье «Аграрное движение в Саратовской губ.» (стр. 81—83 изд. Истпарта).

VI. НОВОРОССИЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА[1].

(По архивным материалам)

I

Новороссийск еще в начале 70-х годов был маленьким приморским городком, не имевшим почти никакого торгово-промышленного значения. Выросший вокруг старого турецкого укрепления, он оставался только простым географическим термином вплоть до конца 80-х годов, когда общее капиталистическое развитие Юга России коснулось и Северного Кавказа. Проведение Владикавказской жел. дор. и превращение Северного Кавказа в одну большую хлебную фабрику быстро создали условия развития Новороссийска. Новороссийск был соединен рельсовым путем с главной магистралью Владикавказской железной дороги, а в прекрасной незамерзающей бухте его была устроена гавань с молом и пристанями. Владикавказская железная дорога выстроила грандиозный элеватор вместимостью до 3 миллионов пудов, с башнями, эстакадами, центральной электрической станцией, пристанями, складочными помещениями до 5 миллионов пудов (кроме элеватора). Открытие нефтяных источников вблизи Грозн-

---

[1] Источниками для настоящего сообщения являлись дела, хранящиеся в Московском Историко-революционном архиве: «Дело о посягательстве на вооруженное восстание в г. Новороссийске в 1905 г.» № 3428, в 18 томах. Здесь представлен следственный материал, сюда же включены дела об отдельных лицах, присоединенных к общему делу (напр., дело о соц.-демократической типографии). Второе дело уже временного военного суда, за тем же № 3428, в 16 томах. Это — материалы судебного процесса. Кроме того, пришлось воспользоваться некоторыми данными из газеты «Социал-демократ» (Женева, 1905), №№ 9 и 11, и весьма обширным, хотя и мало надежным материалом в газете «Черноморское Побережье» (отчасти есть в изложении в деле) в №№ 799, 801—803, 806, 807, 809—816, 820, 826, 827, 831, 832, 834 и 835 1905 г. В 1926 г. вышла в высокой степени обстоятельная работа Н. Янчевского «Новороссийская и Сочинская республики», в сб. «1905 год на Северном Кавказе», Р. п/Д. 1926 г. и воспоминания И. Гольмана «Новороссийская республика» в сб. «1905 год на Северном Кавказе Р. п/Д». 1926 г. По существу обе работы не вносят ничего нового по сравнению с нашим исследованием, но зато дают много важных подробностей и вносят некоторые поправки.

ного сделало из Новороссийска один из главнейших пунктов по отправке нефти за границу. Новороссийск стал быстро расти, из маленького ничтожного городка он уже к концу 90-х годов превратился в большой портовый город с населением до 30 тысяч человек. Еще в конце 80-х годов Новороссийск вывозил не более 10 тысяч пудов хлеба, в конце 90-х годов он отправлял уже 40 миллионов пудов, а ко времени первой русской революции экспорт зерновых продуктов подходил к сотне миллионов пудов. Число иностранных океанских пароходов, прибывающих в Новороссийск, в конце 80-х годов исчислялось десятками, а к 1905 году число таких судов составляло несколько сотен, а число всех паровых и парусных судов, заходивших и отправлявшихся из Новороссийского порта, превышало тысячу.

Экспорт нефти вызвал образование при станции Владикавказской железной дороги целого нефтяного городка, с нефтеперегонным заводом и огромным баками для нефтяных продуктов. Вместе с ростом экспорта стала развиваться и промышленность. Кроме обычных в каждом городе ремесленных заведений, в 90-х годах возникли мастерские Владикавказской железной дороги и большой цементный завод, а к 1905 году таких заводов было уже два (старый и новый). Возникли и другие заводы — пивоваренный, мыловаренный, кожевенный, бондарные заведения, типографии, механические мастерские. В конце 90-х годов число жителей доходило до 30 тысяч, а ко времени революции это число доходило уже до полсотни (41,5—51,3 чел.), при чем по крайней мере пятая часть (т. е. около 7—8 тысяч) приходилась на рабочих — железнодорожников, цементных, элеваторных и портовых[1].

Рабочие Новороссийска являлись типичными южно-русскими рабочими. Верхи рабочего населения, квалифицированные рабочие,— машинисты железной дороги, вообще механики,— составляли меньшинство; подавляющую массу составляли малоквалифицированные элементы, портовые рабочие — грузчики, цементщики, чернорабочие, при чем в большинстве это был пришлый элемент со всех концов России и Кавказа. Такой рабочий,— живой, подвижный в атмосфере и сутолоке портового города,— представлял легко воспламеняющийся материал, легко поддававшийся пропаганде.

А кипучая деловая жизнь города еще более способствовала этой подвижности и восприимчивости. Город (собственно, новая, лучшая часть, расположенная на западном берегу бухты) носит характер оживленного южно-русского города с шумной разно-

---

[1] О промышленном развитии Новороссийска см. в книге т. Н. Янчевского. Число рабочих, по т. Янчевскому, было: 1 000 железнодорожников, 1 500 грузчиков, 600 цементщиков и 2 599 остальных,

язычной толпой, циркулирующей по главной Серебрянской улице, где и находятся лучшие магазины и некоторые общественные и правительственные учреждения.

Но настоящая деловая рабочая жизнь сосредоточивается на северном и восточном берегах, где находятся станции железной дороги, железнодорожные мастерские, цементные заводы и пр.

Здесь с раннего утра до позднего вечера кипит трудовая жизнь: несколько тысяч рабочего люда вертятся в мастерских, на элеваторе, на заводах, в порту; раздаются свистки и шум паровозов, грузятся морские гиганты, и обширная бухта с изумрудно-голубой водой кишит пароходами, катерами, парусниками и шлюпками.

Десятки тысяч людей под палящими лучами солнца, обливаясь потом, под заунывный свист палящего летом и пронизывающего ледяным холодом зимой местного ветра, норд-оста, обдаваемые соленой морской пеной, бегут по сходням, несут тяжести, стучат молотами в мастерских, суетятся у вагонов, наполняют огромные трюмы гигантских морских пароходов, и все это под гул свистков и снастей, на фоне великолепного залива составляет своеобразную картину южного портового города.

Как и большинство недавно возникших и выросших южных торгово-промышленных городов, Новороссийск не имеет дворянских традиций: в нем не встретишь старинных барских хором, как не встретишь древних соборов и монастырей. Почти половину всего взрослого населения составляют рабочие, за ними идут всякого рода служащие (приказчики, конторщики и т. п.), и буржуазией настоящей являлось только ничтожное меньшинство: купцы, экспортеры, маклеры, управляющие конторами и чиновничество. Слоя так называемой интеллигенции, в том смысле слова, как его привыкли понимать в средней России (статистики, земские деятели, учителя и т. д.), в Новороссийске было очень немного; культурной умственной жизни в городе почти не было. Если не считать мужской и женской гимназий (еще в середине 90-х годов это были прогимназии), где немногие учителя, действительно, представляли культурных людей, вся интеллигенция исчерпывалась небольшим числом врачей, адвокатов и молодежи. Единственная газета, «Черноморское Побережье», по своему характеру близка была к черносотенному направлению, так что неудивительно то влияние, каким пользовались среди рабочих нелегальные организации, главным образом социал-демократический комитет.

Не останавливаясь на событиях революционного движения до октябрьских дней, необходимо сказать, что уже летом влияние социал-демократической организации на рабочих было довольно прочно. Весной социал-демократической организацией была

устроена грандиозная демонстрация, а в июле новороссийские рабочие пережили свое 9 января.

Летняя железнодорожная забастовка захватила и Новороссийск, где работы прекратились 15 июля. На другой день, когда к железнодорожникам присоединились рабочие заводов, стачка сделалась всеобщей. Ежедневно происходили митинги (у железнодорожного полотна), собиравшие иногда до десяти тысяч человек. Рабочие выдвинули политические и экономические требования. Хозяева на уступки не шли, а администрация то уговаривала рабочих, то прибегала к арестам социал-демократов, организации не разрушавшим, а наоборот, усиливавшим ее влияние на массы.

Мобилизация черной сотни успеха не имела. Еще раньше на большом собрании организованных рабочих (в количестве 250 чел.) была вынесена резолюция о сплочении рабочих масс и борьбе с черной сотней [1].

В этой резолюции указывалось, что в целях борьбы с революцией правительство организует черную сотню, которая начинает проявлять свою деятельность и в Новороссийске, и что в ответ на это социал-демократическая организация сплачивает свои ряды и вместо разжигания национальной розни предлагает для борьбы с правительством и черносотенцами объединиться вокруг социал-демократии. Разолюция заканчивалась указанием на то, что произволу царскому придет конец только вместе с свержением самодержавия, что необходимо «с оружием в руках добиться созыва всенародного учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования».

Руководство стачкой находилось в руках социал-демократов. Стачка была действительно всеобщей. Город точно вымер, и только тысячные толпы рабочих стекались на митинги, где социал-демократические ораторы выслушивались с глубочайшим вниманием. Поезда не ходили. Между Новороссийским бюро железнодорожного союза и администрацией дороги состоялось соглашение о невыпуске поездов со станции Новороссийск. Однако, вопреки этому соглашению, 19 июля администрации удалось пустить два поезда. Негодующая масса железнодорожников двинулась с места митинга прямо по полотну к вокзалу. Рабочих встретили казаки и солдаты под начальством жандармского полковника. Рабочие выбрали депутата и послали его объясняться с администрацией. Еще не возвратился депутат, как выехавший к толпе жандармский полковник предупредил, что если рабочие не разойдутся, он прикажет стрелять. Не прошло и десяти минут, не успели депутаты дать отчет о своих перего-

---

[1] См. «Социал-демократ» № 9 от 7 июля 1905 г

ворах с администрацией, как раздалась команда: «Шашки наголо!» — и казаки бросились на рабочих.

«Бывшие впереди сбежали с полотна, и их начали расстреливать солдаты. В бегущую по полотну толпу стреляли казаки сбоку и сзади. Толпа попала под перекрестный огонь. Было дано восемь залпов, а после казаки начали расстреливать отдельных рабочих.

В воздухе слышались стоны и выстрелы. Рабочие с проклятиями бежали под выстрелами. У кого было оружие, те отстреливались. Со стороны войска убит один и ранены двое. Часть рабочих бежала в лес и горы; туда поехали казаки и убивали спрятавшихся. Раненые истекали кровью в лесу и умирали. Часть рабочих, спрятавшаяся под вагонами, была осаждена войсками, при чем в тех, кто пытался высунуть голову, руки и ноги, немедленно стреляли; кто пытался перелезть через забор мастерских, того тотчас же «снимали»[1]...

По словам корреспондента «Социал-демократа», число убитых, по официальным данным, считалось 16, раненых же 20, но в действительности всего так или иначе пострадало до 150 человек[2].

Даже если предположить, что цифра увеличена вдвое, то и тогда кровопускание, устроенное властями, было больше чем достаточным для того, чтобы новороссийские рабочие долго помнили это злодеяние правительства. Результат этого молодецкого дела был для жандармов неожиданным. «Это зверское избиение,— говорит тот же корреспондент,— ясно показало, что такое самодержавие. Если раньше массовые рабочие в Новороссийске сторонились от резких политических речей, то теперь они сами кричат: «Долой царя!». Рабочие требуют оружия».

Рабочие открыто называли виновником и организатором избиения и расстрела толпы начальника новороссийского депо, инженера Глеба-Кашанского; но, несомненно, за его спиной стояла высшая губернская администрация.

Как бы то ни было, событие на железной дороге показало всем — и рабочим и революционным организациям,— что самодержавие легко, без сопротивления, народу не уступит. Началась деятельная подготовка по сплочению своих рядов.

Между тем события развивались с головокружительной быстротой: события в Севастополе нашли себе отклик во всей России в забастовках и в политических протестах против зверств правительства, августовские и сентябрьские забастовки вылились наконец во всеобщую всероссийскую забастовку, которая и вырвала у царя манифест 17 октября.

---

[1] «Социал-демократ» № 11 от 4 августа 1905 г.

[2] Тов. Н. Янчевский приводит такие цифры: убитых 13, раненых 22 (см. указ. выше работу, стр. 35).

II

Как только в Новороссийск пришло известие о манифесте, революционные организации социал-демократов и социалистов-революционеров взяли все движение в свои руки.

19 октября состоялось экстренное заседание городской думы, которое быстро было превращено в митинг. Заседание происходило в Народном доме, при большом стечении публики. Но здесь социал-демократы и социалисты-революционеры еще не развернули во всю ширь своих программ и требований. Говорил и городской голова Никулин, и гласный Гамолицкий. Они в очень резкой форме высказывали протест против объявления г. Новороссийска на положении усиленной охраны и открыто называли виновниками расстрела рабочих в июле губернатора Трофимова, жандармов и послушную им железнодорожную администрацию.

На другой день, 20 октября, начались забастовки.

Первыми забастовали поденные рабочие. Положение их было действительно очень тяжелым, так как главное ядро составлялось из пришлого безработного элемента, скоплявшегося в Новороссийске из разных портов Азовского и Черного моря зимой, когда эти порты не работали. В то время как коренные рабочие грузчики и вообще работавшие в порту были организованы в артели и работали по договору этих артелей с коммерческим агентством Владикавказской железной дороги, поденные рабочие вынуждены были соглашаться на те условия, какие им предлагало агентство и частные предприниматели. Главная же беда заключалась в том, что их работа была временной: работая сегодня, они не знали, получат ли работу на другой день.

Забастовкой руководил местный социал-демократический комитет. Было выдвинуто главное требование — уравнение условий работы поденных с условиями артельных рабочих. Забастовка поденных рабочих могла быть успешной только в том случае, если бы к ней примкнули артельные рабочие, так как, хотя поденных рабочих собиралось в Новороссийске до двух тысяч и более, но Владикавказская железная дорога и частные предприниматели всегда могли обратиться по договору к артельным рабочим. Лишь отказ от работы артельных рабочих мог бы поставить предпринимателей и Владикавказскую дорогу в безвыходное положение. Поэтому главной задачей революционных организаций стало вовлечь в забастовку и постоянных артельных рабочих.

Общая атмосфера в городе скоро помогла это сделать. Шли митинги за митингами. Вечером 20 октября около Народного дома произошел огромный митинг. Здесь, после горячих и ярких речей, с.-д. Н. И. Попов предложил резолюцию, которая была принята единогласно. Собрание поручало городской думе взять

на себя инициативу по сбору пожертвований на памятник «Славы» в честь погибших борцов в Севастополе и, главное, постановляло послать двух представителей народа в думу для принятия участия в заседаниях уже намечавшейся комиссии по вопросу об учреждении народной городской милиции[1].

Через три дня в зале городской думы собрание гласных было обращено в митинг, где опять тот же с.-д. Попов указывал, что теперь, после манифеста 17 октября, вырванного у царя народом, сам народ должен заботиться о своей безопасности. Поэтому необходимо, чтобы дума, если она хочет выражать интересы народа, сама организовала свою народную милицию. Попов прямо указывал цель этой милиции или охраны: борьба с правительством, если последнее попытается отнять права, завоеванные народом. Вопрос об организации милиции для социал-демократов был самым важным практическим вопросом: еще до октябрьских дней организация, повидимому, пыталась разрешить его, так как в архивном деле имеются указания, что у социал-демократов к октябрю имелось около 200 товарищей, вполне готовых для вступления в охрану. Поэтому социал-демократы усиленно толкают городскую думу и главным образом городского голову Никулина на сформирование милиции. Как ни был связан городской голова Никулин с революционерами (Прохоров, один из революционных деятелей, был его зятем), как ни обуревали его гражданские добродетели, однако ни он, ни тем более остальные гласные не решились покинуть почву законности. Вопрос об организации обсуждается в думе в течение всей последней трети октября. На частном совещании думы сначала 24-го, а затем 25 октября было решено поступить так: назначить комиссию, поручить ей организовать милицию в числе 120 человек, вооружить эту милицию револьверами, для чего и ассигновать 4 800 рублей и одновременно возбудить ходатайство перед губернатором и наместником Кавказа о разрешении такой организации. Цели охраны определялись как охрана личности и имущества граждан.

В комиссию по организации охраны вошли секретарь управы К. Петров и гласные Лозинский и Лир.

Между тем тревожное настроение в городе росло; черная сотня тоже организовалась, и необходимо было поспешить с организацией охраны, так как без нее нельзя было ручаться за безопасность митингов и собраний.

Еще 23 октября на митинге в думе была избрана специальная митинговая комиссия в составе городского головы Никулина, гласного Аксельбанта, социал-демократа Попова и социалистов-ре-

---

[1] «Черноморское Побережье» 1905 № 799 и дело Моск. Ист.-рев. арх. № 3428/1905 г., тт. I—II.

люционеров Б. Прохорова, Ш. Рабинович-Лейбовича и Е. Сотири. Обязанности этой комиссии заключались в распределении городских помещений под митинги и собрания. Комиссия добросовестно исполняла свои обязанности, митинги шли один за другим, беспрерывно, но ручаться за целость и сохранность не могла и комиссия. В течение последних дней октября на заседаниях думы одобряется телеграмма городского головы на имя наместника Кавказа с просьбой разрешить организацию. Из Тифлиса следует отказ. 3 ноября губернатор Трофимов уезжает в Тифлис, и дума уже без всякого разрешения приступает к организации милиции[1].

Официальная организация охраны поручается секретарю управы Петрову, но фактически это дело переходит в руки социал-демократов и социалистов-революционеров. К тому времени, как дума приступила к организации охраны, революционные организации уже сформировали свои боевые дружины.

Цель и задачи этих боевых дружин хорошо очерчиваются уставом боевой дружины социалистов-революционеров, который, повидимому, по существу мало чем отличается от такого же социал-демократического устава[2]. Устав этот был составлен социалистом-революционером Килинским.

Боевая дружина учреждается, как говорится в § 1 устава, «в целях защиты лиц, работающих в освободительном движении, и всех вообще граждан от произвола и насилия, предпринимаемого правительством, властями и остальными преступными элементами».

Защита граждан, охрана митингов, борьба с черной сотней и наконец борьба с правительством — вот задачи боевых дружин. Организация их проста. Дружинники собираются в десятки, из которых составляются сотни. Десятские и сотские и начальники боевых дружин составляют командный состав.

Такие дружины организовались на железной дороге, где начальником был, как это утверждают официальные документы, рабочий Чепурченко, и на цементных заводах, где начальником был тоже рабочий, Жургулевич[3]. Третья дружина была в городе.

---

[1] См. «Черноморское Побережье» 1905 №№ 801, 802, 803, 806, 807 и 808 а также показания милиционеров (Дело № 3428).

[2] Ист.-рев. арх., д. № 3428/1905 г., т. V.

[3] Членами боевой соц.-демократической дружины на железной дороге были: Мячим, Павлов, Выродов, Греценко, Алехин, Родионов, Молчанов, Харженко, Семерня. Роспубако, Лупандин, Федичка, Куфнов, Рабишевский, Рянчук, Недоносов, Пряслов, Первушин, Беличенко, Наливкин, Козленко, Кольцов, Коростыленко, Солон, Кинан, Дорофичук, Лукашевич, Атаманов, Рязанцев, Сокольский, Калимитов. Захаряшенко, Хохлов, Вас. Фатеев, Богданов, Борбышко, Литовченко, Свинаров, Тополев. Хоботов, Лебедин, Козицын, Люлька, Сенькин, Намыка, Маслов, Акимченко, Стеценко, Мелихов, Клюков, Ефремов, Симохин, Высоцкий, Максименко и Сокольский (дело № 3428 т. III),

Очень скоро выяснилось, что необходим единый руководящий центр всех боевых сил. Тогда решено было, по соглашению социал-демократов и социалистов-революционеров, организовать одну общегородскую боевую дружину, которая управлялась чем-то вроде боевого центра, куда входили представители боевых дружин социал-демократов и социалистов-революционеров. Командование однако было поручено одному человеку, Филиппу Дубровину («Черному»).

Все это оформилось к началу декабря, когда, после окончательного конструирования Совета Рабочих Депутатов, и было зафиксировано постановлениями Исполнительного Комитета, а пока, в течение ноября, в атмосфере стачечного возбуждения каждая из революционных организаций творила свое революционное дело.

Первое и важнейшее дело, каким была занята дружина, это — вооружение дружинников. О разоружении казаков и солдат не могло быть и речи, несмотря на то, что пропаганда среди войск велась очень успешно и энергично. Приходилось подумать о приобретении оружия другими путями — покупкой, разоружением полиции и стражи и разоружением частных лиц.

Деньги собирались путем пожертвований, а разоружение началось со стражников. Все оружие, какое имелось у стражников в Новороссийске и его округе, было немедленно конфисковано. Таким образом было отобрано оружие у стражников всех окрестных селений и имений (Кирилловка, Кабардинка, Мефодиевка, имение Абрау-Дюрсо, Владимировка, Глебовка, Марьина роща, Борисовка). Оружие карантинной стражи и стражи цементных заводов также отобрали и вооружили товарищей. Ружейный магазин Смолянова и множество частных лиц также выдали все оружие, какое имели. Разоружение производилось очень просто: обыкновенно несколько человек дружинников являлись в имение или в частную квартиру и, с предписанием боевой дружины в руках, брали все, что находили нужным для вооружения боевых кадров,— винтовки, берданки, револьверы.

III

По мере того как боевая дружина становилась многочисленней и грозней и по мере того как развертывались события, роль городской охраны уменьшалась, она постепенно сливалась с боевой дружиной, и таким путем составилась та вооруженная сила, которой располагал Совет.

Немало стараний проявили организации и в отношении заготовки холодного оружия: на старом цементном заводе изготовлялись пики, кинжалы, шашки; там же находился склад оружия, хранились динамит и бомбы.

Так как в числе дружинников находились кавказцы (да и вообще Новороссийский социал-демократический комитет имел хорошие связи с кавказскими революционными организациями), то быстро связались с соседними революционными боевыми органами и получали оттуда все, что можно было достать,— напр., бомбы.

Дружина, как уже указывалось выше, распределялась по районам. Всеми боевыми силами командовал Филипп Дубровин («Черный»). Цементным районом и дружиной командовали Жиргулевич и Фридрих Шмидт, их помощник был Василий Ниненко. Во главе района стоял районный комитет, на обязанности которого лежало собирание денег, оружия и т. п. Таких районных комитетов, по числу районов, было три — городской, железнодорожный, цементный. Сборы на оружие (в размере 2% с жалованья) собирались не только с рабочих, но даже и с обывателей. Командир района (генерал милиции), его помощник (капитан) и сотские производили обучение дружинников: маршировке и вообще строю, ружейным приемам, стрельбе.

Так шла техническая подготовка к вооруженному восстанию, и рядом с этим велась агитация в войсках, целью которой было заставить казаков и солдат перейти на сторону народа, либо, в худшем случае, убедить их выехать из города.

Между тем забастовка поденных рабочих затягивалась и вовлекала остальную рабочую массу в борьбу. Прежде всего социал-демократам удалось вовлечь в эту борьбу артели, работавшие по договору с коммерческим агентством Владикавказской железной дороги. Это нужно было сделать во что бы то ни стало, так как между поденными и артельными рабочими существовал некоторый антагонизм. Артельные рабочие, и в особенности железнодоржники, уже были объединены в союз; поденные — нет. И сделать это, повидимому, было не легко. По крайней мере, на это намекают некоторые документы, относящиеся к истории Новороссийского Совета Рабочих Депутатов [1].

Поденных рабочих не так охотно принимали к себе в организацию уже сформировавшиеся союзы. Так, в декабре в Совет поступила следующая просьба поденных рабочих, работавших у подрядчика Ускова:

«...имеем честь просить Совет Рабочих Депутатов причислить нас по усмотрению к какому-либо союзу, а также оказать нам с своей стороны вспомоществование, дабы мы могли существовать на земле, а не умереть от предстоящего голода».

Рукою члена Исполнительного Комитета Совета Лейбовича написана на этой просьбе резолюция: «Работали у подрядчика

---

[1] Дело № 3428/1905 г., т. I. См. протокол осмотра.

Ускова. Союз рабочих грузчиков отказал в приеме. Нуждаются в помощи».

Нужно было, следовательно, во что бы то ни стало сорганизовать в союз всех портовых рабочих, нужно было для этого на фактах борьбы с хозяевами показать всю необходимость такого объединения.

Началась агитация за забастовку среди артельных рабочих. Очень много энергии в этом деле проявили социал-демократы Зеленя, Попов, Николаев и особенно Гольман. Помогали им такие же приказчики Сабельников и Соловьев [1]. При помощи социал-демократов были выработаны требования. Суть этих требований сводилась к прибавке 20% к получаемому содержанию и, кроме того, к уплате Владикавказской железной дорогой неустойки в размере 140 000 рублей, что составляло на долю каждого рабочего по 315 рублей. 21 ноября началась забастовка, и работы на элеваторе и в порту остановились.

Еще 15 ноября началась забастовка почтово-телеграфных служащих, и были попытки остановить телефонную станцию.

Администрация растерялась, тем более что все эти бастующие рабочие и служащие посещали митинги, устраивали собрания и в своих служебных помещениях вырабатывали требования и предъявляли их начальству. Все попытки вице-губернатора Березникова направлялись теперь к тому, чтобы прекратить начавшиеся забастовки.

На помощь губернатору пришли капиталисты. На собрании биржевого комитета 23 ноября обсуждался вопрос о прекращении почтово-телеграфной забастовки. Все пришли к единогласному заключению принять меры к ее окончанию. Тогда выступил городской голова Никулин и подчеркнул, что забастовка эта имеет огромное общественное значение и что лучше оказать помощь бастующим, чем прекращать движение.

Вопрос о прекращении забастовки правые элементы подняли и в городской думе 24 ноября, но безуспешно. Точно так же безуспешно пытался вице-губернатор Березников ликвидировать забастовку портовых рабочих. 25 ноября он созвал совещание в составе: администрации железной дороги (инженер Дунин), экспортеров, городского головы Никулина, представителей рабочих артельных и поденных и двух товарищей прокурора. В присутствии самого вице-губернатора как будто соглашение состоялось, но, в виду неуступчивости и нежелания железной дороги выплатить неустойку в размере 140 000 рублей, дело расстроилось, и забастовка приняла еще более бурный характер.

---

[1] Во втором томе д. № 3428/1905 г., в показании Мельникова, зав. коммерческим агентством Владикавк. жел. дор., указаны как лидеры: портовых рабочих — Лисицкий, поденных — Перевощиков. Верно это или нет, сказать нельзя: не имеется данных.

Город уже тогда фактически находился в руках революционеров.

Милиция, организованная думой, совершенно не подчинялась полиции и, наоборот, очень часто действовала против нее. Задачей милиции, численность которой достигала 158 человек, являлась охрана митингов и собраний, задержание лиц, враждебно настроенных к революционному движению, аресты таких лиц, обыски и т. п.

Напрасно полицмейстер Киреев писал городскому голове грозные послания с требованием сообщить число и состав городской охраны. Городской голова просто игнорировал эти послания. Точно так же ответили отказом полицмейстеру Кирееву, когда тот потребовал от думы денег на закупку револьверов для вооружения городовых.

Безрезультатным осталось и совещание, специально созванное вице-губернатором по вопросу об охране.

Городской голова на этом совещании заявил, что обыски и аресты производила не охрана, а боевая дружина, последняя же ему не подчиняется.

Власти просто были бессильны что-либо сделать с революционной стихией, тем более что городская милиция действительно внесла успокоение во встревоженные умы обывателей. Даже черносотенно настроенное «Черноморское Побережье» и то писало в номере от 27 ноября, что «наша городская охрана дает городу то спокойствие, которое он давно ожидает»[1].

Это было и неудивительно, так как в качестве дружинников состояли такие люди, как социалисты-революционеры — Лейбович, Петрушевич, Нодельман, Эпштейн и социал-демократы — Попов, П. Краснов, Гольман и др.

Положение этой городской милиции еще более укрепилось, когда в число ее членов вступили некоторые члены боевой дружины и когда произошла забастовка городовых.

Даже самые преданные полиции люди увидели, что власть уходит из рук вице-губернатора и полицмейстера.

Атмосферу растерянности властей очень хорошо рисует сам бывший вице-губернатор Березников в своем показании на следствии. Отвечая на вопрос, чем он может объяснить указание одного из обвиняемых, что в течение периода времени от 3 ноября по 25 декабря митинги и демонстрации разрешались им, вице-губернатором, Березников говорит: «Могу предположить, что выражение «разрешение митингов» применимо вышесказанным обвиняемым к тем двум-трем митингам, устроенным городской управой и, кажется, некиим Красновым, когда о сих митингах были присланы извещения; однако, по крайнему моему разумению, пра-

---

1 «Черноморское Побережье» № 824.

вильнее было бы вместо слова «разрешение» употребить выражение «невоспрещение», или, вернее, «невоспрещение силою», так как простое невоспрещение, очевидно, не дало бы в то время никакого результата. Затем остальные митинги,— было их, думается, не менее сотни,— происходили без всяких заявлений: могу и относительно их сказать, что они не были мною воспрещены словом или бумагою по соображениям бесполезности такого воспрещения и не были рассеяны силою» [1].

Растерянность властей еще более увеличилась в виду позиции, занятой железнодорожниками. Первое время в октябрьские дни председателем новороссийского бюро железнодорожников был Леонтович, человек совсем не революционно настроенный и мечтавший о том, что забастовка ограничится только предъявлением администрации экономических требований. Социал-демократическая организация очень скоро поняла всю непригодность этого человека как руководителя в решающий момент, близость которого чувствовали все. С железнодорожниками устанавливается самая тесная связь; на митингах железнодорожников бывают лучшие социал-демократические ораторы — Николаев, Краснов, Попов. Вместо Леонтовича в председатели бюро выдвигается рабочий Зеленя, очень хорошо связанный с ростовской социал-демократической организацией. Сам Леонтович прекрасно понимал, что он не годится на роль руководителя революционным движением, и вполне правильно охарактеризовал себя в рапорте по начальству следующими словами: «...меня отнюдь нельзя причислить к вожакам революционного движения и подстрекателям забастовки» [2].

В декабре председателем бюро сделался Зеленя, и картина на железной дороге сразу изменилась: стала укрепляться и расширяться железнодорожная дружина, установилась очень прочная связь с Екатеринодаром и Ростовом, митинги приняли ярко-политический характер.

Но еще до своего избрания председателем Зеленя приложил все усилия к тому, чтобы революционизировать массу.

На митинге 17 ноября, по предложению Зелени, было вынесено постановление бойкотировать в виде протеста царскую казенку и поддерживать социал-демократическую партию; 20 ноября на собрании рабочих и служащих был устроен суд над инженером Глебом Кашанским, которого все считали виновником июльского расстрела; 29 ноября на собрании было постановлено присоединиться к борьбе петербургских рабочих, вместе с ними добиваться восьмичасового рабочего дня и помогать им.

---

[1] Моск. Ист.-рев. арх., д. № 3428/1905 г., т. XI, л. 351.
[2] Дело № 3428/1905 г., т. III.

7 декабря Зеленя получил из Ростова от председателя ростовского бюро Рейзмана телеграмму о начале всеобщей железнодорожной политической забастовки. Рейзман писал:

«По всем станциям Владикавказской ж. д., председателям местных бюро и делегатам, копия союзным комитетам российских дорог.

Товарищи, отечество в опасности, царское правительство, несмотря на вынужденное признание им гражданских [свобод?] за русским народом, не прекращает своей прежней политики издевательства и насилия над измученной и изголодавшейся родиной; чаша терпения переполнена, и Петербургский и Московский Советы Рабочих Депутатов, совещание представителей 29 железных дорог и Центральное бюро железнодорожного союза в Москве постановили начать всероссийскую политическую забастовку 7 дек. 1905 г.[1]. Присоединяясь всецело к общему решению, ростовское бюро предлагает следующее: забастовка начинается с 12 ч. ночи с 7 на 8 декабря. Все застигнутые забастовкой товарные поезда доводятся до больших станций по усмотрению местных бюро. Кондукторские бригады и паровозы с бригадами возвращаются по усмотрению местных бюро. Пассажирские поезда доводятся до больших станций с буфетами. Поезда с запасными нижними чинами, с хлебом для голодающих отправляются, пропускаются беспрепятственно, и каждое бюро по своему усмотрению организует поезда для безопасности линейных товарищей и для снабжения их провизией и водой. Забастовка прекращается только после уведомления со стороны ростовского бюро. Для организации руководства забастовкой назначается на 11-е XII съезд представителей линейных бюро в Ростове по два представителя. Товарищи, от нашего дружного и единодушного выступления будет зависеть превратить эту забастовку в последний акт борьбы народа за низвержение самодержавия. Бросайте работать, присоединяйтесь к забастовке! Да здравствует бюро! Политическая забастовка! Председатель ростовского бюро Рейзман».

Новороссийское бюро присоединяется к общему движению, и за железнодорожниками выступают и остальные рабочие и служащие.

Останавливаются железные дороги, бастуют пароходные команды, портовые рабочие, цементные заводы, почта, телеграф, приказчики, служащие казенных и частных контор и учреждений и даже извозчики. Бастуют учащиеся мужской и женской гимназий.

Вся жизнь замирает, и власть в городе и во всем округе на деле переходит к Совету Рабочих Депутатов, наступает кратко-

---

[1] Центральное бюро выполняло функции Центрального комитета союзов.

временный период, который все — и власти, и обыватели, и правительство — характеризуют словами: «Новороссийская республика».

IV

Какая же сила руководила всем только что описанным движением в Новороссийске?

Этой силой является Совет Рабочих Депутатов. Совет начал формироваться еще в конце октября, под влиянием известий из Петербурга. Окончательно же оформился и стал действительным органом власти лишь в середине декабря. В него входило более семидесяти представителей рабочих и служащих Новороссийска, так что на деле Совет являлся самым широким, самым доподлинным представительством трудящегося населения,— не оставалось не только ни одного предприятия, но и вообще ни одной группы трудящихся, которые так или иначе не были бы представлены в Совете. К сожалению, ни нормы представительства, ни того, откуда именно избраны были депутаты, установить, за немногими исключениями, почти невозможно.

Ясно одно, что, считая рабочее население Новороссийска тысяч в десять, можно с уверенностью сказать, что представительство было полное.

Новороссийский Совет принял такие же организационные формы, как и повсюду в России. Прежде всего был избран Исполнительный Комитет Совета. В него вошли: Лейбович, Гольман, Калинский, Прохоров, Глонти, В. Сокольский, Бодянский, С. Филонов, Теретинников, А. Бобков, Николаев, Попов, М. Борисов, Н. Коркунов. Это установлено следствием. Насколько точно следствие установило состав Комитета, неизвестно, так как привлеченные к суду главные деятели, которые могли бы дать точные и исчерпывающие сведения, ничего существенного на следствии не говорили, отказывались давать показания о «третьих лицах», и таким образом многое для суда осталось неясным и сомнительным.

Организация Совета началась еще в октябре, но до декабрьских дней Совет переживал организационный период и накоплял силы [1].

---

[1] Тов. Янчевский в своей работе «Новороссийская и Сочинская республики в 1905 году», на стр. 50 оспаривает мое мнение, что Совет стал организовываться еще с конца октября, и считает начальной датой организации 21 ноября. Однако т. Янчевский сам впадает в противоречие, когда на стр. 59 считает время существования Совета период в 2 недели, с 11 по 25 декабря. Думается, что я ближе к истине, так как конец октября я считаю начальным периодом формирования, а что в ноябре Совет уже существовал, в деле имеются документы за подписью Совета (напр., призыв Совета к забастовке 22 ноября).

Однако и тогда уже Совет пользовался большим влиянием среди рабочего населения Новороссийска.

22 ноября по призыву Совета в Новороссийске прошла всеобщая забастовка в знак траура по погибшим в Севастополе борцам за свободу. Официальный документ довольно верно рисует картину этой забастовки и демонстрации.

Торговля и работы в этот день были закрыты, извозчиков принудили разъехаться по домам. С утра по улицам проходила еврейская молодежь («почтенный» следователь здесь отдал дань юдофобскому настроению своего начальства и выявил свои собственные антисемитские чувства.— В. Н.), украшенная значками красного и черного цвета в виде кокард; в Народном доме состоялся митинг, по окончании которого толпа с красными и черными флагами двинулась к площади. Там перед собравшейся тысячной толпой выступили ораторами Краснов, Николаев и другие и, указывая «на зверство правительства», убеждали «всех сплотиться и сделать натиск на узурпаторов-правительство, находящееся в последних конвульсиях, вследствие чего его не станет, а народ восторжествует»... По окончании речей шествие это двинулось в город: впереди несли черные и красные флаги, затем следовала вооруженная ружьями и револьверами боевая дружина, далее шел оркестр бальной музыки, игравший революционную марсельезу и похоронный марш. Когда шествие это проходило мимо таможни, развевавшийся на ней правительственный флаг был приспущен в знак траура. В городе это шествие двинулось к городской управе, где какими-то ораторами говорились с балкона антиправительственные речи; от управы толпа демонстрантов в том же порядке двинулась на Соборную площадь, где священником О. Гофманом была отслужена панихида по павшим 15 ноября в Севастополе борцам за свободу.

С первых чисел декабря Совет окончательно и решительно становится во главе движения и превращается действительно в революционный орган восставшего народа. В самом деле, в деятельности Новороссийского Совета в течение почти целого месяца, с начала декабря по 25-е число, можно найти все элементы настоящего, нового, еще невиданного в г. Новороссийске революционного правительства. Характер деятельности Совета очень хорошо обрисован самим Советом в объявлении, выпущенном тогда же от его имени.

Совет ставит себе определенные задачи решительной борьбы за окончательную ликвидацию самодержавия.

Имея в виду местный масштаб работы, Совет намечает следующие ближайшие меры, которые, по его мнению, должны подготовить эту ликвидацию: 1) проведение политической забастовки, 2) организация народного самоуправления, 3) организация народного выборного суда, 4) немедленная борьба с имущими

слоями в пользу рабочего класса, 5) организация профессиональных и политических союзов, 6) немедленная помощь безработным и организация общественных работ и 7) подготовка вооруженного восстания.

Прослеживая деятельность Совета, мы. действительно убеждаемся, что он неуклонно проводил намеченные цели в жизнь. О руководстве политической забастовкой говорить не приходится: уже с начала ноября это руководство было в руках Совета. Что же касается дальнейшего периода власти Совета (декабрь), то стоит только взглянуть на номер второй «Известий» Совета, чтобы убедиться в том, что действительное руководство забастовкой находилось в его руках. Прекращая частично на время политическую забастовку, Совет 19 декабря опре́деляет, какие предприятия эту забастовку продолжают, какие попрежнему бастуют. Как это видно из документов, постановление Совета было выполнено целиком, и Совет мог с полным правом сказать, что в тот момент он, а не какая-либо другая организация, являлся властью в городе и во всей округе.

Организация народного самоуправления, равно как и организация суда и помощи безработным, были вполне правильно намечены и отчасти осуществлены Советом. По сути дела, начиная с ноября, старой городской думы в Новороссийске уже не существовало; управлял городом Совет, а в думе его волю творил городской голова Никулин, делавший все, что ему велели делать социал-демократический комитет и социалисты-революционеры.

Уже 11 декабря, т. е. на другой день после объявления о своих задачах, Совет приступил к организации помощи безработным.

Была образована «комиссия по организации помощи безработным»; в состав этой комиссии вошли гласные: Лир, Нестеров и Аксельбант, фактическое участие в ней принимали и члены революционных комитетов: Лейбович и Гольман (с.-р.), Прохоров и Сокольский (с.-д.).

Прежде всего дума ассигновала на безработных 3 000 р., а затем предоставила широкие полномочия комиссии. Комиссия же ввела просто-напросто прогрессивно-подоходный налог. Как и полагается в таких случаях, революционная комиссия для проведения этой меры в жизнь привлекла специалистов: раскладкой прогрессивно-подоходного налога занимались сведущие люди,— новороссийские купцы и управляющий отделением Государственного банка, конечно, под контролем товарищей из революционных организаций.

Так революция в своем творчестве еще в 1905 году пришла к тем путям, которые затем, в 1917—1923 годах, были широко проложены нашей Октябрьской революцией!

Судя по распискам и записям, приложенным к судебному делу Новороссийского Совета, раскладка была произведена правиль-

но: по крайней мере, на эту сторону дела буржуазия не жаловалась. Гражданин, который должен был внести налог, обыкновенно получал извещение такого рода:

«Комиссия по организации всеобщей политической забастовки.

«Гражданин! Комиссия имеет честь известить вас, что, согласно раскладке, с вас причитается взнос в сумме ... руб. ...коп., каковую сумму можно внести 4-мя равными взносами в городскую управу или лицам, уполномоченным комиссией и снабженным соответствующей квитанционной книжкой.

Председатель Н. Лир. Секретарь С. Лейбович».

Сколько всего таким путем было собрано денег, неизвестно, но деньги вносились, как это видно из многочисленных расписок в получении таких денег (напр., об уплате Думновым — 50 р., Ширангером — 50 р., Трощенком — 320 р., пивной «Бавария» — 400 р. и т. д.).

Определенный процент этих взносов шел в пользу социал-демократического комитета и социалистов-революционеров; остальные деньги выдавались безработным. В первом номере «Известий» Совета даны директивы по взиманию налога и предоставлены широкие полномочия членам комиссии, при чем подчеркнуто, что взимание налога должно производиться немедленно и энергично.

Помощь безработным оказывалась и раньше, до образования комиссии. Так, под давлением Совета дума постановила оказать материальную поддержку бастующим почтово-телеграфным служащим, и действительно оказала ее, хотя и не в тех размерах, как просили об этом служащие. Таким образом, эти служащие имели возможность дольше бороться с нуждой и голодом и принимать участие в общеполитической забастовке. При взимании налога Совет не останавливался перед революционным воздействием, если плательщик отказывался платить деньги или просто не являлся в управу. В таких случаях к нему на дом посылались сначала стражники охраны (пока милиция еще действовала), а затем дружинники. В таких случаях деньги вносились немедленно.

Таким образом, Совет обнаружил огромное понимание своих задач, когда, не дожидаясь, пока будет разработано настоящее положение народного самоуправления, захватил в свои руки революционным путем самую главную функцию этого органа — финансы, взимание налогов. На эту сторону дела Новороссийский Совет обратил очень серьезное внимание. Понимая, что деньги даже для революции играют огромную роль, он пытался овладеть и казенными средствами. К сожалению, вице-губернатор Березников еще заранее вывез из Государственного банка его золотой запас на станцию, куда он в страхе убежал под прикрытие солдатских ружей. Губернатору, однако, удалось вывезти не

все деньги. Он увез 1 456 000 р. деньгами и 194 450 р. ценными бумагами. Вкладов мелких вкладчиков, а также денег, находящихся в ссудо-сберегательных кассах, ему увезти не удалось: ему их просто не выдали, так как даже царские чиновники того времени понимали, что Совет в этом случае прав.

Интересны мотивы, какие приводили банковские чиновники в пользу того, что денег из банка увозить не следует: до прибытия правительственных войск, по мнению банковских служащих, достаточно и «боевой дружины социалистических партий, по постановлению Совета Рабочих Депутатов коих (партий) на обязанности дружины лежит охранение Государственного банка от могущих быть посягательств хулиганов и грабителей» [1]. Так, даже самые отсталые царские чиновники, подчиненные вице-губернатору Березникову, прониклись уважением к революционной власти, больше доверяя ей, чем своему начальнику!

Совет Рабочих Депутатов сейчас же после похищения Березниковым народной казны широко оповестил об этом население. В открытом письме вице-губернатору Исполнительный Комитет клеймил позором поступок Березникова и предписывал ему немедленно возвратить похищенные деньги, угрожая народным судом. «В целях этой же охраны своей личности, — говорилось в этом письме, — чтобы лучше обмануть стерегущих вас казаков, вы похищаете более полутора миллионов народных денег и почему-то считает себя в праве распоряжаться ими, употребляя их на подкуп и спаивание своей охраны и черносотенцев города. Нашим же братьям, казакам, вы и ваши прислужники рассказываете сказки о необходимости охранять народные деньги от самого народа. Нет, народ знает, что самой большой опасности подвергаются народные деньги тогда, когда ими бесконтрольно распоряжаются чиновники».

Это открытое письмо окончательно дискредитировало в глазах населения и без того не внушавшего никакого к себе уважения, жалкого труса, вице-губернатора Березникова; престиж же Совета еще больше поднялся, так как все увидели, что никаких посягательств на народные деньги нет и что, наоборот, Совет прав в своих требованиях возврата денег, так как губернатор увез, кроме денег, еще и ключи от кассы в почтово-телеграфной конторе, где хранилась часть сумм, предназначавшихся для жалованья служащим.

Новороссийский Совет приступил к ликвидации царского суда. Как только в Новороссийск прибыла выездная сессия Екатеринодарского окружного суда (в составе председателя А. А. Балкашина, членов Н. И. Войноховского и С. А. Рушковского, прокурора Д. Д. Платковского и др.), в камеру мирового судьи, где

---

[1] Моск. Ист.-рев. арх., д. № 3428/1905 г., т., IV, л. 1187.

этот суд решил открыть свои заседания, явилась боевая дружина и предъявила постановление Совета Рабочих Депутатов:

«Исполнительным Комитетом Совета Рабочих Депутатов постановлено: все правительственные учреждения, в том числе и судебные учреждения, должны быть закрыты, а поэтому и решение суда не может быть допустимо впредь до прекращения политической забастовки».

Кроме этого постановления, исполнявший волю Совета учитель Бодянский предъявил еще распоряжение социал-демократического комитета о немедленном роспуске суда. «Черноморский С.-Д. Комитет РСДРП,— говорилось в этом распоряжении,— предлагает суду немедленно прекратить занятия в виду всеобщей политической забастовки» [1].

Царским юристам пришлось подчиниться: они закрыли сессию, собрались на заседание и написали постановление, являющееся образцом бюрократического творчества. Перечислив причины закрытия сессии: 1) «мертвая забастовка», 2) «нравственное угнетение судей», 3) отсутствие в городе достаточной охраны, 4) прекращение занятий городской думы, 5) возникновение беспорядков, 6) письменное заявление социал-демократического комитета и т. д., мудрые юристы постановили сессию закрыть и получить прогонные [2].

Совет не успел разработать никакого положения о народном суде, но к настоящему народному революционному суду попытки перехода он делал: так, еще в ноябре был устроен народный суд над инженером Глебом Кашанским, судебные же функции выполнял и Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов [3].

Кто только и по каким делам не обращался к Совету. Рабочие, прислуга, приказчики, торговцы и даже артисты и жалобщики по бракоразводным делам входили в Совет со своими заявлениями.

Вот, напр., просьба рабочих о разрешении производить ремонт шоссе: «Г. Аратору. Мы находимся артель 11 человек на 3 версте по шоссейной дороге, работаем шоссе, бьем щебенку, но 13 сего декабря запрещали. Мы Аратору заявили сегодня, 14 декабря к вашему распоряжению, мы работу производим от подрядчика Ивана Пастушенко».

Другая просьба: «Предс. Совета рабочих Г-н. Предс. Просим отправить на пароходе Ялта 295 баран, с голоду мрут здесь».

Вот еще аналогическая просьба: «Господа товарищи! Позвольте погрузить битых кабанов на пароходе «Русского Общества»

---

[1] Моск. Ист.-рев. арх., д. № 3428/1905 г., т. III, л. 1002.

[2] Там же, т. VII, л. 2402 и 2403.

[3] См. о суде выдержку из воспоминаний т. Прохорова у т. Н. Янчевского, стр. 77.

Жертвую на голодающих (5 р.) или примите за собою (13 коп. за фунт — 5 р. 20 коп.). Так что жертвуем 5 р. 25 к., если желаете для праздника голодающим, могу по 13 коп. и салом, в городе торгуют обрезным мясом».

Таких дел Совету пришлось разрешать каждый день множество. «Только что прибыл пароход из Батума и пассажиры завезенные просили вернуться. Капитан согласен, только требуется разрешение Комитета, т. е. печать Комитета», — пишет кто-то в Совет; такую же просьбу возбуждают торговцы о вывозе 88 быков и 24 свиней[1].

Рабочие обращаются в Совет чаще всех,— то за пособием, как, напр., поденные рабочие «Русского Общества», то с просьбами разрешить открытие магазинов, как, напр., поденные приказчики, то с просьбами о зачислении их в какой-либо союз. Очень часто обращались отдельные рабочие,— о взыскании платы, удержанной заводоуправлением, хозяевами с прислуги,— напр., жалоба рабочего Кобылкина на подрядчика Губарева, удержавшего заработную плату, или жалоба Щеголева на своего хозяина: «В народный дом. Сотрудникам ораторам, получившим от народа право вступать за обиженных прислуг», и т. п. Обращались в Совет и обыватели с жалобами — жены на мужей, мужья на жен, дети на родителей (напр., жалоба Грищенковой на то, что некая Савицкая истязает свою дочь Василису), просили разрешить или ускорить развод, жаловались на повышение торговцами таксы на продукты и фураж (напр., на какого-то Семена Дорошенко, продававшего сено выше таксы, по 60 к. за пуд), обращались даже актеры с просьбой разрешить им спектакли и печатание афиш.

Интересы рабочих Совет поддерживал всей своей силой и авторитетом.

Когда социал-демократический комитет предъявил требования к администрации цементного завода, Совет поддержал эти требования, и они были удовлетворены. Вот что отвечало заводоуправление рабочим:

«Управление завода Общества Черноморского цементного производства на требования, предъявленные представителем Новороссийского Социал-демократического Комитета 3 ноября 1905 г.:

п. 1) Требование не увольнять рабочих без согласия Комитета. Заводоуправление обещает не увольнять рабочих за их политические убеждения до тех пор, пока они не прибегнут к угрозам и насилию.

п. 2) Требование неприкосновенности рабочих депутатов. Это требование заводом принимается, и рабочие депутаты не будут

---

[1] Просьбы воспроизводятся с сохранением орфографии копий, хранящихся в деле.

рассчитываться при отсутствии на то законных причин и без согласия большинства рабочих старого цементного завода.

п. 3) Требование об оставлении в должности рабочего И. Жиргулевича. В виду того, что заводоуправление не желает допустить предположения, что И. Жиргулевич рассчитывается за свою политическую деятельность на заводе, оно берет обратно заявление о расчете и признает И. Жиргулевича депутатом от рабочих бондарни и упаковки.

п. 4) Требование о принятии на работу рабочих, уволенных с завода в разное время. Рабочие Илья Малышев и Николай Оноприенко были уволены с 8 другими рабочими вследствие сокращения работы» [1].

Так отвечали хозяева на требования рабочих при существовании Совета, и таких случаев было в практике Совета немало.

Рабочие с помощью Совета добивались своих требований быстрее и легче.

Новороссийский Совет, как и другие Советы, повел борьбу за восьмичасовой рабочий день, и если рабочие не увидели результатов этой борьбы, то это объясняется исключительно тем, что существование Новороссийского Совета было слишком кратковременным.

Обаяние Совета было очень велико, и потому Совет был действительно полновластным хозяином города и всей жизни. Он останавливал фабрики и железную дорогу; он закрывал суд; он разрешал подвоз дров в город и вывоз продуктов из города; он удовлетворял просьбы рабочих и заставлял хозяев итти на уступки (напр., под его давлением удовлетворены были требования рабочих цементного завода); он карал спекулянтов, пытавшихся нажиться на голоде бедняков; он, наконец, оказывал широкую денежную и материальную помощь безработным. Кроме пособия, безработные в столовой общества трезвости могли получать хлеб и чай.

К концу декабря наступил такой момент, когда даже некоторые слои мелкой буржуазии стали тянуться к Совету.

Вот, напр., любопытный документ, отражающий эту сторону дела.

«В Комитет Рабочих Депутатов от торговцев Новороссийска заявление. 13 декабря из среды торговцев ибраны два делегата: Бобович и Бабан. Мы, делегаты, считаем нужным в общем заседании Совета Рабочих Депутатов выразить ему нашу солидарность с освободительным движением и указать Совету вескую цель политической забастовки, и нецелесообразности торговой забастовки, и высказать нашу мысль и нужды в заседании депутатов в нашем присутствии. Не станем высказывать нашу солидарность

---

1 «Черноморское Побережье» 1905 № 820.

и готовность итти рука об руку для достижения общей намеченной цели. Против нашего желания партия социал-демократов почему-то считает нас врагами и заставляет нас организовать общество, которое, к великому нашему сожалению, может встать в разрез с интересами партии социал-демократов после столь долгой борьбы и привести к дурным последствиям, а потому ходатайствуем выслушать нас в назначенное Советом время, а также ходатайствуем о принятии нас в Совет Рабочих Депутатов для представления избравшим нас».

Неизвестно, что за общество торговцев хотели организовать социал-демократы, но в высшей степени характерно то, что торговцы домогаются включения в члены Совета.

Само собой разумеется, что как только Совет сделался единственной властью в городе, сейчас же были приняты меры к обеспечению для пролетариата самой полной свободы печати, собраний и союзов. Новороссийский Совет, как делали это и другие Советы, для печатания своих воззваний, объявлений и «Известий» поступал просто: боевая дружина занимала какую-либо типографию, и наборщики печатали советские издания.

Мало того, Совет постарался обеспечить самую широкую возможность печатания и для социалистических организаций. Так, была изъята бостонка для социал-демократической организации; так, при помощи боевой же дружины были напечатаны «Известия» Совета в типографии Левина. Газета «Черноморское Побережье» за свое черносотенное направление была закрыта Советом и не выходила в свет с 18 декабря до самого конца господства Совета.

За несколько дней до своего падения, именно 21 декабря 1905 года, Исполнительный Комитет издает постановление «К сведению гг. управляющих типографиями».

«Сообщаем вам, — говорится в этом постановлении, — постановление Совета Рабочих Депутатов: в виду настоящего революционного времени, для предупреждения печатания провокационных объявлений и черносотенных воззваний и статей, типографии обязуются печатать только заказы, разрешенные Исполнительным Комитетом С. Р. Д. Согласно постановлению С. Р. Д., Исполнительный Комитет предлагает гг. управляющим доставлять на просмотр Исп. Ком. все поступившие в печать статьи, объявления и воззвания».

Это постановление проводилось строго в жизнь, и таким образом контрреволюция не поднимала головы и не приносила вреда свободе путем печати.

Какие же условия помогли Совету добиться такой полноты власти? Такими условиями были: огромное влияние на рабочих социалистических организаций, их необыкновенно энергичная деятельность, растерянность властей, отсутствие у них воору-

женной силы и умение Совета очень быстро сорганизовать свою военную силу и обезвредить солдат и казаков, стоявших в Новороссийске.

Две политические партии, несомненно, играли руководящую роль и в Совете и во всех событиях, — социал-демократия и социалисты-революционеры.

В Исполнительном Комитете Совета главную роль играли социал-демократы: Попов, Николаев, Гольман, Зеленя и др.. и социалисты-революционеры, как Лейбович, Калинский и т. д.

Это и указывает на ту тесную связь, какая установилась между Советом и революционными организациями. Как формально выражалась эта связь, как комитеты социал-демократов и социалистов-революционеров делегировали в Совет своих представителей, из дела не видно, да это и не имеет существенного значения для истории Новороссийского Совета. Налицо имеется один несомненный факт: руководство Советом находилось в руках социал-демократов и социалистов-революционеров.

Это видно на примере решительно всех фактов: в Исполнительном Комитете главную роль играли: Лейбович, Попов, Николаев, Прохоров, Гольман, В. Сокольский, Бодянский и еще десяток другой революционеров. Эти же революционеры, социал-демократы и социалисты-революционеры, и еще сравнительно небольшая группа выступала на митингах, они в конечном счете руководили дружиной, они захватили в свои руки власть в городской думе.

Их же ближайшие товарищи: Дубровин, Жиргулевич, Шмидт, Нинeнко, Чепуренко, Синюхаев, Гречкин составляли главную военную ячейку Совета.

Все они работали, не покладая рук, всех их знали широкие массы и верили им[1].

Другие партии почти не играли роли. Городской голова Никулин, вступивший в партию конституционалистов-демократов (кадетов), являлся только послушным орудием в руках левых. Он добросовестно исполнял то, что ему предписывали социал-демократы и социалисты-революционеры: ездил на совещания к губернатору, давал деньги на безработных, говорил даже пламенные революционные речи, но заметной величиной не являлся. Вместе с тем он все время играл какую-то двойственную роль: то шел с левыми, то поддакивал властям. Таким образом, социалисты безраздельно господствовали и в Совете, и в городе, и уж конечно среди рабочих. О растерянности властей говорилось уже выше: как только была объявлена всеобщая поли-

---

[1] В деле неоднократно упоминается «товарищ Лиза», игравшая заметную роль в движении. Следствие не установило, кто скрывался под этой кличкой; документы же и показания свидетелей о ней даже не упоминают. Не есть ли эта Лиза — т. Мутафова?

ческая забастовка, вице-губернатор Березников, жандармский ротмистр и начальник Новороссийского округа, захватив народную казну, бежали на станцию железной дороги и там укрепились и охранялись казаками Урюпского полка. Не растерялся только один полицмейстер Киреев, который все время оставался в городе, по виду держал себя тише воды, ниже травы, а на деле организовал черную сотню и занимался слежкой за деятелями Совета. Его рапортами и доносами наполнено все судебное дело Новороссийского Совета.

Бегство властей произошло потому, что у них не было войск. Те войска, какие находились в Новороссийске, были очень ненадежны, потому что среди них велась очень успешно пропаганда и агитация, как письменная, так и устная. Совет выпустил два воззвания,— одно к солдатам, другое к казакам,— в которых и убеждал их не выступать против народа. Устной пропагандой и агитацией занимались Гольман, Н. Глонти, Николаев и особенно Зеленя, выдающаяся фигура движения. Железнодорожник, рабочий, председатель железнодорожного бюро, он был хорошо связан со всей линией и особенно с Ростовом. Здесь он был на делегатском съезде перед самым восстанием в Ростове, отсюда он получал самую точную информацию. С Екатеринодаром у него были тоже хорошие связи.

В результате усиленной агитации среди пластунов, их батальон отказался уехать в Батум, куда их направляли; но и в Новороссийске батальон не остался Он был вывезен в Екатеринодар железнодорожниками, по распоряжению Зелени. Это произошло 12 декабря. Зеленя и его товарищи принялись за казаков, которые не остались глухи к этой агитации: 19 декабря агитатор-машинист Перегордиев увез половину урюпцев в Екатеринодар. Губернатор остался с половиной урюпцев, распропагандированных и ненадежных. Дело еще более для него ухудшилось, когда железнодорожникам удалось добиться, чтобы урюпцы, уехавшие в Екатеринодар, прислали своих делегатов к товарищам, оставшимся в Новороссийске, с целью и их убедить покинуть город. Из Екатеринодара шли призывы от урюпцев к своим товарищам не выступать против братьев-рабочих.

Вот что, напр., писали урюпцы из Екатеринодара своим товарищам в Новороссийск:

«Товарищи урюпцы в Новороссийске! Мы, ваши товарищи Урюпского полка в Екатеринодаре, с нетерпением ждем вашего возвращения, услышали, что вас подпоили, сбивают с толку. Мы страшно возмущены таким приемом начальства. Товарищи! Не поддавайтесь обману, опомнитесь и поддержите своих товарищей, урюпцев, соединившихся с народом. Не идите на обман правительственных агентов, избивающих народ за свободу».

При таких условиях губернатор и все старые власти были бес-

сильны. Совет же располагал солидной силой, по крайней мере в пятьсот человек, из которых триста было вооружено ружьями. Кроме того, был разработан самый детальный план гибели тех войск, которые могли прибыть на помощь губернатору из Екатеринодара. Для выработки этого плана в Екатеринодаре местное бюро созвало специальное собрание, и там, на этом собрании, решено было войск в Новороссийск не пускать. О том, что это был за план, видно из депеши на имя Зелени из Екатеринодара:

«Поезда от нас даны не будут. Могут принять насильственные меры, во-первых, тут от главного входного в Новороссийске поставьте не на мол, как стоит теперь, а прямо на первую эстакадную пристань, чтобы поезд, если пойдет насильно, мог выехать прямо в море. Это первое условие; дальнейшие меры, я полагаю, вы примете сами. Наши машинисты между собою секретно выработали условие предупреждения въезда в Новороссийск, но эта их крайняя мера, если не удастся привести им выработанный секретный план, то крайняя их мера ехать прямо в море с открытым паром из Гайдука. Мы же примем самые крайние меры, чтобы поездов не состоялось. Вы же имейте в виду из Майкопа, которые могут к вам приехать морем или притти пешком, а также могут сделать и славянцы».

План, стало быть, сводился к тому, что поезда с войсками, если их не удастся задержать в Екатеринодаре, повести на Новороссийск и со станции Гайдук направить прямо в море, что было очень легко сделать [1].

Во власти Совета теперь находилось все: железные дороги с их телеграфом, казенный телеграф и почта, банки,— стало быть, в конечном счете деньги, заводы, пароходы, печать и довольно солидная вооруженная сила.

Таким образом, окончательно сформировалось временное революционное правительство: Совет с его Исполнительным Комитетом и другими агентами исполнительной власти.

Моральная сила Совета в этот момент велика, не меньше была и его физическая сила.

По распоряжению Совета производились обыски и аресты черносотенцев и преступников, конфисковалось оружие, забиралось продовольствие.

Ни один завод не мог стать на работу, ни одна депеша не пускалась без цензуры Совета, ни одно воззвание не могло выйти без его разрешения, все шло за Советом, все признало на деле его власть.

Поэтому, когда вице-губернатор объявил Новороссийск на положении чрезвычайной охраны, это был только пустой звук: Совет отменил это распоряжение старой власти, призывая в то

[1] Тов. Н. Янчевский в своей работе дает план Новороссийской станции: из него видно, что любой поезд, идущий в город, можно легко сбросить в море.

же время в виде протеста устроить однодневную забастовку, которая и прошла 18 декабря с успехом и в полном порядке. Эти дни декабря и были кульминационным пунктом власти Совета. Совет господствовал не только в городе, но и во всем округе: под его влиянием несомненно организовался Совет Крестьянских Депутатов Новороссийского округа[1].

Исполнительный Комитет издавал свои «Известия», руководил населением и призывал его к последней вооруженной борьбе с самодержавием.

Все, казалось, благоприятствовало новой власти: в Москве шла вооруженная борьба за свободу, пылал восстанием Донецкий бассейн, в Ростове гремели пушки. В случае победы там, и в Новороссийске Совет сумел бы удержать занятые позиции.

Но вот... пришли известия о поражении рабочих в Москве, в Донецком бассейне, в Ростове-на-Дону... При таких условиях начинать борьбу в Новороссийске было бесполезно и бессмысленно.

V

Реакция победила сначала в Москве, затем пал Ростов, затем замерли последние вспышки восстания в Донецком бассейне... Уже начинались карательные экспедиции...

Руководители Новороссийской республики увидели, что и их роль сыграна: при таких условиях начинать вооруженную борьбу в небольшом приморском городе, на окраине, без поддержки извне, было бесполезно и безумно.

Действительно очень скоро и в Новороссийск вступили царские войска. План задержания этих войск не был проведен в жизнь, и войска благополучно прибыли до ст. Тоннельной, откуда уже направились в Новороссийск.

25 декабря 1905 года Новороссийская республика уже не существовала, а в город входили войска генерала Пржевальского. Начались аресты.

По делу Новороссийского Совета было привлечено множество народа. Следствие и суд тянулись с 1906 по 1910 год. Следствие велось следователем по важнейшим делам. Обвиняемые держали себя замечательно: никто из них не сказал ни одного лишнего слова, никого не выдал. Главные обвиняемые с достоинством признавали себя членами Совета, но от показаний о третьих лицах отказались. Так для властей и осталось много темного и неясного в этом деле.

---

[1] Совет формально и на деле сместил старых представителей власти и назначил своих. Дело № 3428/1905 г., т. IV, л. 1286. Версия о том, что революционеры назначили губернатором Синюхаева, полицмейстером Гречкина, начальником гарнизона Грозинского и т. д., исходила от правительства. Действит. властью был Совет и соц.-дем. комитет (см. Н. Янчевский, стр. 81).

Первый раз судились деятели Новороссийской республики в 1908 году, с 25 ноября по 25 декабря. Состав суда был простоватый, провинциальный. Еще горели последние огни революции, еще реакция не все задушила в стране, и потому даже главные обвиняемые получили сравнительно не тяжкие наказания: Зеленя, Гольман, Жургулевич, Рабинович (Лейбович) получили по 4 года каторги; Бодянский, Верейский, Мамульянц — поселение.

Суд сам ходатайствовал о замене получившим каторгу поселением, а получившим поселение — крепостью. По протесту сторон дело пересматривалось вторично, в новом составе суда. Несмотря на то, что суд происходил в 1909 году, когда реакция уже окончательно победила, приговором 29 июля этого года все перечисленные обвиняемые получили еще меньшее наказание, из которых самое тяжелое было поселение. По протесту прокурора дело направилось в третий раз в суд, и новый состав, уже в 1910 году, 11 марта, вынес драконовское решение: все семь перечисленных выше обвиняемых получили смертную казнь. Смертная казнь была заменена каторгой. Некоторые обвиняемые так и умерли в далекой Сибири.

Что же, представлял собой Новороссийский Совет?

Это был подлинный орган революционной власти, несмотря на то, что им руководили меньшевики (влияние соц.-революц. в Совете сравнительно с социал-демократами было невелико).

Совершенно правильно оценил роль меньшевиков т. Н. Янчевский: «Оказавшись во главе восстания, меньшевики как будто все силы прилагали не к тому, чтобы развить поступательное движение революции, чтобы довести ее до конца, а на то, чтобы выхолостить мощное рабочее движение и ограничить его».

7 или 9 декабря состоялся, по словам Б. Прохорова, расширенный пленум Новорос. Комитета РСДРП, на котором единогласно и без споров было решено взять власть в руки Совета.

И однако, несмотря на это, меньшевики не сумели использовать всех возможностей, бывших в их распоряжении: Совет, строя новые органы власти, не сумел своевременно двинуть рабочие массы в бой, не сумел связаться с революционным крест-вом, напр., с сочинским революц. центром, с комитетами Крестьянского Союза, и использовать своего влияния на войска.

За всем тем, Новороссийский Совет яркий образец того, как могло развернуться революционное творчество масс даже в самых неблагоприятных условиях провинциальной глуши и меньшевистского руководства [1].

---

[1] Документы, касающиеся Новороссийской республики, опубликованы мной в изд. «Печать Советов и о Советах 1905 г.», М. 1925 г.

VII. СОВЕТ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ Г. ОДЕССЫ В 1905 г.[1]

Все решительно свидетельства говорят о том, что великие события январских дней в Петербурге не вызвали революционного отклика в Одессе[2]. «Январь 1905 г. проходит спокойно,— пишет В. Горелов:— События 9 января не нашли в Одессе своего внешнего выражения. Не было бурных стачек протеста, не было демонстраций. Попытка местных партийных организаций вызвать движение протеста в Одессе и, в частности, в железнодорожных мастерских, не удались»[3]. Об этом также пишет и т. В. И. Рогов: «Вызвать массовую забастовку рабочих не удалось». Причинами такого явления Рогов считает отдаленность Одессы от Петербурга, неожиданность петербургских событий и провал агитаторского центра 11 января, когда были арестованы Цейтлин, Тимофеев, Авдеев и др.[4].

1. От Потемкинского восстания к Совету Рабочих Депутатов в г. Одессе

Попытки большевиков и меньшевиков организовать забастовку в феврале также потерпели крах. Несмотря на острое недовольство рабочих своим положением, и февральские усилия социал-демократических организаторов разбились в прах. В нача-

---

[1] Об одесском движении см. в сб. «1905 год в Одессе и Одессщине». Одесса 1925, кн. I, здесь ст. А. Рябинина, Скляревского «Совет рабочих депутатов г. Одессы»; «1905 год на Украине». Хроника и материалы под ред. М. И. Мебеля. Х, изд. «Пролетарий» 1926; М. Межберг. «Жовтневі події 1905. р. в Одессе». Х. О. 1931; М. Жезмер. «Одесска рада робитничих депутатів 1905 року»; О. А. Пятницкий. «Записки большевика. Воспоминания (1896—1917)», Л. 1926; Т. Гурштейн. «Как мы печаталиперый номер «Известий Одесского Сов. Рабочих Депут.»—(«Прол. Рев.» 1925, 45).

[2] См. об этом в книге В. Невского «Рабочее движение в январские дни 1905 года». М. 1930 г.

[3] В. Горелов. «Рабочее движение в Одессе в 1905 году», в сб.«1905 год. Революционное движение в Одессе и Одессщине», Одесса 1925 г., стр. 12.

[4] В. И. Рогов (А. Чернявский). «Черты из жизни одесской организации большевиков в 1905 году», сб. «1905 год в Одессе и Одессщине», кн. вторая, стр. 57.

ле февраля началась было забастовка в аптеках (бастовали 22 аптеки), но быстро ликвидировалась. Агитация за забастовку велась усиленно всеми организациями. Меньшевистская группа, кроме общей прокламации, так и озаглавленной «К забастовке!», старалась сдвинуть рабочих, наиболее распропагандированных, и с этой целью обратилась к рабочим фабрики Вальтуха с особым листком:

«К рабочим фабрики Вальтуха. Товарищи! Бросайте работу и требуйте: 1) 8-часовой рабочий день. 2) Устройство вентиляции в некоторых отделениях. 3) Точное соблюдение часов. Часы должны запираться на ключ; ключ должен храниться в конторе; не давать гудка по часам кочегара. 4) Выдача заработной платы за время болезни. 5) Полная отмена обыска. 6) Отмена аккорда. 7) Выдача получки во время работы.

Присоединяйтесь к общим требованиям всей России! Да здравствует 8-часовой рабочий день! Да здравствует учредительное собрание!»

Большевики выпустили воззвание, также призывавшее к забастовке, при чем только в этой небольшой прокламации наконец подводился некоторый итог январским событиям, и рабочие Одессы призывались примкнуть к рабочим всей России.

Забастовки, однако, эти листки не вызвали, и наблюдалось брожение только на отдельных заводах: на сахарном заводе, где части рабочих удалось добится сокращения рабочего времени, на фабрике жестяных изделий Вальтуха и на фабрике Жако.

Эти попытки стоили организации нескольких человек: рабочие фабрики Вальтуха Недорез и Леповский были арестованы при попытке поднять забастовку, а трое — Александр Ильич Черняевский, организатор Дальницкого участка, Анисим Степанович Познанский (кличка «Федор Маляр»), член центрального кружка Дальницкого участка, и Ц. Т. Зеликман, член центрального кружка Городского района (он носил кличку «Пушкин»), были взяты на квартирах, и наконец в ночь с 17 на 18 февраля была арестована снова меньшевистская типография. В типографии этой, помещавшейся в квартире Либы Осушкиной, в комнате И. М. Маклера, была найдена деревянная рама с набором, свыше четырех пудов шрифта, набор (около пуда) приготовленной для печатания прокламации и множество уже готовых листков. Сама Осушкина, ее дочь Мария и квартиранты Маклер и Р. И. Нападенская отправились в тюрьму, а меньшевистской группе пришлось снова думать о постановке новой техники [1].

---

[1] Ист.-рев. арх., особ. отд., д. № 5, ч. 4., л. А, 1905 г. Первая типография провалилась 17 января. Она была устроена под видом переплетной мастерской.

В «Искре» корреспондент из Одессы так объясняет неудачи февральской работы: «Стачка не выгорела. Причины этого странного (странного потому, что на всех почти заводах были уже выработаны требования под руководством социал-демократической группы, и настроение масс было очень хорошее) явления еще до сих пор не выяснены, хотя до некоторой степени можно приписать это усиленной погромной агитации. У нас велась усиленная агитация в трактирах, целый день шпионы натравливали толпу против евреев, грузин, армян и других инородцев. По городу в громадном количестве были разбросаны листки от «национального комитета» с призывом бить жидов; по городу ходили страшные слухи о погроме в Николаеве; масса семейств приехала из Елисаветграда, где тоже готовился на 19 погром, по городу разъезжали солдаты (вызваны были из Бендер и Тирасполя); войска были так умело расположены, что, будь стачка, мы не могли бы соединиться с загородными рабочими, а в случае погрома, не могли бы действовать против громил». Описав затем попытку начать забастовку на заводе Вальтуха, корреспондент с недоумением спрашивает: «Неудача стачки тем более странна, что настроение всюду боевое. 19-го, например, забастовали десять заводов, но только на один день»[1]. Причины неудачи ясны сами собой: несмотря на листки, на организацию самообороны, очевидно, прочных организаций на заводах и фабриках еще не было.

Большевистский комитет и занялся закреплением связей на заводах и фабриках Одессы. Организация большевиков имела очень сложную, но зато хорошо охватывающую рабочую массу структуру. Город, как и у меньшевиков, делился на районы: Дальницкий, Городской и Пересыпский; район, в свою очередь, делился на подрайоны. Во главе района и подрайона стоял организатор. Так, Дальницкий район делился на три подрайона: Дальницкий, Фонтанский и Вокзальный; Пересыпский — на Портовый, Слободской и Пересыпский. Во главе стоял Одесский комитет РСДРП большевиков, куда входили К. О. Левицкий («Осип Иванович»), Кирилловский («Данила»), Цейтлин («Герасим»), Е. Ярославский («Лапин»), Эссен («Федор») и Л. Книппович («Дяденька»)

В Пересыпский районный комитет входили: Кирилловский, С. Тимофеев, Поляков (Александр Кацап), Карнаухов, «Трофим» и представители рабочих от каменоломен и больших предприятий Пересыпи и Порта.

В Городском районном комитете были: Эпштейн, Е. Ярославский, Эссен, Роберт и рабочие — представители предприятий.

В Дальницкий районный комитет входили: А. Чернявский

---

[1] «Искра» № 90, «Одесса».

(Саша Дальницкий), Лашевич («Миша Трудник»), Н. К. Миллер, Герасим и Семен.

В подрайонах Дальницкого района — в железнодорожном работали железнодорожники: И. Авдеев, Ф. Ачканов, И. Кожарский, Я. Поспеев, И. Лазарев (оба последние стали провокаторами); в Дальницком подрайоне работали: А. Чернявский, Познанский («Федя Маляр»), П. Андреев, К. Дерябин, П. Слободняк, М. В. Земблюхтер и «Осип» — кожевник.

При Одесском комитете существовали пропагандистская коллегия и агитаторский центр. В пропагандистскую коллегию входили Левицкий, Кирилловский, Лазуркины («Соня» и «Борис») и Юселевич («Елена»).

В агитаторский центр входили: Ярославский, Левицкий, Кирилловский, Цейтлин, А. Чернявский, И. Авдеев, Поляков, Тимофеев, М. Лашевич, С. Эпштейн, Миллер и А. Шендерович[1]. В каждом подрайоне, повидимому, были свои центральные кружки, которые уже были связаны с заводами и фабриками, при чем в каждом заводе еще организовывались группы; эти группы, в свою очередь, должны были организовать ядра по цехам и мастерским. Таким образом, немножко громоздкая организация зато должна была очень прочно связывать с рабочей массой и с каждой производственной ячейкой предприятия. Были, кроме того, организованы в особые «ядра» и безработные. Агитационная работа была поставлена так: «...ответственный агитатор вместе с другими образует агитационный центр: здесь обсуждаются темы, рассматриваются планы и последовательность речей. В каждом районе имеется агитационное районное собрание, куда входят в с е агитаторы-рабочие данного района, затем готовящиеся быть агитаторами и один или два члена агитационного центра. Оно обсуждает планы, вносимые центром, составляет конспекты речей. Каждый начинающий агитатор посещает массовки, проводимые опытными агитаторами; потом выпускают его самого на небольшую массовку в присутствии ответственного агитатора».

Само собой понятно, что у Комитета были техника, явочные квартиры, конспиративные адреса и т. д.

Как была устроена организация меньшевиков, данных не имеется, но во всяком случае и перед ними стоял вопрос после неудачной февральской попытки укрепить старые и наладить новые связи. (О положении в соц.-демократических организациях см. ниже). А между тем тяжелое экономическое положение толкало рабочих на стихийные выступления: кроме уже упоминавшихся

---

[1] См. ст. В. И. Рогова (А. Чернявского) «Черты из жизни Одесской организации большевиков в 1905 г.» в сб. «1905 год в Одессе и Одессщине» кн. вторая, 1926 г., а также «Пролетарий» № 7 за 1905 г., «Пролет. Рев.» № 11 и 12 (46—47), и Ист.-рев. арх., особ отд., д. № 5, ч. 4, л. Ж за 1905 г.

попыток к забастовке, 14 февраля 23 человека проволочного завода Шполянского бросили на один вечер работу; 23 февраля были арестованы двое рабочих, Абрам Альтшулер и Василий Васильевич Кувакин, разбросавшие прокламации и пытавшиеся поднять на забастовку рабочих сахарного завода; 23 и 24 февраля рабочие табачной фабрики Асвадурова частичной забастовкой вынудили у хозяина уступку — сокращение рабочего дня до десяти часов; 26 февраля произошли однодневные забастовки в эмалировочном заведении Германа Ионаса и в пиджачных мастерских Гридоцкого и Гоцфренда. В начале марта забастовали рабочие типографии Гальперина и Швейцера и дамской мастерской З. Воробейчика.

Первого же марта забастовали рабочие токарного, кузнечного и части паровозного цехов железнодорожных мастерских, предъявившие экономические требования (16 пунктов, главный — 20% прибавки за сдельную работу). Руководили забастовкой большевик Иван Ананьич Авдеев и меньшевик Федор Иванович Голубков. Рабочие выбрали депутатов и отправили их к начальнику мастерских. Начальник послал телеграмму в управление дороги, и так как оттуда получился неудовлетворительный ответ, то 4 марта забастовка охватила уже половину мастерских, и 5-го бастовало 850 человек. Меньшевики выпустили прокламацию к железнодорожным рабочим, где и были формулированы следующие требования: 1) 8-часовой рабочий день; 2) свобода слова, печати, собраний, союзов и стачек; 3) немедленный созыв учредительного собрания на основах всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права; 4) немедленное прекращение войны, и кроме того: повышение расценок до 40%, полная плата за время болезни, установление наименьшей платы для чернорабочих в 1 р. в день, для прослуживших два года месячный отпуск через каждое двухлетие и двухнедельный через год, выдача билетов по всем дорогам, отмена сверхурочных работ, отмена циркулярного распоряжения с угрозой наказания и прием уволенных за участие в стачке 1903 года.

Забастовка, однако, окончилась 7 марта частичными уступками администрации. Это забастовочное движение росло с каждым днем, захватывая все новые и новые предприятия и повышая настроение рабочих и обывателей. Одесский градоначальник в своем донесении министру внутренних дел от 22 марта 1905 года так характеризует это общее повышенное настроение: «...есть многие признаки угрожающего настроения масс, сильно вооружившихся. Револьверы покупаются в огромном количестве, несмотря на меры, принимаемые к ограничению пользования оружием. Замечается быстрое собирание толпы по каждому незначительному поводу и ненавистное отношение к офицерам, из которых один, сделав замечание просящему милостыню нижн-

нему чину, был немедленно окружен толпой, шапка с него была сбита, и он с револьвером в руках пробился к выходу, при чем стрелял в землю. Подошедшим патрулем тут же был задержан студент, на котором найден целый транспорт нелегальной литературы. Крайне тяжелая служба полиции почти без отдыха и соединенные усилия военной и гражданской власти пока охраняют порядок» [1].

К брожению рабочих присоединилось и недовольство интеллигенции: оно проникло даже в средние школы, так что пришлось и к дверям этих школ ставить войска и переодетых самокатчиков! Но только беспокойство градоначальника о самовооружении населения было лицемерием: дело вооружения даже у социал-демократов и социалистов-революционеров шло очень плохо. Вместо забот о вооружении меньшевики через своих рабочих принимали участие в подаче петиции градоначальнику Зеленому о разрешении легального собрания, с целью обсуждения «вполне соответствующих назревшим потребности нашей родной страны великих слов высочайшего рескрипта на имя министра внутренних дел о народном представительстве», при чем ходатаи клялись, что «ни уличных восклицаний, ни подметных листков, ни оскорбительных выражений по адресу тех или других частных или официальных лиц мы не допустим» [2]. Руководителем рабочих, подавших петицию (46 человек токарного цеха железнодорожных мастерских), оказался тот самый Голубков, который только что руководил железнодорожной стачкой. Большевики таких петиций не поощряли, но и у них дело вооружения поставлено было очень плохо.

Начиная с марта, Одесса представляла собой кипящий котел, готовый взорваться каждую минуту, забастовки следовали за забастовками, пока, наконец, не вылились в то большое народное движение, которое совпало с Потемкинским восстанием.

23 марта забастовали пекаря булочной Филиппова и предъявили требования повышения заработной платы, обязательного условия найма на один год, твердого установления ремесленных и фабричных правил, отмены работ в праздники, 9-часового рабочего дня, допущения сверхурочных работ только на особых условиях, выдачи квартирных (5 р.) имеющим свою квартиру, ежегодный отпуск (один месяц) с сохранением жалованья. Стачка окончилась быстро победой рабочих. В это же время началась забастовка портовых грузчиков. Рабочие отказались работать по 1 р. 50 к. в день и потребовали прибавки до 2 р. Разгрузка парохода с углем и двух пароходов, прибывших из Батума и Николаева, остановилась. Забастовку начали грузчики-

---

[1] Ист.-Рев. арх., особ. отд., 19, л. А, 1905 г.
[2] Особ. отд., д. № 5, ч. 4, л. Ж, 1905 г.

грузины, прибывшие с Кавказа, где также шла забастовка грузчиков. Требования их были выражены в особой прокламации одесской меньшевистской группы от 25 марта. Эти требования следующие: 1) 8-часовой рабочий день; 2) упразднение подрядчиков и передача работы в руки самих рабочих; 3) воспрещение ночных работ; 4) двойная плата за сверхурочные работы в воскресные дни и двунадесятые праздники; 5) прекращение работ в субботние и праздничные дни в 2 часа пополудни; 6) увеличение поденной платы до 2 р. 50 к. в день; 7) разрешение общего собрания всех рабочих г. Одессы для обсуждения своих нужд. Забастовку эту властям удалось сломить отчасти вооруженной силой, которая не допускала бастующих снимать своих работающих товарищей, отчасти дезорганизацией забастовщиков, так как удалось сорганизовать артели штрейкбрехеров. Но не успела еще закончиться эта забастовка, как бросили работы кочегары и матросы Русского Общества Пароходства и Торговли и предъявили требования: 1) увеличение заработной платы до 35 р. в месяц; 2) 9-часовой рабочий день и оплата сверхурочных по 20 к. за час; 3) вознаграждение за увечье и 4) лечение за счет Общества. Здесь дело дошло до того, что кочегары парохода «Св. Николай» отправились на пароходы «Мария», «Херсон» и «Император Александр II» и залили топки водой. Попытки кочегаров и матросов снять рабочих мастерских Русского Общества окончилась неудачей. В середине апреля забастовку власти прекратили силой, арестовав команды двух пароходов и отправив их по этапу на родину. 11 апреля забастовали рабочие типографии А. Ф. Соколовского, а 19-го забастовали хлебопекарни. Были предъявлены экономические требования: повышение заработной платы, сокращение рабочего дня и, между прочим, устройство конфликтных комиссий, составленных на паритетных началах. Были предъявлены и политические требования. Еще не успели закончиться эти забастовки, как началась стачка работающих в одесских фотографиях; кроме чисто экономических требований, были предъявлены и политические требования; в это же время приходилось отправлять в плавание пароходы Русского Общества при помощи военных матросских команд. В конце апреля, 25-го, бастовали рабочие на соляной мельнице Сарача, сапожники и башмачники (в 20 мастерских 118 человек), 28-го — рабочие завода белой жести Левина, и 29 апреля на наливном пароходе Манташева. Таким образом, огромное возбуждение царило среди одесских рабочих: недовольство своим экономическим положением, наступление хозяев, вмешательство в стачки властей, подавление стачек силой — все это, казалось бы, должно было поднять одесский пролетариат на политическую забастовку 1 мая, и однако этой политической забастовки не было. И по официальным данным, и по письмам нашей нелегальной прессы,

забастовка носила мирный экономический характер и началась 2 мая.

Ход ее рисуется в следующем виде[1]: 2 мая бастовало до 4 000 рабочих на 40 фабриках и заводах; к полудню 3 мая стояло уже 43 фабрично-заводских заведения, и число неработавших исчислялось цифрой до 4 900. Сами жандармы отмечают, что забастовка разрасталась вследствие выступления социал-демократических организаторов и энергичной деятельности ударных бригад, снимавших рабочих, несмотря на то, что к 3 мая были арестованы уже 33 человека. 4 мая не работало 64 фабричных заведения с 500 чел. бастовавших; за 5 мая, к сожалению, сведений не имеется, но число бастующих росло, и уже 6 мая не работало 98 заводов и мастерских с десятью тысячами рабочих, а на следующий день стояло 119 предприятий с 10 300 бастовавших[2]. Это и был кульминационный пункт движения; далее движение падает, и уже 17 мая стоят только 54 предприятия с числом рабочих в 3 700 ч.; к июню движение сильно уменьшается, и бастуют только отдельные фабрики и заводы. Из крупнейших фабрик и заводов бастовали: эллинги Русского Общества Пароходства и Торговли, завод Беллино-Фендриха, земледельческих орудий Гана, Вальтуха, литейный завод Шполянского, стеариновый завод Анонимного Общества, пробочные заводы Арнса и Юлиуса и табачная фабрика Попова. Водопровод, газовый завод и электрическая станция охранялись войсками и работали; не удалось также поднять на забастовку и железнодорожные мастерские. Забастовку, стало быть, никак нельзя было считать не только всеобщей, но даже собравшей половину рабочих: бастовала едва треть всего одесского пролетариата. Чем же объясняется такая неудача одесских социал-демократических организаций? Ведь они развили довольно интенсивную работу: все три социал-демократические организации выпустили за время забастовки по крайней мере двадцать листков. Одесская группа меньшинства, кроме общей прокламации «Ко всем рабочим и работницам г. Одессы», выпустила следующие листки: «К рабочим типографии Левинсона», «К рабочим сахарного завода», «К малярам», «К рабочим фабрики «Братья Крахмальниковы» и другие; Одесский Комитет большинства также, кроме двух общих листков ко всем рабочим, выпустил еще прокламации: «К железнодорожным рабочим», «К рабочим спичечной фабрики Бродского», «К составителям, стрелочникам, сцепщикам и переездным и вагонным столярам Юго-Зап. ж. д.», «Бюллетень Киевского Комитета о стачке 7 мая», № 1. Выпустил прокламации «Бунд»

---

[1] Ист.-рев. арх., особ. отд., д. № 4, ч. 19, л. А, 1905 г.

[2] В статье т. В. Горелова по сводке департамента полиции приводится другая, меньшая цифра.

и даже «Поалей Цион». Организационные рабочие выступили на собраниях, снимали работающих товарищей с работ, вступали даже в столкновения с казаками, как это было, например, при снятии с работ типографщиков. И несмотря на все это, забастовка была не всеобщая и не окрасилась в ярко-политический оттенок.

Причин этого явления много. Прежде всего — страшная политическая отсталость одесских рабочих. Во время забастовки на многих заводах с трудом удавалось говорить на политические темы. Так, напр., 3 мая на заводе Шполянского[1], «когда наш оратор,— говорит корреспондент «Вперед»,— начал говорить, раздались восклицания, что не надо употреблять «мешающих делу слов». «Мешающие делу» слова — это была речь на политические темы, которые удалось развить не без труда. И такое явление наблюдалось ни на одном только заводе Шполянского».

Затем среди одесских рабочих тогда еще очень сильно чувствовалось влияние зубатовцев, и особенно Шаевича. Об этом определенно говорит корреспондент «Искры»[2]: «Нужно заметить, что в Пересыпском районе социал-демократическая работа встречает сильное препятствие в лице пустившей глубокие корни в рабочую массу зубатовщины. Пересыпь — это главный центр деятельности Шаевича, который до сих пор сохранил здесь несколько поклонников, пользующихся авторитетом в рабочей среде»... Это обстоятельство сильно тормозило работу и помогало жандармам производить разгромы социал-демократических организаций. По словам градоначальника, который хвалит охранную полицию, за время забастовки было арестовано 72 человека. Но, несомненно, самой главной причиной неудачи майской забастовки является та дезорганизация, какую вносили разногласия, царившие между социал-демократами, и борьба их между собою. До какой степени доходила эта борьба, видно хотя бы из следующей тирады меньшевистского корреспондента в «Искру». Сказав о том, что социалисты-революционеры никакой работы среди пролетариата не ведут, а большевики имеют очень слабые связи с рабочими, он переходит к вопросу о соглашении, состоявшемся между большевиками, меньшевиками и «Бундом», и говорит: «Главная цель этого соглашения — координирование действий всех трех социал-демократических организаций в моменты выступления и предшествующие им подготовительные периоды. Наша организация, явившаяся инициатором этого соглашения, придавала этому соглашению огромное, если так можно выразиться, моральное значение. Выработано было следующее со-

---

[1] «Вперед» № 2.
[2] «Искра» № 101.

глашение: «Каждая организация посылает двух представителей в «исполнительную комиссию», в которой обсуждаются все дела и которая в момент действий является руководящим центром. Все вопросы решаются е д и н о г л а с н о. Как письменная, так и устная агитация ведется самостоятельно каждой организацией. Относительно совместного выпуска листка должно состояться по каждому отдельному случаю особое соглашение. Если устраивается общее собрание, то представитель организации должен лишь ограничиваться заявлением, что он говорит от имени своей организации и в своей речи не касается фракционных разногласий. Для руководства стачками в каждом цеху или заводе организуется стачечная комиссия, в которую входят те организации, которые имеют организованные связи в рабочей среде данного производства». Далее корресподент-меньшевик, обвиняя большевиков в бестактных выходках, утверждает, что большевики разорвали соглашение и стали действовать на свой страх и риск. Действительно, такой комитет соглашения — «исполнительная комиссия» составилась 2 мая; в нее, повидимому, входили от «Бунда» Баневур, от большевиков «Осип Иванов», Константин Осипович Левицкий [1], и одно лицо от меньшевиков, но уже 3 мая соглашение было расторгнуто. Но правы ли меньшевики, взваливающие всю вину на большевиков? Конечно, нет. Как меньшевики утверждали — у большевиков слабы связи с рабочими,— так и большевики это утверждали о своих противниках [2]. Несомненно одно, что связи были слабы у тех и у других, но несомненно также, что, например, в Дальницком районе сильнее были большевики (у них там была связь с 22 заводами); у меньшевиков там связей почти не было, не было связей у них (или очень слабые) и с железной дорогой, а что касается Пересыпи, то и у тех и других там связи были тоже невелики, в Городском же районе большинство связей было у «Бунда». Ожесточенная борьба за эти связи велась всеми тремя оранизациями, об этом говорит сам меньшевистский корреспондент относительно «Бунда», хваля его за его корректность.

Дело было глужбе: оно заключалось в коренном отличии двух тактик,— большевистской, боевой, ярко политической, не идущей ни на какие компромиссы, звавшей рабочих на вооруженную борьбу и активный протест, и соглашательской меньшевистской, звавшей рабочих бороться мирными путями. Мы уже видели, как меньшевики поощряли рабочих добиваться легального общегородского собрания рабочих с обещанием вести себя смирно и никого не обижать своими речами; это же явление наблюдалось

---

[1] «Искра» № 101. «Михаил» и «Борис», нелегальные, также, повидимому, входили в комиссию.

[2] «Вперед» № 2 и 3.

в мае, об этом просили типографщики и другие рабочие, находившиеся под влиянием меньшевиков[1]. Могли ли большевики согласиться с такой тактикой?

Безусловно нет, ибо именно такая тактика была на руку зубатовцам, именно она задерживала рост политического самосознания рабочих, толкала их на путь легальной, немыслимой, законной борьбы, что, по сути говоря, означало передачу руководства рабочим движением во власть либералов и правительства. Таково было положение дел, и оно, без сомнения, сильно ослабляло всю работу социал-демократии.

Несмотря поэтому на то, что влияние социал-демократии возросло после майских стачек, социал-демократические организации в Одессе, когда вспыхнуло восстание на «Потемкине», оказались далеко не подготовленными и не овладели стихией[2].

Забастовочное движение после мая совсем не улеглось, наоборот, то бросали бастовать одни предприятия, то начинали стачку другие, новые. Так, 30 мая забастовала телефонная станция, предъявив чисто экономические требования; 3 июня стояло еще 13 предприятий с числом рабочих до 3 700 человек.

Было ясно, что настроение рабочих, ставшее значительно решительнее и сознательнее, будет толкать их на дальнейшую борьбу, и что достаточно самого незначительного повода, чтобы вызвать большое и решительное движение. А таких поводов было больше, чем достаточно. Так, например, когда в начале июня были арестованы выборные от рабочих, масса потребовала их освобождения, и под давлением толпы властям пришлось их освободить.

Толпа рабочих человек в триста-четыреста с пением «марсельезы» увела домой освобожденных товарищей. Мысль о забастовке висела в воздухе. Социал-демократические ораторы почти открыто выступали на заводах и фабриках, организации листками призывали массу к забастовке. Рабочие готовились к ней. Называли день начала забастовки: 14 июня, в понедельник. Незначительный факт, как искра в бочке пороха, развязал энергию массы, и начались июньские дни в Одессе. В воскресенье было арестовано собрание выборных, рабочие потребовали их освобождения, и когда на мирную толпу рабочих, находившихся у завода Гена, напали казаки и начали стрелять, этого было достаточно, чтобы сначала забастовала вся Пересыпь, а затем и весь город. Начались столкновения с полицией и войсками,

---

[1] «Вперед» № 3 и д. № 4, ч. 19, л. А, 1905 г.

[2] См., напр., «Вперед» № 3: «Влияние социал-демократии возросло во много раз. Почти нет такого цеха, где бы не было связей у той или иной с.-д. организации. Почти везде руководят социал-демократы. Наши листки были распространены в целом ряде фабрик и заводов». См. также «Искру», № 104.

рабочие приступили к постройке баррикад, и полилась кровь. Движение остановить было уже нельзя, и когда в ночь с 15 на 16 июня в Одессе появился революционный броненосец, то это событие казалось как бы необходимым и естественным звеном развивающихся событий, хотя, как это мы знаем из документов и многочисленных показаний участников, выступление флота в эти дни ни в каком случае не ожидалось[1]. После ареста уполномоченных (10 июня), их освобождения, вторичного ареста (12 июня) и залпа казаков у завода Гена (было убито двое рабочих и несколько ранено), рабочая стихия развязалась.

Весть об убийстве рабочих казаками разнеслась по всему городу. Особенно возбуждение замечалось на Пересыпи, революционном предместье Одессы. Рабочие высыпали на улицу, они требовали у социал-демократов и социалистов-революционеров оружия. Войска наполняли постепенно улицы, вслед им неслись проклятия, ревели гудки заводов; огромная толпа двигалась по направлению насыпи, на полотне железной дороги рабочие остановили паровоз и выпустили из него пары; показались казаки и остановились, увидя огромную толпу рабочих. Рабочие окружили казаков, и негодующие речи полились по адресу войск и офицеров. Все требовали, чтобы казаки удалились, и они, осыпаемые проклятиями и упреками, ускакали, а у железнодорожного моста начался многотысячный митинг, и горячие слова социал-демократических ораторов еще больше возбуждали толпу. В других частях города всюду также происходили собрания и снятие еще работавших товарищей.

14 июня события развивались дальше с неумолимой логикой.

С утра толпа рабочих скопилась на углу Ришельевской и Греческой. Появилась полиция, и когда часть толпы направилась по Полицейской, то какой-то надзиратель арестовал двух рабочих. Их быстро освободили, стреляя в городовых. Такая же толпа на углу Успенской и Пушкинской сняла с работы типографщиков Диклера и типографии «Прогресс». Теперь толпа еще более увеличилась, двинулась по Успенской, встретила городовых и околоточного, призывавшего на помощь дворников, и, выстрелом обратив в бегство полицию, остановила фабрику Высоцкого. Толпа, достигшая теперь до тысячи человек, намеревалась двинуться дальше, но встретила полицию, и здесь произошло страшное избиение: городовые стреляли из револьверов и действовали шашками. Особенно пострадали работницы фабрики Высоцкого,

---

[1] Июньские дни описаны в брошюре Ростоцкой «Июньские дни в Одессе»; в брошюре Кирилла «Одиннадцать дней на «Потемкине»; в «Искре» №№ 103, 104, 105, 106, 107; в «Пролетарии» №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9; в «Революционной России» №№ 70, 71, 72, 73 и 74; в «Освобождении» № 73. См. также сб. «Восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический» под ред. В. И. Невского и сб. «1905 год в Одессе и Одесщине», кн. 1 и 2.

девушки-подростки. Еще большее применение оружия полиция допустила в других местах, например на Преображенской, где стрельба раздавалась целый день.

На Пересыпи огромное собрание тысячи в две у завода Гена решило в знак траура по убитым товарищам остановить все заводы и фабрики, и в течение очень короткого времени остановили водокачку и завод Шполянского, откуда огромной толпой тысячи в 3 двинулись в слободу Романовку; остановили поезда, высадили публику и двинулись к заводу Арбаса. Скоро стояла почти вся Одесса. На следующий день, когда появился «Потемкин», 14 июня, рабочая Одесса уже вся не работала, и город представлял необычайную картину. Магазины, банки, мастерские, конторы — все было закрыто. Улицы были наполнены толпой рабочих, полицией и кое-где войсками. Раздавались выстрелы из револьверов,— то стреляли городовые. Конки не ходили. Во многих местах были построены баррикады: валили вагоны конок, телеги, доски и всякую рухлядь. Особенно большую роль сыграли в этот день рабочие-подростки: они не только вступали в бой с полицией, строили баррикады, останавливали фабрики, но выполняли и роль ораторов [1].

Столкновения с полицией и войсками в течение 14 июня, невинные жертвы, павшие под ударами казацких шашек и пуль городовых, страшно озлобили рабочих, и они требовали оружия, но его не было, и чувство злобы, негодования и отчаяния охватило рабочих. Казалось, не было выхода. Но в 10 часов вечера показался «Потемкин», а 15 июня на нем увидели красный флаг революции. Выход был найден. Так думали в первый момент все и ждали уже не чуда, ибо оно совершилось, флот восстал, а естественных следствий этого чуда, т. е. помощи, разгрома полиции и войск, бомбардировки, восстания всего флота, начала всеобщего восстания. Как совершилось это чудо, как протекало восстание, как оно постепенно, подтачиваемое и извне и изнутри, разбилось о непреодолимые препятствия дезорганизации и нашей неподготовленности, об этом и рассказывают многочисленные материалы, документы и воспоминания.

Предыдущий очерк забастовочного движения и документы, относящиеся к Потемкинскому восстанию [2], дают возможность выяснить как ход самого восстания и причины его неудачи, так и его огромное значение для всего революционного движения в России, не только в 1905 году, но и в последующую эпоху.

Социал-демократическая работа велась среди матросов Черноморского флота давно, еще с 1903 года, как говорит Фельдман, в Севастополе, Одессе, Николаеве и других местах. Успе-

---

[1] См. «Пролетарий» № 9.

[2] См. нашу книгу «Восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический».

хам этой работы способствовало не только то обстоятельство, что среди матросов были элементы из рабочей среды, подготовленные и побывавшие в нелегальной организации люди, но и то ужасное положение, в котором находилась вся матросская масса. Принято думать, что матросам жилось лучше, чем рядовому солдату пехотинцу. Так, например, участник Потемкинского восстания инженер А. Коваленко в своих воспоминаниях пишет: «Справедливость требует признать, что в общем матросу живется далеко не плохо,— по крайней мере, со стороны внешней обстановки. Обыденная пища команды вообще доброкачественна. Я, как и многие офицеры во время дежурств на военных судах, когда они стоят в резерве и когда офицеры не имеют там своего стола, часто с удовольствием ел матросский борщ. Правда, бывают иногда, как я уже сказал, случаи недовольства команды чем-нибудь из провизии, но они единичны и всегда почти являются результатом случайного недосмотра. Тяжелой работой матросы не обременены: обыденный рабочий день не превышает восьми часов». Это, конечно, неверно. Положение матросов Черноморского флота, в особенности находившихся на берегу, было очень тяжело решительно во всех отношениях. Вот какими словами описывает это положение матрос, корреспондент «Пролетария»: «...Установили правило уходить со двора только после пяти часов вечера, и то с билетами от ротного. А ротные так, зря, билета не дадут, всегда им нужно дать отчет, куда идешь. А без билета никуда не уйдешь, потому что стены очень высокие, и через окна тоже не вылезешь, так как казармы представляют собой тюрьму. Решеток, правда, нет, и для посторонних ничего не заметно, но в подоконниках забиты толстые прутья, так, что не только нельзя уйти из окна, но даже и головы не просунешь. Так и сиди, как арестант. В пять часов, окончив работу, придешь, поужинаешь и не знаешь, куда девать эти два часа, так как поверка у нас в восемь часов. Белье помыть,— не всегда захватишь место, так как команды у нас до тысячи человек, а удобства для мойки всего на восемь человек, и когда ни придешь, там всегда несколько человек ждут места. Воды тоже всегда недостаток не только для стирки, но часто даже и пить нечего. Посуда — гнилые кадушки и сильно воняют гнилью; волей-неволей приходится мыть морской водой, а она очень соленая, так что не вымоешь белья, а лишь помочишь. и живешь так, не как военный, призванный на службу, а как какой-то арестант. В праздники до поздних часов приходится пользоваться билетом не более одного раза в месяц, и то при хорошем поведении. Тогда не позднее 12 часов ночи должен явиться к дежурному офицеру, и он отмечает, кто в какие часы явился, и утром докладывает командиру». Бессмысленность приказаний, которыми донимали матросов, видна хотя бы из такого распоряжения, как при-

каз николаевского градоначальника отдавать честь его дому. Питание матросов тоже оставляло желать лучшего. «Утром греют воду горячую,— говорится дальше в письме,— но она всегда с песком, потому что эти кубы вмазаны наглухо, и их почти никогда не чистят. Чай и сахар мы должны покупать на свои деньги, а на завтрак варят кашу из пшенной крупы, и очень жидкую, почти одна вода, сала никогда не бывает, лишь звездочки сальные плавают. Это не завтрак, а просто помои. Хлеб всегда черствый, напеченный на целую неделю, и очень кислый, притом из-под нижней корки идет на целый вершок синяя полоса. С шести часов идешь на работу, и работаешь до одиннадцати, как проклятый. Еще твоего же брата поставят кричать на тебя. В одиннадцать пообедаешь одного борща, тех же помоев, как и на завтрак,— перемены никогда не бывает. В армии, например, варят кашу, а у нас этого никогда не бывает, и даже того не берут, что полагается, благодаря тому, что некому всего этого контролировать. На обед на каждого человека ежедневно полагается полфунта мяса, но они совсем не берут хорошего мяса, а только разные кости, жилы, легкие и печень, и это не борщ, а помои, в которых легкое плавает, как пробки. В половине первого опять идешь на работу, до пяти часов. А в ужин утренняя каша, изредка кулеш. В восемь часов поверка, а после поверки по несколько человек чередуются чистить картофель на следующий день. Словом, так и идет вся служба».

Наказания процветали в матросских казармах не меньше, чем в пехоте, — карцер, стояние под винтовкой (с мешком земли пуда в полтора на шее), лишение отлучек из казармы.

Все, без сомнения, делало матросскую массу в высшей степени восприимчивой к той пропаганде, какую уже давно вели социал-демократы и социалисты-революционеры среди матросов. При этом между жизнью матроса в казарме на суше и на корабле в отношении режима не было никакой разницы, — пожалуй, на судах в этом отношении было еще строже. О том каторжном режиме, который царил на судах, в частности на «Потемкине», можно получить представление, прочтя первую главу книги Кирилла «Одиннадцать дней на Потемкине»: «Прежде всего, здесь процветали жестокие телесные наказания», говорит тов. Х. Г. Раковский. Особенной жестокостью в изобретении всякого рода наказаний отличался командир броненосца Голиков. «Другое зло, вызывавшее жалобы матросов, была пища». Затем, матросы сильно страдали и от жестокого и грубого обращения с ними офицеров. Многочисленные случаи ругательств и побоев, которые приходилось терпеть матросам, приводятся в той же книжке Кирилла. Естественно, что общее возбуждение в стране после 9 января отразилось на матросах, и социал-демократическая агитация и пропаганда особенно успешно развивались весною. На

самом «Потемкине» уже было ядро социал-демократов человек в 15—20, которые регулярно посещали тайные собрания на берегу.

С каждым днем, под влиянием пропаганды этого ядра, число затронутых пропагандой росло, так как условия совместной жизни на корабле были очень благоприятны для такой пропаганды. Скоро организация социал-демократов среди матросов настолько укрепилась, что был создан центральный комитет из представителей от всех судов. Борьба матросов социал-демократов, бывшая прежде беспорядочной, стала принимать более организованные формы, и скоро, в связи с общим революционным подъемом в стране, центральный матросский комитет, находившийся в связи и под руководством социал-демократической организации Юга и в частности Одессы, поставил вопрос среди матросов на всех кораблях, и, как единогласно говорят и тов. Раковский, и К. И. Фельдман, план восстания был готов задолго до выступления. Общее революционное настроение и каторжный режим Голикова, командира броненосца, ускорили выступление, при чем случайное обстоятельство заставило выступить именно матросов «Потемкина», корабль, где больше всего было ненадежного элемента, новобранцев. В воспоминаниях Коваленко, Кирилла, Фельдмана и самого Матюшенки подробно рассказывается о поводах к восстанию и о восстании. Фельдман, Матюшенко, Кирилл и т. Раковский, имевший возможность пользоваться сведениями, переданными ему тотчас же после событий в Констанце, все говорят о том, что идея восстания возникла среди матросов еще за год до самого факта выступления. Еще в ноябре 1904 года, во время бунтов матросов при отправке их на Дальний Восток, матросы обращались в социал-демократический комитет, — не превратить ли бунт в восстание. Тогда социал-демократический центр предложил на время от этого воздержаться, но идея эта усиленно дебатировалась. О том, как протекло само восстание, хорошо известно [1].

В чем же действительно заключались причины неудачи этого замечательного восстания?

Сам Фельдман так определяет эти причины:

«Главная причина, из-за которой наше восстание фатально было обречено на неудачу, лежала вне нас: она скрывалась в недостаточном развитии береговой революции.

Могли ли мы действительно победить, когда вся окрестная Россия так бездеятельно относилась к нашему восстанию? Почему рабочие окрестных городов, из которых подвозились в Одессу войска, молчали? Почему они не разрушали железных дорог, не взрывали мостов, не изолировали одесских властей? Почему

---

[1] См. «Восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический», М. 1924 г.

окрестные крестьяне не посылали отряды своих сыновей на помощь одесским рабочим?

Потому, что они не были достаточно подготовлены к революции»[1].

Это бесспорно верно, но нужно ведь, кроме того, ответить, почему все эти элементы и, главное, город Одесса, его революционные организации, социал-демократия, были не на высоте положения. Нам думается, что предыдущим изложением мы дали на это прямой ответ: одесские социал-демократические организации не владели массами. Организация, не умевшая поднять рабочих в ответ на январские события в Петербурге, шедшая вслед за стихийным движением в апреле и мае и только-только начинавшая вести эти массы в июне, такая организация была не в силах руководить восстанием. Мы видели, что огромное значение в этом отношении имела нерешительная, соглашательская тактика меньшевиков, мечтавших о легальных собраниях, но не подлежит никакому сомнению, что и большевики почти ничего не сделали для вооружения масс в городе, а ведь без оружия мудрено было что-либо сделать и в городе. Меньшевики не хотели фактически вооружаться, большевики хотели этого, но и те и другие не разработали даже плана восстания. Было несколько десятков револьверов и бомб, и только. Кроме того, разногласия и споры в момент восстания испортили окончательно все дело. Если нельзя было договориться с меньшевиками, то нужно было взять инициативу в руки самим: масса идет за сильным и инициативным. Ростоцкая в своей брошюре об июньских днях в Одессе очень хорошо описывает те разговоры, какие, вместо действий быстрых и решительных, велись в том боевом комитете, что был образован из представителей всех революционных организаций Одессы.

Для понимания причин неудачи одесского движения необходимо принять во внимание те особые условия, в которых находилась Одесса. Прежде всего существование нескольких организаций, претендовавших на работу среди пролетариата: большевистский комитет, меньшевистская группа, бундовская организация, анархисты, Поалей-цион и дашнак. Если три последние организации не имели почти никакого влияния среди рабочих, то бундовская и меньшевистская группы оспаривали у большевиков влияние на рабочих.

Положение дел в большевистской организации было очень сложно, и успешная работа тормозилась различными неблагоприятными обстоятельствами.

Самая форма организации уже не соответствовала новым условиям, возникшим после январских событий.

---

[1] См. в этой же книге, стр. 151.

Тов. Пятницкий правильно рисует в своих воспоминаниях форму организации того времени. «Организация тогда в Одессе», пишет он: «да и во всей России, снизу доверху была построена на принципе кооптации: на заводе, на фабрике, в мастерских с.-д. большевики, которые там работали, приглашали (кооптировали) тех рабочих и работниц, которых они находили подходящими по сознательности, преданности рабочему делу. Районные комитеты крупных городов распределяли между своими членами работу по объединению всех ячеек части территории района (подрайона) и организации ячеек, где их еще не было. Организаторы подрайонов приглашали лучшие элементы ячеек в подрайонные комитеты. За выбытием члена подрайонного комитета (за арестом или отъездом кого-либо из членов подрайонного комитета) оставшиеся члены кооптировали других членов с согласия райкома. Райкомы же составлялись из лучших элементов подрайонных комитетов. Общегородские комитеты создавались из объединений всех групп и ячеек какого-нибудь города и подлежали утверждению ЦК, причем общегородские комитеты имели право кооптации новых членов. В случае, если какой-нибудь общегородской комитет проваливался целиком, то ЦК партии назначал кого-либо в комитет, и назначенный или назначенные уже кооптировали подходящих товарищей из работников районов до нужного количества»[1].

Этот тип организации уже не соответствовал новым течениям в рабочем классе — массовому движению, руководить которым силами чаще всего одного или двух-трех товарищей, хотя и очень хорошо законспирированных, было невозможно. Требовались иные формы, иные методы работы, при том такие, при которых масса видела бы и знала своих вождей и руководителей, могла чувствовать связь с ними и могла оказывать влияние на ход дел в организации. Нужен был контроль масс, нужны были хотя бы и не во всех частях работы, открытые формы организации. Это совсем не означало, что партия должна была покончить с подпольем, это означало только одно — выйти хотя бы в некоторых отношениях из душного подполья на свежий воздух и на виду у массы руководить движением.

Подпольное существование, строгая конспирация и доведенный до конца централизм, о котором пишет тов. Пятницкий, были необходимы и полезны в жестоких условиях самодержавного режима (этого никогда не могли, как следует, понять меньшевики), но это же обстоятельство вело очень часто к тяжелым последствиям в работе: арест законспирированного комитетчика нередко разрушал всю предыдущую работу, разрывал с трудом налаженные связи с рабочими, так что приходилось новому ли-

---

[1] О. Пятницкий, «Записки большевика», Л. 1926, стр. 59-60.

цу начинать все сначала; строгий централизм ставил иногда очень хорошо развитую периферию, крепко связанную с массой, в подчинение лицу, почти совершенно оторванному от этой массы и потому терявшему темп движения; это в свою очередь порождало трения и конфликты между комитетом и периферией; рабочие в редких случаях входили в центр, и это создавало еще большую оторванность комитета от массы.

Ленин еще в 1902 году, выдвигая идею профессионала-революционера, учитывал эти опасности и потому выдвигал мысль о связи множеством всякого рода промежуточных звеньев рабочей массы с законспирированным центром. В 1904 году он настойчиво указывает на необходимость введения в комитет рабочих.

Одесский комитет при всех своих несомненных достоинствах (необыкновенно высокий уровень работников-профессионалов, беспощадная борьба с меньшевиками, сравнительно хорошие связи с массами, наличие «техники») страдал многими качествами, которые, будучи достоинствами в предыдущий период движения, становились теперь в момент революции тормозом движения.

Прежде всего нарушалась преемственность работы вследствие частых провалов.

Так, 11 января жандармы арестовали часть агитаторского центра: Цейтлин, Тимофеев, «Трофим», И. Авдеев, А. Поляков, Поспеев и Шендерович.

В течение 18—20 января были арестованы: И. Кожарский, Рогов, Познанский и Шмаров.

Правда, эта убыль пополнялась новыми силами, так, например, в январе в Одессу приехал Е. Ярославский; но уже 12 февраля он был арестован вместе с железнодорожным подрайоном (Миллер, «Семен», Лазарев, Ф. И. Голубков, Гончаренко, Я. И. Бойко и Авдеев).

В феврале в Одессу приехал, правда, такой выдающийся работник, как А. Шаповалов, но в мае зато был почти целиком арестован Дальницкий районный комитет. В Одессе работали тогда такие выдающиеся работники, как Бур (Эссен), О. Пятницкий и Н. В. Шотман, приехал С. И. Гусев, но в июне же был арестован весь пропагандистский центр во главе с его руководителем и секретарем комитета О. И. Левицким (22 человека).

После этого т. Гусевым был создан новый комитет, в котором на трех профессионалов-интеллигентов (С. И. Гусев—секретарь, В. Санжур и Я. Готлобер) было трое рабочих (Шотман, Пятницкий и Шаповалов).

Но остатки старой подпольной замкнутости давали себя чувствовать.

«Еще накануне моего приезда,— пишет т. Шаповалов,— Одес-

ский комитет переживает внутренний кризис вследствие агитации против комитета одного из его членов т. Афанасия. Дело дошло до того, что вследствие его агитации периферийные работники организации вынесли недоверие большинству членов комитета, а члены комитета в свою очередь — друг другу. Надо сказать, что недовольство комитетами наблюдалось всюду во всех городах России. Одесса поэтому не являлась счастливым исключением»[1].

Подобные же бесконечные дискуссии отмечает и т. Гусев.

Как совершенно правильно замечает т. Шаповалов, «сеятелями недовольства против наших комитетов являлись главным образом так называемые «примиренцы» среди большевиков, которые не понимали истинных причин раскола и которые единственным средством удовлетворить растущий спрос на листки, на революционную марксистскую литературу, на расширение агитации и пропаганды среди пробуждающихся широких масс пролетариата, считали лишь объединение с меньшевиками».

А так как в организации, по словам т. Гусева, находилось еще и много «иждивенческих, паразитических элементов», работать не работавших, а за деньгами приходивших, то они еще больше увеличивали склоку. Тов. Гусеву и пришлось начать прежде всего с очистки этих Авгиевых конюшен[2].

Между тем средства организации были очень скудны, и профессионалы просто голодали, как свидетельствует т. Ярославский.

Необходимо при этом учесть еще существование сильной организации меньшевиков и бундовцев. У меньшевиков были обширные связи среди интеллигенции, которая и давала им средства. Бундовцы были сильны среди еврейских ремесленников.

Отсутствие денег, «непрерывная и совершенно непонятная склока» (по словам т. Гусева) в самой организации, частые провалы — все это и было причиной того, что Одесский Комитет оказался в очень тяжелом положении, когда вдруг началось массовое революционное движение.

Тов. Шаповалов, характеризуя работу комитета первой половины 1905 г., говорит: «Первое время особенно много усилий пришлось употребить на борьбу с неорганизованностью, которая проникла все сверху донизу»[3]. Не менее резко эту работу квалифицирует и т. Гусев: «Приходится буквально чуть не с начала начинать дело. Кое в чем правы были, несомненно, меньшевики, когда ругали Одесский Комитет»[4].

---

[1] «Пролет. Рев.» 1925 № 12 (47), стр. 7-8.
[2] «Пролет. рев.» 1925 № 12 (47), стр. 8.
[3] См. его статью во второй кн. «1905 год в Одессе и Одессщине», стр. 40-41.
[4] «Пролет. рев.» 1925 г. № 12 (47), стр. 42.

В середине года на фоне невиданного массового движения рабочих Комитет насчитывал всего-на-всего 200 чел. организованных рабочих и 15 интеллигентов. Так считает секретарь Комитета т. Гусев. Бурный рост массового движения опережал организацию, а «последняя,— по словам т. Шаповалова,— «особенно оказалась неподготовленной для проявления такой революционной инициативы, как вооруженное восстание в связи с приходом в Одессу «Потемкина». Особенно пагубную роль в данном случае сыграла тенденция к примирению с меньшевиками, наблюдавшаяся у некоторых членов Одесского комитета» [1].

Комитет не имел денег, квартир, лучшие рабочие организации комитета (Дальницкая, Фонтанная и Вокзальная) были разгромлены, лучшие работники, как т. Шаповалов, выбыли из строя, а в объединенном комитете всех революционных организаций, т. е. в революционном центре восстания, от большевиков сидел примиренец. Пролетариат Одессы не имел надлежащего революционного руководства, и инициатива рабочих в оказании помощи восставшим матросам тоже далеко не пошла: в постройке баррикад принял участие главным образом городской ремесленный пролетариат, заводские рабочие в эти действия втянуты не были.

Наконец и на самом броненосце не было достаточно решительных людей, которые могли бы пушками побудить город к движению.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что руководители на самом броненосце не могли руководить восстанием. Матюшенко не был вождем. Это был герой, но не вождь. Он и погиб, как герой. Прочитайте его последний протокол допроса, просмотрите воспоминания о нем анархиста И. Хоткевича, вдумайтесь в его собственные писания и шатания то от социал-демократов к социалистам-революционерам, то от этих последних к анархистам,— и вы скажете: он был героем, но не вождем. Да, он был героем. Вот как описывается смерть Матюшенки в воспоминаниях В. А. Поссе:

«Видел я, как вешали пресловутого красного адмирала Матюшенко. Смотреть на казнь во дворе военной тюрьмы собралось много матросов. В нашем экипаже вызывали желающих присутствовать при казни. Пожелали пойти. И офицеры пошли: знаменитость как-никак. Казнь назначена была ранним утром. Еще не рассветало. Тюремный двор слабо освещал электрический фонарь. В конце двора маячила виселица. Палач, широкоплечий, коренастый, в черной маске, ходил громадной тенью по освещенной стене тюрьмы. Преступника долго не приводили, а офицеры заинтересовались палачами. Окружили и стали расспрашивать.

---

[1] Там же, стр. 42.

Оказались очень разговорчивыми»... — «...Ну, а как держался Матюшенко?» — перебил я рассказ офицера о палаче. — «Удивительно спокойно. Приговор ему читали долго, больше часу. Перечисляли все его преступления чуть ли не против всех статей уголовного и военного кодекса. А он стоит, не дрогнет. Только по временам сплюнет в сторону. Подошел священник. Он его слегка отстранил рукой и пошел твердо и легко к виселице, так что еле палач поспевал... Потом видно было, как большая тень повешенного качнулась на стене».

Это подтверждает и И. Хоткевич. Так умирают герои. Но в июньские дни нужны были вожди и организаторы. Совершенно правильно отмечает свои ошибки Фельдман (не изолировали кондукторов, доктора Голенка и т. д.), но и в самой Одессе была сделана масса ошибок... «Если бы там были люди, — говорится в статье «Князь Потемкин-Таврический», в № 8 «Пролетария»,— которые, признав в принципе возможность восстания, готовились бы к нему, разобрались бы в военно-технических вопросах восстания, то они знали бы, что делать». Далее в этой статье указывается примерный план того, что можно было бы сделать: снять некоторые мелкого калибра пушки с броненосца, вооружить ими баррикады, разграбить оружейный магазин, действовать по общему плану с броненосцем и т. д. Ничего подобного сделано не было: люди только совещались, и потерпели неудачу. И за всем тем геройское восстание матросов на «Потемкине» есть одна из самых блестящих страниц нашей революционной истории. «Зато моральные результаты восстания матросов,— говорится в только что цитированной статье из «Пролетария»,— приход вооруженного корабля в главный город и порт южной России — неисчислимы». Но большевики расценивали это восстание не только с моральной стороны, а подчеркивали и ту мысль, что «Потемкин» учил русских революционеров и тому, что они «должны быть всегда настороже, всегда иметь план действий».

Меньшевики в 103-м номере своего органа такими словами оценивали восстание на «Потемкине»: «Дерзать! в этом слове вся мудрость той революционной тактики, которая подсказывается обстоятельством момента. Начавшееся в Одессе восстание д о л ж н о быть поддержано всеми средствами. Более благоприятного случая для победы над царизмом трудно дождаться. Укрепившись в одном пункте, победоносная революция должна начать активное наступление на остальные области, подымая крестьянство, провозглашая республику, вооружая городской пролетариат. Революционный инстинкт и социал-демократическое сознание должны подсказать товарищам на местах, как проводить эту тактику; одно мы им можем пожелать: чтобы их дей-

ствия были столь решительны и обдуманны, как первые шаги восставших матросов».

Оценка т. Ленина общеизвестна. Но как бы ни учитывали восстание различные революционные партии, все они сходились в одном: восстание матросов военного корабля на практике доказало, что восстание, как и переход войск на сторону народа, и в России уже не утопия, а факт.

Матросы Черноморского флота и были первыми организаторами восстания с оружием в руках против самодержавия.

Оппортунистическая тактика меньшевиков летом 1905 года дала свои плоды и в эпоху величайшего напряжения революционной борьбы пролетариата России в октябре, ноябре и декабре, когда в Одессе был организован Совет Рабочих Депутатов.

2. Одесский Совет Рабочих Депутатов

Мысль о создании какой-то новой массовой организации, которая могла служить объединяющим органом движения, по словам т. Рябинина-Скляревского, возникла еще летом 1905 года. В июне, повидимому, была попытка создать выборный депутатский орган для руководства развертывавшимся массовым движением: 12 июня на даче «Отрада» были арестованы 32 депутата; многие из них были в ноябре депутатами Совета.

После октябрьской забастовки, 4 ноября, стало быть, уже после опыта Петербургского Совета, состоялся тысячный митинг в здании университета, где находились рабочие почти всех важнейших предприятий Одессы и где было постановлено после освещения роли Петербургского Совета организовать Совет в Одессе. Тов. Жезмер утверждает, что еще раньше, до этого собрания, большевистский комитет решил организовать Совет и что «рабочий Пересыпи первым стал на путь организации Совета» [1].

Насколько можно судить по всем имеющимся данным [2], Совет Рабочих Депутатов г. Одессы был организован при участии социал-демократов, «Бунда» и эсеров. Уже 6 ноября 1905 года был выработан «Устав общегородского Совета Рабочих Депутатов гор. Одессы». Каждая сотня рабочих по цехам посылала одного депутата: образовалось три районных Совета (Пересып-

---

[1] М. Жезмер. «Одеська Рада робитничих депутатів 1905 року», стр. 12. Тов. Жезмер пишет, что уже на собрании 4 ноября был член Петербургского Совета.

[2] Истор.-револ. архив, особ. отд. д. № 38, 1905 г. «О Совете Рабочих депутатов и Исполнительном его Комитете в гор. Одессе», А. Рябинин-Скляревский. «Совет рабочих депутатов гор. Одессы в 1905 г.» в сб. «1905 г. в Одессе и Одессщине»; М. Жезмер. «Одеська Рада робитничих депутатів в 1905 року», Х. 1931.

ский, Городской и Дальницкий). Каждый районный Совет выбирал свою Исполнительную Комиссию, а все три комиссии вместе составляли Исполнительную Комиссию общегородского Совета. В течение ноября состоялось, повидимому, два общих собрания депутатов в присутствии приехавших социал-демократа из Петербурга С. И. Файнберга и социал-революционера из Киева А. М. Шевченко. Первое из этих собраний выборных по цехам и районам состоялось 24 ноября 1905 года в помещении Общества дешевых ночлежных приютов. На собрании присутствовало более трехсот человек[1]. Председательствовал на собрании организатор Пересыпского района меньшевик «Фридрих» (кличка). Вопросы, обсуждавшиеся на собрании, были следующие: политическое положение в Петербурге, сбор денег для петербургских безработных, вопрос об отмене смертной казни и исключительных судов, освобождение арестованных почтово-телеграфных служащих и проведение в жизнь свободы собраний, союзов, печати и т. д.

Ни к каким определенным решениям собрание не пришло. 25 ноября состоялось собрание земских служащих в помещении уездной земской управы, повидимому, главным образом по вопросу о забастовке почтово-телеграфных чиновников, представители которых Иоанно и Гофман также находились на собрании. После информации, данной социалистом-революционером Шевченко и социал-демократом Файнбергом о положении дел в Киеве и Новороссийске, обсуждался вопрос о забастовке Юго-Западных железных дорог (в связи с судьбой инженера Самаро-Златоустовской железной дороги Соколова) и о поддержке бастующих: по 3% из жалованья земских служащих и единовременно из страхового земского капитала 6 тыс. рублей. И на этом собрании в земской управе были члены Совета.

Но, собственно, первым открытым заседанием «Общегородского Совета Рабочих Депутатов гор. Одессы» было многолюдное собрание выборных от цехов 28 ноября 1905 года, в 6½ часов вечера, в Городской аудитории. На собрании было около четырехсот человек выборных и представителей от революционных организаций (по 3 человека от каждой, за исключением группы анархистов-коммунистов). Председателем собрания выбрали рабочего-железнодорожника Ивана Ананьевича Авдеева (Файнберг уже уехал из Одессы).

После этого начались приветственные речи, из которых выделились две: речь социалиста-революционера боевика «Николая» (Иосифа Николаевича Коссовича) и представителя Союза меди-

---

[1] Документ Одесского охранного отделения указывает на выборного от литейного цеха Л. П. Шифрина, визитные карточки которого служили пропусками на собрания (д. № 38, 1905 г., л. 1).

цинских служащих, профессора Новороссийского университета Н. К. Лысенкова. Затем собрание обсудило «устав» и единогласно его приняло, при чем было решено, что выбранным в Совет может быть не только рабочий, но и интеллигент. После этого начались выборы исполнительных комиссий по трем районам. Выбранными между прочим оказались: Авдеев (председатель собрания), Иосиф Абрамович Батхан, «Фридрих», «Евгений», «Мартин» (партийные работники).

Порядок дня собрания заключал следующие вопросы: о кассе взаимопомощи, о газете Совета Рабочих Депутатов, о политической забастовке, о рабочем съезде, о вооружении, о государственном банкротстве, о безработице, о цензуре, о волнении среди войск Одесского гарнизона. Обсудить эти вопросы, в виду затянувшихся выборов, не удалось, и собрание разошлось, постановив отправить от Одесского Совета делегатов в Петербургский Совет.

На другой день снова было устроено заседание в земской управе; здесь присутствовали служащие управы, которые выслушали доклад о деятельности Совета и выразили ему свое одобрение, обещая поддержку.

Выбранная Исполнительная Комиссия прежде всего конституировалась: председателем Совета был избран бывший студент Новороссийского университета Варлам Шавдия, его товарищем—Иосиф Абрамович Батхан. Исполнительная Комиссия, как это видно из отчета об ее заседаниях, сейчас же приступила к работе. В промежуток времени от избрания до второго общего собрания Совета Исполнительная Комиссия заседала почти ежедневно.

На заседании 30 ноября были рассмотрены, между прочим, вопросы: об «Известиях Совета Рабочих Депутатов гор. Одессы» и об организации комиссии по оказанию помощи безработным. Председателем этой комиссии избран т. «Дмитрий», секретарем т. «Михаил».

На заседании 2 декабря снова рассматривался вопрос о безработных. Постановлено было затребовать от городской управы и еврейского центрального комитета 50 тыс. рублей на безработных (деньги эти, повидимому, так и не поступили в Совет). Был рассмотрен и вопрос о политической забастовке. Принципиально решено было забастовку начать; в виду же того, что стачка может превратиться в «народное восстание, Исполнительная Комиссия настойчиво рекомендует Совету Рабочих Депутатов заняться вооружением пролетариата Одессы и сбором для этого соответствующих денег».

На заседании 7 декабря было между прочим постановлено, в виду возможных арестов, избрать по одному кандидату к каждому члену Исполнительной Комиссии. На этом же заседании решено было отправить делегата на съезд Советов в Петербург.

Пятого декабря было созвано второе общее собрание Совета Рабочих Депутатов гор. Одессы. Главным вопросом, обсуждавшимся на этом заседании, был вопрос о всеобщей политической забастовке. Забастовка была решена в принципе, проведение же этого постановления в жизнь было предоставлено Исполнительной Комиссии. Из других более важных вопросов этого заседания следует отметить: постановление об изыскании средств на помощь безработным и вопрос о предотвращении еврейского погрома.

После второго общего собрания Совета Исполнительная Комиссия приступила к выполнению намеченных общим собранием решений, а также занялась разрешением возникавших неотложных вопросов. В числе второстепенных вопросов решается вопрос об отклонении домогательства социалистов-сионистов иметь своего представителя в Совете: домогательство отклоняется в виду того, что сионисты не являются партией социалистической.

Важным вопросом, который пришлось разрешить И. К. без санкции Совета, это— командировка своего члена, Василия Лаврентьевича Степанова, на Всероссийский съезд Советов в Петербурге, в виду получения от Питерского С. Р. Д. письма с приглашением послать на предполагавшийся съезд двух делегатов.

Главнейшим же вопросом, который пришлось разрешить и провести в жизнь, был вопрос о всеобщей политической забастовке. Было решено забастовку начать в виду известий о набеге правительства на Петербургский Совет. С этой целью, по постановлению И. К., в декабре на всех фабриках и заводах устраиваются митинги, разъясняется цель и значение забастовки и выносятся постановления провести в жизнь постановление Совета о забастовке. Для руководства забастовкой выбирается особая комиссия в составе представителей от РСДРП, «Бунда» и партии с.-р.; этой комиссии подчиняются все организации, правления профессиональных и политических союзов в деле проведения забастовки; этой же комиссией выпускается листок, разъясняющий значение забастовки. И. К. лихорадочно готовится к забастовке: вооруженные отряды разных партий подчиняются единому боевому центру, собираются деньги, устанавливаются связи с другими городами. 9 декабря заготовляется листок с призывом к забастовке, и, назначенная на 11 декабря, она действительно начинается; при этом пекарям предлагается оставаться на работе, а извозчикам разрешается, в виду небольшого их значения, к забастовке примыкать по желанию. Особенную заботу И. К. проявляет о почте и телеграфе — выпускает воззвание, призывающее почтово-телеграфных служащих примкнуть к стачке и всячески старается вовлечь их в движение. Самой важной стороной

дела в этой забастовке был ее характер, и по этому вопросу И. К. приложила много усилий, чтобы выяснить, на что пойдет масса. С этим вопросом были связаны и такие вопросы, как вопрос о вооружении, о способе снимания с работ, об организации помощи безработным и т. д. В общем, после продолжительного обсуждения, решено было придать забастовке мирный характер.

Забастовка началась, но, как это вскоре выяснилось, она была далеко не всеобщей. Правда, 14 декабря к забастовке примкнула электрическая станция, бухгалтеры и конторщики, портовые рабочие и т. п., но, как это видно из № 3 «Изьестий СРД гор. Одессы» от 25 декабря 1905 года, в самый разгар забастовки приходилось силой боевых дружин прекращать пассажирское движение; работали также некоторые заводы и мастерские. Вскоре стало ясно, что настроение рабочих падает, что мирная забастовка изжила себя и что ее надо или превратить в вооруженное восстание, или прекратить. Повидимому, настроение в Одессе было вообще не боевое, и забастовку пришлось закончить 18 декабря. И. К. так формулирует свое мнение по поводу забастовки: «Мы прекратили забастовку. Мы показали всему миру нашу организованность, нашу дисциплинированность. Но мы не показали на этот раз нашей боевой готовности, ее мы должны проявить в ближайшем будущем. Это наша главная задача — и ей мы должны посвятить все свои силы».

К сожалению, этого Совету Р. Д. не пришлось дождаться. Из Петербурга, покончив с Петербургским Советом, торопились с ликвидацией и Одесского Совета В деле имеются копии депеш директора департамента полиции в Одессу жандармским властям немедленно выяснить и арестовать Совет: Напрасно жаловался одесский жандарм, что это очень трудно,— приказания шли все грознее и грознее. Жандармы принялись за работу, и уже 2 января было арестовано собрание в количестве 15 человек, во главе с В. Шавдия,— повидимому, И. К. Через пять дней, при попытке собрать общее собрание членов Совета, были арестованы еще 18 членов Совета, во главе с товарищем председателя Батханом и Степановым. Этими двумя арестами Одесский Совет был разгромлен.

Таким образом, Одесский Совет просуществовал немного более месяца (28 ноября — 7 января); имел два общих собрания (28 ноября и 5 декабря); его исполнительным органом была И. К. из 15 лиц (к сожалению, из дела не видно, кто именно входил в И. К.), председателем — В. Шавдия, товарищем председателя — И. А. Батхан. И. К. выпустила четыре номера «Известий Совета Рабочих Депутатов гор. Одессы», при чем № 1 «Известий» был отпечатан в типографии «Одесских Известий», № 2 — тоже в какой-то одесской типографии, а №№ 3 и 4, как утверждают жандармы, по каким-то неясным причинам,— в Ки-

шиневе. Кроме четырех номеров «Известий», Совет выпустил несколько воззваний, призыв ко всеобщей политической забастовке, прокламацию, разъясняющую цель и значение этой забастовки, и листок «Два бойкота» (призыв к бойкоту товаров фирм Попова, Кузнецова и др.). Издавал ли Совет еще что-нибудь, из дела не видно. Одесский Совет провел всеобщую политическую забастовку и отправил делегата на съезд Советов в Москву (Степанова).

Уже из того скудного материла, который имеется у нас, можно сделать не лишенные интереса выводы, если сравнить деятельность Одесского Совета, например, с Новороссийским или Ростовским. Что прежде всего бросается в глаза, это те общие черты, которые свойственны всем Советам,— самочинное, революционное возникновение Одесского Совета и его революционное творчество. И Одесский Совет был, как определял Советы Ленин, коалицией революционных социал-демократов, революционной мелкой буржуазии и революционных беспартийных рабочих.

Из 153 депутатов было рабочих 90 человек, интеллигентов-профессионалов — 15 чел., крестьян — 4, представителей партий — 7 чел. и т. п. Партийный состав еще более иллюстрирует мысль Ленина,— из 153 депутатов членов РСДРП (больш. и меньш.) было 81 чел., соц.-революц. 10 чел., анархистов-коммунистов 5 чел., бундовцев 2 чел., украинцев — 2 чел., беспартийных — 7 чел., невыясненных — 43 чел.[1]. Элементы новой власти видны из следующих действий Совета и его органов:

1) Как и другие Советы, Одесский Совет для организации помощи безработным предпринимает обложение богатых граждан (так. напр., поступал Новороссийский Совет). 2) Одесский Совет вводил фактически свободу печати: первые два номера «Известий» печатает захватным правом в одесских легальных типографиях. 3) Одесский Совет революционным путем захватывает функции власти,— дает разрешение пароходу сниматься с якоря, фактически вводит таксу на хлеб, разрешает пуск заводов с отчислением прибыли в пользу Советов и т. д. и т. д. 4) Совет, наконец, является действительно выразителем воли трудящихся: по его приказу останавливается и возобновляется вся торгово-промышленная жизнь города. Это — черты, несомненно свойственные всем известным Советам.

Но вместе с тем Одесский Совет поражает отсутствием инициативы и революционности. В то время как даже такой Совет, как Новороссийский, организует настоящую боевую силу, кон-

---

[1] См. приложение к книге т. М. Жезмера «Одесска Рада робитничих депутатів 1905 року», стр. 54 и 55.

фискует деньги думы, заставляет бастовать почту и телеграф, изгоняет губернатора, держит в руках железные дороги и т. д. и т. п., Одесский Совет и не мечтает о разоружении городовых и жандармов, не может провести действительно полную политическую забастовку (не бастуют: почта, телеграф, извозчики); Одесский Совет не может даже закрыть или изъять из употребления (или не находит полезным) черносотенную газету.

Ему не приходит в голову арестовать черносотенцев, как это сделали, напр., в Новороссийске, организовать новый суд и разогнать старый, как это было сделано в том же Новороссийске. Рабочие, волю которых Совет выполняет, по признанию его же «Известий», под его управлением «скучают», и потому ему приходится не только не думать о вооруженном восстании, но даже просто закончить забастовку.

Эти черты Одесского Совета очень резко отличают его от таких Советов, как, напр., Новороссийский или Ростовский.

В чем кроются причины этого?

Главной причиной, несомненно, являются, во-первых, то огромное напряжение, которое выдержал пролетариат Одессы летом, во время Потемкинского восстания, и, во-вторых, и это, быть может, самая важная причина, то, что во главе руководства стояли меньшевики.

Нерешительная, оппортунистическая тактика их погубила дело летом, та же тактика, бывшая только логическим развитием летней, не создала надлежащих условий для превращения Одесского Совета в орган восстания.

Действительно, в Совете преобладали меньшевики во главе с председателем Совета В. Е. Шавдией.

Меньшевики-депутаты выражали и в Совете соглашательскую оппортунистическую тактику своей партии.

Эта соглашательская тактика довольно ярко выразилась еще в начале, во время организации Совета.

Еще в ноябре в № 258 газеты «Коммерческая Россия» (нечто в роде легального органа соц.-демократов) меньшевик, скрывшийся за инициалом Е., высказал мнение, что Совет Рабочих Депутатов есть и должен быть только центром, объединяющим профессиональную борьбу рабочих. Политическую борьбу рабочих ведет соц.-демократия.

Одесские большевики держались другого мнения. В № 272 той же «Коммерческой России» большевик У. Маньский, в противоположность меньшевикам, развивал мысль, что Советы — боевая революционная организация рабочего класса, предтеча грядущей диктатуры пролетариата и что задача Советов — политическая борьба под руководством революционной соц.-демократии.

Но после октябрьских дней, после объединения большевиков и меньшевиков в единую организацию (6 ноября на общем со-

брании) более сильные числом членов и средствами меньшевики стали фактическими руководителями организации.

«С этого момента,— вспоминает т. Гусев,— начинается печальная страница в истории нашей Одесской организации. Надо заметить, что еще до слияния, в силу расцвета конституционных иллюзий, наша организация расползлась, она была фактически распущена, были ликвидированы явки, квартиры для собраний и т. д.». В результате слияния большевистская организация «растворилась внутри меньшевистской организации»[1].

Последствия такого растворения не заставили себя ждать и выразились в том оппортунизме, который и наложил свой отпечаток на деятельность Одесского Совета.

Дело Одесского Совета Рабочих Депутатов рассматривалось в военно-окружном суде 22 января 1907 г. Председатель Совета Шавдия и многие депутаты были приговорены к поселению в Сибири.

---

[1] С. Гусев. «Одесская парторганизация 1905 г. после «Потемкина», сб. «1905 год в Одессе и Одессщине», кн. вторая, стр. 53.

СОВЕТ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ И ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ

1. События до октября 1905 года

В воспоминаниях 17 участников рабочего движения в Ростове, напр., в очерке т. П. Иванова («Боевого»), активного участника Ростовской организации, в общем подробно рассказано о событиях февраля и марта [1]. Необходимо только добавить, что меньшевистскому Донскому комитету все же не удалось оформить глухое брожение решительно всех рабочих всех фабрик и заводов Ростова; охранка повсюду почти успевала предупредить забастовки: брожение трамвайщиков 31 января, готовое вылиться в забастовку, было потушено, забастовка мастерских Владикавказской железной дороги быстро была ликвидирована уступками администрации, попытки работниц фабрики Асмолова устроить стачку также окончились неудачей, и только забастовку шляпочниц комитету удалось взять в свои руки и провести до конца, добившись больших уступок со стороны хозяев. Слишком хорошо были сорганизованы силы врагов пролетариата, и слишком робка была тактика Донского комитета в то время. Впрочем напряженное состояние пролетариата и события в остальной России толкали и ростовцев-влево. Это напряженное состояние находит свое отражение даже в жандармских донесениях в Петербург: «...Вследствие неурожайного прошлого года и общего во время войны кризиса в торговле и промышленности значительно возрос числом в Ростове голодающий пролетарий (босяки и хулиганы), который в борьбе за существование кражи, грабежи, разбой и убийство сделал своим обычным промыслом, наводя всеобщую панику на местное население, для охранения которого положительно нехватает полицейских мер».

«Голодающий пролетарий», конечно, состоял не только из босяков и хулиганов и занимался не только грабежами и разбоями, но и нелегальной деятельностью.

---

[1] Донесение департаменту полиции за № 190 от 15 февраля 1905 г. Дело № 13/1905 г. б. охр. отд. Ростова-на-Дону.

Хотя и неудавшиеся, забастовки февраля произвели свое действие, и брожение среди рабочих росло с каждым днем. Это повышающееся настроение рабочих старался использовать Донской комитет, устраивая нелегальные собрания, пытаясь превращать в политические демонстрации всякого рода заседания (разброска прокламаций 28 января в театре, собрание работниц на Темернике 17 февраля, выступление Бура в клубе во время лекции доктора Абрамова о холере и т. д.), распространяя нелегальную агитационную литературу, организуя нелегальные массовки.

Однако и в мае всеобщей политической забастовки вызвать не удалось.

Забастовки произошли только 4 мая в мастерских Владикавказской железной дороги и среди портовых рабочих. Но это были забастовки чисто экономические. Все попытки вызвать демонстрацию окончились неудачей: толпа разбегалась перед патрулями казаков. Тов. «Боевой» объясняет это тем, что «партийные организаторы сидели за решеткой». Это отчасти верно. Аресты в Ростове не прекращались. Часть этих арестов была неизбежна. Как можно было избежать этого тем товарищам, которые самоотверженно проводили забастовку: они были на виду, и полиция следила за ними по пятам. Полицейские донесения так и пестрят именами Михаила Копылова (Бура), Якова Крамарова и др. Михаил Копылов, известный среди ростовских организованных рабочих под кличкой «Бур», один из деятельнейших работников ростовского движения, действительно работал во-всю: он принимает ближайшее участие в организации забастовки на заводах Пастухова и Нитнера, он организует большой митинг рабочих на Камышевахе в феврале, он выступает на собраниях, он всюду, где есть брожение и толпа. Крамаров попадает в тюрьму потому, что на глазах полиции, во главе толпы приказчиков ходит по улицам и снимает с работы остальных их товарищей и закрывает магазины. Здесь были арестованы: Г. Е. Плошель, Я. С. Крамаров, М. К. Рабаджиев, Ф. Е. Сальник, К. С. Чалов и С. И. Ворожин.

Перед первомайским праздником (12 и 13 апреля) были произведены новые аресты, — Митр. Гр. Скиба, Дм. Дм. Губарев, Петр Ан. Иванов, Мих. Мир. Копылов, Пав. Ив. Григорьев, Иог. Генр. Волинский, Илья Сол. Чернихов, Алексей Вас. Митрофанов, Илья Мин. Платовский, Конст. Ив. Алексеев, Ник. Степ. Ильницкий, Гр. Алекс. Малицкий, Дм. Тим. Синицын, Еф. Никиф. Остроменский, Фед. Петр. Поденко, Тигран Лаз. Тер-Керсесьян и Бор. Ник. Воробьев.

2 мая снова были произведены многочисленные аресты, на этот раз среди приказчиков, а вслед за этими арестами последовали

аресты рабочих мастерских Владикавказской железной дороги (всего 28 человек).

Но одними арестами объяснить неудачи ростовской организации нельзя. Большое значение имела и тактика меньшевистского Донского Комитета, который продолжал проводить план «Искры» — выступления социал-демократических ораторов на либеральных собраниях, в зале «Ростовского-на-Дону клуба» и на заседании городской думы. Полиция этими выступлениями прекрасно пользовалась и вылавливала социал-демократических работников. Так, на заседании Медицинского Общества, где социал-демократы пытались повести за собой либералов произнесением социал-демократических речей, полиция очень удачно выследила и деятелей местной организации — Абрама Швейцера, Ольгу Бричкину, Браиловского, Александра Сизенцева и их ораторов, — И. Г. Когана, И. С. Побединского, П. А. Иванова и Мих. Мир. Копылова (Бура). Точно также полиция прекрасно воспользовалась и другим таким же выступлением социал-демократов в городской думе. Оба эти выступления закончились попытками устроить демонстрации, что, опять же привело к избиению публики казацкими нагайками.

Между тем, стихийное забастовочное движение росло, нужно было только овладеть им и направить по определенному руслу.

В самом деле, в течение февраля — июня в Ростове бастовали: в феврале — главные мастерские Владикавказской железной дороги, завод Пастухова (600 чел.), Нитнера (130 чел.), Мартына (200 чел.), Рысса (170 чел.), Картожинского (25 чел.), некоторые аптеки, Волго-Донской завод (700 чел.) завод Эйнштейна (60 чел.), Киреева (70 чел.), модные мастерские, завод Панченко (100 чел.), Асланиди (600 чел.), Токарева (70 чел.) и типографии. Кроме того шло брожение среди булочников и приказчиков. Последние принадлежали к самым отсталым слоям трудящихся, и тем не менее общая напряженная атмосфера оказала влияние и на них: 14 февраля они устроили с разрешения полицмейстера общее собрание (до 4 тыс. человек), где и выработали требования, главнейшими из которых были 12-часовой рабочий день с двухчасовым перерывом на обед, предупреждение за месяц об увольнении, с выдачей вперед жалованья, третейский суд из представителей приказчиков и хозяев. Требования эти приказчики передали полицмейстеру с выражением благодарности начальству за разрешение собрания. Несмотря, однако, на низкий культурный и политический уровень приказчиков, несмотря на то, что некоторые из них протестовали, когда их сравнивали с рабочими, в своем заявлении полицмейстеру труженики прилавка между прочим писали: «...Мы, выборные, имеем честь просить ваше высокородие огласить эти требования пред господами предпринимателями или же дать нам возможность

легальным путем — путем печати — оповестить их. В противном случае всеобщее массовое движение может охватить и нашу среду, которая, дабы найти исход из теперешнего положения, может воспользоваться печатью нелегально»[1].

В марте бастовали шляпочницы, всего 150 человек, — 12 мастерских из 15. Стачка окончилась победой мастериц.

В мае политическая забастовка не удалась, но частичные экономические стачки возникли у пекарей, портовых рабочих и судовых команд; приказчики тоже пытались начать стачку, но полиция силой открывала закрытые приказчиками магазины. Бастовали, как сказано выше, и главные мастерские Владикавказской железной дороги.

Таким образом, недостатка в горючем материале в Ростове не было; атмосфера становилась с каждым днем напряженнее и беспокойнее.

Уже в феврале налицо имелись факты, свидетельствующие об организации черной сотни. Резня в Баку подогрела реакционеров в Ростове, и всюду говорили о погроме. Градоначальник барон фон Пихлау-Коцебу так прямо и заявил депутации армян, что хотя меры принимаются, но что он ни за что не ручается, так как главная причина беспорядков рабочие волнения, а против рабочих волнений власти бессильны.

Черная сотня деятельно готовилась к погрому: городовые и пристава открыто пропагандировали беспорядки, распространялись прокламации за подписью: «Союз русских рабочих», призывавшие к избиению армян, евреев и поляков, и даже учителя гимназий пытались провоцировать беспорядки (в Нахичеванской женской гимназии один из преподавателей предложил следующую тему для сочинения: «Какие чувства вызвало в вас злодейское убиение в. к. Сергея Александровича?»).

Приходилось подумать и Донскому Комитету о принятии мер против погрома. Комитет уже тогда, в феврале, приступил к организации отрядов самообороны: человек пятьдесят получили револьверы и заняли самые опасные пункты, где возможно было ожидать возникновения беспорядков. Так, стало быть, еще в феврале наметились ясно и определенно две силы — пролетариат и правительство, как выразитель и защитник интересов крупной буржуазии и помещиков. Между этими двумя силами беспокойно метались промежуточные элементы — мелкая буржуазия и либералы.

Их фразеология в эти дни была самая революционная. Дело дошло до того, что директор Волго-Донского завода пожелал рабочим успеха, когда они начали стачку; другой фабрикант, прочитав требования рабочих, заявил, что теперь самая главная борь-

---

[1] «Искра» № 96.

ба — это борьба за конституционные гарантии (свободу слова, собраний, личности и т. д.), а Н. Е. Парамонов, не успевший тогда еще износить социал-демократических башмаков, а ныне в дружном единении с Пуанкаре подготовляющий интервенцию, даже удалял со своих предприятий полицию.

Либералы, вдруг заговорив слогом народных трибунов, шли еще дальше и укоряли социал-демократов в том, что они не готовятся к вооруженному восстанию. «Теперь надо готовить восстания, вооружать рабочих, а не выставлять исключительно экономические требования», — говорили либералы.

Приведя это мнение на мгновение покрасневших либералов, корреспондент «Искры»[1], ростовец, меньшевик, поучительно прибавляет: «Вообще утопия подпольного вооружения народа и назначения заранее восстания имеет много сторонников среди наших либералов». Как увидим ниже, пренебрежение к вопросу о «подпольном вооружении», как везде, и в Ростове-на-Дону сыграло роковую роль.

Социал-демократы в Ростове считали в высшей степени важным проводить свой план на либеральных банкетах и собраниях, надеясь увлечь за собой и либералов. Добились ли они здесь существенных результатов? Безусловно, нет,— факты это подтверждают с несомненностью; так, например, на собрании Ростовского клуба, во время лекции доктора Абрамова о холере, где из 1500 человек было 800 рабочих, была принята[2] весьма радикальная резолюция, в которой между прочим говорилось: «... Мы заявляем, что все истинные демократы, действительно решившие добиваться свободы и равноправия всех граждан, мужчин и женщин, всех классов, вероисповеданий и национальностей, могут рассчитывать на осуществление своих гражданских идеалов, только безусловно присоединившись к революционной борьбе пролетариата, объединенного в Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию».

Донской Комитет, окрыленный подобными успехами среди либералов, забывал, что успехи эти эфемерны и временны и что уже в 1902 году ноябрьская стачка была ярким примером такой ненадежности либералов: все ростовское общество сочувствовало забастовке рабочих, пока она не выходила из стадии мирного протекания; блестящие экипажи ростовских буржуа привозили своих владельцев к месту, где проходил митинг, но как только на балке запахло порохом и кровью, так эти почтенные отцы города попрятались в свои роскошные особняки. Успехи ростовской социал-демократии среди ростовских либералов, пожалуй, не стоили того времени, какое пришлось потратить, чтобы добиться

---

[1] «Искра» № 92.
[2] «Искра» №№ 98 и 99.

этих успехов. Ведь все эти Парамоновы, Малеевы, Абрамовы, Коганы, Фельдманы, Сватиковы, Царды и пр. были либо крупные буржуа, либо представители мелкой буржуазии, жившей подачками со стола капиталистов, и, как только шел вопрос о решительной схватке, они поворачивали пятки к пролетариату.

Ростовская-на-Дону гимназия, где училось все это молодое поколение, за очень редким исключением, не дала да и не могла дать людей, которые бы решительно и бесповоротно примкнули к рабочему движению. Ростовцы-студенты (мы говорим о поколении 90-х годов) даже в университетских городах не шли дальше участия в бесформенных землячествах и, в лучшем случае, в радикальных кружках. Реальное училище издавна служило приютом детей купцов или мелкой буржуазии, тянувшейся за крупным капиталом. О коммерческом училище, этом, действительно, образцовом буржуазном учебном заведении, говорить нечего. Только городское училище (шестиклассное), железнодорожное техническое и среднее механическое училища давали революционеров в настоящем смысле этого слова. О значении первого из этих учебных заведений могут рассказать в своих воспоминаниях старейшие участники ростовского рабочего движения (Мелешко, Эйшискин и др.). К 1905 году однако на арену общественной жизни Ростова в качестве врачей, адвокатов, архитекторов и т. д. выдвинулись как раз либеральствующие питомцы гимназии — Парамонов, Малеев, Абрамов, Царда и т. д.. Это были чистокровные либералы, и верить их резолюциям и обещаниям было смешно и безнадежно. Только 900-е годы дают и из буржуазной среды много социал-демократов, но это, как уже было сказано выше, общероссийское явление.

Как бы то ни было, политическая забастовка 1 мая была неудачна. Это констатирует и Донской Комитет в своей корреспонденции в «Искру»[1]. Неудача 1 мая, говорится там, «объясняется, во-первых, запоздалой агитацией и подготовкой к 1 мая, во-вторых, Донской Комитет не решался во что бы то ни стало отстоять митинг вооруженно, а приводить массу на явное избиение и расстрелы он не имел никакого права. Вооруженно же у нас нет сил итти. Теперь по кружкам, на массовках — всюду говорится, чтобы все вооружались. У нас имеется небольшое количество оружия, но, конечно слишком мало».

В течение мая и июня Донской Комитет усиленно готовится ко всеобщей железнодорожной забастовке на Владикавказской дороге. Забастовка эта, вспыхнувшая в июле, в высокой степени интересна, и ее изучение показывает, как и изучение январской забастовки на Закавказской железной дороге, что уже с января пролетариат инстинктивно и стихийно ищет тех форм всеобщей

---

[1] «Искра» № 100.

политической забастовки, какая может привести его к победе над самодержавием.

Охранное отделение уже в июне заметило эти подготовительные шаги организации. Уже 11 июня начальник охранного отделения сообщает своему начальству о собраниях железнодорожников в Ростовском узле, где выступал оратор от Донского Комитета[1] (в депо Юго-Восточных ж. д.); 17 июня в анналах охранки зафиксировано сообщение о подготовке к демонстрации 18 июня (повидимому, не подготовлявшейся и потому не состоявшейся); 5 июля сообщается о том, что замечается брожение среди железнодорожных рабочих под влиянием агитации Донского Комитета, а 13 июля уже сообщение о начавшейся стачке.

Департамент полиции при первом же известии о забастовке дал распоряжение об аресте Донского Комитета; но местные жандармы в подробном ответе разъяснили, что меры приняты, принимались и будут приниматься и что «доблестная» работа ростовских жандармов и так уже предупредила развитие движения.

Этими жандармскими «сочинениями» на тему о доблести ростовских охранников не стоило бы утруждать читателя, если бы в них, из-за хвалебного тона жандармского творчества, не проглядывала одна достойная замечания черта: беспомощность даже жандармских мастеров перед стихийною силою движения. Начальник охранного отделения жалуется, что даже предупредительные меры остановить движение не могут. «Как и всегда или, по крайней мере, в большинстве случаев, у главных представителей комитета серьезного поличного не оказывается, а несколько разноименных преступных брошюр, прокламаций и черновики последних не служат достаточным материалом для успешного привлечения к дознанию, почему прокурорский надзор и жандармское управление совершенно оставляют этих лиц без внимания, и лишь точно устанавливаемые, как проживающие нелегально, передаются полиции; последняя же большею частью после незначительных формальностей отпускает таких лиц совершенно на свободу»[2].

В доказательство этих мыслей приводятся примеры: 17 июня жандармами были арестованы — Николай Розанов, Сарра Эсс, Вонская, Вячеслав Безнамов, Скибин и Гончаров, как проживающие нелегально, а 14 июля некоторых из них пришлось освободить, и тот же самый Розанов снова принялся за агитацию среди рабочих. Но теперь его арестовать было уже очень трудно, так как он тщательно скрывался «в захолустных предместьях города».

---

[1] См. в деле б. охр. отд. Рост. н/Д № 13/1905 г., докл. за № 711, 712, 760, 800.

[2] См. докл. за № 808 в деле охр. отд. Рост. н/Д № 13/1905 г.

Дело в том, что в эти «захолустные предместья города», т. е. в рабочие районы, уже тогда шпионы проникать не решались. Таким образом, самодержавное правительство в лице своих ростовских представителей помешать забастовке было не в силах.

Подготовка этой железнодорожной стачки интересна прежде всего потому, что обнаруживает, как сама жизнь и условия производства вызывали координацию действий наших нелегальных организаций не только одного города или округа, а целой большой области, от Баку до Ростова и Новороссийска.

Донской Комитет заранее вошел в сношения с Кубанским Комитетом РСДРП, а этот последний, в свою очередь, дал руководящие указания своим группам на станциях Кавказская, Тихорецкая, Минеральные Воды и Новороссийск и вошел в связь с Грозным, где работала большевистская организация, и с организациями Баку и Тифлиса.

Как только 17 июля вспыхнула забастовка на ст. Кавказской (800 чел. рабочих), туда в помощь местной группе Кубанский Комитет послал четырех товарищей. Администрация очень ловко забастовку расстроила, дав обещание удовлетворить требования рабочих через три недели. Пришлось на собраниях наиболее ответственных рабочих (70—80 чел.) вести агитацию за возобновление забастовки, и решено было вовлечь в движение и рабочих Тихорецкой и Минеральных вод.

Один из агентов Кубанского Комитета остался в Кавказской, другой поехал в Тихорецкую, третий в Минеральные Воды, а четвертый в Грозный.

Собрания на ст. Кавказской продолжались; на этих собраниях вырабатывались экономические требования, говорились речи и на политические темы, и распространялась нелегальная литература. Такая же подготовительная работа велась и на ст. Тихорецкая и Минеральные Воды (380 чел. рабочих). Здесь эти нелегальные массовки собирали иногда человек до двухсот, и на них велась политическая агитация.

Но здесь же выяснилось, что эта политическая агитация воспринимается довольно слабо. «Скоро пришлось убедиться,— говорится в корреспонденции «Искры» [1], что резкий тон речей плохо влияет на массу, и было даже решено два-три собрания посвятить исключительно экономике и лишь слегка касаться общих вопросов». Это говорится о рабочих ст. Кавказской, но верно это или нет, справедливо одно, а именно, что экономические интересы приводили в движение железнодорожников в первую очередь. Действительно, рабочие ст. Кавказской выдвинули как главное требование увеличение заработной платы на 5 и 10 копеек, аналогичные требования предъявили и рабочие других стан-

---

[1] «Искра» № 108.

ций, Тихорецкой и Минеральных Вод; ростовцы предъявили требование о повышении заработной платы на 25%, выдачу квартирных в размере от 2 до 10 рублей, бесплатную выдачу отопления и освещения, провизионных билетов и бесплатное пользование баней. Известную роль в неудачах политической организации играло и то обстоятельство, что довольно большой процент железнодорожников составляли собственники домишек.

Координируя свои действия с работой ближайших социал-демократических организаций, Кубанский Комитет обратился к Донскому и Грозненскому Комитетам: и тот; и другой, ростовские меньшевики и грозненские большевики, ответили различно. Ростовцы ответили, что, вследствие кризиса и готовности администрации сократить работы, экономическая стачка невозможна; грозненские большевики указывали на необходимость подготовки к политической забастовке и вооруженному восстанию. Действительно, в Ростове-на-Дону в главных мастерских Владикавказской железной дороги еще в начале июля администрация по соглашению с рабочими уменьшила число рабочих дней в неделю до пяти, чтобы предотвратить массовое увольнение рабочих [1].

Только что описанные подготовительные действия нелегальных организаций к железнодорожной забастовке выяснили одно в высшей степени важное обстоятельство,— необходимость создания общедорожного союза рабочих и служащих, авторитетной организации, которая охватила бы массу всей дороги.

Как бы то ни было, 15 июля забастовка началась и в мастерских Владикавказской железной дороги. Работа прекратилась в кузнечном цехе, откуда рабочие-подростки с криками «ура» бросились по другим цехам и сняли товарищей с работ. Вся масса рабочих двинулась к выходу, остановилась у выходной будки, где социал-демократы произнесли речи, призывая рабочих поддержать забастовку на линии, после чего толпа двинулась в разные стороны, а человек пятьсот на пассажирскую станцию. Здесь произошло столкновение рабочих с жандармами [2]. Рабочие, проникшие на пассажирскую платформу, увидели поезд,

---

[1] См. дело б. охр. отд. Рост. н/Д № 13/1905 г., докл. за № 867, от 2 августа 1905.

[2] Сохранилось несколько описаний этого столковения: в воспоминаниях тов. И. Гущина, тов. Иванова, в официальном жандармском докладе (дело № 13/1905 г, б. охр. отд. Рост. н/Д, докл. № 806 от 16 июля 1905 г.) в кореспонденциях современных провинциальных газет, напр. «Приазовский Край» от 16 июля 1905 г. № 170, «Донские Ведомости» от 17 июля № 150, в корреспонденции «Искры» № 107. В общем все эти описания, согласуются друг с другом. Описание забастовки на линии железной дороги также можно найти, кроме указанных газет, еще в «Приволжском Крае» № 142 от 16 июля 1905 г.; в «Каспии», № 139, от 17 июля 1905 г.; в «Царицинском Вестнике» № 157 от 22 июля 1905 г.; также в «Приазовском Крае» № 169 от 15 июля 1905 г.

подлежащий отправке на Москву; они оцепили его, ссадили машиниста, его помощника и кочегара, отцепили паровоз и предложили им примкнуть к забастовке. Тогда на рабочих бросился отряд жандармов под предводительством подполковника Иванова; рабочие встретили жандармов камнями и гайками; Иванов приказал обнажить шашки и сам первый нанес удар рабочему Василию Антипову. Шашка жандарма разрубила ему голову почти надвое, отчего Антипов, не приходя в сознание, в тот же день умер в больнице. В голову же были ранены рабочие Владислав Попеляровский, Илья Петрович Лобко, Клавдий Прокофьевич Волков, Андрей Иванович Вермель, Дмитрий Кузьмич Тимофеев [1] («Кузьмич») и еще двое рабочих, раненных легко.

Под натиском жандармов рабочие рассеялись, но с этого момента забастовка не только охватила всех мастеровых, но перекинулась и в город: забастовал завод «Аксай», типографии газет и бричечная фабрика Емельянова. Попытки поднять рабочих других предприятий не увенчались успехом (рабочие пытались остановить трамвай, ложась на рельсы, но казаки нагайками поднимали таких смельчаков). Неожиданно вспыхнула также забастовка извозчиков, которые предъявили следующие требования: 1) неприкосновенность бастующих, 2) работы до 9 часов вечера (и отмена остановки около Городского сада, самого модного места города); 3) право договариваться с пассажирами ночью за полуторную цену в Нахичевань; 4) отмена наказания за слезание с козел; 5) право получать вознаграждение за увечье на рельсах трамвая без суда; 6) вежливое обращение со стороны полиции; 7) уплата полицией за пользование извозчиками при исполнении служебных обязанностей; 8) ответственность пассажиров за оскорбление; 9) право свободно собираться для обсуждения своих нужд и 10) право иметь кассу самопомощи. Забастовал и железнодорожный телеграф [2].

Хоронили рабочего Антипова 18 июля, провожала его тело на кладбище толпа рабочих человек в двести, на могиле говорились речи (Рудольф Лазаревич Самойлович, выступивший на похоронах, был арестован).

Стачка впрочем скоро прекратилась: 20 июля начали работу мастерские, а за ними и «Аксай» и типографии.

На линии же забастовка приняла бурный характер. Там прекратилось движение еще 11 июня (на участке Беслан—Кавказская). Рабочие сожгли паровозы на ст. Тихорецкая, Кавказская, в буксы вагонов курьерского поезда, шедшего из Тифлиса в

---

[1] Работал в Москве на Электрической станции. Умер в 1922 г.

[2] См. «Искру» № 107, а также дело № 13 б. охр. отд. Рост. н/Д 819, 859, 875 и др. Сообщение «Искры» (№ 107) о забастовке фабрики Кушнарева, повидимому, неверно, так как нигде подтверждения этого факта нет.

Москву, насыпали песку, отчего загорелись оси, так что пассажиров пришлось пересадить в другой состав вагонов. Поезда, следовавшие вопреки постановлению забастовавших, рабочие останавливали градом камней; с пути снимались рельсы, шпалы сжигались, паровозы тушились, снималась путевая и станционная прислуга, а поезда направлялись на центральные станции (Владикавказ, Тихорецкая, Минеральные Воды, Беслан, Кавказская). Телеграф не работал. Вся Россия была отрезана от Кавказа, и даже сам управляющий дорогой был застигнут забастовкой и не смог выехать со ст. Каррас, сносясь с управлением дороги при помощи одного телеграфиста-штрейкбрехера.

После июльской забастовки, 7 августа, в восемь часов вечера, у дверей своей собственной квартиры был убит жандармский подполковник Иванов, так жестоко расправившийся с ростовскими рабочими в июле. Убийство произошло на виду, на улице, и тем не менее выполнители его ушли незамеченными, и жандармам так и не удалось узнать истинных участников всего этого дела (Козина-Мищенка, Ерохина, Каутского, Зрелова, Сабину, Ковалева и Бутова).

В течение августа и сентября в Ростове-на-Дону происходила усиленная мобилизация как реакционных, так и революционных сил. Местные представители самодержавной власти усиленно подготовляли и вооружали банды черносотенцев, организовали и укрепляли «Союз русского народа», а главное — вели пропаганду среди казаков и солдат.

Работа эта велась, как это теперь подтверждается, при самом ближайшем участии охранного отделения. И не даром среди ростовских обывателей евреев, армян и греков в течение всего периода времени до октября циркулировали упорные слухи о погроме: погромные речи открыто велись повсюду, погромная литература распространялась среди подонков ростовского общества — босяков, ломовых извозчиков, новопоселенских хулиганов, мещан [1].

Но и революция мобилизовала свои силы. Усиленно печаталась и распространялась литература, проводились массовки, на них выяснилась неизбежность предстоящего вооруженного выступления пролетариата. Об этом говорят воспоминания участников движения [2]. Быть может, в этой агитации слишком усиленно подчеркивалась новоискровская идея о самодеятельности масс в деле вооружения, но за всем тем было бы неправильно представлять дело так, что в Ростове-на-Дону никто ничего не делал в отношении подготовки к вооруженному восстанию. При-

---

[1] Новое поселение — предместье Ростова.

[2] См., напр., воспоминания Гущина в изд. Донского Истпарта «1905 год: в Ростове-на-Дону», Р/Д. 1926.

давая главное значение этой самодеятельности масс, следуя за «Искрой» в том смысле, что вооруженное восстание не может быть подготовлено технически, полемизируя по этому вопросу с большевиками, Донской Комитет несомненно тянул меньшевистскую линию, но зато некоторые большевики, находившиеся в Ростове, тем не менее уже давно предпринимали шаги и в области техники. Еще в октябре 1904 года член ростовской организации Ю. П. Бутягин («Макс»), получивший в Киеве надлежащую выучку по приготовлению бомб, организовал в Начихевани мастерскую, лабораторию взрывчатых веществ. Им же была организована и другая квартира (штаб боевых дружин), откуда шло руководство по обучению бомбистских десятков и боевых рабочих дружин,— инструктирование по обращению со взрывчатыми веществами, обучение метанию бомб и т. п. Самые выдающиеся руководители непосредственных боевых столкновений, руководители восстания и вышли отсюда, из ячейки,— Бутягин («Макс»), Анатолий Сабина, Васильченко, Войтенко и др.

Еще летом, до июльской забастовки организовалась уже упомянутая боевая дружина, совершившая убийство подполковника Иванова; еще в феврале организовалась самооборона, когда во время забастовки возникли слухи об еврейском погроме,— в этой самообороне числилось человек до ста; такие же дружины самообороны имелись и на Темернике и состояли по преимуществу из рабочих главных мастерских Владикавказской железной дороги; наконец, Донской Комитет производил закупку оружия, главным образом револьверов.

Все это делалось, как и везде, как и во всех организациях не только нашей партии, но и других революционных партий, достаточо беспорядочно и неумело; таких людей с опытом и знанием дела, как Бутягин, было немного; опыта массовой борьбы тоже еще не было; но за всем тем и в этом отношении массовая рабочая организация социал-демократов шла впереди социалистов-революционеров, действовавших в одиночку своим индивидуальным террором. Идея массового террора во время восстания, массовых выступлений с оружием в руках только что приобретала конкретные формы. Быть может, только Кавказ, где, по словам Цхакая на III съезде партии, уже почти все рабочее население было вооружено, в этом отношении опередил остальную Россию.

Но констатируя факт технической подготовки к восстанию в Ростове-на-Дону, необходимо подчеркнуть, что в другой области этой подготовки в Ростове не было сделано решительно ничего. В то время как в Москве, Харькове, Одессе, Севастополе, Кронштадте и в других, даже менее крупных городах, как Воронеж, велась пропаганда в войсках, в Ростове в этом отношении было сделано очень мало: не только казаки, но даже солдаты-

пехотинцы не были затронуты нашей пропагандой и агитацией. Кое-что еще делалось среди запасных. Документы сохранили следы этой пропаганды и агитации. Так, 20 августа, при посадке запасных на поезд № 37, несколько неизвестных бросили в толпу листки Донского Комитета. Эти неизвестные оказались — рабочий Ив. Фед. Кривобоков, Волков, Д. Е. Данилин и Иосиф Кошкин. Все они были избиты запасными до полусмерти. Но это были единичные попытки воздействия на солдатскую массу. Планомерной социал-демократической организации среди войск и казаков ни в Ростове, ни в Новочеркасске не было, несмотря на прочные связи ростовских революционных кругов с революционными элементами Новочеркасска. Это обстоятельство и сыграло роковую роль в дальнейших событиях в Ростове, как и везде, где только были попытки выступить с оружием в руках.

Таким образом, к октябрю Ростов-на-Дону представлял кипящий котел классовых противоречий и конфликтов.

На верху социальной лестницы стояли агенты правительства— градоначальник, трусливый и глупый барон Коцебу, охранное и жандармское отделение во главе с такими «деятелями», как Карпов и Иванов, располагающие казачьей силой, пехотой и артиллерией (в Таганроге и Новочеркасске). За ними стояли идеологи и организаторы крупной буржуазии и помещиков, верхушки черной сотни, как Севастьянов, организовавшие подонки Ростова — босяков, хулиганов, извозчиков, мещан; близки к ним были крупные промышленные тузы в роде Панченки, Пустовойтовых и т. д.

Затем шла либеральная буржуазия и мелкобуржуазные элементы,— адвокаты, врачи, инженеры, техники, которые то примыкали к социал-демократам, то ориентировались на кадетов, шли до некоторого времени с рабочими, чтобы затем окончательно и бесповоротно перейти на сторону врагов пролетариата (все эти Назаревичи, Царды, Полубояриновы, Дзевонские, Парамоновы и т. д.).

Затем шел многочисленный класс трудящихся с мелкобуржуазными, мещанскими пережитками,— приказчики, прислуга, всякого рода конторщики и техники, слой колеблющийся, нерешительный, неразвитой, запуганный. И, наконец, внизу жил пролетариат,— железнодорожные и заводские рабочие, фабричные и ремесленники,— революционный и решительный слой, горючий материал, поставленный в невыносимые условия кризисом, вечно волнующийся, вечно недовольный, класс, среди которого огромным авторитетом пользовалась социал-демократия, Донской Комитет.

А этот последний, несмотря на то, что был проникнут меньшевистским оппортунизмом, все же, бесспорно, был самой сплоченной и самой единодушной, организацией города. Социалисты-

революционеры в Ростове-на-Дону среди рабочих никогда не пользовались успехом, а кадеты пожинали лавры среди либеральной буржуазии.

Все эти классы, все эти группы, все эти слои, начиная от крупного промышленника Парамонова, желавшего вместо царской своей собственной власти и втайне в былые времена даже дававшего деньги на Донской Комитет, и кончая пролетарием-поденщиком, пришли в движение, предъявляли требования, самоопределялись, искали друзей и врагов, приходили в столкновение и готовы были при первом более значительном факте политической жизни броситься в бой.

Вот в эту разгоряченную атмосферу в начале октября пришло известие о всеобщей политической забастовке железных дорог. Железнодорожный союз, как известно, организовался на съезде десяти казенных и частных железных дорог в Москве 20—21 апреля 1905 года. Здесь было избрано Центральное Бюро Всероссийского Железнодорожного Союза, которому и было поручено приложить все усилия к тому, чтобы двинуть дело организации железнодорожников быстрее и решительнее. Попытка правительства сорвать организацию железнодорожников приглашением министра путей сообщения выбрать от каждой дороги представителей для выработки устава пенсионных касс окончилась неудачей. Центральное Бюро Союза призвало железнодорожников бойкотировать эти выборы и созвало второй съезд железнодорожников там же, в Москве, в июле. В мае состоялся съезд представителей семи польских железных дорог, которые в общем постановили присоединиться к Всероссийскому Союзу Железнодорожников.

Главным из постановлений апрельского съезда было прежде всего добиваться коренного улучшения своего положения, стремиться к осуществлению всеми доступными средствами демократического строя, — свободы слова. собраний, союзов и т. д.

Первым съездом были преподаны также некоторые организационные указания на места,— созывы местных дорожных съездов, выборы дорожных комитетов и т. п. Жизнь внесла в эти указания поправки, и многие дороги организовались в районные комитеты напр., дороги Московского узла в Московский комитет (дороги Брестская, Виндавская, Ярославская, Казанская, Курско-Нижегородская, Московско-Киево-Воронежская и Сызрано-Вяземская), дороги Варшавского узла — в Варшавский комитет и т. д.

Владикавказская железная дорога, не представленная на первом съезде, входила в Екатеринославскую группу вместе с Екатерининской железной дорогой.

Этим объединениям и поручило Центральное Бюро Союза провести подготовку второго съезда. Он состоялся в Москве

20 — 24 июля. Здесь уже были представители двадцати двух железных дорог. Заслушав доклады с мест в течение первого дня и требование польских представителей об автономии Польши на второй день, весь третий день съезд посвятил вопросу о всеобщей политической забастовке. Первые два параграфа резолюции по этому вопросу гласили: «а) съезд считает необходимым немедленно приступить к агитации за всеобщую забастовку служащих и рабочих всех железных дорог для достижения целей Союза; б) забастовка должна быть боевой...»

Подготовка к стачке шла своим чередом, а жизнь эту подготовку ускоряла гораздо решительнее, чем можно было думать.

Революционные события потрясали Россию и поднимали самые отсталые слои населения. Вслед за январскими событиями в Петербурге началось движение в провинции; февраль и апрель прошли в беспрерывных забастовках; вслед за более спокойными майскими днями начались новые, более бурные забастовки и восстания; в июне вспыхнуло восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический»; осенью началось студенческое движение, а в сентябре забастовочная волна снова охватила самые широкие слои пролетариата. В особенности большую роль сыграла забастовка московских типографий. Как раз в это время, именно 20 сентября, в Петербурге было созвано правительством совещание по пересмотру устава пенсионных касс.

Это совещание превратилось в революционный делегатский съезд представителей железных дорог, при чем председателем съезда был выбран делегат от Рязано-Уральской железной дороги, вместо назначенного правительством.

Когда же в бурной насыщенной порохом атмосфере пронесся слух об аресте делегатов этого съезда (чего в действительности не было), то начались стихийные забастовки на железных дорогах и предприятиях, и скоро забастовка, под влиянием репрессивных мер правительства и столкновений с полицией и войсками, охватила почти всю страну и стала всеобщей.

Становилась одна дорога за другой (16 октября остановилась Владикавказская железная дорога, впрочем служащие управления Владикавказской железной дороги забастовали еще 14 октября), и к 17 октября волна революционного движения поднялась так высоко, что можно было с полным правом сказать о всеобщей политической забастовке, переходящей в восстание, и о восстании, носящем форму всеобщей политической забастовки. Революционным народом был вырван у правительства манифест 17 октября. Весть о манифесте широко распространилась в Ростове 18 октября, и с этого дня Ростов превращается в арену самых напряженных революционных событий, самых ожесточенных классовых боев, кончающихся вооруженным восстанием, нисколько не уступающим по своей силе и драматичности восстанию в Москве.

Чтобы понять всю силу и красоту этого движения в декабре, необходимо несколько подробнее, чем об этом говорится в воспоминаниях участников, остановиться на октябрьских и ноябрьских днях в Ростове-на-Дону.

2. Октябрьские и ноябрьские дни в Ростове-на-Дону

Всякого рода документы (доклады властей и воспоминания) с несомненностью доказывают, что трагические события 18—21 октября 1905 года в Ростове-на-Дону были вызваны следующими причинами: 1) усиленной и планомерной подготовкой погрома полицией, охранным отделением и правой, монархической буржуазией, 2) более чем легкомысленным отношением либеральной буржуазии и 3) неподготовленностью Донского Комитета к событиям.

Подготовка черной сотни велась давно. Севостьянов, лидер черной сотни, и его помощники в течение всего лета совершенно открыто вели пропаганду погрома среди темных и несознательных элементов населения, — извозчиков, береговых рабочих, босяков и мещанских слоев; читались лекции, раздавались черносотенные брошюры и даже оружие.

Савостьянову помогали даже такие представители города, как городской голова Хмельницкий. Он помогал черной сотне организоваться, препятствуя в то же время организоваться левым элементам. Когда 18 октября оппозиционно настроенные элементы потребовали от Хмельницкого добиться немедленного удаления казаков, помогавших погромщикам, городской голова категорически от этого отказался. Тот же городской голова отказал в каком-либо содействии гражданам, пытавшимся создать организацию самообороны.

О помощи погромщикам со стороны властей говорить нечего. Сам градоначальник барон Коцебу активно участвовал в погроме. Так, во время погрома, когда какой-то казачий офицер, сохранивший совесть, приказал разогнать погромщиков, наблюдавший за погромом градоначальник барон Коцебу отменил распоряжение этого офицера. Если самый высший представитель власти, градоначальник, поступал так, то чего же можно было ожидать от низших агентов власти? Они принимали самое активное участие в погроме: городовые и пристава руководили погромщиками и казаками, сами грабили евреев и убивали их[1]. Казаки

---

[1] В «Донской Речи», единственном мало-мальски приличном органе Ростова-на-Дону, за октябрь приводится множество случаев, когда городовые и казаки сами принимали участие в погроме: забирали золото, серебро, мануфактуру и безо всякого стыда совершенно открыто несли и везли их к себе домой и в казармы.

же прямо оружием помогали черной сотне, стреляя в евреев, самооборону и рабочих.

Либеральная буржуазия ограничилась только денежной помощью и выработкой проекта городской милиции. Проект этот был подан городскому голове и пролежал у него в течение всего погрома. Конечно, организация милиции не была разрешена. Вместо того, чтобы самочинно, как это было сделано в других городах, напр., в Новороссийске, организовать городскую милицию, ростовские либералы в лучшем случае давали деньги и говорили без конца о самообороне.

Донской Комитет не сумел также создать солидной боевой организации, главным образом из рабочих, не пустил в ход хотя бы той боевой дружины, которая располагала бомбами, и, несмотря на самоотверженное поведение еврейской самообороны и рабочих мастерских, черная сотня и казаки беспрепятственно избивали народ и грабили имущество. Правда, почти все активные работники Комитета сидели в тюрьме: К. Лисицын, Орлов, П. Иванов («Боевой»), А. Гончаров, Н. Ильицкий, Г. Крамаров, С. Гурвич и др.[1], но и раньше на организацию самообороны, боевых дружин и пропаганду в войсках обращалось очень мало внимания. Даже прокламаций и листков, посвященных специально разъяснению роли черносотенной агитации, среди многочисленного агитационного материала, изданного Донским Комитетом, было очень ничтожное число.

Донской Комитет, как и большинство меньшевистских организаций в 1905 году, был не подготовлен к той вооруженной борьбе, какую пришлось вести социал-демократам почти тотчас же после январских дней.

Таким образом, в Ростове 18 октября, когда собрался многотысячный митинг у тюрьмы, было две силы: прекрасно вооруженная казачья сила и черная сотня и плохо вооруженные отряды самообороны.

Нет смысла останавливаться на подробном описании событий 18 — 21 октября, они более или менее подробно описаны многими участниками рабочего движения в Ростове-на-Дону.

Погром начался вечером, в 5 часов, нападением черной сотни на митинг у тюрьмы, по случаю издания манифеста 17 октября. Погромщиков поддержали ружейным огнем казаки. Здесь в числе других погибла тов. Рейзман. Ее изуродованное тело с древком красного флага, воткнутым в рот, долго лежало на площади (впрочем, по воспоминаниям т. Васильченка, этого не было: отец дружинника Сабины, старик Сабина, поднял изуродованную Рейзман, и она умерла у него на руках).

[1] См. книгу «1905 год в Ростове-на-Дону». Кроме этой книги, мы пользовались и рукописями участников движения, из которых дальше и делаются выдержки.

Погром быстро принял ужасные формы: черная сотня громила магазины, поджигала лавки, убивала людей на глазах казаков и солдат, грабила магазины и квартиры. К черной сотне присоединились хулиганы и даже мирные дотоле обыватели, желавшие поживиться на счет избиваемых жертв.

Когда самоотверженно вступившая в бой самооборона обращала погромщиков в бегство, на сцену выступали казаки, и свинец их ружей помогал громилам делать свое мерзкое дело. В течение трех кошмарных дней Ростов представлял дикое и фантастическое зрелище: дикая и пьяная толпа с воем и криком носилась по городу, звенели стекла, трещали двери, раздавались выстрелы и стоны, хрипели умирающие люди, и над всем этим хаосом пылало пламя пожаров и расстилался дым от горящих зданий.

Улицы были наполнены народом, который тащил все, что хотел: золотые и серебряные вещи, платье, мебель, мануфактуру и обувь.

Вот разбивают магазин. Тут же на тротуаре добивают какого-то еврея. Рядом во дворе стоит городовой, с трудом напяливающий на себя штатский костюм, какой-то обыватель тащит стенные часы, а по улице несется казак, и у него за седлом висит целый вьюк мануфактуры, за луку седла зацепилось целое полотнище шелка и тянется по мостовой, мешая ему двигаться, он ударом шашки отрезывает материю и мчится дальше.

Попытки рабочих мастерских Владикавказской железной дороги вместе с небольшой кучкой солдат отбирать награбленное окончились ничем, так как казаки бросились на них и разогнали этот отряд.

Градоначальник только спустя два дня после погрома издал следующее распоряжение: «Вследствие поступающих заявлений жителей г. Ростова-на-Дону, потерявших свое имущество во время беспорядков, прошу всех, у кого случайно находятся чужие вещи, доставить таковые в амбары Пустовойтова, на углу Богатянского пёреулка и Николаевской улицы, в дом Степаненко по Доломановскому переулку и в дом Фрумсона по Большой Садовой улице. Считаю нужным предупредить, что укрыватели награбленного имущества будут подлежать ответственности по 14 и 269 ст. ст. Уложения о наказаниях».

Здесь, в этом объявлении, особенно хороша эта фраза о «случайном» нахождении вещей у грабителей. Впрочем, градоначальник не ограничился этим издевательством над ростовцами: он посадил в тюрьму рабочих, отнимавших у грабителей награбленное.

Еще большим издевательством было следствие, устроенное властями. Его вели следователь по важнейшим делам Новочеркасской судебной палаты и два кандидата на судебные должности,

командированные прокурором палаты, которые и заставляли следователей, ведших следствие, писать в протоколах лишь то, что они находили нужным.

После погрома прежде цветущий и шумный город представлял мрачную картину: лучшие улицы — Садовая, Московская, Таганрогский проспект — хранили следы разгрома и пожаров, Покровский и Новый базары представляли груду дымящихся развалин, а многочисленные дома и магазины зияли пустотой своих окон, больницы были наполнены трупами убитых и ранеными[1].

Число жертв было очень велико. «Что же касается числа убитых и раненых, — говорится в докладе местного жандарма департаменту полиции[2],—во время антиеврейских беспорядков, то данных об этом совершенно определенных не имеется; в полиции же зарегистрировано, как прошедших по отчетности больниц, убитыми и ранеными до 200 человек, из коих 40 человек убитыми. Христиан пострадало значительно больше, чем евреев». Добавление о том, что евреев убито меньше, чем христиан, не нуждается в комментариях.

По словам того же доклада, разбито и разграблено 514 еврейских лавок, 2 паровых мельницы, 5 угольных складов и 8 частных квартир; было 25 поджогов, от которых сгорело 311 помещений.

Убытки, без сомнения, исчислялись в несколько сот тысяч рублей.

Но несомненно, что и материальные потери и число человеческих жертв сильно уменьшено, так как множество пострадавших не явилось на пункты по оказанию медицинской помощи.

Как же реагировали ростовское общество и пролетариат на октябрьские события?

Наемная пресса, в роде газеты черной бужуазии «Южный Телеграф» или «Приазовского Края», молчала, а «Донской Речи» затыкали рот цензора, и только казенно-черносотенная пресса, «Донские Областные Ведомости», продолжали свою черносотенную агитацию, обвиняя евреев же в еврейском погроме.

И только рабочие высказывали свое мнение решительно, резко и определенно. На митинге рабочих в столовой мастерских Владикавказской железной дороги вскоре была принята резолюция по поводу погрома.

Вот эта резолюция:

«Рабочий пролетариат и сочувствующие нам граждане г. Ростова-на-Дону, собравшись на свободный митинг 6 ноября в помещении Владикавказских железнодорожных мастерских, постановили:

---

[1] См., напр., «Донская Речь» от 22 октября 1905 г.

[2] См. в уже цитированном деле б. охр. отд. Рост. н/Д доклад от 31 октября 1905 г. за № 1460.

Признавая поведение членов городской думы как во время погрома 18—20 октября, так и после него недостойным того звания представителей города, которое они носят, что выразилось, между прочим, в нижеследующем: представители города отказались подписать протокол, беспристрастно излагающий причины погрома и указывающий на истинных виновников, несмотря на то, что многие из гласных и городской голова были свидетелями беззаконных и преступных действий администрации и войска; не приняли никаких мер к усмирению громил и не имели настолько гражданского мужества, чтобы организовать городскую милицию; мало того: они ходатайствовали о вызове войск, хотя отлично знали, что войска в лице казаков принимали активное участие в погроме и все время стреляли в самооборону мирных граждан, защищавших жизнь и имущество жителей города Ростова. Принимая во внимание как эти, так и целый ряд аналогичных обстоятельств, характеризующих деятельность городских выборных с самой позорной стороны пресмыкательства пред администрацией, мы постановляем:

Выразить городской думе чувство нашего глубокого негодования и искреннего презрения. Мы думаем, что гласные сами сознают свою неспособность стоять во главе города и коллективно подадут в отставку, если только в них сохранилась хоть капля чести, хоть крупица собственного достоинства. Мы требуем новых выборов в городскую думу, на новых началах, обеспечивающих возможность составить ее из людей, действительно преданных интересам граждан. В противном случае мы будем принуждены бойкотировать настоящий состав думы всеми зависящими от нас средствами. Настоящее наше постановление мы постараемся опубликовать в газетах и просим все организации, союзы, кружки и частных лиц, солидарных с нашим мнением, присоединиться к нам своими подписями.

Рабочие граждане Ростова-на-Дону» [1].

В этой резолюции, как в зеркале, отражается классовое соотношение сил в Ростове накануне восстания: хорошо организованная буржуазия, в руках которой находились все важнейшие экономические опорные пункты и которая действовала в полном союзе с правительством, бессильная либеральная буржуазия и могучий своим революционным настроением и готовностью биться до конца пролетариат.

П. Иванов говорит в своих воспоминаниях о том, что октябрьский погром бросил евреев-либералов в объятия пролетариата.

«Необходимость иной, более реальной борьбы,—говорит он,—сознали еврейские буржуазные слои. Поэтому при деятельном

---

[1] «Донская Речь» от 7 ноября 1905 г.

сочувствии и прямой денежной поддержке состоятельных классов, особенно еврейской буржуазии, организуется боевая дружина в целях самообороны от погромов. Она делилась на десятки, дружинники были вооружены револьверами, были и бомбы. Участниками дружины были члены социалистических, по преимуществу рабочих организаций».

Едва ли все это так. Бомбы были в организации и до погрома, об этом определенно говорит тов. Бутягин, была даже лаборатория взрывчатых веществ, что подтверждает и тов. Зрелов. Деньги либеральная буржуазия давала, это верно, но думается, не потому, что «сознала необходимость иной реальной борьбы», необходимость эту она сознавала уже раньше, и гораздо вернее сущность политики либералов определяет тов. Гущин, когда говорит: «В своих квартирах либералы в присутствии рабочих были до цинизма откровенны. Они говорили: «При нашем положении нам нет надобности выступать на улице с оружием в руках против самодержавия, это дело рабочих». Но власть с рабочими они разделят, потому что рабочие невежественны. И действительно во время восстания все либералы попрятались по своим квартирам».

Гораздо вернее другое замечание П. Иванова, а именно — указание на то, что «по-своему и в своих интересах» стали организовываться после октября имущие классы в конституционно-демократическую партию, но если это верно по отношению к русской буржуазии, то не менее верно и по отношению к буржуазии еврейской.

3. Совет Рабочих Депутатов Ростова и Нахичевани-на-Дону

Изучение истории Советов 1905 года только что начинается, материалов по этому вопросу собрано еще очень мало, но уже из того, что имеется в нашем распоряжении, сейчас можно сделать некоторые не подлежащие оспариванию выводы.

Материалы по истории Ростовского Совета также подтверждают эти выводы.

Прежде всего в высшей степени интересен и важен вопрос, при каких обстоятельствах возник Ростовский Совет.

Тов. Ленин так определяет существеннейшие признаки Советов 1905 года:

«Эти органы создавались исключительно р е в о л ю ц и о н н ы м и слоями населения, они создавались вне всяких законов и норм, всецело революционным путем, как продукт самобытного народного творчества, как проявление самодеятельности народа, избавившегося или избавляющегося от старых полицейских пут. Это были, наконец, именно органы в л а с т и, несмотря на всю их зачаточность, стихийность, неоформленность, расплыв-

чатость в составе и в функционировании...» Эти «... органы власти были, в зародыше, диктатурой, ибо эта власть не признавала никакой другой власти и никакого закона, никакой нормы, от кого бы то ни было исходящей. Неограниченная, внезаконная, опирающаяся на силу в самом прямом смысле слова власть — это и есть диктатура. Но сила, на которую опиралась и стремилась опереться эта новая власть, была не силой штыка, захваченного горсткой военных, не силой «участка», не силой денег, не силой каких бы то ни было прежних, установившихся учреждений. Ничего подобного. Ни оружия, ни денег, ни старых учреждений у новых органов власти не было. Их сила ничего не имела общего со старыми орудиями силы, ничего общего с «усиленной охраной», если не иметь в виду усиленной охраны народа от угнетения его полицейскими и другими органами старой власти» [1].

Итак, стало быть, Советы 1905 года были зародышами диктатуры пролетариата, революционными органами власти, созданными революционным стихийным путем всем революционным народом.

Имеются ли эти элементы в том Совете Рабочих Депутатов, который был создан в Ростове в ноябре 1905 года? Чтобы ответить на этот вопрос,, рассмотрим путь образования Ростовского Совета.

Несомненно, что еще до образования своего Совета ростовцы знали о Петербургском Совете Рабочих Депутатов. Но зная это, они не могли образовать Совета у себя до тех пор, пока народное революционное творчество, исходя из потребности создать орган, который бы являлся авторитетным в глазах всего населения, стихийно не привело к созданию Совета. Действительно, образование Совета произошло до известной степени стихийно. 6 ноября в Ростове вспыхнула забастовка на табачных фабриках. На другой день, 8 ноября, стачечный комитет назначил на 11 час. дня на углу Пушкинской и Казанского переулка собрание бастующих работниц и рабочих. Работницы и рабочие собрались как раз напротив фабрики Асмолова. Собрание протекало мирно, как вдруг появился помощник пристава Гнедин и приказал стоявшим невдалеке пьяным казакам взять рабочих в нагайки. Началось дикое избиение. Особенно пострадали женщины. Избиение произошло настолько ужасное даже для полиции, что сам полицмейстер Прокопович впоследствии подтверждал, что расправа с беззащитными женщинами ничем не была вызвана и что «Гнедин вел себя крайне нетактично по отношению ко всем рабочим вообще и в частности по отношению к находившимся среди собравшихся около фабрики женщинам и девушкам, кото-

[1] В. Ленин (В. Ульянов). Собр. соч., изд. 1-е, т. VII, стр. 121 и 122.

рых он позволял себе называть оскорбительными для женщин именами»[1].

Такая расправа вызвала даже в среде забитых и темных фабричных женщин невиданное возмущение. Поэтому, когда разбегавшихся работниц организованные товарищи позвали на митинг в Новопоселенский сад, они не только сами пошли туда, но, идя, по дороге снимали с работ и рабочих других фабрик и заводов. Эта забастовка и послужила тем исходным моментом, откуда образовался Ростовский Совет. Но предоставим слово одному из руководителей ростовского движения. Говоря об октябрьской амнистии, тов. Гурвич так описывает образование Совета: «Вскоре пришла амнистия, и мы окончательно освобождены. Последним был выпущен тов. Лысенко, сидевший по приговору Новочеркасской судебной палаты. Перед нами стал вопрос, что нам делать. Организация наша состояла из достаточного количества кружков. Связь была по всем заводам и предприятиям Ростова, но мы еще не собирали наших членов на официальные собрания. Погром прошел недавно, настроение начальства было угрожающее, и поэтому мы официально открыть собрание не решались. В это время до нас дошла весть, что в Петрограде забастовкой руководил Совет Рабочих Депутатов. Тогда перед нами встал вопрос образования Совета Рабочих Депутатов. В организации началось обсуждение этого вопроса, обсуждение медленное, мы не знали, как взяться за это дело. Мало-по-малу на тех заводах, где у нас была крупнейшая связь, стали выбирать депутатов, но дело шло медленно. В это время вспыхнула забастовка на табачных фабриках...

...Не было почти ни одной рабочей семьи, члены которой не работали бы на табачной фабрике. Это еще более подлило масла в огонь, потому что были избиты матери, сестры и дочери рабочих. Когда весть об избиении работниц распространилась, дело было сделано: то, что мы обдумывали в течение нескольких дней, то было сделано буквально в несколько часов, благодаря насилиям, употребленным казаками. Через час после избиения работницы направились в Новопоселенский сад, где часто проводились собрания забастовавших работниц. Идя туда, они снимали рабочих с ближайших предприятий. Везде, куда доносилась весть об этом, рабочие самостоятельно бросали работу.

---

[1] «Донская Речь», ноябрь.

Наши сознательные товарищи призывали к избранию депутатов. К трем часам дня результаты выборов оказались настолько значительными, что было решено вечером того же дня созвать первое заседание Советов в Нахичевани, на частной квартире. Это было постановлено в два часа дня, а в три часа ко мне явился тов. Дьяконов (Розанов) и сообщил, что мы собираемся в главных мастерских[1]».

Такой стихийности, стремительности, какая отмечена тов. Гурвичем в подчеркнутых нами словах, выдумать нельзя. Здесь все движение, все действие, здесь нет рассудочных колебаний, здесь революционная стихия бьет через край, и что в спокойное время проводится в жизнь днями и неделями, в момент революционного экстаза осуществляется часами. Этот революционный экстаз охватывает толпу мгновенно; раз дан толчок, революционное творчество бьет через край и опережает те схемы и планы, какие создаются в кабинете, в голове вождя, организации, партии[2].

Еще за несколько дней социал-демократы не знали, как со-

---

[1] На стр. 62 и 63 выше отчасти повторяются данные и приводимые здесь, и стр. 164.

[2] Чтобы читатель не усмотрел в нас поклонника стихийности и сторонника взгляда будто в революции 1905 г. большевики и наша партия не играла руководящего значения, мы подчеркиваем, что здесь, как и всюду это выражение «стихийность» мы трактуем так, как трактует его Ленин, Маркс и Энгельс. См. у Ленина о девятом январе: «Стихийный рост невиданной по своим размерам стачки далеко, далеко обгонял планомерное участие в движении организованных социал-демократов». Соч. Ленина, т. VI, 1-е изд., стр. 66, о переходе от стачки к восстанию: «Но именно декабрьское выступление в Москве показало воочию, что всеобщая стачка как самостоятельная и главная форма борьбы изжила себя, что движение с стихийной неудержимой силой вырывается из этих узких рамок и порождает высшую форму борьбы, восстание». (Соч. 1-е изд., т. VI, стр. 47 или 3—6 изд. т. X, стр. 48). Ленин не боится даже сказать что «организация отстала от роста и размаха движения». (3-е изд., т. X, стр. 48). Таких указаний у Ленина как увидим дальше много, но это нисколько не умаляет огромной организующей и руководящей роли нашей партии в революции 1905 г. Ленин, прекрасно, как и Маркс и Энгельс понимал диалектику революции. Вот что говорит по этому вопросу Энгельс: «Революция — это чисто стихийное явление, которое управляется более физическими законами, чем правилами, определяющими в обычное время развитие общества.

Или лучше сказать, эти правила во время революции приобретают более физический характер. Материальная сила необходимости выступает резче. И как только выступаешь представителем партии, так втягиваешься в этот водоворот, неудержимой естественной необходимостью. Только в том случае, если держаться независимо, являясь на деле революционнее всех прочих, можно, на некоторое время, по крайней мере, сохранить свою самостоятельность среди этого водоворота, но в конце концов, он все-таки непременно захватит. («Письма К. Маркса и Ф. Энгельса», изд. «Моск. Раб.», М. 1923 г., 2-е доп. изд., стр. 33-34, из письма Ф. Энгельса К. Марксу от 13 февр. 1851 г. № 10).

брать Совет, но происходит избиение работниц, они снимают с работы товарищей, и масса сама выбирает депутатов; еще в два часа дня руководителям представляется, что движение невелико и депутаты поместятся в частной квартире, а через час движение захватило весь город, и приходится подумать о большом собрании; еще руководители сами не знают, как подойти к массе, как раскачать ее, а уже масса сама увлекает их своим бурным революционным потоком.

Пойдем, однако, дальше за ходом событий. Вечером собирается заседание. Это еще не настоящий, оформленный Совет, но это уже не митинг. Здесь 7 ноября в столовой главных мастерских Владикавказской железной дороги собрались выборные депутаты от забастовавших фабрик и заводов и центральное бюро железнодорожников Владикавказской дороги. Председателем бюро был в то время Шведов, кадет, управленец. Масса революционных рабочих требует, чтобы Шведов был заменен представителем Донского Комитета, в лице которого рабочие уже целые годы видели выразителя своих нужд и интересов. Таким образом, председателем этого первого собрания становится революционер, член организации Розанов (впоследствии его заменяет Гурвич).

Что делает первое собрание Совета? Оно предпринимает два величайших акта: немедленно реагирует на произведенное властями избиение работниц, объявляет в знак протеста двухдневную всеобщую политическую забастовку, декретирует бойкот табачных изделий ростовских фабрикантов и конституируется как Совет Рабочих Депутатов г. Ростова и Нахичевани-на-Дону.

«Ввиду того,— говорится в постановлении Железнодорожного Союза, постановлении, продиктованном Советом,— что вы, работодатели, отказались войти в окончательные переговоры с вашими забастовавшими рабочими для возможных взаимных уступок, союз служащих и мастеровых Владикавказской железной дороги, сам добивавшийся улучшения материального положения своих членов, выражает полное сочувствие забастовавшим рабочим ваших фабрик и считает возможным притти на помощь им не только словами, но и делом.

Поэтому союз, принимая во внимание, что Общество потребителей Владикавказской железной дороги продает до 800 пудов турецкого табаку и миллиона папирос в год, изделия ваших фабрик, постановляет: прекратить покупку ваших изделий для магазина Общества потребителей, предложить служащим нашей дороги не покупать ваших изделий где бы то ни было и просить Союз Союзов бойкотировать ваши фабрики, если только вами не будут уважены требования рабочих по взаимному соглашению к 10 сего ноября»[1].

---

[1] «Донская Речь» от 8 ноября.

Союз Союзов поддержал Совет Рабочих Депутатов, еще горячее поддержали его профессиональные союзы рабочих, и скоро во всех российских газетах граждане всей России читали о бойкоте изделий ростовских табачных фабрик. Это были уже не только слова. Фабриканты вынуждены были пойти на уступки.

Эти постановления о бойкоте и о поддержке были вынесены на другой день, когда на собрании присутствовали уже депутаты от большинства ростовских предприятий и представители всех ростовских профессиональных союзов (печатников, металлистов и т. п.).

На этом же втором собрании Совета 8 ноября была принята и конституция Совета. Вот эта конституция:

«1) Совет Рабочих Депутатов объединяет всех рабочих города Ростова и Нахичевани для защиты их общих интересов и организует их общие выступления.

2) Совет Рабочих Депутатов состоит из представителей всех заводов, фабрик и ремесел.

3) Касса Совета Депутатов составляется из добровольных пожертвований. Деньги расходуются по решению Комиссии.

4) Совет Депутатов заседает в столовой мастерских Владикавказской железной дороги.

5) Все вопросы решаются большинством голосов.

6) Совет Рабочих Депутатов выбирает Исполнительную Комиссию для организации текущих дел»[1].

На заседании 9 ноября Совет принимает решение телеграммой приветствовать Петербургский Совет Депутатов и после горячих речей декретирует двухдневную политическую забастовку, с требованием удаления из города казаков, полицмейстера и градоначальника.

10 и 11 ноября жизнь Ростова и Нахичевани замерла. Граждане и полиция, на глазах которой расклеивались воззвания, читали:

«Совет Рабочих Депутатов признает необходимым, чтобы все фабричные и заводские рабочие приступили к работе только утром 11 ноября.

Забастовку продолжают рабочие и работницы табачных фабрик. Продолжать забастовку могут и те рабочие, которые начали ее до всеобщей забастовки.

Совет постановляет, по мере возможности, помогать всем, кто будет уволен за участие в забастовке».

Впечатление от этой забастовки было ошеломляющим,— все, от самого последнего полицейского чина до градоначальника, от мирного обывателя до капиталиста, почувствовали железную

---

[1] «Донская Речь» от 9 ноября 1905 г.

поступь творца жизни и склонились перед ним. Совет в Ростове стал силой и властью.

Совет выбрал Исполнительную Комиссию в составе 13 человек (Самуил Гурвич, Дьяконов (Розанов), Лисицыны Иван и Козьма, Копылов («Бур»), Кочетов, Рудакова Елена и др.), при чем и в самом Совете и в Исполнительной Комиссии руководящую роль играли социал-демократы меньшевики. Президиума в Исполнительной Комиссии не было, председатель Совета был в то же время и председателем Исполнительной Комиссии. Регулярных заседаний Исполнительной Комиссии тоже не было, протоколы заседания также не велись. Председатель Совета тов. Гурвич так объясняет это обстоятельство: «Здесь решались дела, как сейчас на волостном сходе, несмотря на то, что масса рабочих состояла из нескольких десятков тысяч человек. Такое отсутствие регулярных действий Исполнительной Комиссии, быть может, объясняется тем чувством колоссального единодушия, которое всегда царило в Совете. Это объясняется тем, что большинство деятелей Совета было тесно связано революционным братством».

Это отсутствие регулярных заседаний Исполнительной Комиссии, это отсутствие формализма на заседаниях, это единодушие, которое заменяло всякие письменные постановления и придавало силу и крепость решениям Комиссии, наконец, это слияние (персональное и иное) трех организаций — Исполнительной Комиссии, Донского Комитета РСДРП и бюро Железнодорожного Союза,— в одном органе (об этом говорит тов. Гурвич),— все это указывает именно на те черты Советов 1905 года, какие отметил тов. Ленин — революционно-стихийное возникновение Советов, революционное творчество Советов, выражение Советами воли восставших рабочих и крестьян.

Что же делал Совет? «Он занимался всем,— говорит его председатель.— Все шли сюда, особенно рабочее население, с каждой мелочью повседневной жизни и каждым крупным вопросом политического бытия. Но была и главная цель — готовиться к дальнейшей борьбе, выяснять всей массе населения и рабочим смысл происходящих событий. Это происходило на постоянно созываемых митингах, которые шли здесь каждый день. С 25 ноября заседания Совета происходили каждый день. На них намечались очередные дела, выслушивались доклады с мест о ходе и развитии движения рабочего класса и выявлялись лозунги и программы наших действий. Затем назначались митинги в театрах Асмоловском и других, куда приходил почти весь город, чтобы выслушать лозунги, последовать которым мы призывали рабочий класс. Это была громадная школа политического просвещения рабочего класса».

Эта черта Ростовского Совета тоже в высшей степени харак-

терна для Советов 1905 года. Совет с 25 ноября собирался ежедневно, его заседания носили характер митинга, но этот митинг был особенный, решения этого митинга отличались такой силой и авторитетностью, какой, несомненно, не обладало тогдашнее правительство царя.

И на составе Ростовского Совета очень ярко отражалась эта революционная стихийность его создания: число членов Совета было около 400, представлены были все предприятия и профессии, и, самое существенное, представители эти попадали в Совет решительно от всех предприятий и учреждений, как бы малы они ни были. «Тогда,— говорит тов. Гурвич,— было много мелких союзов и каждый из них имел своего представителя в Совете; так, например, были отдельно представлены две категории портных, шляпочниц, домашней прислуги и всевозможных мелких профессий».

Тогда, стало быть, выборы в Совет производились не так, как сейчас, по строго определенным правилам, а стихийно, революционным путем, при чем в Совете были представители не только от рабочих, но и от ремесленников, от мелко-буржуазных элементов, объединившихся в союзы, можно сказать смело, решительно от всех слоев, за исключением буржуазии.

Особенностью Ростовского Совета являлось еще большое количество женщин, что зависело как от того, что в Ростове на крупнейших табачных фабриках работали преимущественно женщины, а также от того, что и такие ремесла, как шляпное, портновское, давали тоже много женщин.

Ростовский Совет не имел своего печатного органа, как другие Советы (напр., Петербургский, Московский, Одесский, Новороссийский и т. п.), отчеты о его заседаниях печатались в либеральной «Донской Речи» до тех пор, пока эта газета, содержавшаяся на счет либеральной буржуазии, не стала саботировать Совета. С того момента, как «Донская Речь» отказалась напечатать разъяснение Совета по поводу выплаты хозяином мельницы Рыссом заработной платы своим рабочим бубликами, Совет не имел даже суррогатного своего органа.

Именно потому трудно детально проследить за деятельностью Ростовского Совета. Правда, рассматривая воспоминания участников, можно с уверенностью сказать одно: до восстания в декабре Совет энергично боролся за экономические требования ростовских рабочих,— поддерживал стачки отдельных предприятий и заводов, разных категорий трудящихся, устанавливал бойкот, боролся за сокращение рабочего дня и т. д. и т. п. О поддержке стачки табачников мы уже говорили. Такую же поддержку Совет оказал и почтово-телеграфным служащим. Эта забастовка сопровождалась, как известно, неслыханным цинизмом и

издевательством правительства. Главный начальник почт и телеграфов Севастьянов разослал всем начальникам почтово-телеграфных контор и отделений телеграмму, в которой рекомендовал самые гнусные меры воздействия по отношению к забастовщикам; так, он предлагал немедленно уволить всех агитаторов и лиц, имеющих влияние на контору, других подкупить, к третьим применить меры застращивания, дальше снестись с охраной и полицией, на лучай чего сделать обыски. И все это для того, чтобы при обратном приеме таким служащим отказать, как не могущим получить свидетельство о политической благонадежности.

Ростовский Совет, заклеймив подобное поведение Севастьянова, призвал всех трудящихся помочь почтово-телеграфным служащим. И этот призыв Совета горячо поддержали все рабочие и служащие. Даже служащие городской управы выражали свое сочувствие своим почтово-телеграфным товарищам.

Железнодорожники, печатники, учителя, Союз Союзов — все последовали за Советом, начались сборы в пользу бастующих, а когда ростовские власти, желая силой сломить забастовку почтово-телеграфных служащих, начали отправлять почту под конвоем казаков, то железнодорожники не пускали ее дальше ростовской станции: вагон просто отцеплялся и ставился в тупик.

Для изыскания средств на помощь безработным Исполнительная Комиссия выделила особый орган, который и занимался сборами этих средств.

Но, без сомнения, не только руководством экономической борьбой занимался Ростовский Совет. Он вел и большую политическую работу, пользуясь каждым удобным случаем, чтобы разъяснить темным, отсталым слоям смысл совершающихся событий, а с конца ноября Совет ставит перед рабочими и вопрос о вооружении, так как с каждым днем становилось ясней и ясней, что приближается момент решительной схватки с самодержавием.

В высшей степени важна и еще одна черта деятельности Ростовского Совета: его попытки связаться с другими городами и пунктами рабочего движения. В этом ему оказал большую помощь Железнодорожный Союз, т. е., в сущности, железнодорожные рабочие, члены Совета и Союза. Ростовский Совет был прекрасно связан с революционными организациями Батайска, Тихорецкой, Великокняжеской, Новороссийском, Екатеринодаром, о чем и говорят воспоминания участников движения. В частности, движение и деятельность Новороссийского совета железнодорожников были координированы с деятельностью Ростовского Совета: Зеленя, игравший большую роль в революционном движении Новороссийска, был в Ростове на съезде железнодорожников, держал связь с Ростовом и т. д.

Под влиянием ростовских событий образовался Совст Рабочих Депутатов в Сулине, на заводе Пастухова, была связь у Ростова с Донецким бассейном (напр., через Сабину).

Сравнивая деятельность Ростовского Совета с работой и деятельностью других Советов — Петербургского, Московского, Одесского, Новороссийского,— мы находим здесь и общие всем им черты и черты глубоко отличные.

Прежде всего общей чертой является стихийное революционное возникновение Совета; далее, черта, определяющая Совет, как орган новой власти, тоже общая всем Советам черта; затем авторитет и объем деятельности Ростовского Совета таковы же, как и у остальных Советов: Ростовский Совет занимается всем, по словам тов. Гурвича, т. е. все слои населения тянутся к Совету, как к действительной, новой, революционной власти [1].

Но зато есть в Ростовском Совете черты, отличающие его от других Советов. Ростовский Совет резче и ярче отражает стихийную революционность масс: заседания его Исполнительной Комиссии не регулярны, протоколов заседаний нет, заседания самого Совета скорее похожи на митинги, Совет не имеет своего органа, в то время как даже Совет Новороссийска издает свои «Известия»; в начале своей деятельности Совет менее решителен чем, например, Новороссийский Совет, разогнавший царский суд, закрывший черносотенную газету, производивший разоружение городовых; Ростовский Совет ведет более экономическую борьбу, чем политическую. Наконец, самый состав Ростовского Совета резко отличает его от других Советов: в нем очень много депутатов-женщин.

Но за всем тем Ростовский Совет есть действительно революционный орган власти, созданный массами в борьбе с самодержавием и буржуазией,— так сказать, зародыш диктатуры пролетариата и крестьянства.

4. Декабрьское вооруженное восстание в Ростове-на-Дону

Уже в октябре ростовский пролетариат понял, что дело идет к окончательной развязке, к вооруженному столкновению с самодержавием. «Рабочие знали, — говорит один из участников ростовского движения, тов. Иванов,— что предстоит большая борьба, что политические свободы берутся вооруженной силой. В силу этого перед рабочими стал вопрос о вооружении. Целый месяц работы Совета был фактически месяцем подготовки к вооруженному восстанию. И рабочие готовились: во всех фабриках и заводах готовились пики, сабли, кинжалы, делались стаканы для снарядов, формы для бомб, добывались револьверы, доставалось оружие».

[1] См. наше примечание о стихийности на стр. 166.

О такой же подготовке говорит и другой современник и участник событий, т. Иванов («Боевой»). Он говорит по этому поводу следующее: «С конца ноября, когда уже ясно было, что рабочих ждет новый бой, что провокационные действия правительства могут превратить мирную забастовку в вооруженное столкновение с войсками,— был лозунг: «Вооружайтесь».

О еще более ранней подготовке к вооруженному восстанию рассказывает и тов. Зрелов, член боевой дружины, организовавшейся еще летом. О лаборатории взрывчатых веществ и мастерской бомб говорит и тов. Бутягин («Макс»): эта лаборатория была устроена еще в октябре 1904 года, обучение дружинников велось с того времени вплоть до самого восстания; уже в октябре и ноябре были боевые дружины, которые, начиная с декабря, охраняли митинги и собрания. Таким образом, вопреки утверждениям тов. Гурвича и некоторых других меньшевиков, что ростовское восстание было, так сказать, неожиданностью, что к нему не готовились, неправильно. Да это и понятно: вся цепь предшествующих событий с фатальной неизбежностью вела к кровавой развязке, к решительному столкновению рабочих с правительством. В высшей степени правильно и вместе с тем образно выясняет этот непосредственный переход к восстанию тов. Бутягин, начальник всех боевых сил восстания. «Восстание вспыхнуло,— говорит он,— из пассивных, митингующих, таящих в себе революционную страсть, масс граждан и вылилось в активную борьбу после первых выстрелов шрапнелей по столовой на Темернике, где собрались на митинг рабочие железнодорожных мастерских, а провокационные выстрелы были даны со стороны кладбища, из Ростова».

Два элемента, стало быть, характерны для декабрьского движения в Ростове — революционное напряжение, революционное возбуждение рабочей стихии и сознательная воля руководящей партийной части рабочего класса, предвидевшей столкновение и, как только можно было, подготовлявшейся к этому столкновению. Революционное же возбуждение ростовских рабочих являлось только отражением того всеобщего возбуждения, которое охватило уже в октябре решительно весь рабочий класс России. При создавшемся положении и взаимоотношении классов к концу ноября в Ростове, как и во многих других местах России, вооруженное столкновение становилось неизбежно, и малейшего повода было достаточно, чтобы вызвать это столкновение. Развязка была ускорена арестом Петербургского Совета Рабочих Депутатов и объявленной вслед за этим всеми революционными организациями всероссийской политической забастовкой. Телеграмма Центрального Бюро Железнодорожного Союза о забастовке пришла в Ростов 8 ноября; 8 же ноября состоялось заседание Совета, где и было решено поддержать Петербург и

Москву и объявить с 10 ноября всеобщую политическую забастовку. В ночь с 8-го на 9-е, во исполнение распоряжений из министерства внутренних дел, жандармы арестовали руководителей Железнодорожного Союза — Друцкого, Шведова, Матвеева и др. Поэтому первым же требованием забастовавших рабочих явилось требование — освободить арестованных. Под давлением развертывавшегося забастовочного движения трусливый фон-Вейде, исполнявший обязананости градоначальника, дал распоряжение об освобождении. 9-го днем арестованные были освобождены. Ликованию рабочих не было пределов. Но атмосфера сгущалась, и всем становилось ясно, что дело близится к развязке. 9-го и 10-го шли повсюду по городу митинги, они охранялись дружинниками, но уже 9-го во время митинга в театре Асмолова едва-едва удалось предотвратить столкновение с полицией и войсками, расположившимися вблизи театра.

Днем 9 ноября по улицам города разъезжали военные патрули, а вблизи фабрики Асмолова продефилировала артиллерия; 10 ноября началась забастовка; город замер, остановилась Владикавказская железная дорога на всем своем протяжении. В то же время власти начали наступление,— были произведены аресты, и спешно вырабатывался план наступления на Темерник, где сосредоточились главные силы революции. Нужно было подумать и рабочему классу о принятии мер против реакции: уже ночью с 9-го на 10-е на заседании трех главнейших революционных организаций — Донского Комитета, бюро Железнодорожного Союза и Исполнительной Комиссии Совета (присутствовали и представители профессиональных союзов) — решено было арестовать градоначальника, полковника Карпова и полицмейстера Прокоповича. Реакция однако спешила: узнав о постановлении Донского Комитета и Совета, градоначальник назначает полковника Макеева главнокомандующим, который и разрабатывает план нападения, намечает пункты для установки батарей, избирает место для штаба и назначает тайное заседание городской думы в присутствии жандармского полковника Карпова.

На этом позорном заседании отцы города, трусливые буржуа, постановили обратиться к населению с воззванием, в котором объявлялось, что ни правительство, ни городская дума не объявляли о прекращении работ и что забастовщики под влиянием преступных элементов добиваются созыва какого-то учредительного собрания.

11 декабря состоялось новое заседание правителей города, где было решено применить силу и расстреливать митинги шрапнелью. Забастовка между тем была полная, так что власти не могли напечатать даже своего объявления о введении военного положения, так как то, что называли власти положением о чрезвычайной охране, фактически ничем не отличалось от военного

положения. Это и разъяснялось в объявлении Совета Рабочих Депутатов, напечатанном и расклеенном по улицам города в количестве трех тысяч экземпляров.

На другой день, 12 декабря, граждане города читали это объявление, а 13-го уже всем стало ясно, что скоро должна наступить развязка: митинги окружались военной силой, полиция провоцировала выступление рабочих, и когда все ее попытки ни к чему не привели, то власти решили начать нападение: в два часа дня раздался первый пушечный выстрел по Совету Рабочих Депутатов, который, как и всегда, заседал в столовой Владикавказской железной дороги, где как раз в это время шел многочисленный митинг. Война была объявлена, и восстание началось.

Первые снаряды попали в Шаховскую церковь и школу; затем снаряды разнесли какой-то частный дом, ударили по мастерским и, наконец, по сигналу городового Татарченко, находившегося на колокольне Темерницкой церкви, снаряд угодил прямо в столовую. Убитые и раненые, первые жертвы восстания, в том числе сестра милосердия со снесенным черепом, вопияли о мщении.

Началась героическая борьба небольшой кучки рабочих, плохо вооруженных и не подготовленных к бою, с хорошо вооруженным и озверелым врагом.

Изучим эту борьбу, останавливаясь только на самом существенном и отсылая читателя, интересующегося подробностями, к описаниям участников восстания[1]. Прежде всего необходимо отметить что оформление боевой организации происходило уже в самый момент восстания.

«Под шрапнельным огнем,— говорит командующий силами восставших тов. Бутягин,— который, как дождь, сыпал по крышам железнодорожных мастерских и вагонов, рабочие собрались в котельный цех железнодорожных мастерских и здесь дружно избрали головку штаба; начальником избран был Макс (Бутягин), помощниками его Васильченко, Анатолий Сабина и Степан Войтенко».

И власти и штаб восстания прекрасно понимали, что главнейшей задачей борьбы является захват объединенной станции железных дорог. Это был действительно ключ Темерника, где сосредоточились силы восстания, и вместе с тем ключ города, где были силы правительства. Действительно, стоит только взглянуть на план города, чтобы понять это. Станция с вокзалом помещается в котловине, в долине реки Темерник, через которую переброшен мост, соединяющий город с предместьем. Здесь, на станции, сходятся три дороги — на Воронеж на север, на северо-запад на Таганрог, Харьков и Екатеринослав и на юг на Влади-

[1] См. сб. «1905 год в Ростове-на-Дону». Р/Д 1926 г.

кавказ. Таким образом, овладеть вокзалом — это значит держать в своих руках связи с рабочим районом Донецкого бассейна, с революционным Кавказом и с рабочими восточной части Донецкого бассейна; это означает, кроме того, заграждать отовсюду доступ царским войскам. В самом деле, войска могли прибыть либо из Новочеркасска, либо из Таганрога (на Кавказ у правительства надежды были плохи,— так, оно не могло сразу овладеть даже Новороссийском: там войска в первые дни Новороссийской республики отказались бороться против народа и покинули город, да и железная дорога была в руках рабочих); но, владея путями сообщения, революционеры могли не пустить войска.

Станция расположена в котловине, и над ней господствуют три холма,— центральный, где разбросан город; Новопоселенский, отделенный от центрального генеральной балкой, закрытой каменным сводом и мостовой, и Темерницкие высоты. Стало быть, тот, кто под прикрытием сил, расположенных на высотах, владеет станцией, тот владеет и всей местностью. Первые два холма находились в руках правительственных войск, а Темерницкие высоты были в руках повстанцев. Но царские войска имели огромное преимущество: они владели артиллерией, которой не было у восставших. Как видно по плану, Макеев расположил батареи на Новопоселенском холме, господствующем над всем Темерником, в трех местах: у еврейского кладбища, на городском выгоне и на свалках в степи. Это давало ему вомож-ность обстреливать восставших перекрестным огнем и поддерживать наступление пехоты и казаков на станцию со стороны б. Садовой улицы (теперь улица Фридриха Энгельса).

Какими же силами располагали борющиеся?

В распоряжении правительства имелось: пехота — Феодосийский полк, три сотни казаков и артиллерия в количестве нескольких батарей, стало быть, более двух с половиной тысяч штыков, триста сабель и 12 орудий. В распоряжении повстанцев было не более пятисот человек, хотя правительственные документы насчитывают число бойцов до тысячи, а иногда до двух тысяч человек. Тов. Иванов («Боевой») считает численность всей дружины до четырехсот человек, а если прибавить сюда дружины, о которых говорит тов. Бутягин (со станции Тихорецкой, Кавказской и Армавира), четыреста восемьдесят человек, то получается сила максимум в восемьсот восемьдесят человек. Но к этим цифрам нужно относиться осторожно, так как в течение восстания приток бойцов был, как это видно из воспоминаний участников, весьма медленный, и можно считать цифру человек в пятьсот достоверной величиной, какой располагал революционный штаб. Между тем в распоряжении Макеева имелось не менее трех тысяч бойцов, т. е. сила, превышающая силы

революции раз в шесть. Если же прибавить, что дружинники были вооружены главным образом револьверами и берданами, а правительственные войска винтовками, имея за спиной пушки, то получается определенный вывод: огромный перевес на стороне царских войск. У рабочих около 300 ружей, из которых 180 берданок, 35 винтовок и бомбы с револьверами, а у противника около 3 000 винтовок и артиллерия; у повстанцев ограниченный запас патронов, а у противника неисчерпаемые склады оружия, снарядов и вообще боевых средств; у революционеров отсутствие налаженного аппарата, а у противника прекрасные технические средства города, приспособленные казармы, кавалерия, обилие продовольствия.

И за всем тем эта горсть рабочих в течение недели, с 13 по 21 декабря, господствовала над городом; потребовалось выпустить по Темернику несколько сот снарядов, чтобы взять те баррикады, что соорудили повстанцы.

Сознавая всю стратегическую важность обладания станцией, обе борющиеся стороны с первых же дней боевых действий и направили свои усилия на занятие ее своими силами. Но в то время как у противника техническая организация была уже готова, революционерам пришлось налаживать ее во время боев.

С 13 декабря на Темернике идет лихорадочная работа.

Всей борьбой руководил штаб, во главе которого, как сказано, стояли Бутягин, Васильченко и Сабина. Этот штаб помещался на Извольской улице (дом № 7), против Александровского спуска, господствуя над железнодорожными мастерскими. В распоряжении штаба находились мастерская бомб (угол Луговой улицы и Затемерницкого базара), интендантская часть и санитарный отряд (человек двадцать пять под руководством доктора Друцкого). Темерник был объявлен на военном положении, и с восьми часов вечера жителям воспрещалось выходить на улицу, где держали караул и надзор вооруженные патрули.

Еще 13 декабря были построены баррикады на главной артерии Темерника, по которой возможно было наступление противника: на проспекте Коцебу,— на самом проспекте, не доходя Садового переулка, на углу Церковной улицы и на площади Затемерницкого базара. Кроме того, между рекой Темерник и полотном Юго-Восточных железных дорог, у второго моста, через который тоже мог проникнуть противник, располагалась засада.

Как видно из всего вышесказанного, с запада, юга и севера Темерник был вне опасности,— с юга его защищал Дон (его низина и Владикавказская железная дорога находилась в руках рабочих), с севера тоже угроза была не велика, доколе повстанцы

владели станцией; запад — Темерницкие высоты — являлся главным оплотом восставших, а высоты на востоке — Новопоселенске — и центральная часть города были в руках Макеева.

Отсюда угрожа́ла главная опасность. Как это видно на плане, Ростов и Нахичевань огибаются двумя ветвями Юго-Восточных железных дорог — одна идет на юге по берегу Дона, другая на севере по степи, обе эти ветви соединяются на востоке за Нахичеванью и идут дальше уже одной линией к Новочеркасску. Стало быть, войска Макеева находились между восставшими Темерником и Нахичеванью, где был завод «Аксай», второй опорный пункт революции, где имелась армянская дружина «Дашнакцутюн», где помещалась фабрика бомб, где, устроив базу и откуда начав тоже наступление, можно было бы зажать врага в кольцо.

Этого сделано не было, но не по оплошности повстанцев, а как увидим ниже, по совершенно другим причинам. В начале восстания, 13 декабря, повстанцы захватили вокзал после небольшой схватки с жандармами и пехотинцами, которые частью разбежались, частью отступили в город. Борьба за вокзал этим не кончилась, безуспешные попытки его занять делались Макеевым не раз, и всегда нападавшие вынуждены были отступать с уроном, до тех пор, пока не было целиком ликвидировано восстание.

На другой день, 14 декабря, артиллерия бомбардировала Темерник, подготовляя атаку. В три часа пополудни атака началась. Казакам удалось прорваться через проход между Екатерининской и Владикавказской железными дорогами, охрана которого, уйдя на собрание, по оплошности не оставила даже патруля, и противник двинулся уже по проспекту Коцебу на баррикады. Но тут подоспела дружина, бросилась на противника, смяла его и обратила в бегство. Увлекшись преследованием, Анатолий Сабина оказался на линии обстрела и пал, как герой, сраженный казацкою пулей. «Выпавшую из его рук винтовку,— говорит тов. Иванов, описывая его смерть,— поднял его отец и сказал:— Товарищи! Не отчаивайтесь! Я умею стрелять так же метко, как и мой сын»...

В течение двух следующих дней, 15 и 16 декабря, продолжалась бомбардировка Темерника, происходили вылазки дружинников, была попытка захватить артиллерию противника, а в общем ни с той, ни с другой стороны никаких решительных шагов не делалось. Повстанцы не предпринимали решительных шагов к захвату города, а противник ограничивался артиллерийским огнем и частичными нападениями и попытками захватить станцию. Дни 17, 18 и 19 декабря стоял густой туман, и никаких боевых действий не было. На утро 20 декабря туман рассеялся, и с раннего утра начался артиллерийский обстрел Темерника.

Канонада продолжалась с семи часов утра до трех часов пополудни. По Темернику было выпущено более трехсот снарядов, улицы предместья буквально засыпались шрапнелью, но этим дело не кончилось, вслед за артиллерийской подготовкой начался ружейный огонь, длившийся до глубокой ночи.

Дружинники сначала отвечали своим метким, хотя и редким огнем, но с пяти часов вынуждены были прекратить стрельбу, так как истощился запас патронов.

Вечером на Темернике в штабе было устроено совещание. Было ясно, что без патронов, без притока подкрепления удержать Темерника было нельзя. Решили Темерник оставить и перейти в Нахичевань, чтобы, опираясь на завод «Аксай», как на базу, запастись патронами и новыми средствами и силами и начать партизанскую войну.

Ночью, в глубоком молчании вся дружина с оружием, порохом, пироксилином, динамитом и бомбами спустилась к Дону и с большими предосторожностями двинулась по берегу реки и по льду в Нахичевань.

В Нахичевани дружинники сложили свое оружие и боевые запасы в столовой завода «Аксай» и, оставив там несколько человек, разошлись по квартирам. Это и был последний день восстания: утром 21 декабря страшный взрыв и столбы дыма над заводом «Аксай» известили всех повстанцев, что их дело проиграно: повидимому, несчастный случай вызвал этот взрыв; из тринадцати дружинников, оставшихся в столовой, уцелел только один, провалившийся в подвал. Его удалось извлечь и переправить в Харьков, где он и вылечился от ранений, полученных во время взрыва.

Теперь казаки могли беспрепятственно войти в Темерник и торжествовать победу. Они это и сделали 21 декабря 1905 года. Реакция торжествовала победу.

Ростовское восстание стоило больших жертв, хотя эти жертвы были в большинстве своем и не из числа темерницких борцов.

Здесь число убитых и раненых было не особенно велико; те сотни убитых и раненых, о которых говорит официальное донесение, явились результатом зверского нападения казаков в самом городе. Каждая их неудачная попытка взять Темерник прямой атакой кончалась расстрелом мирных жителей в городе; достаточно было хотя бы случайного выстрела или небольшой вылазки дружинников, чтобы казаки и пехота начали беспорядочную стрельбу по домам и прохожим. Сам Макеев в своем официальном показании называет действия войск «кровавой расправой». Официальные документы называют число раненых не менее 600 человек и убитых до 200,— это со стороны населения города; со стороны же войск и полиции — убитых 16 чело-

век и раненых 30[1]. Но сведения эти преуменьшены как для той, так и для другой стороны; несомненно одно, что число пострадавших и со стороны войск было значительно больше.

Чем же, однако, объясняется такое большое число жертв, и почему вообще так неудачно окончилось ростовское восстание?

Если не считать причин общего характера: подавления восстания в Москве, в Донецком бассейне и в других местах, индифферентного отношения армии в лучшем случае и враждебного в худшем, то чисто местными причинами неудачи восстания были: отсутствие руководства и затем полное отстранение от восстания меньшевистского Донского Комитета, отсутствие заранее выработанного плана, отсутствие соглашения с армянской дружиной, пренебрежение к вопросу об открытии боевых действий против войск и со стороны Нахичевани, отсутствие связей с Донецким бассейном, прекращение притока сил с линии железной дороги и недостаток боевых средств. Большая ошибка заключалась еще и в том, что революционный штаб, предвидя вооруженное выступление и вступив в него, тратил массу сил на частичные вылазки, и в течение пяти дней, 15-го и 16-го и в особенности 17-го, 18-го и 19-го, когда вследствие тумана возможно было произвести нападение и на казармы и на артиллерию, не предпринимал никаких действий: революционное настроение повстанцев и рабочих падало, а силы врага крепли, и росла его уверенность в победе.

Не было заранее выработанного плана, вследствие чего не только не было прочных связей ни с Донецким бассейном, ни с Кавказом, ни с железнодорожной линией, но не было даже заранее выработано соглашение с армянской дружиной в Нахичевани. Связи эти вообще, конечно, были, рабочие железнодорожной линии пытались помощь Ростову дать и даже дали ее, как дали помощь и революционеры Кавказа. Но именно вследствие отсутствия заранее обдуманного плана невозможно было координировать восстание в Ростове с восстанием в Донецком бассейне и на Кавказе. А между тем и в Донецком бассейне и на Кавказе массы были готовы поддержать движение: в Новороссийске, как известно, все было готово, чтобы начать борьбу и оказать поддержку Ростову. Такое же настроение было и по железнодорожной линии. Это отсутствие заранее разработанного плана очень тяжело отозвалось и на продовольствии и на боевом снаряжении дружин. Донской Комитет, состоявший в большинстве своем из меньшевиков, несмотря на личное мужество и героизм его членов, в целом с меньшевистской точки зрения подходил к восстанию: восстания не проис-

---

[1] Примерно такие же цифры называет и немецкий консул в своем донесении; см. «Пролетарская революция на Дону», сб. 1-й.

ходят по плану, а потому не нужно вырабатывать план и готовиться технически, нужно вести агитацию за восстание и ждать перехода армии на сторону революции.

А между тем совершенно прав большевик тов. Бутягин, руководитель боевых действий в Ростове, утверждающий, что нужно было «захватить Ростов, Нахичевань, занявшую выжидательную позицию армянскую дружину: армяне (дашнаки) были готовы, но не было искры, стимула; мы понимали, что если мы возьмем и удержим неделю Ростов — этот ключ к Кавказу,— уже забурливший Кавказ весь вспыхнет, и неизвестно, по каким рельсам покатится революция, восстание...»

Это в высшей степени правильное соображение, несмотря на то, что мы теперь, спустя 25 лет, очень хорошо знаем, что восстание в Ростове-на-Дону, как и во всей России, было обречено на неудачу, ибо не было налицо главного условия победы — решительного сочувствия и содействия крестьянской части армии.

Соображения эти правильны потому, что даже при неудаче восстания реакция была бы тем меньше, чем длительнее, чем успешнее хотя бы в отдельных случаях было восстание, чем больший район восстание охватило. Именно потому, что уже на ущербе революции большевики попрежнему звали к борьбе, к наступлению, именно поэтому большевики и сумели сохранить боевую мощь и пыл революционной подпольной организации и быстрей кого бы то ни было оправиться от ударов реакции.

С этой точки зрения практика меньшевиков в Ростове оказала свое губительное действие.

С планом, выдвинутым штабом, Донской Комитет не согласился (начать наступление и со стороны Нахичевани). С началом вооруженного восстания «Комитет фактически «тихо скончался». Прекратили свое существование Совет и его Исполнительная Комиссия. Таким образом, никакой другой сплоченной группы руководителей, кроме штаба, не было». Так говорит тов. Бутягин.

А между тем сколько мощи, красоты и героизма проявилось в этом небольшом предместье южного города!

Разве не настоящий герой пролетариата этот ростовский пролетарий Анатолий Сабина, погибший в бою за дело рабочих? И разве не дышат доблестью каких-то легендарных титанов, поднявших бунт против самого неба, разве не дышат доблестью слова старика Сабины над трупом своего сына?

А Бутягин, этот красный генерал восстания, спокойно читающий на улице после поражения объявление царских властей,— объявление, где говорится о том, во сколько оценена его голо-

ва! Разве не напоминает он великих героев Великой французской революции и нашей невиданной борьбы после Октября? А Войтенко, убегающий от врага и разящий этого врага, настигающего его, Войтенко, предпочитающий смерть позорной сдаче? А эти дружинники, убивающие на глазах жителей, днем, жандармского полковника? Дружинники, защищающие баррикады, пытающиеся захватить артиллерию, Крамаров, бросающий бомбу в казаков и сам падающий тут же рядом с ними и истекающий кровью. Бекас, Бабкин, Соломон Рейзман, этот руководитель Железнодорожного Союза, Васильченко, один из организаторов восстания, Хаевский, бесстрашно везущий оружие на глазах у казаков, доктор Друцкий, железнодорожник Букреев, разъезжающий с агитационным поездом, весь этот удивительный Совет Рабочих Депутатов, наконец, вся масса рабочих, деятельная помощь и участие которых только и давали возможность держаться горсти дружинников целую неделю против вшестеро сильнейшего врага, этот революционный пролетарский Темерник, грозная решимость которого только и останавливала реакцию от слишком решительных ударов,— все это, все эти люди, массы, рабочие и их вожди, эти прекрасные герои удивительной эпопеи, красивейшим эпизодом которой называется вооруженное восстание в Ростове-на-Дону!

Но восстание в Ростове-на-Дону нельзя понять, если не связать его со всем тем пожаром, который охватил не только Ростов, но и Донецкий бассейн и всю линию железной дороги до Баку и Новороссийска. Ведь Ростов боролся не один: Енакиево, Юзово, Горловка, десятки пунктов Донецкого бассейна, точно так же, как Тихорецкая, Кавказская, Армавир, Новороссийск, кипели, вступали в столкновения с царским правительством и его войсками, и именно это обстоятельство делало такими нерешительными, робкими действия всех этих Макеевых, Карповых, Обуховых, Янушевских и фон-дер-Вейде. Трусливое поведение властей так прекрасно охарактеризовано тов. Ивановым («Боевым»): единицы и десятки революционеров в глазах перетрусивших слуг самодержавия превращались в сотни и тысячи.

Пылал пламенем восстания весь Донецкий бассейн и Кавказ, и Ростов-на-Дону, только как наиболее яркий факел этого пожара, своим огненным языком готов был слиться с пожаром Москвы.

При изучении воспоминаний и официальных документов, относящихся к декабрьским дням в Ростове, за всем тем бросается в глаза одна интересная черта: стремление ростовских властей провоцировать преждевременное выступление пролетариата, чтобы затем раздавить неподготовленных и безоружных рабочих. Из официальных документов это особенно ясно видно: во всех донесениях жандармов решительно все выступления пролета-

риата раздуваются, преувеличиваются, и всегда испрашивается разрешение на решительные, беспощадные действия. Поведение властей в конце ноября и начале декабря явно толкает рабочих на выступление: окружение мирных митингов войсками, аресты и обыски, наконец, варварский беспричинный обстрел Темерника — все это говорит за верность нашего утверждения. И только организованность пролетариата, вооруженный отпор, данный им, спасает и Темерник и город от потока и разграбления, погрома, который, несомненно, готовили и теперь власти.

Изучение ростовского восстания показывает, таким образом, в высшей степени важные черты революции 1905 года: и движение рабочих (точно так же, как и развитие всего революционного движения) в Ростове-на-Дону, подобно движению пролетариата во всей России, было вызвано прежде всего экономическими причинами, (политические причины ясны и бесспорны так же),— низкой заработной платой, продолжительностью рабочего дня, ужасающими условиями жизни рабочих всех категорий. Об этом свидетельствуют требования ростовских рабочих в их экономических забастовках. В этом отношении петиция петербургских рабочих и для ростовских рабочих была программой их борьбы.

Ростовское движение принимает особенно бурный, ярко политический характер только к концу лета. Ростов не откликнулся ни на январские события в Петербурге, ни на майские дни, он разделил в этом отношении участь отсталой центральной России.

Декабрьское восстание вспыхивает стихийно; социал-демократическая организация вовлекается в него тоже стихийно [1].

Вместе с тем массы, выросшие неизмеримо высоко в октябре, своим революционным творчеством создают Совет Рабочих Депутатов, как зачаточный орган власти.

Совет Рабочих Депутатов в Ростове имеет все типичные черты этого вида организации: это организация, созданная в момент революционного подъема, организация, созданная массами, организация, стремящаяся стать властью, и потому она неизбежно приходит к вооруженной борьбе с самодержавием — восстанию.

Восстание не было подготовлено меньшевистской социал-демократической организацией [2].

Рабочие массы, хотя и побежденные, вышли из вооруженного

[1] Ленин выражается по этому вопросу ясно и резко: «... Движение с стихийной неудержимой силой вырывается из этих узких рамок»... «Организации отстали от роста и размаха движения». (См. «Уроки Моск. восст.» изд. 1-е, т. VI, стр. 47).

[2] Даже о Москве, а не только о Ростове, Ленин выражается так: «Через голову организаций массовая пролетарская борьба перешла от стачки к восстанию». См. соч., 1-е изд., т. VI, стр. 48.

восстания неизмеримо более сознательными и подготовленными к борьбе. В этом смысле вооруженное восстание 1905 года являлось только подготовительной ступенью к революции 1917 года, ее прологом.

Но если то обстоятельство, что ростовский пролетариат развил интенсивное движение только к середине 1905 года, объясняется общими условиями русского рабочего движения, то факт преобладания стихийности во время октябрьских и особенно декабрьских дней объясняется, кроме того, и течением партийной мысли в Ростове-на-Дону [1].

Этот город в 1905 году был типичным меньшевистским центром. Об этом говорят самые неопровержимые документы. Переписка агентов меньшевистского центра, находившихся в Ростове, с «Искрой» и Мартовым, является тому неопровержимым доказательством [2]. Об этом говорит тов. Крамаров (в своих воспоминаниях о типографии Комитета): попытки большевиков отколоться и образовать свою группу ни к чему не привели, и в Комитете, в «объединенном» Комитете, как его называют некоторые авторы мемуаров, господствовали меньшевики, несмотря на то, что много рабочих, игравших очень активную роль в движении, были ярко выраженными большевиками. После только что сказанного вполне естественной представляется та резолюция Донского Комитета, которую этот последний вынес по поводу созыва третьего съезда. Вот эта резолюция:

«Принимая во внимание:

1) Что, по уставу партии, съезд может быть созван лишь советом партии по требованию больше чем половины правоспособных организаций.

2) Что «Бюро комитетов б-ва», по уставу партии, таким образом не является учреждением, имеющим право созывать партийный съезд.

3) Что «Бюро» получило полномочия на созыв съезда лишь от 10 правоспособных организаций из 33.

4) Что некоторые из организаций, давших вышеупомянутому «Бюро» полномочия, не представляют там большинства партийных работников на местах их деятельности, ясно выразивших свое недоверие и несогласие с тактикой, проводимой «Бюро».

5) Что, таким образом, «Бюро» имеет полномочия от незначительной группы членов партии, вдобавок своей тактикой систематически разрывающих связи с пролетарской массой.

---

[1] Еще резче см. в том же томе и в той же ст. ниже, где Ленин говорит что масса обгоняла своих руководителей.

[2] См. в архиве ЦК ДКП (Истпарт) переписку новой «Искры» с Ростовом.

6) Что съезд проектируется с единственной целью расколоть партию,—

Мы считаем съезд, созываемый «Бюро», непартийным и, как таковому, высказываем ему полнос недоверие.

Что же касается созыва 3-го съезда, то, принимая во внимание:

1) Что съезд отвлек бы массу сил в момент, когда концентрация партийных сил для предстоящей решительной битвы с самодержавием необходима больше, чем когда бы то ни было.

2) Что единство партии, т. е. всех ее действительных работников, отчасти создалось уже и создается в процессе положительной работы, в силу тех великих задач, которые выпали на долю Российской СДРП и перед которыми бледнеют незначительные разногласия членов ее,—

Мы считаем созыв 3-го съезда в данный момент нежелательным.

Вместе с тем считаем полезным созыв в процессе положительной тактики частных и общих конференций по вопросам партийной тактики (вооруженное восстание, отношение к либералам и демократии, выработка общего плана действий и т. п.).

Мы высказываем полное доверие Центр. Учр. партии и приглашаем всех тт. сплотиться вокруг них во имя положительной работы.»

Да здравствует единая РСДРП!

PS. Перед принятием этой резолюции все тт., весь состав Комитета и все собрание районных организаторов, общее число — 22 человека, ознакомились, между прочим, и с тем письмом ЦК, в котором он высказывает соображения за созыв 3-го съезда; не соглашаясь с этими соображениями и вотируя затем доверие ЦУ, тт. имели в виду, что ЦК разовьет еще в будущем свою положительную работу, и полагали, что именно для этого необходимо сплочение вокруг него всех действительных работников партии.

Однако, занятая теперь ЦК позиция в вопросе о созыве съезда, по глубокому убеждению Донского Комитета, может лишь ослабить доверие на местах к тому практическому центру, который — в силу времени и несомненно преходящих условий — может столь поспешно менять позицию в вопросе столь большой важности.

20 марта 1905 г. Донской Комитет».

Будучи меньшевиками, ростовские работники, социал-демократы по-меньшевистски смотрели и на подготовку к вооруженному восстанию.

Как мы уже показали выше,— и свидетельства участников ро-

стовского движения доказывают это,— серьезной подготовки к восстанию не было.

И однако... пролетариат, как только дело дошло до борьбы, проявил так много героизма, энтузиазма, преданности рабочему делу и той революционной страсти, какие только и делают пролетариат даже при поражениях непобедимым.

Наконец, еще один вывод сам собою напрашивается из изучения декабрьского восстания в Ростове-на-Дону.

Ростовское движение в октябре и декабре самыми крепкими нитями связано с движением не только близлежащих мест, но и с самыми отдаленными пунктами Юго-Восточной области,— Кавказской, Тихорецкой, Екатеринодаром, Новороссийском, Грозным и всем Кавказом.

Таким образом, декабрьское восстание в Ростове-на-Дону в 1905 году, эта в высокой степени красочная и драматическая страница в истории первой русской революции, есть только необходимый и неизбежный результат общих причин рабочего революционного движения в России: местные условия не могли свернуть это местное движение с общероссийского пути и придали ему только местный колорит, впрочем еще резче оттеняющий зависимость этой местной струи от общего могучего потока движения.

VIII. ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ В 1905 ГОДУ

1. Отношение революционных партий к грядущему восстанию

На II съезде партии в 1903 году вопрос о вооруженном восстании не обсуждался. Никто из делегатов и не помышлял о том, что этот вопрос станет в порядке дня ближайшего будущего. В программе партии, правда, очень определенно говорилось, что «полное, последовательное и прочное осуществление указанных политических и социальных преобразований достижимо лишь путем низвержения самодержавия и созыва учредительного собрания, свободно избранного всем народом», но, конечно, не только в программе, а даже в резолюциях ничего не говорилось о непосредственной подготовке к вооруженной борьбе. Только в резолюции о демонстрациях, внесенной на съезд Мартовым, говорилось о том, что демонстрации являются «лучшим средством систематической дезорганизации правительственного механизма, что постепенно, разрастаясь, эти демонстрации должны привести и частью уже приводят к ряду вооруженных столкновений народа с правительственной властью, подготовляя тем самым народные массы к всероссийскому восстанию против существующего строя». Едва ли однако Мартов вкладывал в эту резолюцию какой-либо иной смысл, кроме того, что такие демонстрации имеют огромное агитационное значение. Связать демонстрацию с подготовкой вооруженной борьбы во время восстания Мартов, конечно, был обязан. Он это и сделал, указав, что во время демонстрации, в случае необходимости, рабочие должны были давать «по возможности вооруженный отпор полицейским ордам». Но не в вооруженном отпоре Мартов видел главное значение демонстрации; наоборот, на замечание Кострова (Ноя Жордания, будущего лидера кавказских меньшевиков), указавшего, что момент вооруженного сопротивления подчеркнут слабо, Мартов как раз и упирал на то, что не в вооруженном сопротивлении сила.

Верно то, что в момент принятия этой резолюции, т. е. в первой половине 1903 года, нечего было и мечтать о немедленном вооруженном выступлении, но характерно и то, что вопрос о

вооруженной борьбе Мартов, лидер будущих меньшевиков, считал неважным, второстепенным. Для него был гораздо более важен другой момент — психологическое влияние демонстрации на остальную массу пролетариата. Вооруженная борьба отодвигалась куда-то вдаль, ей просто не придавалось значения.

Эта точка зрения особенно ярко выразилась во время банкетной кампании либералов осенью 1904 года, когда «Искра» выступила с планом поддержки либерального движения рабочими, затушевывая самостоятельные активные выступления пролетариата. Даже в момент быстро надвигавшегося кризиса меньшевики как-то проходили мимо вопроса о практической подготовке к восстанию.

Между тем кризис приближался гигантскими шагами. Большевики отдавали себе в этом отчет и, понимая положение, усиленно подчеркивали близость революции и борьбы пролетарских масс с оружием в руках. В конце декабря 1904 года в передовой статье газеты «Вперед», недели за две до январских событий в Петербурге, подчеркивалась неизбежность восстания в ближайшем будущем.

Январские дни в Петербурге, а затем особенно на окраинах, сразу поставили вопрос о вооруженном восстании на практическую почву, и притом так остро, что только слепые не видели, насколько практическое разрешение стало жгучим и неотложным.

Но вместе с тем приходилось констатировать неподготовленность партии и рабочих масс: решительности было сколько угодно, готовность к борьбе была огромная, смелости и мужества — бездна, а уменья взяться за оружие, достать его, употребить в дело — совершенно не было. Это было ясно в Петербурге, когда рабочие под руководством революционера-студента бросились грабить оружейную мастерскую и нашли в ней только старые ятаганы; это было видно и во время постройки баррикад на Васильевском Острове [1], это же еще ярче проявилось в Донецком бассейне, где по рабочим стреляли, как по живой цели; это наблюдалось и в других местах, например в Риге. Только в Польше, особенно в Варшаве и Домбровском бассейне, да на Кавказе рабочий обнаружил и большее уменье и большую подготовку, чем в остальной России. В Польше и среди еврейских организаций еще до январских дней существовали боевые отряды самообороны и просто группы вооруженных рабочих, которые и пытались дать отпор обнаглевшей военщине. На Кавказе, особенно в Грузии, январская забастовка сопровождалась такими фактами и приемами борьбы, которые показывали, на что способен восставший пролетариат: рабочие останавливали воинские поезда, раз-

---

[1] См. В. Невский. «Рабочее движение в январские дни 1905 г.», изд. О-ва политкаторжан, М. 1931, стр. 117.

бирали пути, уводили всех служащих станций и вступали в перестрелку с солдатами[1].

Намечалось еще одно могущественное средство, которое в руках умелой и опытной организации могло превратиться в несокрушимое оружие,— всеобщая забастовка железных дорог. Уже забастовка железных дорог в Польше в январе 1905 года внесла полнейшую дезорганизацию в правительственный механизм этой провинции,— войска просто не могли свободно маневрировать и достигать поставленных им целей, а забастовка только одной Рязано-Уральской железной дороги в центре России совершенно парализовала власти в Саратове[2].

Наконец, уже в январе, в разгар забастовки, кое-где стали появляться зародыши совершенно новых невиданных дотоле организаций, из которых впоследствии возникли Советы, причем эти же организации послужили зародышами боевых комитетов, которые выдвигали идею о создании вооруженных групп и дружин. В Екатеринославе подобная организация даже получила специфическое название боевого комитета. Особенно большую роль сыграли организовавшиеся железнодорожные комитеты. Такие комитеты были созданы вскоре после январских дней на многих железных дорогах (дороги Польши, Рязано-Уральская железная дорога).

Как же оценили это могучее стихийное движение действовавшие тогда в России революционные партии?

В. И. Ленин в статье «Начало революции в России», напечатанной в № 4 «Вперед» от 18 января 1905 года, писал: «Немедленное вооружение рабочих и всех граждан вообще, подготовка и организация революционных сил для уничтожения правительственных властей и учреждений — вот та практическая основа, на которой могут и должны соединиться для бьющего удара все и всякие революционеры»[3].

Меньшевики посмотрели на дело иначе. В статье «Девятое января», опубликованной в № 85 «Искры» от 27 января 1905 года, обсуждая вопрос о технической подготовке восстания, автор статьи писал: «...В качестве наиболее организованной и сознательной политической силы мы, конечно, не можем игнорировать и технических задач. Но как они ни важны, не в них центр тяжести нашей работы по подготовке масс к восстанию. Как и все революционеры, мы должны заботиться о вооружении идущих

---

[1] См. В. Невский, статьи в «Красной Летописи» за 1922 и 1923 гг., в «Пролетарской Революции» за 1924 и 1925 гг. и в книге: «Рабочее движение в январские дни 1905 г.»

[2] См. В. Невский, статьи в «Красной Летописи» № 2-3 и 4 за 1922 и 1923 гг. и в «Пролетарской Революции» №№ 3 и 5 за 1924 и 1925 гг. и в выше названной книге.

[3] См. в книге «Рабочее движение в январские дни 1905 г.».

к восстанию масс, но не должны забывать, что подпольные организации могут сделать в этом отношении очень немного, и все их старания не будут иметь никакого значения, если они не сумеют вооружить народ одним незаменимым оружием — жгучей потребностью напасть на самодержавие и вооружиться для этого. Вот куда мы должны направить свои усилия — на пропаганду в массах самовооружения для целей восстания»[1].

Нет смысла распространяться здесь о различии этих двух линий; различие было так глубоко, что Ленин был действительно в праве назвать меньшевиков «революционными тряпичниками, болтающими об организации процесса».

Иначе, чем меньшевики, отнеслись к делу социалисты-революционеры. В № 58 «Революционной России» они подняли вопрос о боевом соглашении с социал-демократами. Ленин отвечал им в № 7 «Вперед» (от 8 февраля 1905 года). Он ясно и определенно намечал пункты этого соглашения и, подчеркивая революционную непримиримость социал-демократов, предлагал социалистам-революционерам поскорее отказаться от тактики индивидуальных террористических выступлений, намечая ближайшие цели, которые могли бы объединить все пролетарские демократические организации. Эти цели: свержение самодержавия, временное революционное правительство, немедленная амнистия борцам за политическую и религиозную свободу, конечно также за свободу стачек и т. д., немедленное вооружение народа и немедленный созыв всероссийского учредительного собрания.

Третий съезд партии в апреле 1905 года в резолюции о вооруженном восстании, учитывая революционную готовность пролетариата к борьбе и неизбежность восстания, высказался в том смысле, что только тогда это восстание приведет к победе, когда во главе борющегося пролетариата будет стоять единая сплоченная социал-демократическая партия, и что три практические задачи в данный момент стоят перед партией: выяснять пролетариату не только политическое значение, но и практически-организационную сторону восстания, выяснять значение массовых стачек, могущих играть большую роль в ходе восстания, и принять самые энергичные меры к вооружению рабочих.

Эта линия, намеченная III съездом, была единственно правильной, так как могучее стихийное движение рабочих и крестьянских масс грозило затопить в своем потоке не только врагов революции, но и растерявшихся революционеров.

---

[1] «Искра» 1905 г., № 85. Подчеркнуто в подлиннике.

2. Весенние и летние события 1905 года и тактика большевиков и меньшевиков в это время

Забастовки не только не прекращались, а, как раз наоборот, захватывали все более и более отсталые массы: текстильщиков, строительных рабочих, ремесленников, кустарей и даже самые отсталые отрасли женского труда.

Волновались крестьяне. Усиливалось брожение в войсках, и чем тяжелее были поражения нашей армии в Манчжурии, тем все больше охватывали солдат недовольство и дух возмущения.

О том, какой широкий размах приняло движение весной, можно судить по следующим фактам.

Как бы продолжая январское движение, которое, как это нами показано в специальной работе [1], в некоторых местах продолжалось до марта и апреля, партийные революционные организации призывали рабочих к празднованию дня 1 мая.

И в подходе к этому событию, как и ко всем явлениям революции, большевики и меньшевики дали различные установки. Исходили обе фракции русской социал-демократии как будто бы из одного и того же принципа,— не призывать к немедленному вооруженному восстанию, ограничившись, как общее правило, политической забастовкой и демонстрациями. Однако меньшевики официально заняли неопределенную позицию, не дав определенного ответа на вопрос,— вооруженную демонстрацию они рекомендуют или нет.

Как раз в № 97, от 18 апреля, в статье «В ожидании первого мая» не давалось никаких определенных указаний, и сам автор гадательно задавал риторический вопрос: «... Что-то будет? Отложит ли наш пролетариат свои демонстрации до первого мая старого стиля или теперь же выйдет на улицу? И ограничится ли он одними демонстрациями или, доведенный до крайности бесчисленными и нестерпимыми мучениями только что пережитой зимы, он вступит с царским правительством в тот решительный бой, которого ему не миновать в борьбе за политическую свободу, но к которой он, к сожалению, еще не достаточно подготовлен? Вот вопросы, которых нельзя не признать теперь важнейшими вопросами нашей внутренней жизни».

Большевистский Петербургский Комитет, в полном согласии с общими директивами центра, призывая рабочих к празднованию 1 мая, указывал определенную, ясную тактику:

«...Первое мая не может быть, конечно, днем всеобщего вооруженного восстания... выйти первого мая на улицу безоружным было бы безумно... выйти вооруженно — преждевременно. Но у нас есть способ ознаменовать международный праздник

---

[1] «Рабочее движение в январские дни 1905 г.».

пролетариата, объявить первого мая всеобщую забастовку». Впрочем, в листке Бюро комитетов большинства указывалось, что там, где местный комитет найдет возможным призвать рабочих к оружию, там, очевидно, возможна и вооруженная демонстрация.

Следует все же отметить, что хотя в прокламации высказывалось только общее положение, призыв к оружию был довольно определенный: «... останавливайте фабрики и заводы первого мая или беритесь за оружие сообразно с Советом комитетов Российской Социал-Демократической Рабочей Партии».

Меньшевики в № 100 «Искры» оправдывали тактику своей Петербургской группы, которая, призывая рабочих к празднованию, категорически писала: «Лучшим видом майского выступления мы считаем у нас демонстрацию с вооруженным отпором ввиду русских условий».

«Бунд» призывал своих рабочих к забастовкам.

Таким образом, среди явной неопределенности и разноголосицы в директивах различных частей социал-демократии в России, тактика большевиков была более гибкой, чем то, что рекомендовали меньшевики и бундовцы,— одни вооруженную демонстрацию, другие — только забастовку[1].

Вследствие такого отсутствия единства действий революционных организаций получилась довольно пестрая картина майских выступлений. Все же стихийное движение рабочих масс было настолько велико, что день 1 мая превратился в общем в грандиозную демонстрацию против самодержавия. Теперь, спустя четверть века, мы видим, насколько велико было это движение и насколько недооценивали его некоторые современники.

Хотя не по всей России празднование произошло в один день,— большая часть страны праздновала в день нового стиля, меньшая в день старого,— однако рабочие бастовали и демонстрировали в 177 городах и местечках, причем 18 апреля по старому стилю произошли забастовки в 85 пунктах, кроме того в 35 из них произошли и демонстрации; 1 мая по старому стилю рабочие бастовали в 57 пунктах, причем почти во всех этих местах происходили и демонстрации. В общей же сложности пролетариат выступил в 142 городах и местечках, если же причислить сюда и повторные выступления, то в два дня, 18 ап-

---

[1] Вл. Махновец-Акимов, в работе «Первое мая в России», со своей ликвидаторской точки зрения оправдывал меньшевиков и осуждал большевиков, полагая, что большевики неправильно учитывали момент, когда призывали рабочих к оружию. Мы видели, что большевики, призывая к оружию, говорили: беритесь за оружие там, где разрешит это комитет, т. е. там, где есть оружие и где рабочие готовы к борьбе («Былое» 1906 г. № 12).

реля и 1 мая старого стиля, было всего выступлений в 177 пунктах страны[1].

Вот в каких наиболее крупных городах и местечках были забастовки и демонстрации (города, где была забастовка дважды, 18 апреля и 1 мая, отмечены цифрой 2, а где была и демонстрация — крестиком): Августов, Армавир, Баку, Белая Церковь, Белосток, Бердичев, Бобруйск +, Борисов +, Быхов, Бяла, Варшава +, Венгров, Вильно +, Вилькомир +, Витебск, Волковыск +, Вычитинце+ , Двинск (2), Дрибен, Екатеринодар (2), Елисаветград, Екатеринослав (2)+, Житомир, Златополь, Игумен +, Казань (2) +, Калиш +, Калушин +, Кальвария +, Креславка +, Квирилы, Кейданы, Кишинев, Ковно +, Корма +, Кострома (2) +, Кутаис, Лида, Лодзь +, Ломжа, Либава +, Лошица, Лубны +, Луны, Люцин +, Ляды, Макаров +, Мариамполь +, Межиречье +, Мелитополь, Минск +, Митава +, Могилев, Мозырь +, Москва, Морды, Невель, Нижний +, Николаев +, Новороссийск (2) +, Одесса (2), Оргеев, Орша +, Паричи, Петербург, Пинск (2) +, Прилуки, Плоцк +, Полоцк, Поневеж, Пропойск, Почеп, Ревель (2) +, Рига (2) +, Рогачев +, Ровно, Романов, Ростов-на-Дону (2) +, Самара (2) +, Саратов (2) +, Свенцяны, Седлец +, Сенное, Сквиры, Слоним, Соколов, Стародуб, Тверь (2) +, Толочин, Тифлис, Унеча, Уфа +, Харьков (2) +, Хони, Чериков, Черкасы +, Чианизры, Чудново, Шидов +, Шаров, Шаропань, Шклов +, Щедрин, Яновичи + и Ярославль +.

Как видно из этого перечня, не осталось ни одного сколько-нибудь крупного города, где бы пролетарии так или иначе не ответили на призывы своих организаций, а ведь в этом перечне не названо множество фабрик и заводов в таких губерниях, как Тверская, Ярославская, где так или иначе рабочие праздновали 1 мая, или местечки Прибалтийского края, где батраки бастовали так же, как рабочие.

При подсчете и этих пунктов, число рабочих выступлений перевалит за две сотни. Не учтены здесь, разумеется, и те города, где празднование выразилось только в собраниях или митингах и где забастовка была не всеобщей.

При рассмотрении картины забастовки на карте бросается в глаза, что, как и в январские дни, впереди идут Польша, Запад-

[1] Вл. Махновец-Акимов в уже цитированной статье дает значительно меньшую цифру—115 пунктов (83 в Западном крае и Польше и 32 в остальной России). Более точная цифра дается в обзоре в «Пролетарской Революции» № 3 (38) за 1925 г. Нами сделан подсчет по Историко-революционному архиву, 4 д. № 4 ч. 75, и проверен по революционной и легальной прессе 1905 г.: «Последним Известиям», «Пролетарию», «Революционной России», «Освобождению», «Красной Летописи», «Правде» и истпартовским изданиям, а также легальным русским газетам. Из польских газет мы использовали «Cherwony Standart» и «Z pola Walk».

ный край, Прибалтика и Юг: здесь почти везде вместе с забастовками происходили демонстрации, а в некоторых местах, как, напр., в Варшаве, Риге и Ревеле, и вооруженные столкновения с войсками. Центр России значительно отставал от окраин и теперь. Только в Самаре произошло столкновение с войсками, в остальных местах происходило просто зверское избиение демонстрантов, как, напр., в Петербурге.

Урал и в мае почти безмолвствовал, а далекая Сибирь и в эти дни, вообще говоря, не раскачалась.

Движение более квалифицированных слоев рабочих по мере своего развития захватывало самые темные и отсталые их группы; весной, в апреле и мае, бастовали булочники, портные, пекаря, заготовщики, трамвайщики, щетинщики, переплетчики, типографы, парикмахеры. Весной же в движение вступили и служащие, приказчики, отсталые и наиболее забитые представители ремесла, как белошвейки и портнихи, а также прислуга (всеобщая забастовка в Баку 7—24 апреля). Затем двинулись грузчики, береговые рабочие, строители и, наконец, крестьяне, работавшие по нагрузке и разгрузке товаров.

Летом, в июне, июле и августе, это движение продолжалось, в борьбу вступали самые забитые и отсталые элементы — кожевники, портовые рабочие, кирпичники, шахтеры и, наконец, сельскохозяйственные рабочие.

Бастовали даже солдаты (гарнизон в Усть-Двинске 30 (17) апреля) и городовые.

Не осталось почти ни одной отрасли труда, труженики которой так или иначе не заявляли бы о своих требованиях и нуждах.

В то же время политическая борьба наиболее развитых и сознательных слоев пролетариата вступала на более высшие ступени развития.

Анализ этого движения приводит к важным и значительным выводам, подтверждающим в общем те заключения, какие дает и изучение январского движения.

Ленин в своей известной статье «О статистике стачек в России» отмечает, что в авангарде движения в 1905 году стояли металлисты, что текстильщики вступают в движение значительно позже авангарда, что «наименее промышленные, наиболее захолустные губернии» отстают еще более; есть такие губернии, до которых «волна не успела докатиться в 1905 году, они начали втягиваться в движение лишь после годовой, невиданной в мире, борьбы более передовых рабочих», и что зависимость политической и экономической стачки есть, «с другой стороны, то, что в начале движения и при втягивании новых слоев в движение чисто экономическая стачка играет преобладающую роль, а, с другой стороны, политическая стачка будит и шевелит отсталых, обобщает и расширяет движение».

Мы видели, что детальное изучение январского движения подтверждает эти заключения Ленина. Но, как видно из только что рассмотренных фактов, и движение следующих месяцев вполне подтверждает эти взгляды.

Ленин отмечает, что вслед за подъемом движения в январе далее наступило его ослабление: действительно, движение, как мы видели, захватывает более отсталые элементы, авангард дал им толчок, и они, развивая движение и в ширь и в глубь, вместе с тем не могут дать стойкости, сознательности и энергии, ка́кие дает авангард.

Впрочем, и весной мы имеем свой подъем,— это майское движение. Ленин, рассматривая стачки первой четверти 1905 года, замечает по этому поводу: «По данным о четвертях года выходит, что был один подъем. На деле их было два: в январе — 440 000 стачечников и в мае — 220 000. В промежутке минимум приходится на март» [1].

Действительно, мы видели, что майская забастовка после уменьшения движения захватила снова и огромное количество рабочих и большинство мест России.

По четвертям года, как это видно по вычислениям Ленина, стачки распределялись по числу бастовавших в 1905 году так:

Четверти года	I	II	III	IV
	В тысячах			
Всего	810	481	294	1277
В том числе:				
экономических	604	239	165	430
политических	206	242	129	847

Во вторую четверть мы имеем всего 481 тыс. стачечников и большая половина из них (220 тыс.) приходится на майскую забастовку, а так как всего в политических стачках второй четверти участвовало 242 тыс. человек, то ясно, что эти политические стачки падают главным образом на майские дни (220 тыс. из 242 тыс.).

Вторая и третья четверти по сравнению с первой дают понижение волны (всего 481 тыс. и 294 тыс.), но, будучи по числу бойцов менее значительными, оба эти периода, и особенно летний, дают и нечто новое: в некоторых отношениях движение достигает высших ступеней, чем в январе.

---

[1] См. «Рабочее движение в эпоху первой русской революции», изд. «Новая Москва», 1923.

В самом деле, если обратиться к рассмотрению демонстраций и вооруженных столкновений, начиная с апреля, т. е. начиная со второй четверти, то окажется, что демонстрация и вооруженный отпор рабочих войскам,— иными словами, организованная форма борьбы под руководством и по директивам партийного комитета,— развиваются в высшей степени закономерно.

Рассмотрим сначала демонстрации.

Начиная с апреля по конец сентября их было всего 137 [1].

По месяцам демонстрации распределяются так: в апреле их было 8, в мае 26, в июне 42, в июле 41, в августе 16 и в сентябре 4. Распределение демонстраций по окраинам дает такую картину: в Западном крае было 62 демонстрации, в Польше 21, в Прибалтике 12, на Юге 29, в центральной России 14, на Урале 3 и в Сибири 2.

Распределение по времени (как и вся картина) нагляднее представляется таблицей:

Месяцы	Районы							
	Всего	Западный край	Польша	Прибалтика	Юг	Центральная Россия	Урал	Сибирь
Апрель	8	4	—	—	2	2	—	—
Май	26	12	2	1	2	7	2	—
Июнь	42	13	13	2	12	1	1	—
Июль	41	23	2	8	5	3	—	—
Август	16	9	4	—	—	1	—	2
Сентябрь	4	1	—	1	2	—	—	—
Итого . . .	137	62	21	12	23	14	3	2

Как видно из этой таблицы, впереди всех Западный край, Юг и Польша, а Прибалтика и Центр значительно отстают от этих местностей наиболее интенсивного политического движения, Урал же плетется в хвосте. Что же касается Сибири, то она опаздывает и по количеству и по времени. Прибавление майских демонстраций (в день 1 мая) общего характера картины не меняет, а еще более усиливает значение Западного края и Польши.

[1] Само собой разумеется, что число это, полученное нами по делу IV делопр. № 4 Ист.-рев. арх. за 1905 г. и по сведениям, почерпнутым из легальной и нелегальной прессы, далеко ниже действительного. В этот подсчет не вошли и такие события, как борьба в Лодзи летом, сентябрьские события в Москве.

Как видно из таблицы, максимум движения падает на июнь и июль: демонстрации, вызванные всякого рода политическими событиями (в Польше и Западном крае репрессиями правительства в Варшаве и Лодзи в мае), как высшая ступень движения — это уже не просто пассивная забастовка,— достигши максимума летом, к осени ослабевают, исчерпав себя. Пролетариат инстинктивно ищет других форм борьбы.

Что же это за новая форма борьбы? Это попытки вооруженного отпора рабочих войскам, что видно из следующей таблицы:

Месяцы	Районы							
	Всего	Западный край	Польша	Прибалтика	Юг	Центральная Россия	Урал	Сибирь
Апрель	4	—	2	1	1	—	—	—
Май	7	—	3	1	3	—	—	—
Июнь	14	1*	4	—	7	2*	—	—
Июль	11	2*	—	3	2	3	1	—
Август	8	1	—	5	—	—	—	2
Сентябрь	15	1	—	—	2	12	—	—
Итого . . .	59	5	9	10	15	17	1	2

Из таблицы вырисовывается и другая картина, дополняющая и поясняющая ход и развитие движения: еврейский ремесленник исчерпал себя,— как сила, способная взяться за оружие и дать массовый отпор хорошо вооруженному врагу, он не пригоден, за редким исключением, как в Лозди,— он распылен и потому робок. На сцену теперь выступает опять авангард пролетариата — металлист Польши и особенно Юга и Центра, поднимающий основные толщи рабочего класса — текстильщиков [1].

При этом замечательно то, что после Потемкинского восстания и лодзинских баррикад столкновения все чаще и серьезнее становятся к осени, о чем говорят московские события в сентябре и на чем мы остановимся ниже.

Как бы подтверждением этой картины служат данные о всеобщих политических забастовках за весенний и летний периоды. Вот эти данные [2]:

---

[1] Звездочки означают для Западного края: три бунта в тюрьмах и для Центральной России два бунта тоже в тюрьмах, так что на Западный край падает собственно 3 случая, а на Центральную Россию 15.

[2] Из этого подсчета исключены майские забастовки в день празднования 1 мая. Сентябрьская стачка в Москве тоже не принята во внимание.

Месяцы	Районы							
	Всего	Западный край	Польша	Прибалтика	Юг	Центральная Россия	Урал	Сибирь
Апрель	—	—	—	—	—	—	—	—
Май	6	1	1	—	3	1	—	—
Июнь	14	4	6	1	3	—	—	1
Июль	7	5	—	1	—	1	—	1
Август	6	1	2	1	2	—	—	—
Сентябрь	—	—	2	—	—	—	—	—
Итого . . .	33	11	9	3	8	2	—	—

И здесь мы видим те же явления, что и прежде: всеобщая политическая забастовка, как высшая форма протеста и борьбы по сравнению со стихийными взрывами борьбы, происходит главным образом в Западном крае и Польше, в районах наиболее организованного движения; центральная Россия отстает и теперь, и только Юг постепенно охватывается этим видом протеста. Урал и Сибирь попрежнему молчат: только в Сибири в июне и июле делаются попытки охватить забастовкой Сибирскую железную дорогу.

В высшей степени важно отметить, что вместе с движением самых отсталых слоев рабочих поднимаются и крестьяне и солдаты. Последние волновались в течение всей войны, а чем дальше развивалась революция, тем эти солдатские выступления становились все более и более революционного характера. В январе, марте, феврале и апреле эти выступления носили еще сравнительно мирный характер, а начиная с мая они выливаются в форму стихийных бунтов и восстаний: в конце мая произошла неудачная попытка восстания в Новой Александрии; в июне это брожение среди войск становится массовым,— солдаты протестуют против дурной пищи, отказываются итти на Дальний Восток, восстают против бессмысленно жестокой дисциплины и, наконец, поднимают настоящее восстание. Вот далеко не полный перечень мест, где солдаты открыто поднимались против командиров, существующего порядка и дисциплины,— в Усть-Двинске (забастовка гарнизона), в Минске (бунт железнодорожного батальона), в Смоленске, Риге (волнение среди запасных), в Либаве (бунт матросов), в Згерже, в Донской области (брожение среди казаков), в Пензе, Седлеце, Николаеве, Екатеринославе, Керчи, Петербурге, Варшаве, не говоря уже о войсках, расположенных в Сибири, вблизи района военных действий.

Это движение в войсках происходило в стране, где уже к концу июля крестьянское восстание охватило около 50 губерний (около 200 уездов), с поджогами помещичьих усадеб, порубкой лесов, захватом помещичьей земли и столкновениями с войсками, среди которых было явное сочувствие мужику. На фоне этой картины всеобщего революционного движения приобретают особенное значение три факта летнего периода революции,— иваново-вознесенская стачка, восстание матросов в Одессе и восстание рабочих в Лодзи.

В мае вспыхнула забастовка в Иваново-Вознесенске. Она вела к образованию Совета Рабочих Депутатов, и она же показала, что даже такая революционно-стихийная организация ничто, если за ней не стоит вооруженный народ. Замечательно, однако, что и в Иванове-Вознесенске, и в Костроме, и повсюду, где возникали подобные организации, и революционные рабочие и революционно настроенные крестьяне инстинктивно тянулись к оружию, создавая вооруженную милицию, вооруженные дружины и группы. Но все эти попытки были разрозненны и непланомерны. Два события величайшей важности произошли летом 1905 года и показали, чего недостает революционному пролетариату, чтобы одержать победу над самодержавием: восстание в Лодзи и восстание матросов на броненосце «Князь Потемкин-Таврический».

Восстание в Лодзи произошло в начале июня. Поводом послужило нападение войск на рабочую демонстрацию. Многотысячное рабочее население Лодзи ответило на этот расстрел новыми демонстрациями и забастовкой, после чего началась массовая борьба рабочих с нападавшими на них войсками. О характере борьбы можно судить по следующему описанию: «... Часов около девяти вечера на Всходной улице произошло следующее. Еврейские рабочие, засев на крышах зданий, вызвали ложной демонстрацией сильный казачий патруль и принялись его расстреливать. Патруль, растерявшись от неожиданности, оставил раненых казаков и умчался. Явилась пехота и встречена была тем же: с крыш посыпались выстрелы. Пока часть солдат беспорядочно отстреливалась, направляя дула в окна домов, другая ломала ворота. Тем временем засевшие на крышах скрылись благополучно. Однако и это было лишь пробой, опытом. Настала ночь. Обыватели расположились по хижинам, полиция не принимала никаких особых мер, ибо ничего не ждала в течение ночи. А между тем в еврейских кварталах закипела работа: пришлось сооружать баррикады. В течение ночи соорудили их с большим или меньшим искусством не меньше десятка...» [1]

---

[1] «Искра» 1905 г. № 102 от 15 июня, стр. 4: «Рабочее восстание в Лодзи»; см. также «Последние Известия Бунда».

Началась настоящая баррикадная борьба, стоившая и той и другой стороне десятков убитых и сотен раненых. Однако рабочие были побеждены: они действовали одни, против них действовал вооруженный крестьянин, а на их стороне не было ни армии, ни революционных крестьян. Лодзинское рабочее восстание блестяще иллюстрировало ту мысль, что рабочий, как бы он решителен и революционен ни был, без сочувствия армии и поддержки крестьян победить не может[1].

В Лодзи восстали рабочие. В Одессе восстали одетые в матросские куртки крестьяне, так как большинство матросов «Князя Потемкина-Таврического» были крестьяне.

Пропаганда среди матросов в Севастополе и Одессе велась давно, и еще задолго до июньских дней 1905 года среди матросов существовали довольно прочные партийные организации. После январских дней брожение среди моряков Черноморского флота усилилось; оно грозило вылиться в стихийное восстание весной, когда, в связи с поражениями на Дальнем Востоке, усилились репрессии в армии, в России вообще и во флоте особенно. Самый обычный факт — выдача мяса с червями — послужил поводом к восстанию. Оно началось стихийно, но, конечно, было только одним из звеньев той великой цепи событий, которые в общем комплексе объединяются одним именем «Революция 1905 года».

Окончившееся неудачей восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический» еще резче подтвердило мысли Ленина, что без технической подготовки, без руководства и координации действий армии и рабочих успеха ожидать нельзя.

Как это теперь точно установлено, несмотря на героическую борьбу матросов на море и рабочих на улицах Одессы, необходимой согласованности в действиях тех и других не было. Федеративный орган восстания, созданный в Одессе, был составлен из настолько разнородных элементов, что не только не сумел согласовать действий восставших, но, наоборот, в самые решительные минуты движения проявлял растерянность, погубившую дело.

Рабочие рвались в бой, одесский гарнизон колебался, кругом Одессы бушевало крестьянское движение, на броненосце красовался кровавый флаг восстания, а высший руководящий орган восстания растерялся и не в силах был слить все эти отдельные потоки в одно могучее движение[2].

---

[1] См. о необходимости перехода войск на сторону рабочих для победы революции у Ленина в «Уроках Московского восстания», изд. 3-е, т. X, стр. 50-51.

[1] См. об этом в этом же томе статью о восстании в Одессе.

Вот почему Ленин так энергично и решительно обращался к пролетариату с призывом о подготовке восстания и создании в надлежащий момент всероссийского органа восстания — временного революционного правительства. «Бунты — демонстрации, уличные сражения — отряды революционной армии — таковы этапы развития народного восстания»,— говорит Ленин по поводу восстания в Одессе, и, считая одесских матросов отрядом революционной армии, он видит задачу таких отрядов в том, чтобы «провозгласить восстание, дать массам военное руководство» в том или другом месте страны; но чтобы объединить это руководство, необходимо временное правительство. «Революционное правительство — такая же насущно необходимая вещь на данной стадии народного восстания, как революционная армия. Революционная армия нужна для военной борьбы и для военного руководства массами народа против остатков военной силы самодержавия. Революционная армия необходима потому, что только силой могут быть решены великие исторические вопросы, а организация силы в современной борьбе есть военная организация» [1].

Потемкинское восстание показало, что одни крестьяне, хотя бы они были и вооружены, как были вооружены матросы на броненосце, т. е. одна крестьянская армия, победить не могут. Как рабочие в Лодзи и в других городах терпели поражения потому, что их не поддерживала армия, так одна армия, составленная из крестьян, не могла победить без координации своих действий с рабочими, без их поддержки и руководства. Вопрос о подготовке и организации восстания вставал во всей своей широте, глубине и остроте. Об этом необходимо было подумать еще и потому, что реакционные элементы общества — партия октябристов и «Союз русского народа» — открыто и недвусмысленно готовились к организации отпора восстанию, неизбежность которого они прекрасно понимали. Соглашательская и явно враждебная интересам пролетариата и революционного крестьянства политика либералов не только помогала реакции организоваться. Отношение либералов к надвигающейся революции лучше всего было формулировано Петрункевичем, который заявил, что «мы имеем дело не с революцией, а с анархией». Эта формула была не так уже далека от заявления Гучкова, гласного московской городской думы, который в ответ на требования городских служащих сказал, сравнивая эти требования с посягательством Плеве на права думы, что «посягательство Плеве было основано на законе, посягательство же городских служащих основано не на законе, а на произволе», и что он отдает предпочтение «посягательству Плеве».

Черносотенцы организовались открыто, при содействии пра-

---

[1] В. Ленин. Собр. соч., изд. 1-е, т. VI, стр. 268.

вительства. Черносотенный епископ Антоний Волынский прямо призывал к вооружению и говорил, что частная инициатива «должна начинаться с запаса оружием и с намечания себе линчерования первоклассных артистов революции. Иные способы действия,— писал он,— уже запоздали» [1]. Правда, это писалось в ноябре, но организация контрреволюции началась значительно раньше.

Тотчас же после январских событий началась организация черной сотни, которая, собирая поддонки общества — люмпен-пролетариат и деклассированные элементы,—производила еврейские погромы, избивала рабочих и революционеров, сеяла национальную рознь, провоцировала всякого рода рискованные выступления и терроризовала мирное население.

Не вдаваясь в детали вопроса, остановимся хотя на одном примере организационной работы контрреволюции, чтобы иметь представление, какими элементами располагало правительство и с каким аппаратом приходилось бороться революционному народу.

Возьмем в качестве примера известные события на Кавказе в феврале и в августе 1905 года, так называемую армяно-татарскую резню.

Как всегда во всех массовых движениях, поводом к грандиозным убийствам послужило маленькое событие, хотя и прискорбное, но для Кавказа тех времен обычного порядка: «6 февраля 1905 года в воскресенье, около полудня, в центре г. Баку, возле армянского собора, на площади «Парапет», был убит армянами проживавший в Баку зажиточный мусульманин, житель селения Сабунчи, Бакинского уезда, Ага Рза Бабаев» [2]. Так начинает свой доклад о бакинских событиях сенатор Кузьминский. Не вдаваясь в то, кто был первым пустившим пулю, армянин или мусульманин, как гадает об этом Кузьминский, подчеркнем то обстоятельство, что из этого единичного факта выросли грандиозные кошмарные события, когда в огромном городе, на глазах у войск и полиции, в течение пяти дней тысячи мусульман и армян резали друг друга, жгли дома и людей, грабили имущество, и не было, казалось, той силы, которая могла бы остановить резню.

Даже революционные организации не могли остановить этой бойни. Тов. Ц. Зеликсон-Бобровская, работавшая в то время в Баку, констатирует бессилие организации помешать погрому.

А между тем в Баку ведь действовало несколько революцион-

---

[1] Цитирую по работе т. Е. Ярославского «Вооруженное восстание»: «1905 год. История революционного движения в отдельных очерках, под ред. М. Н. Покровского», т. III, вып. 2, изд. Истпарта, М. 1925, стр. 41.

[2] «Всеподданнейший отчет о произведенной в 1905 году, по высочайшему повелению, сенатором Кузьминским ревизии города Баку и Бакинской губернии», стр. 1-2.

ных организаций. Прежде всего там работал большевистский комитет РСДРП. Параллельно с этим комитетом действовала организация «Балаханских и Биби-Эйбатских рабочих», во главе которой стоял Шендриков, оказавшийся, как известно, агентом капиталистов и полиции. Эта организация вела постоянную борьбу с комитетом. Однако, как бы то ни было, влияние социал-демократии на рабочих было огромно. Этого не отрицает даже правительство. Заведующий полицией на Кавказе генерал-майор Ширинкин так характеризует это влияние:

«Самой серьезной и влиятельной организацией на Кавказе, и в частности в Тифлисе, следует считать организацию Российской социал-демократической рабочей партии, которая обладает огромным количеством членов среди рабочих и молодежи и пользуется сильным авторитетом на население вообще.

Можно сказать с уверенностью, что ни одно мало-мальски значительное проявление революционной деятельности на Кавказе не обошлось без прямого влияния социал-демократической организации. Самая интенсивная революционная борьба с правительством, которая достигла своего апогея в 1904 и 1905 годах, прошла под руководством социал-демократической организации. Несмотря на сильную борьбу правительственных органов с последней, значительно ослабившей ее, организация эта представляет собою сплоченное целое и пользуется влиянием на население» [1].

Кроме социал-демократии действовали в Баку и социалисты-революционеры, но организация их была слаба, и, насколько можно судить по документам, исходящим как от самих социалистов-революционеров, так и по официальным источникам, социалисты-революционеры не пользовались большим влиянием среди рабочих [2].

По своей многочисленности, средствам и влиянию, правда, только среди армян, вслед за социал-демократами шла на Кавказе партия Даншакцутюн, или дрошакистов.

«Энергичная революционная борьба этой партии, возвращение армянских церковных имуществ, которое толковалось массами, как акт, вырванный у правительства борьбой этой партии, разумеется, укрепили значение ее, и получилось впечатление, будто Дашнакцутюн имеет в своих рядах весь армянский народ».

---

[1] «Записка о происшествиях наместнику на Кавказе».

[2] Кузьминский в своем обзоре деятельности революционных партий в г. Баку так и говорит. «Кроме издания нескольких прокламаций, в том числе: «К новобранцам» и «К солдатам», а также некоторой агитации во время забастовки в декабре 1904 года, партия в истекшем году в Баку ничем себя не проявила» («Всеподданн. отчет...», стр. 44). И другой документ («Доклад заведующего полицией на Кавказе наместнику»), говоря о блоке партии Дашнакцутюн с социалистами-революционерами, характеризует группу этих последних, как «группу малочисленную и не оказывающую никакого влияния на общественную и политическую жизнь».

Так расценивало эту партию правительство, и, как бы ни относиться к этому отзыву, он говорит о большом влиянии армянских революционеров на Кавказе.

Не входя в детали междупартийных взаимоотношений на Кавказе, подчеркнем, что кроме перечисленных выше партий были в Баку и социал-демократы армяне («социал-демократическая рабочая организация») и другие группы, но все они до известной степени носили либо местный, либо националистический оттенок, и только кавказская социал-демократия, бывшая и по составу и по стремлениям в полном смысле интернациональной партией, могла назвать себя организатором и вождем всех рабочих.

Почему же при существовании таких сильных революционных организаций возможны были в Баку такие события, как армяно-татарская резня в феврале?

Тов. Ц. Зеликсон-Бобровская в своих воспоминаниях дает такое объяснение этому явлению:

«... Не дремали и охранители самодержавных устоев на Кавказе, не дремал губернатор Накашидзе.

Чтобы разрядить революционную атмосферу, он прибег к излюбленному методу, широко практиковавшемуся в царской России,— к кровопусканию путем натравливания одной национальности на другую. Исполнителями своего разбойничьего замысла Накашидзе избрал представителей татар, как наиболее отсталых из населяющих Кавказ национальностей. Навербованный кадр головорезов был вооружен казенными револьверами-наганами и, по указке Накашидзе, в определенный день приступил к убийству армян» [1].

Это объяснение, единственно правильное, находит свое подтверждение в многочисленных документах официального и неофициального происхождения, при чем из этих свидетельств вырисовывается гораздо больше, чем хотела сказать т. Зеликсон.

Верно то, что Накашидзе, и не только он, но и вся высшая администрация содействовали вооружению татар: по официальным данным, в течение 1904 года мусульмане получили наибольшее число разрешений иметь огнестрельное оружие, и в том числе те самые наганы, о которых говорит т. Зеликсон. Из всего числа разрешений русские получили 398, мусульмане 495, армяне 96 и все прочие 111; до 1 июня 1905 года — русские 122, мусульмане 195, армяне 46 и все прочие 88.

Эти цифры нисколько не имеют исчерпывающего характера, так как и армяне и мусульмане получали оружие и помимо официальных разрешений, цифры эти только указывают на весьма ярко выраженную тенденцию вооружить мусульман и сделать безоружной другую часть населения.

---

[1] «Записки рядового подпольщика», ст. первая, стр. 73, М. 1922 г.

Далее полиция предупреждала губернатора о готовящейся резне, но подготовка губернатора состояла в том, что, во-первых, по его приказанию гарнизон был разделен на малочисленные части и патрули, бессильные против большой вооруженной массы, что, во-вторых, полиции и войскам было не велено вмешиваться в побоище, в-третьих, что Накашидзе не дал прямого распоряжения начальнику войск прекратить беспорядки и, в-четвертых, дал распоряжение не допускать рабочих из промыслов в город.

Все это хорошо и давно известно [1].

Вопрос не в этом, а в том, почему, в силу каких соображений именно так, а не иначе, действовал Накашидзе.

Ответ на этот вопрос мы находим, как только ставим себе другой вопрос: какую актуальную задачу ставило себе русское правительство на Кавказе вообще?

Ответом на этот последний вопрос может быть только одно: подавление революционного движения, чего возможно было достичь только организацией военной диктатуры.

Вот какие мысли по этому вопросу выражал временно назначенный бакинский генерал-губернатор князь И. А. Амилахари в своем письме к кавказскому наместнику от 17 марта 1905 года: «... Богатство города Баку неисчерпаемо: можно сказать, что во всем мире нет другого подобного богатства, но, к стыду и сожалению нашему, следует также сказать, что таких безобразий и такой распущенности тоже не найдешь во всем мире. С одной стороны нефтяные миллионеры, которым богатство дает громадное влияние на остальное население, с другой — губернатор с очень слабой властью в руках и жалкая, малочисленная и плохо обеспеченная материально полиция. Результаты можно было предвидеть. Слабая губернаторская власть не в силах обуздывать богачей, тем более что богачи-армяне в отношении национально-политической программы в высшей степени солидарны и между собою и с армянским населением вообще. Полицию же господство капитала развратило, деморализовало до последней степени. Продажность и распущенность поразительны, что и дало возможность армянским и социалистическим комитетам свить здесь прочное гнездо и своей террористической деятельностью волновать население. Чтобы установить прочный порядок, при котором только и возможно в полной мере использовать здешнее мировое богатство, здесь необходима постоянная сильная власть генерал-губернатора, опирающегося на достаточное количество войск» [2].

---

[1] См., напр., доклад Кузминского.

[2] Ист.-рев. арх., дела особого отдела, относящиеся к Кавказу, за 1905 г. Подчеркнуто нами.— В. Н.

Местный кавказский землевладелец знал, что ему и членам его класса необходимо,— ему была нужна военная диктатура, он так это и называл своим именем.

Зная это, Амилахари давал наместнику такие советы, которые клонились к укреплению военной диктатуры капиталистическо-помещичьего государства.

«...Ни в каком случае не допускай отмены закона об армянских церковных имуществах[1]. Армяне,— пишет Амилахари,— заявляют, что не успокоятся до тех пор, пока им не возвратят церковных имуществ. При таких условиях отмена меры, принятой высочайшей волей, будет принята населением как победа армян над властью и не успокоит их, а, напротив, придаст им еще более дерзости».

Классовый характер этой военной диктатуры виден очень хорошо и из следующего совета князя Амилахари: нужна кроме войск и хорошая полиция, а «на реорганизацию полиции понадобятся, конечно, немалые средства, но перед этим, мне кажется, нельзя останавливаться. И теперь казна имеет с нефтяных промыслов значительный доход, реорганизация же полиции, обеспечив более устойчивое спокойствие, несомненно, поведет к большему развитию промышленности, а следовательно и к увеличению дохода казны».

Агент крепостническо-помещичьего государства не жалеет средств на аппараты диктатуры, ибо эти расходы окупаются с лихвой поступлениями от тех, кого защищает диктатура от требований и протеста масс.

Вообще в своем письме Амилахари поучает помещика Воронцова-Дашкова: организуй диктатуру, а для этого подопри штыками и себя и маленького диктатора, организуй хорошую полицию, поставь хорошего и хорошо оплачиваемого инженера, дабы он блюл интересы правительства, подбери решительных помощников, а не таких, как генерал Малама (исполняющий обязанности главноначальствующего гражданской частью на Кавказе).

Впрочем, и генерал Малама не далеко ушел в своих идеалах от князя Амилахари: вся разница только в том, что трусливый князь (только что на его глазах революционеры убили на улице Баку среди белого дня одного из организаторов армяно-татарской резни, князя Микеладзе) давал советы и старался поскорее улизнуть из опасного и революционного центра, а генерал Малама действовал решительно и твердо: описывая революционное движение на Кавказе, Малама в своем докладе наместнику перечисляет меры, принятые им для подавления революции: город Баку усилен войсками, Бакинская губерния объявлена на военном

---

[1] Закон 12 июля 1903 года, в силу которого русское правительство отобрало в казну церковные имущества армян.

положении, на Закавказской железной дороге власть в руках полковника Альфтана, в Озургетском, Сенакском и Кутаисском уездах и в Кинтришском участке Батумской области назначен на правах губернатора генерал-майор Алиханов, да и Кутаисс, и Поти, и Батум, и всю Кутаисскую губернию было бы недурно объявить на военном положении. Конечно, и этот генерал, как и сотни других генералов, был убежден, что причиной армяно-татарской резни были революционеры. В докладе наместнику он писал: «Хотя причины бакинской резни еще достаточно не выяснены, но имеются основания предполагать, что поводом к этой резне послужила попытка армянского революционного комитета к вымогательству денег от богатых татар и убийство богатого и влиятельного мусульманина Бабаева; существующая давно, под влиянием экономического порабощения, вражда мусульманского населения к армянскому, усилившаяся вследствие постоянных в последнее время революционных действий армян, внезапно вспыхнула и выразилась известными вашему сиятельству печальными событиями в Баку 6—9 минувшего февраля».

Словом, виноваты революционеры, а потому — да здравствует военная диктатура!

Этот пример, взятый нами из истории революционного движения на Кавказе, только иллюстрация к той мысли, что сейчас же после январских событий не только появилась мысль о подавлении революции при помощи военной диктатуры, но что эта военная диктатура уже и проводилась фактически на местах [1].

Правительство немедленно же после январских событий приступило к организации всех слоев населения, на верность которых оно могло рассчитывать, и вместе с тем, верное своему принципу «divide et impera», пустило в ход излюбленное средство— натравливание одной национальности на другую и в первую очередь — еврейские погромы.

Начиная с весны, еврейские погромы становятся обычным явлением: 18 апреля по старому стилю произошел погром в Мелитополе, 21 апреля в Симферополе, 23-го в Житомире, 26-го и 29-го в Брест-Литовске, 20 июня в Черкасах, 21-го в Бело-

---

[1] Странным поэтому является утверждение т. П. Горина, что «этот идеал самодержавия — введение военной диктатуры — красной нитью проходит через все события конца 1905 года» («Очерки», изд. 2-е, стр. 343). Как видит читатель, эта идея проходит красной нитью уже в начале 1905 г. Мы видим на примере действий правительства на Кавказе, что военная диктатура на деле уже весной 1905 г. была не только идеалом, а самой настоящей действительностью. Да и только ли на Кавказе диктатура была фактом: на Дальнем Востоке она была фактом еще в 1904 году, в Петербурге с января также, о Польше и Прибалтийском крае говорить не приходится, так как тысячи жертв в январские дни — лучшее доказательство, а что касается остальной России, то и там она вводилась в меру потребности. Дело ведь не в названии, а в факте.

стоке, 22-го в Черкасах, 22 июня в Гомеле, 31 июля в Керчи, 12 августа в Варшаве. Волна октябрьских еврейских погромов общеизвестна. Но не только еврейские погромы были организованы правительством: 10 мая началась армяно-татарская резня в Нахичевани, 20 августа татарско-армянская резня в Баку; в течение всей весны и лета происходили нападения черной сотни на радикальную интеллигенцию, избиения ее, а с мая началось применение действия военных судов по политическим делам. Все это было следствием общего мероприятия по организации военно-полицейской диктатуры, носителем которой фактически стал уже в конце мая генерал Трепов, так как 21 мая по старому стилю был распубликован указ о расширении полномочий товарища министра внутренних дел, заведующего полицией, и этим заведующим и был назначен в этот же день именно Трепов. Буквально на другой день после своего вступления, Трепов добился издания временных правил о печати, которыми фактически вся пресса отдавалась в руки жандармов, настолько расширялись права министерства внутренних дел по приостановке и запрещению печати.

Со времени же вступления Трепова в должность заведующего полицией начинается введение военного положения в различных пунктах империи и применение смертной казни по делам политическим.

Нарастала революционная волна, но укреплялась контрреволюционная преграда: военная диктатура в России была уже фактом в конце весны 1905 года.

Как же, однако, обстояло дело подготовки восстания у большевиков? Техническая подготовка восстания (собирание оружия, организация его доставки из-за границы, организация боевых дружин) началась тотчас же после январских событий; уже в период до третьего съезда партии была налажена мастерская бомб; работа в армии расширялась и захватывала не одиночек, а десятки и сотни солдат и матросов. Но, как совершенно правильно замечает тов. Познер, если исключить декабрьские дни, активные выступления всех этих дружин «относятся главным образом к 1906 году, 1905 же год был годом боевой учебы»[1].

Эти слова сказаны о Петербурге, но они, пожалуй, за исключением Москвы и еще нескольких городов, могут быть применены и ко множеству всех наших организаций: русский рабочий класс только учился владеть оружием, и остается удивляться, как, несмотря на препятствия, встречавшиеся ему нередко в недрах своей собственной организации, он сумел так быстро создать боевую силу, противостоящую регулярной армии.

---

[1] «1905 год. Материалы и документы под общей ред. М. Н. Покровского» «Боевая группа при ЦК РСДРП», состав. С. М. Познер, стр. 3.

Однако события в Варшаве и особенно в Лодзи заставили призадуматься даже меньшевиков. В прокламации, выпущенной меньшевистской группой ЦК по поводу лодзинских рабочих боев, меньшевики писали: «Граждане, отбросьте ваши сомнения. Вы видите, как жадно царское правительство хочет жить. В борьбе за жизнь оно сегодня несет смерть варшавским и лодзинским пролетариям, а через день оно принесет ее вам и детям вашим. Сегодня Лодзь и Варшава, завтра — Петербург. Военная диктатура висит над страной. Провозглашение военного положения равносильно объявлению граждан воюющей стороной. Н о в о й н а т р е б у е т в о о р у ж е н и я и в о е н н о й о р г а н и з а ц и и» [1].

Нечего говорить, что в сознании большевиков и рабочих эта мысль была давно, и, как свидетельствуют решительно все документы и воспоминания участников, большевики не только приступили к организации боевых дружин, но кое-где пустили их в ход еще задолго до восстания. Стачка булочников в Москве летом и особенно сентябрьская стачка типографов там же воочию показали и готовность рабочих к борьбе, и необыкновенно бодрящее и успешное действие боевых рабочих дружин. Революционный подъем московских рабочих в сентябре вылился в такие боевые формы, что теперь ясно было всем, к чему идет дело: в воздухе пахло порохом и кровью, и вопрос о вооруженном восстании был вопросом ближайшего будущего.

3. Сентябрьская стачка в Москве — преддверие октября

Восстания на «Потемкине» и в Лодзи произошли летом и не были изолированным движением. Наоборот, именно эти события как нельзя лучше показали, что только с оружием в руках рабочие и идущие за ними массы могут добиться каких-либо реальных результатов.

И после одесских и лодзинских событий движение идет, ширится и с каждым днем принимает все более и более острые формы: кажется, что народ сам рвется в бой, что только недостаток оружия останавливает его от более решительных действий и что ружья сами начинают стрелять.

Обыкновенно одни представляют себе дело так, что октябрьская забастовка длительно подготовлялась, тщательно обдумывалась и потом вдруг была объявлена, разразившись неожиданно для правительства и приняв такие формы, каких не ожидал никто; другие, наоборот, полагают, что великая забастовка началась сразу, неожиданно приняв грандиозные размеры, без всякой подготовки, стихийно. И то и другое мнение неверно. Прежде

---

[1] «1905 год в Петербурге». 1925, стр. 251.

всего необходимо подчеркнуть, что рабочий класс несомненно, в лице своей большевистской партии, сознательно и отчетливо представлял себе политическую стачку, как одну из ступеней к вооруженному восстанию. Именно большевики резко и решительно заявляли об этом на третьем съезде в своей резолюции о вооруженном восстании. Говоря о необходимости практической подготовки к восстанию, резолюция, между прочим, ставит партии задачу «выяснить при этой пропаганде и агитации роль массовых политических стачек, которые могут иметь важное значение в начале и в самом ходе восстания»[1].

Само собой ясно, что, дав такое решение, партия не сидела, сложа руки, и в речах, в листках, в газетах и брошюрах внедряла эту мысль в массы. Мало того, партия, ведя за собой авангард рабочего класса, толкала наиболее нерешительные и неразвитые политически слои пролетариата и крестьянства к осуществлению этой мысли на практике, наша партия заставляла и другие политические партии и всякого рода организации ставить этот вопрос о политической стачке. Именно под влиянием этого сознательного фактора истории идея всеобщей политической забастовки, как одного из звеньев цепи, ведущей к восстанию, стала не книжной идеей, не идеей только агитационного листка, а практической задачей дня партии[2].

С этой точки зрения можно и нужно говорить о подготовке к октябрьской забастовке. И действительно такая подготовка шла.

Но, несомненно, нельзя отрицать и того, что ход событий 1905 года был настолько стремителен, нарастание событий происходило настолько быстро и неожиданно, стихийные волны движения поднимались настолько внезапно, что отрицать элемент стихийности в революции 1905 года невозможно[3].

Действительно, движение, как нами показано выше, после январских дней росло и ширилось: Потемкинское восстание, восстание в Лодзи и события в Иванове знаменовали собой только то, что движение поднялось на высшие ступени развития,— с одной стороны, самый доподлинный народ брался за оружие, а с другой стороны — вместо простых стачечных комитетов тот же доподлинный народ додумывался до особых форм организации, как руководящих центров восстания, стало быть, народ, и прежде всего пролетариат, организовался.

---

[1] Подчеркнуто нами. — В. Н.

[2] См. наше замечание на стр. 166.

[3] См. о стихийности у Ленина в местах, указанных нами выше, особенно на стр. 166, 182 и 183.

И это восхождение движения на высшие ступени шло не останавливаясь. Перерывов не было. Это особенно наглядно можно показать на августовских и сентябрьских событиях в Москве, которые в развитии всего общерусского движения были следующим этапом и вели прямо к октябрьской забастовке.

В самом деле, преддверием сентябрьских выступлений московского пролетариата были незначительные события за Москва-рекой. Как раз в начале августа рабочие типографии Сытина предъявили экономические требования. Рабочие выступали под руководством своей профессиональной организации —«Союз московских типо-литографских рабочих» для борьбы за улучшение условий труда. Соглашения достигнуто не было, и конфликт еще более обострил настроение типографщиков. В течение всего августа шли переговоры рабочих с предпринимателями и подготовка союза типографов к стачке. Все это происходит не в мирной обстановке обычной жизни, а в раскаленной атмосфере всероссийского политического брожения. Напомним хотя бы наиболее выдающиеся события августа и начала сентября в остальной России: 4 августа начинается имевшая большое политическое значение железнодорожная забастовка в Сибири, в Красноярске; 9 августа эта забастовка докатывается до Иркутска, при чем с первых же дней стачки в Красноярске начинаются столкновения с войсками; 5 августа начинается всеобщая политическая забастовка в Варшаве (в виде протеста против Белостокского погрома), 8-го — всеобщая политическая забастовка в Лодзи, забастовка в Слониме, 10-го—в Радоме, Люблине, Седлеце, 11-го— в Твери, 15-го — в Ченстохове, 16-го — в Ковно и, в виде протеста против мобилизации, в Либаве, а также в Риге, 1 сентября всеобщая политическая забастовка в Тифлисе (против расстрела казаками митинга в городской думе 29 августа). Мы не упоминаем огромного числа забастовок, вспыхивавших то там, то здесь и имевших хотя и местное значение, но все же прибавлявших лишние краски на картину всеобщего брожения. Вместе с тем все чаще и чаще становятся столкновения народных масс с войсками и полицией. Вот те случаи (и то, конечно, далеко не все), что произошли в течение августа и первой половины сентября: 1 августа столкновение демонстрантов с полицией в Бобруйске и демонстративные похороны в Белостоке, 2-го — демонстрация в Вильне, 5-го — столкновение с войсками в Варшаве, 7-го — столкновение с казаками под Москвой, в Перове, 10 и 11 августа демонстрации и столкновения с войсками в Красноярске и в Брянске, 16-го — демонстрация в Либаве и столкновение с войсками в Риге, 20-го и 21-го — столкновение рабочих с войсками в Либаве по случаю отправки запасных, 22-го — столкновение с войсками в Кишиневе, 4 сентября демонстрация во Владикавказе,

7-го — в Риге удачное вооруженное нападение на тюрьму и освобождение заключенных (социал-демократов Я. Лаца и Ю. Слесера). К этому нужно прибавить бунты в орловской и брянской тюрьмах и военные беспорядки в 11-м пехотном полку в Туле. Мы не перечисляем бесчисленных митингов протеста, собраний, мелких столкновений и демонстраций, известия о которых приносили газеты.

Нельзя также упускать из вида, что крестьянские волнения также вспыхивали повсюду, то там, то здесь, кончаясь столкновениями с войсками (4 августа на Кавказе, в Душетском уезде, 6-го и 7-го — в Прибалтийском крае, 21-го — в Гурии).

Наконец, необходимо вспомнить, что газеты ежедневно приносили известия о военных судах и смертных приговорах (дело военно-морского суда в Кронштадте о 137 матросах—8 смертных приговоров 11 августа, смертный приговор М. Каспржаку в Варшаве 2 сентября), в Севастополе о восстании во флоте, казни социалиста-революционера Никифорова за убийство начальника охранного отделения 12 августа, Х. Гершковича и А. Васильева в Шлиссельбурге 20 августа, Петрова, Титова, Адаменки и Черного в Севастополе и четырех солдат в Херсоне 24 августа, в Варшаве 24 сентября М. Каспржака и 26-го — А. Хмельницкого, 3 сентября Кошубы и Дейнега в Севастополе за восстание на «Георгии Победоносце».

Можно было бы наполнить целые томы перечислением подобных событий, и если мы здесь указали на некоторые, то сделали это только для того, чтобы показать, как должна была действовать даже на людей, не склонных к борьбе, эта атмосфера всеобщего возбуждения, брожения, протеста и прямо революционных выступлений, а также все более и более решительного наступления реакции с военным положением, организацией боевых дружин черной сотни, погромами, нападениями на рабочих и интеллигенцию и смертными казнями.

В Москве же с начала сентября, как и в других университетских городах, начались сходки и политические выступления учащейся молодежи. Сходки эти вскоре же приобрели характер подлинных всенародных митингов, где выступали и присутствовали не только студенты и курсистки, но и рабочие и представители всевозможных политических партий.

Попытки правительства заставить студентов приступить к занятиям не увенчались успехом, и уже на сходке 8 сентября в Московском университете, где присутствовало более двух тысяч человек, была принята следующая резолюция: «Отказываясь пока от прежней формы политической борьбы — забастовки, мы теперь открываем Московский университет для обращения его в революционный очаг и наши аудитории в политическую школу,

но в университете найдет место и тот, кто в настоящий момент хочет и в силах уделить время академическим занятиям»[1].

Однако в эту мирную резолюцию тотчас же был внесен диссонанс другой резолюцией, в конце которой, между прочим, говорилось: «...открыть университет и по возможности не препятствовать занятиям, превратив его в революционную трибуну, т. е. вести пропаганду и агитацию среди студентов и привлекать в университет широкие народные массы и подготовлять их к совместному выступлению на путь революционных действий, с целью: а) свержения самодержавия и б) созыва временного революционного правительства до учреждения демократической республики».

Ясно, что при таких настроениях о занятиях не могло быть и речи, и они, действительно, не наладились, так как университет и вслед за ним все высшие учебные заведения превратились в трибуну, с которой революционные партии обращались со своим словом к сотням тысяч рабочих и граждан, вливающихся ежедневно, как волны, в аудитории высшей школы.

В таких условиях началась забастовка типографов в Москве. 11 сентября рабочие Сытина предъявили экономические требования; Сытин ответил отказом; 19 сентября началась забастовка (1 168 рабочих), и уже через два дня движение приняло бурные формы: постепенно один за одним примыкали к типографам и рабочие других производств[2]. Уже 24 сентября число бастовавших рабочих превысило то число, какое дал максимум в январские дни.

Уже в самом начале движения забастовка приняла такой характер, что к ней с полным правом можно применить в высшей степени удачный термин, пущенный в ход польскими социал-демократами еще в январе: стачка, переходящая в восстание, и восстание, носящее характер стачки.

---

[1] См. д. особ. отд. б. деп. пол. за 1905 г. № 2540. Более решительные резолюции были: «1) Отказываясь пока от прежней формы пассивной политической борьбы — забастовки, мы открываем двери Московского университета исключительно для революционной агитации среди широких масс населения. Университет отныне превращается в революционную трибуну. 2) Попрежнему признавая единственно возможной формой студенческой общеполитической борьбы забастовку, мы считаем необходимым продолжать ее и на будущее время».

[2] См. дело б. Моск. охр. отд. за 1905 г. № 773, т. II, сообщ. в деп. пол. за №№ 9258 и 927, и т. III — тов. мин. вн. дел, зав. полиц. Вслед за Сытиным стали типографии Куманина (120 раб.), Мальцева (25 раб.), Гросмана и Виндельштейн (50 раб.), 20 сентября с утра забастовали типография Кушнарева (600 раб.) 21 сентября стали на работы в типографии Левинсона 550 рабочих (всего 650 чел.), но зато присоединились к стачке другие заведения с 1 195 раб. 23 сентября присоединились новые предприятия, 24 сентября примкнули пекаря и другие производства, так что 24 сентября не работали уже 46 заведений с 58 884 рабочими (т. II, л. 8).

Действительно, уже 22 сентября, около шести часов вечера, начались столкновения с войсками: на Тверском бульваре собралась толпа в 150 человек, направилась к типографии «Московских Ведомостей» с целью снять рабочих, толпу встретили войска и рассеяли ее. На другой день, 23 сентября, центр Москвы представлял бушующее море. Буквально тысячные толпы рабочих наполняли улицы, рабочие выступали с речами и призывами, развевались красные знамена, и навстречу войскам раздавались выстрелы.

В три часа толпа человек в тысячу собралась на Патриарших Прудах и вступила в столкновение с войсками и затем с революционными песнями двинулась к Тверскому бульвару и Страстной площади. Здесь снова произошло столкновение с войсками. О том, какой характер носили события, рисуют нам частные письма и официальные сообщения.

«Только что вернулся с поля битвы Тверского бульвара, — пишет один из наблюдателей. — Широкая, шумящая толпа, казаки, пехота — все слилось в какой-то тяжелый кошмар. Началось все это еще вчера или, вернее, даже третьего дня. Вчера забастовали типографские служащие; вечером толпа выбила стекла в типографии «Московских Ведомостей» и с пением марсельезы ходила по улицам. Сегодня днем вести стали тревожнее, вечером разразилась настоящая политическая забастовка» [1].

Красочное описание этих боевых событий в Москве мы находим в нашей большевистской газете «Пролетарий» [2]. Но дадим слово официальному информатору правительства, чтобы не заподозрели нас в революционной односторонности.

«...При столкновении наряда с демонстрантами,— гласит реляция московской полиции в Петербург, в министерство внутренних дел,— последние, вырывая из мостовой камни, бросали ими в чинов полиции и войска, при чем на Страстной площади были ушиблены: командир полуэскадрона жандармский ротмистр Величковский и жандармский унтер-офицер; кроме того, из толпы было произведено два револьверных выстрела, одним из коих ранен рядовой жандармского дивизиона» [3].

Действия войск не остановили толпы, и в восемь часов вечера во время столкновения с войсками были ранены четыре солдата и жандарм.

На следующий день, 24 сентября, события приняли еще более широкий размах: огромные собрания рабочих, студентов и публики с часу дня образовались у Тверской заставы.

Толпа двинулась к Страстному монастырю, и здесь, на

---

[1] Д. б. Моск. охр. отд. за 1905 г. № 346, л. 151. Письмо без подписи на имя В. П. Желабовой в Балаково Самарской губ.

[2] №№ 21 и 24.

[3] Д. б. Моск. охр. отд. № 773/1905 г., т. III, л. 2.

Страстном, Тверском и Никитском бульварах, произошли столкновения с войсками.

Демонстрации то там, то здесь продолжались целый день, и в шесть часов вечера в столкновении с толпой был ранен казак, а в половине восьмого вечера началась настоящая борьба с казаками и жандармами; по приказанию есаула Краснушкина солдаты дали залп. Но толпа собралась около кофейной на Тверском бульваре, и пришлось брать ее приступом.

На следующий день, 25 сентября, события приняли еще более бурный характер, когда примкнули к забастовке пекаря. Утром этого дня произошли столкновения пекарей с войсками.

«К 11 ч. 30 м. утра,— повествует реляция министру внутренних дел,— рабочие булочной Филиппова вновь сгруппировались у ворот дома Филиппова, часть же их, открыв окна спальни, расположенной в пятом этаже означенного дома, бросала в наряд полиции бутылки, камни и кирпичи, беря последние со строящегося рядом дома. Прибывшие на место беспорядков две сотни казаков были также встречены камнями и кирпичами, летевшими с верхнего этажа дома Филиппова, при чем камнем был ранен в голову казак 6-й сотни 1-го Донского казачьего полка Захар Уваров. В виду этого казаки спешились, и так как рабочие продолжали бросать в них камни, то казаки сделали по несколько залпов в верх дома Филиппова» [1].

Эти залпы, однако, не остановили развития движения, и вечером того же дня, 25 сентября, несмотря на большие аресты (около 200 человек), произошли новые демонстрации и столкновения рабочих с войсками: в шесть часов вечера у Сретенских ворот и в одиннадцать часов вечера в Екатерининском парке.

О том, насколько упорно было сопротивление толпы натиску войск, можно судить потому, что в течение 24 сентября было ранено толпой десять человек нижних чинов 1-го Донского казачьего полка и восемнадцать человек полиции. Само собой ясно, что из числа демонстрировавших рабочих число пострадавших должно было быть еще больше [2].

Во всяком случае, дело принимало настолько серьезный оборот, что Рачковский, вице-директор департамента полиции, телеграфировал в Москву: «По ознакомлении содержанием депеши вашей 24 сентября товарищ министра, заведующий полицией, нашел, что во время беспорядков действия войск, полиции, особенно жандармов были вялы и нерешительны, в результате чего всегда является серьезность положения. Товарищ министра находит, что возникшие беспорядки можно было предвидеть, и признает

---

[1] Д. Моск. охр. отд. № 773/1905 г., т. III, л. 4.
[2] Д. б. Моск. охр. отд. № 773/1905 г., т. III, лл. 7, 8, 9, 10 и 15.

необходимым принятие самых энергичных мер недопущению подавлению дальнейших беспорядков» [1].

Войск в Москве было достаточно, так что генерал Трепов мог рассчитывать на вполне успешное подавление «беспорядков». Гарнизон Москвы состоял из 9 пехотных полков, 9 сотен казаков, 6 эскадронов драгун, 2 эскадронов жандармов и 1 артиллерийской бригады.

Для подавления рабочих было выделено 23 роты пехоты и 12 эскадронов и сотен кавалерии. Как будто бы нечего было опасаться. Однако Трепов сидел в Петербурге, а московские власти убедились воочию, как бурно развивались события и как они деморализовали войска [2].

О том, как бурно развивались события, можно судить по дневнику движения, который вели власти. Возьмем, напр., сводку за 26 и 27 сентября, и мы увидим, что движение нарастало, как лавина:

10 ч. утра. Рабочие Сытина толпой направляются в Симонову слободку.

10 ч. 5 м. Прекратили работы пекаря булочной Аксенова (Басманная часть, 44 чел.).

10 ч. 45 м. Булочная Филиппова не работает.

10 ч. 55 м. Столкновение забастовщиков с войсками у Камер-коллежского вала.

12 ч. 35 м. Аресты забастовщиков.

1 ч. 40 м. Забастовали на заводе Добровых и Набгольц.

2 ч. 50 м. Забастовал Лист.

4 ч. После митинга стала мебельная фабрика Зибрехта.

4 ч. 10 м. Забастовали колбасные заведения.

5 ч. 10 м. Забастовал чугунолитейный завод Шмидт (250 чел.), лесопильный завод Биге (70 чел.) и столярная мастерская Радищева (15 чел.).

6 ч. 30 м. Митинг у Бари и Гана (заводы).

6 ч. 40 м. Забастовали булочные Чуева.

7 ч. 15 м. Рабочие собрались в Народном доме (1 000 чел.).

7 ч. 45 м. Забастовала фабрика Фрейберг.

У Народного дома в Грузинах собралась толпа в 2 000 чел., ожидает разрешения войти в Народный дом.

8 ч. 30 м. Митинг у Цинделя.

8 ч. 30 м. Рассеяние толпы у Народного дома [3].

1 ч. 35 м. ночи. Собрание в Инженерном училище.

7 ч. 35 м. Рабочие завода Добровых и Набгольц пришли, но не работают.

---

[1] Д. б. Моск. охр. отд. № 773/1905, г., т. III, депеша от 25 сентября за № 42036. Язык достаточно энергичный, чтобы питать сомнение в отсутствии у Трепова еще до ноября мыслей о диктатуре.

[2] См., напр., в том же деле, т. III, лл. 22, 70 и 186.

[3] См. описание в «Листке Союза московских типографских рабочих».

9 ч. 30 м. Митинг в типографии Левинсона (600 чел.).

11 ч. 35 м. Забастовка типографии Машистова (292 чел.) и Дукат (750 чел.).

11 ч. 50 м. Забастовка у Хитина (190 чел.).

12 ч. 10 м. Забастовка в мастерской Терешенки (500 чел.).

1 ч. 10 м. Стали на работу в заводе Белова, забастовала мебельная фабрика Фишера (170 чел.) и Немирова-Колодкина (75 чел.).

7 ч. 10 м. Забастовала мебельная фабрика Левинсона и Балакирева (120 чел.).

8 ч. Брестские мастерские бросили работу на час раньше, и началась забастовка.

8 ч. 10 м. Началось заседание типографов в Капцовском училище.

8 ч. 30 м. Забастовала фабрика Гоппера (500 чел.).

Сходка в Техническом училище.

Чем же было вызвано такое стремительное и бурное движение?

Несомненно, экономические причины толкали рабочих на борьбу, но было бы совершенно неправильно считать это забастовочное движение чисто экономическим [1]. Повсюду наиболее квалифицированные рабочие, а по мере развития движения и отсталые слои их, вместе с экономическими предъявляли и чисто политические требования [2].

Там же, где были прочные и влиятельные партийные организации, там повсюду предъявлялись и политические требования. Партийная организация, особенно большевистская, была настолько сильна и популярна, что прямо постановляла предложить фабричным и заводским комитетам выдвигать, на ряду с

---

[1] И типографы, и пекаря, и рабочие других специальностей предъявляли чисто экономические требования. См., напр., требования типографов в № 24 «Пролетария». Вот чего требовали пекаря: прибавки заработной платы (§§ 1,2,3,4,7 и 9), сокращения рабочего дня (§ 5); см. д. Моск. охр. отд. за 1905 г. № 773, т. II, л. 194. Такой же характер носят требования рабочих завода Листа и Гоппера (то же дело, т. III, лл. 32 и 34), фабрики Жиро (то же дело, т. II, л. 175) и т. д. Любопытно то, что даже полиция понимала, кто был виновником экономических забастовок. Так, пристав 2-го участка в рапорте московскому градоначальнику совершенно резонно полагал, что «придворный пекарь Д. И. Филиппов» мог бы без ущерба для себя прибавить рабочим рубля два в месяц, тем более, что он, «предвидя барыши от забастовок, 23 сентября набавил 10 копеек, а в розничной продаже и 20 копеек с пуда сладкого и кислого хлеба и в то же время приказал своим тульским пекарям ежедневно доставлять в Москву по 300 пудов выпеченного хлеба, что явно указывает, что Филиппов в борьбе с мелкими хлебопеками искусственно вызывает забастовки служащих хлебопекарен в интересах своих материальных выгод» (то же дело, т. II, л. 194). «Придворный пекарь» наживался, а его рабочих казаки кормили свинцом.

[2] См., напр., в д. Моск. охр. отд. № 773/1905 г., т. III, л. 144, требования рабочих завода Листа.

восьмичасовым рабочим днем, на первый план чисто политические требования,— созыва учредительного собрания, свобод и амнистии[1]. Да, наконец, самый ход стачки, ее бурный характер очень быстро превращался в чисто политическое движение.

Итак, забастовка в Москве, начавшаяся чисто экономическим конфликтом, быстро превратилась в политическую. Но кроме того она носила еще и другие, в высшей степени характерные черты: во многих местах рабочие создавали, кроме чисто местных, забастовочных и заводских комитетов, и более общие объединения — советы депутатов. Таков был «Совет московских типо-литографских рабочих», таков был «Совет депутатов столярного производства». Этот термин носился в воздухе; сами события заставляли рабочих искать новых форм боевых организаций, более широких, чем простые стачечные или заводские комитеты.

4. Октябрьская стачка. Предпосылки восстания

Характерно то, что, начавшись в сентябре мирной стачкой типографов в Москве, движение уже больше не затихает и захватывает всю Россию, перебросившись сначала в Петербург, а затем и в другие города. И так дело идет вплоть до декабря. Центром, откуда исходят могучие толчки по всей стране, становится Москва. Центральный промышленный район, разбуженный могучим движением наиболее развитых и сознательных слоев пролетариата, теперь всей массой бросается в бой, и нет сил, которые могли бы задержать этот поток.

В самом деле, как только забастовка охватила все типографии Москвы, Петербург прежде всего выразил свое сочувствие на многочисленных митингах на заводах и фабриках и в высшей школе. Это было 24 сентября, а когда стачка в Москве стала почти всеобщей, то в Петербурге, в знак солидарности, 3 октября забастовали все типографии.

На другой день к этой забастовке присоединились другие заводы. Это, в свою очередь, отдалось новым толчком на Москве, где 6 октября забастовали машинисты Московско-Казанской железной дороги.

Теперь стачка, как по электрическому проводу, быстро и стремительно распространяется по всей стране: 7 октября бастует вся Московско-Казанская железная дорога; 8 октября начинают бастовать дороги — Московско-Курская. Московско-Нижегородская, Московско-Киево-Воронежская, Рязано-Уральская, Либаво-Роменская, Привислинские и Полесские; 9 октября бастуют дороги Московско-Брестская и Северные (Московско-Ярославская), стачка переносится из Москвы далее по линиям; в этот

[1] См., напр., постановление Бутырского районного комитета («Пролетарий» № 24).

день, заседавший в Петербурге делегатский съезд железнодорожников выработал свои требования, и они быстро облетели всю Россию. 10 октября к забастовке примыкает Николаевская (ныне Октябрьская) и Московско-Виндаво-Рыбинская железные дороги.

10 же октября начинается всеобщая политическая забастовка в Харькове и сразу же принимает характер стачки, переходящей в восстание. На следующий день, 11 октября, к забастовке примыкают Петербург и Варшава, а в Екатеринославе строят баррикады и вступают в борьбу с войсками; 12 октября железнодорожные депутаты предъявляют требования министру Хилкову, а забастовка охватывает Саратов, Самару, Полтаву, Ижевский завод; 13 октября происходит первое заседание Петербургского Совета Рабочих Депутатов, призывающего всю страну к политической забастовке, которая, действительно, и охватывает всю Россию. В тот же день, 13 октября, к забастовке присоединяются дороги — Сибирская, Забайкальская, Риго-Орловская, Оренбург-Ташкентская и все остальные. Московская забастовка, не прекращавшаяся с сентября, вспыхивает с новой силой: к стачке 14 октября присоединяются электрическая станция и водопровод, и город, оставшийся без воды, погружается в тьму. В Петербурге также бастует электрическая станция, и город также во тьме; Прибалтийский край тоже вступает в борьбу: 14 октября начинается всеобщая политическая забастовка в Ревеле. Повсюду — в Ревеле, Москве, Самаре — столкновения с войсками. 15 и 16 октября напряжение достигает максимума: начинается всеобщая политическая забастовка в Вильно, Саратове и Риге (16 октября); в Москве, Одессе, Ревеле, Вильно и других местах — столкновения с войсками. В Октябре же начинается крестьянское восстание, охватившее до 3 ноября губернии: Саратовскую, Черниговскую, Тамбовскую, Полтавскую, Харьковскую, Курскую, Пензенскую, Воронежскую, Казанскую и Радомскую.

О том, какой характер носило крестьянское восстание, приведем выдержку из докладов царю: «...В Саратовской губернии крестьянские волнения возникли первоначально 11 октября сего года и выразились в разгромах и поджогах некоторых помещичьих усадеб в Аткарском уезде, в районе станций Жерновки и Лопуховки Рязано-Уральской железной дороги, при чем вооруженные крестьяне разграбили на означенных станциях 20 товарных вагонов и увезли до 20 000 пудов подлежавшей к отправлению ржи. В числе пострадавших от разгрома имений находятся усадьбы Громовой, графини Воронцовой-Дашковой, Столыпина, Рымаревой, Липперта, Черникина, Ушакова, Шувалова, Топорнина, Нирского и других землевладельцев» [1].

---

[1] Из департ. пол., особ. отд., 1905 г. № 2540; см. приложение.

Призрак пугачевщины воплотился в действительность, и крестьяне с оружием в руках поддерживали рабочее движение в городах.

Стачка, переходящая в восстание, вырвала у самодержавия уступку — октябрьский манифест.

«... Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов...» — оповещал манифест, но до какой степени были правы революционеры, и прежде всего большевики, не доверявшие этим словам и призывавшие рабочих к дальнейшей борьбе, видно хотя бы из следующего обмена телеграммами кавказского наместника и автора... Булыгинской Думы, самого Булыгина. На другой день после манифеста (18 октября) наместник спрашивал Булыгина: «Петербург, министру внутренних дел. Сегодня получил указ о свободе слова, союзов и прочее, подписанный семнадцатого октября. Считать ли его действительным. Отвечайте шифром». Булыгин ответил: «Вчера действительно подписан, сегодня обнародован манифест, о котором вы запрашиваете». Но в тот же день сам Николай II телеграфировал наместнику: «Разрешаю вам отменить собственною властью, когда найдете нужным, принятые меры по отдельным местностям».

Наместник, окрыленный этим разъяснением монарха, пошел дальше и просил царя телеграммой от 19 октября не распространять амнистии на высланных им во внутренние губернии кавказцев. Что ответил царь, мы не знаем, но, судя по ходу амнистии, он внял воплям своего верного слуги.

Только в свете этой закулисной и тайной переписки мы можем внести поправки в те правительственные сообщения, какие посылались царю о беспорядках на Кавказе. Описывая черносотенную манифестацию в Тифлисе 21 октября, наместник представляет дело так, что революционеры напали на мирных манифестантов.

«... Посыпались в толпу манифестантов выстрелы, которыми тут же были убиты и ранены несколько человек. В течение нескольких минут выстрелы сыпались непрерывно, и в это же время в толпу была брошена бомба из окон дома, где помещается редакция газеты «Тифлисский Листок». Несколько минут спустя, вторая бомба, более сильнейшая, была брошена с угла ограды здания 1-й гимназии, и почти тотчас же третья — с угла крыши дома Тифлисского собрания... ...В то же время две роты, ограждавшие Головинский проспект, открыли огонь по окнам, из коих производились выстрелы; к этим двум ротам затем быстро присоединились и другие пешие и конные воинские части и также стали отвечать на раздававшиеся выстрелы. Тотчас по прекращении здесь стрельбы манифестанты-рабочие вернулись в за-

речную часть. Войска же и полиция вошли в дома, из которых производилась стрельба».

Итогом этой молодецкой работы солдат было 66 раненых и 7 убитых.

Такими же приемами оповещалось население Кавказа о манифесте и в других местах. Не удивительно, что Кавказ отвечал на такое объявление мобилизацией всех революционных сил и призывом к восстанию. Все партии — и социал-демократы, и Дашнакцутюн, и социалисты-федералисты, и социалисты-революционеры — требовали немедленного повсюду снятия военного положения, замены постоянной армии милицией, всеобщей амнистии и созыва учредительного собрания, а социал-демократы-большевики призывали немедленно готовиться к вооруженному восстанию.

Оно, впрочем, надвигалось в силу железной логики революции.

«По телеграмме 20 октября из Поти,— читаем мы о положении дел на Кавказе,— Гурия отрезана. Мятеж. В Чахатурах 3 стражника убиты и подвергнут истязанию местный пристав. Из Батума потребованы два горных орудия и сотня казаков. 18 октября между станциями Супса и Нотанеби убиты из засады 4 казака. Для подавления беспорядка в Чахатурах, Озургетского уезда, 21 октября туда выступила рота Бессарабского полка. Рота того же полка 22-го числа выступила в Лачинский и Лечхумский уезды для усиления тамошних гарнизонов».

Двумя ротами, однако, спасти положение было нельзя, когда в черную сотню бросали бомбы, когда арестовывали приставов, убивали губернаторов, отказывались от призыва и, наконец, когда даже колебались войска.

Действительно, в Телавском уезде, Тифлисской губернии, и в г. Ахалцыхе призывные или просто не явились или отказывались от службы; в Баку вооруженные матросы стреляли в патриотическую манифестацию и вступили в борьбу с солдатами, в Сенакском уезде, Кутаисской губернии, из 448 новобранцев явилось на призывный пункт только 20, в Богдадском участке призываемые разбежались; воинские поезда сходили с рельс, терпели крушения (вблизи Кутаиса, Нигоити — Саджевахо), на участке Батум—Рион—Поти было разрушено пять мостов, путь был разобран в двенадцати местах, а главное у населения было оружие, и его свинец сторожил приставов, жандармов и даже губернаторов.

На Кавказе происходило восстание, шла партизанская война уже давно, и в октябре она только усилилась.

Понятно после этого, что агентов правительства на Кавказе охватил страх. Еще летом даже царь должен был согласиться с мрачной картиной, нарисованной наместником Кавказа. «Действительно, положение может быть названо грозным и жалким,—

писал царь по поводу кавказских дел.— Грозным вследствие неспокойствия населения и сильного распространения революционного духа у армян, а жалким вследствие плачевного состава... администрации».

«Но и с тем и другим,— добавляет он,— можно бороться — раз цель ясно поставлена и при условии итти к ней неуклонно».

Мы видели, что значит, по мнению царя, итти неуклонно к цели, — всенародно опубликовать манифест, а тайно его отменить.

Однако это не спасало положения. Восстание кое-где, как на Кавказе или в Прибалтике, было фактом, и понятна растерянность кавказских властей, что хорошо видно из следующего обращения кавказского наместника к военному министру от 28 октября 1905 года: «В виду положения дел Кутаисской губернии и вообще на Кавказе, ходатайствую о немедленном направлении Кутаисскую губернию морем через Поти дивизии пехоты с артиллерией обозами и госпиталем. От одного полка этой дивизии два батальона и штаб полка оставить Екатеринодаре и два батальона Новороссийске. Сегодня отправляю Озургеты экспедиционный отряд начальством Алиханова шесть батальонов первой бригады гренадерской дивизии с артиллерией четырьмя сотнями. Свободных войск более нет».

Восстание было фактом, и потому, в торжественные дни вслед за объявлением свобод в Баку, уже 20 октября дома, из которых якобы стреляли революционеры, «были обстреляны орудийным огнем».

Да и только ли на Кавказе уже в ноябре восстание было фактом!

Как дело обстояло на других окраинах империи, в Эстонии, в Латвии?

В Латвии в деревнях уже в октябре действовали полным ходом революционные исполнительные комитеты, которые работали хотя и независимо, но, несомненно, под руководством партии и которые, по словам тов. П. И. Стучки, были революционными органами диктатуры»[1]. Но такие же органы были и в Эстонии[2]. Только в Лифляндской губернии и только в ноябре произошло 1 262 революционных выступления, при чем под выступлениями нужно понимать не только поджог баронских имений, но и прямые столкновения с войсками. Тов. П. И. Стучка говорит не только о стычках с войсками в Латвии уже в ноябре, но и о на-

---

[1] П. Стучка. «1905 год в Латвии» (в вып. 1, т. III, «1905 год. История революционного движения в отдельных очерках, под ред. М. Н. Покровского»: «От октября к декабрю. Революционное движение национальностей и окраины», стр. 204).

[2] Я. Польвадре. «1905 год в Эстонии»: «Повсеместно начались выборы местных революционных комитетов, при чем эти ревкомы часто совпадали с местными комитетами социал-демократической партии» (стр. 50).

стоящих сражениях (29 ноября в Сайкове, в восточной части Лифляндии (Леневардинская битва 26 ноября) [1].

Мы видели уже, что даже крестьяне Саратовской губернии, т. е. коренной России, производили вооруженные нападения уже в октябре.

Оправдывалась, стало быть, мысль В. И. Ленина, что массовая политическая стачка переходила или, как тогда выражались, перерастала в восстание. Мало того, оправдывалась и та мысль Ленина, что восстанием охватывалась и коренная Россия и что центр движения перемещался от окраины к Москве, к основной толще русского пролетариата и крестьянства. В статье «Политическая стачка и уличная борьба в Москве» Ленин, оценивая сентябрьские выступления московского пролетариата, писал: «Несомненно одно: рост восстания, расширение борьбы, обострение форм ее идет непрерывно перед нашими глазами. Пролетариат по всей России пробивает себе дорогу героическими усилиями, намечая то здесь, то там, в каком направлении может развиваться и будет развиваться вооруженное восстание. Правда, и теперешняя форма борьбы, которую движение рабочих масс тоже выработало, наносит самые серьезные удары царизму. Гражданская война приняла форму отчаянно упорной и повсеместной партизанской войны» [2]. В статье «Всероссийская политическая стачка» Ленин прямо указывает, что восстание близится, оно вырастает на наших глазах из всероссийской политической стачки [3]. Далее, говоря о сентябрьских событиях в Москве, Ленин так определяет место этих событий в последовательном ходе революции: «Московская стачка показывает нам распространение борьбы на «истинно-русскую» область, устойчивость которой так долго радовала реакционеров. Революционное выступление в этом районе имеет гигантское значение уже потому, что боевое крещение получают массы пролетариата, наименее подвижного и в то же время сосредоточенного на сравнительно небольшой области в количестве, не имеющем себе равного нигде в России. Движение началось с Питера, обошло по окраинам всю Россию, мобилизовало Ригу, Польшу, Одессу, Кавказ и теперь перекинулось на самое «сердце России» [4]. Определяя же следующую, высшую ступень революции, Ленин писал: «Революционный пролетариат привел к первой великой победе революцию городскую. Он должен теперь расширить и углубить базу революции, распространив ее на деревню. Поднять крестьянство до сознательной защиты дела свободы, потребовать серьезнейших мер в пользу крестьянства, подготовить деревенское движение, которое бы в связи

---

[1] П. Стучка. «1905 год в Латвии», стр. 222 — 224.
[2] Собр. соч., изд. 1-е, т. IV, стр. 497.
[3] Там же, стр. 524.
[4] Там же, стр. 499.

с передовым городским пролетариатом добило самодержавие, завоевало полную и настоящую свободу,— такова теперь очередная задача российской социал-демократии»[1].

Итак, стало быть, нельзя рассматривать декабрьского восстания изолированно от всех событий 1905 года; между ним и январским движением существовал ряд переходных моментов, каждый из которых был высшей и более совершенной формой движения; в сентябре центр движения переместился в Москву; между московской стачкой в сентябре, которая по сравнению с летними формами борьбы есть уже высшая ступень, была непрерывная цепь событий, которые и перешли во всеобщую политическую стачку, откуда и вырастало, по словам Ленина, восстание; это восстание было фактом во многих местах уже в ноябре и, увлекая за собой крестьян, должно было вылиться в декабрьское вооруженное восстание.

Несомненно, что великая всероссийская забастовка в октябре, бывшая только логическим развитием событий начала и средины года, прежде всего показала огромные и неисчерпаемые резервуары революционной энергии пролетариата и затем сделала ясным и неизбежным дальнейший шаг — вооруженную борьбу.

Октябрьское напряжение революционных сил, однако, не разрешилось окончательной победой: с одной стороны, правительство, организуя еврейские погромы, собирало силы и готовилось к нападению, с другой — стихийное движение росло и захватывало новые слои — матросов, солдат, крестьян, самые отсталые элементы городского населения[2].

События развивались с головокружительной быстротой. 23 октября началось восстание в Кронштадте, а через несколько дней после его ликвидации восстал второй раз Черноморский флот (11 ноября в Севастополе). В сущности говоря, октябрьская забастовка незаметно и в разных пунктах страны переходила к восстаниям. Чтобы убедиться, что это действительно так, стоит только воспроизвести в памяти хотя бы факты двух-трех дней, ближайших к кронштадтскому восстанию. Вот эти данные по официальной сводке министерства внутренних дел: 22 октября черносотенное выступление в Калуге; 23 октября столкновение демонстрантов с войсками в Костроме; того же числа кровавое столкновение рабочих с войсками в Иваново-Вознесенске (2 убитых и 23 раненых), волнения в Муроме, Коврове, Шуе, и Киржаче, демонстрация в Мотовилихе, волнения в Добрянском и Ижевском заводах; 18 октября демонстрация в Уфе; 21 октября — в Иркутске; 23 октября — в Баку, погромы в Николаеве, Кларапе, Бессарабской губернии; в Екатеринославе 21 октября

---

[1] Там же, стр. 541 — 542.
[2] См. примечания на стр. 166, 182 и 83.

демонстрация и погром, еврейские погромы в Полтавской губернии, то же в Черниговской губернии; 23 октября демонстрация в Варшаве; 24 октября началась всеобщая забастовка в Петроковской губернии, Радоме, Риге, Рязани, Белорецком заводе Оренбургской губернии, крестьянское восстание в Саратовской губернии, волнение солдат в Асхабаде (23 октября); массовое движение в Рыльске, Острове, Плоцке, Орше, Нарве, волнения солдат в крепости Усть-Двинск, движение в Овидиополе Херсонской губернии, Томске, Сызрани, Ломже (30 октября), Барнауле (29 октября), Благовещенске, волнения солдат в Мерве (27 октября), волнения в Люблине (31 октября), Кременчуге, Перми, волнения солдат во Владивостоке (31 октября) [1].

В этом вихре волнений, демонстраций, погромов, частичных восстаний, прокатившихся в течение только одной недели по стране, кронштадтское — только более яркий эпизод.

«В городе Кронштадте,— повествует автор доклада царю,— 23 октября матросы разных экипажей, в числе около 600, вместе с рабочими собрались около здания морского манежа, при чем агитаторы из числа рабочих возбуждали нижних чинов не повиноваться начальству и с оружием в руках протестовать против существующего порядка. К манежу прибыл главный командир Балтийского флота, в сопровождении флагманов и командиров экипажей. Из опроса собравшихся чинов выяснилось, что они желают знать, распространяется ли на них с объявлением всемилостивейшего манифеста от 17 октября свобода собраний, что они протестуют против настоящего своего положения и желают вместе с рабочими обсуждать свои нужды. После долгих пререканий рабочие были пущены в манеж, где оставались очень долго, не имея, повидимому, никакой определенной цели и предмета для совещаний. Нижним чинам было предложено разойтись, что они после некоторого колебания и исполнили».

Но это мирное и идиллическое описание далеко не соответствует действительности, ибо через три дня, 26 октября, в Кронштадте с выступлением 2-й роты 2-го крепостного батальона началось восстание. Восстанием, насколько возможно судить по отрывочным воспоминаниям, руководили социал-демократы и социалисты-революционеры, и, несмотря на неподготовленность этих революционных организаций, движение было настолько интенсивно, что только прибытие Преображенского и Павловского полков и артиллерии дало победу правительству.

«Утром 26 октября,— повествует доклад министра царю,— нижние чины 2-го крепостного батальона в числе около 50 человек зашли фронтом во двор учебно-минного отряда и стали

---

[1] Ист.-рев. арх., б. деп. полиц., особ. отд., доклады департамента министру и царю в 1905 г. в деле № 2540; см. приложение.

призывать матросов присоединиться к ним и итти на сходку, производя при этом шум и беспорядок и крича: «Ура! свобода!»

Вслед за сим 4-й и 7-й экипажи с оружием вышли из казарм и стали стрелять в пехотные казармы, а также по улицам города, при чем разгромили морское собрание и офицерские флигеля. Вскоре к бунтарям присоединились почти все матросы других экипажей и часть крепостных артиллеристов. Открыта стрельба из морских казарм по сухопутным, вследствие чего оказалось много убитых и раненых, а равно произведены разгром и разграбление лавок и поджоги домов в разных местах города. Ночью, а затем 27 октября с утра стрельба и беспорядки продолжались» [1]. На другой день (28 октября) восстание было ликвидировано, при чем только в этот день (по официальным данным) было убито 4 солдата, ранено 15 и около 200 матросов (ранен также один офицер) [2].

Кронштадтское восстание нашло самый горячий отклик в среде пролетариата, и, как известно, протест петербургских рабочих во главе с Петербургским Советом Рабочих Депутатов не дал возможности самодержавию расправиться с матросами, как хотелось бы славным командирам доблестного царского воинства.

Кронштадтское восстание вспыхнуло стихийно, так же стихийно вспыхнуло восстание и в Севастополе [2]. 18 октября в Севастополе был митинг и демонстрация, во время которой войска стреляли в народ, было убито 8, ранено около 50 человек. 20 октября хоронили убитых, а затем события шли стихийно к развязке. 9 ноября на митинге матросов настроение было настолько бурное, что пришлось удерживать толпу, стремившуюся пойти к тюрьме и освободить сидевших там потемкинцев. Несмотря на очень большую работу, какую вели во флоте социал-демократы, несмотря на огромное влияние, каким они пользовались среди матросов, взять в свои руки движение и здесь им не удалось: оно вспыхнуло неожиданно и стихийно. Как подтверждает это один из видных деятелей восстания, И П. Вороницын, еще утром в день восстания никто и не думал о выступлении. «11-го мне пришлось говорить,— расказывает Вороницын,— с некоторыми товарищами, принимавшими участие в работе среди военных, и с некоторыми матросами, членами военной организации. Никто не предполагал, что взрыв последует так скоро; наоборот, нам казалось, что должно пройти некоторое время, прежде чем в движение втянется значительная часть гарнизона. Решили вечером на митинге все силы употребить на то, чтобы удержать особен-

---

[1] Ист.-рев. арх., б. деп. полиции, доклады департамента министру и царю в 1905 г.

[2] См. донесения генерала Щербачева, дб. деп. полиции, доклады департамента министру и царю в 1905 г.

[3] См. примечания на стр. 166, 182 и 183.

ю волнующихся матросов, находящихся на суше, и направить их энергию в сторону организационной работы. Когда мы пришли в назначенный час на митинг, на площади было пусто, по углам виднелись маленькие группы матросов. Один из товарищей-матросов сообщил, что в засаде приготовлены боевые роты, которые не дадут собраться, что ворота экипажей закрыты. Нам пришлось уйти на митинг рабочих порта, происходивший недалеко от казарм. В самом разгаре митинга прибегают солдаты и сообщают, что у матросов убили офицера, и нас требуют. По дороге узнали, что матрос социал-демократ Петров, услышав от контр-адмирала Писаревского, что боевой роте придется стрелять в митинг, не вытерпел и двумя выстрелами ранил Писаревского и убил штабс-капитана Штейна. Матросы освободили арестованного после выстрелов Петрова и затем, воспользовавшись замешательством и растерянностью бывших с боевыми ротами офицеров, разоружили их и прогнали; оставшиеся без начальства солдаты смешались с матросами и отправились на митинг [1]. Восстание началось, и точно так же, как в Одессе, Кронштадте, оно было подавлено в результате нерешительности руководящей социал-демократической организации меньшевиков [2], либерально-демократической тактике Шмидта, оказавшегося во главе восстания, и в результате социальной природы самого носителя революционной идеи — солдата.

«Пехотинец усмирил матроса и сапера. Мужик, темный и забитый, робкий и покорный мужик победил строптивого и дерзкого пролетария — горожанина» [3],—писал один исследователь, имея в виду, что подавлявшие восстание матросов и саперов солдаты Брестского полка были в большинстве крестьяне, а матросы и саперы — рабочие, но в это утверждение нужно внести некоторую поправку: саперы действительно были в большинстве из рабочих, матросы же, как и солдаты, были в большинстве из крестьян. Крестьянская природа армии дала себя чувствовать и здесь, отсутствие больших масс высоко развитого пролетариата в Севастополе только ухудшило дело.

Но, конечно, остановить восстание в стране неудача Севастополя не могла. Наоборот, эта неудача еще больше сконцентрировала силы двух борющихся сторон; страна кипит, силы реакции также готовятся к бою.

Как это будет показано ниже, если обращать внимание исключительно на даты, которыми знаменуются вооруженные выступ-

---

[1] «Протоколы первой конференции военных и боевых организаций РСДРП, состоявшейся в ноябре 1906 года», М. 1907. Доклад Вороницына, стр. 67—68

[2] Эта сторона дела довольно хорошо анализирована тов. Волковичером: см. его статью в 1-м вып. III ч. изд. «1905 год».

[3] И. Генкин. «По тюрьмам и этапам». Иркутск 1922, стр. 21.

ления в крупных промышленных центрах, то всероссийское восстание имеет центром Москву, и распространение его идет по радиусам от центра.

Но было бы неправильно представлять себе дело только так; самый толчок из центра был результатом того разряжения энергии, которое явилось результатом ее накопления повсеместно и которое происходило еще до октября, а начиная с этого времени происходило повсюду и беспрерывно.

В самом деле, не говоря уже о рабочем и крестьянском движении, которым была охвачена вся Россия, армия, этот оплот самодержавия, выступавший спорадически еще с летних месяцев, с ноября охватывается всеобщим брожением.

Даже по тем скудным сведениям, какими мы располагаем в настоящее время, в ноябре войска или восставали, или делали попытки к восстанию почти повсюду.

В начале ноября в Гродно произошли волнения артиллерийских частей (72-й артиллерийской бригады) на экономической почве, а 5 ноября более серьезные волнения возникли в 26-й артиллерийской бригаде, при чем дело дошло даже до столкновения с офицерами, и волнения улеглись только после того, как против артиллеристов двинули пехоту (пять рот Петрозаводского пехотного полка) [1].

5 ноября произошли волнения в Могилеве среди солдат Кадниковского пехотного полка и 161-го запасного батальона, 5 же ноября взбунтовался 160-й запасный батальон в Гомеле, отказавшись итти на пополнение Вышневолоцкого пехотного полка.

Во время восстания во Владивостоке еще в конце октября и начале ноября (30 октября — 1 ноября) очень деятельное участие принимали солдаты. Насколько значительно было участие солдат в этом движении, видно хотя бы даже из официальных данных о жертвах восстания: «Во время беспорядков 30 и 31 октября и 1 ноября со стороны войск охраны были убиты 1 офицер и 13 нижних чинов, и ранены 6 офицеров и 22 нижних чина. Из толпы бунтовщиков убиты 24, в том числе 15 нижних чинов и матросов, и ранены 116, в том числе нижних чинов и матросов 82» [2]. Там, где с той и другой стороны убитые солдаты и офицеры считаются десятками, там дело идет уже не о мирной забастовке, а о восстании в самом подлинном смысле этого слова.

11 ноября произошло восстание флота в Севастополе.

Около этого же времени произошло восстание в Севастополе в 249-м Майкопском резервном батальоне; 14 ноября волнения в электротехнической роте в Петербурге и среди солдат в Тифлисе; 15 ноября — в резервном батальоне в Ташкенте и в Ро-

---

[1] См. приложение.
[2] См. приложение.

стове-Ярославском; 16 ноября волнения (забастовка и демонстрация) в железнодорожном батальоне в Самарканде; в Курске 17 ноября, в Харькове солдаты выступают вместе с рабочими в вооруженной демонстрации; в Киеве волнения среди саперов и артиллеристов (солдаты принимают участие в демонстрации рабочих) в Сухуме; в этот же день начались волнения в Пятигорске среди солдат 250-го Ахульдинского резервного батальона и артиллеристов; 18 ноября — волнения в гарнизоне Киева (демонстрация), бунт в воронежском дисциплинарном батальоне (еще раньше, 14 ноября, в самарской военной тюрьме), волнения в войсках в Риге, Варшаве, Барановичах, Остроленке, Волковышках; 20 ноября — восстание в войсках Екатеринодара и Пятигорска и Екатеринослава (134-й Феодосийский пехотный полк); 21 ноября — волнения среди солдат в Тифлисе; 22 ноября — в Пскове и в Минске (в дисциплинарном батальоне), в Александрополе в 153-м Бакинском пехотном полку и в Ессентуках среди казаков; 23-го известное выступление солдат в Харькове (в Старобельском и Лебединском полках) и волнение в Ладожском полку в Ломже и Карсе в 154-м Дербентском пехотном полку; 24 ноября волнения флотских экипажей в Петербурге, военная демонстрация (казаков и солдат с рабочими) в Чите и бунт в дисциплинарном батальоне в Бобруйске; 26 ноября — волнения среди казаков Донского полка в Москве и образование военного стачечного комитета в Иркутске; 27 ноября — волнения в Ростовском полку в Москве; 28 ноября — волнения в Урюпском казачьем полку; 29 ноября — волнения в Преображенском полку в Петербурге и в Иркутске; 30 ноября — волнения в Бобруйском полку в Царицыне, в Вятке (в Котельническом резервном батальоне) и в артиллерийской бригаде в Белгороде; 1 декабря — волнения в Несвижском полку в Москве и в Екатеринодаре в 133-м Симферопольском пехотном полку; 2 декабря — волнения в Ростовском полку в Москве и среди казаков 3-го сводного полка в Арчеде.

Таким образом, по далеко не полным сведениям, только за месяц имеем 48 пунктов, где движение в армии так или иначе от небольшого брожения поднималось до настоящего вооруженного выступления, как это было, напр., в Севастополе[1].

Если исключить из этого числа три случая волнений в дисциплинарных батальонах и ротах и такие случаи, как восстание в Севастополе и события во Владивостоке, то и тогда волнения в войсках захватили огромную массу солдат, по численности равную, по крайней мере, двум хорошим армиям. Но и не

---

[1] Всего солдатских выступлений в 1905 г. по подсчетам т. К. Розенблюма было 99, при чем в апреле—июне —2, в июле—сентябре—8 и в октябре—декабре —89. См. «Военные организации большевиков в 1905—1907 гг.», М. 1931, стр. 45.

в количественном подсчете прежде всего дело: брожения и волнения в армии, во всех отдельных частях, оказывали могучее влияние на всю остальную солдатскую массу, и можно смело сказать, если принять во внимание еще всеобщее возбуждение солдат в Сибири и на Дальнем Востоке, что вся армия, за немногим исключением самых надежных, самых привилегированных ее частей, была в таком состоянии, которое не давало твердой гарантии и надежды опереться на нее.

Вот почему тысячу раз были правы большевики, призывавшие и партию и рабочий класс к восстанию, к организации армии, к созданию военных боевых групп; вот почему бесконечно оппортунистична была политика меньшевиков, пугливо сторонившихся от готовых к восстанию масс [1].

Понятно теперь, что события ноября 1905 года неминуемо вели к восстанию, что эти события были логическим неизбежным продолжением, а не каким-либо искусственно вызванным фактом того сцепления явлений и событий, которое наметилось еще летом, поднялось в сентябре до баррикад в Москве и вылилось в октябре во всероссийскую стачку.

Предпосылками восстания в декабре необходимо, стало быть, считать и невиданные по своим размерам и охвату волнения и восстания в армии.

Было бы, однако, неправильно делать упор только на этот участок движения; само движение в армии было только результатом необыкновенно грандиозного движения рабочих масс, пролетариата, ведущего за собой и армию и крестьянство. Ни в каком случае нельзя упускать из вида, что именно организованность и сознательность пролетариата, его борьба на передовых позициях поднимала и возбуждала и солдат, и крестьян, и служащих: ведь 13 октября произошло первое заседание Петербургского Совета Рабочих Депутатов; его организующая и инициативная роль в движении имела огромное значение. Эта организующая роль Петербургского и других Советов особенно видна в связи с событиями в октябре, ноябре и декабре. В течение октября, ноября и декабря вслед за Петербургом организовались Советы в Новороссийске (в конце октября), в Москве и Костроме (в начале ноября), в Ростове-на-Дону (8 ноября), в Чите (22 ноября), в Иркутске (26—30 ноября), в Одессе (28 ноября), в Николаеве, Самаре, Саратове, Твери, Красноярске (6 декабря) и в других городах.

1 ноября Петербургский Совет в ответ на объявление военного положения в Польше и в связи с восстанием в Кронштадте объявляет всеобщую политическую забастовку; она прекращается 7 ноября (Москва высказалась против забастовки); однако раскаленная атмосфера в стране поднимала рабочих, крестьян

[1] См. указания на стр. 166, 182 и 183.

и солдат повсюду, за ними поднимались и другие слои трудящихся. 8 ноября в Ростове-на-Дону начинается двухдневная политическая забастовка, волнения и восстание в Севастополе; 15 ноября в Москве открылся всероссийский почтово-телеграфный съезд и объявлена почтово-телеграфная забастовка, начавшаяся в этот же день в Петербурге, Киеве, Новороссийске; эта стачка затем объявляется в Вильне, Нижнем, Казани (17 ноября) и, в связи со вспыхивающими там и сям политическими забастовками на железных дорогах и в городах, охватывает почти всю телеграфную сеть России. Восстание крестьян ширится и растет и к концу ноября охватывает почти всю Россию (см. приложение).

Правительство также организуется: идет учет сил, оформляются контр-революционные организации («Союз руского народа» 29 октября 1905 года, монархическая партия, «Союз землевладельцев» и «Союз 17 октября»—7 ноября 1905 года, «Общество хоругвеносцев и добровольной охраны», партия правового порядка, торгово-промышленная партия), по всей России прокатывается волна еврейских погромов, избиений интеллигенции и рабочих, расстрелы: только в течение второй половины октября и ноября было устроено 64 грандиозных погрома и избиения, да и то в это число не вошли более мелкие погромные выступления.

На военном положении объявлена почти вся Россия. Вот в хронологическом порядке применение этой меры за октябрь и ноябрь: Польша, Кутаисская губерния, Иркутск, Кронштадт, Привислинский и Прибалтийский края, Черниговская, Курская, Пензенская, Тамбовская, Саратовская, Киевская губернии, Севастополь, Польша (после отмены по требованию Петербургского Совета); наконец, объявление на положении чрезвычайной охраны железных дорог и введение на них военного положения, не говоря уже о том, что все крупнейшие промышленные центры были до того объявлены или на положении чрезвычайной охраны, или на военном положении, в губерниях интенсивного движения введена должность военного генерал-губернатора и командированы генерал-адъютанты с чрезвычайными полномочиями (31 октября 1905 года); наконец, предоставление местным властям объявлять на военном положении местность, где возникает железнодорожная и почтово-телеграфная забастовка, и организовать на частные средства пешую и конную полицию для защиты помещиков. Все эти меры знаменовали собой организацию контр-революции и соглашение крупного помещичьего землевладения с крупным капиталом, как опоры самодержавия. В то же время самодержавие бросает кость и бунтующему крестьянству и главным образом его верхушкам: 3 ноября опубликован манифест о сложении выкупных платежей и о расширении операций Крестьянского банка. Другая кость была брошена земскому и либеральному обществу в виде реформы совета министров с Витте

во главе, как председателем совета (24 октября); эта мера, амнистия (21 октября), вырванная у царя октябрьскими днями, а также посулы правительства о Думе и переговоры правительства с либералами заставили их явно и открыто стать на сторону власти: многие земства и города выражают доверие Витте и призывают его установить в стране порядок (Новохоперск, Череповец, Кузнецк, Кострома, Самара, Царицын, Рыбинск, Бахмут, Новгород, Тула и др.).

Царь мог с чувством удовлетворения уже в ноябре (почти накануне восстания в Москве, 28 ноября) написать одному из своих друзей: «... Несмотря на всякие трудности, препятствия и разочарование в людях, бодрость духа не покидает меня. Единственным утешением является та масса адресов и телеграмм с самыми трогательными изъявлениями любви и преданности, которую я постоянно получаю со всех углов России. Давно пора бы хорошим элементам сплотиться для порядка и дружной работы по примеру дурных людей. Но велик бог земли русской, я крепко верю в его милосердие, что настанут и для нас светлые дни...»

Контр-революция была организована от царя до умеренно-прогрессивной партии и либералов включительно.

Это и обнаружилось особенно ярко, когда Московский Совет Рабочих Депутатов призвал пролетариат к восстанию. В ответ на призыв Совета комитеты четырех партий,— «Союза 17 октября», торгово-промышленной партии, партии правового порядка и умеренно-прогрессивной партии,— выпустили воззвание: «К гражданам Москвы», в котором призывали выбрать любой из двух путей: «... один, по которому зовут вас революционеры к низвержению государя императора, другой путь, к которому призываем мы. Сплотитесь воедино, памятуя долг ваш перед родиной и присягу вашу перед царем, чтобы сохранить единую, нераздельную Русь с главою ее, государем, и Государственной Думой, в которую манифест 17 октября призывает избранников народа к управлению страной во славу и благоденствие нашей родины».

Но не только подобные элементы организовало самодержавие, оно пыталось использовать даже революционные партии. Одна из таких попыток очень характерна как для политики самодержавия, так и для той части социал-демократии, которая и доселе глубоко убеждена, что большевики погубили долгожданную демократическую революцию, с демократической конституцией, как ее завершением. Мы говорим о меньшевиках, именно о наиболее революционной разновидности их, кавказских меньшевиках 1905 года.

В конце ноября до царя дошли грозные слухи, что не кто иной, как сам кавказский наместник, выдал оружие... меньшевикам.

По вполне понятным причинам (где уж там Николаю II было разбираться во фракциях российской социал-демократии!) очень встревоженный этими слухами царь запросил наместника: «Министр юстиции доложил мне телеграмму из Тифлиса о том, что вами была разрешена выдача пятисот винтовок революционерам, занявшим вместо полиции охрану города, следствием чего была схватка между армянами и татарами. Отказываюсь верить этому невероятному известию».

Наместник отвечал царю пространной реляцией, из которой действительно видно, что Кавказ пылал восстанием. Сказав несколько слов об этом восстании, перетрусивший сатрап разъясняет царю, как он, верный слуга царя, вдруг стал другом и покровителем меньшевиков: «...Войскам приходилось снимать с гор отдельные отряды вооруженных армян. При таких обстоятельствах, в виду просьб мирного населения о создании такой обороны, при которой все самовольно вооружившиеся удалились бы с улиц в дома, невозможность действовать среди тесных улиц и переулков азиатской части города войскам, подвергавшимся незаметному обстрелу, я решил выдать 500 ружей рабочей партии честных социал-демократов-меньшевиков, вызвавшейся, в отступление от своего принципа, не пользоваться оружием при преследовании целей своей партии, содействовать умиротворению армян и мусульман, встав с ружьями по границе местопребывания враждующих национальностей. Последующие события показали целесообразность принятой меры: два дня с половиною перестрелки между армянами и татарами не происходило. Но потом татары не выдержали, напали на эту охрану, и она отступила, с потерями убитыми и ранеными, от передовых позиций, занятых войсками. На следующий день произошел в азиатской части города пожар, уничтоживший несколько армянских и татарских домов. Вслед за выдачей мною ружей мирной рабочей партии все остальные самовольно вооруженные организации постепенно ушли с улицы. Вместе с тем рабочая партия выяснила, что резня в Тифлисе вызвана самими армянами. Это выяснение разделило объединившиеся ранее революционные партии, обвинявшие прежде единогласно чинов нашей администрации в провокаторстве. Теперь в Тифлисе внешне спокойно, и рабочая партия, получившая от меня ружья на честное слово, возвращает их. Однако мера, принятая мною, смутила умы многих лиц тифлисского русского общества, усмотревшего в ней вооружение туземцев против русских. Распространились слухи, что вооружены армяне, хотя в действительности ружья

получили только русские и грузины, члены партии, которой я доверял»[1].

Здесь все хорошо в этой реляции, и то, что партия «честных социал-демократов-меньшевиков» есть «мирная рабочая партия», и то, что эта мирная рабочая партия обещала «не пользоваться оружием при преследовании целей своей партии», и то, что эта партия выяснила, будто резня в Тифлисе вызвана армянами, и то, что началась рознь между революционными партиями, и то, наконец, что мирная партия возвращала оружие обратно.

Как бы недоверчиво ни относиться к толкованию Воронцовым-Дашковым заключенного им соглашения с мирной рабочей партией, факт сдачи оружия, полученного от правительства, есть факт, подтвержденный нашими товарищами, — С. Закрадзе, Д. Хубулари, И. Джеджелова и Сабашвили в своих воспоминаниях подтверждают его. «После манифеста Витте, когда разгорелась армяно-татарская резня, 1-му району было выдано Воронцовым-Дашковым 600 берданок, под ответственностью Исидора Рамишвили и Сильвестра Джибладзе, для примирения армян и татар... ...Правительство не могло видеть и терпеть вооруженных рабочих и потребовало сдать оружие обратно. Но не все рабочие были согласны на это... ...Реакция восторжествовала, и рабочим пришлось сдать оружие»[2].

Как бы ни смотреть на донесение наместника царю, как бы ни было оно лживо, хотя бы, напр., в той части, где говорится, будто в результате принятой им меры между революционными партиями произошел раздор по вопросу о причинах армяно-татарской резни[3], факт использования им кавказской меньшевистской социал-демократии, равно как и факт возвращения раз уже полученного оружия, остается фактом.

Однако меры, подобные только что рассказанной, не могли остановить развитие движения: восстание было неизбежно, и если царь лихорадочно мобилизовал свои силы, мобилизовала их и революция.

---

[1] Ист.-рев. архив. См. всеподданнейшие доклады министров и губернаторов за 1905 г.

[2] «Из славной истории 1903—1910 гг.» (в сб. «25 лет борьбы за социализм». Хрестоматия по истории ВКП (б). Тифлис, 1923, стр, 212). Здесь говорится о 600 берданках, но в распоряжении, опубликованном в газете «Кавказ», тоже названа цифра 500; «... вместе с тем наместник е. и. в. на Кавказе, доверяя вполне мирному настроению рабочей партии, обратившейся к нему с просьбой о снабжении ее оружием для внесения умиротворения в возникшую в городе Тифлисе армяно-татарскую распрю принятием мер к ее прекращению, нашел возможным выдать рабочим нейтральных национальностей, по выбору и под ручательством рабочей организации, 500 ружей». См. в книге «Революция 1905 года в Закавказье. (Хроника событий, документы, материалы)», Тифлис 1926, стр. 112.

[3] См., напр., речи И. Рамишвили в Государственной Думе, стенографический отчет, т. II.

Приводим данные из доклада царю о положении дел в конце ноября. В Колпине рабочие отливают бомбы; в Новгородской губернии — брожение; в Лифляндской губернии «все поезда обыскиваются в настоящее время повстанцами, повидимому, не без ведома служащих»; «вся площадь Курляндской губернии, исключая городов Митавы, Туккума и Либавы, а быть может, также Газенпота и Гробина и некоторых пунктов, занятых разбросанными военными отрядами, находится в руках повстанцев; Туккум был взят мятежниками 30-го минувшего ноября», при чем были убиты подполковник Миллер и 24 солдата и ранены 2 офицера и 26 солдат; только получив подкрепление, правительство вновь заняло город; в местностях Витебской губернии полная анархия; в Варшаве забастовали полицейские; аграрное движение захватило снова Екатеринославскую и Полтавскую губернии; даже в мирной Владимирской губернии рабочие вступили в борьбу с войсками; в конце ноября в Витебской губернии «мятежники» одерживают победу за победой над войсками; в Варшаве в начале декабря рабочие пускают в ход бомбы; в Тамбовской губернии крестьяне громят помещиков, и даже столь любезные сердцу царя донские казаки 2 декабря в станице Арчеда поднимают бунт и помогают крестьянам грабить помещика; в Харькове 23 ноября Старобельский и Лебединский полки идут на митинг к рабочим; Казанская губерния охвачена крестьянскими восстаниями; в Риге рабочие стреляют в солдат; в Царицыне 30 ноября бунтует Бобруйский пехотный полк, и т. д.

Можно было бы собрать целый том таких сообщений, рисующих Россию, охваченную в ноябре и начале декабря пожаром восстания.

«Среди войск Сибирского военного округа происходят сильные волнения,— пишет в докладе царю министр,— возникшие вследствие стремления нижних чинов возвратиться поскорее домой. Волнения эти в сильной степени поддерживаются энергично ведущейся на местах пропагандой. Возвращающиеся в Европейскую Россию запасные буйствуют в пути, издеваются над железнодорожными служащими, угрожая им избиением. Гарнизоны Иркутска и Красноярска, вследствие увольнения части запасных, поставлены в крайне затруднительное положение, даже в деле выполнения караульной службы. Это положение еще более осложнилось увольнением из двух расположенных в Иркутске батальонов, по распоряжению местного генерал-губернатора, вследствие предъявленных нижними чинами дерзких требований, двух лишних возрастных классов запасных, что вынуждает уволить запасных тех же сроков и из других батальонов. При таких условиях в местных гарнизонах остается едва две очереди обыкновенного караульного наряда».

Все только что указанные факты мы привели к тому, чтобы иллюстрировать следующую мысль: еще задолго до декабрьских дней в Москве вся страна была объята восстанием, разрозненным, стихийным, вспыхивавшим то здесь, то там, без единого плана, без единого руководства, как результат невиданного еще в мире огромного революционного движения народных масс. Москва была только одним из звеньев великой непрерывной цепи событий, именуемых «Революция 1905 года».

5. Декабрьское восстание в Москве и в провинции

Но что замечательнее всего, и в Москве, как это теперь видно из документов и мемуаров, восстание вспыхнуло в известной степени стихийно, и величайшей заслугой нашей партии было то, что она, в лице своего Московского Комитета, сделала попытку и далеко не без успеха, взять в свои руки руководство движением, вести его в организованное русло.

Действительно, все решительно участники рисуют стихийность надвигавшихся в Москве событий. «Близился октябрь. В университете шли грандиозные митинги. Чувствовалось, что близится что-то, но было не ясно, что именно»[1],— так говорит тов. Костицын, один из активных деятелей восстания. В еще более резких тонах отмечает эту стихийность другой деятель того времени, тов. Доссер: «Первая вспышка произошла в саперных войсках, расположенных в Сокольниках. Волнения возникли стихийно, помимо желания революционных организаций, действовавших в тот момент под лозунгом накопления сил. Комитет был поставлен уже перед совершившимся фактом выступления саперов... спустя несколько дней восстали перновцы, расположенные в Спасских казармах, около Сухаревой башни... Обе стороны держались пассивно, но доступ к перновцам был закрыт, и Комитет партии большевиков опять не имел возможности оказать свое влияние на ход событий, как известно, окончившихся в Перновском полку выдачей зачинщиков и старанием заслужить себе прощение у начальства разгоном митинга... Одни эти события, помимо вестей из Петербурга об аресте Совета Рабочих Депутатов, показали, насколько близок кризис борьбы. Острота положения чувствовалась всеми, и все начали готовиться к решительным действиям»[2].

Тов. Ярославский в своей прекрасно и с большим знанием дела написанной работе делает сводку свидетельств участников вос-

---

[1] «Декабрь 1905 года на Красной Пресне», М. 1925, стр. 21.
[2] Там же, стр. 10.

стания, из которых, во-первых, видно, что боевой центр, каким тогда был Московский Комитет партии большевиков, решился на восстание, только узнав мнение московских рабочих (на заседании Московского Совета Рабочих Депутатов 4 декабря 1905 года, где было принято известное решение о готовности к забастовкам и восстанию, и на заседании Московской конференции 5 декабря в училище Фидлера), и, во-вторых, что решение начать восстание было продиктовано самими массами.

Тов. Южин, говоря о том, что даже тени давления не было оказано на рабочих, делегатов конференции, добавляет, что решительно все, за исключением тов. Землячки и Евгения (от боевой организации), призывавших к осторожности, высказывались за восстание.

О таком настроении говорят решительно все участники и наблюдатели движения: тов. Виктор, Черномордик, К. Н. Левин, А. Соколов, Н. А. Рожков и др.

Необходимо подчеркнуть несколько обстоятельств, рисующих обстановку московского восстания.

«Накануне восстания нельзя было говорить о крепнувшем революционном настроении в войсках московского гарнизона, так как, несомненно, настроение это шло на убыль, вследствие ликвидации движения в Ростовском гренадерском полку»[2].

Меньшевики, социалисты-революционеры и Железнодорожный Союз согласились на восстание под давлением масс, хотя были против восстания.

Николаевская железная дорога работала, при чем была целиком в руках правительства, так как на дороге работал железнодорожный батальон, а на телеграфе — элементы, явно враждебные восстанию.

Первые два дня, когда именно важнее всего было начать нападение на врага, располагавшего не особенно большими силами солдат, если не сочувствовавших народу, то нерешительных и колебавшихся,— наступление сделано не было, и все время было израсходовано на митинги, собрания и речи, обращенные к населению, которое нужно было не агитировать, а организовать для живой, активной работы. Сочувствие всего населения восставшему пролетариату было настолько явно и велико, что в постройке баррикад принимали участие не только рабочие, но самые обыкновенные обыватели, между тем именно в эти первые дни «не было сделано ни одной сколько-нибудь серьезной попытки добыть оружие»[3].

Как совершенно правильно указывает т. Ярославский в своей

---

[1] См. у Ленина «Уроки моск. восстания» и примечания на стр. 166, 182 и 183.
[2] Е. Ярославский. «Декабрьское посстание», стр. 129.
[3] Там же, стр. 143.

работе «Декабрьское восстание»,— «фактического руководства, планомерного руководства из одного центра, который непрерывно давал бы директивы районным бойцам, почти не было» [1]. Не было точно так же и прочной связи с окраинами, отсутствовала согласованность действий в Исполнительной Комиссии Московского Комитета и Исполнительного Комитета Совета, а коалиционный совет боевых дружин никакой роли во время восстания не играл. Военного штаба в первые дни также не было, и федеративный комитет, т. е. центр, состоявший из представителей разных партий, «импровизировал случайно приходившие ему в голову решения относительно тактики, которой должны были держаться на первых порах наши боевые дружины» [2].

К этому еще надо добавить, что военная техника наших боевых дружин была очень низка, дружины не имели бомб, только меньшинство дружинников имели винтовки, аппарат связи был необычайно слаб.

Важно также и то, что в руках правительства оставались центр города, телеграф, телефон и связь с Петербургом, откуда шла помощь.

И при всем том, вопреки мнению меньшевиков, утверждавших, что и восстания в Москве не было, восставший пролетариат, со своим революционным энтузиазмом, своим стихийным революционным творчеством, создал такую обстановку поддержки и сочувствия весьма немногочисленным активным бойцам, что 1 000 или 1 200 бойцов Красной Пресни держали в страхе довольно солидные отряды регулярных войск с винтовками, пулеметами и артиллерией.

Вооруженное восстание в Москве не было изолированным: стихийное революционное движение всюду, где налицо было достаточно сил, в конце концов приходило к восстанию [3]. Рассматривая картину восстания, мы в декабрьских событиях можем подметить некоторые черты, общие с теми, какие были нами указаны при обзоре январского движения. Прежде всего можно установить тот факт, что московское вооруженное восстание играло ту же роль в декабре, какую сыграло выступление рабочих 9 января в Петербурге. Как в январе петербургские события послужили могучим толчком, от которого пришли в движение рабочие массы всей России, так в декабре Москва дала сигнал к вооруженному восстанию в остальной России, за исключением некоторых местностей, где восстание началось независимо от Москвы. Московское восстание началось 9 декабря (постановлением Совета объявлено днем восстания 7 декабря, но началось

---

[1] Там же, стр. 145.

[2] Михайлов-Южин. «Московский Совет Рабочих Депутатов 1905 года» — «Пролетарская Революция» 1925 № 5/40, стр. 1 1.

[3] См. Ленин — «Уроки моск. восстания и примечания на стр. 166, 182 и 183.

оно 9-го), а через несколько дней вступили в борьбу рабочие других городов: в Екатеринославе — 12 декабря, в Сормове — 13 декабря, в Ростове-на-Дону — 13 декабря; в Донецком бассейне восстание вспыхнуло отчасти одновременно с Москвой, отчасти влед за выступлением московских рабочих: в Горловке — 9 декабря, в Александровске — 13 декабря, а в общем в этих двух пунктах, а также в Ясиноватой, в Алчевской, в Дебальцеве. Авдеевке, Гришине, Иловайской, Синельникове — в период от 9 по 18 декабря, в Харькове — 12 декабря, в Уфе — 23 декабря, в Тифлисе — 17 декабря, в остальных местах Кавказа — Кутаисе, Квирилах и других местах — в конце декабря; в Красноярске — 25 декабря, в остальной Сибири (Владивостоке, Сретенске, Иркутске, Харбине, Благовещенске и т. д.) — в конце декабря 1905 года — начале января 1906 года, в Твери — 29 декабря. В Латвии восстание, начавшееся значительно раньше, в декабре принимает наиболее интенсивный характер. Если исключить такие окраины, как Латвия и Кавказ, можно подметить следующее явление: чем дальше к окраинам, тем восстание все больше и больше запаздывает; далее, обращаясь к рассмотрению центра восстания, мы видим, во-первых, что чем более мощный и более развитой слой пролетариата сосредоточен в данном месте, тем больше число мест охвачено восстанием, и, во-вторых, чем менее развит пролетариат, тем изолированнее его выступления. В самом деле, Донецкий бассейн, где сосредоточено очень большое число металлистов и горняков, представляет кипящий котел восстания,— от Екатеринослава до Ростова-на-Дону вся Екатерининская железная дорога и прилегающие к ней местности охвачены восстанием. В центральном промышленном районе, кроме Москвы, поднимают вооруженную руку только в Сормове и в Твери; такие крупные текстильные центры, как Иваново-Вознесенск, Ярославль, Орехово-Зуево,— молчат. На Урале, очень опоздавшем со своим ответом на январское выступление в Питере, в сущности боевые столкновения происходят только в Уфе и Мотовилихе; остальной Урал, как и центральный промышленный район, поддерживает выступивших с оружием в руках только забастовками.

Сибирь, находившаяся тогда в особых условиях вследствие большого количества войск, захватывает власть гораздо раньше, чем в России, но на вооруженную борьбу выходит позже, в конце декабря (Красноярск 26 декабря 1905 года — 5 января 1906 года) и в начале января (Чита 19 января). Некоторые отсталые местности на Урале раскачались только через год (Симский завод поднял восстание 26 сентября 1906 года).

Латвию и Кавказ необходимо выделить. В Латвии вооруженная борьба началась гораздо раньше, чем в России, всецело находилась под руководством революционной социал-демократии,

протекала гораздо более планомерно и достигла огромных успехов; в сущности, до поражения рабочих в Москве, в Латвии царское правительство было не правительством, а фикцией; во многих местах у власти стояли революционные организации, которые после поражения революции были разбиты. Здесь велась всеобщая вооруженная борьба народа против правительственных войск, происходили настоящие сражения, города переходили из рук в руки, восстанием руководила партия.

Почти такое же явление наблюдается на Кавказе; здесь особые условия,— экономика, отношение классов,— как и в Латвии, поднимают на помощь рабочим крестьянскую массу; авторитет и сила партийной организации ставят ее во главе движения. Вот как рисовал характер движения генерал-адъютант граф Воронцов-Дашков: «На Северном Кавказе, почти совершенно отрезанном от Закавказья, революционное движение охватило Осетию и полосу Терской и часть Кубанской областей по линии железной дороги. В Пятигорске временное правительство... Кутаисская губерния фактически в руках революционеров»[1]. Здесь, как и в Латвии, происходили настоящие сражения повстанцев с войсками. Вот донесение командира 3-го батальона 77-го Тенгинского пехотного полка, подполковника Федотова: «Не помню хорошо, но, кажется, 29 декабря было получено предписание начальника дивизии о выступлении роты в Кутаис. Я в то время скрывался в роте от мятежников, которые меня обвинили в шпионстве и хотели убить. В 7 часов утра 30 декабря рота и я вместе с ней вышли из Белогор по полотну железной дороги на Дзырулы. Пройдя версты три от Белогор, мы вошли в узкое ущелье, с крутыми боками, поросшими кустарником. Дозоров выслано не было. Впереди шли командир роты и младший офицер, подпоручик Полетаев; вещи и съестные припасы везли на вагонетках. Как только вошли в ущелье, раздались частые выстрелы справа и слева, направленные большей частью в штабс-капитана Давыдова. Сейчас же им рота была рассыпана в цепь по откосу вдоль полотна, но, поражаемая сзади и сверху огнем, не могла держаться и стала беспорядочно и торопливо отступать на Белогоры. Командир роты тоже приказал отступать, вскоре он был тяжело ранен в спину; рядовой Исаак Мошь, бывший у него вестовым, подбежал к нему помочь, но вторая пуля убила рядового и командира роты. Потеряв ротного командира. рота бросилась в Белогоры, туда же направился подпоручик Полетаев»[2].

Чем не похоже это в высшей степени красочное донесение на описание тех боевых столкновений, какие дает Л. Толстой из времен завоевания Кавказа, или красочных описаний В. Гюго, или О. Бальзака из времен французской революции!

---

[1] «Революция 1905 года в Закавказье», Тифлис 1926, стр. 142.

[2] Там же, стр. 183.

Примерно в этих же числах министр внутренних дел, успокаивая царя, докладывал: «Северный Кавказ сравнительно спокоен. Настроение хорошее. Общее настроение наместничества можно считать устойчивым, впрочем в зависимости от общего положения в России, но если возникнут крупные беспорядки, то они будут сейчас же прекращены, так как солдаты с туземным революционным элементом никогда не сойдутся, что очень угнетает местные комитеты. Наместник болен нервным переутомлением, очень слаб, но принимает важнейшие доклады. Положение его пока не безнадежно»[1].

Хорошо было министру внутренних дел, сидя у себя в кабинете и зная, что семеновцы залили кровью рабочее восстание в Москве, благодушно успокаивать царя, но каково было чувствовать себя Воронцову-Дашкову, у которого командиров роты повстанцы стреляли, как куропаток. Было от чего переутомиться!

На Кавказе, в Латвии, в Донецком бассейне вооруженные восстания охватывали войска, население, десятки тысяч людей. В Сибири, еще начиная с октября, победивший народ фактически взял власть в свои руки, при чем в таких городах, как Красноярск и Чита, формы советской власти достигли высшего развития: Советы приступили к установлению новых форм хозяйственной жизни и к управлению городами и краем на новых началах[2]. Но этого мало, в Сибири власть была фактически в руках не только рабочих, но и солдат, т. е. вооруженных крестьян; там, стало быть, существовали Советы Рабочих и Солдатских Депутатов, там в распоряжении новой власти была военная сила, чего не было ни в Москве, ни в Ростове-на-Дону, ни в каком другом городе Европейской России. В этом и состояла огромная слабость революции: в центре скопления наиболее развитого и сознательного пролетариата войска не были в распоряжении народа, а на окраине, где рабочие ютились по узенькой ленточке железной дороги, была, в сущности, восставшая армия, отдавшая себя в распоряжение народа.

Недаром министр внутренних дел доложил царю 29 декабря 1905 года о том, что «сведения из Сибири продолжают указывать на крайне тревожное положение в городе Красноярске». И не только, конечно, Красноярске; подавить восстание, напр., в Чите удалось только в 20-х числах января 1906 года. Однако 29 декабря министр уже с уверенностью мог написать: «На необходимость самой суровой расправы с красноярскими мятежниками указано командующему войсками Сибирского военного округа»[3].

---

[1] Ист.-рев. арх., доклад от 27 декабря 1905 г., особ. отд., № 2540, т. II.
[2] См. об этом «Сибирские Огни» 1924 № 5, статья Б. Шумяцкого.
[3] Цитир. дело деп. полиции — доклад от 29 декабря 1905 г.

Это можно было говорить потому, что в Москве, как и в других крупнейших пунктах Европейской России, восстание рабочих было подавлено.

Царь мог радоваться душою потому, что мятежная Польша молчала; польские рабочие, обессиленные предыдущей борьбой, просто физически не могли бороться под штыками 270-тысячной армии, расквартированной в польской провинции.

Изучая восстание 1905 года, мы можем наблюдать, что стихийное революционное движение масс, несмотря на нашу неподготовленность, переходило в восстания, и что восстание там, где наши организации были сильны, давало необыкновенно сильные результаты. Так было в Москве, Красноярске, Чите, Донецком бассейне, в Латвии. Остается только удивляться, как получались эти результаты, если не забывать, что не было не только единого всероссийского центра восстания, но что даже в отдельных пунктах таких сильных центров создано не было.

Восстание вырастало стихийно, и тысячу раз были правы большевики, еще с самого начала революции говорившие о необходимости создания временного революционного правительства и о подготовке восстания.

Сколько же требовалось оппортунизма, непонимания истинного положения дел и настроения масс, чтобы, как Плеханов, воскликнуть: «Не надо было браться за оружие!»

Восстание было творчеством революционных народных масс. Оно началось уже 9 января 1905 года, в великих событиях, охвативших Россию. Оно неудержимым потоком ширилось и развивалось от недели к неделе, захватывая то одну, то другую область, то один, то другой слой рабочих, поднимая крестьян, возмущая солдат.

Во время июньских баррикад всем стало ясно, что чисто р а б о ч е е восстание — без армии и крестьян — успеха не даст; восстание на «Потемкине», как затем в Кронштадте и в Севастополе, показало, что восстание одной армии без рабочих и крестьян обречено на неудачу. Так и было в Москве, где героические доблестные пролетарии, одни, без поддержки армии, истекая кровью, боролись с самодержавным чудовищем. Высшие же формы восстания, когда солдаты и рабочие, как в Красноярске, шли в бой рука об руку, также не давали результата, ибо происходили вдали от пролетарских центров, в далекой, хлебородной, богатой крестьянской Сибири.

Была еще одна причина неудачи: неподготовленность масс и партии к вооруженной борьбе; слишком печальные результаты дал раскол в партии и примиренческая, соглашательская нереволюционная тактика меньшевиков и их боязнь оружия.

И все же только потому, что большевики пытались внести и внесли планомерное революционное руководство восставшей

стихией, российский пролетариат, хотя и потерпевший поражение, вышел из революции 1905 года еще более мощным, сплоченным, сознательным и грозным.

Стойкость, самоотвержение и героизм, проявленные рабочим классом и его партией в 1905 году, и были залогом грядущей Октябрьской победы.

6. Восстание и партия

Говоря о неподготовленности партии к восстанию, мы должны, однако, принять этот тезис с известной оговоркой. И В. И. Ленин и другие товарищи, писавшие о восстании вслед за Лениным, говорили и говорят об этом. В известной статье «Уроки московского восстания» Ленин, подробно разбирая наши ошибки, так формулирует свою мысль: «Через голову организаций массовая пролетарская борьба перешла от стачки к восстанию»[1].

Тов. Ярославский в своей прекрасной работе дает множество фактов, показывающих, как «через голову организаций» стачка переходила в восстание; все наше предыдущее изложение и сводилось именно к тому, чтобы показать, насколько правильно понимала наша партия во главе с Вл. Ильичем ситуацию революции 1905 г., насколько наш лозунг о необходимости и неизбежности борьбы с самодержавием путем вооруженного восстания соответствовал объективной обстановке, потому что повсюду, начиная с января, в разных углах России стихийное движение рабочих, а за ними крестьян и солдат, подводило страну через политическую стачку к вооруженному восстанию[2]. В разных книгах, особенно у меньшевиков, рассказывается множество случаев, когда даже большевики не были на высоте положения в отношении руководства восстанием. Тов. Ярославский, описывая московское восстание, прямо говорит о том, что «фактического руководства восстанием, планомерного руководства из одного центра, который непрерывно давал бы директивы районным бойцам, почти не было»[3]. У товарища же Ярославского содержится множество фактов, говорящих и о том, на каком невысоком уровне была боевая техника революции. Все это, конечно, верно. И за всем тем в высшей степени прав тот же тов. Ярославский, когда он говорит:

«...тем не менее заслугой нашей партии остается то, что мы сосредоточили внимание известной части нашей партии на этих вопросах»[4],

---

[1] Собр. соч. В. Ленина, изд. 1-е, т. VII, ч. 2, стр. 48.

[2] См. замечания на стр. 166, 182 и 183.

[3] «1905 год. История революционного движения в отдельных очерках, под ред. М. Н. Покровского»: «Вооруженное восстание». Е. М. Ярославский. «Декабрьское восстание», стр. 195.

[4] Там же, стр. 91.

т. е. на вопросах техники, на вопросах непосредственной подготовки вооруженного восстания и на вопросах руководства им.

Теперь, рассматривая этот вопрос с точки зрения победоносного восстания 1917 года, мы должны не забывать той великой исторической заслуги нашей партии, и прежде всего В. И. Ленина, что благодаря разработке этого вопроса и теоретически и практически в эпоху первой русской революции мы добились победы и в 1917 году. В самом деле, еще задолго до 1905 года вопрос о восстании был поставлен Лениным и большевиками, в 1905 году эта постановка была проверена на опыте, и затем на учете этого опыта вопрос был расширен и углублен, и практически, и победоносно правильность его решения доказана в 1917 году[1].

В самом деле, вот как Ленин сам оценивает эту историческую заслугу большевиков, критикуя меньшевистскую резолюцию о восстании в 1905 году. Он различает три ступени в развитии взглядов революционной социал-демократии о восстании: 1897 год, 1902 и 1905 годы.

Первая ступень — 1897 год. В «Задачах русских социал-демократов» Ленина говорится, что «решать теперь вопрос, к какому средству прибегнет социал-демократия для непосредственного свержения самодержавия, изберет ли она восстание, или широкую политическую стачку, или иной прием атаки, было бы похоже на то, как если бы генералы, не собрав армии, устроили военный совет». Здесь, как мы видим, нет даже речи о подготовке восстания, а только о собирании армии, т. е. о пропаганде, агитации, организации вообще.

Вторая ступень — 1902 год. В «Что делать?» Ленина читаем: «...Представьте себе народное восстание. В настоящее время (февраль 1902 года), вероятно, все согласятся, что мы должны думать о нем и готовиться к нему. Но к а к готовиться? Не назначать же Центральному Комитету агентов по всем местам для подготовки восстания! Если бы у нас и был ЦК, он таким назначением ровно ничего не достиг бы при современных русских условиях...» Далее, описав те практические задачи, которые должен разрешить будущий ЦК, Ленин продолжает: «Перед нами, следовательно, ясно выдвинут уже лозунг п о д г о т о в к и в о с с т а н и я, но нет еще прямого призыва к восстанию, нет еще признания, что движение «уже привело» к его необходимости, что необходимо тотчас вооружаться, организовываться в боевые группы и т. д.». Перед нами — разбор как раз тех самых условий подготовки восстания, которые ч у т ь л и н е б у к-

---

[1] Подробнее об отношении партии к подготовке армии и о работе в войсках см. в книге К. Р о з е н б л ю м а «Военные организации большевиков 1905—1907 гг.», М. 1931, гл. II.

вально повторены в резолюции конференции (в 1905 году!).

Третья ступень — 1905 год. В газете «Вперед» и затем в резолюции третьего съезда делается дальнейший шаг вперед; кроме общеполитической подготовки восстания, выдвигается прямой лозунг — тотчас организоваться и вооружаться для восстания, устраивать особые (боевые) группы, ибо движение «уже привело к необходимости вооруженного восстания» (п. 2-й резолюции съезда)»[1].

На этой третьей ступени большевики сделали все, что возможно было сделать тогда при объективных условиях. И характер восстания в Москве в декабре 1905 года, и наши ошибки, и уроки восстания охарактеризовал Ленин в своей известной статье «Уроки московского восстания».

«Главной формой декабрьского движения в Москве,— говорит он,— была мирная забастовка и демонстрация. Громадное большинство рабочей массы активно участвовало только в этих формах борьбы». Но «под давлением объективных условий, сложившихся после октября,— продолжает Ленин,— забастовка выростала в восстание».

Действительно, мы видели, как развивались события, начиная с января, как они, вступая на высшую ступень летом и осенью, привели к всеобщей политической стачке в октябре, и как уже в ноябре ход событий вел неизбежно к восстанию.

Сказав о том, что «через голову организаций массовая пролетарская борьба перешла от стачки к восстанию», Ленин говорит: «Реакции некуда итти дальше артиллерийского расстрела баррикад, домов и уличной толпы. Революции есть еще куда итти дальше московских дружинников, очень и очень есть куда итти и в ширь и в глубь».

Недостаточность политических забастовок, необходимость призыва масс к вооруженному восстанию — вот первый вывод и урок московского восстания.

Вторым уроком московского восстания Ленин признает необходимость борьбы за войско. «Московское восстание показывает нам именно самую отчаянную, самую бешеную борьбу реакции и революции за войско».

«Восстание есть искусство,— повторяет Ленин слова Маркса и говорит далее: — Недостаточно группировок по отношению к политическим лозунгам, необходима еще группировка по отношению к вооруженному восстанию. Кто против него, кто не готовится к нему — того надо беспощадно выкидывать вон из числа сторонников революции, выкидывать к противникам ее, предателям или трусам, ибо близится день, когда сила событий,

---

[1] В. Ленин. «Революция учит». Собр. соч., изд. 1-е, т. VI, стр. 288.

когда обстановка борьбы заставит нас разделять врагов и друзей по этому признаку. Не пассивность должны проповедывать мы, не простое «ожидание» того, когда «перейдет» войско,— нет, мы должны звонить во все колокола о необходимости смелого наступления и нападения с оружием в руках, о необходимости истребления при этом начальствующих лиц и самой энергичной борьбы за колеблющееся войско».

Третьим уроком московского восстания Ленин считает вопрос «тактики и организации сил для восстания». Сказав о том, что военная тактика зависит от уровня военной техники и что уровень военной техники в 1905 году был неизмеримо выше по сравнению с военной техникой в XIX в., Ленин говорит, что тем самым московское восстание поставило вопрос о новой тактике.

«Москва выдвинула ее, но далеко не развила, далеко не развернула в сколько-нибудь широких, массовых размерах». Перечисляя недостатки московской тактики (дружинников было мало, рабочая масса не получала лозунга смелых нападений и т. д.), Ленин продолжает: «... та партизанская война, тот массовый террор, который идет в России повсюду почти непрерывно после декабря, несомненно помогут научить массы правильной тактике в момент восстания. Социал-демократия должна признать и принять в свою тактику этот массовый террор, разумеется, организуя и контролируя его, подчиняя интересам и условиям рабочего движения и общереволюционной борьбы, устраняя и отсекая беспощадно то «босяческое» извращение этой партизанской войны, с которым так великолепно и так беспощадно расправлялись москвичи в дни восстания и латыши в дни пресловутых латышских республик».

Ленин призывает шире развертывать работу, не забывая третьего урока московского восстания; не только пропаганда и агитация, не только развитие сознания масс: «развитие сознания масс остается, как и всегда, базой и главным содержанием всей нашей работы. Но не забудем, что к этой общей, постоянной и основной задаче моменты, подобные переживаемому Россией, прибавляют особые, специальные задачи...»

«... Будем помнить, что близится великая массовая борьба. Это будет вооруженное восстание...»

Итак, первый урок московского восстания — это переход революционного рабочего движения от стачки к восстанию и тем самым неизбежность, для разрешения исторических задач пролетариата, «отчаянной, кровавой, истребительской войны, как непосредственной задачи грядущего выступления».

Второй урок: необходимость для победы восстания успешной борьбы пролетариата за армию, и третий урок — выработка революционной тактики, техническая сторона, подготовка и руководство боевыми действиями.

Прежде чем перейти к обсуждению вопроса, как учла советы Ленина его партия, не лишне остановиться на вопросе о том, какую долю понимания проявили в 1905 году другие революционные партии, т. е. партии мелкой буржуазии — меньшевики и социалисты-революционеры, так как тактика всех других партий, от кадетов до монархистов, понятна без слов.

Тов. Ярославский в своей специальной работе обстоятельно показал всю половинчатость, трусливость и непродуманность тактики социалистов-революционеров и меньшевиков по вопросу о вооруженном восстании: в книге Ярославского приведено достаточно фактов и иллюстраций. Повторять эти факты было бы излишне. Позволительно задать другой вопрос: как развивались взгляды на вооруженное восстание у меньшевиков и социалистов-революционеров задолго до революции 1905 года, чтобы объяснить их тактику в момент революции. Важно это еще и с той стороны, чтобы уяснить себе, понимали ли вообще эти партии динамику революции, ход ее развития, восхождение движения в каждый данный этап на высшую ступень.

Совершенно правильно интерпретирует взгляды Ленина тов. Ярославский, когда говорит, что «московское декабрьское восстание нельзя рассматривать изолированно, отдельно от революционного движения во всей стране»[1], и что Ленин видел в московском и вообще декабрьском восстании «вершину» революции 1905 года.

Действительно, Ленин говорит, что «забастовка выросталась в восстание прежде всего под давлением объективных условий, сложившихся после октября»[2].

Мы привели уже выше исторический ход мыслей Ленина о вооруженном восстании, как он сам представлял его в разные моменты развития первой русской революции.

Любопытно, как же смотрели меньшевики на те грандиозные события, какие развертывались перед их глазами, начиная с января? Понимали ли они природу той стачки, того выступления, которое они сами в «Искре» назвали «великой всероссийской стачкой»?

Нет, они так и отнеслись к этому движению, как к стачке. В то время как польская революционная социал-демократия в своем обзоре событий называла январские события «стачкой, переходящей в восстание, и восстанием, носящим форму стачки», меньшевики не ушли в оценке событий дальше традиционных представлений Второго Интернационала о значении всеобщей политической стачки.

---

[1] Е. Ярославский. «Декабрьское восстание», стр. 3.
[2] Собр. соч., т. VII, ч. 2, стр. 47.

Вопрос этот, как известно, неоднократно обсуждался на конгрессах социалистов Запада. Как раз в августе 1904 года он вызвал бурные прения на 6-м международном социалистическом конгрессе в Амстердаме. Резолюция, принятая конгрессом по вопросу о стачке, носит на себе как следы борьбы социал-демократов с анархистами и синдикалистами, видевшими во всеобщей экономической стачке чуть ли не панацею от всех зол, так и следы влияния того беспросветного оппортунизма, каким был охвачен Второй Интернационал. Исходя из той мысли, что залогом успеха стачки «является крепкая организация и добровольно усвоенная самим пролетариатом дисциплина», резолюция предостерегает пролетариат от увлечения пропагандой анархистов и «призывает их укреплять свое объединение и силу в классовой борьбе путем развития организации, ибо от этого будет зависеть успех стачки с политической целью, если такая стачка окажется когда-либо полезной и нужной».

В этой резолюции нет даже намека на учет таких колоссальных политических выступлений пролетариата в форме массовых политических стачек, как на Юге России в 1902 году, в Италии, Норвегии, Швеции и в других странах в 1904 году.

Происходило это по той простой причине, что даже такие представители Второго Интернационала, как Плеханов, уже в 1904 году, т. е. до революции 1905 года, не верили в успешность вооруженного восстания пролетариата и не понимали и не предвидели возможности перехода такой стачки в восстание. Вот как Плеханов, прекрасно понимая, что «самая мирная массовая стачка легко может повести к столкновению с войсками», что «эту возможность необходимо учитывать при соображениях о массовой стачке», что «теоретически амстердамское решение о всеобщей стачке неправильно, потому что не полно», тем не менее считает, что «голландский проект резолюции мог быть принят, как правильно выражающий современное положение дел».

Почему же Плеханов считал эту резолюцию правильно выражающей положение дел? Потому что, по его мнению, влияние социал-демократии на войско не так сильно, чтобы можно было звать солдат на восстание.

Однако, конечно, не в этом суть дела. Вот что писал Плеханов по существу вопроса: «... В том-то и дело, что уличное столкновение рабочих с войском очень скоро окончилось бы теперь кровавым торжеством «порядка». Так думают все сознательные пролетарии Германии. Что же делать? Идеологи пролетариата указывают на всеобщую, точнее на массовую стачку, как на выход из затруднения. Массовая стачка позволит пролетариату избежать столкновения с войсками, а в то же время она внесет такое расстройство в ряды неприятеля, что он вынужден будет

отступить, если не положить оружие. Именно в этом смысле амстердамская резолюция говорит, что всеобщая стачка «может послужить крайним средством для того, чтобы добиться крупных общественных перемен или отразить реакционные покушения на права рабочих». Что же представляет собою всеобщая стачка, рассматриваемая с этой точки зрения? Суррогат вооруженного сопротивления»[1].

Итак, массовая политическая стачка — это не такая форма борьбы, которая в своем ходе может и должна в случае надобности превратиться в высшую форму борьбы,— наоборот, это средство борьбы, которое, как раз наоборот, страхует пролетариат от вооруженной борьбы.

И Каутский и другие лидеры Второго Интернационала так и смотрели на политическую стачку; они вообще не хотели призывать пролетариат к борьбе. «... Вооруженное восстание? — писали голландские социалисты.— Но о нем нельзя и думать до тех пор, пока войско представляет собою безвольное орудие в руках правительства. Отказ в уплате податей? Но пролетариат несет слишком мало прямых налогов, чтобы таким путем можно было чего-нибудь достигнуть. Отказ от военной службы? Но это ведет не к чему иному, как к тюрьме, а в тревожное время даже к смертной казни»[2]... Никаких, стало быть, революционных средств борьбы, кроме стачки, Второй Интернационал рекомендовать пролетариату не мог. Призывов к оружию он боялся, как огня. Действительно, когда вслед за амстердамским конгрессом на партейтаге в Бремене в 1904 году молодой тогда красный Либкнехт внес предложение об антимилитаристской пропаганде в войсках и о военной стачке в случае приказания войскам подавлять рабочее движение, все старые вожди, до Бебеля включительно, взяли, как говорится, в штыки молодого смельчака: все предложения Либкнехта вызвали строгое осуждение, «военная стачка» была объявлена утопией, и партейтаг единодушно постановил даже не обсуждать предложения молодого революционера. И это происходило в то время, когда в России уже начались забастовки матросов и солдат, за шесть-восемь месяцев до того, как не только запасные отказывались итти на войну, но даже кадровые солдаты устраивали стачки.

Что же удивительного после этого в том, если «Искра» в передовой статье № 85 провозглашала в ответ на вопрос, в чем должно выражаться руководство социал-демократии восстанием, что не в военно-техническом руководстве восстанием центр вопроса, — «не в них центр тяжести нашей работы по подготовке масс к восстанию. Как все революционеры, мы должны

---

[1] «Искра» 1904 г. № 76.
[2] Цитирую по «Революционной России» № 49 от 1 июля 1904 года.

заботиться о вооружении идущих к восстанию масс, но не должны забывать, что подпольные организации могут сделать в этом отношении очень немного, и все их старания не будут иметь никакого значения, если они не сумеют вооружить народ одним неизменным оружием — жгучей потребностью напасть на самодержавие и вооружиться для этого».

Это заявление было сделано 27 января 1905 года, и в том же № 85 Парвус давал такой совет: «Должны быть организованы рабочие кружки с ясно очерченной задачей: подготовлять массы к восстанию, собирать их вокруг себя во время восстания, поднять восстание по данному лозунгу».

Это писалось в январе, а в № 87 «Искры», в статье «Врозь итти, вместе бить», проводилась мысль, что только объединение со всеми врагами самодержавия может обеспечить успех восстания. Это положение вытекало из основной мысли статьи, что в противовес Западу, где пролетариат изолирован, в России, наподобие Франции 1830 года, изолировано самодержавие. Эта ничего не говорящая схема, без учета классовых сил в конкретной исторической обстановки,— роли и значения революционного крестьянства, соглашательской природы либерализма, черносотенной контр-революционной природы крупной буржуазии и крупного землевладения,— совершенно обесценивала те отдельные правильные положения статьи, в которых давались указания о значении работы в армии. Хуже всего было, однако, то, что и здесь главной задачей партии в подготовке к восстанию считалось внедрение мысли «о жгучей потребности напасть на самодержавие».

Резолюция меньшевистской конференции, как это прекрасно показано Лениным, тоже вся пропитана неверием в революционную энергию масс и партию. Уже первый пункт этой резолюции своей отрицательной характеристикой текущего момента лишает партию всякой надежды на успех.

«Возможность приурочить одновременное и повсеместное восстание к заранее назначенному сроку и подготовить его конспиративно-организационными средствами исключается уже одной слабой организованностью передовых слоев пролетариата и неизбежно стихийным характером революционного движения тех именно народных масс, быстрое вовлечение которых в борьбу с царизмом является залогом нашей победы» [1].

Та разноголосица, какая существовала по вопросу о восстании в среде меньшевиков и приводила к тому, что Мартынов и Мартов не придавали серьезного значения вооруженной подго-

---

[1] Критику меньшевистских взглядов см. у Ленина в «Двух тактиках» (Собр. соч., изд. 1-е, т. VI).

товке масс, что Плеханов влачил за собой, как каторжник, прикованный к оппортунистической тачке Второго Интернационала, вообще неверие в успех вооруженного выступления, что все они вместе с Парвусом и Троцким сбрасывали со счета революционное крестьянство и усиленно советовали пролетариату «б и т ь» самодержавие вместе с той самой буржуазией, которая никакого желания «бить» вообще не имела, а как раз хотела итти вместе с самодержавием [1].

«Жирондисты современной русской социал-демократии,— характеризовал меньшевиков Ленин,— новоискровцы не сливаются с освобожденцами, но оказываются фактически, в силу характера своих лозунгов, в хвосте у них» [2].

Социалисты-революционеры, эта «буржуазно-демократическая фракция» революции, как удачно определил их еще второй съезд партии, в своих схемах и тактике, под влиянием революционной крестьянской стихии, интересы которой они претендовали выражать, более правильно, чем меньшевики, подходили к боевым задачам момента.

Еще летом 1904 года, как раз в тот момент, когда на Амстердамском конгрессе шли дебаты, победит или не победит в грядущем вооруженном восстании пролетариат, социалисты-революционеры писали в «Революционной России» о том, что государственный переворот «может быть у нас осуществлен лишь целой системой мер и средств чисто революционного характера, всеобщим вооруженным восстанием как городского, так и сельского пролетариата, в тесном целесознательном союзе с трудовым крестьянством.

П р о л е т а р с к и й метод революции, метод Парижской Коммуны и всеобщей стачки в гармоническом соединении с к р е с т ь я н с к и м методом революции всеобщего и непосредственного «черного передела» и с испытанным террористическим методом «Народной Воли», направляющей свои удары непосредственно в более ответственные и руководящие центры вражеского лагеря,— такова в общем та система мер, которой можно надеяться нанести решительный и верный удар российскому самодержавию — буржуазному царству, т а к о в в с в о е й с л о ж н о с т и м е т о д, в ы д в и г а е м ы й н а м и, р у с с к и м и с о ц и а л и с т а м и-р е в о л ю ц и о н е р а м и» [3].

Террористическая деятельность социалистов-революционеров общеизвестна, менее известна их деятельность среди крестьян, и нужно сказать, что в течение 1904 и 1905 годов они создали во многих местах довольно сильные крестьянские организации.

---

[1] Об этой путанице и растерянности среди меньшевиков см. у т. Я р о с л а в с к о г о «Декабрьское восстание», стр. 31.

[2] В. Л е н и н. Собр. соч., изд. 1-е, т. VI, стр. 337.

[3] «Революционная Россия» № 50 1/VI 1904 г.

Какие слои крестьян шли за ними, это другой вопрос, как особый вопрос и о том, какие мелкобуржуазные элементы деревни они вообще вели за собой (учителя, фельдшера и т. п.). Основной факт тот, что эта буржуазно-демократическая фракция пользовалась известным влиянием в крестьянстве, которое игнорировать уже было никак нельзя. Вот почему третий съезд партии, оставаясь целиком на принципиальной позиции, полагал, что «временные боевые соглашения социал-демократов с организациями социалистов-революционеров в целях борьбы с самодержавием могут быть в некоторых случаях полезны».

Однако, какая путаница царила в головах руководителей этой буржуазно-демократической фракции революции, видно хотя бы из того, что уже во время разгара революции, вскоре после майских дней, в «Революционной России» был опубликован «Проект инструкции о подготовительной работе и боевой тактике П. С. Р.». Хотя этот проект был выработан кружком членов П. С. Р. в одной из центральных губерний и поэтому не может быть рассматриваем как формально исходящий от партии документ, однако, так как проект этот не снабжен каким-либо редакционным примечанием о расхождении партии с его основными положениями, то можно мысли, развитые в нем, рассматривать как мысли, которые принимались центральным органом партии.

Проект предлагает две возможных стадии революции — революцию, в результате которой рабочий класс может добиться более или менее значительных уступок со стороны буржуазного общества, но не коренного преобразования, и революцию социалистическую.

В первом случае проект рекомендует более мирные средства борьбы — стачки, бойкот, саботаж, отказ от исполнения требований, предъявленных со стороны господствующих классов, осуществление своих требований захватным путем, уличные демонстрации, мирные и вооруженные, и т. п.

Во втором случае — социальной революции — подготовка победы предполагает, как крайнее средство, вооруженное восстание рабочего класса, с захватом органов, регулирующих общественные отношения (коммунистическая власть), а равно и средства производства, в распоряжение всего рабочего класса, для организации социалистического строя. Это не исключает возможности и более мирного решения вопроса, но при условии: «если хочешь мира, готовься к войне» [1].

С целью подготовки переворота партия организует вооруженные ядра людей, ведет агитацию и осуществляет террор.

Подробно и очень хорошо во многих работах показано, как эти мысли социалистов-революционеров (за исключением террора)

---

[1] «Революционная Россия» № 67, приложение.

не соответствовали той их практике, которая характеризует их работу в течение 1904 и 1905 гг.: ни сколько-нибудь значительных боевых дружин (вооруженных ядер), ни складов оружия, ни даже бомб социалисты-революционеры не дали в революции 1905 года[1].

Откуда же проистекали ошибки и неподготовленность к восстанию меньшевиков и социалистов-революционеров? Непонимание ими движущих сил и характера революции 1905 года влекло за собой и непонимание природы динамики, диалектики восстания.

Как же определял природу и характер русской революции вождь большевиков — В. И. Ленин?

«Своеобразие русской революции заключается именно в том, что она была по своему социальному содержанию буржуазно-демократической, но по средствам борьбы была пролетарской. Она была буржуазно-демократической, так как целью, к которой она непосредственно стремилась и которую она могла достигнуть непосредственно своими собственными силами, была демократическая республика, 8-часовой рабочий день, конфискация колоссального крупного дворянского землевладения — все меры, которые почти в полном объеме осуществила буржуазная революция во Франции в 1792 и 1793 гг.

Русская революция была вместе с тем и пролетарской, не только в том смысле, что пролетариат был руководящей силой, авангардом движения, но и в том смысле, что специфически-пролетарское средство борьбы, именно стачка — представляла главное средство раскачивания масс и наиболее характерное явление в волнообразном нарастании революционных событий»[2].

Непонимание этой природы русской революции меньшевиками и социалистами-революционерами повлекло за собой и непонимание того огромного значения, какое имел пролетариат, как авангард движения, и пролетарский способ борьбы — массовая политическая стачка.

Как оценивал именно этот пролетарский способ борьбы — массовую политическую стачку — Ленин уже в 1917 году, видно из следующих слов: «...В этом пробуждении колоссальных народных масс к политическому сознанию и к революционной борьбе и заключается историческое значение 22 января 1905 года...» Описав затем переход от массового движения в январе, когда рабочие творили историю без социал-демократии, к следующим этапам движения, когда уже эту историю творила революционная социал-демократия, руководя пролетариатом, Ленин пишет: «Самым главным средством этого перехода была массовая

---

[1] См. об этом у Ярославского, Южина, Костицына, Черномордика и других товарищей, давших работы или воспоминания о 1905 годе.

[2] «Ленинский сборник», т. V, стр. 21, 23 и 25.

стачка... Русская революция является в мировой истории первой,— но она будет, без сомнения, не последней,— великой революцией, в которой массовая политическая стачка сыграла необыкновенно большую роль. Можно даже утверждать, что нельзя понять событий русской революции и смены ее политических форм, если по статистике забастовок не изучить основы этих событий и этой смены форм» [1].

Читателю ясно теперь, почему мы начали нашу небольшую работу с изучения стачечного движения и смены его форм [2], как ясно и то, что именно непонимание всеми нашими противниками, начиная от социалистов-революционеров и кончая Мартовым, Троцким, Парвусом и Плехановым, двойственного характера революции 1905 года и той роли, какую в ней играла массовая политическая стачка и ее диалектическое развитие, и привело всех этих противников в болото оппортунизма.

Эта смена форм, это ее диалектическое развитие и привело к превращению массовой политической стачки в восстание.

«Забастовка,— говорит Ленин,— вырастала в восстание, прежде всего, под давлением объективных условий, сложившихся после октября» [3]. Как же определял этот процесс превращения стачки в восстание Ленин?

«Бунты — демонстрации — уличные сражения — отряды революционной армии — таковы этапы развития народного восстания»,— пишет Ленин [4].

Процесс этого превращения, по мнению Ленина, начался задолго до декабря, декабрь — это вершина процесса.

Что именно так думал Ленин, это видно хотя бы из его заметки «Задачи отрядов революционной армии». написанной в октябре, где он писал: «...Нельзя ни в коем случае забывать и того, что теперь лозунг восстания уже дан, восстание уже начато» [5].

После январских дней, как сказано выше, во главе пролетариата шла революционная партия пролетариата, пролетариат творил историю во главе со своей партией.

Как же мыслил себе вождь этой партии руководство восстанием?

Оценивая Потемкинское восстание, Ленин говорит, что из самого войска выходят отряды революционной армии.

«Дело таких отрядов — провозгласить восстание, — пишет он дальше, — дать массам военное руководство, необходимое для гражданской войны, как и для всякой другой войны,

---

[1] «Ленинский сборник», те же страницы.

[2] Изучению январской стачки посвящена наша специальная работа «Рабочее движение в январе 1905 г.».

[3] Собр. соч., изд. 1-е, т. VII, ч. 2, стр. 47.

[4] Собр. соч., изд. 1-е, т. VI, стр. 267.

[5] «Ленинский сборник», т. V, стр. 458.

создать опорные пункты открытой всенародной борьбы, перебросить восстание в соседние местности, обеспечить, сначала хотя бы в небольшой части территории государства, — полную политическую свободу, начать революционную перестройку прогнившего самодержавного строя, развернуть во всю ширь революционное творчество народных низов, которые мало участвуют в этом творчестве в мирные времена, но которые выступают на первый план в эпохи революций. Только сознав эти новые задачи, только поставив их смело и широко, отряды революционной армии могут одержать полную победу, послужить опорой р е в о л ю ц и о н н о г о п р а в и т е л ь с т в а. А революционное правительство — такая же насущно необходимая вещь, как революционная армия. Революционная армия нужна для военной борьбы и для военного руководства массами народа против остатков военной силы самодержавия. Революционная армия необходима потому, что только с и л о й могут быть решены великие исторические вопросы, а о р г а н и з а ц и я силы в современной борьбе есть военная организация»[1].

Понимала ли вся партия эти задачи момента так, как формулировал их вождь партии? Лучшим ответом на этот вопрос могут служить многочисленные факты, что именно большевики и не кто другой тотчас же после январских событий приступили к созданию и боевых групп, и военных организаций: при ЦК партии большевиков организуется «Боевая техническая группа ЦК РСДРП (большевиков)». Такие группы постепенно вырастают повсюду, равно как и военные организации, задачей которых, вместе с боевыми группами, и становится овладение царской армией, борьба за войско, создание той военной организации, о которой говорит Ленин и которая должна была организовать военно-революционную силу и армию революции (уставы таких организаций в Москве мы даем в приложении).

Нечего говорить о том, что именно наши большевистские организации, еще начиная с войны, уже призывали рабочих, солдат и крестьян к вооруженному восстанию и к подготовке к нему. Стоит только просмотреть тысячи прокламаций 1905 года, чтобы убедиться в этом. Приведем в качестве иллюстраций несколько выдержек из этих листков. И здесь мы замечаем то же явление, что и при изучении форм стачки: как в промышленных центрах и на окраинах стачка раньше приобретает политический характер, так здесь же гораздо раньше, чем в центральном тексильном районе, раздаются призывы к восстанию.

Кавказ, как мы видели, еще в мае призывал к вооруженным выступлениям в связи с майским праздником. Чем дальше, тем призывы эти становятся все чаще, все ярче и решительнее.

Вот что, например, читаем мы в листке Тифлисского Коми-

---

[1] Собр. соч., изд. 1-е, т. VI, стр. 267 — 268.

тета от 23 мая 1905 года по поводу гибели балтийской эскадры: «Вперед, граждане! Рабочий и крестьянин, имущий и неимущий — все должны подняться, восстать за честь родины. Смерть царизму!.. ...Свобода или смерть! Вооружайтесь, граждане! Да здравствует всенародное вооруженное восстание!»

В прокламации Бакинского Комитета от 29 мая мы находим такое место: «Уж поднимаются народные волны, уже во всех концах России встает могучий богатырь, русский народ, расправляет свои плечи, чтобы, взявшись за оружие, потребовать к ответу преступника царя... ... К оружию! К ответу кровопийц-преступников! Пусть народ возьмет свою судьбу в свои руки! Да здравствует всеобщее народное восстание!» В прокламациях Рижского Комитета нашей партии прямые призывы к восстанию начинаются тоже весной. Листок Рижского Комитета от апреля, например, содержит следующее место: «Признавая самой главной и неотложной задачей российского пролетариата в настоящий момент подготовление сил для вооруженного восстания, чтобы занять в нем руководящую роль, мы единогласно заявляем, что, по призыву местного Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, будем биться с оружием в руках против самодержавия, во имя провозглашения временного революционного правительства. Да здравствует всероссийское вооруженное восстание!» (Резолюция 120 чел. рабочих).

Листок от июля, начинающийся словами: «Революция началась!», кончается лозунгом: «Да здравствует народное восстание!» В листке от августа по поводу Государственной Думы мы находим такие слова: «Только вооруженное восстание пролетариата, поддержанное всем народом, может положить конец существованию этого правительства убийц и мошенников»... «Да здравствует всенародная революция! Да здравствует рабочая революция!»— кончается другой листок Комитета этого же времени.

Нечего толковать, что, начиная с сентября, нет уже ни одного листка Рижского Комитета, который бы не кончался таким же лозунгом.

В центр промышленно-текстильного района жизнь принесла эти лозунги после Потемкинского восстания, баррикадных боев в Лодзи, майской стачки в Иванове и сентябрьских баррикад в Москве.

Тверской Комитет в листке от сентября, говоря о партии, пишет: «...она горячо приветствует войну народа против гнета, произвола, разорения, она призывает всякого честного гражданина занять место в этой великой благородной войне. Она зовет к объединению и вооружению народа для беспощадной борьбы против правительства насильников, лжецов и убийц и всех, кто с ними».

Нижегородский Комитет нашей партии нашел возможным уже в августе призвать даже крестьян к вооружению: «Готовьтесь и вы к этому бою, крестьяне! Сговаривайтесь, соединяйтесь, вооружайтесь!»

Само собой ясно, что сентябрьские и октябрьские события эти лозунги восстания сделали всеобщими, разбросали и распространили их повсюду,— не только на фабрику, но и в деревню, и в казарму, и в местечко, в казачью станицу.

Готовьтесь к вооруженному восстанию!— призывает даже Бунд в ноябре: «Запасайтесь оружием. Сближайтесь с солдатами, ведите среди них самую широкую агитацию. Обдумывайте, изучайте и обсуждайте технические условия уличной борьбы, организуйте боевые дружины».

Центральный Комитет нашей партии выдвинул лозунг к восстанию еще раньше. Еще в июле, в прокламации по поводу приема царем земцев, ЦК РСДРП писал: «Товарищи рабочие! Ваши враги объединяются, день решительной борьбы недалек. Готовьтесь к восстанию и объединяйтесь под знаменем Российской рабочей партии революционной социал-демократии».

Комитеты партии большевиков проникали в деревню и там призывали крестьян к единению с рабочими, к вооружению, к образованию революционных крестьянских комитетов. Так было в Твери, в Нижнем, в Воронеже, в Орле, Саратове и во множестве других городов, не говоря уже о Латвии, Эстонии, Кавказе.

Нижегородский Комитет в октябре обращался к крестьянам: «Выбирайте в каждом обществе по несколько человек. Они составят ваш крестьянский Комитет, который возьмет в свои руки управление всеми вашими делами...» К созданию революционных крестьянских Комитетов призывали и другие Комитеты. Саратовский Комитет, а за ним и Московский в ноябре призывают крестьян отказывать в повиновении начальству, отбирать землю и вооружаться.

И мы знаем, что эти призывы не пропадали даром, и уже в октябре, как это приводится нами выше, крестьяне кое-где вооружались и с винтовками в руках совершали нападения даже в центральной России.

Ленин, проводя историческую аналогию между революцией 1825 года и 1905 года, говорит, что дворяне-офицеры не могли пробудить народ от летаргического сна. «Это удалось,— продолжает он,— только революционной борьбе пролетариата. Только волны массовой стачки, прокатившейся по всей стране, в связи с жестокими уроками империалистической русско-японской войны, пробудили широкие массы крестьянства от летаргического сна»[1].

---

[1] «Ленинский сборник» т. V, стр. 31.

И пробудили потому, что агентом, революционной бациллой, теперь был не дворянин-офицер, не «студент» 70-х годов, а «забастовщик» рабочий, связанный с деревней.

Мы нисколько не хотим затушевывать ошибки, сделанные нами в 1905 году,— их было много, и Ленин первый их подчеркнул и показал,— но мы не хотим забывать и те огромные заслуги, какие имеет наша партия, как руководитель, организатор и вождь великого движения 1905 года, вершина которого — восстание в декабре.

Рабочие массы, потерпев поражение на баррикадах Москвы, Ростова-на-Дону, Красноярска, в Донецком бассейне, именно благодаря руководству партии не деморализовались и продолжали вооруженную борьбу и в 1906 и 1907 годах, на ущербе революции.

Как это видно из прилагаемых здесь документов, опыт московского и других восстаний изучается повсюду в наших организациях. Наши военные организации растут, множатся боевые группы, растет новая революционная[1] армия, руководят восстаниями солдат и рабочих. Мы совершили много ошибок[2], но именно потому, что, в противовес наступающей реакции, партия звала к восстанию и, насколько могла, руководила им, именно поэтому гремели пушки Свеаборга и Кронштадта еще и в 1906 году, и на страницах нашей истории сияют такие имена, как Е. Коханский и А. Емельянов и тысячи их товарищей.

Мало того, партия пронесла опыт 1905 года до славных дней Октября; она изучила свои ошибки и сумела для нанесения удара и самодержавию и буржуазии создать то, о чем беспрестанно твердил В. И. Ленин, — нашу славную военную организацию 1917 года и октябрьских дней, из которой выросла сначала Красная гвардия, а затем и Красная армия, этот оплот пролетарской революции.

Было бы, однако, большой ошибкой, если бы мы успокоились на этих лаврах. Пролетарская революция не кончилась, наша партия — только передовой отряд.

Рабочие всего мира, на ряду с изучением опыта своих революций, изучат революции 1905 и 1917 гг., ибо к ним — пролетариям всего мира — можно обратиться со следующими словами Ленина: «Будем помнить, что близится великая массовая борьба. Это будет вооруженное восстание. Массы должны знать, что они идут на вооруженную, кровавую борьбу. Презрение к смерти

---

[1] См. приложения — документы, относящиеся к 1906 году.

[2] Например, не только Петербургский Совет, но и Московский федеративный Комитет Московского Комитета большевиков и Московской группы РСДРП меньшевиков в октябре требовал удаления войск из города (см. прокламации по поводу манифеста 17 октября). В 1917 году этой ошибки мы не повторили.

должно распространиться в массах и обеспечить победу. Наступление на врага должно быть самое энергичное; нападение, а не защита, должно стать лозунгом масс, беспощадное истребление врага — станет их задачей; организация борьбы сложится подвижная и гибкая; колеблющиеся элементы войска будут втянуты в активную борьбу. Партия сознательного пролетариата должна выполнить свой долг в этой великой борьбе».

Так обращался Ленин в августе 1906 года к русским рабочим. Мы не забыли этих слов и выполнили свой долг в Октябре. Мы ждем выполнения этого долга теперь и от других.

IX. ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

Обзор источников, на основании которых написаны наши работы об январском движении и о советах 1905 года, следует дать не только потому, что этот хороший обычай предписывается правилами исторического исследования вообще, но в особенности потому, что один род источников встречает особенно суровое осуждение со стороны некоторых «историков», — мы разумеем документы, находящиеся в фондах б. департамента полиции.

Прежде всего наши источники следует разделить на две большие группы — по внешнему, так сказать, признаку: на источники не опубликованные, хранящиеся в архивах государственных или частных, и на источники уже опубликованные, находящиеся в уже изданных работах.

1. Источники архивные

Главным источником служили нам: 1) дела б. департамента полиции; 2) дела провинциальных жандармских и охранных отделений; 3) дела судебных палат; 4) дела военных судов; 5) дела б. министерства финансов; 6) некоторые документы из архивов частных лиц и 7) многочисленные собрания прокламаций, листков и воззваний, еще не опубликованных.

Делопроизводство департамента полиции распределялось так: 1-е делопроизводство ведало личным составом и сметой департамента; 2-е делопроизводство — организацией полицейских учреждений империи, их структурой, законодательной частью, законопроектами и т. д.; 3-е делопроизводство, выделенное с 1898 года в Особый Отдел, в сущности занималось главной работой по искоренению крамолы, — в его ведении находился обширный круг дел: слежка, сыск, вообще русская и заграничная агентура, перлюстрация и т. п.; 4-е делопроизводство (б. судебный отдел министерства внутренних дел) ведало, под наблюдением прокурорского надзора, ходом дознания; 5-е делопроизводство — гласным надзором, и 6-е делопроизводство — надзором за фабрично-заводскими предприятиями, отношением рабочих к предпринимателям и т. п.

Что же представляют собой дела 3-го делопроизводства, или — с 1898 года — Особого Отдела?

Этот отдел был главнейшим отделом департамента, можно сказать, центром его. Здесь велась главная работа по искоренению крамолы. Дела этого отдела содержат самый разнообразный и обильный материал: агентурные сведения, переписку различных чинов полиции, донесения начальников жандармских управлений и охранных отделений, донесения губернаторов, перлюстрированные, а иногда и подлинные письма, рукописи, прокламации и иные документы.

В 4-м делопроизводстве скопились документы, отлагавшиеся в ходе дознания, и поэтому и здесь был не менее разнообразный материал: донесения о ходе следствия чинов полиции и лиц прокурорского надзора, обвинительные заключения, рисующие весь ход дела, копии и подлинники показаний, всякого рода вещественные доказательства, письма в копиях и подлинниках, прокламации, брошюры, рукописи, доклады губернаторов, жандармских чинов и т. п.

Как видно из только что сказанного, дела, которыми мы пользовались (главным образом дела Особого Отдела и 4-го делопроизводства), представляют конгломерат самых разнообразных документов официального, частного и общественного происхождения.

В зависимости от этого вытекало и наше отношение к изучаемому материалу.

В зависимости от места, времени и обстоятельств, в которых рождался тот или другой документ, в зависимости от автора этого документа создавалась та или иная его интерпретация. Возьмем для примера классический случай расстрела петербургских рабочих 9 января 1905 года. Официальный документ — правительственное сообщение — устанавливает цифру убитых в 76 и раненых в 233 человека. Доклад охранного отделения, содержащийся в деле № 4 делопроизводства 4-го, фиксирует цифры — убитых 130 человек и 299 раненых; подсчет тов. В. Д. Бонча-Бруевича по документам штаба гвардейского корпуса в 2 000 человек убитыми и ранеными; если сюда присоединить утверждения прессы, считавшей число пострадавших до 10 тысяч, то сразу бросается в глаза недостоверность как официальных, так и частных данных. Очевидно, только сопоставлением и критикой всех указанных источников возможно притти к более или менее правильным заключениям о том, насколько заслуживают доверия и официальное сообщение, и цифры записки охранного отделения.

Этот простой пример показывает, насколько вдумчиво приходится исследовать каждый документ, содержащийся в архивах такого учреждения, как б. департамент полиции.

Однако, в зависимости от множества всяческих обстоятельств, многие документы этого архива являются незаменимым источником исследования: в этих документах часто вскрывается

истинное, подлинное лицо исторических деятелей и подлинная картина событий. Трудно найти лучший документ, подтверждающий лживость и неискренность Николая II при подписании манифеста 17 октября, чем телеграмма, посланная им на Кавказ, с разрешением отменить этот манифест.

Пользоваться документами департамента приходится с большой осторожностью как потому, что авторы этих документов вносят кроме обычной субъективности, свойственной всякому лицу, так в особенности еще и потому, что на них лежит печать их полицейского, сыскного, охранного происхождения. Это свидетельства особого рода, и только при тщательной проверке всяческими другими документами эти сведения кое-что дают исследованию.

Вместе с тем и отказаться от них невозможно, ибо они, несмотря на свою одиозность, позволяют устанавливать новые факты, дают часто совершенно новые детали событий, вскрывают откровенно и цинично истинные побуждения лиц и скрытые пружины явлений.

Нечего говорить, что источники жандармских и охранных учреждений почти того же порядка, что и выше названные, — быть может, с тою разницей, что в них еще более полицейской предвзятости и лжи.

Дела судебных палат и военных судов очень важны тем, что содержат драгоценный источник исследования: показания привлеченных по делу и обвинительные заключения.

Как бы ни относиться к этим документам, во многих случаях даже подвергая их очень серьезной критике, они служат единственным средством для установления факта и правильного вывода. Многотомное дело военного суда только и дало возможность представить более или менее правдоподобную картину Новороссийской республики.

Вместе с тем, без тех данных, которые содержатся в деле Особого Отдела о событиях октября — декабря, нельзя было бы дать картину той стремительности событий, которую дать нужно было и которая получается, когда имеешь хотя бы канву главнейших и мелких фактов, нагроможденных в докладах царю, фактов, конечно, требующих тщательной проверки.

При таком детальном изучении январской забастовки, какое делаем мы, без сомнения недостаточно одних данных департамента полиции. Вот почему мы воспользовались архивом министерства финансов, именно отчетами фабричных инспекторов. Эти документы также официального, чиновничьего происхождения и во многом носят на себе печать бюрократического и узко-классового формального подхода к явлениям. Однако, в них неизмеримо больше понимания и причин и природы событий, взгляды их авторов шире и часто, независимо от их воли, объективнее.

К сожалению, они далеко не дают отчета о ходе забастовки на всех фабриках и заводах.

Письма и некоторые документы частных лиц, окрашенные, само собой разумеется, субъективизмом, служили дополнительным для нас материалом. Примером таких документов может служить записка петербургских присяжных поверенных о событиях 9 января, опубликованная нами в № 1 «Красной Летописи» за 1922 г.

Документы подобного рода также, разумеется само собой, требуют к себе критического отношения, но они, как и донесения фабричных инспекторов, вносят известные коррективы в те данные, какие исследователь выносит из ознакомления с источниками вышеперечисленными.

Как видно из всего сказанного, мы не всегда имели в своем распоряжении первоисточники (к таковым можно причислить донесения фабричных инспекторов, показания, письма, записки адвокатов, листки, воззвания, рапорты очевидцев и т. п.), во многих случаях это были документы производного характера, написанные на основании сведений, полученных из других источников, напр., доклады губернаторов, источником для которых служили сведения жандармов, записки охранных отделений, резюмирующие сводки своих агентов, и т. п. Впрочем, очень часто в делах находились и первоисточники таких сведений, напр., телеграфные донесения местных властей, переписка действовавших в ту или другую минуту лиц и т. п. В таком случае возможна была проверка и более тщательная критика.

Это отсутствие первоисточника (копия вместо подлинника, сводный доклад вместо донесений) часто затрудняло исследование, и тогда приходилось прибегать к каким-либо иным способам проверки (печатные источники, исследования).

Прокламации, воззвания, требования рабочих, резолюции и тому подобный материал, как первоисточник, был в некоторых случаях незаменимым средством как для выяснения характера события, его интерпретации той или другой партией или классом, так иногда (впрочем, значительно реже) и для установления факта.

Нечего распространяться о том, что и этот материал подвергался тщательной критике, так как в нем больше, чем в каком-либо другом материале, при правильной в большинстве случаев политической установке, непрозеренных фактов и явлений (неверные сведения о числе пострадавших, о количестве выступавших, арестованных и т. п.).

Главнейшие дела, использованные нами в работе:

1. Дело архива б. департамента полиции: «Дело о волнениях и стачках среди рабочих», № 4, 4-го делопроизводства, за 1905 год. Части 1, 2, 3 и 4 касаются столицы и носят подзаголовок: «Беспорядки рабочих 9—11 января 1905 г. в С.-Петербур-

ге и С.-Петербургской губернии»; часть 15 — Варшавы и Варшавской губернии; Лодзи — часть 67; Калишской губ.— часть 34; Плоцкой губ.— часть 75; Радомской губ. — часть 51; Седлецкой губ. — часть 63; Сувалкской губ. — часть 41; Келецкой и Люблинской губ. — часть 35; Прибалтийского края— часть 11; Западного края — чч. 7, 9, 11, 12, 13, 15, 17, тт. I—IV; чч. 19, 20, лит. А; чч. 23, 24, 28, 31, 35, 39, 40, 41, 42, 48, 49, 51, 53, 63, 66, 67, 68, 69, 71, 75; Кавказа — чч. 3, 4, 26, 62 и 71; Екатеринослава и Екатеринославской губ. — часть 17; Харькова, Киева — часть 24; Одессы — часть 19, лит. А; Кременчуга — часть 48; Москвы — часть 2, тт. I—II; Саратова и Саратовской губ. — часть 64; Урала — часть 45; остальных губерний — чч. 25, 73; а также части за номерами 5, 6, 8, 10, 14, 16, 18, 21, 22, 25, 26, 27, 29, 30, 32, 33, 36, 37, 38, 43, 44, 46, 47, 50, 52, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 62, 65, 70, 72, 73 и 74. Это дело рисует общий ход январской стачки на основании донесений жандармов, губернаторов и вообще правительственных агентов.

Не все части этого обширного дела могли дать более или менее исчерпывающие материалы, почему и пришлось обратиться к архивам местным, как, напр., архиву Московского охранного отделения, Ростовского-на-Дону охранного отделения и к другим архивам подобного рода.

2. Другое дело архива б. департамента полиции — это дело Особого Отдела за 1905 год, № 5.— «Пропаганда среди населения империи»; для Петербурга и Петербургской губ.,— часть I с литерами А и т. д.; для Польши — часть 35; Прибалтийского края — части 11, 31, 33, 36 и 42; для Западной России, Польши и Юга России — часть 3, лл. А, Б, В; ч. 4, лл. А, Б, В, Г, Д, Е, Ж; ч. 6, лл. А, В; ч. 7, лл. А, Б; ч. 23, л. А; ч. 30, л. А; ч. 32, тт. I—II; ч. 33, л. А; чч. 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 46 и 57, 3, 4, лл. А, Б, В, Г, Д, Е, Ж; ч. 7, лл. А, Б.

Это дело характеризует деятельность подпольной социал-демократической организации, как это представлялось агентам поавительства.

3. Дело б. департамента полиции за 1905 год, № 1, части 6, 12, 13, 22, 23, 30, 33, 35, 38, 40, 44, 45, 46, 55 и 61. Повсюду литер А, за исключением 45, где литер Б.

4. Дело б. департамента полиции, Особого Отдела, № 38 за 1905 год, — «О Совете Рабочих Депутатов и Исполнительном его Комитете Одессы».

5. Дело б. департамента полиции, Особого Отдела, № 2540 за 1905 год, со сводками революционного движения, просматривавшимися царем (см. приложение).

6. Дело б. департамента полиции, Особого отдела, № 3769 за 1905 год.

7. Дело б. департамента полиции, Особого Отдела, № 105, части 1 и 2.

8. Дело б. департамента полиции, Особого Отдела, № 1800 за 1905 год.

9. Дело б. департамента полиции, Особого Отдела, № 6409, томы I и II за 1905 год.

10. Дела Московского охранного отделения за 1905 год № 346, 773, томы I, II, III, о забастовке в Москве в сентябре 1905 года и № 590 за 1904 год «О безработице на фабриках и заводах и других промышленных предприятиях г. Москвы».

11. Дела Одесского охранного отделения за 1905 год № 183 и жандармского управления о Совете Рабочих Депутатов г. Одессы и об Исполнительном Комитете Совета Рабочих Депутатов.

Мы упомянули только главнейшие архивные дела б. архива департамента полиции и провинциальных охранных и жандармских управлений. Пришлось пользоваться и другими делами, иногда представлявшими большой интерес по заключавшемуся в них материалу, напр., дело донского губернского жандармского управления о Сулинском заводе, всеподданнейшие доклады губернаторов и телеграммы и донесения царю (примером может служить донесение Воронцова-Дашкова царю о событиях на Кавказе). Ссылки на эти архивные источники указываются в тексте.

Характер всех перечисленных дел можно видеть ясно как из материалов, использованных в тексте, так и из приложений. Если такие документы этих архивных дел, как сводки революционного движения, служат материалом, дающим возможность ориентироваться в хронике событий, то такие документы, как письма революционеров, напр. письмо тов. Н. К. Крупской, приводимое нами в очерке январских дней в Петербурге, или выдержки из писем других революционных деятелей, имеют характер драгоценных источников, дающих нам и сведения и их освещение, исходившие от непосредственных участников революционного движения или наблюдателей отдельных его событий.

О характере документов, исходивших из недр департамента полиции, можно судить по тем многочисленным выдержкам, которые приводятся в тексте нашей работы или в приложении к «Рабочему движению в январские дни 1905 года». Документы эти требуют самой тщательной проверки, так как, помимо того, что они дают чисто полицейско-охранное освещение фактов и событий, они в подавляющем большинстве случаев имеют тенденцию извращать факты (напр., уменьшение числа жертв в январе 1905 года в Петербурге). Требуется кропотливая, тщательная критика этого рода документов, чтобы из обширного моря сводок, записок, докладов извлечь зерно истины.

Эта работа зато искупается благодарной жатвой, в результате которой мы имеем подлинные документы такого рода, как письма, воззвания, листовки и даже газеты. «Известия» некоторых Советов были извлечены нами из подобных дел.

12. Дело временного военного суда «О посягательстве на вооруженное восстание в г. Новороссийске в 1905 году», № 3428, в 18 томах и в 16 томах за тем же номером предварительное следствие по тому же делу.

Эти дела, как и дела б. департамента полиции за № 6049, включают в себе показания привлеченных к следствию или суду. Как и следовало ожидать, показания привлеченных к дознанию не могут всегда считаться документами, рисующими истинный характер событий, даже в тех случаях, когда привлеченный высказывает полное раскаяние. Стоит только сравнить с этими показаниями те поправки, которые впоследствии вносятся участниками или свидетелями событий. В виде примера таких поправок можно привести дело о Новороссийском Совете: поправки, внесенные некоторыми участниками дела, как, напр., тов. Прохоровым или Бодянским, значительно меняют ценность и достоверность не только документов жандармских чинов, но и показаний.

Таких примеров можно было бы привести множество. В подстрочных примечаниях или тексте везде, где это было необходимо, к таким коррективам мы и прибегали. Таким же коррективом к документам официального происхождения, содержащимся в деле б. департамента полиции, Особого Отдела за № 5, мы также прибегали, обращаясь к партийной прессе, воспоминаниям участников и т. п., тем более, что дело № 5 посвящено жандармами работе нашей социал-демократической организации.

13. Дела б. министерства финансов, отделения промышленности, «делопроизводства главного по фабричным и горнозаводским делам присутствия» за 1905 год, №№ 1 и 25, и дело № 35 за 1904 год.

Дела эти содержат отчеты фабричных инспекторов об январских событиях по всей России. Отчеты эти напечатаны в приложении к книге «Рабочее движение в январские дни 1905 года» [1].

Эти отчеты имеют значение, во-первых, потому, что они вносят коррективы в численные данные о забастовке; фабричным инспекторам как число рабочих, так и число фабрично-заводских предприятий в подведомственной им части было известно хорошо, и если их сведения не так полны, как полицейско-жандарм-

---

[1] К сожалению, по недосмотру на стр. 515, где говорится, откуда извлечены эти отчеты, пропущено указание на дело № 1, и верставший книгу лист с заглавием «Отчеты фабричных инспекторов» сверстал между стр. 556 и 559, в то время как его нужно было сверстать между стр. 516 и 517. Отчеты эти были опубликованы и в «Истории пролетариата СССР» за 1930 г. №№ 1 и 3—4.

ские или губернаторские (они охватывают решительно все не только фабрики и заводы, но и мелкие ремесленные заведения, не входившие в ведение фабричной инспекции), зато они достоверней, правдоподобнее; во-вторых, политический характер движения ими не затушевывается, а наоборот, оттеняется: связь забастовки где-нибудь в Туле и Одессе с общим политическим возбуждением в стране, и в особенности в Петербурге, для них ясна, и они не скрывают этого; в-третьих, важны их указания на связь движения с экономической депрессией, вызванной военными событиями.

Особенно ясно это отличие в трактовке событий, если сравнить донесения фабричных инспекторов с донесениями губернаторов и жандармов, помещенными в деле б. департамента полиции за 1905 год, за № 1, многочисленными частями которого мы также пользовались.

14. Материал из архивов частных лиц. К такого рода материалам прежде всего относятся материалы, касающиеся восстания 1905 года в Москве.

Большинство этих материалов относится к деятельности военно-технического бюро, учрежденного Московским Комитетом Российской Социал-Демократической Рабочей Партии большевиков. Бюро действовало в Москве, повидимому, с декабрьского восстания до созыва второй Думы (т. е. до весны 1907 года) [1]. Техническая группа при ЦК начала свое существование вскоре после январских событий 1905 года. Техническая группа выделила группу московскую и кавказскую. Это известно из «Протоколов первой конференции военных и боевых организаций РСДРП» за ноябрь 1906 года. Но когда именно возникло московское военно-техническое бюро, к сожалению, неизвестно. В «Протоколах» говорится о деятельности технической группы при ЦК: «В свое время группа выделила отделения, ставшие впоследствии самостоятельными,— московское для центрального района и отделение для поставки оружия на Кавказе» [2]. Во время второй Думы московское бюро распалось, и некоторые члены его, арестованные в разное время, были преданы московскому военно-окружному суду в апреле 1908 года.

Уже к октябрю ВТБ начинает большую организационную и подготовительную работу. Еще до появления известной брошюры «Тактика уличного боя» ВТБ издавало (на гектографе) и распространяло в боевых организациях лекции и конспекты лекций, напр., «Элементарные сведения о боевых свойств. правительств.

---

[1] О военно-технической группе см. в «Протоколах первой конференции военных и боевых организаций РСДРП, состоявшейся в ноябре 1906 г.», Спб. 1907, и в кн. С. М. Познер «Боевая группа при ЦК РСДРП(б)», М. 1907.

[2] Упомянутые «Протоколы», стр. 52.

войск и действии их в бою», «Действия войск в бою», «Тактика уличного боя», «Оборона», «Разведка и служба связи», с чертежами [1]. Но конечно не только такие брошюры, носившие специальный характер, распространялись среди дружинников. Рекомендавалась и литература по «военно-техническому опыту гражданских войн» и по вопросу об армии и народной милиции (А. Арну, К. Каутский, Энгельс, К. Маркс, Ростоцкая «Потемкинские дни в Одессе», Кирилл «11 дней на «Потемкине», «Красное знамя», «События в Ростовском полку» Шаброва, Гуревич «9 января», Зайцев «Революция и контрреволюция в Сибири»; «Невский сборник», вып. 1, К. Н. Л. «Вооруженное восстание в Москве в декабре 1905 года», изд. Кохманского, и т. п.).

Первый документ, печатаемый нами,— черновой набросок доклада, представленного ВТБ незадолго до созыва первой Государственной Думы, которая собралась 27 апреля. Доклад этот был представлен, повидимому, Московскому Комитету в виду предстоящей конференции военных организаций, о которой пишет тов. Е. Ярославский [2]. Кто был докладчиком и когда именно, при какой обстановке был сделан доклад — ничего положительного мы сказать не можем. Доклад важен в том отношении, что дает косвенным образом представление, как отразился разгром восстания на Московской организации. Мы видим, что, несмотря на расстрелы, суды и ссылки, Московская организация через какие-нибудь два месяца снова была в боевой готовности: число членов партии в Москве было 3 473 человека, в дружинах насчитывалось 580 человек. Слабее дело обстояло в области, где членов партии было 1 800 — 2 000 человек, из которых в дружинах числилось 625. Гораздо хуже было с оружием, но все же вся картина, рисуемая ВТБ, показывает, насколько сильна была партия, если она сумела в два месяца оправиться и быстро укрепить свои ряды.

---

[1] Вычегорский. «Тактика уличного боя»; Свидзинский. «Учебник тактики»; Воронов. Подготовка нижних чинов к действию в рассыпном строю»; Грязнов. «Полевые задания»; Мететич. Полное руководство для охотничьих команд»; Эйгель и Никольский. «Пособие для решения тактических задач»; Петухов. «Частная инициатива»; Рябинин. «Сторожевая служба пехоты по опыту японской войны»; его же — «Бой роты и батальона по опыту русско-японской войны»; Харитонов. «Заметки из наблюдений в боях с японцами»; Российский. «Краткие сведения из стратегии»; П. Я. «Ознакомление войсковых начальников и полевых начальников с полевой артиллерией». Все—дешевые книжки от 25 коп. и не дороже 85 коп. По фортификации рекомендовались книги Ф. Герриха, Селицкого, Кашкина, по разведке — Грязнова и Клебовского, по подрывному делу— Кочмержевского и Никитина.

[2] «Пролетарская Революция» 1922, № 5: «Подпольная работа в армии 1906 года».

Московская боевая организация вплоть до октябрьских дней имела очень сложную структуру, ее функции перепутывались с функциями Московского военно-технического бюро. Постепенно множество коллегий, существовавших при ВТБ, отделялись от него и отходили к Московской боевой организации. За ВТБ с января 1906 года оставалась только организация бомбистских мастерских и инструкторской школы. В мае 1906 года МВТБ вошло в состав Московской боевой организации. В июне было созвано областное совещание боевых организаций. На нем было выбрано областное бюро [1]. «Проект устава областной организации боевых сил» был результатом подготовительной работы по объединению боевых организаций. Этот проект, написанный, повидимому, в мае или июне 1905 года, мы здесь и воспроизводим. Не входя в детальное рассмотрение его, отметим только одну характерную черту пояснительной записки к нему: «Весь вопрос в том, признаем ли мы неизбежность народного вооруженного восстания или нет. Если признаем, то должны стремиться внести в стихийнос боевое движение элементы организации, так чтобы каждый частный акт был согласован с общим выступлением, чтобы не было отдельных разрозненных вспышек, легко подавляемых вследствие их изолированности».

Эта мысль, что восстание не подавлено, что оно грядет,— эта мысль и спасла нашу партию от такого разгрома наших рядов, какой потерпели меньшевики, окончательно деморализованные неудачами 1905—1906 годов.

Следующий документ — «Устав боевой дружины РСДРП» — более раннего происхождения и был сформулирован уже в 1905 году, гораздо раньше, чем соответствующий устав партии социалистов-революционеров, опубликованный и широко распространенный, кажется, только в 1906 году. Если сравнить наш документ с эсеровским, то одно обстоятельство сразу бросается в глаза: в то время как задачами эсеровской дружины ставятся «экспроприация казенных денег, оружия, паспортов, освобождение арестованных товарищей, террористические акты», задача социал-демократической дружины — «подготовка вооруженного восстания и облегчение проведения его»; в то время как главной массой, из которой формируется социал-демократическая дружина, считается пролетариат,— социалисты-революционеры ни слова не говорят, из кого составляется дружина.

Мелкобуржуазная бесхребетность социалистов-революционеров и классовый пролетарский характер социал-демократии ярко видны в этих документах.

Проект устава, о котором идет речь, сопровождался докладом, прочтенным на июньской боевой конференции в Москве в

---

[1] «Протоколы», стр. 49 — 51.

1906 году. Этот доклад, как и тезисы доклада Московского бюро ЦК по вопросу о военно-технической подготовке, мы здесь и воспроизводим. Кто был автором того и другого документа, установить не удалось.

Доклад неизвестного нам автора «Направление и задачи боевой деятельности» также относится к лету 1906 года и тоже, по-видимому, был прочтен на областной конференции.

Документ, озаглавленный «Москва как стратегический пункт», и другой, названный «К вопросу о роли РСДРП в военно-технической подготовке ВВ»,— оба относятся к 1906 году. Первый — московского происхождения, неизвестного автора, второй — исходит от большевистской части Петербургского Комитета, которая добивалась организации при ПК военного боевого центра по образцу МВТБ; печатаемый документ есть платформа большевистской части ПК.

Наконец последний документ — «Резолюция, выработанная военно-техническим бюро при Московском бюро ЦК РСДРП»— относится к периоду кануна Стокгольмского съезда.

Как видно из всего сказанного выше, публикуемые документы относятся по своему происхождению к 1906 году. Однако, все они пропитаны опытом московского восстания в декабре, революционным боевым духом дышат эти документы, и вот почему мы приводим их здесь.

Восстание эпохи первой русской революции было прежде всего великим движением пролетариата, пустившего в ход невиданный дотоле прием борьбы — массовую политическую стачку, диалектически развивавшуюся и достигшую на высшей точке своего развития формы непосредственного вооруженного восстания.

Партия большевиков, руководившая пролетариатом, в момент боя естественно не могла всесторонне учитывать опыты этого боя. Она учитывала их после окончания боя, готовясь к новым боям. После декабря массовая политическая стачка, массовое движение шло на убыль, но высшая форма борьбы — восстание — уже было достигнутой ступенью, и потому неизбежно было ждать новых вспышек его, раз налицо было, хотя и не такое сильное, как в декабре, движение масс. Партия, готовясь к новым боям, учитывала опыт декабря; публикуемые нами документы и есть учет этого опыта.

Таким же материалом следует считать «Доклад комиссии, избранной общим собранием присяжных поверенных 16 января 1905 года по поводу событий 9—11 января», экземпляр которого был нам любезно передан тов. А. А. Шиловым и который был опубликован нами же в свое время в журнале «Красная Летопись» за 1922 год № 1.

О некоторых других материалах этого рода, использованных

нами в тексте или опубликованных в свое врѐмя, распространяться нет нужды.

15. Прокламации, воззвания, листовки.

Этот обильный и в высшей степени ценный материал находится как в отдельных собраниях в архиве б. департамента полиции, в Институте Ленина и в других общественных хранилищах, так и в архивных делах б. департамента полиции.

Январские листовки нами опубликованы в журнале «Красная Летопись» за 1922 год № 1.

Другие листки и прокламации, использованные в нашей работе, указаны в сносках.

Многие склонны смотреть на такого рода материал, в особенности когда он появляется в массовом масштабе, как на материал, имеющий мало значения для установления тех или других явлений фактического характера. Это, мол, материал листовочный, агитационный по преимуществу.

Не может быть ничего более ошибочного, чем такой взгляд. Очень часто именно при помощи такого материала только и возможно установить тот или другой факт.

Следующий пример покажет, какое большое значение имеют для исследователя такие документы, как листовки, воззвания, прокламации. Некоторые товарищи, писавшие о Петербургском Совете Рабочих Депутатов, в доказательство того, что Петербургский Совет не выступил с оружием в руках, приводили призывы, исходившие из кругов Совета, о немедленном удалении войск из Петербурга. Это был, конечно, неверный лозунг. Но такой лозунг исходил и из московских социал-демократических кругов.

В одной из прокламаций большевистского Московского Комитета от октября 1905 года, где провозглашается лозунг вооруженного восстания, вместе с тем говорится: «Быть может, не далеко уже то время, когда солдаты массами пойдут к нам. А покуда мы должны требовать, чтобы войска и в особенности казаков удалили из города и вооружили рабочих, образовали народную милицию» (прокламация начинается так: «Дорогие товарищи, храбрые русские пролетарии! Мы одержали победу...»).

Однако Московский Совет возглавил восстание и руководил в этом восстании Московский Комитет большевиков, в то время как Петербургский Совет остался при своем лозунге удаления войск из столицы.

Дело в том, что один неверный лозунг Московского Комитета случайность для этого Комитета, так как вся его тактика была не боязливой тактикой меньшевиков во главе с Троцким, а революционной тактикой, призывавшей к восстанию еще задолго до декабря. Такой же революционной была и тактика всех других большевистских комитетов задолго до декабря. Не говоря уже

о том, что лозунг вооруженного восстания был пущен Московским Комитетом в широкие массы тотчас же после январских дней, как и всеми другими большевистскими комитетами,— еще в сентябре и в начале октября Московский Комитет призывал рабочих к вооружению и созданию боевой силы из рабочих. «Вооружайтесь, товарищи! По заводам и фабрикам организуйте вооруженные дружины! Вооружайтесь всякого рода оружием!» (прокламация начинается так: «Товарищи! Огромное большинство рабочего люда...»). Но такие призывы других большевистских комитетов начались еще раньше: в кавказских прокламациях, в прокламациях Рижского Комитета лозунги восстания и непосредственной подготовки к восстанию начались еще в январе и весной. Изучение с этой стороны наших листков еще ярче оттенило правильность замечания В. И. Ленина, что уже в первой половине 1905 года восстание и подготовка к нему начались и что наша партия стояла во главе этого движения.

Само собой разумеется, что и в тексте и в подстрочных примечаниях, повсюду, где приходилось пользоваться документами из вышеуказанных архивных дел, они подвергались тщательной критической проверке.

16. Мы не находим необходимости перечислять множество архивного материала, опубликованного нами по истории революции 1905 года (в отдельных изданиях и отдельными выпусками) в «Красном Архиве», «Пролетарской Революции», «Красной Летописи» и т. д. Но на одно издание указать необходимо, так как в нем собраны важнейшие источники для изучения истории Советов 1905 года: «Советская печать и литература о Советах» (Комиссия ШИК СССР по организации празднования 20-летия революции 1905 года и Истпарт ЦК РКП (б). «1905. Материалы и документы», под общей редакцией М. Н. Покровского»: «Советская печать и литература о Советах». Составил В. Невский. Государственное Издательство 1925).

17. Множество документов, касающихся январских событий, опубликовано в юбилейных изданиях в 1925 и 1930 годах. Мы не перечисляем их здесь, так как ссылки в подстрочных примечаниях на большинство из тех, что вносят что-либо новое, указывают на использование нами и этих материалов.

2. Печатные источники

1. Во главу всех источников этого рода следует поставить работы В. И. Ленина. Эти работы имеют большое научное значение не только потому, что они дают поразительно верную оценку конкретной обстановки и событий первой русской революции, не только потому, что представляют незаменимый источник для изучения революционной тактики большевиков, но и потому, что

представляют огромную ценность с методологической точки зрения.

Такие работы В. И. Ленина, как «Рабочее движение в эпоху первой русской революции», «Две тактики социал-демократии в демократической революции», его статьи о событиях первой русской революции, напечатанные в тт. VI и VII собрания сочинений (1-е изд.), его работы об аграрной программе, его статьи и заметки, опубликованные уже после смерти, о девятом января, о московском вооруженном восстании и о восстании вообще — это работы, дающие путеводную нить исследователю. Особенно ценны в методологическом отношении статьи Ленина о рабочем движении в эпоху первой русской революции (вышли и в отдельных изданиях), его речь к женевским рабочим в 1917 году об январских событиях (опубликована в V «Ленинском сборнике») и статьи об уроках московского восстания.

Само собой разумеется, что важны и статьи Ленина о революции 1917 года, в которых учитывался опыт первой русской революции.

Ссылки на эти работы в подстрочных примечаниях указывают, что мы часто прибегали к этому драгоценному источнику.

2. Печатная литература о революции 1905 года может быть разделена на две больших группы: а) нелегальная и б) легальная литература.

а) Нелегальная литература.

Кроме листков и воззваний, о которых говорилось выше, нашим источником служили наши революционные зарубежные издания. Здесь прежде всего пришлось пользоваться большевистскими газетами «Вперед» и «Пролетарий», такими органами, как меньшевистская «Искра», «Социал-Демократ», «Последние Известия Бунда», как наш выходивший в России «Вперед», как «Революционная Россия», «Освобождение» и т. п. (ссылки на них читатель найдет повсюду в нашей работе).

Значение и ценность этого материала неоспоримы. Прежде всего эти органы освещают партийную тактику эпохи первой русской революции. «Искра» 1904 и 1905 годов незаменимый источник для изучения меньшевистской тактики, так как именно здесь мы находим статьи всех лидеров меньшинства — Аксельрода, Мартова, Дана, Троцкого, Мартынова и Парвуса.

Затем в этих органах мы находим богатейший фактический материал,— в «Искре» и «Вперед» для массового рабочего движения, в «Революционной России» — для деревни и движения мелкобуржуазной интеллигенции, в «Освобождении» — для движения либеральной буржуазии. Кроме того, эти органы освещают жизнь партии так широко и глубоко, как, разумеется, не может освещать ни один источник (за исключением, быть может, протоколов и резолюций, не подлежавших оглашению).

Без материала, собранного в таких органах, несмотря подчас на ошибки фактического характера, невозможно было разобраться в том хаосе событий и фактов, которые обрушиваются на исследователя, в особенности впервые приступающего к изучению.

Брошюры и листовки, выходившие за границей, часто также дают ценный материал, пополняющий те сведения, которые хронологически регистрировала пресса. Мы прибегали и к этого рода литературе (напр., «Дневник социал-демократа» Плеханова, брошюра о бакинской стачке и т. п.).

Само собой ясно, что мы пользовались и нелегальной прессой на других, кроме русского, языках, как, напр., польские партийные органы («Zpola Walki» и др.), еврейские партийные органы и т. п.

б) Легальная литература.

Легальная литература, в свою очередь, может быть разделена на несколько групп.

Прежде всего огромная литература современной прессы газетной и журнальной. Мы не можем здесь даже сделать попытки заняться перечислением хотя бы того, чем воспользовались только мы. Список газетной литературы только о Советах дан в нашем издании «Печать Советов и литература о Советах». И здесь в первую очередь пришлось пользоваться такими легальными партийными органами, как «Новая Жизнь», «Начало», органы большевиков и меньшевиков. Однако нам пришлось обратиться и к буржуазной прессе, к статьям в таких органах, как «Русское Богатство», «Вестник Европы», провинциальные газеты и т. п. Мы оставили без использования богатейший материал сатирической прессы, хотя он был тщательно изучен нами и вышел в свет, так как отображение событий 1905 года в художественной литературе входило в наш план изучения первой русской революции, но это отображение должно было стать одной из последних глав, и потому в данном случае от использования этой прессы, конечно, нужно было отказаться.

Журнальная и газетная литература после 1917 года в наших столичных и провинциальных изданиях была также принята в расчет, что видно из сносок и ссылок нашей работы.

Статьи не только в «Пролетарской Революции», «Красном Архиве», «Красной Летописи», «Каторге и Ссылке», «Летописи Революции», «Печати Революции», но и в провинциальных газетах часто вносили ценные замечания, поправки, факты.

Здесь приходилось принимать во внимание не только публикации и статьи, но даже рецензии, как это, напр., показывают использованные нами рецензии на работу тов. Пальвадре.

О характере первого рода документов говорилось выше. Что

касается воспоминаний, то этого рода материал наряду с огромной ценностью страдает большими недостатками. Не говоря уже о том, что он весь пропитан субъективизмом, он в большинстве случаев страдает отсутствием перспективы, поневоле ограничивается узким полем наблюдения того небольшого участка, где действовал автор. Эта отрицательная сторона мемуарной литературы хорошо известна всем исследователям. Но зато другая сторона мемуарной литературы также не должна быть забыта: без поправок, вносимых участниками движения, невозможно пользоваться и другими документами, а в особенности документами полицейскими, охранными и т. п.

Юбилейные издания, вышедшие в 1925 и 1931 годах, главным образом сборники, выпущенные «Комиссией» и ее провинциальными отделами по изучению Октябрьской революции и истории ВКП(б) при ЦК ВКП(б) (Истпарт и истпартотделы).

Эта довольно многочисленная литература неравноценная по качеству и содержанию. В общем она включает огромное количество главным образом публикаций документов, хранившихся в охранных отделениях, жандармских управлениях и в б. департаменте полиции, и воспоминаний участников движения.

Часто невозможно было бы пользоваться документами официального происхождения, искажающими действительность в угоду правительственной партии, если бы не поправки, вносимые мемуарами.

Общих очерков движения в этой юбилейной литературе очень мало, однако нужно отметить прекрасные работы, вышедшие в Самаре, Нижнем, Калуге, Екатеринославе, равно как и прекрасные собрания документов, выпущенные некоторыми истпартотделами (напр., ленинградским, нижегородским, екатеринославским и т. п. Ссылки на них читатель найдет в подстрочных примечаниях).

Без этого рода документов, как уже сказано, часто невозможно было бы пользоваться документами официального происхождения, искажающими действительность в угоду правительственной партии. Классовый характер многих из этих источников и фактов было бы трудно даже истолковать.

Журнальная литература особенно после 1925 года дает богатейший материал.

Нам пришлось принять во внимание все эти статьи, мемуары и материалы. Укажем здесь некоторые из них.

В «Пролетарской Революции» напечатана переписка В. И. Ленина и Н. К. Крупской с русскими соц.-демократическими организациями, в №№ 2 (37), 12 (47) за 1925 г., 4 (51) за 1926 г., 9 (104) за 1930 г. О значении этой переписки говорить не приходится.

В 1926 году напечатано обширное исследование т. Е. А. Мо-

роховца «Крестьянское движение 1905—1907 г.г. и соц. дем. в эпоху 1-й русской рев.» и в «Прол. Рев.» 1926 г. Работа заключает богатейший фактический материал с таблицами форм и распространения движения. О крестьянском движении говорит и статья А. Щербака «1905 год в Сумском у.», 1926 г., № 7 (54). Начиная с 1924 г., печатались «Хронологические таблицы по истории РКП(б)» 1924 г. №№ 11 (34) и 12 (35) и 1925 г., №№ 1 (36) — 10 (45). О местном движении были напечатаны статьи т. Ф. Н. Самойлова об Иваново-Вознесенском Совете и М. И. Васильева-Южина о Москве, вышедшие затем отдельными книгами; т. И. Колычевского «Январь 1905 г. в Туле», № 4 (39)—1925, т. К. Остроуховой «Известия М. С. Р. Д. 1905 г.», № 4 (39) — 1925; т. В. Броннера «Октябрь в Томске» в № 3 (38); т. И. Волковичера «Первомайский праздник 1905 г.», статья включает большой фактический материал, однако без подсчета стачек; в № 10 (45) ст. Т. Гурштейна «Как мы печатали первый номер «Известий Одесского Совета Рабочих Депутатов». Очень важны по фактическому материалу работы о вооруженном восстании и движении среди войск: в № 10 (45) И. Славкина «Вооруженное восстание на Екатерининской жел. дор.» и Я. Лесковского «Движение среди войск в Красноярске в 1905 г.»; т. А. Патренка «Социал-демократическая работа в воинских частях Варшавского округа в 1905 г.» в № 8 (43) и статья о работе боевых большевистских организаций в № 7 (42). Очень важны по фактическому материалу статьи о движении железнодорожников, в общем подтверждающие данную нами характеристику этого движения: И. Соловьева «Железнодорожная забастовка в Забайкалье на ст. Хилок», № 10 (45); А. Паулиш «Забастовочное движение на Риго-Орловской ж. д.», № 11 (46), и Б. Круглякова «Революционное движение среди железнодорожников в 1905 г.», № 11 (46), статья написана по архивам мин. пут. сообщ. и б. департамента полиции. Следует отметить важные статьи т. Я. Пече и Я. Петерса о движении в Либаве: «Либава в 1905 г.» и «Боевые дружины в Латвии в 1905 г.» (эта статья в № 3 (50) за 1926 г.); «1905 год в Либаве и ее окрестностях», служащие так же, как и ст. Р. Вакмана «Революция 1905 г. в Эстонии», 1928, № 11—12, дополнением к подробному очерку латышского движения в работе Мороховца. Две статьи А. Сухова: в № 11 (46) «Революция в Нижнем и Сормове» и в № 10 (45) о работе в Баку; ст. Г. Целлера «Революционное движение в Армавире», Г. Шкловского «Бобруйск накануне 1905 г.» и Л. Шкловского «Воспоминания об Одессе 1905 года» № 11 (46); И. Маслиев «Красноярские железнодорожники в 1905 г.» 1926, № 6 (53). Очень ценна статья т. М. Ветош-

кина в № 4 (51) за 1926 г. «Большевики и меньшевики в 1905 году на Дальнем Востоке», так как автор-большевик вносит существенные поправки в рассказы меньшевиков о движении в Хабаровске и Чите, в особенности о движении среди солдат и о работе группы большевиков. И. Мошинский «К вопросу о С. Д. (Донецком) Союзе горнозаводских рабочих», 1927, № 5 (64), а также восп. А. Шестакова «На заре рабочего движения в Донбассе», 1921, № 1, являются дополнением к работе т. Т. Харечко об этом союзе. М. Карапетян «Страничка из борьбы в Грузии в 1905 г.», 1927, № 12 (71). Л. Каташева и Е. Чистяков «Ковенская организация РСДРП(б) с 1905—1907 гг.», 1927, № 5 (64). А. Кучкин «Всероссийский съезд крестьянских депутатов», 1927, №№ 8—9 (67—68). П. Ратнер «Социал-демократическая организация среди Донского казачества в 1902—1906 гг.», 1929, № 6 (89). В. Каюров «1905 год в Сормове», 1930, №№ 7—8 (102—103). И. Яхновский «Из истории революционной работы в Черноморском флоте накануне 1905 г.», 1930, № 11 (106). М. Нотаги «Большевизм и мелкобуржуазные партии Белоруссии в эпоху революции 1905 г.», 1931, № 6 (113).

В «Каторге и Ссылке» за 1925 г. в трех номерах — 5 (18) и двух, специально посвященных 1905 году, 6 (19) и 7 (20), и в №№ 4 (25) и 7-8 (28-29) за 1926 г. — помещено много статей, освещающих разные стороны движения: восстание в Черноморском флоте, движение среди солдат на Дальнем Востоке, в Западном крае и т. п. А. Водолазский «Вооруженное восстание в Ростове-на-Дону в 1905 году», №№ 7 (36) и 8 (37) за 1927 г. Ал. Егоров «Я. М. Свердлов на Урале в 1905 г.», № 5 (42) за 1928 г. и С. Мстиславский «Отрывки о пятом годе», № 2 (39) за 1928 г.

В «Каторге и Ссылке» за 1930 г. в №№ 1 (62), 4 (65), 6 (67), 8/9 (69—70), 10 (71) и 12 (73) напечатано также много статей о 1905 г., из которых следует отметить К. Ершова «Декабрьское вооруженное восстание в Донбассе», №№ 8—9 и 10, Ем. Ярославского «Опыт политической массовой стачки и вооруженного восстания первой русской революции в свете учения Маркса — Ленина», в № 12, а также ст. В. Н. Соколова, Н. Чистова, Г. Г. Сушкина и Евг. Кудрявцева, в том же № 12. В «Каторге и Ссылке» за 1931 г. заслуживают внимания статьи В. А. Соболева «Воспоминания бунтаря о 1905 г.», освещающие движение в Яхроме, № 1 (74), В. Симановича «Воспоминания пролетария» с предисл. Я. Шумяцкого в № 6 (79), интересные своей заметкой о Белостокском Совете на стр. 87 в виду того, что об этом Совете мы имеем весьма скудные сведения: так, напр., даже в специальной работе т. П. Горина о Советах о Белостокском Совете нет буквально ни слова, он даже не упоминается.

Статья т. П. Парадизова «О книге т. Горина» в № 4 (77) должна быть также отмечена, так как содержит весьма основательную критику работы т. П. Горина, находившегося в плену у Л. Троцкого.

Ленинградская «Красная Летопись» дает все время интереснейший материал о 1905 г., разъясняющий главным образом движение в Петербурге,— те или другие стороны движения, партийную жизнь, всякого рода детали, экономику и т. п.

В 1925 году в №№ 1 (12), 2 (13), 3 (14) и 4 (15) революции 1905 г. уделено очень много внимания. Из статей следует отметить в № 1 (12): С. Валка «Петербургское градоначальство и 9 января», содержащая записку градоначальника Дедюлина о мерах против беспорядков 9 января; Б. Романова «Петербургская буржуазия в январские дни 1905 года» с материалами, рисующими позицию петербургских фабрикантов, занявших либеральную позицию; Б. Круглякова «Правительство и железнодорожные забастовки в Петербурге в 1905 г.»; в № 2 (13) А. Шилова «К документальной истории «петиции 9 января 1905 года»; это обстоятельная работа, исследование по истории возникновения петиции. Соображения по вопросу, поставленному нами, развиты на стр. 134—137 нашей работы «Рабочее движение в январские дни 1905 года». Б. Романова «К характеристике Гапона». Здесь напечатан тот самый доклад фабричного инспектора Чижова, который использован в нашем исследовании и в котором упоминается о появлении «петиций» (см. стр. 88 нашего исследования в отдельном издании; так как записка Чижова была опубликована т. Б. Романовым в 1925 г., а второе издание нашей работы вышло в 1930 г., хотя впервые она была опубликована в 1922 г., мы и не нашли необходимым давать в приложении записку Чижова, уделив место еще не опубликованным документам. Кстати, необходимо здесь же ответить на упреки некоторых читателей за то, что в приложении нами не дан текст петиции: текст ее печатался много раз, а нам хотелось в нашем исследовании дать исключительно новый, неизвестный материал). В № 3 (14) заслуживают большого внимания работы тт. К. Жарновецкого, В. Амосова, А. Женевского, А. Александрова и М. Ахуна и В. Петрова о движении в войсках, и Н. Лаврова о крестьянском движении. В № 4 (15) интересна ст. тт. М. Ахуна и В. Петрова о движении войск, впрочем эти авторы дали более обстоятельную специальную работу по этому вопросу «Большевики и армия в 1905—1907 гг». Лгр. 1929. Работа Р. Арского «Из истории революционного движения в Польше», кроме с.-д. прокламаций, ничего нового не дает, так как документы, приводимые автором, уже использованы нами и взяты из дел, ссылки на которые указаны нами

в нашем исследовании, при чем т. Арский далеко не исчерпал даже тот материал, какой был указан нами в сносках.

В № 3 (27) за 1928 г. напечатана ст. тт. М. Ахуна и В. Петрова о движении и революционной работе в войсках. Кроме того, в 1930 и 1931 гг. в «Красной Летописи» печатались работы по истории отдельных заводов, где затрагивается и история 1905 г., напр., т. Н. П. Паялина «Завод бывш. Семянникова», В. Тарасова (в № 4 (15) за 1925 г.) и др., «О забастовочном движении в Новгородской губ.» т. А. Е. Тихонова, воспоминания тт. Н. М. Немцова, З. Я. Седого-Литвина, Д. Ф. Сверчкова.

В № 5 (38) за 1930 г. интересная ст. В. В. Бернштама о процессе Совета Депутатов и публикация К. П. показаний членов Совета, а также речь депутата П. А. Злыднева и статьи тт. Т. И. Щатилова и В. А. Сорокина о петербургских кожевниках и рабочей молодежи в 1905 г.

В № 2 (35) за 1930 г. П. К. дал интересные материалы, освещающие вопрос о рабочей депутации к царю в январе 1905 г.

В № 6 (33) за 1929 г. напечатана ст. т. А. М. Аргуна «Жертвы 9/22 янв. 1905 г.», по воспоминаниям и новым данным (число жертв здесь указано меньше, чем было в действительности, см. стр. 123—125 нашего спец. исследов. о 9 янв. с указанием источников). Б. Р—ов в том же номере 6 (33) за 1930 г. опубликовал доклад фабричного инспектора, использованный нами в нашей работе 1922 г.

О партийной организации в Петербурге 1905 г. см. статьи т. А. Суздалева в №№ 3 (18), 5 (20), 6 (21) за 1926 г. и № 1 (22) за 1927 г., ст. т. Н. Дорошенка в № 3 (14) за 1925 г., № 3 (27) за 1928 г. и № 2 (40) за 1931 г., протоколы Петербургского Комитета за январь, март и летние месяцы в №№ 2 (35) и 4 (47) за 1930 г., также ст. т. М. Эссен в № 4 (16) за 1926 г. (см. также ст. в «Прол. Рев.» за 1924 г., № 3 (14). Материал этот был принят во внимание нами и подвергнут критике в нашем исследовании.

В «Красном Архиве» опубликован исключительно богатый материал. Особенно важны материалы, напечатанные в томе XI—XII за 1925 г. Сообщение Б. Романова «9 января» содержит в себе доклады мин. фин. Коковцева, какими мы пользовались в нашей работе об январском движении, и доклады все того же фабричного инспектора Чижова из дела № 35 м-ва финансов за 1904 г., откуда взяты и нами приложения к нашей работе; публикации т. И. Ванага и И. Татарова о манифесте 17 октября; В. М.— доклады Витте царю; С. М. Дубровского — материалы об аграрном движении; В. И. Невского — материалы о вооруженной борьбе 1905 г. из дела, откуда взята часть приложений, публикуемых ныне нами; ценней-

шие материалы о вооруженном восстании в Москве, на Дальнем Востоке и Прибалтийском крае и много других небольших по объему, но важных для освещения деталей движения 1905 г.

В № 26 за 1928 г. Семенниковым опубликованы донесения Воронцова-Дашкова царю из тех же материалов, другие документы которых использованы нами в нашей работе.

В № 9 за 1925 г. и в № 16 за 1926 г. опубликованы донесения русских послов и агентов за границей о настроениях иностранцев в связи с революцией 1905 г.; публикация г. С. Дубровского — доклад Витте царю о крестьянском движении. В № 45 за 1931 г. докладная записка о революционном движении 1905 г.; различные документы в № 38 за 1930 г. о карательных батальонах в Прибалтийском крае; в № 20 за 1927 г.— проект речи Николая II к рабочим после 9 января 1905 г.; в № 44 и в № 45 за 1931 г. документы о борьбе самодержавия с революционным движением в армии и документы о суде над лейтенантом Шмидтом; известную ценность представляет дневник Конст. Романова, рисующий довольно откровенно октябристские и профессорские круги в 1905 г. (№№ 43 и 44 за 1931 г.); документы о революционном движении в армии в 1905 г. (сообщения А. Дрезена, М. Ахуна и Д. Зиневича); С. Дубровского «Из истории аграрного движения в 1905—1906 гг.», №№ 39 и 40 за 1930 г. Большой интерес представляет и дневник Л. Тихомирова о событиях 1905 г., №№ 39, 40, 41. Немногочисленные работы, напечатанные в журнале «Историк-Марксист», упомянуты нами в сносках.

В украинских журналах «Летопись Революции» и «Пути Революции» были приняты во внимание нами следующие работы: в «Летописи Революции» весь № 5—6 за 1925 г. посвящен 1905 г. Особенно ценны статьи о вооруженном восстании в Гришине, Горловке, Авдеевке, Дебальцеве и Ясиноватой; в № 1 за 1925 г. статьи о массовом движении тт. Крамера и Адамовича; № 6 за 1930 г. также весь посвящен 1905 г., при чем здесь напечатана ст. М. Жезмера об Одесском Совете, вышедшая затем отдельным изданием; статьи по истории 1905 г. находятся и в следующих номерах «Летописи Революции»: № 1—2 за 1931 г., № 1 за 1926 г., № 2 (17) за 1925 г. (здесь интересны воспоминания о Кременчуге), в № 3—4 за 1926 г.. в № 5 за 1926 г. Наиболее важные статьи журнала «Пути Революции» указаны в выносках.

Само собой ясно, что здесь мы не даем библиографии по 1905 г., а лишь указываем те работы, которые мы либо использовали, либо должны были принять во внимание во время подготовки наших работ. Критика их и замечания по поводу этих работ давались нами главным образом в тексте. Не все из этих

материалов имеют непосредственное отношение к затронутым нами темам, но все их необходимо было принять во внимание и критически взвесить. Ясно также, что упомянутые здесь документы и материалы только ничтожная часть того, что можно извлечь из архивных недр, но богатство этих недр так велико, что не хватит жизней множества историков, чтобы исчерпать их. Вот почему едва ли нас возможно упрекнуть в том, что мы пренебрегли обязательной для историка задачей — исчерпать по возможности весь материал вопроса: история великого движения 1905 г., можно сказать, прямо не исчерпана, и сравнить эту тему, напр., с темой истории об ереси «жидовствующих», было бы прямо смешно.

Из юбилейных изданий, которыми пришлось пользоваться по характеру затронутых тем, необходимо отметить издания Одесского отдела по истории ВКП(б) и Октябрьской революции: «1905 год. Революционное движение в Одессе и Одесщине», книга первая 1925 г. и книга вторая 1926 г. Здесь особенно были важны статьи тт. С. Гусева, В. И. Рогова, Е. Ярославского, О. Пятницкого, как непосредственных участников движения, внесших весьма существенные поправки в сообщения и документы официального характера. Для освещения истории Одесского Совета имеет значение ст. А. Рябинина-Скляревского.

Все эти и другие статьи важны в особенности тем, что они дают большевистское освещение одесских событий. Для истории ростовского движения имеют большое значение сборники, изданные Ростовским Истпартом: «Пролетарская революция на Дону» и особенно сб. «1905 год в Ростове-на-Дону» 1926 г. Впрочем материал, послуживший для этого сборника, был нами использован с разрешения т. Толмачова (автора хорошей работы о ростовском рабочем движении) еще в рукописи. Этим, между прочим, и объясняется то обстоятельство, что многие выдержки, приводимые нами в работе о Ростовском Совете, не имеют сносок,— они взяты нами прямо из рукописи.

Сборник этот важен при изучении истории Советов потому, что участники движения, особенно т. Бутягин и рабочие деятели вооруженного восстания, выясняют роль большевистских элементов в нем и дают бесподобную характеристику оппортунизма меньшевиков. В сборнике нет статьи б. председателя Ростовского Совета т. Гурвича. Мы пользовались его статьей в рукописи (впоследствии опубликованной). Статья, конечно, дает меньшевистскую интерпретацию событий, но вместе с тем в ней независимо от субъективных взглядов автора имеются очень ценные указания на некоторые важные черты Совета.

К этого рода литературе нужно отнести и довольно обширную мемуарную литературу, напечатанную в наших журналах и вышедшую отдельными книгами.

Книги, брошюры и официальные издания, которыми приходилось пользоваться для того, чтобы осветить экономическую сторону рабочего массового движения,—это главным образом официальный статистический материал правительственных и иных изданий (напр., отчеты фабричных инспекторов, издания капиталистических объединений и т. п.) и немногочисленные исследования и статьи разных авторов, касающиеся экономической стороны движения. Здесь же пришлось воспользоваться и сведениями наших русских подпольных изданий (напр., таких нелегальных органов, как «Южный Рабочий», «Вперед» и т. п.).

Из брошюр, вышедших после 1925 г., особенно приходится отметить брошюру тов. Н. Янчевского «Новороссийская и Сочинская республики в 1905 г.», Ростов-на-Дону 1926 г. Она имеет значение в особенности тем, что автор пользуется рукописями воспоминаний участников движения (тт. Бодянского, Прохорова и др.), вносящими существенные поправки в сведения, содержащиеся в официальных документах. По истории одесского движения важны вышедшие в 1931 году брошюра М. Межберга «Жовтневі події 1905 г. в Одессе» и М. Жезмера «Одесска Рада рабітничіх депутатів 1905 року» 1931 г. Здесь приведен список членов Одесского Совета Рабочих Депутатов. В. Манилов «Вооруженное восстание в частях Киевского горизонта», ГИУ. 1926 г. В. Козельский «Горлівске повстанія 1905 року», Х. 1930 г. Каплан. «Днепропетровска рада робітничіх депутатів в 1905 року», Е. 1931 г. Н. Шестаков «Кулак и бедняк в революцию 1905 г. в ЦЧО». 1931 г. Н. Шаханов «Александровская республика», Ив.-Вознесенск 1930 г. Подробное описание Александровского Совета и восстания в декабре. Е. Абраменко «Нарис з історії соціяль-демократичного руху на Сталінщині (колишній Юзівський гірно-заводскій район) 1906—1907 рр.», Х. 1931 г. Здесь правильно очерчена роль соц.-демократической организации в Юзовке, не сумевшей превратить Юзовский Совет Рабочих Депутатов в орган восстания.

Следует отметить издания (1930 г.) секции истории пролетариата СССР при Институте истории Ком. Академии: «Русский рабочий в революционном движении». Сб. первый: «Рабочие Трехгорной мануфактуры в 1905 г.» и сб. второй: «Рабочие завода «Серп и Молот» (б. Гужон) в 1905 г.»; здесь, кроме воспоминаний, имеются статьи М. Рожковой, О. Чаадаевой, А. Панкратовой и А. Гайсиновича.

Специально Трехгорной мануфактуре в 1905 г. посвящена книга Д. В. Антошкина «Фабрика на баррикадах», М. 1931 г.

В. Манилов «Киевский Совет Рабочих Депутатов в 1905 г.», Госиздат Украины 1926 г. Небольшая, но обстоятель-

ная работа, иллюстрирующая в общем идеи, развитые в моей работе. Киевский Совет возник 21 октября на собрании Политехнического института по инициативе рабочего Фед. Алексеева (он впоследствии был председателем Совета), предложившего по примеру Петербурга создать Совет. В течение 22—29 октября шли выборы по заводам, а 30 октября было уже первое общее собрание Совета. Тов. Манилов развивает ту мысль, что Совет, особенно сначала, был почти только профессиональной организацией (он и назывался «Союзом рабочих г. Киева»), и только в ноябре и декабре, когда ему пришлось в силу обстоятельств стать во главе политической борьбы (ноябрьская забастовка и «Шулявская республика» в Киеве), он стал приближаться к типу Петербургского Совета. Зависело это от того, что господствующим течением в Киеве было меньшевистское. Манилов приводит в доказательство статью меньшевика П. Стечкина. Пользуется Манилов и воспоминаниями члена Совета А. Фарбштейна и Ф. Алексеева (эмигранта в Америке). Устанавливает т. Манилов также ошибку тов. Горина, утверждавшего, что Киевский Совет возник 12 октября.

Из новых работ очень обстоятельной работой является издание секции по истории пролетариата Ком. Академии «Пролетариат в революции 1905—1907 гг.», М. 1930 г. Здесь статьи тт. Ф. Семенова, А. Панкратовой, Н. Ростова, В. Софьева, А. Шестакова, А. Мильштейна, Ч. Ясинского и А. Герасимова, использовавших богатый материал и, в общем, в отношении вопросов, поднятых нами, подтверждающих наши выводы.

Небольшая книжка т. Е. Ярославского «Стачка и вооруженное восстание в революции 1905 г.», изд. 1931 г., довольно основательная работа, так как в ней дана критика взглядов тт. П. Горина и Троцкого.

Следует упомянуть также составленную Г. Рыклиным брошюру «Деревня в 1905 г.», М. 1930 г., и работу Н. Ванага «Ленинская концепция двух путей развития капитализма в России».

Из общих работ следует также назвать еще А. Ю. Нейберг «Вооруженное восстание», М. 1931 г.

Само собой ясно, что общую литературу, вышедшую за период с 1921 по 1930 г., мы здесь не упоминаем, так как она использована в тексте и указания на нее имеются в сносках.

Отдельные работы, посвященные революции 1905 года. Не останавливаясь на оценках, которые даны тов. М. Н. Покровским в его общих работах по истории России, следует отметить его замечательную полемику с Троцким.

Работа Троцкого общеизвестна, как общеизвестно его непра-

вильное, меньшевистское, оппортунистическое освещение событий, искажающее историческое значение и смысл революции 1905 года, попытку с негодными средствами реабилитировать свои неправильные меньшевистские взгляды и доказать неправильность революционной тактики большевиков. Это — мемуары, притом написанные в высшей степени пристрастно, а не научная работа о первой русской революции.

Полемика т. Покровского с Троцким вскрыла как нельзя лучше вообще меньшевистскую и оппортунистическую концепцию Троцкого.

Его последние работы за границей показывают, что здесь он, уже не стесняясь, солидаризируется с меньшевиками и, как они, приписывает себе идею создания Советов. Так, в I томе своей книги «Моя жизнь», Берлин 1930 г., он, описывая свое участие в революции 1905 г., говорит (стр. 202): «... Я приехал из Финляндии с планом выборной беспартийной организации, по делегату на 1 000 рабочих. От литератора Иорданского, впоследствии советского посла в Италии, я узнал в день приезда, что меньшевики уже выдвинули лозунг выборного революционного органа, по одному делегату на 500 человек». (Подчеркнуто нами.—В. Н.).

«Сектантское отношение большевистских верхов к Совету продолжалось до приезда Ленина в Россию в ноябре». (Подчеркнуто нами.—В. Н.). После работы т. Южина, документально доказавшего, что идея Советов была провозглашена уже в сентябре в Москве, после опубликованных данных, говорящих о стихийном возникновении советских форм кое-где еще летом (Иваново, напр.), утверждать, что идея возникновения Советов принадлежит меньшевикам, прямо чудовищно. «Моя жизнь» (настоящие мемуары) — второе издание неудачных мемуаров под заглавием «1905 год». Как те, так и другие пропитаны явно-оппортунистической тенденцией дать меньшевистскую историю революции 1905 года.

Из сводных и отдельных работ по истории революции 1905 года следует особенно отметить следующие работы:

«1905. История революционного движения в отдельных очерках», под редакцией М. Н. Покровского, и под его же общей редакцией «Материалы и документы» по истории 1905 года, многотомное и ценное издание Комиссии ЦИК СССР и Истпарта ЦК ВКП(б). Работы тт. Михайлова-Южина, П. О. Горина и Е. Ярославского (его работа о вооруженном восстании).

Работа т. Южина «Московский Совет Рабочих Депутатов» — замечательное соединение личных воспоминаний участника движения с трезвостью ученого исследователя. Особенно ценна та

часть работы, где т. Южин с документами в руках доказывает руководящую роль партии большевиков в организации и деятельности Советов вообще и в частности в Москве.

Работа т. Е. Ярославского о декабрьском восстании «Вооруженное восстание» в томе III «Истории революционного движения в отдельных очерках», под ред. М. Н. Покровского, несмотря на большие недостатки (очень мало места уделено восстанию в провинции), все же одна из недурных работ по этому вопросу, отличается широтой охвата, указанием на связь русской революции с международным движением, разоблачением оппортунистической тактики меньшевиков и социалистов-революционеров, предательства буржуазии.

Работа тов. Горина, как раз наоборот, несмотря на некоторые достоинства (введение нового материала, большой охват восстания в провинции), страдает крупными недостатками — разноречием в разных местах по вопросу о взглядах большевиков на роль классов и партий в революции 1905 года, недооценкой самочинного движения масс, завимостью от работы Троцкого о революции 1905 года.

В рецензии т. Парадизова читатель может найти довольно обстоятельную критику работы т. Горина. Однако следует подчеркнуть некоторые обстоятельства и здесь. Прежде всего, поражает недостаточное знакомство т. Горина с общими источниками по революции 1905 г., не принимая во внимание которых невозможно само собой дать историю и Советов. Тов. Горин ставит такие проблемы, как «Ноябрьская забастовка и борьба за армию», «Советы и мелкая буржуазия», «Советы в восстании», и ограничивается для решения этих проблем весьма узким базисом источников. Далее, оспаривая установки, данные Лениным (иначе нельзя назвать отрицание нашего определения Советов, так как это определение взято нами у Ленина), т. Горин выдвигает сплошь и рядом рискованные положения Троцкого. Затем т. Горин по незнанию документальной истории Советов отрицает часто самоочевидные вещи, напр., не найдя в архивах политических требований Ивановского Совета, он утверждает, что Ивановский Совет политических требований не выдвигал.

Наконец, то же плохое знание источников мешает т. Горину правильно понять возникновение Советов, их эволюцию в общем ходе революции.

Следует остановиться на источниках б и б л и о г р а ф и ч е с к о г о характера. Здесь прежде всего нужно указать библиографические обзоры и указатели, печатавшиеся в «Пролетарской Революции» и «Каторге и Ссылке». Они представляют очень ценное пособие для исследователя. Появилась, наконец, и столь долго подготовлявшаяся библиотекой Коммунистической Академии книга «Первая русская революция. Указатель литературы».

Этот очень ценный и весьма подробный библиографический труд, к сожалению, страдающий очень большими недостатками и погрешностями, появился уже в тот момент, когда наши работы вышли из печати. Кроме того, он обнимает только литературу отдельных произведений, сборников и брошюр, за исключением журнального статейного материала.

Остается сказать несколько слов о материалах на других языках, кроме русского. Мы совершенно не могли воспользоваться, за недоступностью, литературой на грузинском, армянском, латышском и эстонском языках. Об использовании польской литературы упомянуто выше. Отношение немецкой социал-демократии было нами учтено. Просмотр же буржуазной газетной и журнальной литературы (таких, напр., органов, как «Berliner Tageblatt», см., напр., № 43 и след. от 1905 года, или французских, швейцарских и английских газет) не дал много нового, так как корреспонденты этих газет, а равно и журналов, пользовались русскими источниками, принятыми нами во внимание. При оценке отношения Западной Европы к нашей революции эта литература имеет огромную ценность, но мы в своей работе не пошли дальше первых шагов описания внешнего, фактического хода событий, а для этого указанные источники дают очень мало нового, что не было бы затронуто и освещено в использованных нами источниках.

Читатель уже из этого краткого перечня главных групп источников может убедиться, сколь они многочисленны и разнообразны и сколь, стало быть, много внимания к себе требовали. Однако это внимание вознаграждалось тем, что именно обилие их и разносторонность, их различное происхождение и характер, их различное достоинство и ценность и позволяли, сопоставляя их друг с другом, внести ту необходимую критику, которая и позволила нам нарисовать картину массового рабочего движения в январе и отчасти в декабре 1905 г., довольно близкую, как смеем надеяться, к тому, что происходило в действительности. Эта картина не всей революции 1905 года, а картина движения главного класса в революции, а это и важно для уяснения того, как за ним или против него шли другие классы.

ПРИЛОЖЕНИЯ

А. ДОКУМЕНТЫ К СТАТЬЕ О ВООРУЖЕННОМ ВОССТАНИИ[1]

I

НАЛИЧНЫЕ СИЛЫ БОЕВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МОСКВЫ И ОБЛАСТИ ПЕРЕД СОЗЫВОМ I ДУМЫ ПО ДОКЛАДАМ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ОРГАНИЗАЦИЙ

Доклад В. Т. Б.

1) Разведочный отдел. Разведочным отделом составлены и изданы опросные листки, служащие программой для разведки... Разведка ведется главным образом в Москве... Собрано довольно значительное число сведений и приступлено к обработке материала для составл. плана.

2) Военно-учебный отдел. Выработана программа лекций по различным отраслям военного дела. Составлены и изучены ряд лекций по разведочной службе, действиям в строю. В скором времени будут изданы лекции по бомбистскому и подрывному делу [объясняется отсутствием профессиональных инструкторов, находящихся на содержании В. Т. Б.][1].

Для занятий с Центр. Кр. В. Т. Б. посылались инструктора [так как] отсутствие регулярности и их работе объясняется тем, что они [находились на М. В.] являются профессиями, т. е. не получали содерж. от В. Т. Б.

По окончании теоретичес. обучения намечен ряд п-ких занятий. Обучение стрельбе [приобретены], заказаны приборы для стрельбы дробинками), бросанию бомб, разведке, сигнализации рекогносциров.— маневры.

3) Бомбистский отдел. Выработан определенный тип бомбы. Вырабатывается прибор для метания. Есть нужные силы для лаборатории, но нет денег. Смета 12 000 руб.

---

[1] Текст этих документов печатается точно по рукописи, чем и объясняются иногда несоответствующие согласования, пропуски и т. п. Места, зачеркнутые в подлиннике, взяты нами в квадратные скобки.—В. Н.

4) Инженерный — составляется план для разруш. жел. дор. (мосты).

5) По вооружению — не функционировал — за недост. средств.

Важнейшие данные о положении боевой подготовки к вооруженному восстанию на местах, сообщенные представителями

В. О. Московской обл. и Москвы

(Частное совещание)

Важнейшими организационными и мобилизационными группами являются: Ярославль, Кострома, Вологда, Рыбинск, Ростов, Кинешма, Иваново-Вознесенск, Шуя, Вичуга и Родники. Ярославль служит в то же время и центральным пунктом.

1. Ярославль. Общее число организованных рабочих — 700 человек, дружинников — 50. Во главе дружин и подготовки стоит Б. Комитет временный из лиц, взявших на себя организацию по районам, и одного ответственного организатора... Дружинники учатся обращению с оружием и приобретают элементарные сведения по окопному делу, строевым действиям и разведочной службе (лекции В. Т. Б. и книги). Специалистов-инструкторов нет. Связь с войсками (военн.-организац.) есть.

Главным образом оружие состоит из Смит-Вес. и браунинг. Взрывчатых веществ и других боевых припасов нет. Разведки ведутся группой разведчиков по выработанной В. Т. Б. программе.

Боевой Комитет находится под контролем местного К-та, в вопросах военно-технических В. К. автономен. Средств от К. В. К. не получает.

При благоприятных условиях (организаторских и инструкторских сил, деньги и прочее) число дружинников может быть доведено до 200 человек.

2. Кострома. Всех организованных рабочих 600 человек. Дружинников — 70. Дружинники под руководством партийных офицеров (пр. зап.) обучаются окопам, оружию, строю, разведке, уличному сражению, есть связь с двумя железнодорожными батальонами.

Оружие — 12 винчестеров и 7 берданок.

Можно добывать кислоту и другие взрывчатые вещества. Поставлена лаборатория для приготовления бомб (средств). Средств местный комитет для боевой организации не дает. Взаимоотношения их очень натянуты. Число дружинников можно довести до 200 человек.

3. Вологда (данные относятся к началу февраля). Внепартийная дружина доходит до 200 человек. Оружие — 30 винчестеров, 27 берданок, 3 маузера, 37 браунингов, остальные

Смитс-Вейсс. Патронов запас порядочный (все на средства города).

Рыбинск. Из общего числа организованных (100 человек) 15 вооруженных бр., револьверами и проч., обучение не ведется и т. д. Связь с солдатами, военная организация есть.

Шуя и Иваново-Вознесенск. По 200—300 организованных рабочих, все есть, дружины слабо вооружены, обучение не ведется, организован уральцем рабочим, производят конфискацию и пр.

Родники, Кинешма, Вичуга. В каждом есть 20—40 дружинников, вооруженных револьверами, обучение не ведется, связи с войсками слабы.

Ростов. Из ста организованных рабочих 20 дружинников. Обучения нет. Оружия мало. Крепкая военная организация (артиллерийские бригады).

Московский Окружной Комитет

Число организованных рабочих 1 000, дружинников 89 чел., считая таковыми только уже обученных кой-чему. Предметы занятий: оружие, строй, баррикады и т. п.

Занятия и дальнейший рост дружин встречают препятствие в недостатке инструкторов, организаторов и денежных средств. При благоприятных условиях дружины можно довести до 500 человек. Оружия годного для выступлен. (т. е. винч., маузер., винтовок) 70. Есть связи для получения лабораторских веществ по чертежам В. Т. Б. изготовляются, отливаются оболочки для бомб. Разведки поставлены плохо, так как нет разведчиков. Средств от Окружного Комитета дружины в настоящее время не получают ни гроша, независимость от Окружного Комитета полная.

Главные организационные пункты и мобилизационные лежат по линиям железных дорог М. узла. Есть возможность конфискации оружия, но нет необходимых для этого денег.

Московский Комитет

Во главе боевой подготовки к вооруженному восстанию стоит городская боевая коллегия. Ее состав: ответственный организатор, начальник штаба, районные организаторы, ответ. разведчик, представитель К-та и представитель В. О.

По этому же типу строятся районные комитеты.

Примечание. В военное время Гор. Боев. Коллегия состоит из начальника штаба, ответствен. организатора и пред-

ставит. Комитета, то же и с районным центром. Взрывчатых веществ нет. Разведочное бюро только организуется. Дружинники обучаются стрельбе. Центральные кружки под руководством специалистов-инструкторов занимаются по тактике и фортификации. Практические занятия производились... Б. О. в полном общении с местным Комитетом (взаимное представительство). Комитет выдает до 700 руб. в месяц на содержание профессиональн. организаторов и на оружие.

Данные по отдельным районам

Замоскворецкий район. Организованных рабочих 200, дружинников 120 чел.

Организуется боевой районный центр. Вооружение —70 винтовок и 10 маузеров (дружины можно до 400).

Лефортовский район. Дружинников до 100 чел. Организованных рабочих 700—800. Оружия 10 винчестеров, 19 винт., 10 маузер., 20 браунинг.

Рогожский район. Рабочих 700. Дружинн. 60 челов. Оружия 4 винтовки, 2 маузера, берданк. Районный центр не организован.

Городской район. Рабочих 1 273, дружинников 108, между ними 9 отставных солдат с зауряд-прапорщ. Оружия 11 маузеров, 9 винтовок и 3 берданки. Центра нет.

Пресне-Хамовнический и Бутырский районы. Всех организованных рабочих 500 человек, дружинн. 192 чел., из них 140 занимаются, остальные нет. Кроме того в районе есть 20 вольноопределяющихся. Оружия 7 маузеров, 70 берданок, 1 винтовка и 30 винчестеров. Центр есть. Боевые районы не совпадают с полит.

II

ПРОЕКТ УСТАВА ОБЛАСТН. ОРГ. БОЕВ. СИЛ

1. В интересах технического руководства и объединения работы по подготовке к вооруж. восстанию как в армии, так и среди пролетариата, а также для организации отдельных операций и руководства в военное время общими боевыми выступлениями области при Ц. К. учреждается В. Т. Б.[1].

[2. В. Т. Б. состоит из Областного Боевого Комитета и 6 специальных отделов для чисто технического обслуживания области.]

[3. Областной Боевой Комитет временно, до областного съезда

---

[1] В подлиннике буквы Ц. К. зачеркнуты карандашом и сверху карандашом же написано О. Б. Над В. Т. Б. карандашом написано: О. Б. К.

организ. Боев. сил, составляется в следующем соотношении из организаторов Боев. сил, назначаемых политическими центрами: от Ц. К.— 1 лицо, от МК (Москов. Ком.) — 2 лица, от Моск. Окр. Орган.— 1 лицо, от Москов. Воен. Организ.— 1 лицо.]

[4. Уполномоченные организаторы Боев. сил, собравшись вместе, выбирают из своей среды лицо, обладающее специальн. военн. подготовкой, на должность начальника областного штаба].

[5. Начальник областного штаба совместно с Боев. Обл. Комитетом организует областной штаб, который должен будет выполнять те функции, которые в армии выполняет генеральный штаб.]

6. Настоящий состав Областн. Боев. Комит. может быть изменен на областном съезде по постановлениям съезда, который окончательно определяет порядок составления Обл. Боев. Ком. и число его членов.

7. В случае конфликта и разногласия по вопросам об отдельных операциях на местах между В. Т. Б. и местными политическими группами партии решающей инстанцией является Центр. Ком.

8. Для удобства сношений и ведения дела область делится на округи; при чем Окружной Боевой Комитет составляется по образцу Областного Боевого Ком., с той разницей, что вместо члена от Ц. К. в Окруж. Боев. Ком. входит агент по назначению от В. Т. Бюро.

9. Порядок составления Окружн. Боев. Комитета и его состав окончательно определяются на областном съезде Боев. сил.

10. В военно-техническом отношении все местные Боев. силы подчиняются Боевому Ком. Округа, а Боев. Ком. округа подчиняется В. Т. Б.[1].

11. В политическом отношении все местные Боев. силы подчиняются соответствующим политическим организациям партии, а В. Т. Б. и[2] Окружные Боевые Комитеты подчиняются Ц. К. партии.

12. В военно-технич. отношении высшим руководящим учреждением являются очередные съезды представителей Боевых сил области и округов.

[13. В случае, если областной съезд Боев. сил выразит недоверие Оласт. Боев. Комитету, то члены его подают в отставку. Новый состав Обл. Боев. Ком. пополняется в установленном порядке. То же самое относится и к окружным съездам Боев. сил.

14. Областной Б. К. по отношению к области, а Окружн. Б. К. по отношению к округе — могут распускать мест. боев. орг., оказавшиеся не на высоте положения.

---

[1] Дальше написано карандашом: Област. Боев. Ком.
[2] В. Т. Б. зачеркнуто, карандашом сверху написано: Обл. Б. К.

15. В интересах объединения боев. работы в армии и среди пролетариата, как общее правило, организатор боев. сил военной организации входит в местные боевые коллегии; в тех же местах, где город разбивается на районы, такая связь проводится и в районах.

16. Объединение боевой работы в армии и среди пролетариата допускается в одном лице, если военная организация соглашается на это.

Областные съезды организаторов боевых сил созываются Ц. К-ом, а окружные съезды созываются В. Т. Б.

18. Для большей связи и осведомленности ответствен. организаторы боевых сил входят в соответствующие политические центры, как в общегородские, так и в районные, с правом решающего голоса.]

Пояснительная записка к проекту Устава областной организации боевых сил партии

Основная мысль Устава — это непосредственное объединение и централизация наличных боевых сил по округам и областям. Вряд ли теперь, после опыта декабрьских событий, возможно настаивать на сохранении прежней формы боевых организаций, когда они объединялись и координировали свои действия через местные политические центры, а не прямо между собою...

Весь вопрос в том, признаем ли мы неизбежность народного вооруженного восстания или нет?

Если признаем, то должны стремиться внести в стихийное боевое движение элементы организации, так чтобы каждый частный акт был согласован с общим выступлением, чтобы не было отдельных разрозненных вспышек, легко подавляемых вследствие их изолированности...

Раз признать бессмысленность политических выступлений в отдельных городах, даже крупных, и обратно считать целесообразными выступления, охватывающие районы не менее области или даже больше, то само собой напрашивается вывод: необходимо [1] непосредственное объединение боевых сил области, так как иначе немыслимо согласование частных действий и проведение в жизнь общего плана для всей области.

Приходится слышать мнение, что объединение некоторых функций технического характера (напр., инструкторской части) полезно и необходимо, объединение же других нежелательно, так как может осложнить отношения Ц. К. и местных групп.

В сущности, нет никакой принципиальной разницы между объ-

---

1 В подлиннике небольшой пробел.

единением и централизацией инструкторской части и, напр., разведочной службы или организацией предприятий по доставке оружия или по постановке транспорта и т. д. Раз допускается объединение одной технической функции, то в интересах правильного ее выполнения необходимо допустить и объединение других.

Боязнь осложнений между Ц. К. и местными группами в сущности лишена оснований: ведь местные боевые силы не отрываются от соответствующих политических организаций; они подчиняются их директивам и не могут самостоятельно устраивать сколько-нибудь крупных предприятий,—в этом смысле и при объединении по областям все остается по-старому; новое, что вносится, заключается в двух положениях: 1) в военно-техническом отношении местные боевые силы подчиняются военно-техническому центру области, 2) в случае разногласий по вопросу об отдельных операциях между военно-техническим округом и местными политическими группами вопрос решается Центральным Комитетом.

Первый пункт вряд ли может вызвать возражения, второй же наверно их вызовет, и потому на нем остановимся подробнее.

В основу второго пункта положены те соображения, что отдельные операции не должны подрывать политической работы на местах, что подрыв такой работы напомнил бы человека, который рубит сук, на котором сам сидит, потому что рост технических сил обусловливается успехом идеологической работы, но, с другой стороны, операция в данном пункте может иметь значение для всей области; вот тут и возникает вопрос: как примирить интересы части и целого?

Вмешательство Ц. К., нам кажется, обеспечивает в каждом отдельном случае наиболее рациональное и беспристрастное решение вопроса.

Когда же движение носит характер общеполитического выступления, то грани между местными группами стираются, потому что все действуют по одному плану, и военно-техническое руководство из центра не может здесь вызвать возражений.

Необходимо еще заметить, что работа объединенной организации боевых сил будет носить главным образом подготовительный характер, отдельные же операции, в случае их необходимости, всегда могут быть организованы, чтобы вред их для местной работы свелся к минимуму.

Надо еще иметь в виду, что, в случае подавления политическими группами инициативы боевых сил на местах, таковая может принять характер предприятий на свой страх и риск, что крайне нежелательно во всех отношениях. Объединение боевых сил и техническое подчинение их окружным и областному боевым комитетам сможет предохранить силы от бесполезной их траты.

Опасаться «двоевластия» нечего, так как боевые областные комитеты в политическом отношении подчиняются Ц. К.; да наконец ведь речь идет об организации партийных боевых сил, а не о создании армии из беспринципных любителей сильных ощущений, которые могли бы отколоться от партии или свергнуть партийное правительство.

III

УСТАВ БОЕВОЙ ДРУЖИНЫ Р. С.-Д. Р. П.

I. Боевые дружины имеют целью подготовку к вооруженному восстанию и облегчение проведения его.

II. Боевые дружины формируются непосредственно боевыми организаторами районов из среды сознательных рабочих, входящих в состав заводских собраний и рекомендованных заводским комитетом.

III. Боевые дружины должны находиться в постоянной боевой готовности и немедленно являться по объявлению мобилизации как частичной, так и общей на сборном пункте в течение 3 часов.

IV. Боевая готовность определяется возможностью быстро собираться по объявлению мобилизации, быстро вооружаться и выступать.

V. Боевые дружины обязаны: 1) хранить в строгой тайне совещания, планы, дела боевой организации, 2) точно являться на занятия, учебные и сборные пункты, 3) бережно обращаться с оружием, 4) в точности исполнять все приказания начальника.

VI. Начальники боевых дружин ответственны за состав, исправность оружия, обучение, состояние дисциплины и правильность производства мобилизации в своих районах.

VII. Основной боевой единицей является пяток (пятый начальник), четыре пятка соединяются в отряды, четыре отряда в команды. Пятки нумеруются по заводам, отряды по районам, команды по городу. Пятки не работают.

VIII. Начальники пятков и отрядов выбираются самими дружинниками из своей среды, так же как и их заместители. Выбранные начальники, заместители утверждаются в должностях Боевым Центром района. Начальники команд назначаются общезаводским Боевым Центром.

IX. Для совершения какого-либо важного, но опасного предприятия, обещающего верную смерть, вызываются охотники, если таковые имеются.

X. В интересах поддержания дисциплины необходимо как в мирное, так и в военное время при отрядах учреждение суда дружинников отряда, коему предаются обвиняемые в следующих проступках:

1. Умышленное предательство, измена.

Примечание. Оставление сторожевого поста без предупреждения товарищей — равносильно предательству.

2. Хранение мобилизационных списков дружинников без разрешения районного Боевого Центра.

3. За болтливость и обнаружение конспиративных дел Б. О.

4. За неисполнение приказаний начальника и неявку на сборный пункт.

5. За передачу оружия и потерю его.

6. За отступление и бегство без приказания начальника и за сдачу оружия противнику.

XI. Суд отряда составляется из пяти судей: четыре присяжных, выбираемых самим отрядом, и один председатель суда — начальник отряда.

XII. В мирное время приговор суда отряда получает силу по утверждению его районным Боевым Центром; в военное время приговор суда отряда приводится в исполнение немедленно, о чем извещается Боевой Центр района.

XIII. Начальники дружин возбуждают дела о предании суду отряда, при чем им предоставляется право немедленно отстранять обвиняемого от своей дружины (пятка, отряда и т. д.) до решения суда.

IV

ДОКЛАД, ЧИТАННЫЙ ПРЕДСТАВ. В. Т. Б. НА ОДНОЙ ИЗ ОБЛАСТНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ 1906 г.

События быстро и неуклонно развиваются по направлению к гражданской войне. Об этом говорит крушение конституционных иллюзий, начавшие вспыхивать солдатские мятежи, аграрные волнения, забастовки и т. п. Об этом говорит также широкая мобилизация реакционных сил и воинственные подготовления бюрократии, готовой на все для сохранения за собой власти.

Основная задача партии в данный момент заключается в том, чтобы всей своей идеологической работой поставить пролетариат в наиболее выгодные условия как в смысле решительной борьбы с самодержавием и буржуазией, так и использовывания плодов (этой) победы над ним.

Первая задача (?) решается проведением в массы лозунгов, способных сплотить демократические элементы населения вокруг знамени социаль-демократии, вторая задача достигается путем организации и развития классового самосознания пролетариата.

Подробнее особенности переживаемого момента истории (Белосток).

Взаимоотношения политики и техники. - Задачи Б. организации Задачи партии не полно и не конкретизировано. не задачи партии.

Для руководства вооруженными массами нужны совершенно иные аппараты организационные, чем те, которые руководят массами в мирное время. Пример декабря о замиранни политическ. деятельности.

Работа в указанном направлении составляет политические предпосылки успешности вооруженного восстания, кроме которых необходима еще предварительная военно-техническая подготовка. Само собой становится ясным, что на всем протяжении подготовки к В. В. политика господствует над техникой и господствует вплоть до самого восстания, когда политический центр объявляет необходимым начало выступления партийных сил в массовом восстании. Допустить иное соотношение между пол. и техн. немыслимо, так как рост технических сил обусловлен успехом идеологической работы, а не обратно.

Необходимость военно-технической подготовки к В. В. определяется не столько наличностью огромных технических средств у правительства, которые к моменту действительного народного вооруженного восстания будут если не на стороне народа, то не против народа во всяком случае, сколько наличностью убежденных черносотенных сил как в армии, так и в подонках народа и верхах буржуазии, сил, которые и после поражения правительства как такового окажутся способными на упорную гражданскую войну. Доминирование политики над техникой особенно ясно видно на примере Военн. орган., где политическая работа дает непосредственный материал боевых сил. Итак, в мирное время военно-техническая подготовка к вооруж. восст. подчиняется всецело процессу идеологической работы. В военное же время, когда дан лозунг В. В., обычная работа партии частью замирает совершенно, частью заменяется процессом вооруженной борьбы, исход и ход которой надолго определяет судьбу будущего. Политическое руководство не прекращается, оно принимает лишь иные формы и вынуждено считаться с важностью технического успеха восстания. Победа повышает политическую атмосферу и тем самым содействует дальнейшим техническим успехам; поражение дает результаты обратные.

Основная мысль В. Т. Б. та, что в момент В. В. до успешного его завершения руководство массами политическое сливается с военн. техникой.

Как бы мы ни представляли себе картину и ход Вооружен. Восстан., в виде ли одновременной вспышки в крупных центрах или ряда последовательных выступлений в городах и деревнях, надо согласиться, что раздавить самодержавие, опирающееся теперь на международный капитал, на черносотенную часть ар-

мии и высоко развитую военную технику, может только революционная милиция (вытекшая из дружин), соответственным образом организованная и вооруженная. Организация такой милиции возможна лишь при сильной дезорганизации правительственных сил и введении революционного самоуправления. В момент вооруженн. восстания, частичного захвата власти вводить революционное самоуправление, не расстроив предварительно военно-полицейского механизма, нет смысла, так как войска своими действиями до невозможного затрудняют организационную работу народных масс. Получается как бы заколдованный круг, выход из которого и даст подготовка военно-техническая в мирное время по организации боевых сил партии. Следовательно, наши боевые силы должны быть подготовлены к выполнению двухсторонней задачи: парализовать в момент вооруженн. восстания самодержавно-полицейский механизм и послужить руководящими кадрами при организации революционной армии милиции.

Содержание военно-технической работы по подготовке к вооруженн. восстанию слагается из трех основных элементов: вооружения, организации живых сил и тактического руководства. Техника вооружения распадается в свою очередь на два отдела: снабжение дружин дальнобойным оружием и боевыми припасами и хорошо поставленной ручной артиллерией. В тактическом отношении роль последней суживается и благодаря трудности выработки безопасного в обращении типа снарядов и[1] для их метания на расстоянии минимум 200. Вооружение в скольких-нибудь размерах связано с крупными расходами и силами, и в данное время партии под силу вооружить лишь отборные боевые силы организации. Критерий минимума, ниже которого не должно спускаться количество оружия,— это размер его, нужный для конфискации казенного оружия с целью самовооружения масс. Очевидно само собой, критерий колеблется для каждой данной местности и в зависимости от конкретных условий и сил. Вооружая отборные силы партии, мы в то же время должны будем озаботиться выработкой типа снарядов и предварительной заготовкой всех нужных материалов для быстрого снаряжения гранат в решительную минуту. Этим подчеркивается работа по самовооружению;

---

[1] В подлиннике пропущено слово.

организация боевых сил состоит в подборе пригодных для войны элементов, распределении между дружинами технических функций и проведении в жизнь тактического руководства массами при помощи дружин. Первые ясны сами по себе, последнее заслуживает разъяснений. Тактическое руководство распадается на инструкторскую часть, военно-учебную, разведку и обработку получаемого материала. Инструкторство охватывает собой все отрасли боевого дела, оно состоит из теоретических и практических занятий. Первые представляют собой изложение элементарных сведений по организации и действию в сражениях правительственной армии, по тактике уличного боя, особенность которой вытекает из различия в вооружении, психологии и организации правительственной армии и народной милиции, а также по устройству обращения и хранения ручных снарядов. Практические занятия имеют целью обучить стрельбе и обращению с трехлинейками, обучить метанию снарядов (ручных гранат), закладке фугасов, постройке баррикад и т. п.

Разведка имеет целью дать возможно точные сведения о силах, намерениях и расположении противника и местности, на которой придется действовать. Сведения, доставляемые разведкой, обрабатываются в интересах составления плана наиболее целесообразного применения боевых сил на случай всенародного Вооруженного Восстания.

Сравнивая между собой различные отрасли боевого дела в смысле возможности и желательности их развития, мы придем к выводу, что центр тяжести военно-технической подготовки должен лежать в организации и тактическом руководстве.

Мы должны стремиться поставить возможно шире организацию боевых сил партии без оружия, обучение их в указанном смысле, разведку и обработку получаемых сведений в интересах целесообразного использования наличных сил. Далее, некоторые товарищи включают так называемые партизанские выступления в подготовительную работу к В. В. Сторонники партизанских выступлений мотивируют главным образом их воспитательное значение и на то, что они дезорганизуют правительство, сколько содействуют его организации, указывая ему на его слабые стороны[1].

---

[1] Так в подлиннике.

II. Самая дезорганизация правительства имеет смысл лишь постольку, поскольку связана непосредственно с широкими выступлениями масс, т. е. если есть кому воспользоваться временным замешательством правительства.

III. Воспитательная роль их не всегда покрывается потерями в силах и задержкой в организационной работе.

IV. Наиболее целесообразным при данных условиях средством воспитания боевых дружин являются практические занятия и маневры.

Сказанное о партизанских выступлениях, конечно, не касается выступлений, вытекающих из необходимости самообороны и конфискации оружия.

Подготовительная деятельность к Воор. Восстанию успешно может развиваться лишь при условиях централизации и объединения боевых сил. Особенно это видно на примере бомбистской техники, давшей благодаря кустарничеству столько жертв и неудачных покушений. Значение этих условий для развития других отраслей боевого дела также не подлежит никакому сомнению. Раз признать бесполезность вооруженных выступлений в отдельных городах даже крупных и, обратно, считать целесообразным выступления, охватывающие районы не менее области, даже более, то само собой напрашивается вывод непосредственного объединения боевых сил по области, так как иначе немыслимо согласование частных действий и проведение в жизнь единого руководства для всей области сообразно стратегическому значению различных пунктов. Объединение боевых сил должно коснуться также и армии, должна быть объединена единством выступлений и руководством, т. е. единым организационным центром. Необходимость такого объединения обусловливается однородностью задач пролетарских и солдатских боевых сил и той выгодой, которая получится от взаимного координирования действий...

Первая задача боевых сил по пролетаризации правительственного механизма не может быть успешно разрешена без содействия хотя бы небольшой части армии, поэтому организация боевых сил крайне заинтересована не только в объединении с боевыми дружинами армии, но и в развитии идеологической работы в армии.

Неудавшаяся военная конференция должна была разрешить этот чрезвычайно важный вопрос о создании идейного руководствующего центра армии, но по роковой случайности не смогла этого сделать.

Весьма желательно кроме центра, объединяющего и централизующего боевые силы армии и пролетариата по округе, не дожидаясь военной конференции, создать при Областном Комитете обслуживающий все военные организации хотя бы в идейном отношении центр.

Суммируя все изложенное, мы предлагаем конференции в интересах военно-технической подготовки к Вооруженному Восстанию признать (см. проект резолюции).

Предложено предстоящей конференции признать:

1. Боевые организации области имеют право объединять и централизовать свою работу в области как в армии, так и среди пролетариата.

2. Объединение и централизация производятся путем периодического созыва съездов представителей боевых сил области и непосредственных сношений.

3. Съезд представителей Б. Орган. пользуется правом избирать Областной Военный Комитет.

4. Областной Боевой Комитет руководит всей боевой работой, контролирующей деятельность местных боевых организаций.

5. Областной Боевой Комитет делегирует одного представителя в областное бюро и признает его политическое руководство.

6. Действия Областного Боевого Комитета контролируются периодическими съездами.

7. Все недоразумения между Б. Орган. и местными общепартийными организациями разрешаются областным бюро.

V

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДА МОСК. БЮРО Ц. К. ОБЛАСТНОЙ КОНФЕР. ПО ВОПРОСУ О ВОЕННО-ТЕХНИЧ. ПОДГОТОВКЕ К В. В.

1. Особенности переживаемого момента. События быстро развиваются по направлению к гражданской войне... Об этом говорит рост революционного настроения масс и широкая мобилизация сил. Партизанские выступления черной сотни (погромы) представляют собой не только пролог к гра-

жданской войне, но и специфическую форму ее, присущую очагам реакции.

Отдавая имущество и жизнь граждан на поток и разграбление солдатам и хулиганам, правительство стремится решить следующие задачи:

а) развратить армию и заинтересовать ее материально в сохранении существ. режима;

б) объединить боевые силы черной сотни как в армии, так и вне ее и подготовить таким путем кадры для войны против народа не за страх, а за совесть;

в) дезорганизовать революционные силы, чтобы можно было передвинуть испытанную на погромах часть армии в другие места.

2. Основная задача партии в данный момент заключается в том, чтобы всей своей идеологической работой поставить пролетариат в наиболее выгодные условия как в смысле решительной борьбы с самодержавием, так и в использовании плодов победы над ним.

Первая задача решается проведением в массы лозунгов, способных сплотить демократические элементы населения и армии вокруг знамени социаль-демократии, пробудить их самодеятельность в возможно высокой степени... Вторая задача достигается путем организации и развития классового самосознания пролетариата.

Работа в указанном направлении составляет политические предпосылки В. В., в связи с которыми преобретает значение военно-техническая деятельность.

3. Необходимость военно-технической подготовки обусловливается: а) ограниченностью политической работы и высокой техникой организации и вооружения, какими располагает правительство; б) неприспособленностью существующих политических организаций, выросших на почве идейного руководства, к проведению технических выступлений в момент В. В.; в) необходимостью положить предел бесполезной трате сил в форме единичного террора.

Несомненно, русло российской революции непрерывно расширяется и углубляется, включая в свои ряды все новые и новые слои населения... Однако, как бы далеко этот процесс ни шел, в руках правительства всегда останутся кадры убежденной черной сотни (солдат и вольных), вооруженные самыми страшными орудиями истребления...

В современной войне техника организации и вооружения имеет большее значение, чем численность,— качество армии важнее ее количества...

Парадокс нашей революции, неизвестный прошлым временам, заключается в том, что кучка смелых людей, вооруженная, до-

пустим, пулеметами, может в несколько минут сорвать выступление масс, превратив его в грандиозную бойню...

В декабре масса была на стороне революции, но дрались лишь кучки, ибо первая за отсутствием оружия и соответствующей организации не могла выступать...

Вот для того, чтобы политическое выступление масс могло превратиться с возможно меньшими потерями в известный момент в вооруженное восстание масс, а не выродиться, как это было в декабре, в безнадежную войну одиночек, необходима предварительная военно-техническая подготовка.

Переход части армии на сторону народа тогда принесет пользу революции, когда перешедшая часть будет надлежащим образом реорганизована и использована, во избежание измены, что опять-таки требует соответствующей технической подготовки.

4. Соотношение техники и политики заключается в том, что в мирное время политика подчиняет себе технику, считаясь однако с ней в вопросах направления политической работы... Это значит—

а) момент В. В. определяется, исходя из соображений политической обстановки, а не степени технической подготовки, так как технические данные без самодеятельности масс не имеют значения;

б) технические операции не должны подрывать идейной работы, так как рост техники обусловливается успехом идеологической деятельности, а не обратно. Например, если похищение оружия в какой-либо части войск может затормозить там идейную работу, то лучше от этого отказаться;

в) направление практической работы должно больше считаться с интересами В. В., чем это было до сих пор — обратить например особое внимание на работу в армии, имеющую для В. В. огромное значение, на железнодорожные организации и т. д...

В военное время техника сливается с политикой.

5. Направление военно-технической работы. Как бы мы ни представляли себе картину В. В., в виде ли движения в крупных центрах или в ряде последовательных вспышек в городах и деревнях, надо согласиться, что раздавить самодержавие, опирающееся на сильную организацию и развитую военную технику, может только революционная милиция, соответствующим образом организованная и вооруженная... При условиях подпольной работы мы можем организовать только руководящие кадры будущей милиции, т. е. партийные боевые

дружины, организацию же милиции в целом при условии длительного революционного самоуправления.

Насколько легко ввести революционное самоуправление, настолько трудно сделать его длительным. Это показали декабрьские события...

Революционное самоуправление имеет смысл не бок о бок с сильным противником, как результат его дезорганизации, когда военно-полицейский механизм парализован и не в состоянии вести наступательных действий...

Такой дезорганизующей силой в момент В. В. могут послужить наши партийные боевые дружины.

Таким образом направление военно-технической подготовки определяется задачей — организовать боевые силы, способные в момент В. В. парализовать военно-полицейский механизм и послужить руководящими кадрами революционной армии.

6. Содержание военно-технической работы слагается из трех основных элементов: вооружения, организации живых сил и тактического руководства.

Техника вооружения состоит из снабжения дальнобойным огнестрельным оружием, боевыми припасами и ручной артиллерией...

В тактическом отношении огнестрельное оружие имеет большее значение, чем ручная артиллерия, так как оно применимо почти при всех условиях уличного боя, гранатами же можно действовать не далее как на 50 шагов от противника.

Кроме того, условия массовой борьбы выдвинули новые требования ручной артиллерии, которым современные типы снарядов, выработанные на почве единичного террора, не удовлетворяют. Несмотря на эти недостатки, ручная артиллерия при умелом пользовании может оказать огромные услуги. Вооружение масс недоступно для партии, все, что она может сделать в этом смысле, сводится к вооружению небольшого числа отборных партийных боевых сил и к пропаганде идеи самовооружения.

Организация живых сил в боевые дружины состоит в подборе соответствующих элементов, распределении технических функций и проведении в жизнь тактического руководства...

Последнее заключает в себе инструкторскую часть и деятельность штаба, т. е. разведку и разработку изучаемого материала.

Инструкторство состоит из теоретических и практических занятий — вот их перечень:

а) лекция I «Элементарные свед. о боевых свойствах постоянных армий и действии их в бою»;

б) лекция II, III «Тактика уличного боя» — применительно к особенностям вооружения, психологии и организации революционной армии;

в) лекция IV «Партизанские действия» — малых сил — нападения на железные дороги, порча сообщений и т. д.;

г) «Элементарные свед. по ручной артиллерии и подрывному делу»...

Практические занятия:

1. Пробные мобилизации в связи с разведкой и охранением; поручить быстро и скрыто собраться.
2. Техника сигнализации.
3. Форма строя (сомкнутый и рассыпной).
4. Возведение окопов, искусственных препятствий и заготовка фугасов.
5. Обучение стрельбе и метанию гранат.
6. Двустороннее маневрирование (одна часть обороняется, другая нападает) днем и ночью.

Разведке иметь целью дать возможно точные сведения о силах, расположении противника и местности, на которой придется действовать.

Все эти сведения обрабатываются в интересах наиболее целесообразного применения боевых сил в момент вооруженного восстания.

7. Соотношение различных отраслей боевого дела. Центр тяжести боевой работы лежит в организации и обучении кадров будущей революционной милиции... в непрерывном расширении их, чтобы каждый член партии в то же время был бы солдатом войска рабочего народа.

8. Успех военно-технической подготовки к В. В. требует непосредственного объединения и централизации боевых сил партии как в армии, так и среди пролетариата... Впервые эта необходимость была сознана по отношению к делу ручной артиллерии, в котором кустарничество стоило партии больших жертв. Лица, указывающие, что с объединением усилятся столкновения общих и боевых организаций, упускают из виду, что все эти дефекты происходят от изолированности боевых сил партии.

В момент В. В. перед партией выступит задача — направление и согласование действий местных сил на пространстве более или менее значительного района, сообразно стратегической важности отдельных пунктов,— задача эта не может быть решена без предварительной централизации в мирное время боевой работы в данной области.

VI

НАПРАВЛЕНИЕ И ЗАДАЧИ БОЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

О направлении работы боевых организаций говорить много не приходится, в этом месте вопросы и фракционные разногла-

сия не слишком остры и притом слишком отвлеченны были до сих пор, чтобы заинтересовать широкие слои организованных рабочих социаль-демократии. В докладе одного из петербургских товарищей, например, приводится часть резолюции 3-го съезда, предлагающая принять самые решительные меры к вооружению пролетариата, к выработке плана и непосредственного руководства вооруженным восстанием, создавая для этого особые группы партийных работников, и тут же петербургский товарищ добавляет, что «резолюция эта обсуждалась в Петербурге сравнительно очень мало, а к проведению ее в жизнь не было принято никаких шагов», к этой стороне вопроса мне, как наблюдавшему московскую организационную жизнь, остается лишь добавить, что и москвичи далеко не ушли по реализации этого вопроса и, несмотря на то, что 3-й съезд нашел необходимым «ограничить задачи партии содействием самовооружению населения и организацией и вооружением боевых дружин, которые были бы способны внести инициативу и планомерность в повстанческую борьбу», несмотря на ограничения съездовской резолюции, партия даже теперь не предпринимает более или менее серьезных шагов к реализации даже ограниченных задач, признанных съездом; любопытно, что было бы, если бы съезд их не ограничивал, вероятно, что тогда вряд ли кто заинтересовался бы этим вопросом, такова уже судьба большинства постановлений, выносимых нашими съездами, ограничивающими те задачи, которые, даже будь они трижды урезаны, могли бы поглотить всю деятельность и силы партии. Не собираясь преподносить товарищам по вопросу о задачах социаль-демократической партии соображений «собственноручного изделия», а наоборот, на протяжении всего доклада стремясь остаться на почве фактов, говорящих за себя достаточно красноречиво и без «посторонних агитаторов», я в виду этого и допускаю необходимым привести небольшую выдержку по настоящему вопросу из речи товарища меньшевика, читавшего доклад на Окружной московской конференции: «Основная задача партии в данный момент заключается в том, чтобы всей своей идеологической деятельностью поставить пролетариат в наиболее выгодные условия как в смысле решительной и вооруженной борьбы с реакцией, так и в смысле использования плодов этой победы»; несомненно, что идеологическая работа партии, говоря условно, ставит пролетариат в положение наиболее выгодное для борьбы с врагом, завоевывая ему сочувствие и даже содействие оппозиционных слоев общества; но еще очевиднее, что бесплодна и прахом пойдет вся наша идеологическая «надстроечная» деятельность, если партия не обеспечит пролетариату наиболее выгодных условий параллельно с идеологической работой предвари-

тельной военно-т е х н и ч е с к о й подготовкой. Наша страна переживает эпоху, выпавшую ей на долю за неимоверно долгое время, в эту эпоху каждый шаг, сделанный однажды, будет оказывать свое влияние на протяжении десятилетий и столетий, и будет историческим позором, если партия в эпоху господства н а с т у п а т е л ь н о й силы и з а х в а т н о г о права отступит в тихий притон развития самосознания масс, не использовав наличных сил, пригодных для войны в направлении наступления и захвата. Ведь потом будут эпохи совершенно иных форм борьбы, будут налицо развитые организованные массы, и не будет только условий, дающих такой простор наступлению и захвату. В эпоху вооруженных столкновений за права и власть наша партия должна в момент выступления масс выставить на поле сражения все свои наличные силы, при такой постановке дела, как победа, так и поражение дадутся нам равно бескровные. И все же повторяю, что вопрос о направлении деятельности партии по подготовке к вооруженному восстанию достаточно ясен и мало спорен, задачи же, которые съезд поставил перед партией, будучи даже урезанными, остаются очень широкими, настолько широкими, что вряд ли даже когда-либо будут осуществлены в полной мере боевыми организациями. В настоящей главе доклада я впрочем долго не буду останавливаться ни на роли партии в вооруженном восстании, ни на роли съездов в партии. Указав лишь бегло на несоответствие между постановлениями съезда и партийной действительностью, лишь потому бегло указав на это, во-первых, во избежание всяких сентенций и, во-вторых, для того, чтобы при таком освещении отвлеченно формулированных задач партии яснее и конкретнее представить товарищам задачи, которые лежат перед боевой московской организацией и которые всякая мало-мальски обстоятельная организация должна иметь в виду, как подлежащие немедленному осуществлению. Итак, говоря о задачах не отвлеченных и о задачах не партии, а о конкретных задачах, лежащих перед боевыми организациями, прежде всего констатируешь такое досадное явление: ведь тот или иной круг задач определяется суммою наличных своих и неприятельских сил, ведь, не учтя как следует, а преувеличенно свои наличные силы, можно поставить перед собою утопически неосуществимые задачи и наоборот, считая себя слабее действительности, можно построиться организационно и тактически и таким образом, что не только не используешь наличных сил, но еще и будешь разбит неприятелем на-голову, ведь добрая половина партийных разногласий вытекает из переоценки и недооценки наличных революционных и неприятельских сил. В виду всего сказанного я и говорю, что перед нами в высшей степени досадное явление: силы наши боевые трудно поддаются учету, как силы, находящиеся в процессе р о с т а, и это не все, ведь

кроме роста наших партийных сил, роста сравнительно легко учитываемого, для Москвы, например, колеблющегося от 700 до 2 200 дружинников (в зависимости от количества оружия), кроме этих сил, нужно еще иметь в виду силы хотя бы в партии социалистов-революционеров, не говоря уже о возможных, хотя и неизвестных до поры до времени внепартийных дружинах: «кавказских» и т. п. В еще большей мере подвержены колебаниям силы революции вообще, а не той или иной партии; колебания эти достигают неимоверных крайностей; в Москве, например, наблюдались моменты, когда улицы были полны обывателями, готовыми ринуться в схватку за «общее дело», и если это наблюдалось утром под влиянием какого-либо зверства со стороны войск, то к вечеру того же дня обыватели с затаенной злобой исподлобья глядели на проходивших мимо дружинников, которые, по слухам, сегодня на глазах детей и жены, моливших о пощаде, убили начальника сыскной полиции, кажется, Войлошникова; таким образом пока нейтральный обыватель обезоружен, он хорош и нашим и вашим, но, самовооружившись, он не прочь будет попытаться реализовать и свою христиански-кадетскую правду-матку, и счастье революции, что обыватель — 90 против 10 — пока что стоит на ее стороне; и вот эти-то обывательские силы, которыми вооруженной социаль-демократии придется руководить в процессе восстания, подвержены еще [большим] колебаниям в зависимости от большей или меньшей цифры конфискованного оружия, конфисковать которое придется для безоружного в первый момент населения, конечно, самим дружинникам; ведь это как раз и будет процесс самовооружения народных масс, так ведь, кажется, должны представлять себе этот процесс товарищи меньшевики, имея в виду таковые силы революции, подверженные указанным колебаниям, и, исходя главным образом из своих наличных сил, партийные боевые коллегии; московская в данном случае и намечает себе следующие задачи, ради удобства изложения которые я разовью в такой последовательности: сперва изложу задачи конечные, которые боевым организациям должно будет осуществить в массах и для масс, иначе говоря, внешние задачи, и затем задачи начальные, т. е. внутренние, которые, будучи осуществлены в организации, только и дают право той или иной сумме лиц именоваться боевой социаль-демократической организацией. Основная задача — это, конечно, экономия сил народа, который, хорошо ли, худо ли, во-время или нет — вопросы все посторонние — хватаясь за оружие, становится лицом к лицу с организованной и вооруженной силой. «Пропаганда делом» со стороны правительства и «агитация словом» со стороны партий достигают своего логического результата, и в недалеком будущем, как и в декабре, народ снова очутится между двух полюсов: с одной стороны, уже наступающий

неприятель, с другой — перепуганные крики: «Не надо браться за оружие, еще рано». И вот тут открывается широкая возможность [для] организациям, специально для этого работающим, направить народ не к арсеналу, например, хорошо защищенному, а к другому месту, разведочной организаей давно выясненному, где лежат, например, две-три сотни винтовок, слабо охраняемых, завладев которыми можно будет совладать и с арсеналом и уже именно без такого дикого количества жертв, которое дало бы непосредственный захват. Экономя таким примерно образом силы народа, боевые организации могут вносить в массы осведомленность как по вопросу, где лежит оружие, где патроны, так и по вопросу, куда перепрятан тот или иной склад правительственного оружия, правительство, как известно, и этими мелочами теперь не прочь заниматься, а неосведомленность так трагически чувствовалась Москвою в декабре, что теперь здесь у нас даже наблюдается течение среди боевиков, которые не прочь поставить разведку во главу угла подготовительной к вооруженному восстанию деятельности. Указываю на это, как на доказательство тому, что вносить осведомленность в повстанческую борьбу далеко не то же, что в борьбу парламентскую, если можно так выразиться. Тут недостаточно агитаторов, вносящих сознание в широкие массы. Разведка — это задача, которая по силам только подвижной, непрерывно действующей организации, так как «необходимое условие разведки — это ее непрерывность, непрерывная постоянная осведомленность о всех изменениях обстановки», потому что успех разведки, а с ней и всего дела зависит от того, насколько в этом направлении работали в мирное время. Сюда уже, пожалуй, никак не приложишь так любимого принципа, любимого широкими слоями нашей партии: «Когда будет восстание, мы тоже пойдем на улицу, а теперь нужно живое дело делать, организовывать профессиональные союзы». Если исходить из глубокого убеждения, что большинство членов профессионального союза в момент всенародного подъема духа «тоже» пойдет на улицу, то очевидною становится необходимость и там вести подготовку, если не техническую, то хоть разведочную, принципиальную.

Перехожу теперь к нашей третьей задаче: самовооружить восставшие массы. Очевидно, что боевым коллегиям не к лицу утопия: «Дайте массам сознание, они и сами вооружатся». Очевидно, что нам нужно осуществить задачу: вооружить мирным путем, путем закупки и т. д. уже сознавшие массы нашей партии, подготовить их к осуществлению вооруженного самовооружения еще более широких масс. Самовооружиться стихийно восставший народ сможет только вооруженными усилиями своего авангарда, это, конечно, азбучная мысль, которую в нашей партийной среде все же говоришь, чувствуешь в этом постоянно настоятельную

нужду, особенно среди товарищей меньшевиков, не говоря уже о том, что «внести планомерность и инициативу в повстанческую борьбу» будет, само собой разумеется, задачей насущнейшей для боевых организаций; помимо этого, можно указать ряд частных задач, как, например, организация милиции и руководство ее деятельностью. Обычно думают очень упрощенно и далеко не так, как есть, хотя бы о том же восстании; думают, что вот народ восстал, победил, хотя бы и с тяжелыми жертвами, а если войска перешли на сторону народа, то почти и без жертв, и теперь осталось только организовать учредительное собрание,— так думают многие, но упускают при этом из виду наличность черной сотни как в н и з а х народа, так и в в е р х а х буржуазии и главным образом в армии, а раз об этом забывают, следовательно — упускают из виду неизбежно предстоящую нам д л и т е л ь н у ю гражданскую войну, быть может, очень и очень длительную, вот тут-то и встают вопросы: раз милиции вооруженного народа придется провести д о к о н ц а войну с черносотенцами, дело освободительного движения осложняется, ведь из всех партий, стоящих з а вооруженное восстание, а следовательно, и за проведение его до конца, из всех таких партий социаль-демократия самая крупная, а наблюдая московскую боевую организацию, вряд ли впадешь в утопию, что мы крупная сила, а если этого нет, если народная милиция будет не под руководством «крупнейшей» из революционных партий, значит — наиболее полезный ход и исход революции за пролетариатом н е о б е с п е ч е н и н е н у ж н о особых доказательств этого. Мимоходом укажу еще на одну задачу, вытекающую из приведенных соображений: как быть дружинам с войсками в случае, если они перейдут на сторону вооруженного народа так, как перешли они в Москве в декабре, т. е. просто н е в ы ш л и из казарм против восставшего народа, или же как быть с ними, если они в подавляющем большинстве своем лишь с д а д у т народу оружие: «Возьмите сами и сражайтесь, а мы на своих плечах не хотим вывозить теперь вашу революцию». Ведь это ответ очень и очень вероятный, не раз уже наблюдающийся в армии и очень вероятный, принимая во внимание кадетский дух революционизированных войск, и наконец, если войска активно перейдут на сторону народа, как тогда с ними быть,— вот три наиболее возможных формы перехода войск. Для первых двух случаев у московских боевиков, например, наблюдается определенное решение, решение такое: эти войска немедленно распустить и обезоружить, спорить против этого вряд ли кто будет. Но и к третьему случаю, пожалуй, приложимо решение; ведь как бы войска активно ни перешли на сторону народа, все-таки в главной своей массе они — крестьянство и как таковое — распусти их по домам — они в деревне окажутся революционным элементом, для городов же они смогут

быть таковыми лишь очень непродолжительное время в зависимости от настроения; и если бы горожане позволили своею революцией опереться на армию, это было бы промахом, которого не исправишь потом десятилетиями. Вот соображение, говорящее за необходимость подготовиться нашим боевым коллегиям для осуществления приведенных задач: роспуска войск по деревням и организации пролетаризированной по возможности милиции, которая не сможет однако довести революцию для наибольших для пролетариата завоеваний и путями, наивыгоднейшими для него, а следовательно, и для всех трудящихся классов, так приблизительно представляет себе свои конечные задачи повстанческая Москва; насколько исчерпывающе верно передаю все это, вопрос, который конечно не следует выпускать из виду, так как именно по вопросу о задачах повстанческих организаций у меня нет никакой литературы, и все сказанное вытекает из наблюдений и только отчасти из кое-каких резолюций, воспроизводимых мною тоже на память. Перехожу теперь к задачам внутренним или начальным, как я назвал их выше, разъюмирую перед этим лишь изложенные конечные задачи, таким образом нашим боевым дружинам [должно бы] следует быть всегда наготове всеми наличными пригодными для войны партийными силами для такой постановки дела, в момент всенародного подъема мы сможем осуществить основную задачу нашей программы-минимум — свергнуть самодержавное правительство, и еще при такой обстановке дела как желанная победа, так и привычное поражение будут доставаться нам равно бескровнее. Итак, задачи внутриорганизационные, не говоря уже о задачах организационного характера, которые у боевиков почти те же, что и в политической организации, их мне не трудно перечислить, исходя хотя бы из двух документов: из проекта устава областной московской организации и из пояснительной записки к нему. В первом пункте проекта говорится, что «в интересах технического руководства работой по подготовке к вооруженному восстанию как в армии, так и среди пролетариата, а также и для организации отдельных операций и руководства в военное время общими и боевыми выступлениями области», при Центральном Комитете необходимо учреждение областного военно-технического бюро, вот, значит, одна из первых задач организационного характера, дальше в уставе говорится о делегационном составе проектируемой боевой коллегии и потом еще о том, что в «военно-техническом отношении все местные боевые силы подчиняются боевому комитету округа». Эти задачи и по сию пору не осуществлены в желательной мере, особенного внимания заслуживает на мой взгляд вопрос о связи и взаимоотношении между боевыми военными организациями и боевыми пролетарскими; возможно, что на протяжении всего доклада чувствовалось, что я упускаю из виду ре-

волюционную часть армии, что я как бы намереваюсь совершить революцию силами одних пролетариев-дружинников, но это в сущности [есть продукт] лишь недостаток усвоенного мною порядка изложения, вследствие которого я и не отклонялся и до сих пор к этому вопросу лишь для того, чтобы не дать ему затеряться среди других. Теперь же, когда он всплыл на очередь, мне прежде всего следует констатировать уже существующие отношения в Москве, да и в других городах между боевыми и военными организациями, но ведь тут всего два слова: солдатская и пролетарская организации путем взаимного представительства осведомляются и координируют свои действия не через политические центры, как это наблюдалось в добрые старые времена и как это особенно тяжело дало себя знать и солдатам и пролетариям-боевикам в декабре. Излишне теперь доказывать необходимость непосредственной связи между этими организациями, только вследствие целого ряда условий, главным образом полицейского характера, две однородных организации живут и готовятся к решительному шагу совершенно оторванно друг от друга; само собой всплывает организационная задача, осуществлять которую теперь чрезвычайно трудно и которую при максимуме хороших условий удастся осуществить лишь до передела порайонного представительства, а не центрального только; дальше этого уйти не позволяет целый ряд условий, хотя, например, можно бы устраивать по вопросу о восстании и подготовке к нему совместные собрания из солдат и дружинников или же присылать взаимно осведомляющих пропагандистов, чтобы таким образом дружинники знали о настроении в армии и т. д., и наоборот, солдатам была бы известна наличность повстанческих сил, их вооружение, формы организации и т. д. В этом направлении в Москве сделано очень мало, солдаты и дружинники любопытные противоположности, у одних все есть: винтовки, пушки, организация, и социаль-демократии остается лишь дать им сознание, чтобы сразу приобрести в свои руки всю правительственную высокоразвитую военную технику, и в то же время как бы ни был сознателен наш партийный состав дружинников, если партия не дает им возможности запастись к восстанию техническими средствами, вся их сознательность послужит посмешищем и современникам и истории. Часто приходится слышать: «Что ваши дружинники и закупки оружия — капля в море, вот если бы солдаты были сагитированы, тогда бы и т. д.». На такое течение мысли можно возразить, что каплей в море мы себя считать не можем, декабрь убедил нас в обратном, что мы сила и не малая среди дезорганизованного правительства и неорганизованного народа, организация в две тысячи дружинников может сделать исторически много, особенно в направлении борьбы за войско. Думают обычно, что борьба революции происходит либо против войска,

либо с ним против. реакции, упускают главное в переживаемый момент — необходимость бороться с реакцией за войско, что же касается благопожелания, если бы солдаты были сагитированы как следует, то тут боевики больше, чем кто-либо, заинтересованы в надлежащей постановке устной агитации среди солдат. Остается лишь отметить тот факт, что и все-таки солдаты перейдут на сторону народа лишь после того, как агитировавший их народ проявит себя в качестве активно наступающей силы, эта задача как раз и выпадает на долю пролетарского авангарда дружин, конечно не слезоточивые речи, а решительный удар, вот последнее и длинное звено в цепи нашей деятельности, которая завершается вооруженным восстанием народа, именно вот [кажется] этого не могут запомнить товарищи идеологи, вот на мой взгляд одна из основных задач организационного характера, указанная мною, быть может, и с излишней пространностью. Из задач внутренних я укажу, как на пример, еще и на задачу технического характера; после декабрьского опыта перед боевыми организациями стала задача выработать такой тип снаряда, который, удовлетворяя требованиям современной техники, был бы в то же время настолько несложен механически и безопасен в обращении и настолько легко изготовляем, что мог бы стать достоянием широких восстающих масс; тип снаряда, выработанный террористическим опытом последней эпохи, как выяснилось, совершенно не удовлетворяет предъявленным к нему массовым запросам, и вот эта задача уже давно стоит перед товарищами москвичами, но осуществить ее удалось отчасти и то условно: выработаны уже чертежи, по которым дружинники, раздобывая фасонные части восьмидесятимиллиметровых газовых трубок, муфт, пробок и футорок, могут сами изготовлять снаряды, особенно легко и быстро фитильные, которые, будучи запасены в нескольких тысячах, могут сыграть огромную роль, особенно при возможно широко поставленном метании из домов. Тип, выработанный Москвой, есть только, конечно, робкий опыт, подобные которому, можно думать, произведены и в других городах, которые, лишь суммируясь, дадут максимальные результаты; относительно количества снарядов, запасаемых в мирное время, больших споров не может быть: чертежи, исходя из которых я пишу эти строки, изданные Московским военным техническим областным бюро, указывают как на желательное количество для социаль-демократической организации в две тысячи пятьсот штук, но раз нам удастся выработать тип снаряда, который, запасшись порохом и частями газовых труб, сможет изготовить каждый гражданин, то уже, понятно, изготовляться они смогут в количестве, вытекающем из нужд каждого данного дня: тут важность и техника вопроса именно в том, чтобы выработать тип снаряда, который мог бы быть воспринят широкими массами, хотя, я

говорю, массами в узком смысле этого слова, т. е. массами, борющимися и выступающими на баррикадах.

Исчерпывая таким образом главу о задачах, лежащих перед боевой коллегией Москвы, я добавляю еще лишь, что в сторону задач организационных и технических я боялся уклониться особенно потому, что это было бы в ущерб общей стороне доклада, и отчасти еще потому, что, переходя к центральной стороне доклада — «содержанию подготовки к восстанию», я предвижу, что в ней будет элемент организационно-технический, да и кроме того это вопросы, которые в процессе деятельности и развития организации дружин быстро меняются, то осуществляясь, то сходя с очереди, и я, если на некоторых из них останавливался, то лишь как на не слишком злободневных иллюстрациях к приводимым мыслям.

VII

МОСКВА КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПУНКТ

Сознаюсь, что не без робости начинаю эту главу своего доклада, писать которую нужно бы далеко не при той осведомленности по вопросу, которой располагает автор...

Имея в виду это, я и не буду пытаться приводить цифры и факты, которые помогли бы читателям т о ч н о знать Москву с этой точки зрения; нет, я лишь бегло перечислю те общие п о л о ж е н и я, которые, как мне кажется, и смогут удовлетворить товарищей, которым в данном случае важно лишь вообще п р е д с т а в л я т ь себе пункт, о революционных боевых силах которого делается доклад... Прежде всего конечно придется отметить тот факт, что Москва, будучи сердцем России, уже сумела себя проявить и, пожалуй, очень удачно как организаторша октябрьской забастовки, так и инициаторша декабрьского восстания. Теперь в провинциях на Москву, как на руководительницу революции, глядят с гораздо большим вниманием, чем на С.-Петербург, несмотря на то, что оттуда исходят и директивы нашего Центрального Комитета, и распоряжения правительства. Играя до революции второстепенную и даже мало заметную роль в политической жизни страны, Москва в жизни экономической издревле несомненная душа капитализма и сердце торговли, об этом говорят такие факты, как ее железнодорожная сеть, разбегающаяся в дюжину сторон света, и такие явления, как давно уже начавшийся процесс переселения Нижегородской ярмарки с нижегородского простора в московское биржевое здание; это факты, не нуждающиеся в доказательствах и без слов ясно говорящие не только о том, что в Москве к нашему времени уже образовался революционный пролетариат, а параллельно

с ним, как хищники над добычей, и реакционно-кадетское торгашество, но и о том, что если революции будет суждено победить с инициативой Москвы, под ее непосредственным организационным руководством, то это будет крупным шагом Москвы, новым историческим выступлением ее на арену политического руководства страной. Не знаю, стоит ли растрачиваться в доказательствах, что Петербург не такой уже подходящий «центр» для руководства страной, особенно при современном централистическом типе государства.

Ведь теперь, когда Москва уже водрузила над страной знамя своего руководства, теперь, когда она уже окружена в глазах провинции ореолом октябрьских и декабрьских выступлений, теперь уже недомыслием и провокацией будет думать, что московские дружинники, разбив на-голову гнездо самодержавия, станут низко кланяться петербуржцам, чтобы они под своим мало надежным покровительством собрали учредительное собрание. Я, товарищи, как видите ли, о временном революционном правительстве и не упоминаю, так как само собой разумеется, что таковому, если только оно пожелает быть жизнеспособным и действительно руководящим революцией, волей-неволей придется организоваться и работать в Москве — матери городов, российский... в Москве, откуда оно, следовательно, будет не оторвано от окраин, откуда временному правительству предоставляется широчайшая возможность передвигать [преграды] отряды революционной милиции во все стороны света белого. Если теперь имеет свой смысл спор о том, кем будеет созвано учредительное собрание: «старой думой» или временным революционным правительством, то этот спор, как мне кажется, таит в себе и элементы приводимых выше соображений, потому что, если революция раздавит правительство каким-нибудь бескровным орудием вроде забастовки, недачи рекрутов и податей, как мечтают кадеты, то тогда, пожалуй, возможен переход власти от самодержавного правительства к старой думе, но если, что всего вероятнее, революция справится с самодержавием лишь в итоге длительной гражданской кровопролитной войны, в которой дума сможет проявить себя лишь реакционно, в лучшем случае примиренчески, если в процессе войны будут образовываться зачатки временных революционных правительств, фактически руководящих восстанием, из него вытекающих, если в этой войне Москва, хотя бы по своему географическому положению, по своему революционному прошлому, явится централизующим местом, то вполне естественно, что матерь городов русских, первая так удачно ставшая революционеркой, поднявшая знамя восстаний, станет и в дальнейшем очагом повстанческой деятельности... Оправдаются или нет мои предположения, которые, я боюсь, вы, товарищи, назовете пожеланиями, оправ-

даются ли, покажет будущее. Не излишне все же иметь в виду указанную тенденцию москвичей, даже не доверяющих теперь революционности С.-Петербурга. Сами посудите, сколь приятно после декабрьского «поражения» приезжать в Питер «поглядеть на думу», вами завоеванную и служащую «гордостью северной столицы», которая после ее разгона даже провести забастовку не способна. Но если бы я ограничился только этими соображениями, то мне могут сказать, что о Москве, как о стратегическом революционном пункте, я ничего не сказал. Не знаю, быть может, я неверно озаглавил эту часть своего доклада, так как я чувствую, что и тот целый ряд мыслей, которые сообщу ниже, точно так же лишь косвенно дают сведения о Москве в озаглавленном смысле, и все же я приведу их, так как они несомненно дают возможность хоть приблизительно представить себе Москву как арену революционной борьбы. Прежде всего Москва как гигантский железнодорожный узел бросается в глаза своей обоюдоостростью, предоставляя широкую возможность не только правительству стягивать к ней войска из Варшавы и Петербурга, Ростова-на-Дону и Саратова, даже с Кавказа и Урала и подавлять немедленно взбунтовавшееся «сердце России», но и революционерам, в случае удачного захвата Москвы, тот же железнодорожный узел дает широкую возможность направлять немедленно организованную милицию революции туда, куда наивыгоднее: туда ли, где правительство с остатками сил своих засело в каком-либо укрепленном пункте, или на выручку какому-либо из осажденных городов, каждый из которых также благодаря легкости сношений может сравнительно быстро при нужде снабдить Москву своими дружинами, кто знает — против одной девяносто девять возможностей — что под Москвой где-либо таятся новые марсельцы, если только Москва не окажется сама Марселью по отношению к Петербургу. В этом отношении не безынтересен тот факт, что дружины из окружных городов, присылая своих делегатов в Москву, наказывают им между прочим узнать у москвичей, можно ли будет им ехать в Москву на выручку товарищам, если это понадобится.

Многое можно было бы сказать о Москве как стратегическом пункте, приведя точные цифры о количестве войск и видах оружия, сконцентрированного в ней правительством, но этими цифрами я, к сожалению, в минуту, когда пишу эти строки, не располагаю, знаю лишь, что эта цифра (войск) колеблется от 15 тысяч до 30 тысяч «в зависимости от видов и нужд правительства и благонадежности населения». Как эти цифры распадаются по родам оружия, мне тоже неизвестно, сознаюсь я в этом так легко, потому что все это сведения, могущие уклонить нас в сторону от общего к частному, это во-первых, и, во-вто-

рых, потому что всякому заинтересовавшемуся товарищу раздобыть легко эти сведения можно хотя бы из правительственного расписания «о месте нахождения и распределения войск Российской империи». Небольшая книжонка, всюду продающаяся и дающая массу сведений вплоть до адресов командиров каждого полка. Ценны к этому вопросу могут быть цифры о наличных силах, боевых силах нашей партии, что и здесь мое положение не легче, чем в первом случае; во-первых, цифры партийных сил подвержены беспрерывному росту и еще в процессе роста целому ряду колебаний. Мне, например, к моменту моего отъезда с докладом в Петербург (середина июля) боевой коллегией была вручена цифра в 700 человек дружинников, посильно обученных и хоть слабо, но вооруженных и организованных, но тут же рядом другая цифра «в случае, если удастся раздобыть оружие, число дружинников может быть доведено до 2 200 человек». Цифра по тогдашнему времени была вероятной, так как имелось в виду получение больших транспортов маузеров из-за границы; и это цифра только социаль-демократических партийных сил, дисциплинированных, сравнительно немало есть конечно сил неорганизованных. Вообще эта цифра говорит равно мало как уму, так и сердцу: нужно иметь в виду эсеровские дружины, о которых у меня нет никаких сведений. Упускать же из виду, а тем паче игнорировать их силы, пожалуй, немногим [1] и я лично не могу, так как считаю это и неостроумным, и даже неострым, хотя и политическим приемом, и из декабрьского опыта знаю, до чего близко приходится соприкасаться разным партийным дружинам. Приходится действовать почти слитно в механическом смысле этого слова, и если и наблюдается некоторый антагонизм, то на улице на деле он развивается в плоскости соревнования. Надеюсь, что такой антагонизм никого из товарищей не повергнет в уныние, унывать придется лишь черносотенцам буржуазии да верной престолу армии, «за счет» которых происходит подобное соревнование «враждебных» партий. Очень интересен еще следующий факт: в декабрьском восстании, как известно, Садовая улица играла немаловажную роль, как исходный пункт в процессе постройки баррикад. Охватывая всю Москву дугой бульваров окружностью приблизительно 18 верст, Садовая улица в то же время всеми другими улицами пересекается как бы радиусами, идущими к окраинам от Кремля, расположенного в центре города. Дело в том, что минувшим декабрьским восстанием было ясно показано, насколько вредно вообще как укрепляться баррикадами по месту своего жительства, так и рассеиваться силами восстающих, а рассеивание это

---

[1] В подлиннике пропуск.

происходило отчасти потому, что не было таких популярных пунктов и линий, куда можно было бы стекаться силам революции, откуда было бы равно удобно действовать, наступать и отступать как в направлении к центру, так и к окраинам. В этом случае Садовая улица для нас является наиболее подходящей мобилизационной линией как для исходных наступлений для партизанской войны, так и для парализации правительственного механизма. Охватывая кольцом весь центр, мы тем самым сразу отрезываем его от расположенных по окраинам казарм, разобщая силы неприятеля, мы много выигрываем сразу. Да и сама техника дела показывает, насколько можно съэкономить силы восставших, если они в первый момент укрепятся в точках пересечения радиусов с кругом. Можно спорить против «популяризации» Садовой, по принципиальным соображениям нельзя противопоставить ей никакой другой линии, как пригодной начальной парализации правительственных сил, и если мы заранее не придумаем, не подберем себе позиций, то снова, как и в декабре, обыватель будет строить баррикады возле своего жилища, мы же, не захватив заранее намеченных пунктов и линий, будем строить их там, где повелит неприятель, который обычно еще со дня объявления забастовки захватывает позиции, ему наиболее пригодные...

В заключение нужно бы дать целый ряд сведений о Москве как стратегическом пункте, сведений топографического характера, или, как предлагал мне один из оппонировавших мне на докладе товарищей, перечислить возвышенности Москвы, вроде Воробьевых гор, с которых Наполеон и т. д., с которых вся Москва попадает под обстрел из орудий. Мне лично кажется, что уклоняться в область топографии вряд ли будет уместно, не говоря уже о том, что эта область вопросов и сведений, чрезвычайно мало обследованная московскими «боевиками», спорная же в высшей степени; можно, например, иметь в виду, что пока самодержавное правительство сражается с дружинниками в городе, оно обывателя губит еще сравнительно мало, но если мы его вытесним из Москвы и дадим ему с Воробьевых гор «перекрестить» Москву снарядами, то вряд ли тогда обыватель сохранит свою нейтральность, рискуя быть сожженным, снесенным «с лица земли» неприятельскими пушками, он примет меры и трусливую злобу сорвет прежде всего на дружинниках, из-за которых правительство и т. д. Или, например, Кремль, захват которого революционерами будет иметь небывалое маральное значение, революционезирующее влияние на московские массы, да и по России недурно прозвучит весть, что «старый великий Кремль захвачен дружинниками». Но и только: в смысле физического перевеса, в смысле тактической выгоды Кремль дает очень мало как своими арсеналами, так и никого не способными защитить зубчатыми сте-

нами, пригодными лишь для исторической записи событий пулям и шрапнелям.

VIII

К ВОПРОСУ О РОЛИ Р.С.-Д.Р.П. В ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ В. В.[1]

Начиная с 3-го съезда нашей партии (1905 г.), в резолюциях появляется новый отдел, ставящий перед партией новую трудную задачу — участие партии в подготовке к вооруженному восстанию: «Принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана в. в. и непосредственного руководства таковыми, создавая для этого по мере надобности особые группы из партийных работников» (рез. 3-го съезда).

Резолюция эта в СПБ обсуждалась сравнительно очень мало, а к проведению ее в жизнь не было предпринято никаких шагов. Повидимому, партия еще не могла освоиться с этой новой задачей, выдвинутой ходом революции. Кое-какие попытки, сделанные в этом направлении, так слабы, что не могут даже подлежать серьезному обсуждению. Они дают только указание того, как не следует поступать, так как в них не было никакого плана, а главное не была принята во внимание резолюция съезда. Все эти попытки можно охарактеризовать как действия личной инициативы, постоянно кончавшиеся неудачей. Неудача эта объясняется тем, что, с одной стороны, не выработалось еще достаточно ясного взгляда на задачи партии в деле В. В., а, с другой стороны, полной неподготовленностью лиц, случайно принявших участие в этом деле,— потому-то создавшиеся дружины постоянно распадались; организаторы их менялись чуть не каждые две недели. В некоторых случаях дружины, не получая от своих организаторов ответа на практические боевые запросы, с таким резким осуждением относились к своим организаторам, что те не решались приходить к ним. Таково было положение дел перед объединительным съездом.

Объединительный съезд вновь останавливается на вопросе о В. В. и, принимая во внимание, что «революционная борьба, выдвигая непосредственно задачу вырвать государственную власть из рук самодержавно-крепостнического правительства, уже стала и еще поставит народ перед необходимостью вооруженного восстания», наметил такую программу действия: «Партия как организация не может принимать на себя возбуждающего

---

[1] В документе сверху надпись карандашом: «I глава доклада. Конспект доклада». Под заголовком приписка карандашом: «СПБ. IV. 1906».

ложные надежды обязательства вооружения народа и должна ограничить свои задачи содействием самовооружению населения и организацией и вооружением боевых дружин, которые были бы способны внести инициативу и планомерность в повстанческую деятельность».

Как же практически осуществить решение объединительного съезда? Как внести планомерность и инициативу в деятельность восставшего народа?

Внести планомерность в какую бы то ни было деятельность может только тот, кто: 1) ясно представляет себе общие задачи и методы данной деятельности, 2) настолько освоился с техническими деталями ее, что не будет затрудняться при решении того или иного частного вопроса, 3) кто сам привык к планомерной деятельности в данной области. Следовательно, организация, задающаяся целью «внести инициативу и планомерность...», должна направить свою подготовительную деятельность таким образом, чтобы: 1) дать своим членам ясное представление о задачах и методах вооруженной борьбы, 2) ознакомить их с рядом деталей военной техники, 3) приучить их к планомерным действиям в военно-технической области.

В организацию эту должны войти вполне сознательные товарищи, опытные в общей партийной работе, как потому, что боевая организация находится в особо трудных конспиративных условиях, так и потому, что эта организация во всяком случае наиболее новая и на многие вопросы не может получить указаний в опыте прошлого. Многое приходится создавать.

Правительство имеет все данные военной техники и прочной организации дела. Революция должна противопоставить всему этому нечто планомерное, организованное. Для этого надо поставить задачей дать каждому дружиннику такую общевоенную подготовку, чтобы он был в состоянии, во-первых, в нужный момент обучить обращению с оружием и стрельбе, организовать и дисциплинировать 10—15 человек совершенно не подготовленных восставших; во-вторых, настолько ясно знал бы все элементы боя, чтобы во главе обученной им группы он мог толково и сознательно выполнить отдельные боевые задачи, получая указания от более опытных товарищей, руководящих В. В.

Боевая организация, следовательно, должна быть способна развернуться в момент начала восстания в организацию в 10—15 раз бóльшую, т. е. каждые 25 дружинников дадут отряд в 250—375 восставших, а 60 дружинников должны сорганизовать и руководить отрядом до 900 человек.

Кроме того, первые моменты восстания и отчасти настоящий момент требуют от дружины, как единственной наличной ор-

ганизованной и вооруженной силы, непосредственного выполнения ряда тактических задач оборонительного и наступательного характера.

Это будут: захваты или уничтожение складов оружия и боевых материалов, уничтожение полицейских и административных учреждений (частей, участков, охранных отделений, жандармских управлений и казарм, высших административных органов и т. п.), разоружение или обезвреживание полиции и жандармов, захват или порча железных дорог и иных путей сообщения. Это даст вооружение народу, обеспечит его от воздействия администрации или парализует ее вовсе (ошибки Москвы, Ростова-на/Д). Дружинникам придется охранять и оборонять большие народные собрания от нападений войск (отриц. прим.: дом Фидлера, типография Сытина, столовая в Ростове-на/Д). Обезопасить от вторжения войск путем захвата, укрепления и обороны некоторых пунктов целые кварталы или районы города, в которых силами дружинников и партийных агитаторов будет итти спешная организационная и инструкционная работа по образованию народных отрядов и подготовки их к бою. При выполнении всех подобных задач приходится рассчитывать исключительно на свои собственные, заранее подготовленные Б. О. силы и средства, потому что первые моменты восстания для успешности деятельности требуют такой быстроты и решительности, что можно будет действовать только готовыми дружинниками.

Из намеченных задач определяется и объем сведений, необходимых, во-первых, каждому дружиннику, а в конечном счете по возможности и каждому партийному работнику:

1. Необходимые сведения о всех типах оружия, могущих попасть в руки восставших.

2. Общие сведения об обращении с взрывчатыми веществами и ручными гранатами и уменье метать гранаты.

3. Общие сведения о сущности применения подрывного дела.

4. Необходимые сведения о пробиваемости различных материалов ружейным и артиллерийским огнем в связи с указанием способов приспособления к обороне домов и улиц, т. е. элементы фортификации.

5. Основные понятия тактики городской войны в связи с изучением организации противника по родам оружия и изучением относительного значения каждого рода правит. войск и их слабых сторон в городской войне.

Усвоив все эти элементы военно-технических знаний, дружинники, распределившись сообразно склонностям, способностям и подготовке, составят специальные группы; в них подготовятся дружинники руководить выбранной ими специальностью.

Ставя такие задачи Б. О. по подготовке В. В., мы исходим из

тех практических вопросов, которые отчасти выдвигались уже и несомненно выдвинутся еще ярче всеобщим вооруженным восстанием.

Задачи эти достаточно сложные и требуют немало сил и времени, но, каковы бы ни были условия момента, мы должны итти в этом направлении, так как даже частичное выполнение намеченных задач принесет несомненную пользу делу восстания.

В нашей партии до сих пор нет организации, определенно поставившей себе изложенные задачи; то, что есть, не удовлетворяет ни одному из указанных условий (т. н. Б. О. создавалась и действовала без всякого плана, и самая б. деятельность, как и организация, считалась делом третьестепенной важности). Такую организацию надо создать. Ее создание и ведение потребуют массу сил — это надо сознать и не жалеть этих сил или отказаться от всяких разговоров об участии партии в В. В.

Заканчивая это письмо и имея в виду выпустить ряд писем по отдельным перечисленным элементам военной техники городской войны, приведем следующую выдержку из протокола 3-го съезда Р.С.-Д.Р.П.: «Если С.-Д. партия окажется не в силах создать сколько-нибудь удовлетворительный осведомляющий и руководящий революционный аппарат, то таковой создастся неминуемо помимо ее, если вообще русской революции суждено победить. В этом последнем случае никакая призывающая и развивающая агитация, никакая политически просвещенная публицистика не обеспечит за С.-Д. роли руководительницы рабочего класса, а тем самым не убережет русский пролетариат от роли оружия в руках буржуазной революционной организации» (см. протокол 3-го съезда, с. 84).

IX

РЕЗОЛЮЦИЯ, ВЫРАБОТАННАЯ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКИМ БЮРО ПРИ МОСКОВСКОМ БЮРО ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА Р.С.-Д.Р. ПАРТИИ

Товарищи! Объединительному съезду предстоит определить направление партийной работы на долгий срок, по меньшей мере на год. Истекший год был годом целого ряда восстаний; в то же время он обнаружил крайнюю неприспособленность наших организаций к боевым действиям и их подготовке. В тех резолюциях, которые, как проекты съездовских резолюций, вынесены общими центрами, вооруженное восстание выставляется как самый важный лозунг, как единственный способ довести революцию до конца. Но этот лозунг выставляется в общей форме, из него не делается тех выводов, которые партия обязана сделать, если с вооруженным восстанием она считается серьезно, если она чув-

ствует на себе обязанность приложить все силы для его подготовки и тем по возможности избежать напрасных кровопролитий и поражений.

За последнее время во многих организациях партии возникали конфликты между центрами боевыми и общими (Москва, Кострома, Казань и др.). Объясняются они, на наш взгляд, не случайными причинами и не личным составом центров, а неоформленностью компетенций боевых и военных центров, стремлением боевых организаций объединить работу в целой области и отсутствием формальной возможности это сделать.

В нашей резолюции мы предлагаем оформить отношение боевых организаций к общим центрам и возложить обязанность на Ц. К. образовать Военно-техническое центр. бюро. Мы предлагаем товарищам приложить все усилия для того, чтобы съезд пошел дальше признания общего лозунга и принятием предлагаемой резолюции высказался не только за агитацию вооруженного восстания, но и за подготовку к нему.

Мы предлагаем членам партии, сочувствующим нашей резолюции, подписывать на прилагаемом листе свои клички, чтобы послать потом эти подписи на съезд и предложить ему обсудить прилагаемую резолюцию.

Принимая во внимание:

1) что подготовка к вооруженному восстанию ставит перед партией ряд специальных задач: формовка и обучение дружин, добывание и хранение оружия, всякого рода разведки и т. п., которые могут быть удачно разрешены лишь партийными работниками, всецело посвятившими себя этому делу;

2) что деятельность этих работников как в центре, так и на местах должна быть объединена, централизована и планомерно организована;

3) что по самому характеру задачи, требующей строгой конспиративности и выходящей за пределы повседневной партийной работы, создаваемым с этой целью организациям должна быть предоставлена известная самостоятельность;

4) что, как показал опыт декабрьских дней, местные партийные центры, многолюдные и составленные из неспециалистов, не способны ни технически подготовиться к восстанию, ни в особенности руководить вооруженным пролетариатом в момент боевого выступления;

5) что, с другой стороны, тесная связь между общеполитическим и специально военным руководством является безусловно необходимой, так как только такая связь может быть ручательством, что восстание не сделается бесполезной или даже вредной для общих целей революции военной авантюрой,

мы предлагаем съезду признать:

I. Что руководство подготовкой к В. В. должно быть сосредо-

точено в специальных боевых организациях, состоящих при местных комитетах.

II. Что при сохранении постоянной связи между Б. О. и местной партийной организацией в ее целом и безусловном подчинении первой политическому руководству местного центра, Б. О. должна быть предоставлена полная самостоятельность как в разрешении технических вопросов, связанных с вооружением пролетариата, постановкой разведки, обучением и т. п., так и в пополнении своего состава новыми членами путем кооптации.

III. Что при Ц. К. под его непосредственным политическим руководством должен быть организован военно-технический центр для военно-технического руководства и объединения работы по подготовке к В. В. как в армии, так и среди пролетариата, а также для централизации отдельных операций в мирное время и руководства в военное время боевыми выступлениями.

IV. Что в военное время, когда местными общеполитическими центрами дан лозунг В. В., все руководство восстанием переходит к заранее составленным боевым советам из представителей общеполитической, пролетарской, военной и боевой организаций с преобладанием последних; за общеполитическим центром остается право, по соглашению с боевыми советами, вести общеполитическую агитацию и давать общеполитические лозунги.

По вопросу о партизанских выступлениях. Исходя из соображения, что правительство по отношению к революционному народу фактически является воюющей стороной, мы находим целесообразным в интересах технической подготовки к В. В. конфискацию всякого рода правительственного имущества.

Б. ДОКУМЕНТЫ О РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ В ИМПЕРИИ В ДЕКАБРЕ 1905 г.[1]

Во Владимирской губернии 1 декабря полицией посада Орехова была произведена попытка арестовать злоумышленников, стрелявших в казаков во время происходивших недавно в названном посаде беспорядков. Означенная попытка оказалась неудачною, так как большою толпою рабочих было оказано полицейскому наряду и сопровождавшим его казакам вооруженное сопротивление, при чем в последовавшей перестрелке ранено 3 казака и 2 городовых, а из толпы убито трое и ранено 6 человек. В тот же день все местные фабрики забастовали.

В гор. Казани 30 ноября, на основании агентурных данных, арестована во время работы большая типография «Казанского Комитета Российской социал-демократической рабочей партии»,

---

[1] Документы эти находятся в деле особого отдела б. департамента полиции № 2540, т. II, за 1905 год.

при чем задержано трое мужчин и две женщины, отказавшиеся назвать свои фамилии. В Казанской губернии 15 ноября крестьяне деревни Людоходовки, Тетюшского уезда, скопом явились в усадьбу имения, 20 лет тому назад перешедшего, в качестве выморочного, в собственность дворян Казанской губ., и потребовали от заведывающего этим имением дворянина Головни, чтобы он передал по описи в их распоряжение все недвижимое и движимое имущество, основывая такое требование свое на хранящемся будто бы в Московском архиве завещании отца последнего владельца имения, по которому последнее оставлено якобы в их пользу. Несмотря на сделанные со стороны местной администрации внушения, крестьяне проявили намерение силой захватить имение и произвести беспорядки, для подавление которых на место была командирована рота пехоты. В настоящее время как в Тетюшском, так и в некоторых других уездах губернии крестьянские волнения продолжаются, утратив однако острый характер. Для принятия соответствующих мер губернатор лично выезжал в губернию, при чем в Спасском уезде, в имении Измерях, где была совершена крупная порубка, сельский сход встретил его на коленях, и, по его требованию, лес был свезен во двор помещицы Молоствовой, а в имении Казем-Бек, где была сожжена усадьба и разграблен хлеб, крестьяне затем возвратили таковой, главари же беспорядков арестованы, и по делу возбуждено предварительное следствие. Во время объезда губернии губернатор имел личное объяснение с крестьянами более чем на 50 сходах и пришел к заключению, что причиной обострения крестьянского движения была преступная пропаганда, нашедшая благоприятную почву в непомерных строгостях помещиков и их управляющих к крестьянам.

В расположенном в Вятской губернии Котельническом батальоне произошло возмущение, и нижними чинами предъявлены начальству бунтовские требования. Других войск в губернии нет, а между тем революционное движение растет, и в уездах начались аграрные беспорядки.

Среди войск Сибирского военного округа происходят сильные волнения, возникшие вследствие стремления нижних чинов возвратиться поскорее домой. Волнения эти в сильной степени поддерживаются энергично ведущейся на местах пропагандой. Возвращающийся с Дальнего Востока 13 корпус настолько деморализован, что эшелоны его отказываются останавливаться, несмотря ни на какие увещания, в виду чего пришлось выделить запасных и отправить их на запад, возложив охрану этапов лишь на людей действительного срока службы. Вследствие сего многие важные пункты за уходом ополчения остаются вовсе без охраны. Возвращающиеся в Европейскую Россию запасные буйствуют в пути и издеваются над железнодорожными служащими,

угрожая им избиением. Гарнизоны Иркутска и Красноярска, вследствие увольнения части запасных, поставлены в крайне затруднительное положение даже в деле выполнения караульной службы. Это положение еще более осложнилось увольнением из двух расположенных в Иркутске баталионов, по распоряжению местного генерал-губернатора, вследствие предъявленных нижними чинами дерзких требований, двух лишних возрастных классов запасных, что вынуждает уволить запасных тех же сроков и из других баталионов. При таких условиях в местных гарнизонах остаются едва две очереди обыкновенного караульного наряда. В Степном крае также очень неспокойно вследствие открыто ведущейся пропаганды революционных кружков. На случай возможных волнений среди киргизов при пехотных частях организуются конно-охотничьи команды, так как для действий в степи пехотные части мало пригодны. На Забайкальской железной дороге, близ станции Манчжурия, 22 ноября произошло по причине неправильно поставленной входной стрелки столкновение воинского поезда с почтовым, при чем разбиты две теплушки с нижними чинами; пострадало 40 человек, из числа коих есть тяжело раненые; попорчено три паровоза и семь вагонов. По делу производится дознание.

« » декабря 1905 г.

В Риге, после забастовки железнодорожных и фабричных рабочих, 28 ноября прекратили работы все команды речных пароходов. Невозможность досмотра прибывающих с моря судов заставила местную администрацию просить о немедленной присылке для этой цели военных судов. В восставших уездах Лифляндской губернии прервано сообщение не только по Риго-Орловской, но и по Балтийской железной дороге.

Восстание распространилось и на Курляндскую губернию, при чем бунтовщики угрожают многим станциям на Риго-Митавской, Риго-Туккумской и Митаво-Туккумской линиях. Станция Шлампен находится уже в их власти. В Митаве 28 ноября войска стреляли залпами по революционерам.

В Варшаве настроение рабочих становится угрожающим, и уличные демонстрации учащаются, при чем появление новых газет социалистического характера усиливает общее возбуждение.

В Плоцкой губернии крестьяне деревни Единородец, Прасныша, приступили к рубке казенного леса и оказали при этом сопротивление полиции, в виду чего на места посланы войска.

В Брест-Литовске, Гродненской губернии, пропаганда местных революционных групп проникла в войска. В среде нижних чинов артиллерийских и саперных частей проявляется брожение, и ими предъявлена уже крепостному начальству резолюция.

В Аннополе, Пружанского уезда, 25 ноября возникли крестьянские беспорядки, выразившиеся в самовольной рубке чужого леса и приостановке действия винокуренного завода. На места вызваны войска.

В Полтавской губернии погромы помещичьих усадеб продолжаются в уездах Пирятинском и Прилукском, где до 28 ноября подверглось разгрому 13 усадеб. При прекращении беспорядков в Варваровке из состава буйствующей толпы трое убито и трое ранено.

В Харькове 23 ноября часть нижних чинов, расположенных в названном городе, Старобельского и Лебединского пехотных полков, в числе около 300 человек вышла толпою из казарм и приняла участие в народном собрании, а затем в устроенной рабочими противоправительственной демонстрации, что произвело весьма тягостное впечатление на местное население. К забастовке почтово-телеграфных чиновников общество отнеслось сочувственно, собирая пожертвования в пользу забастовавших и даже вынудив постановление городской думы об ассигновании в их пользу известной суммы. Забастовки в местных промышленных предприятиях часто возобновляются. Аграрные движение развивается в Ахтырском, Богодуховском и в особенности в Волчанском уезде, где крестьяне рубят леса и жгут помещичьи усадьбы. На место двинуты войска.

В Казанской губернии разгромы помещичьих усадеб продолжаются. В ночь на 18 ноября крестьяне деревни Змиевских Новоселок, Чистопольского уезда, подожгли усадьбу местной землевладелицы княгини Ливен и скопом приступили к разгрому амбаров и разграблению хлеба. Одновременно с сим совершен разгром имения землевладелицы Спасского уезда Марии Казем-Бек. На места беспорядков отправлены войска.

Обнаруженный в С.-Петербурге в помещении «Совета рабочих депутатов», при аресте 26 минувшего ноября председателя Совета помощника присяжного поверенного Хрусталева-Носаря, запаянный чугунный ящичек оказался, по осмотре, заключающим в себе до 2½ фунтов мелинита и запал в виде 5-аршинного бикфордова шнура. Как ныне установлено, сфера разрушительного действия этого снаряда могла иметь радиус от 5 до 10 сажен.

В посаде Колпине, С.-Петербургской губернии, в виду полученных фабрично-заводской полицией сведений, что в чугунолитейной мастерской Адмиралтейских Ижорских заводов происходит тайная отливка бомб, в названной мастерской, по распоряжению начальника заводов, был произведен 2 декабря в отсутствии мастеровых обыск, при чем в одном из запертых ящиков была найдена модель для отливки метательных снарядов. Кроме того, в сушильном отделении были обнаружены 3 земляных

шишки величиной в яблоко, с рукоятью в 3 вершка длиной, предназначенные для образования пустоты в бомбах. Оставленный в мастерской по розыскным соображениям ящик на следующий день исчез, и, таким образом, выяснить владельца его не удалось.

В Новгородской губернии в последнее время, в разных местах Крестецкого уезда, приезжими агитаторами устраивались народные собрания, в которых главное участие принимали учителя народных школ. 21 ноября в деревне Хариной, отстоящей от станции Боровенка Николаевской железной дороги на 8 верст, состоялось одно из таких собраний, на коем ораторами предлагалось крестьянам приступить к аграрным беспорядкам и, в обеспечение успеха, прервать железнодорожное и телеграфное сообщения. Присутствие на этом собрании народных учителей, замеченных еще ранее в противоправительственном направлении и вредном влиянии на детей, вызвало у крестьян намерение задержать ораторов, последствием чего было преждевременное прекращение собрания и поголовное бегство его участников, за которыми крестьяне погнались с целью розыска их. Утром 22 ноября на станцию Боровенку приехали председательствовавший на означенном собрании новгородский земский агроном Александр Залога и трое других участников того же собрания, с намерением уехать на станцию Чудово, но вслед за ними прибыла на станцию толпа крестьян, привезя с собой задержанных по деревням харинского учителя и двух учительниц. Сначала крестьяне объявили вышеупомянутым семи лицам, что на поезд их не пустят, а задержат до прибытия властей. При подходе поезда в полдень, задержанные пытались направиться в вагон, но были остановлены крестьянами, после чего один из приезжих агитаторов, Литкенс, вынув револьвер и намереваясь пробиться силою, грозил стрелять. Это послужило причиной общей вспышки возбужденных крестьян, которые набросились толпою на задержанных и нанесли им побои, при чем более всех пострадали Литкенс и Залога. По прибытии властей и производстве на месте расследования, задержанные, в числе семи человек, в сопровождении жандармов были отправлены в Новгород, в распоряжение начальника местного губернского жандармского управления, вместе с имевшимися при них вещами, осмотром коих обнаружены противоправительственные издания и 2 револьвера. Все семеро заключены под стражу, а вслед за тем сделано распоряжение о продлении срока ареста их.

В Лифляндской губернии все поезда обыскиваются в настоящее время повстанцами, повидимому не без ведома служащих. 4 декабря на перегоне Рингумундсгоф — Огер 40 вооруженных бунтовщиков обезоружили ехавших в железнодорожном поезда в Туккум 4 казаков, а 5 декабря на станции Валк Псково-Рижской железной дороги толпа мастеровых в 200 че-

ловек, ворвавшись в зал I класса, ограбила ручной багаж находившихся там пассажиров, захватив при этом принадлежавшие барону Фитингофу 11 ружей и около 700 патронов.

Вся площадь Курляндской губернии, исключая городов Митавы, Туккума и Либавы, а быть может, также Газенпота и Гробина и некоторых пунктов, занятых разбросанными военными отрядами, находится в руках повстанцев. Туккум был взят мятежниками 30 минувшего ноября, при чем убиты, как указано в одной из предыдущих записок, подполковник Миллер и 24 нижних чина Псковского драгунского полка и ранены 2 офицера и 26 нижних чинов. Вечером 1 декабря прибыли подкрепления под командой генерал-майора Хорунженкова, и после 12-часового обстреливания город сдался. Окружавшая город цепь пехотинцев и драгун была однако снята слишком рано, в виду чего многие подозрительные лица успели уйти из города, не будучи подвергнуты обыску. Вечером 2 декабря раненые, первая медицинская помощь коим подана в замке Дурбен, были перевезены в Митаву, при чем путь оказался настолько поврежденным, что поезд шел расстояние в 50 верст в течение 13 часов.

В местностях Витебской губернии полная анархия. Войск мало, а без них полиция бессильна не только остановить отлично вооруженные дальнобойными винтовками многочисленные банды мятежников-латышей, пред которыми отступают и регулярные войска, но даже прекратить массовые истребления лесов. Земские начальники и судебные следователи Двинского уезда не могут выехать в свои участки, где их никто не признает. Сельские власти также смещены жителями. По отзыву губернатора восстановить порядок возможно только экстренными военными мерами, действуя одновременно со стороны Риги и Митавы и со стороны Двинска и Режицы, ибо все пространство между этими городами находится во власти мятежников, и в случае порчи железнодорожного пути доставка войск на место окажется невозможной. Об этом сообщено командующему войсками Виленского военного округа.

В гор. Варшаве 2 декабря вследствие увольнения отказавшегося отбыть дисциплинарное взыскание городового большинство городовых одного из местных полицейских участков отказались стать на посты,— прочие же полицейские чины оставались вполне спокойными и никакого участия в этом не принимали. По распоряжению обер-полицеймейстера были арестованы при содействии воинского наряда 11 зачинщиков означенной забастовки, после чего остальные выразили искреннее раскаяние и приступили к исполнению своих обязанностей. 2 и 3 декабря забастовавшие извозчики заставили товарищей прекратить работу. Забастовали также ремесленники и ресторанная прислуга,

шла усиленная агитация и в пользу общей забастовки всей прислуги. На улицах попрежнему собирались толпы народа, которые рассеивались воинскими и жандармскими нарядами. 3 декабря из дома, в котором помещаются несколько еврейских просветительных и благотворительных учреждений, толпою еврейских детей около 500 человек был вынесен на улицу и изорван портрет вашего императорского величества. На электрической станции работы возобновились, на почте заметное улучшение, но среди служащих городского водопровода происходит глухое брожение.

В Херсонской губернии в ночь на 27 минувшего ноября произошел еврейский погром в селении Анчекрак, близ Одессы. Все движимое имущество евреев было вынесено крестьянами из домов и лавок и сожжено. Зачинщики беспорядков задержаны и переданы в распоряжение судебных властей. Аграрное движение в Александрийском уезде и соседнем с ним Верхнеднепровском уезде, Екатеринославской губернии, приняло весьма широкие размеры. В означенной местности банда громил разграбила уже и сожгла около 40 помещичьих экономий, грозя подвергнуть такой же участи и остальные. Движение охватило и прилегающие местности Полтавской губернии, в особенности Кременчугский уезд, где также разгромлено несколько экономий.

В пределах Владимирской губернии, по выступлении 25 ноября команды астраханских казаков из села Городищ, с фабрики Саввы Морозова, на последней осталось лишь 5 казаков. Пользуясь этим обстоятельством, уволенный за революционную пропаганду с названной фабрики рабочий Скобенников и приезжие агитаторы ворвались в котельную и паровую мастерские и, силою прекратив работы, стали задерживать в проходном коридоре рабочих, заставляя их выслушивать противоправительственные речи ораторов. Прибывшие, по вызову сторожа, казаки были встречены со стороны агитаторов револьверными выстрелами, при чем один казак был убит на месте, а трое ранены, в том числе один смертельно. Казаки в свою очередь успели застрелить агитатора Черепнина. По сему делу производится предварительное следствие, и прокурорским надзором сделано распоряжение об аресте Скобенникова и стрелявших в казаков агитаторов. Этот случай произвел крайне тягостное впечатление на астраханских казаков, семьи коих настойчиво убеждают мужей отказаться от полицейской службы на фабриках. В м. Никольском, где расположена мануфактурная фабрика Викулы Морозова, рабочие коей бастуют, настроение тревожное. Забастовщики пьянствуют и ведут себя в отношении полиции и заводской администрации весьма дерзко и вызывающе. По ночам постоянно происходит стрельба из револьверов.

Жандармские полицейские чины подвергаются оскорблениям, и на жизнь их совершаются покушения. Так, в квартиру помощника начальника Владимирского губернского жандармского управления по Покровскому уезду подполковника Соколова неоднократно производились револьверные выстрелы, и недавно подожжен соседний с квартирами жандармских нижних чинов сарай. 11 ноября в дер. Сергеиху, Суздальского уезда, прибыла по железной дороге революционная пропагандистка Корнева, которая и стала агитировать среди забастовавших рабочих местной фабрики Швецова, распространяя противоправительственные воззвания и произнося возмутительные речи. Одна из речей, произнесенная Корневой в тот же день вечером, возбудила сильное неудовольствие слушателей и вызвала их к протесту. Вследствие сего Корнева вынуждена была удалиться, обещав завтра продолжить свою речь. Однако, за ночь среди рабочих созрело решение противодействовать революционной пропаганде и ни в каком случае не допускать противоправительственной демонстрации, и на следующий день толпа рабочих, окружив квартиру агитаторов, потребовала их удаления из села, что те немедленно и исполнили. 28 ноября в Гавриловском посаде, того же уезда, во время многолюдного базара неизвестный человек, ставши на сани, обратился к собравшейся вокруг него толпе с речью. Сначала, пока оратор касался в своей речи экономических вопросов, толпа его слушала, но затем, когда оратор, поощренный вниманием толпы, увлекся и, перейдя на политическую тему, стал проводить ту мысль, что «бога нет, а царя не надо»,— толпа загудела; задние ряды с грозным рокотом стали наседать на передних. Оратор испугался и бросился бежать, но, окруженный со всех сторон разъяренною толпою, был схвачен. Двое подоспевших городовых пытались освободить неизвестного из толпы, но возмущенные крестьяне, отбросив городовых, с криками напали на неизвестного и тут же на месте убили его. По делу производится следствие. Личность убитого не установлена. 29 ноября ночная смена рабочих Ставровской мануфактуры в селе Ундоле, Владимирского уезда, раздраженная возмутительными речами приезжего пропагандиста, схватила его и избила до смерти.

В Вятской губернии 2 декабря предстояло закрытие Бондюжского завода, так как тихогорские Елабужского уезда крестьяне насильственно прекратили подвоз материалов с пристани. Ожидаются волнения среди оставшихся без занятий рабочих.

17 ноября в гор. Пятигорске нижние чины 4-й роты и музыкантской команды 250 Ахульдинского резервного батальона, с портретом вашего императорского величества, национальным флагом и при криках «ура», отправились в другие роты. Присоединив к себе нижних чинов этих рот,

они, вместе с ними и примкнувшими к толпе некоторыми артиллеристами, отправились на площадь, где устроили сходку. Сходка сопровождалась речами не только на военные, но и обще-политические темы, произносившимися посторонними лицами. На следующий день сходка повторилась, но посторонние лица были уже солдатами устранены. Затем, произведя правильную смену караулов и исполнив все наряды, солдаты, с портретом вашего императорского величества и пением гимна, отправились к атаману Пятигорского отдела с целью вручить ему петицию. Атаман их не принял и предложил выслать депутатов. На пути обратного следования нижние чины были встречены толпою демонстрантов с красными флагами. На приглашение к ним присоединиться нижние чины отобрали от демонстрантов флаг и изорвали его. 19 ноября нижние чины отобрали у командира батальона, из его квартиры, знамя и, со всеми подобающими почестями, отнесли его в казармы. Прибывшие к атаману депутаты представили ему требования об улучшении своего быта, перемене командира и фельдфебелей, о свободном посещении собраний и театров, устройстве сходок, свободном чтении газет и книг, а также непосылке их для подавления крестьянских, рабочих и солдатских волнений. Требования эти атаман обещал по возможности исполнить. 20, 21 и 22 ноября солдаты вели себя спокойно, караулы и другую службу несли аккуратно, к офицерам относились с уважением, но учений с ними не производили. Брожение среди нижних чинов возникло главным образом на почве пропаганды, но, повидимому, и самые условия внутреннего быта батальона способствовали недовольству нижних чинов.

Об изложенном всеподданнейшим долгом поставляю себе представить вашему императорскому величеству.

«10» декабря 1905 г.

В гор. С.-Петербурге 3 декабря в помещении Вольного Экономического Общества арестован «Исполнительный Комитет Совета рабочих депутатов», заседавший под председательством Троцкого-Бронштейн (он же Яновский) в советской комнате, а также «Совет рабочих депутатов», в количестве 230 человек, в общем зале заседаний. При обыске помещения, где заседал Исполнительный Комитет, обнаружены: печать «Совета рабочих депутатов», подлинные резолюции, черновые воззвания к солдатам и другие, кассовый отчет, адреса для корреспонденции и постановление того же Совета о закрытии 3 декабря некоторых газет, неоконченный протокол заседания 3 декабря об общей забастовке во всей империи и о вооруженном восстании, тетрадь с оттиском печати Российской социал-демократической рабочей партии, с адресами членов районных комитетов, и разные другие

заметки и рукописи. Кроме того, найдено 9 револьверов целых и 18 изломанных, а также несколько финских ножей и самодельных кинжалов. Все 267 задержанных, из числа коих многие отказались дать сведения о своей личности, подвергнуты личному осмотру и под конвоем отправлены в места заключения.

В Новгородской губернии настроение крестьянского населения восточных уездов, в особенности Череповецкого и Белозерского, стало в последнее время крайне тревожное. В названных уездах крестьяне производят самовольную порубку частновладельческого и казенного леса и угрожают разгромом некоторым экономиям. В Череповецкую земскую управу в настоящее время совсем прекратилось поступление платежей, так как крестьяне, под влиянием агитации, перестали вносить таковые, мотивируя свой отказ в платеже недоимок тем, что из общей суммы недоимок на их долю приходится едва одна треть, тогда как остальные две трети числятся за крупными землевладельцами и дворянами. Денежные затруднения и возникшие в уезде аграрные беспорядки послужили причиной созыва управой 16 минувшего ноября чрезвычайного Череповецкого земского собрания, которое должно было найти выход из этого положения, предупредить банкротство управы и умиротворить население. На заседание собрания явились в качестве публики около 100 человек пригородных крестьян и несколько человек горожан, в том числе привлекавшиеся к дознаниям политического характера бывшие сельские учителя Степан Виноградов и Илья Чумаков, которые, повидимому, пригласили в Череповец означенных крестьян и руководили ими. Когда на следующий день, 17 ноября, в собрании было предложено представить всеподданнейший благодарственный адрес по случаю издания в с е м и л о с т и в е й ш е г о манифеста 17 октября и решено послать статс-секретарю графу Витте депутацию, которой поручить пояснить ему все нужды края, для чего приступлено к выбору депутатов, то Виноградов громко запротестовал и, вскочив на стул, произнес речь, в которой отвергал существующее земство и приглашал крестьян не признавать его, на что из толпы раздавались крики: «Долой земство, долой председателя!». Председатель принужден был закрыть собрание, и гласные удалились, а за ними вышла вскоре и вся толпа крестьян, к которой Виноградов вновь обратился с речью, приглашая крестьян не признавать более властей и взамен их образовать свои «крестьянские комитеты», а затем увлек толпу в народный дом, открыл там собрание, продолжая говорить на ту же тему и развивать программу «Крестьянского союза», в заключение же заявил, что его хотят арестовать, на что толпа ответила, что не выдаст его.

В Лифляндской губернии на Балтийской железной дороге продолжается движение поездов, при чем однако на

воинские поезда от Валка мятежниками производятся нападения, степень интенсивности коих увеличивается по мере приближения к Риге, на Риго-Орловской же дороге поезда доходят только до Крейцбурга, далее же по направлению к Риге путь совершенно не обеспечен. В Риге 4 декабря положение, по заявлению губернатора, было критическое. Хотя таможенная флотилия стала работать, но город занят отрядами самообороны, уничтожившими понтонный мост и охраняющими железнодорожный, при чем арестован будто бы взвод драгун с офицером. Почта и телеграф не действуют. Сделано распоряжение о приведении в негодность 8 пулеметов, изготовленных по заказу военного ведомства на заводе Ланге, в видах предотвращения возможности захвата их мятежниками.

В западных уездах Витебской губернии столкновения с мятежниками продолжаются. 2 декабря в Режицу прибыли 32 казака при офицере, которые были окружены в Венденском уезде мятежниками, вооруженными дальнобойными винтовками, но после перестрелки пробились к станции Борк. Взятая 30 ноября в Глазманке и отведенная в Лифляндскую губернию команда в 15 человек при офицере обезоружена мятежниками и, будучи затем отпущена, возвратилась в Двинск, при чем платье на офицере было изорвано. Находящийся в Крейцбурге эскадрон драгун окружен мятежниками, и на выручку его двинут особый отряд из Двинска. В этом последнем городе попытки устроить забастовку почтово-телеграфных служащих продолжаются. 4 декабря неизвестными злоумышленниками ранены два шедших на службу почтовых чиновника, а у входа в почтовую контору брошены бомбы, взрывом коих никому вреда не причинено. Тем не менее обстоятельство это производило на работающих чиновников удручающее впечатление, в виду чего, по распоряжению губернатора, зачинщики и подстрекатели к забастовке, в том числе четверо посторонних почтово-телеграфному ведомству лиц, арестованы.

В гор. Варшаве в ночь на 4 декабря неизвестными злоумышленниками брошены два разрывных снаряда в кабельные столбы, стоящие у Саксонского сада, при чем оба столба повреждены, и три находящиеся тут же громоотвода разбиты, самые же кабели остались невредимы.

В Тамбовской губернии в ночь на 20 ноября крестьяне села Казинки, Липецкого уезда, подстрекаемые бежавшими из воронежского дисциплинарного батальона нижними чинами, совместно с крестьянами села Ярлуковки, произвели расхищение хлебных запасов при мельнице помещика Гарденина, а также разгром принадлежащего ему дома и находящейся в селе Казинке казенной винной лавки, причинив убытков до 100 тысяч рублей. Разгром прекратился с появлением в Казинке чинов

полиции и воинского отряда, при чем задержаны три агитатора-солдата и 17 человек крестьян, которые отправлены в Липецкую тюрьму.

В Области Войска Донского 2 декабря прибывшие на станцию Арчеда Юго-Восточных железных дорог мобилизованные казаки 3-го сводного полка, под влиянием агитаторов, отказались следовать по назначению. Уговоры проезжавшего через Арчеду в Царицын генерал-адъютанта Максимовича успеха не имели, и после его отъезда казаки вечером произвели разгром станции, а затем отправились на соседний хутор Фролово, где также произвели беспорядки, сопровождавшиеся разгромом упомянутого хутора. Для подавления беспорядков и охраны грузов и железнодорожного движения на станцию Арчеда экстренно стягиваются находящиеся на линии жандармы, а равно вызываются войска.

В Ставропольской губернии с начала текущего декабря обнаружилось в разных местностях брожение среди крестьянского населения, выразившееся в Прасковейском и Александровском уездах в самовольных захватах земель, поджогах и массовых порубках владельческих лесов. В места беспорядков посланы войска.

В Воронежской губернии 6 ноября крестьяне села Ново-Александровки, Нижнедевицкого уезда, явившись более 50 человек в имение дочери члена Государственного совета Клеопатры Шевич, предложили управляющему этим имением свои услуги по охранению господского имущества от погрома окрестных крестьян. Получив от управляющего деньги на водку и выпив последнюю, крестьяне потребовали прибавки, в чем, однако, им было отказано. Возбужденные выпитым вином и раздраженные отказом, крестьяне бросились на экономию и, поджигая постройки, разграбили имущество, причинив убытков до 20 000 рублей. Местная полиция при содействии полусотни казаков успела арестовать подстрекателей. В том же уезде 7 ноября крестьяне села Шаталовки разграбили и сожгли усадьбы землевладелиц Забродской и Золотаревой, при чем в разграблении имения последней, хутора Глушковского, принимали участие крестьяне разных сел Нижнедевицкого уезда. Во всех этих случаях крестьяне действовали по собственной инициативе, без влияния посторонних агитаторов. Расхищение крестьянами трех деревень Задонского уезда зернового хлеба в количестве 850 пудов из амбаров купчихи Дины Замятиной произведено было также без постороннего влияния и объясняется исключительно плохим урожаем хлеба и отсутствием заработков. По тем же мотивам крестьяне тех же деревень 12 ноября пытались разграбить имение землевладелицы Серафимы Замятиной, но во-время были остановлены.

В гор. С.-Петербурге 29 ноября администрациею дома

№ 34 по 7-й линии Васильевского Острова было заявлено полиции, что в квартире, занимаемой крестьянином Лифляндской губернии Иоганном Клекнером, в отсутствии хозяина, выбывшего в Москву, произошло убийство неизвестного лица при нижеследующих обстоятельствах: в означенную квартиру вечером собралось до 10 человек рабочих трубочного завода, при чем около 11 часов в отведенной им отдельной комнате внезапно раздался выстрел. Явившаяся туда хозяйка Паулина Клекнер увидела одного из рабочих лежащим на полу, остальные же стали поспешно удаляться из квартиры, заявляя, что торопятся сообщить полиции о случившемся, но в действительности никто из них в полицию не явился, а равно и не возвратился на место происшествия. Между тем раненый по истечении 15 минут умер, при чем перед смертью он что-то говорил, но что именно, хозяйка квартиры, плохо владеющая русским языком, не поняла. Убитый, по выяснению его личности, оказался крестьянином Псковской губернии Федором Григорьевым Русаковым, 19 лет, служившим на трубочном заводе. Повидимому, выстрел произошел случайно, при осмотре рабочими принесенного одним из них револьвера.

На станции Колпино, С.-Петербургской губернии, задержан в ночь на 30 ноября надсмотрщик правительственного телеграфа Николай Лабордин, изобличенный в умышленном повреждении проводов с целью прекращения действия телеграфа. На допросе Лабордин объяснил, что повреждение проводов он производил при участии двух неизвестных ему надсмотрщиков главного правительственного телеграфа и по распоряжению частного собрания почтово-телеграфного союза.

В гор. Риге еще 26 ноября толпы рабочих, вооруженных револьверами, ружьями и самодельным оружием, производили в течение дня уличные демонстрации. К вечеру, в виду появления войск, демонстранты рассеялись, при чем, при удалении их с Двинского моста, в толпу после повторного сигнала были сделаны выстрелы, ранившие двух лиц. 29 ноября на некоторых заводах происходили многолюдные сходки, на коих решено не приступать к работам для выражения этим протеста против введенного в крае военного положения и с целью добиться отмены такового, при чем во все время забастовки велась усиленная революционная пропаганда в среде местных войск. В Рижском и Венденском уездах революционное движение продолжает сохранять весьма острый характер. В имении Кейнене Рижского уезда еще 23 ноября на расположенный там взвод драгун шайкой вооруженных злоумышленников было произведено нападение, при чем убит офицер Козлянинов и ранено двое нижних чинов. 28 ноября вышедший из Риги поезд был встречен, недалеко от станции Иегель, толпою в 50 человек, наложившей на железнодорожный путь камни. По устранении этого препятствия охра-

нявшим станцию патрулем, толпою было дано несколько залпов по поезду и бывшим в охране воинским чинам, вследствие чего последние рассеяли толпу выстрелами. Станциею Иегель, где собралась на сходку тысячная толпа, поезд прошел, не останавливаясь и подвергаясь со стороны толпы обстреливанию. На перегоне Иегель — Роденпойз поезд подвергался обстреливанию из лесу. 1 декабря, близ Штокмансгофа, отправленный из Вильны в Ригу воинский поезд потерпел крушение и был вслед за сим осажден многочисленной толпой бунтовщиков, при чем в распоряжении местной администрации не оказалось никаких средств для помощи бывшим в поезде воинским частям, дальнейшая судьба коих неизвестна. Восставшее в уездах население двигается на Ригу.

В Витебской губернии 29 ноября вечером на станцию Сита Пыталовской железнодорожной ветви, в пределах Люцинского уезда, произведено нападение прибывшею из Лифляндской губернии вооруженною толпою бунтовщиков свыше 100 человек, которые произвели обыск с целью отобрания оружия и патронов, присланных будто бы по их сведениям начальством для находящихся в Лифляндии войск, но не нашедши ничего, ограничились порчею телеграфных проводов, после чего удалились, пригрозив начальнику станции и другим служащим смертью в случае недонесения «народному представителю» о мерах, принимаемых властями для подавления аграрных волнений. 30 ноября такая же вооруженная толпа напала в Глазманке, Двинского уезда, на расположенную там полуроту, при чем один солдат убит и двое ранены, прочие же вместе с офицером уведены в Рижский уезд. Вообще в населенных латышами западных уездах Витебской губернии настроение крайне тревожное.

В Ковенской губернии 30 ноября в м. Ракишках произошло столкновение военного патруля с покушавшеюся разгромить казенную винную лавку толпою. Из последней был брошен в патруль разрывной снаряд, не причинивший никому вреда, патруль же принужден был стрелять по толпе, из состава коей убиты четверо и ранено шесть человек.

В гор. Варшаве 28 ноября толпы демонстрантов были разгоняемы войсками в большинстве случаев без употребления оружия. Из толпы стреляли и бросали камни в полицию и войска, последние же лишь в одном случае ранили несколько человек, подобранных немедленно и унесенных демонстрантами. Равным образом разогнаны собрания польской социалистической партии в зале Филармонии и почтово-телеграфных служащих.

В гор. Киеве 30 ноября, на основании агентурных данных, арестована сходка 7 человек военно-революционного

кружка Дины Нейман, пропагандировавшей революционные идеи среди нижних чинов Камчатского пехотного полка. У одного из задержанных обнаружено 6 брошюр и воззваний издания партии социалистов-революционеров.

В Таврической губернии начались аграрные волнения, при чем 28 ноября в Днепровском уезде разграблены усадьбы Вассала, Шредера, князя Трубецкого и Шмита; движение распространяется, и толпы погромщиков угрожают Скадовску. На место выбыл губернатор.

На некоторых станциях Закавказской железной дороги татары, в виду существующей между ними и армянами вражды, грабят армянские лавки, при чем в окрестностях Тифлиса ими убито около 35 армян. В Евлахе при сильной стрельбе расхищена часть груза и подожжен товарный склад. На станции Долляр ограблено 3 вагона. В Елисаветполе, в товарном вагоне, найден труп убитого татарского бека. На 450-ой версте ограблена сторожевая будка, и жена сторожа — армянка — убита; на станции Саганяуг убит проводник-армянин. На станции Сандар толпа татар предполагала обыскать ехавших в поезде армян, но сопровождавший поезд воинский конвой открыл ружейный огонь, коим было убито и ранено 10 татар.

Расположенный в гор. Царицыне, Саратовской губернии, Бобруйский пехотный полк 30 ноября по инициативе музыкантской команды заявил полковому командиру о намерении предъявить начальству свои требования на городской площади, куда, несмотря на увещания командира, и отправился с музыкой и при оружии. Губернатор донес об этом генерал-адъютанту Максимовичу, который распорядился двинуть туда из Балашовского уезда сотню казаков и полторы роты Дубненского полка с пулеметами, а равно предписал местному полицеймейстеру усилить штат полиции немедленным наймом надежных стражников и принять меры к охране казенных и общественных учреждений. В с. Дурникине, Балашовского уезда, 27 ноября, во время созванного властями схода для увещания возвратить похищенный лес, внезапным выстрелом была убита лошадь под начальником присутствовавшего при сходе казачьего разъезда, после чего казаки произвели залп по толпе, убив четырех и ранив 10 человек крестьян. Есть основание полагать, что лошадь была убита нечаянным выстрелом из револьвера самого офицера, в виду чего генерал-адъютантом Максимовичем выданы семьям убитых пособия от имени его императорского величества.

Среди нижних чинов расположенной в гор. Белгороде, Курской губернии, артиллерийской бригады началось брожение.

В Тульской губернии в последнее время крестьянское движение усиливается. В Богородском уезде открыто подгото-

вляется погром имений графов Бобринских и Толстых, а также Лопухиных, в виду чего на место выехал вице-губернатор, предотвративший уже разгром имений княгини Имеретинской и других землевладельцев Чернского уезда.

В гор. Москве возмущение, возникшее среди нижних чинов 2 гренадерского Ростовского полка, прекратилось 4 декабря. Зачинщики беспорядков выданы были начальству самими же нижними чинами. По показанию их, брожение возникло на почве агитации, предпринятой вольноопределяющимися Шабровым и Миловидовым. Последние успели скрыться. Меры к розыску их приняты. 3 декабря утром произошло вооруженное столкновение уличной толпы с полициею, потребовавшей от собравшихся разойтись. Выстрелами из толпы ранены два околоточных надзирателя, при чем один смертельно, и убит один городовой. Стрелявшие задержаны и оказались принадлежащими к составу местной боевой революционной дружины. В отместку за арест их товарищей члены боевой дружины, оставшиеся пока невыясненными, в ночь на 5 декабря произвели нападение на несколько полицейских постов в районе Пресненской и Хамовнической частей, ранив 4 городовых, из коих одного — смертельно. Вместе с тем было произведено покушение на жизнь помощника пристава Богославского, который ранен.

В гор. Риге местными боевыми дружинами революционных партий произведено несколько уличных убийств над лицами, не желавшими подчиняться требованиям революционеров и присоединиться к ним. Терроризованное ими население поневоле исполняет разного рода распоряжения, изданные главарями партий в отмену законных требований властей. На почве смуты, охватившей край, возникло брожение среди чинов рижской городской полиции. Многие из них выходят в отставку, другие же предъявляют по начальству требования об улучшении условий быта. В пределах губернии восстание разрастается. За недостатком войск, воинские части приходится стягивать к городам, оставляя уезды без прикрытия. При передвижении команд некоторые из них подверглись нападению мятежников, при чем эскадрон драгун, сопровождавший спасавшихся помещиков, попал в Рижском уезде, у Рингсмундсгофа, в засаду, потеряв 5 человек убитыми. Эскадрон успел пробиться, но в руках шайки остались командир эскадрона ротмистр Штерн и 18 человек нижних чинов ранеными. Мятежники захватили там же и следовавших с драгунами помещиков. Бродячие шайки повстанцев производят также нападения и на линию железной дороги, разрушая железнодорожное полотно, с целью вызвать крушение воинских поездов. 30 ноября потерпел таким образом крушение поезд, в котором следовал из Вильны железнодорожный батальон, при чем убит 1 и ранено 35 нижних чинов, а остальной состав батальона

успел пробиться к Двинску. Вообще положение губернии очень тревожное, и деятельность местной администрации крайне затруднена, тем более, что военное положение фактически в губернии еще не введено, так как временный генерал-губернатор, генерал-лейтенант Поппен, до приезда прибалтийского генерал-губернатора затрудняется вступить в исполнение своих обязанностей.

В Курляндской губернии возмущение крестьян также разрастается. Около Крейцбурга бродят тысячные шайки мятежников, прекрасно вооруженные, угрожая самому городу. Во власти их находится уже город Фридрихштадт.

В Витебской губернии в уездах, смежных с Лифляндской и Курляндской губерниями, замечается усиленное брожение среди крестьян под влиянием агитаторов, прибывающих из местностей, охваченных восстанием. Крестьяне отказываются от взноса податей и самовольно смещают сельских должностных лиц, выбирая особые распорядительные комитеты, состоящие в связи с революционными комитетами Лифляндской губернии. В пределах Люцинского уезда вооруженные толпы крестьян являются на местные железнодорожные станции, требуя прекратить движение поездов. В угрожающем положении находится и станция Боловск С.-Петербургско-Варшавской железной дороги, на которую ожидается нападение вооруженной банды мятежников.

В гор. Варшаве участились случаи нападения революционеров на чинов полиции, при чем 4 декабря неизвестным евреем, приехавшим из Севастополя, тяжело ранен околоточный надзиратель Абрамович, другие же 2 неизвестных злоумышленника стреляли в постовых городовых, убив одного из них и ранив другого. В городе возникла забастовка дворников, и замечается сильное брожение среди чинов пожарной команды, которые потребовали от обер-полицеймейстера разрешения устроить сходку с участием посторонних лиц, что допущено не было. Среди местных революционных организаций идет усиленная пропаганда к бойкоту государственных кредитных билетов, согласно указаниям, преподанным в революционном «манифесте» от 2 декабря.

В гор. Люблине 3 декабря неизвестным злоумышленником выстрелом из револьвера убит жандармский унтер-офицер Попсуй. 4 декабря в гор. Холме, Люблинской губернии, в отмщение за производство следственных действий над лицами, принадлежащими к составу местных революционных групп, было произведено покушение в 5 час. вечера на начальника земской стражи Преображенского, а в 9 час.— на судебного следователя Коровицкого, при чем оба они ранены. Ранены также и полицейские стражники, сопровождавшие их.

В гор. Сувалках 4 декабря на базарной площади неизвестным злоумышленником брошена бомба, взрывом которой ни-

кому вреда не причинено, так как площадь в то время была безлюдна.

4 декабря в гор. Радоме в радомской почтово-телеграфной конторе взрывом неизвестно кем подброшенного динамитного снаряда [взрывом сильно] ранен один из посетителей, а также рассыльный конторы. Здание конторы сильно повреждено.

В гор. Киеве 5 декабря арестован областной съезд партии социалистов-революционеров, при чем задержано 24 представителя Крестьянского Союза, из числа членов местного комитета Союза, а также комитетов Воронежского, Курского, Полтавского, Ровенского, Екатеринославского и Харьковского. По обыску у арестованных отобраны подлинные протоколы заседания съезда, черновики прокламаций, книжки для сбора пожертвований на оружие и 6 револьверов, из которых два с разрывными пулями.

В гор. Харькове 5 декабря ученик шестого класса местного реального училища Скрипыченко, придя в помещение IV полицейского участка, выстрелом из револьвера убил пристава означенного участка Колтановского. Убийца задержан.

В гор. Саратове в ночь на 3 декабря во фруктовой лавке персидского подданного Вартанова обнаружен полицией склад боевых припасов и оружия, при чем один злоумышленник арестован при помощи нижних чинов, явившихся для продажи боевых патронов. Сам Вартанов и его служащий Петров подвергнуты губернатором аресту в административном порядке, а против нижних чинов, торговавших боевыми патронами, возбуждено судебное преследование.

«6» декабря 1905 года.

В гор. Москве 2 декабря в 4-м часу утра, благодаря находчивости чинов полиции, в нише окна в здании Почтамта обнаружена адская машина, с часовым механизмом и электрическою батареей. По заключению экспертов взрыв был предупрежден приблизительно за полчаса. 3 декабря обыском, произведенным в квартире ветеринарного врача Соловьева, обнаружена мастерская для изготовления разрывных снарядов. По обыску отобраны: динамит, бездымный порох, специальные кислоты, ртуть, олово и медные трубки. В квартире арестован скопинский мещанин Касьянов. Сам же хозяин квартиры Соловьев задержан на улице, при чем у него отобрана записная книжка с пометками, касающимися способа изготовления разрывных снарядов. По делу возбуждено следствие. Среди войсковых частей московского гарнизона замечается сильное брожение во 2-м гренадерском Ростовском и 4-м гренадерском Несвижском полках, а также в саперном батальоне, перешедшее в Ростовском полку в открытое восстание. Бастующие почтальоны также производят беспорядки в городе, разбивая почтовые ящики и нападая на пожарных, при посредстве которых разносится корреспонденция.

В гор. Владимире 2 декабря толпа простолюдинов разгромила на базаре пивную лавку, предполагая, что там укрылся один из представителей местной революционной группы, агитировавший среди крестьян на базарной площади. Порядок был восстановлен чинами полиции, при помощи вызванной дежурной воинской части.

В гор. Бобруйске, Минской губернии, среди нижних чинов расположенного в городе дисциплинарного батальона возникло 2 декабря открытое возмущение. Подробности происшествия пока неизвестны. В пределах губернии замечается усиленное брожение среди крестьян, на почве агитации, предпринятой евреями.

В посаде Сосновицах, Петроковской губернии, собравшаяся толпа народа напала на унтер-офицера одной из местных войсковых частей Людовика Шипке, при чем выстрелом из толпы Шипке был убит. Нападавшие разбежались, и таким образом задержать убийцу не удалось.

В гор. Екатеринославе запасные нижние чины расквартированного в городе 133-го пехотного Симферопольского полка предъявили 1 декабря коллективную просьбу начальнику гарнизона о скорейшем увольнении их по домам. Порядок был восстановлен мерами увещеваний. Того же числа полусотня расположенного в городе 20-го Донского казачьего полка, получив предписание выступить в Новомосковский уезд, заявила командиру полка протест и выступила только после увещеваний начальства. Причиною брожения среди нижних чинов полусотни оказалось влияние революционного агитатора еврея Фельдмера, который и арестован. Бастующие почтово-телеграфные служащие произвели за последнее время ряд беспорядков на станции железной дороги, препятствуя отправке и получению почты и самовольно отцепляя от поездов почтовые вагоны.

В гор. Харькове произошло слияние фракций «большинства» и «меньшинства» Российской социал-демократической рабочей партии, образовавших один общий «федеративный совет» харьковских комитетов этой партии. По состоявшемуся затем соглашению «совета» с харьковским комитетом партии социалистов-революционеров и так называемым «комитетом борьбы», постановлено объединить силы всех этих революционных организаций на время предстоящей общей забастовки, которую революционеры предполагают устроить в январе месяце, когда, по их словам, «пролетариат даст Русскому Правительству последнее сражение, в расчете его выиграть при помощи войск». «Федеративный совет» пользуется в рабочей среде настолько большим влиянием, что рабочие его иначе и не называют, как своим «правительством». Ярким примером для характеристики влияния «совета» может служить нижеследующий факт.

19 ноября, когда электрическая городская станция прекратила работы по освещению частных и казенных помещений, генерал-губернатором был командирован на станцию адъютант с целью узнать о причинах забастовки. Рабочие ответили, что забастовали по приказанию своего «правительства», переданному на словах, но что приказание это будет сейчас же подтверждено письменно из их канцелярии. Вслед за тем один из рабочих станции на извозчике отправился в сторону паровозного завода и привез оттуда письменное приказание прекратить освещение в домах, так как им пользуются только богачи и царские слуги, улицы же необходимо освещать в интересах пролетариата. На замечание адъютанта, что приказание генерал-губернатора об освещении также и домов должно быть исполнено, рабочие заявили, что они не могут ослушаться распоряжения своих главарей, ибо в противном случае будут убиты или, по меньшей мере, сильно избиты. Канцелярия «федеративного совета», в видах ее сокрытия от ареста, постоянно переносится из одного дома в другой в районе рабочего квартала, тщательно охраняемого собственною милициею, а потому установить место ее нахождения до сих пор не удалось. Как указано уже выше, революционеры располагают в городе собственною милициею, которая вооружена револьверами, пиками, топорами и другим оружием. С целью привлечь к милиции симпатии населения «федеративный совет» направил пока свои дружины к ловле хулиганов, которых в Харькове, благодаря воцарившейся смуте, развелось очень много, при чем за одну только неделю они успели уже разворовать на железнодорожных станциях свыше 168 вагонов с разным товаром. Милиция захватывает всех лиц, заподозренных ею в участии в грабежах, и отводит на паровозный завод, где пойманные ставятся под паровой молот для того, чтобы под угрозой пустить в действие молот вынудить у них сознание, где лежит награбленное имущество. Первоначально милиционеры передавали арестованных ими хулиганов в распоряжение прокурорского надзора, но так как некоторые из задержанных, по недостатку улик, были выпущены на свободу, милиция решила расправляться с ворами собственными средствами: на первый раз снимать с них карточки и отнимать награбленное, на второй раз клеймить на лбу словом «каин», а на третий подвергать смертной казни. Начав с преследования хулиганов, милиция предполагает в ближайшем будущем заняться избиением полиции и чинов корпуса жандармов. Под влиянием преступной пропаганды, а также и угроз по адресу полиции со стороны революционеров, стало замечаться в Харькове брожение и среди полицейских служащих. Во время последней забастовки некоторые из городовых перестали выходить на посты и составляли сходки для обсуждения условий своего

быта, предъявляя затем по начальству разного рода требования. К городовым примкнули и околоточные надзиратели, устроив 28 ноября сходку для выработки петиции об улучшении условий их службы. Дерзость харьковских революционных партий дошла до того, что 18 ноября, во время заседания городской думы, в помещение думы ворвались группы революционеров, под предводительством профессора Гредескула, и, прекратив заседание, объявили думе свой ультиматум: или немедленно перейти на сторону «федеративного совета» и действовать против правительства, или же выйти в полном составе в отставку и передать власть «совету». Для ответа был дан срок одни сутки. После крупных пререканий с революционерами члены думы должны были разойтись. 25 ноября в думе было вновь устроено заседание, на которое были приглашены до 500 представителей от революционного элемента. Приглашенные явились на заседание все, из числа же думских гласных только 19 человек. Революционеры говорили в собрании речи в крайне вызывающем тоне и требовали выдачи заимообразно 10 000 рублей для поддержания почтово-телеграфной забастовки, отказа в ассигновании от города средств на содержание полиции, предания суду администрации за меры, принимаемые к водворению порядка, и т. п. Усиленно агитируют революционеры также и среди войсковых частей, расположенных в городе, вызвав тем брожение и в войсках местного гарнизона. 23 ноября человек около 300 нижних чинов, захватив оружие и с оркестром во главе, направились на рабочую сходку на паровозный завод и затем с толпою рабочих хотели проникнуть в город. Для преграждения им пути были выставлены части пулеметной роты, но начальник дивизии, генерал Нечаев, не допустил употребления оружия и пытался уговорить нижних чинов мирно возвратиться в свои казармы. После обещания исполнить это бунтовщики были пропущены в город в сопровождении толпы рабочих, но вместо того, чтобы итти в казармы, они, дойдя до харьковского моста, устроили снова сходку на улице. Ораторы из толпы, сопровождавшей нижних чинов, неся красные и черные флаги, произносили речи преступного характера. По имеющимся сведениям, главным руководителем пропаганды в войсках харьковского гарнизона является призванный из запаса прапорщик Лебединского пехотного полка Карасик, устроивший даже особый «союз войск харьковского гарнизона», который находится в тесной связи с «федеративным советом».

В Симбирской губернии аграрные беспорядки продолжаются, проявляясь с особенной силою в Курмышском уезде, где разграблено 17 имений, и в уезде Сызранском.

В гор. Вятке 30 ноября, 1 и 2 декабря происходили заседания съезда «Крестьянского Союза». Речи, произносившие-

ся на съезде, носили явно анархический характер, но местные власти не имели возможности противодействовать сему, так как из состава расположенного в городе Котельнического резервного батальона около четвертой части нижних чинов оказались солидарными с революционерами и участвовали на заседаниях съезда. В виду отсутствия надежных войск положение в губернии очень тревожное.

« » декабря 1905 года.

Совет рабочих депутатов в С.-Петербурге после ареста своего председателя Георгия Носаря, именовавшего себя Хрусталевым, в заседании 26 минувшего ноября выбрал «Исполнительное бюро», в лице известного писателя социал-демократа Н. Троцкого (Яновского), рабочего Обуховского завода Петра Злыднева и Введенского-Сверчкова, которые коллегиально должны были исполнять обязанности председателя. Таким образом деятельность «Совета рабочих депутатов» не прекратилась, и в первом же после ареста Носаря заседании «Совет рабочих депутатов» постановил продолжать подготовку вооруженного восстания, с целью ниспровержения революционным путем существующего государственного, экономического и социального строя в России. Для достижения этой цели и подготовки ожидаемой крайними партиями в скором будущем революции, «Совет рабочих депутатов» и другие революционные организации решили подорвать финансовое положение в империи и с этой целью за своей подписью выпустили известное объявление, озаглавленное «манифестом».

Вечером 3 сего декабря в С.-Петербурге, в помещении Вольного Экономического Общества арестован «Исполнительный Комитет» Совета рабочих депутатов, заседавший в числе 37 человек в так называемой «советской комнате», а также «Совет рабочих депутатов», в числе 230 человек, в общем зале заседаний.

При обыске помещения, где заседал «Исполнительный Комитет», обнаружено:

1) Полный список представителей социал-демократов по районам.

2) Денежная отчетность «Совета рабочих депутатов».

3) Архивная переписка «Совета рабочих депутатов».

4) Протокол заседания 3 сего декабря «Исполнительного Комитета», в коем обращают на себя внимание следующие положения: а) «Исполнительный Комитет» предложил немедленно приступить к организованной забастовке, войдя в сношения с железнодорожным съездом, имевшим состояться 5 декабря, и что забастовка эта будет связана с вооруженным восстанием; б) Совет социал-демократов находит, что хотя Правительство и всту-

пило на путь репрессий, арестовав Хрусталева, но не решается арестовать «Исполнительный Комитет» и «Совет рабочих депутатов», что, однако, должно бы сделать; в) аресты опасны для «Совета рабочих депутатов», так как могут внести дезорганизацию; г) в Риге вышли рабочие не готовыми к вооруженному восстанию, но в момент подъема добыли себе оружие; д) необходимо немедленно приступить к забастовке; е) Правительство предпринимает все возможное с целью воспрепятствовать сорганизоваться рабочим; в виду чего меньшинство Комитета предложило: I) распустить собрание; II) обсудить вопрос о том, следует ли сопротивляться властям, и III) отослать часть членов «Комитета» и «Совета рабочих депутатов».

5) Печать «Совета рабочих депутатов».

6) Постановление «Совета рабочих депутатов» 3 сего декабря, из коего усматривается, что «Совет рабочих депутатов», ввиду приостановления Царским Правительством издания восьми газет за напечатание выработанного «Советом рабочих депутатов» и другими партиями «манифеста», считает, что при таких условиях каждая газета как ежедневная, так и еженедельная, независимо от направления, обязаны полностью напечатать указанный «манифест».

7) 9 револьверов целых и 18 изломанных, а также несколько финских ножей и самодельных кинжалов.

Весь материал по настоящему делу, касающийся Исполнительного Комитета, передан в с.-петербургское губернское жандармское управление.

«7» декабря 1905 года.

Революционное движение на Кавказе получает в последнее время все более широкое распространение и принимает все более острые формы.

Руководителями сего движения являются местные организации действующих и в остальных частях Империи революционных сообществ: «Российской социал-демократической рабочей партии» и «Партии социалистов-революционеров», а также преступные сообщества исключительно инородческого состава, преследующие, совместно с общереволюционными, особые инородческие цели.

Первое из вышеупомянутых сообществ, по количеству выпускаемых им воззваний и по числу лиц, входящих в сферу его влияния, необходимо признать, сравнительно с «Партией социалистов-революционеров», преобладающим. При непосредственном и направляющем участии «Гурийского Комитета Российской социал-демократической рабочей партии», разрослось до размеров, угрожающих весьма опасными последствиями, возникшее первоначально на аграрной почве крестьянское движение в Гу-

рии, входящей в состав Озургетского уезда Кутаисской губернии. Ныне в этой местности около 20 тысяч хорошо вооруженной революционной милиции ждут от своих руководителей призыва к дальнейшим в отношении Правительства агрессивным действиям, а правительственные органы находятся в полной невозможности осуществлять в Озургетском уезде лежащие на них по закону обязанности. Кроме помянутого «Гурийского Комитета», социал-демократическая партия имеет на Кавказе следующие вполне сорганизованные местные сообщества: «комитеты» — Бакинский, Батумский, Кубанский, Кутаисский, Терско-Дагестанский и Тифлисский; группы — Екатеринодарскую, Новороссийскую, Ставропольскую, Армавирскую и Майкопскую и «союз» бакинских рабочих. Из названных местных сообществ «Российской социал-демократической рабочей партии» составлены два больших районных соединения: «Кавказский союз» и «Северо-Кавказский союзный комитет». При втором из них, для захвата, в случае восстания, железнодорожных путей, для парализования действий Правительства в отношении распределения войск и для удобства передвижения революционных сил, организован «союз служащих по линии Владикавказской железной дороги» и, в тех же целях восстания, организуются «военно-техническая группа» и «боевые дружины».

«Партия социалистов-революционеров», уступающая в численности и влиянии социал-демократической партии, имеет на Кавказе «комитеты»: Бакинский, Батумский, Кутаисский и Тифлисский с террористической «боевой» при нем «дружиной» и ведущей подпольную работу среди воинских чинов «военной организацией». Эти комитеты объединяются в «Кавказский союз» партии.

В составе кавказских групп «Российской социал-демократической рабочей партии» и «Партии социалистов-революционеров», распространяющих свою деятельность как на русское население, так и на инородцев, выпускающих свои воззвания не только на русском, но и на местных языках, преобладают русские, хотя встречаются также грузины и отчасти армяне. Упомянутые инородцы, в качестве членов вышеназванных партий, не могут разделять существующих среди некоторой части армянского и грузинского населения планов о полной государственной самостоятельности армянской и грузинской народностей, так как в программах социалистических партий национальному элементу вообще уделяется подчиненная роль и, кроме того, потому что «Российская социал-демократическая рабочая партия» и «Партия социалистов-революционеров», ставя своими целями образование федеративной демократической республики, имеют в виду лишь внутреннюю автономию главнейших областей империи, без предоставления им всей полноты суверенных прав.

Определенные националистические цели выражаются сообществами исключительно инородческого состава, из коих первое место на Кавказе занимают «Армянская революционная федерация» или «Армянский революционный союз», на туземном языке «Дашнакцутюн», с литературным органом «Дрошак» («Знамя») и революционная организация, имеющая своим литературным представителем орган «Гнчак» («Колокол»), при чем из этих сообществ «Дашнакцутюн» является преобладающим. Цели обоих армянских сообществ — освобождение армян от «деспотического ярма» России, Персии и Турции и образование затем самостоятельной армянской союзной республики на демократических началах, но в программу «Гнчака» входят также и некоторые социалистические элементы. Деятельность «Дашнакцутюна» («Дрошака») и «Гнчака» выходит за пределы Кавказа и распространяется на все русские города, в составе населения коих имеется более или менее значительное процентное содержание армянского элемента; кроме того — на Персию и Турцию и все те местности, где проживают армяне.

После убийства 2 мая сего года бакинского вице-губернатора князя Накашидзе, совершенного армянами при содействии «Бакинского Комитета партии социалистов-революционеров», обнаруживаются попытки к систематической совместной деятельности комитетов «Дашнакцутюна» и комитетов упомянутой русской революционной партии.

«Дашнакцутюн» и «Гнчак» до последнего времени находились между собою в отношениях враждебных. Ввиду армянско-татарских столкновений, которые являются сдерживающим элементом для развития армянского сепаратистского движения и заставляют армянские революционные сообщества затрачивать значительную часть своих сил не на прямое осуществление своих программных задач, но на организацию охраны своих единоплеменников, — в октябре сего года, в целях таковой охраны, «Дашнакцутюн» и «Гнчак», по имеющимся сведениям, вступили между собою в соглашение.

Грузинское национальное движение в наиболее крайней его форме представляется «Грузинской партией социалистов-федералистов-революционеров», имеющей своим литературным органом «Сакартвело» (так грузины называют свою страну), к которому на французском языке издается приложение.

Все вышеупомянутые сообщества, как те, которые входят в состав «Российской социал-демократической рабочей партии» и «Партии социалистов-революционеров», так и сообщества исключительно инородческие, признают в настоящее время важнейшей задачей своей деятельности подготовку вооруженного восстания для уничтожения Самодержавной Верховной Власти со всеми институтами, обеспечивающими ее существование, и созыва затем

учредительного собрания на началах всеобщего, прямого и равного избирательного права с тайной подачей голосов. При этом будущим народным представителям отнюдь не предоставляется санкционировать ту или другую форму правления, но вменяется в непременную обязанность преобразовать империю в федеративную демократическую республику; сообщества же армянские, как выше изложено, в своих стремлениях к политическому освобождению армянского племени, не удовлетворяются и идеалом всероссийской федерации, мечтая об образовании самостоятельного армянского государства.

По отдельным местностям революционное движение на Кавказе распределяется к настоящему времени в следующем виде.

Особо серьезным представляется положение Кутаисской губернии, где в виду упомянутого движения в Озургетском уезде, а также движения и в других уездах, высшая местная администрация, задолго до обнародования новых правил о публичных собраниях, признала необходимым допускать агитационные публичные сходки и демонстративные шествия с красными флагами. В последних числах минувшего ноября положение в городе Кутаисе обострилось столкновением казаков с местным населением, что вызвало общее возбуждение в городе, приведшее к устройству баррикад и проволочных заграждений и сопровождавшееся беспорядочной стрельбой, причем пострадавших не было. После того кутаисский губернатор, с депутатами от населения вверенной ему губернии, прибыл в гор. Тифлис, ходатайствуя перед наместником об удалении казачьих частей из города Кутаиса. Социал-демократические организации в названном городе, в целях уничтожения почтовых сношений и устранения подвоза войск, прекратили железнодорожное движение от Кутаиса до станции Квирил; члены этих организаций отбирают оружие у чинов местного железнодорожного жандармского полицейского управления и производят обыски у офицеров корпуса жандармов. В порту Поти недавно были задержаны провозившиеся контрабандным способом оружие и патроны, предназначавшиеся, повидимому, для доставки в Гурию. Принимавший участие в задержании транспорта офицер запаса флота убит революционерами.

В городе Тифлисе под влиянием бывших здесь недавно армянско-татарских столкновений, по размерам своим однако незначительных, и распространившегося слуха о том, что из ближайших деревень двигаются на город вооруженные массы татар, революционные элементы приостановили свою агрессивную деятельность в отношении Правительства, занявшись вооружением населения, для защиты его от предполагаемых нападений со стороны татар. В виду замеченного брожения в некоторых расположенных в Тифлисе войсковых частях, таковые части переведены в гор. Елисаветполь.

В гор. Батуме 30 ноября толпа вооруженных туземцев, численностью до 500 человек, разграбила железнодорожную станцию, отняв оружие у начальника оной и у станционных жандармов и сторожей; после того в городе забастовали рабочие и железнодорожные служащие, был порван телеграф и были устроены баррикады. Батумская крепость объявлена в осадном положении.

В гор. Екатеринодаре в расположенном здесь Апшеронском батальоне замечается брожение.

Близ города Елисаветполя на Шуша — Евлахском тракте происходят столкновения татар с армянами. В Елисаветпольской губернии сожжена татарами станция Казах и другая станция разграблена.

В Закатальском округе наблюдается тревожное настроение среди расположенных в округе двух рот Лорийского полка.

В Ессентуках, Терской области, в первых числах сего декабря казаки вместе с населением устраивали собрания, на которых обсуждались как местные нужды, так и вопросы политического характера; атаману отдела казаки предъявили требования о смене станичного атамана и выдаче пособий призванным на службу казакам второй очереди.

В гор. Александрополе, Эриванской губернии, 22 ноября около 300 нижних чинов расположенного в названном городе 153 пехотного Бакинского полка предъявили требования о немедленном увольнении призванных на службу из запаса и об освобождении от караульной службы.

В гор. Карсе 23 ноября подлежащие увольнению в запас нижние чины 154 пехотного Дербентского полка устроили демонстративное шествие по городу, предъявив требование о немедленном увольнении в запас всех выслуживших срок службы и задержанных по случаю военного времени; после указания военным начальством на присутствие в городе артиллерийской части и пулеметов, которые могут быть приведены в действие против означенных нижних чинов, наступило успокоение, и запасные дали арестовать зачинщиков.

Почтово-телеграфная забастовка в пределах Кавказского края продолжается.

« » декабря 1905 г.

По телефону из Москвы получены сведения, что сегодня было несколько случаев столкновения боевых революционных дружин с полицией и войсками. На Тверской улице революционеры устроили баррикаду, которую пришлось брать при помощи казаков. Баррикада разрушена. Потери со стороны казачьего наряда пока не установлены, равно как и со стороны боевой дружины, так как своих раненых и убитых революционеры убирали

особыми санитарными отрядами. Было также несколько случаев нападения на отдельных патрульных нижних чинов. Из числа их убито два драгуна. Вчерашняя сходка в «Аквариуме» разбежалась, выломав забор. Арестовано всего 60 человек, не успевших скрыться. Сейчас все революционные комитеты устроили соединенное заседание в зале частного реального училища Фидлера. Здание оцеплено войсками. Революционеры не сдаются.

В Петербурге забастовка сегодня продолжается, но железные дороги все находятся в движении. В Галерной гавани забастовщики устроили демонстрацию, которая сопровождалась вооруженным столкновением с чинами полиции, при чем выстрелом из толпы убит один околоточный надзиратель. По настроению забастовщиков, можно предполагать, что забастовка утихает.

«9» декабря 1905 года. Директор департамента полиции.

По полученным из Москвы по телефону сведениям, вчера, 9 декабря, войска бомбардировали училище Фидлера, где засели боевые дружины. С балкона была брошена в войска бомба. Было произведено 12 орудийных выстрелов и несколько ружейных залпов, после чего революционеры сдались в числе 118 человек, потеряв 3 убитыми и 15 ранеными. Со стороны войск убит один прапорщик и ранены 3 пехотных нижних чина, один драгун и один жандарм. В училище обнаружено 12 бомб, много оружия и большое количество патронов. Арестована боевая дружина партии социалистов-революционеров и, по всей вероятности, новый состав «Совета рабочих депутатов». Во время отсутствия начальника и большинства чинов охранного отделения в передний фасад оного злоумышленниками брошены две бомбы, взрывом коих разрушена часть помещения отделения, при чем тяжело ранены дежурные, околоточный надзиратель, служитель и нижний чин.

Сегодня, 10 декабря, идет стрельба на Тверском бульваре и некоторых других улицах, при чем ранены 1 полицейский офицер и 2 городовых. Артиллерия выезжала на Страстную площадь, но к действиям не приступала в виду неудобства местности. Войска действуют безупречно.

«10» декабря 1905 года.

В С.-Петербурге 8 декабря около 1 часа дня на Выборгской Стороне задержан по подозрению в агитации среди рабочих завода Нобеля студент Политехнического института Владимир Платонов. По обыску в квартире Платонова, проживавшего с студентом того же института Романом Ганжа, обнаружено: револьвер «Браунинг» с 78 патронами, около 6 фунтов черного пороха; 13 коробок ружейных капсюлей казенного об-

разца, 7 больших и 22 малых шашек пироксилина, 16 пачек динамита (всего 8 килограммов), металлическая оболочка для бомбы, 72 экземпляра «Проекта устава союза рабочих металлургической промышленности», значительное количество революционных изданий и переписка. В тот же день, в 3 часа дня, на Выборгской Стороне задержан крестьянин Василий Алексеев, раздававший прохожим преступные прокламации социал-демократической партии с призывом к забастовке. При Алексееве оказалось 33 экземпляра этих прокламаций и 11 экземпляров Летучего Листка о митингах. Вечером произведен был обыск в квартире студента С.-Петербургского университета Давида Шифмана, где собрались некоторые из членов боевой революционной дружины. Арестовано 7 человек; по обыску обнаружена переписка, указывающая на преступную деятельность арестованных. Все прибывшие в квартиру Шифмана лица оказались вооруженными револьверами.

В ночь на 9 декабря произведены обыски и аресты лиц, входивших в состав группы социалистов-революционеров и боевой дружины. Арестовано 33 человека. По обыскам оказалось: у повивальной бабки Двойры Шрейберг материалы для изготовления подложных паспортов (бланки, снимки печатей, подписей и т. п.), два револьвера, из коих один «Браунинг», со спиленными номерами и отнятыми щеками, 20 ф. динамиту, около 1½ пуда картечи, 40 пистонов, бикфордов шнур, три паяльника, паяльный сплав, нашатырь, спиртовка, круглый и плоский напильники, аптекарские весы, 2 бут. спирта 90°, латунь, коллодиальная вата; у мещанина Александра Шапочникова и его сожительницы прусской подданной Эммы Штольтерфорт — мастерская для изготовления бомб, 11 оболочек бомб, разные вещества для изготовления взрывчатых составов, капсюли, детонаторные трубки, 3 револьвера, из коих два «Браунинга», кинжал, динамит 2 сортов: магнезиальный и «экстра», и в значительном количестве преступные издания; у 16 лиц взято 24 револьвера, 770 патронов, несколько тысяч революционных изданий и переписка; у студентов Андрея и Всеволода Козловских — удостоверения на право сбора пожертвований на вооружение «боевых дружин»; у остальных различные революционные издания в большом количестве, в том числе одно воззвание «анархистов-общинников». 9 декабря в д. № 8 по Кузнечному переулку, в квартире неизвестного лица, прописавшегося секретарем забайкальской казенной палаты Всеволодом Смирновым, в отсутствии хозяина, обнаружена вторая вполне оборудованная мастерская бомб, в которой найдено 110 оболочек для бомб двух видов, разные взрывчатые вещества, как-то: динамит простой и магнезиальный, гремучий студень, материалы для их изготовления, разные инструменты для работ при снаряжении метательных снарядов, 21 ме-

шок с картечной дробью, по 5 фунтов в каждом, 40 медных гильз, 55 оборотов бикфордова шнура, 2 револьвера и значительное количество патронов.

В ночь на 10 декабря произведены обыски у 6 лиц, при чем у сына чиновника Павла Красноухова отобраны прокламации «Совета рабочих депутатов» к солдатам, рукописи преступных воззваний, программы партии социалистов-революционеров и компрометирующая переписка; у учительницы Яковлевой взята печать партии социалистов-революционеров, 76 экземпляров преступных воззваний этой партии, преступные брошюры и талонная книжка; у прочих обысканных — два револьвера, патроны и переписка.

В гор. Владимире, в виду возникшей железнодорожной забастовки, замечается сильное возбуждение населения против забастовщиков. Такие же сведения приходят и со всех промежуточных станций в пределах губернии. Местные железнодорожные служащие также настроены против забастовщиков. В гор. Александрове, Владимирской губернии, возникла забастовка на фабриках, протекающая пока мирно.

В гор. Нижнем-Новгороде на Сормовских заводах в ночь на 9 декабря рабочими заготовлено много оружия на случай вооруженного восстания. 9-го числа рабочие устроили сходку и постановили требовать расчета только звонкой монетой, объявить забастовку и разоружить полицию. В виду недостатка войск положение в городе тревожное.

В гор. Орле 7 декабря следовавший в составе около 1 000 нижних чинов эшелон Дорогобужского пехотного полка прибыл в город на шесть часов раньше, чем следовало по расписанию, так как нижние чины требовали на промежуточных станциях безотлагательного их отправления. На станции Верхотурье, где они были случайно задержаны, так как путь был занят другим поездом, они нанесли побои дежурному помощнику начальника станции. Расследование производится.

В Эстляндской губернии 3 декабря следовавшие из Ревеля новобранцы произвели в пути беспорядки. На одном из перегонов они расцепили воинский поезд и нанесли побои кондуктору, на станции Аленкюль они сломали дверь и разграбили в кладовой спиртные напитки, на разъезде Керсель разбили оконные стекла, фонари, лампы, кадки с водой и унесли икону и, наконец, на станции Мойзекюль повредили железнодорожное полотно и отказались ехать дальше, в виду чего были отправлены обратно. На следующий день, 4 декабря, другая партия новобранцев разграбила на станции Хермет железнодорожный буфет и путем взлома товарных вагонов похитила ящики с вином и часть колониального товара. 7 декабря на той же станции Мойзекюль эшелон новобранцев был встречен толпою агита-

торов, уговаривавших их вернуться обратно. Нижние чины, сопровождавшие эшелон, вынуждены были стрелять в толпу, ранив одного из подстрекателей.

В гор. Невеле, Витебской губернии, в виду имевшихся сведений о готовящемся покушении на жизнь уездного исправника, был произведен обыск в доме купца еврея Кубланова, сын которого, Самуил, как выяснилось по данным наружного наблюдения, занимался фабрикацией разрывных снарядов. По обыску обнаружена чугунная оболочка бомбы с вделанными в нее приспособлениями для взрыва и мешок с взрывчатым порошком. Самуил Кубланов задержан. Расследованием выяснено, что заготовка бомбы производилась им при помощи евреев Шабашова, Зеликсона и еще одного молодого еврея, личность которого пока не выяснена. Все они успели скрыться; к розыску их меры приняты.

В гор. Пинске, Минской губернии, возникло сильное брожение среди рабочих местных железнодорожных мастерских. Рабочие вооружены и поддерживают непрерывные сношения с представителями еврейской революционной партии. В виду недостатка войск положение города тревожное.

В гор. Люблине 6 декабря в пригородной слободе в квартире Чаплинской произошел взрыв чугунного снаряда, последовавший при снаряжении такового. Взрывом убиты дочь Чаплинской и один рабочий, ранено пять человек, из них двое тяжело.

В гор. Екатеринославе 6 декабря подлежащие увольнению в запас нижние чины Бердянского пехотного полка отказались выйти на парад и заступить в караул. Порядок был восстановлен мерами увещевания. По имеющимся сведениям, 6 декабря на параде по случае высокоторжественного дня тезоименитства его императорского величества предполагалась демонстрация нижних чинов местного гарнизона, но принятыми мерами таковая предупреждена.

В гор. Одессе 8 декабря в посудный магазин Зусьмана неизвестным анархистом брошена бомба, взрывом которой ранен сам Зусьман и его приказчик. К розыску неизвестного, успевшего скрыться, приняты меры.

В гор. Уфе 9 декабря в помещении железнодорожных мастерских была устроена сходка с участием агитаторов из числа посторонней рабочим публики. Собравшиеся потребовали к себе помощника коменданта станции, сотника Бакулина, начальника станции Беляева и жандармского вахмистра Полетаева и потребовали от них объяснений о причинах постановки охраны мастерских. Всех этих лиц рабочие арестовали, в виду чего комендант станции, есаул Мандрыкин, выслал им на выручку воинскую команду. На требование освободить задержанных, рабочие стали стрелять в нижних чинов из револьверов и бросили не-

сколько разрывных снарядов, ранив четырех солдат. Команда открыла огонь, и участники сходки вынуждены были разбежаться, оставив в помещении мастерских арестованных ими лиц. При преследовании разбежавшихся задержано 9 человек, в том числе два гимназиста. По делу возбуждено дознание. Мастерские закрыты и к охране их от занятия вооруженною частью рабочих меры приняты.

В Пермской губернии на Добрянском заводе графа Строганова толпа рабочих предъявила управляющему заводом разные требования и произвела нападение на его квартиру. На заводе водворился полный беспорядок, рабочие бесчинствовали, стреляли из револьверов, нападали на чинов полиции и били окна. Теперь спокойствие на заводе восстанавливается при помощи благонамеренной части рабочих, которые поставили себе задачей противодействовать смуте. Брожение среди рабочих заметно также на заводах Златоустовском и Кусинском, где возникла забастовка под влиянием приезжих агитаторов. На Кусинском заводе рабочие опечатали магазины и воспрещают отпуск материалов без разрешения своих делегатов. Завод по распоряжению горной инспекции закрыт на неопределенное время. Признаки брожения проявляются и на заводах Гораблагодатского округа, выражаясь в сходках рабочих и предъявлении ими разных требований. В гор. Екатеринбурге забастовали воспитанники местных учебных заведений и устроили общую сходку в здании Уральского училища. По отзыву главного начальника уральских горных заводов, в среду воспитанников Уральского училища глубоко проникли самые крайние учения; многие из них ведут деятельную пропаганду анархических идей и в городе и на заводе. Училище закрыто.

«11» декабря 1905 года.

1. Александровский участок — сегодня утром спокойно, Обуховский завод и карточная фабрика не работают, убийца околоточного надзирателя задержан и отправлен в охранное отделение.

2. Шлиссельбургский участок — утром сегодня спокойно, некоторые фабрики работают, но есть и бастующие, вчера вечером рабочие разбили вагон конно-железной дороги.

3. 2-й участок Александро-Невской части — спокойно, фабрики и заводы работают.

4. 3-й Александро-Невский участок — спокойно, фабрики и заводы работают, кроме маленькой фабрики Озолинга.

5. 1-й участок Выборгской части — сегодня рабочие металлического завода с утра начали производить беспорядки, останавливают конки и разбивают вагоны, прибыл эскадрон драгун для усмирения, в каторый были произведены выстрелы из револьве-

ра, при чем убили одного из нижних чинов, убийца еще не задержан, но лишь задержан один подстрекатель Николай Лабинский, работающий на этом заводе. Все фабрики и заводы в районе этого участка не работают.

6. Петергофский участок — спокойно, Путиловский завод и другие крупные заводы не работают, а мелкие продолжают работать.

7. 2-й участок Коломенской части — из-под ворот дома № 20 по Лоцманской улице какой-то неизвестный человек сделал шесть выстрелов из револьвера в проезжавший мимо казачий разъезд и одним из выстрелов ранил казака в поясницу, неизвестный успел скрыться; остальное все спокойно, заводы не работают.

8. Суворовский участок — спокойно, главные заводы и фабрики не работают, сегодня задержано несколько человек агитаторов, подстрекавших к забастовке.

9. 2-й Васильевский участок — большие фабрики и заводы не работают, сегодня задержано несколько человек агитаторов.

10. 2-й участок Петербургской части,— рабочие ходят по улицам близ завода толпами и мешают приступить к работам другим; задержано три агитатора.

11. 3-й участок Петербургской части — спокойно, некоторые фабрики и заводы работают, была попытка со стороны забастовщиков остановить фабрику Бека, но толпа воинским разъездом была рассеяна.

12. Балтийский вокзал — спокойно, движение поездов до Нарвы совершается правильно.

13. Царскосельский вокзал — спокойно, движение поездов правильное.

14. Николаевский вокзал — то же.

15. Варшавский вокзал — спокойно, движение поездов ближнего расстояния правильное.

16. Вчера, 11 декабря в типографии купца Минкова отпечатан № 9 «Известий Совета рабочих депутатов». Дознанием установлена причастность к этому делу как самого содержателя Минкова, так и некоторых его наборщиков и служащих. Типография закрыта.

17. В 1 час дня в тот же день толпа около 60 чел. заходила закрывать трактиры по Загородному проспекту. Полицией были задержаны три агитатора; толпа бросилась их отбивать, полиция угрожала револьверами, но, несмотря на это, два из задержанных были отбиты.

18. В 7 час. вечера на углу Садовой улицы и Малкова переулка в то время, когда разъезд Конного полка разгонял толпу (150 чел.), которая пыталась требовать закрытия трактиров и не исполнила требования патруля разойтись, то трое из толпы

были легко ранены шашками и помещены в Александровскую больницу.

19. В чайной по Кронверкскому проспекту в доме № 4 задержаны крестьяне Родиков и Ченюгов, у которых найдено около 300 экз. воззваний к рабочим изд. партии соц.-рев. По заявлению крестьянина Иванова, задержанные незадолго до этого на улице раздавали эти листки публике.

20. В доме № 27 по Оренбургской улице полицией задержаны 26 мужчин и 5 женщин, принадлежащие к боевой дружине. У них отобраны 6 револьверов, 6 кинжалов и 2 снаряженные бомбы. Задержанные отправлены в пересыльную тюрьму.

Ротмистр Дукельский.

«12» декабря 1905 года.

На 10 декабря в С.-Петербурге обыскан рабочий Александровского вагонного завода крестьянин Феликс Филевич, агитировавший среди рабочих за продолжение забастовки. На квартире застигнуты за мимеографированием прокламаций к рабочим чугунного и вагонного заводов от имени «Объединенного Комитета Российской социал-демократической рабочей партии» три лица, из коих одно назвалось дантисткою Шифрою Рабинович. Отобраны мимеограф, гектограф, 52 прокламации, кинжал, револьвер и две стальные палки, из коих одна с стилетом. Филевич и Рабинович и двое неизвестных арестованы.

9 декабря днем на Выборгской стороне задержаны двое мужчин, раздававших прокламации толпе до 100 человек. Один из них — неизвестный, а другой оказался бывшим студентом С.-Петербургской духовной академии Смирновым. У обоих оказались прокламации, а кроме того у первого — револьвер, а у второго — бумаги, указывающие на принадлежность его к «Совету рабочих депутатов» в качестве представителя почти от всех фабрик и заводов Выборгского района.

10 декабря в наблюдаемой квартире Всеволода Смирнова, где накануне была обнаружена мастерская для выделки разных снарядов, арестован кассир Финляндской железной дороги Онни Николайнен с «Браунингом» и двумя обоймами, явившийся к Смирнову будто бы за справкою о каких-то собраниях.

В ночь на 10 декабря в помещении «Союза приказчиков» арестованы четыре лица, у которых отобрана переписка, указывающая, что они занимались «сниманием» приказчиков из магазинов и что эти люди потеряли надежду достигнуть каких-либо существенных результатов в порученном им деле.

Об изложенном всеподданнейшим долгом поставляю себе представить вашему императорскому величеству.

Управляющий министерством.

«14» декабря 1905 года.

По полученным по телефону сведениям из Москвы вчера 11 декабря были забаррикадированы улицы: Садовая (от Кудринской площади до Цветного бульвара), проезды Цветного бульвара, Арбат, Малая Бронная, Спиридоновская, проезды Патриарших Прудов и Покровка. Баррикады устраивались из сломанных ворот, садовых решеток, телеграфных и телефонных столбов и ящиков; для связывания всего этого материала революционеры пользовались телеграфными и телефонными проводами и даже отбирали у извозчиков вожжи. Массовых сходок не было. Попытки устроить таковые были произведены только на фабриках Сытина и Цинделя в Замоскворечье, но немедленно были рассеяны войсками. Тактика борьбы со стороны революционеров приняла партизанский характер. Они избегают столкновений с войсками и баррикад не расчищают. При появлении войск разбегаются, стреляя на воздух. Вечером, около 9 часов, был случай нападения шайки вооруженных злоумышленников на санитарный поезд около станции Люберцы Московско-Казанской железной дороги, в районе Московской губернии. У конвоировавших поезд нижних чинов отобрано 47 берданок и ящик с патронами. Начальник Московского охранного отделения сообщает, что производство обысков крайне затруднено в виду отсутствия полицейских нарядов, даже все чины полиции в расходе, хотя число их теперь значительно увеличено из состава ночных сторожей.

Сегодня телефонные сведения из Москвы указывают на продолжающиеся беспорядки. Революционные дружины попрежнему ведут партизанскую борьбу, действуя группами в три-четыре человека и преимущественно около проходных дворов, чтобы иметь возможность скрыться после нападения. Баррикад с утра они успели настроить очень много, тем более, что и вчерашние не все еще оказались разобранными. Путем баррикад они хотят разъединить город на отдельные кварталы и, препятствуя таким образом доступу войск в отдельные районы города, захватить постепенно город. В открытое столкновение с войсками они отказываются вступать и решили теперь не трогать регулярные части, избивая только казаков и полицию. На последнем совещании главарей восстания постановлено совершить ряд покушений на всех начальствующих лиц, чтобы дезорганизовать правительственную власть.

«12» декабря 1905 года.

В 5 часов дня московский градоначальник телефонирует из Москвы, что беспорядки продолжаются. На Кудринской Садовой улице во дворе здания штаба гренадерского корпуса находился сборный пункт для войсковых частей местного района. Революционеры заняли 4 соседних дома и начали обстреливать

войска. Дома разрушены артиллерийским огнем. Баррикад по-прежнему много. Ими оцеплена вся Владимиро-Долгоруковская улица, в районе которой мятежники всецело захватили власть в свои руки и облагают всех торговцев особым сбором в свою пользу за разрешение торговать. Толпа мятежников осаждает здание пересыльной тюрьмы и помещение 3-го Сущевского участка. На выручку посланы войска. При помощи значительного войскового наряда предпринят обыск в помещении студенческого общежития на Бронной улице, где предполагается мастерская разрывных снарядов. Железнодорожная забастовка, несмотря на требование конференции 29 дорог восстановить движение, о чем конференциею вчера была разослана по линии телеграмма, продолжается с прежним упорством. Товарная станция Московско-Курской железной дороги захвачена забастовщиками. Они прогнали служащих и жандармов, объявив временное управление дорогой. На 2-й версте ими сброшены с пути 16 товарных вагонов. Войска действуют прекрасно. Газовый завод продолжает работу. Электричества нет.

« » декабря 1905 года.

По полученным в 12 часов ночи по телефону сведениям из Москвы, днем были еще случаи стрельбы революционеров по войскам. Три дома, из окон которых раздавались выстрелы, обстрелены ружейными залпами. К вечеру в положении города наступило заметное улучшение. Выстрелов слышно не было. Баррикад, под влиянием строгих обязательных постановлений генерал-губернатора, значительно меньше. На бирже циркулируют слухи о том, что завтра в 12 часов дня общая забастовка прекращается. Сегодня на некоторых фабриках за городской чертой рабочие уже приступили к занятиям. В черте города на работу стали рабочие фабрики Котова в районе Пресненской части, образовав свою боевую дружину для охраны от революционеров. Толпа, нападавшая днем на пересыльную тюрьму, отбита с большим уроном. Помещение 3-го Сущевского участка также удалось отстоять. На станции Перово действует шайка хулиганов, грабящая товарные вагоны.

« » декабря 1905 года.

10 декабря в С.-Петербурге, в квартире студента С.-Петербургского университета Эммануила Кукуричкина, в д. 92 по Невскому проспекту, задержана боевая дружина, в числе 12 человек, при чем взято 3 «Браунинга» и один обыкновенный револьвер, конспиративные записки и адреса членов боевой дружины. Выяснение личностей задержанных производится.

11 декабря в квартире служащего на городском водопроводе дворянина Константина Шульмана, на Оренбургской улице,

задержана боевая дружина Выборгского района в числе 33 человек, собравшаяся для обсуждения вопроса о дальнейшей тактике ее и отношении к московским событиям. В этой квартире отобрано 5 револьверов, 5 кинжалов, 2 бомбы с бикфордовым шнуром и наставлением, как ими пользоваться, значительный склад тенденциозных брошюр и небольшое количество революционной литературы. Среди задержанных оказалось 9 интеллигентов, в числе коих студент Лесного института Бобров, студент Политехнического института Замятин, сотрудник «Новой Жизни» Жбанов и слушательница Медицинского института Ходжас.

В тот же день в квартире рабочего Серова, по Теряевой улице, задержана боевая дружина Петербургского района из 13 человек, в числе коих четверо интеллигентов. При обыске этой квартиры обнаружено 3 револьвера и более 200 экземпляров преступных изданий.

Вечером того же числа в д. 51 по Забалканскому проспекту состоялось неразрешенное собрание 12 членов «Союза рабочих и служащих осветительных предприятий в С.-Петербурге» для обсуждения способа достижения всеобщей забастовки этих предприятий. Собравшиеся задержаны, при чем шестеро из них отказались себя назвать. В помещении собрания оказалось 2 заряженных «Браунинга», печати названного «Союза» и «Библиотеки центрального района», большое количество брошюр и прокламаций партии социалистов-революционеров и незначительное количество тенденциозной литературы.

« » декабря 1905 г.

В гор. Ревеле возникла общая забастовка местных фабрик, заводов и торгово-промышленных предприятий, а также железных дорог. Наглые домогательства забастовавших рабочих, в связи с имевшимися сведениями об изготовлении ими разрывных снарядов и недостаточностью гарнизона, вынудили губернатора объявить 10 декабря город Ревель с уездом на военном положении. Местными властями производятся энергичные аресты главных руководителей движения.

В Витебской губернии грабежи и бесчинства, производимые восставшими латышами, продолжаются. 9 декабря ими сожжено имение Русколово.

В гор. Ковне 12 декабря началась общая забастовка всех заводов и торгово-промышленных предприятий. Забастовщиками насильственно прекращены занятия в различных учреждениях. Вместе с тем революционные партии устроили многочисленную народную сходку на одной из улиц. Сходка была рассеяна при помощи войск, но без употребления оружия. Губернатору предложено мною по телеграфу не допускать никаких сборищ и

принять самые решительные меры против руководителей забастовки. В пределах губернии брожение среди литовской части населения продолжается. Для подавления его местным генерал-губернатором были созваны 7 декабря губернаторы подлежащих губерний, которым генерал Фрезе и преподал соответствующие инструкции по восстановлению порядка. В Ковенскую губернию им посланы 4 отряда, в составе войск всех трех родов оружия. Один из этих отрядов водворил порядок в м. Жагорах Шавельского уезда, разрушив артиллерийским огнем дом главного бунтаря.

В гор. Варшаве забастовавшие пожарные принесли повинную и отказались от всяких требований. Большинство из них зачисляются по прошениям. Во время забастовки пожарных успешно работали команды, сформированные из войсковых частей. В ночь на 12 декабря произошел сильный взрыв на чердаке одного из домов в еврейской части города. Взрывом никому повреждений не причинено. Владелец квартиры, где произошел взрыв, скрылся. К розыску его меры приняты. Среди населения распространяются прокламации с призывом к общей забастовке и вооруженному восстанию. 12 декабря арестован скалад таких прокламаций и другой нелегальной литературы в количестве около 10 пудов. В помещении склада задержано 11 человек.

В гор. Пинске, Минской губернии, забастовавшие рабочие железнодорожных мастерских присоединились к еврейской революционной партии, образовав в общей сложности кадр в 10 000 человек вооруженных и угрожая восстанием. Забастовщики насильственно прекратили торговлю в магазинах и экипажное движение. Снята ими также и прислуга из частных домов. Улицы запружены бастующими. Восстановление порядка замедляется недостаточностью гарнизона, большая часть которого выделена для охраны оружейного склада и правительственных учреждений. О высылке подкреплений сообщено командующему войсками Варшавского военного округа по отсутствию свободных войсковых частей в Виленском округе.

В гор. Гомеле, Могилевской губернии, настроение среди рабочих крайне тревожное. В связи с железнодорожной забастовкой ежедневно происходят сходки в железнодорожных мастерских, сопровождаясь речами противоправительственного характера.

В гор. Киеве в ночь на 12 декабря была произведена ликвидация местных революционных групп. Предполагалось произвести до 60 арестов, но арестовать удалось только 20 человек, так как остальные скрываются по чужим квартирам. Розыск их для ареста производится. По обыску обнаружен склад нелегальной литературы в числе около 3 тысяч экземпляров. Там же найден пуд шрифта. С утра 12 декабря возникла забастовка мест-

ных фабрик, заводов и железнодорожных мастерских. Серьезных беспорядков не было, кроме случая нападения на поезд электрического трамвая. Нападавшие разбили два вагона и прекратили движение на одной из пригородных линий. На станции Казатин, Киевской губернии, 12 декабря толпа железнодорожных забастовщиков во главе с главным агитатором машинистом Валдаевым, желая силой прекратить движение поездов, препятствовала выводу паровозов из депо. После неоднократных требований коменданта станции прекратить бесчинства забастовщики были разогнаны вооруженной силой, при чем было убито 4 человека, в том числе и Валдаев.

В Херсонской губернии аграрное движение возросло до громадных размеров. Владельцы и администрация имений вынуждены бежать, бросая усадьбы на произвол судьбы, так как постоянные погромы, поджоги и полное разрушение частновладельческих экономий, главным образом в Херсонском и Днепровском уездах, совершенно не дают возможности оставаться в имениях.

Командующему войсками Одесского военного округа сообщено по телеграфу о командировании в губернию еще одной войсковой части для усиления гарнизона.

В гор. Одессе 8, 9 и 10 декабря представители местных революционных групп, захватывая насильственно типографии, отпечатали и распространили по городу массу воззваний с призывом к всеобщей забастовке. 10 декабря возникла забастовка пекарен и прекратились работы в железнодорожных мастерских. В ночь на 10 декабря арестован местный Совет рабочих депутатов, в числе 9 человек железнодорожных служащих.

В гор. Екатеринославе с 8 декабря возникла общая забастовка. Прекратилось движение трамвая и железных дорог, и остановились все фабрики и заводы. В городе сформирован боевой стачечный комитет, в составе представителей от объединенных революционных организаций, который выпустил объявление, требуя от жителей города, чтобы они подчинялись его распоряжениям. Толпы забастовщиков врывались даже в правительственные учреждения, разгоняя служащих. В пределах губернии забастовка с особенною силой отразилась на Екатерининской железной дороге, где образовался особый стачечный комитет, объявивший себя временным правительством. Члены комитета самовольно распоряжаются движением поездов по линии и не допускают проезда пассажиров им нежелательных. Губернатору предложено по телеграфу арестовать участников означенного комитета на Екатерининской дороге и принять самые решительные меры к водворению порядка в городе.

В гор. Полтаве в ночь на 13 декабря арестована типография партии социалистов-революционеров. В помещении типогра-

фии были застигнуты мужчина и две женщины, но мужчина не мог быть задержан, так как, несмотря на нанесенную ему в виду оказанного им вооруженного сопротивления рану, успел выскочить в окно из 2-го этажа и скрыться. К розыску его меры приняты. В местечке Зенкове, Полтавской губернии, возникли крупные беспорядки среди крестьян. Губернатору предложено принять энергичные меры к водворению порядка.

В гор. Харькове 12 декабря возникла общая забастовка, сопровождавшаяся попыткой вооруженного восстания. Революционные дружины вступали в перестрелку с войсками и особенно упорное сопротивление оказали у паровозного завода, где засела партия мятежников, отказавшихся сдаться. Здание завода было обстреляно артиллерийским огнем, после чего собравшиеся сдались. Арестовано 136 человек. Войска действуют прекрасно. За последние дни была произведена ликвидация членов «федеративного совета Российской социал-демократической рабочей партии», но из намеченных к аресту 62 представителей совета арестовано только 32, так как остальные оказались проживающими на чужих квартирах.

В гор. Саратове, под влиянием агитации приехавших из Москвы делегатов железнодорожного съезда, 9 декабря возникла забастовка железнодорожных мастерских. Вечером того же числа состоялась сходка в управлении дороги, решившая примкнуть к забастовке рабочих, организовав стачечный комитет. Местными властями произведены многочисленные аресты главарей забастовки, и, кроме того, 10 декабря арестована боевая группа партии социалистов-революционеров, выслеживавшая губернатора с целью покушения на его жизнь. Арестовано 4 лица, по связям с ними разыскиваются еще трое. У всех 4 арестованных отобраны револьверы системы «Браунинг». Начальником охранного отделения выяснен комитет Совета рабочих депутатов. К ликвидации его меры приняты.

В гор. Туле 12 декабря, во время молебна, отслуженного в школе при мастерских Курской железной дороги по желанию благонамеренной части рабочих, помещение школы было окружено революционною дружиною в числе 25 человек, один из которых, слесарь Александров, войдя в среду молящихся, потребовал прекращения молебна. Получив отказ, он выстрелом подал сигнал остальным членам дружины, которые с наружной стороны открыли стрельбу по окнам и ранили трех рабочих. Революционеры были рассеяны казаками.

В гор Александрове, Владимирской губернии, 8 и 9 декабря рабочие трех местных забастовавших фабрик устраивали на городской площади сходки под руководством фабриканта Баранова. Забастовщики обезоружили чинов полиции и арестовали исправника. В виду возбужденного настроения рабочих го-

род объявлен на военном положении. Баранов арестован. Полиция освобождена.

В гор. Нижнем-Новгороде 11 декабря возникла забастовка на Сормовском и других заводах. Толпа рабочих с пением революционных песен двигалась по городу, силою закрывая магазины и прекращая движение трамвая. Вместе с тем забастовали рабочие железнодорожных мастерских и службы пути, образовав местный стачечный комитет, во главе с бухгалтером товарной станции Акимовым. Во власти комитета оказалась фактически станция Московско-Нижегородской линии, на которой забастовщики самовольно распоряжаются движением поездов. На Сормовском заводе при рассеянии толпы демонстрантов казаками и полициею рабочие оказали вооруженное сопротивление, ранив трех городовых. Наряд ответил четырьмя залпами, убив и ранив несколько рабочих. Вечером в казачий разъезд была брошена бомба, взрывом которой убит один казак и один полицейский стражник. Губернатору предложено принять самые решительные меры к водворению порядка и арестовывать агитаторов.

В гор. Костроме 11 декабря возникла забастовка на всех фабриках. Толпы забастовщиков насильственно закрывали мелкие мастерские, типографии и магазины. Положение города очень серьезное, в виду полного почти отсутствия войск. Губернатору предложено по телеграфу торопиться формированием и вооружением полицейской стражи и твердо поддерживать авторитет власти.

В гор. Ярославле 10 декабря толпа численностью около 5 000 человек забастовавших рабочих Корзинкинской мануфактуры двинулась в город, насильственно прекращая занятия в местных правительственных учреждениях. Толпою были сняты служащие в казенной палате и окружном суде, но около здания почтовой конторы демонстрантов встретила сотня казаков. На предложение разойтись толпа выдвинула боевую дружину, открывшую по казакам стрельбу залпами. Сотня в свою очередь открыла огонь по толпе. Демонстранты разбежались, потеряв несколько человек убитыми и ранеными.

« » декабря 1905 года.

(Рассмотрено его величеством 15 дек. 1905 г. в Ц. Селе).

По полученным в 5 часов вечера из Москвы телефонным сведениям, сегодня в 8 часов утра был атакован войсками дом на Миусской площади, где засел боевой отряд революционеров. Войска были встречены выстрелами, повидимому, из пулемета. Дом разрушен и сожжен артиллерийским огнем. Из находившихся там людей, по всей вероятности, никто не спасся. На той же Миусской площади в здании Промышленного училища арестован санитарный отряд боевой Дружины в числе 46 человек. Оружия

при нем не оказалось. На Тверском бульваре были случаи стрельбы по войскам из дома Полякова. Дом обстрелян артиллерией. В районе 2-го Арбатского участка из одного дома также стреляли в роту пехоты, следовавшую для выручки помещения участка, на которое нападали революционные дружины. Дом обстрелян ружейными залпами. В одном из домов по Газетному переулку арестованы члены кавказской боевой дружины, в числе 6 человек. Дружина состоит из студентов, уроженцев Кавказа. В числе их оказался, между прочим, и один матрос из севастопольских бунтовщиков. По указаниям квартирного слуги, который также причастен к деятельности дружины, сегодня будет произведен арест главных ее руководителей. На Моховой улице воинским разъездом арестован студент Виноградов, везший на лихаче три бомбы. Он убит патрулем. Общее настроение в городе сегодня спокойнее.

О вышеизложенном всеподданнейшим долгом поставляю доложить вашему императорскому величеству.

«14» декабря 1905 года. Управляющий министерством.

По сведениям, полученным из Москвы по телефону, сегодня опять было несколько случаев столкновения боевых дружин с полицией и войсками. Революционеры устраивали в разных местах города баррикады, которые обстреливались орудийным и ружейным огнем. Потери революционеров настолько значительны, что ранеными переполнены все больницы, потери войск и полиции выражаются лишь в единичных случаях. Тем не менее боевые дружины в революционном фанатизме стремятся продолжать борьбу и к вечеру усилили постройку баррикад, желая по возможности отрезать один участок города от другого. Для устройства баррикад они пользуются подпиленными телеграфными и телефонными столбами, воротами, снятыми с петель, рельсами конно-железной дороги и т. п. Градоначальник поручил некоторым отдельным лицам поджечь ночью эти баррикады под прикрытием пожарной команды. Телеграфное сообщение с Москвою перервано. Генерал-губернатор предполагает ввести с завтрашнего дня военное положение с целью объединить действия войск в руках одного общего начальника.

« » декабря 1905 года.

После ареста в С.-Петербурге «Совета рабочих депутатов» местные революционные группы решили устроить всеобщую политическую забастовку в виде протеста против принятых по отношению к ним репрессивных мер. Сначала главари движения колебались, находя настоящий момент неудобным для забастовки, так как большинство рабочих было против нее, но затем они

должны были уступить настояниям наиболее революционно настроенных членов партий, которые, в ответ на аресты их товарищей, хотели непременно поднять вооруженное восстание и распространить его на всю Россию. Начальным днем для забастовки было выбрано 8 декабря, о чем радикальные органы печати не замедлили оповестить во всеобщее сведение, отпечатав особое воззвание «Ко всему народу» от имени «Совета рабочих депутатов», Российской социал-демократической рабочей партии, партии социалистов-революционеров и еврейского рабочего союза. В воззвании указано, что Правительство обмануло будто бы народ и вступает на путь реакции с целью отменить все льготы, дарованные в с е м и л о с т и в е й ш и м манифестом от 17 октября, и что таким образом остается одно средство покончить с «произволом Правительства» — это вооруженная борьба за свободу, к которой представители партий и призывают все население, а также армию и флот. На призыв Петербурга поспешили откликнуться революционные организации и в других городах империи, предполагая, что наступил решительный, давно уже ожидаемый революционерами, момент вооруженного восстания, что шансы борьбы тщательно взвешены и что победа, хотя бы и ценою крайних усилий, будет на их стороне. Действительность, однако, не оправдала подобных ожиданий.

Агитация, предпринятая революционерами в Петербурге, не увенчалась успехом. Возникшая было забастовка распространилась только на фабрики и заводы, но и то не на все. Железные дороги продолжали действовать, попытка прекращать насильственно торговлю в магазинах встретила дружный отпор со стороны чинов полиции и самих торговцев, и вообще, за исключением некоторых отдельных единичных нарушений порядка, нормальное течение жизни в столице не прерывалось. В настоящее время забастовка близится к концу, так как громадное большинство фабрик приступило к обычным работам. Столь благоприятному исходу забастовки в значительной степени способствовали многочисленные аресты главных руководителей движения и представителей боевых дружин, расстроившие планы революционеров, не давая им возможности сорганизоваться. Кроме того, по обыскам было отобрано у революционеров много оружия и захвачены мастерские, в которых изготовлялись разрывные снаряды. Таких мастерских обнаружено за последние дни — три: у студента Политехнического института Платонова, мещанина Шапочникова и неизвестного лица, проживавшего в Петербурге под именем секретаря забайкальской казенной палаты Смирнова. Все мастерские были прекрасно оборудованы и снабжены большими запасами взрывчатых веществ. Найдены в них также и готовые оболочки для бомб в числе 120 и три готовых разрывных снаряда.

Совершенно в иных условиях оказался город Москва, где агитация, предпринятая революционерами, нашла широкую поддержку со стороны рабочих и вылилась в форму открытого восстания, продолжающегося, хотя и в меньшей степени, до сих пор. Боевые революционные дружины вступали в открытую перестрелку с войсками, бросали в них разрывные снаряды и устраивали баррикады. Они оцепили ими целые кварталы города, в надежде, что таким путем удастся покрыть город сетью заграждений и, не допуская войска в захваченные местности, постепенно захватывать один район за другим. Для противодействия мятежникам были приняты самые энергичные меры. Баррикады обстреливались артиллерийским и ружейным огнем, а также дома, которыми пользовались революционеры для стрельбы по войскам из окон. Здания, где происходили сборища мятежников, оцеплялись войсками и, в случаях вооруженного сопротивления, тоже подвергались действию артиллерии. Так, был обстрелян орудийным огнем дом Фидлера, где 9 декабря революционные комитеты устроили соединенное заседание и на предложение сдаться ответили бомбой. Революционеры сдались, потеряв 3 человека убитыми и 15 ранеными, при чем в помещении, где происходила сходка, обнаружено 20 бомб и много оружия. 11 декабря в типографии Сытина собралось для совещания около 70 революционных деятелей. На требование полиции разойтись они ответили отказом и, по прибытии воинского наряда, открыли по войскам стрельбу из револьверов. После этого была подвезена артиллерия и по дому сделано несколько выстрелов картечью. В доме произошел пожар; прибыла городская пожарная команда, но революционеры выстрелами из револьверов не допускали ее тушить огонь, при чем принялись сами за тушение пожара имевшимися в типографии водопроводными приспособлениями. Озлобленные сопротивлением войска уничтожили доступ воды в горевшую типографию, и дом обрушился, задавив всех находившихся в нем людей. 13 декабря, при помощи артиллерии, были разрушены четыре дома на Кудринской Садовой улице, откуда революционеры обстреливали войска, находившиеся на сборном пункте во дворе здания, занимаемого штабом гренадерского корпуса. 14 декабря войска атаковали дом на Миусской площади, где засела боевая дружина революционеров, и, будучи встречены выстрелами, разрушили и сожгли дом артиллерийским огнем, так что никто из находившихся там революционеров не спасся. Видя невозможность бороться с войсками открытою силою, боевые дружины прибегли к партизанскому способу действий, устраивая нападения из засад на чинов полиции и воинские патрули, но, благодаря молодецкому поведению войск, терпят неудачу и на этом пути и несут жестокий урон. Потери их за дни восстания очень велики. Тяжело ране-

ными переполнены все больницы, но число жертв точному учету не поддается, так как своих убитых и раненых революционеры убирают при помощи особых санитарных отрядов. Особенное озлобление мятежников направлено на начальствующих лиц и полицию, которых они решили истреблять всеми способами. Несколько нападений было сделано, между прочим, и на дом градоначальника, но нападавшие вынуждены были отступить, потеряв много убитых и раненых. В ночь на 10 декабря неизвестным злоумышленником, проезжавшим на лихаче, было брошено две бомбы в помещение, занимаемое в доме градоначальника охранным отделением. Взрывом их попорчен весь лицевой фасад здания, убит дежурный полицейский надзиратель и двое служителей. Нападали революционеры и на отдельные управления полицейских участков, при чем в 1-м Пресненском участке им удалось даже арестовать пристава и, ворвавшись в помещение участковой канцелярии, уничтожить деловую корреспонденцию, в остальных же местах они были отбиты. Окончилась также неудачею попытка их атаковать здание пересыльной тюрьмы с целью освобождения арестованных. Тюремная стража, в количестве 200 человек, действуя весьма решительно и с большим мужеством, рассеяла бунтовщиков и разрушила баррикады, под прикрытием которых производилось нападение. Настроение войск весьма бодрое. Потери их незначительны, исчерпываясь только единичными случаями. Последнее обстоятельство удручающим образом действует на революционеров, и главари движения считают свое дело безвозвратно проигранным, но масса, в революционном ослеплении, продолжает свою разрушительную работу, и потому рассчитывать скоро на полное успокоение трудно. В связи с действиями вооруженною силою производятся многочисленные аресты главных руководителей восстания и охватившей город забастовки, в том числе железнодорожной. Из железных дорог Московского узла работает только Николаевская дорога, вокзал которой охраняется сильным отрядом войск. На Московско-Курской железной дороге забастовщики овладели, между прочим, товарною станциею, сформировали свое управление и самовольно распоряжаются поездами. Около станции Перово, Московско-Казанской линии, образовалась шайка грабителей, расхищающая товар из вагонов. 11 декабря члены ее напали на санитарный поезд и отобрали 47 ружей от чинов команды, сопровождавшей поезд, и ящик патронов.

На остальных городах империи московские события и призыв к революции из Петербурга отразились следующим образом:

В гор. Твери забастовали 12 декабря все местные фабрики, при чем забастовщики пытались устроить в городе демонстрацию, которая была предупреждена войсками.

В гор. Ярославле толпа забастовавших рабочих двинулась 10 декабря в город, насильственно прекращая занятия в местных правительственных учреждениях. На предложение разойтись, выступившая впереди толпы боевая дружина открыла огонь по казакам, преградившим им путь. Казаки отвечали выстрелами, ранив и убив несколько человек демонстрантов.

В гор. Костроме забастовали все фабрики, при чем толпы забастовщиков насильственно прекращали работу в мелких мастерских, типографиях и магазинах. Положение города очень серьезное в виду почти полного отсутствия войск.

В гор. Владимире, в виду беспорядков, возникших на почве железнодорожной забастовки, вся полоса железнодорожного отчуждения в пределах губернии объявлена на военном положении. На станции Орехово-Зуево делегаты забастовочного бюро, прибывшие с специальным поездом из Москвы, оказали вооруженное сопротивление чинам полиции и казакам, убив помощника пристава и двух станционных рабочих. В гор. Александрове возникла забастовка на местных фабриках и заводах, при чем бунтовщиками были обезоружены чины полиции и арестован исправник. Население терроризировано забастовщиками, на помощь которым приехала еще боевая дружина из Москвы. Город объявлен на военном положении.

В гор. Нижнем-Новгороде рабочие Сормовского и других заводов в ночь на 9 декабря заготовили оружие, объявили на следующий день забастовку, а 11 декабря толпами, с пением революционных песен, направились в город, силою закрывая магазины и прекращая движение трамвая. При рассеивании толпы рабочие оказали вооруженное сопротивление, ранив трех городовых. Полицейский наряд отвечал 4 залпами, убив и ранив несколько рабочих. Вечером того же 11 декабря в казачий разъезд была брошена бомба, взрывом которой убит один казак и один полицейский стражник. 14 декабря в помещение канцелярии полицейского пристава на Сормовском заводе брошена бомба. Взрывом ее легко ранен полицейский надзиратель. На железной дороге забастовщики образовали стачечный комитет и захватили в свои руки станцию, фактически распоряжаясь движением поездов.

В гор. Уфе забастовавшие рабочие железнодорожных мастерских устроили сходку и, потребовав к себе для объяснений помощника коменданта станции и жандармского вахмистра, арестовали их. Высланную для освобождения задержанных лиц воинскую команду рабочие встретили выстрелами из револьверов и разрывными снарядами, ранив 4 солдат. Команда в свою очередь открыла огонь, вынудивший участников сходки разбежаться, оставив в помещении мастерских арестованных ими лиц.

В гор. Саратове, под влиянием агитации приехавших из

Москвы делегатов железнодорожного съезда, возникла железнодорожная забастовка и для руководительства ею образовался стачечный комитет. Местными властями произведены многочисленные аресты главарей забастовки. 10 декабря арестовано 4 лица из состава боевой группы социалистов-революционеров, выслеживавших губернатора для покушения на его жизнь.

В гор. Тамбове 13 декабря возникла железнодорожная забастовка, распространившаяся на всю линию в пределах губернии. Станции Козлов, Грязи и Борисоглебск, где действуют стачечные комитеты, заняты войсками, при чем станция Грязи объявлена на военном положении. Среди главарей движения произведены многочисленные аресты. По обыску у них найдено много оружия и бомбы.

В гор. Харькове 12 декабря возникла общая забастовка, сопровождавшаяся попыткой вооруженного восстания. Революционные дружины вступали в перестрелку с войсками и особенно упорное сопротивление оказали у паровозного завода, где засела партия мятежников, отказавшаяся сдаться. Здание завода было обстреляно артиллерийским огнем, после чего собравшиеся сдались. Арестовано 136 человек. За последние дни была произведена ликвидация членов федеративного совета Российской социал-демократической рабочей партии.

В гор. Полтаве 12 декабря на площади железнодорожными забастовщиками была устроена сходка, сопровождавшаяся призывом к мятежу. При рассеивании толпы из окон гостиницы «Марсель» и редакции газеты «Полтавщина» были произведены выстрелы в казаков, не причинившие никому вреда. Забастовщики насильственно закрывали магазины. В ночь на 13 декабря арестована типография партии социалистов-революционеров, выпускавшая прокламации с призывом к восстанию. С особенной силой проявились беспорядки в гор. Кременчуге, который и объявлен на военном положении вместе с уездом. 13 декабря в квартиру, занимаемую кременчугским временным генерал-губернатором, была брошена бомба, к счастью не разорвавшаяся.

В гор. Екатеринославе с 8 декабря возникла общая забастовка, прекратилось движение трамвая и железных дорог и остановились все фабрики и заводы. В городе сформирован боевой стачечный комитет, в составе представителей от объединенных революционных организаций, который выпустил объявление, требуя от жителей города, чтобы они подчинялись его распоряжениям. Толпы забастовщиков врывались даже в правительственные учреждения, разгоняя служащих. В пределах губернии забастовка с особенной силою отразилась на Екатерининской железной дороге, где образовался особый стачечный комитет, объявивший себя временным правительством. Члены

комитета самовольно распоряжаются движением поездов по линии и не допускают проезда пассажиров, им нежелательных.

В гор. Ростове-на-Дону 13 декабря собравшиеся на сходку в железнодорожных мастерских железнодорожные забастовщики оказали вооруженное сопротивление войскам, оцепившим сходку. Войска обстреливали помещение сходки артиллерийским огнем, разрушив здание. Большинство участников сходки успело разбежаться, но боевая дружина завязала открытую перестрелку с войсками, потеряв свыше 200 человек.

В гор. Одессе 8, 9 и 10 декабря представители местных революционных групп, захватив насильственно типографии, отпечатали и распространили массу воззваний с призывом к общей забастовке. 10 декабря возникла забастовка пекарен и прекратились работы в железнодорожных мастерских. В ночь на 10 декабря арестован местный «Совет рабочих депутатов», в числе 9 человек железнодорожных служащих.

В Подольской губернии железнодорожная забастовка возникла, а на станции Жмеринка, Бирзула и Мариамполь.

В гор. Киеве с утра 12 декабря возникла забастовка местных фабрик, заводов и железнодорожных мастерских, при чем забастовщики 12 декабря напали на поезд электрического трамвая и разбили два вагона, а за чертою города обстреливали поезда трамвая. В виду усиленной агитации, предпринятой революционерами, произведены многочисленные аресты их главных руководителей из партии социалистов-революционеров и анархистов. Обнаружено два склада нелегальной литературы и полная типография этих партий с 6 пудами типографского шрифта. Кроме того, в квартире анархистов Раковца и Пастушенко взято 15 бомб, из них 3 снаряженных. В пределах губернии крупные беспорядки произошли в городе Бердичеве, в виду чего город 12 декабря объявлен на положении усиленной охраны. На станции Казатин, Киевской губернии, толпа железнодорожных забастовщиков пыталась силою прекратить движение поездов, но была разогнана войсками, которые вынуждены были стрелять.

В Черниговской губернии в очень тревожном положении, благодаря беспорядкам, производимым железнодорожными забастовщиками, оказывается станция Конотоп, которая объявлена на военном положении.

В гор. Курске прекратилось движение поездов по Московско-Киево-Воронежской дороге.

В гор. Гомеле, Могилевской губернии, происходит усиленная агитация среди железнодорожных рабочих, которые забастовали и систематически устраивают сходки с призывом к вооруженному восстанию.

В гор. Пинске, Минской губернии, забастовавшие рабочие железнодорожных мастерских присоединились к еврейской рево-

люционной партии, образовав в общей сложности кадр 10 000 человек вооруженных и угрожая восстанием. Забастовщики насильственно прекратили торговлю в магазинах и экипажное движение. Снята ими также прислуга из частных домов. Улицы запружены бастующими. Восстановление порядка замедляется недостаточностью гарнизона, большая часть которого выделена для охраны оружейного склада и правительственных учреждений.

В гор. Ковне 12 декабря началась общая забастовка всех заводов и торгово-промышленных предприятий. Забастовщиками насильственно прекращены занятия в различных учреждениях. Вместе с тем революционные партии устроили многочисленную народную сходку на одной из улиц. Сходка была рассеяна при помощи войск, но без употребления оружия. 14 декабря забастовка стала затихать, несмотря на все усилия революционеров поддержать ее. Боевые дружины еврейского рабочего союза, пытаясь насильственно прекращать работы в городе, вступали даже в перестрелку с войсками.

В гор. Ревеле возникла большая забастовка местных фабрик, заводов и торгово-промышленных предприятий, а также железных дорог. Наглые домогательства забастовавших рабочих, в связи с имевшимися сведениями об изготовлении ими разрывных снарядов и недостаточностью гарнизона, вынудили губернатора объявить 10 декабря Ревель с уездом на военном положении.

В виду тех размеров, которые приняло движение, губернским властям предложено принимать самые решительные и энергичные меры для восстановления порядка и, путем ареста руководителей, изъять главные силы революционеров.

Восстание крестьян-латышей, охватившее губернии Лифляндскую и Курляндскую, продолжается с прежнею силой. Вся Курляндская губерния, кроме городов Либавы, Митавы, Туккума, Газенпота и Гробина, находится, повидимому, в руках повстанцев. В самом городе Риге общая забастовка хотя и была объявлена, но не осуществилась. Тем не менее настроение в городе продолжает быть тревожным, так как революционные дружины проявляют, попрежнему, усиленную деятельность. Они захватили даже в качестве заложников нескольких лиц из числа местных жителей, которых теперь удалось освободить. 11 декабря шайка революционеров ворвалась в квартиру командира таможенного крейсера капитана 2-го ранга Мильрат и завладела его оружием, прибывший же на выручку полицейский отряд обезоружила, убив помощника пристава, околоточного надзирателя и двух городовых и ранив одного городового. Латышское движение охватило и соседние с Курляндиею местности Витебской губернии, где действуют вооруженные дально-

бойными винтовками многочисленные банды мятежников. Сельские власти смещены жителями, земские начальники и судебные следователи также не могут выехать в свои участки. 9 декабря мятежниками разгромлено удельное имение Русколово.

Националистическое движение стало за последнее время замечаться и среди части литовского населения Ковенской губернии, которое демонстративно начинает бойкотировать все русское, а местами даже нападать на русских жителей, угрожая разгромом православных и старообрядческих храмов. Для подавления беспорядков в Ковенскую губернию посланы четыре отряда в составе всех трех родов оружия. Один из этих отрядов вынужден был в местечке Жагора, Шавельского уезда, употребить в действие артиллерию, разрушив орудийным огнем дом главного бунтаря.

В губерниях Привислинского края местный генерал-губернатор вынужден был объявить все 10 губерний на военном положении, в виду массовых случаев отказа сельского населения повиноваться законным властям и платить подати и вследствие охватившего весь край стремления вытеснить государственный язык из всех учебных заведений, из гминных управлений и судов и даже некоторых правительственных учреждений. В гор. Варшаве распоряжение это вызвало усиленную агитацию всех партий к вооруженному восстанию. Вследствие сего были произведены многочисленные аресты агитаторов, при чем обнаружен склад прокламаций и другой нелегальной литературы, в количестве около 10 пудов. В ночь на 12 декабря произошел сильный взрыв на чердаке одного из домов еврейской части города, не причинивший никому повреждений. Владелец квартиры, где произошел взрыв, скрылся.

Относительно аграрных беспорядков поступили за неделю сведения из губерний: Витебской, Вятской, Екатеринославской, Орловской, Пермской, Полтавской, Рязанской, Саратовской, Таврической, Тамбовской, Тульской и Херсонской. Из числа крупных экономий разграблены: в Орловской губернии имения графа Рибопьера, князя Куракина и графа Гейдена, а в Таврической губернии — Рогочинская экономия его императорского высочества великого князя Михаила Николаевича. С особенною силой проявляется аграрное движение в губерниях: Полтавской, Екатеринославской и Херсонской. В последней губернии владельцы и администрация имений вынуждены бежать, бросая усадьбы на произвол судьбы, так как постоянные погромы, поджоги и полное разрушение частновладельческих экономий, главным образом в Херсонском и Одесском уездах, совершенно не дают возможности оставаться в имениях. Уезды эти объявлены на положении усиленной охраны.

Командующему войсками сообщено о командировании в губернию еще одной войсковой части для усиления гарнизона.

По поводу брожения в войсках за истекшую неделю были получены сведения только из Екатеринослава, где на параде по случаю высокоторжественного дня тезоименитства вашего императорского величества предполагалась демонстрация нижних чинов, которая, однако, принятыми мерами была предупреждена.

Об изложенном всеподданнейшим долгом поставляю себе представить вашему императорскому величеству.

«15» декабря 1905 года.

В гор. С.-Петербурге в ночь на 13 декабря подвергнуты обыскам 33 лица, принадлежащие к местной организации «Российской социал-демократической рабочей партии». По обыскам обнаружено: в квартире студента С.-Петербургского Политехнического института Бориса Крылова — ручная типография с набором воззвания «К солдатам петербургского гарнизона» и 5 000 отпечатанных в этой типографии экземпляров упомянутого воззвания; в квартире крестьянина Владислава Даненбаума — шрифт и другие принадлежности тайной типографии; у большинства других обысканных также отобраны вещественные доказательства их преступной деятельности. Из числа обысканных 31 лицо заключено под стражу.

В гор. Москве 15 декабря в 7 часов утра несколько революционеров ворвались в квартиру начальника московской сыскной полиции Войлошникова, предложили ему проститься с семейством и, выведя на улицу, расстреляли. В районе Пресненской части, который в полном восстании, и в местности, расположенной близ Московско-Казанского вокзала, предводительствует революционерами, по полученным сведениям, некто Ухтомский. В Газетном переулке задержано лицо с двумя бомбами. На 16 декабря предложено отбирать от революционеров находящуюся в их руках часть Московско-Казанской железной дороги. В Замоскворечье рабочие 10 фабрик стали на работу. Предполагается в самом скором времени возобновление работ на электрическом и газовом заводах и на бойнях. В Сокольниках 15 декабря была устроена большая патриотическая манифестация, при чем манифестанты с портретом его императорского величества и с хоругвями намеревались итти в город, но местной администрацией это шествие не было допущено, в виду того, что манифестанты, при следовании по улицам, в которых производится перестрелка с мятежниками, подвергались бы серьезной опасности.

В Сормове, Нижегородской губернии, 14 декабря разрушены артиллерийским огнем устроенные мятежниками баррика-

ды. В Макарьевской части Нижнего-Новгорода 14 декабря вооруженные революционеры напали на группу патриотических манифестантов, убили и ранили несколько человек и заперлись затем на вокзале и в доме Яковлева, устроив при этом баррикады. Для разрушения баррикад выслана артиллерия. В ночь на 15 декабря в почтово-телеграфную контору была брошена бомба, повредившая телеграфный аппарат. Нижне-Сормовский район и полотно железной дороги объявлены в положении чрезвычайной охраны.

В гор. Казани 14 декабря арестовано, в виду прикосновенности к революционной деятельности, 39 лиц и в их числе 11 нижних чинов.

В с. Мотовилихе, близ Перми, 11 декабря толпою вооруженных рабочих были разоружены городовой и жандармский унтер-офицер, после чего движение в этом селении приняло угрожающий характер как в отношении местных чинов полиции, так и в отношении тех рабочих, которые высказывали намерение приступить к работам. Возвращавшийся из Перми военный караул подвергся со стороны мятежников обстреливанию. Высланная затем из Перми сотня 8 Уральского казачьего полка и прибывшие в Мотовилиху две роты Ирбитского батальона разогнали четырехтысячную толпу мятежников, при чем пять из них было убито и около 20 ранено. При рассеянии толпы отобрано большое количество револьверов и ножей. В Пермской губернии среди жителей некоторых расположенных по линии Пермской железной дороги селений наблюдается озлобление против железнодорожных служащих, участвующих в забастовке. На станцию Аргаяш в ночь на 12 декабря толпою около 250 лиц было сделано нападение, при чем нападавшие пытались сжечь станцию и бросить в огонь ее начальника. Последний, отстреливаясь, был схвачен толпой и избит.

В гор. Воронеже продолжается забастовка служащих Юго-Восточных железных дорог. На публичных собраниях, которые устраивались руководителями забастовки, бывало до 5 000 лиц разного звания и в их числе были, между прочим, замечены монахи. Ныне публичные собрания губернатором воспрещены. Среди служащих Управления Юго-Восточных железных дорог возникло движение в пользу прекращения забастовки, при чем желающие работать, число которых увеличивается, подали начальнику дорог коллективное по сему поводу заявление с просьбой обеспечить безопасность занятий. Телеграфное сообщение Воронежа с городами Москвой, Тамбовом и Киевом прервано. В городе Новохоперске, Воронежской губернии, 13 декабря, под давлением трех задержавшихся в этом городе эшелонов матросов и войск специальных родов оружия, освобождены 11 политических арестантов.

В городе Курске в ночь на 14 декабря арестованы 4 вожака местной организации «партии социалистов-революционеров» с отобранием у них вещественных доказательств их преступной деятельности. В числе отобранного по обыскам находится между прочим список агитаторов среди крестьян.

В числе арестованных 14 декабря в гор. Киеве анархистов оказались проживавшие совместно крестьяне Федор Рех и Карп Костюк, из которых второй служил швейцаром в доме, где проживает генерал Сухомлинов, брат киевского, подольского и волынского генерал-губернатора. Последним этот дом посещался неоднократно. Обыском в помещении швейцара Костюка обнаружены революционная литература, материалы для изготовления взрывчатых веществ и состав, тождественный с тем, коим были начинены отобранные по обыскам 14 декабря бомбы.

В гор. Екатеринославе революционеры ходят по частным квартирам, вымогая для своих преступных целей деньги, и насильственно закрывают промышленные и торговые заведения. 13 декабря в квартире околоточного надзирателя екатеринославской городской полиции Ярижанова пятью ворвавшимися неизвестными был произведен обыск, при чем были унесены револьвер и шашка.

В гор. Николаеве, Херсонской губернии, 14 декабря агенты местного жандармского надзора, с опасностью для жизни, вырвали у находившегося под их наблюдением анархиста две бомбы, но анархист, пользуясь отсутствием чинов наружной полиции, скрылся.

13 декабря в паровозные мастерские товарной станции Двинск, С.-Петербургско-Варшавской железной дороги, ворвалась толпа около 200 человек, прекратила работы и силою присоединила к себе рабочих. В проходивший в это время воинский поезд были произведены выстрелы. Затем толпа, возросши приблизительно до 300 человек, направилась к пассажирской станции Двинск, но здесь была разогнана войсками, без употребления в дело оружия. Город Двинск объявлен на военном положении.

В пределах Сувалкской губернии 12 декабря шайка из 30 замаскированных злоумышленников, повидимому, литовцев, напала, близ станции Пильвишки, на квартиру жандармского унтер-офицера, отобрав у него деньги и шашку. В помещении означенной станции злоумышленники принуждали служащих топтать портрет его императорского величества.

В гор. Риге 13 декабря забастовали все фабрично-заводские и торговые заведения, трамваи и извозчики. Забастовавшими рабочими делаются приготовления к устройству баррикад.

В пределах Эстляндской губернии 12 декабря толпа около 200 человек разграбила имение Койль и затем произвела на-

падение на станцию Каппа-Койль, где разгромлена контора и уничтожены телефонные аппараты. Кроме того, толпою угнаны с названной станции 9 товарных вагонов, из которых два вагона со спиртом сожжены.

Верно:

«16» декабря 1905 г. Директор департамента полиции.

По полученным 17 сего декабря сведениям из Москвы, на большинстве фабрик рабочие приступили к работам. С понедельника жизнь, по всей вероятности, войдет в норму.

17 декабря предпринято было очищение Пресненского района от мятежников. Взяты приступом 9 домов, где укрывались революционеры и обстреливали войска. В домах найдено много трупов, при чем выяснилось, что некоторые из революционеров, для удобства нападений, переодевались в женское платье. Фабрикант Шмидт (студент), формировавший в среде своих рабочих боевую шайку, подвергся аресту в своей частной квартире и был доставлен для допроса и ему предложен был ультиматум: или безотлагательно обезоружить рабочих, или же фабрика подвергнется штурму. Переговоры оказались безрезультатны. Фабрика взята. Затем днем войска атаковали фабрику Прохоровской мануфактуры, где, по слухам, засело несколько тысяч вооруженных рабочих. Артиллерийским огнем подожжены казармы рабочих.

Одновременно с тем было предпринято очищение товарной станции Московско-Курской дороги, которою овладели революционеры. Станция взята, и мятежники рассеяны. На станции Перово, Московско-Казанской линии, где укрывалась шайка грабителей, их атаковали казаки и отбили два вагона с оружием.

Революционеры отказались от активных действий, заявляя, что «хотя восстание в Москве и удалось, но теперь они утомлены и откладывают бой до марта месяца».

« » декабря 1905 года.

В С.-Петербурге 14 декабря, в виду полученных сведений, что некоторые члены боевых дружин, под предводительством студентов университета Синявского и Барсукова, предполагают заняться истреблением отдельных чинов полиции на Выборгской Стороне, оба названные лица были задержаны на улице, при чем у них были отобраны заряженные револьверы, а в квартирах нелегальные издания. В ночь на 15 декабря в квартире мещанина Рутковского были обнаружены в количестве нескольких фунтов составы для взрывчатой смеси, 179 револьверных патронов, капсюль с бикфордовым шнуром и около 1 500 экземпляров разных прокламаций. Рутковский и трое его жиль-

цев-соучастников арестованы. В легальной типографии, помещающейся по улице Гоголя, задержано 1 685 экз. преступного воззвания к казачьим войскам и 3 370 экземпляров воззвания социал-демократической рабочей партии, начинающегося обращением: «Поддержите московское восстание». Там же обнаружена приготовленная бумага для дальнейшего печатанья воззваний в двойном количестве экземпляров. Арестованный управляющий этой типографией мещанин Каммермахер пояснил, что часть этих воззваний им уже была отдана заказчику.

В Эстляндской губернии революционное движение в последнее время усилилось, вследствие чего в гор. Ревеле и Ревельском уезде объявлено 10 декабря военное положение. Для предотвращения дальнейших беспорядков арестованы многие из членов назначенного в Ревеле на 11 декабря съезда выборных от волостей, с отобранием у арестованных документов, касающихся сего съезда. Во всех уездах губернии происходят серезные беспорядки; отдельные банды соединяются в более крупные мятежнические отряды, и, повидимому, эстонцы, подобно латышам, готовятся к отчаянной борьбе с правительством. Эстонскими бандами сожжено и разграблено более 40 частновладельческих имений. Многие помещики, а также и некоторые представители уездной администрации, в ожидании появления банд, спасаются бегством. В гор. Ревеле 14 декабря злоумышленниками убит на посту городовой и случайно ранен рабочий.

В Смоленской губернии вооруженные железнодорожные забастовщики завладели станцией Белев, Рязанско-Уральской железной дороги, угрожая захватом ближайших станций.

В гор. Минске 16 сего декабря, в 6 час. пополудни, смертельно ранен помощник полицеймейстера Шкляревич. Преступник не обнаружен.

14 декабря на станции Ново-Вилейск, Либаво-Роменской железной дороги, неизвестными злоумышленниками были пущены 4 паровоза, коими повреждены 7 вагонов стоявшего на пути воинского поезда и ворота в депо. От столкновения пострадали машинист и кочегар, с воинскими чинами и лошадьми несчастия не было.

В Ковенской губернии, в местечке Янишках, 15 сего декабря толпа революционеров окружила местное почтово-телеграфное отделение. 7 человек из этой толпы, вооруженных револьверами, в масках, ворвались в помещение отделения и, никого из служащих не выпуская оттуда, похитили денежную кассу и ценности на сумму около 4 000 рублей, а также револьвер и шашку.

В гор. Киеве день 16 декабря прошел спокойно. Были безрезультатные попытки снимать рабочих с работ и закрывать учебные заведения и магазины. Рабочие, не допущенные войска-

ми собраться на митинг на одном заводе, собрались в меньшем числе на другом, где решили на 17 декабря силою закрывать мелкие мастерские и, в случае препятствий со стороны войска и полиции, оказывать им вооруженное сопротивление.

В гор. Одессе объявленная воззваниями в этом городе с 11 сего декабря всеобщая забастовка началась с того, что 12 декабря все фабричные рабочие прекратили работу, конки приостановили движение и, по требованию небольших групп евреев, закрылись магазины в центре города, но железнодорожное пассажирское движение продолжалось. Преступные воззвания и первый номер «Известий Одесского Совета Рабочих Депутатов», отпечатанные, повидимому, в легальных типографиях, раздавались, вместо газет, по городу. Назначительность в городе войска, замечаемое недостаточное единодушие среди забастовщиков и желание их провести забастовку мирным путем удерживают подлежащие власти перейти к репрессивным мерам, ограничиваясь производством обысков у социалистов-революционеров, каковых обысков в ночь на 13 декабря произведено свыше сорока.

Из Радомской губернии получены нижеследующие сведения о происшествиях: 13 декабря в Кунове, Опатовского уезда, толпою были обезоружены трое стражников, у которых отняты шашки и револьверы. 14 числа забастовала группа Островецких заводов вышеназванного уезда, а в Скаржиске, Илжецкого уезда, девятью вооруженными злоумышленниками уничтожены царские портреты и дела в гминном управлении. 15 декабре в Ржепине, того же уезда, ранен войт гминного управления и уничтожены дела последнего, а в Руде Маленецкой, Конского уезда, ограблены гминное управление и винная лавка и почтовое отделение, в котором похищена вся наличность, кроме 840 рублей, незаметно спрятанных начальником отделения; того же числа ограблены гминное управление и винная лавка в Медзерке названного уезда. В ночь на 16 число разграблены неизвестными вооруженными людьми 2 винные лавки в городе Шидловце и остановлен толпою до 400 человек в тот же день на станции Неклани следовавший из Скаржиска с запасными чинами поезд, паровоз которого толпой был насильственно возвращен обратно в Скаржиско, а запасные на дрезине отправлены в гор. Конск. В уездах преступная деятельность революционеров, видимо, усиливается.

В гор. Нижнем-Новгороде 14 сего декабря мятежники, собравшиеся в вокзале, произвели выстрелы в проходивших мимо мирных манифестантов, из которых убили и ранили несколько человек; затем мятежники заперлись в доме Яковлева, у вокзала, и, устроив баррикады, вели перестрелку с казаками, в помощь коим выслана артиллерия. 15 декабря утром брошена бомба в телеграфную контору, не причинившая никому

вреда. Днем 15-го числа мятежники вновь собрались в вокзале, откуда открыли стрельбу, но артиллерийским огнем деятельность их была парализована; в вокзале сделана брешь; арестовано 10 человек, из коих один с пироксилином. Ночью были произведены аресты 20 лиц, в том числе членов комитета боевой дружины, при чем взяты часть лаборатории, бомбы и оружие. В городе закрыты городская библиотека, всесословный клуб и Народный Дом, где найдены 7 снаряженных бомб, ящик пороху, оружие и патроны.

По донесению тамбовского губернатора, состояние здоровья раненого вице-губернатора статского советника Богдановича не внушает опасения. В гор. Тамбове день 16 декабря прошел благополучно, при чем наибольшая часть мастерских работала, хотя революционная партия раскидывала воззвания, призывающие к новой забастовке. В гор. Козлове неизвестными злоумышленниками убит на посту городовой. Забастовщики, завладев железнодорожным узлом Грязи, пропускали поезда только с запасными нижними чинами и продовольствием для пострадавших от неурожая. Для восстановления порядка вызваны войска.

В гор. Самаре 16 декабря в проезжавшего по улице комендира артиллерийской бригады генерала Сергеева рядовым той же бригады Власовым были произведены 3 выстрела. Генерал Сергеев остался невредимым, но одним из выстрелов ранен кучер. Преступник задержан.

В гор. Ростове-на-Дону 13 декабря, в виду вызывающего поведения революционеров, собравшихся в столовой мастерских Владикавказской железной дороги, отказа их прекратить сборище и выдать оружие, была введена в действие военная сила, при чем здание столовой было обстреляно артиллерийскими орудиями. Собравшаяся на улице толпа при рассеянии ее оказала сопротивление, которое подавлено ружейными залпами. Со стороны толпы убито 5, ранено 52. В войсковых частях ранен 1 казак. Порядок однако на вокзале и в городе не был восстановлен, и 14 декабря войска были вынуждены вновь обстреливать здание мастерской названной дороги, где засела боевая дружина. В Темерницкой части города устроены баррикады, которые 15 декабря обстреливались артиллерией.

Брожение в заводских селениях, расположенных близ гор. Перми, продолжается. 12 декабря вышедший из Перми почтовый поезд был задержан в 4 верстах от города рабочими селения Мотовилихи, но после рассеяния толпы казаками, без употребления оружия, поезд двинулся далее. 13 декабря для охраны вышедшего из Перми поезда была выслана впереди его рота пехоты и, кроме того, в сел. Мотовилиху послана в обход сотня казаков. Мимо названного селения поезд прошел не останавливаясь, при чем из прилегающих к полотну дороги домов по поезду

стреляли. Прибывшая сотня казаков также подверглась обстреливанию револьверными залпами, причинившими поранения двум казакам. После того казаки открыли огонь по домам и вместе с пехотой разогнали стрелявших, из которых 18 человек были тяжело ранены. В одном из заводских зданий селения была обнаружена группа вооруженных рабочих, встретившая пехоту выстрелами. После залпа пехоты несколько человек из этой группы были убиты, а остальные, в числе 36, задержаны и под стражей доставлены в Пермь.

«17» декабря 1905 года.

По полученным 18 сего декабря по телефону сведениям из Москвы, войска осаждают главный корпус Прохоровской мануфактуры, где засели революционеры в значительном количестве. Около 1-го часа дня к командиру отряда явилась депутация от рабочих, в числе около 200 человек, с белым флагом, предлагая принять их сдачу. Командир отряда ответил ультиматумом выдать все оружие и указать главных зачинщиков беспорядков. Депутация ответила, что оружия на фабрике нет и что все они одинаково принимали участие в беспорядках, а потому зачинщиков указать не могут. Сдача при таких условиях не была принята, и депутация отправилась обратно на фабрику. Здание оцеплено войсками, и завтра предполагается штурм.

Арестованный 17 декабря фабрикант Шмидт, формировавший среди своих рабочих боевую дружину, содержится в здании Пресненского полицейского дома. Уцелевшие при разгроме фабрики остатки его боевой дружины сегодня два раза пытались освободить его, нападая на помещение полицейского дома, но были отбиты, потеряв в первый раз 4, а во второй раз — 2 человек убитыми. Число раненых неизвестно, так как революционеры унесли их с собой. Потерпевших среди полицейского наряда, отражавшего нападения, нет.

В остальных частях города день прошел спокойно. Были устроены многочисленные патриотические манифестации в Лефортове и у Крутицких казарм.

«18» декабря 1905 года.

По сведениям, полученным из Москвы по телефону, 19 декабря, между 10—12 часами утра, Прохоровская мануфактура занята войсками без пролития крови, и на здания водружены национальные флаги. В помещении фабрики найдено много оружия, в том числе три ручных английских пулемета усовершенствованной системы, и много трупов. Градоначальник предполагает, что трупы эти принадлежат главарям восстания, которые были убиты самими рабочими в отместку за вовлечение в мятеж. Подробности занятия фабрики пока неизвестны. На сахарном за-

воде, расположенном вблизи Прохоровской мануфактуры, войсками пристрелен неизвестный человек, на которого указывали как на одного из главных агитаторов. В городе относительно спокойно, и порядок на улицах не нарушался.

При занятии 18 декабря войсками товарной станции Московско-Курской железной дороги, которой овладели мятежники, было захвачено около 100 000 патронов.

19 декабря около станции Люберцы, Московско-Казанской линии, продолжается рассеивание мятежнической шайки, там укрывающейся. Потери мятежников, по сведениям, пока еще не проверенным, превышают 200 человек.

«19» декабря 1905 года.

Командующий войсками Сибирского военного округа телеграммою из Омска от 17 сего декабря сообщил, что единственным способом посылки служебных бумаг в его округе являются нарочные. Из Иркутска генерал-лейтенант Сухотин имеет от военных властей крайне необстоятельные донесения от 5 декабря, из коих, однако, видно, что спокойствие в городе восстановлено. По донесениям военных властей из гор. Красноярска от 17 декабря, в названном городе господствует анархия, при чем во главе бунтовщиков находится железнодорожный батальон. Верные долгу присяги остались приблизительно три сотни чинов запасного батальона и казаков. Действия мятежников выражаются между прочим в том, что они оказывают в желательном для них смысле давление на выборы думских гласных. До прибытия Красноярского пехотного полка, по мнению генерал-лейтенанта Сухотина, не предвидится никаких средств для подавления мятежа; но за полным отсутствием сведений из действующей армии остается неизвестным, когда упомянутый полк прибудет. Совершенной неожиданностью для командующего войсками Сибирского военного округа было прибытие в гор. Омск Тобольского полка. От чинов этого полка, а также от проезжающих с востока частных лиц командующим войсками получены сведения, что местности по линии Забайкальской и Манчжурской железных дорог тоже находятся в состоянии мятежа. К западу от Красноярска на всех станциях происходят публичные собрания противоправительственного характера. Управления дорог находятся в руках забастовочных комитетов, постановления которых строго исполняются, и согласно этим постановлениям не принимаются, например, шифрованные телеграммы и исключаются из расписаний скорые, почтовые и пассажирские поезда.

О подавлении военного мятежа в пределах Сибирского военного округа самыми решительными мерами, с применением военной силы, без всякой пощады и колебаний, и об арестах всех руководителей и подстрекателей железнодорожной и почтово-те-

леграфной забастовок я просил по телеграфу командующего войсками округа генерал-лейтенанта Сухотина.

«20» декабря 1905 года.

18-го сего декабря, в 10 часов вечера, в виду полученных полицией сведений о том, что ночью в типографии Лурье (Гороховая, 18) предполагается печатание № 11 «Известий Совета Рабочих Депутатов», в названной типографии чинами полиции произведен был обыск, при чем найден набор № 11 «Известий» и напечатанные прокламации под заглавиями «К солдатам» и «Солдатская Правда». У четырех наборщиков оказались револьверы. Все находившиеся в типографии лица, в числе 23 человек, отправлены в пересыльную тюрьму; арестованные не принадлежат к составу рабочих типографии Лурье и проникли туда незаметно для дежурившего у ворот дворника, но, по всей вероятности, с ведома самого владельца типографии. Типография по распоряжению градоначальника закрыта. Составленный по сему поводу протокол передается в губернское жандармское управление.

В ночь на 19-ое при проверке типографии в доме № 26 по 3-ей Рождественской улице околоточным надзирателем Макарцевым совместно с содержателем типографии купцом Минковым было усмотрено, что один из наборщиков, мещанин Белов, набирал гранки незаданной ему работы — песен рабочих под названием «Веревочка» и «Нагаечка». Кроме того, при Белове оказался один экземпляр песни рабочих на «9-е Января 1905 года».

Из типографии акционерного общества «Слово» изъят № 1 газеты «Наш Голос» в количестве 11 300 экземпляров. Типография закрыта.

Декабря «20» дня 1905 года.

В гор. С.-Петербурге 12 декабря во дворе казарм 18-го флотского экипажа был задержан, по подозрению в краже винтовки, неизвестный еврей, назвавшийся Мотелем Ташлицким. Ныне получены указания, что этот еврей проживал по чужому паспорту, привлекался в гор. Одессе к дознанию по делу о группе анархистов, был выслан под надзор полиции в Олонецкую губернию и оттуда выехал тайно за границу, где продолжал сношения с анархистами. По возвращении в Россию упомянутый еврей занимался революционной пропагандой среди матросов 14-го и 18-го флотских экипажей. К проверке изложенных указаний и к установке личности назвавшегося Ташлицким приняты меры. 13 декабря в разных квартирах, которые служили постоянным местом сборищ агитаторов «Российской социал-демократической рабочей партии», арестованы мещанин Хаим Рабинович, крестьянин Александр Андреевский, мещане Давид и Соло-

мон Штейнбоки, финляндский уроженец Александр Ювайнен, отказавшаяся назвать себя неизвестная женщина, мещанка Шева Дайг, крестьянин Дмитрий Горшков, мещанин Карл Крюгер, крестьянка Наталия Смирнова, крестьянин Алексей Арсеньев, крестьянин Иван Вайно и мещанин Петр Орлов, при чем почти у всех этих лиц отобраны вещественные доказательства их преступной деятельности. 15 декабря арестован член «союза инженеров» инженер путей сообщения Дмитрий Тиц, прибывший недавно в столицу из Киева и агитировавший там среди железнодорожных служащих в пользу всеобщей политической забастовки, при чем он уговаривал их требовать уплаты содержания непременно звонкой монетой. В отобранном по обыску у Тица письме обращает на себя внимание следующее: «Грустно это. Вышло бесцельно, безрезультатно и слабо. Поторопились объявить. А теперь при том, что происходит в Москве, Харькове, Риге и т. п., со стороны Петербурга прекращение забастовки является прямотаки изменой». 16 декабря двое рядовых 96-го пехотного Омского полка, находившиеся в наряде по охране Обуховского сталелитейного завода, задержали крестьян Илью Губарева и Федора Богданова, предлагавших им преступные воззвания. 17 декабря в чайной Невского общества народных развлечений задержаны 24 лица, принадлежащие к боевой дружине. По обыскам у них отобрано: 9 револьверов с 300 патронов, кинжал, нож и большое количество преступных воззваний. 18 декабря в квартире дочери статского советника Анастасии Кухаренко застигнуты на сходке нижние чины лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады Дмитрий Мощевитин, Михаил Тюрин, Петр Федорович, Даниил Кохальков, Иван Иванов и Николай Лукашевич, крестьянин Флориан Устинович и не пожелавший назвать себя неизвестный. В квартире Кухаренко отобраны револьвер и революционная литература. Все вышеупомянутые лица арестованы.

В Эстляндской губернии командированный для разведок в пределы Ревельского уезда отряд из 80 человек пехоты и 50 казаков обнаружил 15 декабря шайку мятежников около 50 человек, поджигавших и грабивших имение Кайль. Эта шайка, после оказания сопротивления войскам, рассеяна. Со стороны мятежников убито 16, число раненых неизвестно; задержано трое. Награбленное отобрано.

На Риго-Орловской железной дороге 9 декабря прекратилось движение до Двинска. 12 декабря началась всеобщая забастовка, прекратившаяся 15 декабря. Балтийская железная дорога все время работала, бастовала одна станция Валк. Северное движение было восстановлено с прибытием отряда генерала Орлова. Все дни телеграф постоянно повреждался, большие толпы забастовщиков рассеивались войсками, при чем были убитые и раненые.

Серьезных столкновений не было, но тем не менее было много пострадавших чинов полиции: убиты помощник пристава, околоточный, 5 городовых; ранено трое, в виду чего установлены подвижные ночные посты, подкрепляемые пехотными патрулями. В эстонских уездах Перновском, Феллинском и Верроском и на острове Эзеле начались беспорядки, а в Вольмарском усилились. В гор. Юрьеве 12 декабря произошло столкновение войск с мятежниками, при чем было ранено 11 человек. В Юрьевском в Валкском уездах действует отряд генерала Орлова. Узкоколейные железные дороги Валк — Пернов и Валк — Штокмансгоф находятся во власти мятежников. В Венденском и Рижском уездах полная анархия, сообщения нет. Открытие пассажирского движения Риго-Орловской железной дороги предполагалось 19 декабря. Все фабрики в гор. Риге работают.

В гор. Варшаве 15 декабря арестованы в числе 16 лиц руководящие члены местной боевой дружины, с отобранием у них оружия.

В декабре 1905 года в гор. Мазовце, Ломжинской губернии, банда грабителей-поляков, с бомбами, револьверами и кинжалами, воспользовавшись сменой охранных рот, ворвалась в местное казначейство и, взорвав динамитными патронами дверь кладовой, похитила 463 000 рублей. (На месте грабежа оставлены 3 бомбы, лом, топор и другие инструменты. Следствие производится под личным наблюдением прокурора. Близ погоста Замброва найдена повозка с 6 000 рублей разменной монеты).

В разных местностях Радомской губернии происходят серьезные беспорядки. 16 декабря в заштатном городе Островце, в виду того, что рабочие препятствовали отправке поезда с новобранцами, таковой поезд был отправлен под охраною войск, которые рассеяли толпу. В гминах Лясоцине, Глагове и Гржегожевице, Опатовского уезда, новобранцы насильственными действиями рабочих не были допущены к месту назначения. В Илжецком уезде в некоторых гминах новобранцы отказались следовать в гор. Радом, а в гмине Павловице, того же уезда. новобранцы были возвращены домой насилием мятежной толпы; в управлении гмины Сенно толпа уничтожила портреты его императорского величества; в посаде Вержбнике, в гминах Ржепине, Вонхонке и Тарчеке вооруженные лица препятствуют занятиям в гминных управлениях. Того же 16 декабря, в 20 верстах от станции Скаржиско, были подложены на железнодорожном мосту четыре разрывных снаряда, из коих один взорвался, причинив незначительные повреждения.

В гор. Житомире арестовано 14 анархистов, при чем отобраны были револьверы, печать группы, литература и материал для изготовления бомб.

В гор. Курске 18 декабря местным губернатором задержаны представленные ему начальником курской почтово-телеграфной конторы 22 телеграммы от имени Суджанской уездной земской управы, адресованные разным земским управам и приглашающие управы присоединиться к всеобщей политической забастовке.

Об изложенном сообщено начальнику курского губернского жандармского управления, с предложением ему сообщить полный текст упомянутых телеграмм и принять все меры к выяснению виновных в составлении и отправке таковых. В гор. Белгороде, Курской губернии, 18 декабря, во время сходки в местном железнодорожном депо, арестованы 9 членов стачечного комитета. По обыску в депо, между прочим, обнаружена рукопись, указывающая на возникновение в городе боевой организации.

Действия артиллерии, открытые 15 декабря против баррикад, устроенных в Темерницкой части гор. Ростова-на-Дону, не увенчались в этот день полным успехом. 16 числа, для окончательного подавления бунта, была вновь открыта артиллерийская стрельба. Со стороны войск и мятежников ранено 113, в том числе один офицер, убито 28, в том числе 6 нижних чинов. Отобрано много оружия и революционной литературы и задержаны 34 лица. Аресты продолжаются.

В гор. Воронеже 17 декабря арестован скрывавшийся председатель местного стачечного комитета Шингарев. 18 числа в пределах губернии, на станции Лиски, после произведенных на этой станции арестов руководителей беспорядков, рабочие бросали в войска камни и стреляли из револьверов. Войска оказались вынужденными дать по толпе два залпа.

В гор. Саратове, в виду того, что митинги приняли революционный характер и сопровождались открытым призывом к вооруженной борьбе с правительством, губернатором 12 декабря всякого рода собрания по вопросам политическим и экономическим, до успокоения города, воспрещены. Несмотря на это запрещение, 17 декабря на окраине города собрались бастующие рабочие и мастеровые, в числе до 2 000 человек. В виду того, что на сходке произносились речи революционного характера, а равно и в виду бывшей накануне попытки разгромить тюрьму и освободить заключенных, полицией были вызваны казаки. В ответ на увещания командовавшего казаками разойтись, передние ряды толпы бросились на казаков с кольями, а из задних рядов были произведены выстрелы, при чем были ранены казак и одна лошадь. После залпа спешившихся 6 казаков, толпа разбежалась, но затем завязалась перестрелка между казаками и собравшимися в группы мятежниками, из которых трое убиты и 23 ранены. Возбуждение в толпе агитаторы поддерживали лживыми слухами об успехе революционной борьбы

в Москве и о беспорядках в Петербурге. Губернатором изготовляется официальное сообщение о происшедшем, с указанием на лживость упомянутых слухов и предупреждением, что всякая попытка нарушить порядок будет подавлена силою и что дома, из которых последуют выстрелы по войскам, будут разрушены артиллерией. С возникновением железнодорожной забастовки стали повторяться погромы имений в сельских местностях. Близ Камышина из поезда похищено 120 ружей и 3 900 патронов, высланных для вооружения сельской стражи. В Ртищеве найдено и конфисковано 8 ящиков с винтовками и груз патронов, отправленных под видом музыкальных инструментов. Порядок в городах поддерживается.

В гор. Вятке 15 декабря арестовано 25 лиц, при чем по обыскам были отобраны 32 винтовки, похищенные из склада слободского уездного воинского начальника. Некоторые из обысканных оказали вооруженное сопротивление. 18-го числа в городе вспыхнуло вооруженное восстание с целью овладеть городом и губернией, при чем предположено перебить начальствующих лиц. Как со стороны мятежников, так и со стороны войск есть убитые и раненые, в том числе смертельно ранен командир Котельнического батальона. Чины батальона действуют против мятежников с усердием, но находятся в изнуренном состоянии и нуждаются в помощи, в виду чего о вышеизложенном сообщено мною военному министру, с просьбой, для подкрепления вятского гарнизона, оказать безотлагательно содействие.

В гор. Нижнем-Новгороде 15 декабря взят, в числе 21 лица, исполнительный комитет боевой организации и обнаружены 2 лаборатории для изготовления бомб, из которых одна лаборатория помещалась в Народном доме, где было найдено 7 готовых к употреблению бомб. Было отобрано оружие, значительное количество революционных изданий, флаги и ящик с порохом. 17 декабря полицией, при помощи артиллерии, нижегородский вокзал Московской дороги был очищен от мятежников, из которых один убит и несколько человек ранено; задержано 11 человек. В Сормове мятеж начинает утихать. На Малитовской фабрике вооруженные революционеры напали на малочисленную стражу, при чем из стражи было убито 2 человека. И. д. губернатора формируется вооруженный отряд на фабрике, на ее счет, и стягивается стража. Сообщение Нижнего Новгорода с Москвой происходит правильно.

В гор. Александрове, Владимирской губернии, 13 декабря на фабриках Баранова и Струнинской обнаружено холодное оружие и револьверы, отобранные ранее революционерами у чинов местной полиции. На второй из названных фабрик по обыску в помещении бюро рабочих депутатов захвачены касаю-

щиеся деятельности этого бюро бумаги. В связи с этими обысками арестован ветеринарный врач Георгий Сухорецкий.

Верно:

«20» декабря 1905 года. Директор департамента полиции.

Беспорядки, возникшие на почве революционного «манифеста» от 8 сего декабря, продолжались и за истекшую неделю, но в Петербурге общественное спокойствие, за исключением нескольких единичных случаев столкновений рабочих с воинскими патрулями и чинами полиции, попрежнему не нарушалось, и жизнь шла обычной колеей. Аресты местных революционных деятелей, главным образом из состава боевых дружин, значительно резредили силы организаций и вместе с тем привели за истекшую неделю к обнаружению двух тайных типографий с массой нелегальной литературы и значительного количества оружия, которым запаслись революционеры.

Восстание в Москве надо считать законченным, так как благодаря прибывшим из Петербурга подкреплениям, в виде бригады пехоты, захвачено 19 декабря главное гнездо мятежников — фабрика Прохоровской мануфактуры, которою они пользовались в качестве склада оружия, а также для формирования своих кадров и изготовления разрывных снарядов. Осада фабрики началась 17 декабря с прибытием в Москву лейб-гвардии Семеновского полка. Последнему было поручено очистить от мятежников весь Пресненский район, где восстание проявилось с особенной силою. Во многих местах полк встретил со стороны революционеров упорное вооруженное сопротивление, и некоторые дома приходилось брать с боя. Таким образом была разгромлена войсками мебельная фабрика Шмидта, владелец которой — студент — сам принимал энергичное участие в революционной деятельности, сформировав боевую дружину из среды своих рабочих. Он был арестован в своей частной квартире и на предложение командира Семеновского полка разоружить дружины отвечал отказом. Тогда фабрика, в виду нежелания дружинников сдаться, была взята штурмом и сожжена. Уцелевшие остатки дружины 19 декабря дважды пытались освободить Шмидта, нападая на помещение Пресненского полицейского дома, где он содержался под стражею, но оба раза были отбиты, понеся урон убитыми и ранеными. Подойдя к Прохоровской фабрике, войска встретили вооруженное сопротивление со стороны рабочих, казармы которых вследствие сего были обстреляны артиллерийским огнем и сожжены, а затем был оцеплен войсками и главный корпус фабрики. Утром 18 декабря осажденные выслали своих депутатов с белым флагом для переговоров о сдаче. Им было предложено сложить оружие

и выдать зачинщиков. На эти условия рабочие не согласились и вернулись к своим товарищам, но утром 19 декабря, видя бесполезность сопротивления, они сдались безусловно. На фабрике было найдено много трупов, принадлежащих, повидимому, главным руководителям восстания, которых рабочие, по всей вероятности, расстреляли сами в отместку за вовлечение в мятеж. Кроме того, обнаружены 4 бомбы, 28 фунтов гремучего студня, другие материалы для изготовления взрывчатых веществ и громадное количество всякого оружия, в том числе 3 усовершенствованных ручных английских пулемета. Дальнейшие обыски, а равно допрос арестованных производятся военным начальством, при чем лица, оказавшиеся наиболее виновными, тут же предаются полевому суду. Так 20 декабря расстреляны по приговору суда: техник, снаряжавший бомбы, лицо, заведывавшее складом оружия, и один рабочий, убивший во время восстания околоточного надзирателя Сахарова. В других районах города спокойствие также восстановлено при помощи войск. Железные дороги очищены от мятежников, при чем при захвате товарной станции Московско-Курской дороги, которая была во власти революционеров, у них отобрано около 100 000 патронов. Для восстановления движения по Московско-Казанской дороге пришлось прибегнуть к отдельной экспедиции. Направленный вдоль линии дороги казачий отряд имел несколько столкновений с мятежниками, убив свыше 300 человек. Кроме того, 63 главных руководителя движения были расстреляны. Потери революционеров за время беспорядков определяются приблизительно в 10—12 тысяч человек. Потери со стороны полиции и войск очень незначительны и не превышают 70 человек. Теперь жизнь в городе мало-по-малу начинает входить в обычные условия. Относительное спокойствие наступило уже 18 декабря, когда революционеры, сознавая бесполезность дальнейшей борьбы, отказались от насильственных действий и распорядились уничтожением баррикад. Настроение среди главарей партий угнетенное, под влиянием тяжелых потерь, явившихся для них результатом восстания, но революционный фанатизм не позволяет им в этом сознаться, а потому, прекращая борьбу, они заявили, что не считают дело проигранным и откладывают решительный бой до марта месяца. Жертвою мятежников пал, между прочим, в Москве начальник сыскной полиции Войлошников, проживавший на частной квартире в районе Пресненской части. К нему ворвалось несколько революционеров, прочитали ему смертный приговор от имени партии, предложили проститься с женой и детьми и, выведя на улицу, расстреляли его. Для характеристики приемов борьбы, к которым прибегали мятежники, может послужить также и тот факт, что многие из них для удобства нападения переодевались в женские платья.

Относительно беспорядков в других местностях империи получены за истекшую неделю нижеследующие сведения.

В гор. Нижнем-Новгороде волнения среди рабочих сопровождались вооруженным столкновением с войсками и устройством баррикад, которые были разрушены артиллерийским огнем. Действию артиллерии был также подвергнут вокзал Московско-Нижегородской железной дороги, которым овладели мятежники, после чего они сдались. Предпринятыми арестами взят 15 декабря весь исполнительный комитет местной боевой группы, при чем обнаружены две лаборатории для изготовления бомб. Одна из таких лабораторий помещалась в Народном доме, который и закрыт. 19 декабря было задержано на улице два лица с бомбами. При разряжении бомб взрывом убит судебный следователь. Спокойствие в городе восстанавливается.

В гор. Вятке 18 декабря вспыхнуло вооруженное восстание с целью овладеть городом и губернией путем избиения начальствующих лиц. Встретив отпор со стороны войск, революционеры заперлись на водопроводной станции. Одновременно с тем в здании фельдшерских курсов собрались участники крестьянского съезда, также в большинстве вооруженные. Последняя группа вскоре сдалась, но революционеры, находившиеся в здании водокачки, оказали упорное сопротивление. На помощь им подоспели их товарищи, но были атакованы воинской командою, потеряв двух убитыми и несколько раненными. Со стороны войск убито двое и один ранен. 18 декабря вечером сдалась наконец и партия революционеров, занимавшая водопровод. Всего до 20 декабря арестовано 80 мятежников, и захвачено у них 90 винтовок из числа похищенных ими 306 винтовок из склада слободского уездного воинского начальника. Положение города очень тревожное. Приняты меры к усилению местного гарнизона и к аресту главных руководителей движения. Губерния объявлена на положении усиленной охраны.

В гор. Екатеринославе революционеры почти неделю держали в страхе весь город. Они ходили по частным квартирам, вымогая деньги для своих преступных целей, и насильственно закрывали торгово-промышленные заведения. Центром их деятельности явился заводский район, совершенно подчинившийся влиянию боевого стачечного комитета. Туда переселились все крупные революционные силы, так как администрация, за отсутствием достаточного количества войск, не могла проникнуть в район для производства арестов. Все ближайшие к городу железнодорожные станции оказались забаррикадированными. 18 декабря в город прибыл Симферопольский пехотный полк, прорвавшийся из Севастополя, очищая по пути своего следования станции железной дороги от мятежников. Около станции Нижнеднепровск полк подвергся обстрелу, но потерь не понес.

С прибытием полка было приступлено к производству арестов. В пределах губернии особенно крупные беспорядки возникли в Бахмутском уезде, главным образом в местечке Горловке, где при подавлении мятежа военною силою убито свыше 300 революционеров. Со стороны войск потери выразились 3 убитыми и 12 ранеными нижними чинами. Захвачено было до 500 мятежников; по приведении к присяге они отпущены. У них отобрано до 7 000 патронов, свыше 300 пик, много ружей, винтовок, револьверов, динамита и 2 бомбы.

В гор. Ростове-на-Дону беспорядки сопровождались устройством баррикад в Темерницкой части города и в окрестностях вокзала, взятие которых подготовляется артиллерийским огнем. 15-го и 16-го мятежники вступили в открытое столкновение с войсками, понеся значительный урон. У них было отобрано много оружия. Градоначальство объявлено на военном положении. Слабое место Ростова заключается в удобстве сообщения революционеров с поездами Владикавказской дороги, которая доставляет им боевые припасы и поддержку людьми. Местным властям предложены самые решительные меры к подавлению мятежа вооруженной силою.

Во время происходивших беспорядков главное внимание революционеров было обращено на перерыв железнодорожных сообщений. Везде, где возможно, они пытались захватить в свои руки железнодорожные станции и не останавливались даже перед порчей пути. Так, например, с целью прервать сообщение между Москвой и Петербургом и тем помешать подвозу войск для подавления восстания в Москве, они, при помощи рабочих Тверской Морозовской мануфактуры, устроили заграждение из телеграфных столбов и разрушили часть пути между станциями Брянцево и Кулицкой Николаевской железной дороги. Рабочие были рассеяны отрядом войск, посланным из Твери. Затем во власти мятежников оказались большинство станций Юго-Восточных железных дорог, а также и Екатерининской и Либаво-Роменской. Для очищения этих станций направлены войска, которые успешно выбивают мятежников и восстанавливают движение, по мере возможности. Особенно в тяжелых условиях был город Гомель, но и там теперь движение восстановлено, благодаря массовым арестам при помощи войск.

Из большинства местностей империи поступили за истекшую неделю сведения о произведенных арестах главарей революционного движения. Результаты, достигнутые следственными действиями, оказались вполне благоприятны. Обнаружено несколько тайных типографий, мастерских для изготовления разрывных снарядов, масса нелегальной литературы и оружия, в том числе бомбы. Между прочим, в гор. Одессе перехвачен транспорт оружия, в количестве 42 000 патронов, который местные революци-

онные партии хотели обманным способом захватить в свои руки. Получатель груза успел скрыться.

Истекшая неделя ознаменовалась также рядом покушений на жизнь некоторых чинов администрации. 15 декабря в гор. Тамбове тяжело ранен вице-губернатор статский советник Богданович, ныне уже скончавшийся от раны. Того же 15 декабря смертельно ранен в гор. Минске помощник полицеймейстера Шкляревич. 18 декабря в гор. Царицыне совершено покушение на жизнь местного полицеймейстера. И, наконец, в ночь на 20 декабря тяжело ранен управляющий Уфимскою губерниею вице-губернатор, камер-юнкер Высочайшего двора, надворный советник Келеповский. Преступники, посягавшие на жизнь этих лиц, задержаны и будут преданы военному суду. На этой же неделе в гор. Одессе имел место нижеследующий случай, носящий характер мести революционеров уже по отношению ко всему обществу. 17 декабря, в кофейню Либмана, посещаемую интеллигентною публикою, неизвестными злоумышленниками было последовательно брошено четыре бомбы, из которых две попали в отдельный кабинет, занятый 4 лицами, причинив им поранения, третья, не разорвавшись, попала в никем не занятую комнату кондитерской, а четвертая пролетела мимо окна и, ударившись об стену, разорвалась на улице, легко ранив проходившую девочку. Пятая бомба оказалась лежащею на улице и была поднята прапорщиком Охримовичем, который отнес ее в участок. Там взрывом ее убито два околоточных надзирателя и тяжело ранено пять офицеров, доставивших вместе с Охримовичем эту бомбу в участок.

Восстание латышей в губерниях Лифляндской и Курляндской продолжается. Для водворения порядка посланы значительные войсковые подкрепления в составе всех трех родов оружия, действиями которых очищены от мятежников города Валк, Крейцбург, Якобштадт и местечко Штокмансгоф. Вместе с тем предпринима́ются экспедиции в окрестные волости, сопровождаясь арестом главных зачинщиков беспорядков. В самом городе Риге настроение рабочих, под влиянием непрекращающейся революционной агитации, продолжает быть тревожным, при чем одно время были даже попытки к устройству в городе баррикад. 20 декабря, утром, расположенный на фабрике «Проводник» взвод драгун подвергся внезапно нападению шайки злоумышленников, убившей 11 нижних чинов и ранившей 7. Здание фабрики было оцеплено войсками. На предложение сложить оружие и выдать зачинщиков рабочие ответили отказом, в виду чего по фабрике было сделано 6 орудийных выстрелов, обративших рабочих в бегство, которое было остановлено пулеметами. Тогда рабочие, в числе 1 600 человек, сдались и были обезоружены. Ими указано 22 зачинщика в напа-

дении на драгун, из коих 18 уже арестованы, 4 скрывшихся приказано рабочим доставить, до исполнения же этого приказания задержано 37 делегатов рабочих.

На ряду с движением латышским стало за последнее время обостряться брожение среди эстонцев. С особенною силою проявляется оно в Ревельском уезде, где появилось несколько вооруженных банд, состоящих преимущественно из рабочих ревельских фабрик и заводов. Мятежниками разграблено и сожжено за истекшую неделю около 40 помещичьих имений. Для водворения порядка, из Ревеля направляются военные экспедиции в охваченные восстанием местности. Один из таких отрядов имел 15 декабря вооруженное столкновение с повстанцами около имения Койль, заставив их выдать награбленное имущество. Шайка была рассеяна, потеряв 16 человек убитыми. Из Ревельского уезда движение распространяется на уезды Гапсальский и Вейссенштейнский, сопровождаясь и там разгромом имений. Во главе эстонского восстания стоит помощник присяжного поверенного Темавт. Местным властям предложено принять самые энергичные меры к поимке и аресту Темавта, а также других зачинщиков беспорядков, и подавлению мятежа силою оружия.

В губерниях Привислинского края также продолжается брожение. В Варшаве, например, 16 декабря в еврейских кварталах города была попытка устроить баррикады, не удавшаяся благодаря принятым мерам. Многочисленные аресты вырывают из революционной среды наиболее энергичных и предприимчивых представителей движения. Последние обыски привели еще к обнаружению заготовленных революционерами для активных действий против полиции и войск 20 снаряженных бомб, 37 фунтов динамита, значительного количества материала для изготовления взрывчатых веществ и оружия. Серьезные беспорядки происходят также и в Радомской губернии, выражаясь главным образом в стремлении не допускать приема новобранцев, самовольном смещении должностных лиц, разгроме гминных управлений и казенных винных лавок и т. п. Кроме того, 16 декабря была сделана попытка взорвать железнодорожный мост в 20 верстах от станции Скаржиско Привислинской железной дороги. Из числа подложенных злоумышленниками 4 снарядов взорвался только один, причинив незначительное повреждение пути.

О положении дел в Кавказском наместничестве сведений не поступало уже около 2 недель. Вследствие сего на Кавказ командирован особый офицер корпуса жандармов, с поручением объехать все тамошние губернские города, ознакомиться через местных властей с обстоятельствами последнего времени и при первой же возможности телеграфировать о ре-

зультатах своей поездки. Единственным пока источником для характеристики дел на северной окраине Кавказа может служить всеподданнейшая телеграмма вице-адмирала Чухнина, в которой он представлял вашему императорскому величеству отчет по командировке военного судна «Днестр» для перевозки пластунов из Новороссийска в Батум. По словам командира судна, в Новороссийске царит полная анархия.

Относительно Сибири командующий войсками Сибирского военного округа телеграммою от 17 декабря сообщает, что в гор. Красноярске также господствует анархия, при чем во главе бунтовщиков находится железнодорожный батальон. Верными долгу присяге остались приблизительно три сотни чинов запасного батальона и казаков. Действия мятежников выражаются, между прочим, в том, что они оказывают в желательном для них смысле давление на выборы думских гласных. От чинов прибывшего в город Омск Тобольского полка, а также от проезжающих с востока частных лиц, командующим войсками получены сведения, что местности по линиям Забайкальской и Манчжурской железных дорог тоже находятся в состоянии мятежа. К западу от Красноярска на всех станциях происходят публичные собрания противоправительственного характера. Управления дорог находятся в руках забастовочных комитетов, постановления которых строго исполняются, и, согласно этим постановлениям, не принимаются, например, шифрованные телеграммы и исключаются из расписания скорые, почтовые и пассажирские поезда. О подавлении мятежа в районе Сибирского военного округа вооруженной силой, без всякой пощады и послабления, я просил генерал-адъютанта Сухотина.

Относительно аграрных беспорядков, выражающихся главным образом в самовольном истреблении крестьянами лесов в частновладельческих и казенных дачах, поступили за истекшую неделю сведения из губерний: Бессарабской, Екатеринославской, Минской, Могилевской, Полтавской, Пермской, Черниговской. В Черниговской губернии в Стародубском уезде и Верхнеднепровском уезде Екатеринославской губернии крестьянские волнения сопровождались также разгромом помещичьих усадеб. Относительно положения в Пермской губернии совет съезда горнопромышленников на Урале признает его крайне тяжелым и угрожающим разорением заводского дела, в виду проявленного за последнее время со стороны революционных элементов и заводских поселян ряда насилий над служащими горных заводов и даже захвата революционерами заводского управления в свои руки, как, например, на Чермозском заводе князя Абамелек-Лазарева. О командировании для восстановления спокойствия в губернии еще одного казачьего полка сделано сношение с военным министерством.

По поводу революционного брожения в войсках за истекшую неделю, помимо случаев, указанных выше, получены сведения об усиленной пропаганде, которую ведут революционеры среди войсковых частей Казанского гарнизона. 15 декабря, при аресте представителей местной революционной группы, на сходке, было задержано 11 нижних чинов. Затем 18 декабря в Петербурге, в квартире дочери статского советника Кухаренко, задержано на революционной сходке 6 нижних чинов лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады. И, наконец, того же 18 декабря во время беспорядков, происходивших в гор. Вятке, один из рядовых, поддерживавших сношения с революционерами, выстрелом из винтовки смертельно ранил своего батальонного командира. По обыскам, произведенным за последнее время, обнаружена масса нелегальной литературы, специально приспособленной для пропаганды в войсках.

« » декабря 1905 года.

В Лифляндской губернии 18 декабря, по донесению свиты его императорского величества генерал-майора Орлова, 5-й эскадрон улан был обстрелян на разведке у Мариенбурга вооруженной бандой бунтовщиков, которая успела затем бежать по железнодорожной линии, но предводитель ее пойман и расстрелян. Движение по Псково-Рижской дороге вполне восстановлено, и беспорядки в Вольмарском и Венденском уездах, в виду ожидания прибытия туда отряда, заметно стихают, при чем наиболее серьезное положение существует в следующих очагах восстания: Руене и Мойзекюле на Перновской ветке, в местечке Лемзале на севере Вольмарского уезда и по линии Мариенбург—Нейгаузен. В Валке порядок водворен, агитаторы арестованы и приступлено к разоружению жителей и рабочих. Водворение местных властей произведено уже почти во всем уезде и поверено посылкой летучих колонн. 19 декабря генералом Орловым послан был отряд в четыре эскадрона с двумя орудиями к местечку Руену, на железной дороге к Пернову, в 45 верстах от Валка, где собралась значительная шайка вооруженных мятежников. Предложение немедленно выдать главарей и оружие исполнено не было, почему открыт артиллерийский огонь, и после шести выстрелов главари и оружие были выданы.

В Радомской губернии 18 декабря толпа вооруженных рабочих, напав на станцию Вержбник Привислинских железных дорог, уничтожила документы по товарной и сберегательной кассам и захватила переписку жандармского унтер-офицера и 500 рублей, попортив, кроме того, телеграфные и телефонные аппараты. 20 декабря означенная станция подверглась новому нападению толпы заводских рабочих, евреев и крестьян, кото-

рые, разоружив двух стражников, разгромили помещение станции, почтовое отделение, гминный суд и управление. В Шидловце Конского уезда неизвестными злоумышленниками разоружены стражники и ограблены почтовое отделение и гминное управление, в пяти же верстах от Радома срезаны 9 телеграфных столбов. 21 декабря в Радоме в возвращавшихся домой вечером пять жандармских вахмистров была брошена бомба, которая разорвалась, не причинив им вреда. Злоумышленники, преследуемые выстрелами жандармских чинов, успели скрыться, оставив на месте револьвер.

В гор. Харькове заметно значительное успокоение, хотя большие фабрики и заводы продолжают бастовать. Приняты меры к разоружению рабочих. Станция Люботин, Харьково-Николаевской железной дороги, находившаяся во власти мятежников, 21 декабря очищена от таковых войсками, при содействии коих производятся аресты главарей.

В гор. Воронеже 22 декабря рабочие железнодорожной станции получили расчет. Около третьей части общего числа рабочих к расчету не явилось. Кучки организованных рабочих, уговаривавших вне станции своих товарищей не итти к расчету, разгонялись казачьими патрулями. На узловой станции Лиски более 400 рабочих спокойно стали на работу.

В гор. Ростове-на-Дону 21 декабря магазины и мастерские были открыты, движение трамвая восстановилось, и приняты меры к восстановлению железнодорожного движения. Вооруженное восстание в названном городе и Нахичевани совершенно подавлено. Часть мятежников, оставивших баррикады, в виду решительных действий войск, проникла в Нахичевань, где заняла столовую завода Аксай, перенеся туда разрывные снаряды, патроны и более 40 ружей. От нечаянного взрыва бомбы произошел пожар столовой, при чем от взрыва и огня пострадало 12 человек революционеров, из коих 9 человек убито и трое ранено. В Темернике и железнодорожных мастерских взято 14 ящиков патронов, более 40 пудов пороха, оружие, динамит, материалы для изготовления разрывных снарядов, 2 ящика противоправительственных воззваний, мимеограф, красное знамя и сигнальная пушка. Арестовано 64 революционера, прочие же члены боевых дружин сосредоточились на станциях Батайск и Заречная, куда посланы войска. Производятся аресты и обыски тех домов, откуда мятежники стреляли по войскам.

Состояние здоровья тяжело раненного 20 декабря в Уфе местного вице-губернатора камер-юнкера высочайшего двора Келеповского в общем удовлетворительно. Все три раны огнестрельные, сквозные, при чем две из них — в левом плечевом суставе и правой наружной лодыжке,— по мнению врачей,

никакой опасностью не угрожают, третья же рана, в верхней области живота, повидимому задела левую почку, и исход ее в настоящее время определить невозможно.

« » декабря 1905 года.

20—21 сего декабря близ станции Терионки Финляндской железной дороги происходили собрания «Исполнительной Комиссии С.-Петербургского Совета рабочих депутатов», при участии 133 лиц, коими были рассмотрены вопросы финансовые и организационные и была принята резолюция по поводу последней забастовки и по вопросу о вооруженном восстании. Финансовое положение «Совета рабочих депутатов», как выяснено на означенных собраниях, представляется в следующем виде: в кассе Совета имеется налицо 16 445 руб. и, по случаю ареста кассира, неизвестно, где находятся принадлежащие Совету 12 000 руб.; «Союзом Союзов» передано в кассу Совета 6 000 руб. Из этих сумм Совет ассигновал на покупку оружия 3 000 руб. Для приобретения такового Совет выделил из своей среды особую группу лиц. В организационном отношении постановлено: от каждого рабочего района столицы ввести в «Исполнительный Комитет Совета рабочих депутатов» по 2 лица с правом решающего голоса; с правом совещательного голоса ввести в «Исполнительный Комитет» по одному лицу от следующих организаций: центрального и местного комитетов «Российской социал-демократической рабочей партии», центрального и местного комитетов «партии социалистов-революционеров», «Военной Организации» и «Центрального Комитета» мелких союзов; от «Союза Союзов», также с правом совещательного голоса, в «Исполнительный Комитет Совета рабочих депутатов» ввести 2 лиц. Собрания «Исполнительного Комитета» должны происходить еженедельно; собрания «Совета рабочих депутатов» не более двух раз в месяц. По вопросу последней забастовки и по вопросу о вооруженном восстании принята следующая резолюция: «Забастовка и восстание не прошли потому, что представители групп не успели столковаться с другими городами и так как желание массы было выступить в январе. Как всеобщая забастовка, так и вооруженное восстание окончательно и удачно могут пройти не ранее апреля. 9 января будущего года необходимо испробовать настроение массы устройством демонстративных единичных набегов боевых дружин на участки и правительственные учреждения и трехдневной забастовкой по желанию заводов».

В гор. Риге утром 21 декабря ворвавшиеся в контору мукомольни Куна рабочие убили владельца, после чего скрылись. В тот же день арестовано несколько видных агитаторов и членов боевой дружины.

22 декабря в гор. Режице, Витебской губернии, в квартире мещанина Абрама Берлина обнаружена мастерская бомб. По обыску взято пять оболочек для метательных снарядов и значительное количество взрывчатых веществ. Берлин арестован.

Днем 22 декабря в гор. Радоме, на главной улице, в помощника уездного начальника Станкевича неизвестными злоумышленниками, успевшими скрыться, была брошена бомба, взрывом которой Станкевич убит и ранены проходившие мимо места взрыва женщина и поручик Могилевского полка Тетерин.

В гор. Конотопе, Черниговской губернии, где железнодорожные беспорядки разыгрались с особенной силою, с объявлением военного положения, во главе всех железнодорожных служб поставлены офицеры, коим подчинены все железнодорожные агенты. Недостаток в младших служащих пополнен, где нужно, нижними чинами. Все служащие телеграфа набраны вновь. Железнодорожные мастерские заперты, и работы в них прекращены, а потому часть паровозов, испортившихся от отсутствия правильного ухода, еще не починена. Недостаток в паровозах мешает восстановить правильное движение по линии. Поезда хотя и ходят беспрепятственно, но не по расписанию. Чувствуется также недостаток в топливе. Внешний порядок на станции и в городе за последние дни не нарушался. Аресты революционеров продолжаются. У многих отобрано оружие.

В Екатеринославской губернии наступает частичное успокоение. Екатеринослав, кроме предместий, принял обычный вид. Вожаки революционеров арестованы, и в Александровских железнодорожных мастерских возобновились занятия; станции Гришино и Авдеевка, являвшиеся последним оплотом забастовщиков, заняты войсками. Движение на Синельниковской железнодорожной ветке возобновилось.

23 декабря в гор. Одессе, на основании полученных охранным отделением агентурных сведений, на одной из окрестных дач арестованы еврей Моисей Мец и Бейла Шерешевская, виновники взрыва в Одессе, бросившие четыре бомбы в кондитерскую Либмана. Они оказались сами сильно пораненными той бомбой, которая не попала в окно кондитерской и разорвалась на улице. Доставившие названных лиц, после совершения ими злодеяния, к себе на дом и ухаживавшие за ними: сын дачевладельца Станислав Ашашек и известная террористка Ольга Таратута — арестованы. По обыску на даче найдены заряженные ружья, револьверы, патроны и окровавленное платье.

В гор. Феодосии 18 декабря взбунтовалось около 100 человек нижних чинов расквартированного в городе Виленского полка. По прибытии из Севастополя войск с пулеметами, бунт был усмирен без пролития крови; бунтовщики, часть коих разбежалась, сдались. Настроение в городе весьма тревожное.

В гор. Ростове-на-Дону вооруженное восстание можно считать уже покончeнным. 21 декабря все магазины и мастерские были открыты, и возобновилось движение городского трамвая. Баррикады все разрушены. Группы мятежников, сосредоточившиеся в Затемерницкой части города, а равно в железнодорожных мастерских, рассеяны. Арестованы из них пока 64 человека, но аресты продолжаются. По обыскам найдено: 14 ящиков патронов, более 40 пудов пороха, оружие, динамит, материал для изготовления разрывных снарядов, 2 ящика революционных воззваний, мимеограф, красное знамя и сигнальная пушка. Из Ростова мятежники перекинулись в Нахичевань и захватили там столовую завода Аксай, куда перенесли разрывные снаряды и оружие. От нечаянного взрыва одной из бомб столовая загорелась. Пожаром оружие уничтожено. Кроме того, от огня и взрывов погибло 9 революционеров и трое ранено. Остатки ростовских революционных «боевых дружин» сосредоточились за железнодорожным мостом, на полустанках Батайск и Заречная. Для ареста их посланы войска.

В гор. Астрахани в ночь на 21 декабря было произведено 50 обысков у обнаруженных наблюдением активных революционных деятелей. По обыскам у многих из них отобрано оружие. Из числа обысканных — 13 человек арестовано. На противоправительственные элементы эти аресты произвели сильное впечатление. В городе спокойно, работы продолжаются. Меры охраны порядка приняты.

На станции Рузаевка, Пензенской губернии, где сосредоточился в последние дни стачечный комитет Московско-Казанской железной дороги, захватив станцию в свои руки, мятежники рассеяны военной силою. Арестовано 19 главных руководителей забастовки. У них найдено оружие и две бомбы. 22 декабря движение поездов по линии восстановлено.

В Воронежской губернии с 23 декабря вновь усилилось аграрное движение в Богучарском уезде. В имениях Ширинкиной, Вальрод и Грековой произведены погромы и сожжен инвентарь. Настроение крестьян в других местностях уезда также тревожное, в виду чего на место командирован казачий отряд.

« » декабря 1905 года.

В С.-Петербурге в ночь на 24 декабря арестовано 54 лица, входящие в состав боевых дружин «партии социалистов-революционеров», и в том числе выдающаяся деятельница упомянутой партии, три раза по делам ее привлекавшаяся к дознаниям, дочь статского советника Серафима Клитчоглу, в квартире которой задержана неизвестная, назвавшая себя Софией Хренковой. Личность последней устанавливается. Кроме революционной литературы, у многих из числа арестованных ото-

брано разнообразное оружие: револьверы, ружья и кинжалы, а у домашней учительницы Елизаветы Зверевой взято 14 бомб, из них три совершенно готовых и семь снаряженных, но без запала, 7 пачек динамита и сверток бикфордова шнура. 26 декабря в дер. Мурзинке в квартире мещанина Иогансона произошел взрыв 47-миллиметрового снаряда. По показанию оказалось, что причиною взрыва была попытка Иогансона открыть крышку снаряда. Взрывом у него оторваны обе ноги. На квартире найдены еще два таких же снаряда, и один снаряд обнаружен в квартире некоего Белова, подвергшегося обыску по сношениям с Иогансоном.

В Эстляндской губернии успешными действиями воинских отрядов, в особенности после прибытия морских команд, восстание подавлено. Повстанческие шайки разбежались. Для восстановления порядка в уездах, пограничных с Лифляндской губернией, командирован отряд из полутора эскадрона кавалерии, роты пехоты и взвода артиллерии.

В Курляндской губернии в гор. Виндаве 23 и 24 декабря арестованы в числе 19 лиц члены местного революционного комитета. Четверо из них, пытавшиеся бежать, убиты конвоирами.

В гор. Свенцянах, Виленской губернии, 24 декабря при задержании на базаре вора, толпа крестьян напала на чинов полиции и атаковала местное полицейское управление. Вызванною полуротою Уфимского полка скопище было рассеяно. Из толпы один убит и один ранен.

В Радомской губернии повсеместно возрастает революционное движение, при чем в самое последнее время особенно усилились действия мятежнических шаек в уездах Радомском, Опатовском, Илжецком и Конском и отчасти в уезде Опочском. Очагами движения являются города Радом и Островец и м. Вержбник. Некоторыми шайками руководят помещики и ксендзы. Действия шаек выражаются в разгромах правительственных учреждений, казенных винных лавок и гминных управлений, в нападениях на должностных лиц и разграблении их квартир, в смещении гминных властей и замене их своими ставленниками, в постановке гминных приговоров об автономии Польши, в принуждении учителей вести преподавание только на польском языке и в предъявлении к населению требований об отказе от взноса податей и доставки новобранцев и о воспрещении выбирать торговые документы на предстоящий год. Мятежнические шайки встречают в населении общее сочувствие, вследствие чего деятельность уездных властей поставлена в чрезвычайно затруднительные условия, и таким образом с 17 по 25 декабря из состава мятежнических шаек удалось задержать всего 16 лиц.

В Полтавской губернии, в местечки Сорочинцы и Устивица, Миргородского уезда, в виду того, что население этих местечек, под влиянием революционной агитации, заявило об отказе платить подати и ставить новобранцев и закрыло казенные винные лавки, а в первом из них — арестовало даже станового пристава и других местных полицейских чинов, был командирован 19 декабря с воинским отрядом помощник исправника Барабаш. По прибытии отряда в Сорочинцы мятежники вступили с ним в вооруженное столкновение, понеся с своей стороны потери в числе 18 убитых и 45 раненых. В этом столкновении Барабаш был убит, войска же, не подавив мятежа, отступили. Командированному затем 20 декабря в Сорочинцы и Устивицу старшему советнику полтавского губернского правления Филонову удалось привести население к покорности и раскаянию и арестовать зачинщиков и подстрекателей, при чем в этих местечках были постановлены общественные приговоры об удалении порочных членов. Виновные в убийстве помощника исправника Барабаша будут преданы военному суду.

В гор. Николаеве, Херсонской губернии, произведенным обыском в слесарно-механической мастерской Гохберга была обнаружена лаборатория для изготовления разрывных снарядов, в которой вместе с разными химическими веществами, необходимыми для таковых снарядов, были отобраны более 20 фунтов пуль, дроби, обрезков железа для снаряжения бомб и 11 железных оболочек для бомб,— «фугасов». Задержанные в этой мастерской три мужчины и одна женщина назвались мещанами Гиршем Зильберманом, Шабсом Гейсманом, Гершем Гольдштейном и Хавой Айзенберг. Гольдштейн и Айзенберг занимались изготовлением бомб. По делу производится дознание. Упомянутый обыск был результатом тщательного наблюдения со стороны местной жандармской полиции, при чем было установлено, что лица, арестованные в мастерской Гохберга, принадлежат к образовавшейся недавно в городе Николаеве группе анархистов-коммунистов и что изготовлявшиеся ими бомбы предназначались для покушения на жизнь николаевских градоначальника и полицеймейстера.

В пределах Херсонской губернии, в м. Долгинцеве, двумя тысячами мятежных рабочих руководит комитет из пяти лиц, во главе которого находится учитель Поляков, охраняемый тридцатью вооруженными рабочими. К мятежникам примкнули рабочие ближайших рудников и крестьяне окрестных деревень. В руках мятежников находятся часть Екатерининской железной дороги и Ингулецкая ветка. Мятежники вооружены ружьями и револьверами, частью отобранными у солдат и станционных жандармов; кроме того, они имеют 20 пироксилиновых бомб. Из Херсона, для подавления мятежа, отправлены войска.

В гор. Астрахани в ночь на 24 декабря задержаны на сходке 50 лиц, прикосновенных к деятельности местных революционных организаций. На требование жандармской полиции следовать в полицейское управление, для установки личностей. задержанные ответили отказом, и лишь по вызове наряда казаков, не употреблявших, однако, в дело оружия, сказанное требование было исполнено.

Заведующий полицией на Кавказе сообщил мне в двух телеграммах относительно положения дела в Кавказском наместничестве нижеследующие сведения:

1. Под влиянием боязни татарского нашествия революционные партии Тифлиса притихли, и несколько дней не было ни одного политического убийства. Партия революционная, демократическая, террористы и нигилисты перессорились между собою и взаимно парализуют друг друга. Предполагаемая забастовка Закавказской дороги колеблется, и если будет, то недолгая и вялая. Почта и телеграф, по вине и нерешительности телеграфного начальства, еще не работают. Судебные власти, ссылаясь на неполучение официального текста новых законов о печати и стачках, бездействуют, чем пользуется печать и пишет невозможные воззвания. В губерниях Эриванской и Елисаветпольской продолжаются армяно-татарские столкновения. В Баку сравнительно спокойно. В Батуме, вследствие нападения революционеров на казаков, отбитого казаками с большим уроном для нападавших, возникли беспорядки, были устроены баррикады и началась стрельба в войска, но с объявлением крепости в осадном положении и под влиянием угрозы разгромить город орудиями, революционеры разбежались, и все успокоились. Кутаисская губерния в особом положении: властей, кроме губернатора, не признают; жандармов обезоружили, завладели западным участком дороги, сами продают билеты и наблюдают за порядком. Кутаисский губернатор, сам член организации, докладывал, что, во время столкновения жителей с казаками, в сооружении баррикад на улицах участвовал прокурор суда. Донесений из Кутаиса не получается; жандармы с линии сняты и сосредоточены в Тифлисе. Посылаемые с донесениями нарочные обыскиваются революционерами, которые отбирают от них бумаги. Войска безусловно надежны, но столь малочисленны, что активных действий предпринять нельзя. Случаи волнения в войсках ничтожны и, с уходом запасных, прекратились. Северный Кавказ сравнительно спокоен. Настроение хорошее. Общее настроение наместничества можно считать устойчивым, впрочем, в зависимости от общего положения в России, но если возникнут крупные беспорядки, то будут сейчас же прекращены, так как солдаты с туземным революционным элементом никогда не сойдутся, что очень угнетает местные комитеты. Наместник болен нервным пе-

реутомлением; очень слаб, но принимает важнейшие доклады. Положение его пока не безнадежное.

2. Сравнительно мирное настроение революционных партий в Тифлисе изменилось с получением сведений об устройстве почтово-телеграфной забастовки в империи, о присоединении к ней политической забастовки железных дорог, об аресте главарей крестьянского союза и о приостановке петербургских газет, напечатавших известный «манифест» Совета рабочих депутатов. Начались многолюдные митинги, на которых постановлено присоединяться к общей забастовке, ввести принудительную забастовку всех торговых заведений в городе и заняться подготовкой вооруженного восстания. Активные действия революционеров выразились в насильственном повышении цен на жизненные продукты и в захвате железнодорожной линии на Север. Революционерами высказывается намерение бойкотировать все правительственные учреждения с целью заставить чиновников примкнуть к забастовке. Газеты крайних партий «Кавказский Рабочий Листок» и «Елисаветпольский Вестник» поддерживали в обществе мятежное настроение, призывая к вооруженному восстанию и угрожая в будущем не примыкающим к забастовке гильотиной. Эти газеты распоряжением судебной власти ныне приостановлены. В виду выраженного крайними партиями желания приступить к вооруженному восстанию, Тифлис и Тифлисский уезд объявлены на военном положении, с предоставлением прав генерал-губернатора помощнику наместника генерал-лейтенанту Маламе. Начат арест членов стачечного бюро и комитетов почтового и железнодорожного. Закавказская железная дорога передана ведению военного управления. Все эти меры заметно понизили настроение. На Северном Кавказе, кроме Кисловодска, захваченного революционерами, сравнительно спокойно.

От енисейского губернатора получены нижеследующие сведения о положении дел. В г. Красноярске руководимые местными революционными организациями железнодорожные рабочие, при содействии взбунтовавшегося железнодорожного батальона и пользуясь отсутствием войск, захватывают в городе власть. Количество мятежников определяется в несколько тысяч человек. Большинство их вооружено. Местный батальон хотя и не передался открыто на сторону мятежников, но, по отзыву начальника гарнизона, совершенно не надежен. В этом батальоне один из офицеров самовольно принял на себя командование, а военные власти в гор. Красноярске не нашли возможным арестовать его. 8 декабря вооруженные мятежники захватили губернскую и частные типографии. 9 декабря мятежниками было выпущено воззвание о выборе нового состава гласных красноярской городской думы на началах всеобщего избирательного права и была устроена, с участием бунтующего железнодо-

рожного батальона, многолюдная революционная демонстрация. С 10 декабря мятежниками установлена вооруженная охрана города. 15 декабря вооруженная толпа, ворвавшись в полицейские части, обезоружила находившихся там чинов полиции и жандармов. В ночь на 16 декабря мятежники нападали на постовых городовых и обезоруживали их. Из числа возвращающихся из действующей армии эшелонов, при содействии коих возможно было бы приступить к водворению в городе порядка, военные власти с 17 декабря задержали только одну роту, численностью 160 человек, с помощью коей занята и охраняется почтово-телеграфная контора, а служащие в ней, все участвующие в почтово-телеграфной забастовке, уволены. Обращенное енисейским губернатором к начальнику гарнизона в Красноярске требование о задержании других эшелонов в количестве, достаточном для подавления бунта, не получило пока удовлетворения, и равным образом не было исполнено таковое же требование, обращенное непосредственно к начальникам эшелонов. Между тем при настоящем положении дел не имеется возможности даже арестовать членов забастовочного комитета почтово-телеграфных чиновников, так как арестованные, в виду отсутствия войск, несомнено, были бы освобождены революционерами. 23 декабря арестован мятежниками привезший из Омска почту чиновник почтово-телеграфного ведомства. После обещания примкнуть к забастовщикам и явиться на митинг этот чиновник в тот же день был освобожден. Того же 23 декабря должен был прибыть в Красноярск первый эшелон Красноярского полка. Изложенная телеграмма енисейского губернатора сообщена мною командующему войсками Омского военного округа генерал-лейтенанту Сухотину, с пояснением, что эта телеграмма указывает на безусловную необходимость самой суровой и быстрой расправы с красноярскими мятежниками.

«27» декабря 1905 года.

В гор. С.-Петербурге 26 декабря неизвестный посыльный, явившись в управление 3-го участка Литейной части, передал дежурному околоточному надзирателю пакет, адресованный на имя пристава названного участка подполковника Туцевича. Последнему пакет показался подозрительным, и он отправил его на исследование в электротехническую школу. Исследованием обнаружено, что внутри заключавшейся в пакете коробки были вложены взрывчатые вещества, которые с помощью особого приспособления, при неосторожной попытке раскрыть коробку, должны были воспламениться. В виду того, что подобного рода посылки могут быть направлены и к другим чинам с.-петербургской столичной полиции, об изложенном случае, для принятия мер предосторожности, сообщено всем приставам города С.-Пе-

тербурга. Того же числа в квартире слушательниц курсов профессора Лесгафта Александры Адриановой и Ольги Косоноцкой задержаны на революционной сходке шесть нижних чинов 18-го флотского экипажа, в том числе — юнкер Владимир Пригоровский и неизвестный, личность коего устанавливается. Обыском в упомянутой квартире обнаружены издания разных революционных партий: социал-демократов, социалистов-революционеров и анархистов. 27 декабря за пропаганду среди нижних чинов 2-й батареи лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады задержан социалист-революционер, дворянин Александр Карчевский. Этот арест вызван заявлением самих нижних чинов, которых Карчевский пытался склонить к нарушению долга присяги и к противоправительственной деятельности, при чем распоряжением военного начальства арестованы поддавшиеся уже влиянию упомянутого агитатора два нижних чина.

В Варшавской губернии 26 декабря тремя выстрелами из револьвера убит в городе Ново-Миске местный уездный начальник Юнацевич.

В Радомской губернии революционное брожение сохраняет чрезвычайно острый характер. 27 декабря в пределах губернии был новый случай грабежа почты: в почтовое отделение в м. Радощицах, Конского уезда, ворвались указанного числа 8 вооруженных злоумышленников, похитив все находившиеся в отделении денежные суммы. В виду сего и за невозможностью охранить почтовые учреждения, радомский губернатор просил начальника местного почтово-телеграфного округа в местах нерасположения войск в губернии временно прекратить прием денежной корреспонденции.

28 декабря в гор. Люблине выстрелом из револьвера на улице тяжело ранен начальник станции Люблин Шпаков. Преступник задержан.

В гор. Киеве 23 декабря арестованы кассир местного «Совета рабочих депутатов» крестьянин Алексей Тарасов и проживавший с ним мещанин Захар Боровенко. Обыском отобрано: печать «Совета», кассовая наличность — 662 рубля, кассовые записи, революционная литература и револьвер. Того же числа взят на вокзале еврей, пытавшийся отправить в город Могилев две тысячи револьверных патронов.

В гор. Николаеве, после произведенных 23 декабря арестов 53 членов революционных организаций и участников уличных беспорядков, жизнь входит в обычную колею; железнодорожное сообщение восстановлено, и работы на фабриках и заводах возобновились. Аресты членов революционных организаций продолжаются.

В гор. Екатеринославе 28 декабря занята войсками, без употребления в дело оружия, слобода Чечелевка, где произве-

денными затем обысками обнаружены две бомбы и 8 пудов динамита. На Брянском заводе в тот же день задержаны руководители бывших в Екатеринославе беспорядков инженеры, два брата Неймарки, и бывший студент Христофоров.

С восстановлением спокойствия в городе Воронеже рабочие находящихся в городе и слободах железнодорожных мастерских, а также служащие управления и контор Юго-Восточных железных дорог приступили с 28 декабря к обычным занятиям. Оружие, которое было роздано рабочим агитаторами, отбирается ныне у рабочих успешно и при полном отсутствии какого бы то ни было с их стороны противодействия.

В гор. Туле 28 декабря, при задержании ученика гимназии Северного и проживавшего с ним неизвестного, обнаружен разрывной снаряд, невполне изготовленный.

Заведывающий полицией на Кавказе сообщил нижеследующие сведения в город Тифлис.

20 декабря были произведены покушения на жизнь тифлисского полицеймейстера Мартынова, пристава Снитко и председателя местного патриотического общества Головачевского.

22 декабря из здания, принадлежащего армяно-грегорианской духовной семинарии, были брошены в разъезд Лабинского казачьего полка две бомбы, взрывом которых ранены три казака и убиты нижний чин 13-го Лейб-Эриванского полка и случайно проходивший мальчик. По оцеплению означенного здания войсками, оно было обстреляно ружейным и орудийным огнем, вследствие чего в этом здании возник пожар, сопровождавшийся взрывами хранившихся в нем патронов и бомб. Пострадавших при этом пожаре оказалось свыше 60 лиц.

23 декабря военный патруль задержал фаэтон с двумя подозрительными пассажирами, по обыску у которых были отобраны две бомбы. В виду указания задержанных на то, что бомбы получены ими из склада разрывных снарядов, находящегося в доме Иедигарова, этот дом, для производства обыска, был окружен войсками. Из означенного дома, а также из соседнего с ним дома Баба-Айвазова в войска были произведены выстрелы и брошены бомбы. Со стороны войск первоначально был открыт по домам Иедигарова и Баба-Айвазова ружейный огонь, но так как, несмотря на это, бросание бомб не прекращалось, то, по удалении мирных жителей из этих домов, они были подвергнуты орудийному огню. Во время перестрелки и бросания бомб ранены казак и нижний чин и убиты 2 частных лица и 8 метальщиков бомб.

25 декабря в доме Шахназарова, в помещении, принадлежащем армянскому революционному комитету, был произведен обыск, коим обнаружено разное оружие и шесть разрывных снарядов. Застигнутые в этом помещении четыре лица арестованы.

В гор. Красноярске 28 декабря утром объявлено военное положение. Бунтующий железнодорожный батальон и вооруженные рабочие заняли железнодорожные мастерские, которые окружены прибывшими в город войсками, требующими сдачи мятежников.

В гор. Иркутске 23 декабря совершено покушение на жизнь исправляющего должность иркутского губернатора вице-губернатора Мишина, который ныне поправляется от полученной раны. 26 декабря убит на улице исправляющий должность иркутского полицеймейстера Драгомиров. С 24 декабря город объявлен на положении чрезвычайной охраны.

« » декабря 1905 года.

По сведениям, полученным за истекшую неделю от подлежащих властей, беспорядки, возникшие по почину «революционного комитета» 8 декабря, можно почти повсеместно считать законченными. Последним оплотом мятежников являлся город Ростов-на-Дону, но и там 21 декабря были рассеяны все революционные «боевые дружины», сосредоточивавшиеся в Затемерницкой части города и железнодорожных мастерских, устроенные же ими баррикады были разрушены. По обыскам у задержанных участников восстания отобрано 14 ящиков патронов, более 40 пудов пороха, оружие, динамит, материалы для изготовления разрывных снарядов, 2 ящика революционных воззваний, мимеограф, красное знамя и сигнальная пушка. Из Ростова мятежники перекинулись в Нахичевань и захватили там столовую завода Аксай, куда перенесли разрывные снаряды и оружие. От нечаянного взрыва одной из бомб столовая загорелась. Пожаром оружие уничтожено. Кроме того, от огня и взрывов погибло 9 революционеров и трое ранено. Остатки ростовских революционных «боевых дружин» сосредоточились за железнодорожным мостом, на полустанках Батайск и Заречная. Для ареста их были посланы войска, и 23 декабря движение поездов восстановилось. Захватываются также при помощи войск железнодорожные станции и в других местностях империи, находившиеся во власти мятежников, благодаря чему железнодорожное сообщение почти повсеместно открыто, хотя и не везде производится по расписанию. В последние дни очищена, между прочим, от мятежников станция Рузаевка, где сосредоточился забастовочный комитет Московско-Казанской железной дороги, причем арестовано 19 главарей забастовки, у которых отобрано много оружия и две бомбы.

Неудача, постигшая попытку устроить вооруженное восстание, безусловно признается теперь и самими революционерами. Так «С.-Петербургский Совет рабочих депутатов», перенесший свои заседания на станцию Териоки, Финляндской железной дороги,

в резолюции своей по поводу вооруженного восстания прямо указывает, что боевое выступление масс теперь осуществиться не может и годовщину январских событий текущего года вторично пролетариат мог бы ознаменовать только нападениями своих «боевых дружин» на отдельные правительственные учреждения и полицейские участки. Тем не менее в январе месяце возможно ожидать повторения беспорядков, хотя, конечно, и не в таких крупных размерах. Агитация, по крайней мере со стороны революционных партий, в этом смысле ведется, и международное социалистическое бюро выпустило даже особое воззвание с призывом помочь русским товарищам в их борьбе за свободу путем повсеместного устройства митингов и сбора пожертвований на революционные цели в России, приурочив эти митинги ко дню 9 января. Для предупреждения беспорядков предложены местным властям самые энергичные меры. Наряду с тем продолжаются аресты главных руководителей революционного движения, дающие пока прекрасные результаты. В Петербурге, например, в ночь на 24 декабря арестованы 54 лица, входящие в состав боевых дружин партии социалистов-революционеров, по обыску у которых отобрано много оружия и 14 бомб.

Восстание эстов и латышей в губерниях Прибалтийского края также, повидимому, близится к концу, благодаря энергичным действиям войск. В Эстляндской губернии восстание уже подавлено повсеместно, кроме уездов, пограничных с уездами Лифляндской губернии, куда для восстановления порядка посланы части войск. В Лифляндской губернии, в уездах Вольмарском и Венденском, беспорядки прекратились еще до прибытия войск, в виду распространившихся только среди населения слухов о приближении отряда генерала Орлова.

В гор. Валке порядок восстановлен при помощи войск из состава того же отряда, благодаря чему почти повсеместно в Валкском уезде законные власти получили возможность вступить в исполнение своих обязанностей. Попутно производится арест главарей движения и обезоружение населения.

Из губерний Привислинского края особенно серьезным представляется положение Радомской губернии, где в самое последнее время усилились действия мятежнических шаек, руководимых помещиками и ксендзами. Деятельность этих шаек проявляется в разгромах правительственных учреждений и казенных винных лавок, смещении гминных властей и замене их своими ставленниками, в предъявлении к населению требований об отказе от взноса податей и поставки новобранцев и в нападениях на должностных лиц. 22 декабря в гор. Радоме была брошена бомба в помощника уездного начальника Станкевича, и взрывом ее убит сам Станкевич и ранены случайно проходившие женщина и один офицер. Затем 25 декабря в городе Островце убит

один полицейский надзиратель и ранен полицейский стражник, а 26 декабря были произведены из засады выстрелы в проходившего по улице офицера, при чем вызванный караул ответил на эти выстрелы огнем, убив и ранив несколько человек из числа нападавших. Проявляется также в Радомской губернии стремление и к массовым беспорядкам. Так, по секретным сведениям, в посаде Вялобржеди революционными агитаторами была произведена пробная мобилизация на случай восстания, при чем на местную мобилизацию явилась многочисленная толпа народу, вооруженная, кто чем мог.

По сведениям из Кавказского наместничества, в Закавказье, под влиянием отрезанности от России, благодаря почтово-телеграфной забастовке и ложным слухам, распускаемым крайними партиями, революционное движение всюду обострилось. Железнодорожная забастовка окончательно отрезала Тифлис от всего края, так как революционеры, захватившие дорогу, пускали поезда только по своему выбору. В Тифлисе они объявили забастовку всей торговли и пытались даже прекратить занятия в правительственных учреждениях. Город был объявлен на военном положении, что вызвало объединение крайних партий, организовавших нападения с бомбами на отдельные части войск, офицеров и чинов полиции. Несколько складов бомб арестованы. Наряду с тем были произведены многочисленные аресты руководителей почтово-телеграфной и железнодорожной забастовки, и вся линия Закавказской дороги объявлена на военном положении. Движение поездов производилось при помощи воинских команд. В уездах Горийском и Душетском под влиянием общего революционного настроения вновь вспыхнуло аграрное движение, в виду чего в уездах объявлено военное положение. В губернии Елисаветпольской продолжаются столкновения армян с татарами. В Кутаисской губернии положение очень тревожное, так как там революционеры захватили почти всю власть в свои руки, но точных сведений оттуда главное кавказское начальство еще не имеет. В районе Северного Кавказа железнодорожная забастовка, благодаря принятым энергичным мерам, также прекратилась, движение поездов восстановлено, и управление дорог вступило в исполнение своих обязанностей. Настроение забастовщиков было очень упорное, так что для водворения порядка пришлось занять войсками все станции от Ростова до Беслана, арестовав главных руководителей забастовки, а станцию Минеральные Воды пришлось брать с бою.

Сведения из Сибири продолжают указывать на крайне тревожное положение в гор. Красноярске, где железнодорожные рабочие, руководимые местным революционным элементом, при содействии взбунтовавшегося местного железнодорожного батальона и пользуясь отсутствием войск, захватили в городе

власть. К водворению порядка удалось приступить только с прибытием в город эшелона одной из следовавших по Сибирской линии войсковых частей, при помощи которого занята почтово-телеграфная контора. 23 декабря ожидалось прибытие первого эшелона Красноярского пехотного полка, и при его посредстве будут приняты дальнейшие меры к подавлению мятежа. На необходимость самой суровой и быстрой расправы с красноярскими мятежниками указано командующему войсками Сибирского военного округа.

Относительно аграрных беспорядков наиболее неблагоприятные сведения получены за истекшую неделю из Полтавской губернии. В местечках Сорочинцы и Устивица, Миргородского уезда, население, под влиянием революционной агитации, заявило об отказе платить подати и ставить новобранцев, а в первом из них — арестовало станового пристава и других полицейских чинов, вследствие чего, для водворения порядка, был командирован 19 декабря с воинским отрядом помощник исправника Барабаш. Отряд имел столкновение с мятежниками, причинив им значительный урон, но сам Барабаш во время столкновения был убит. Мятежники приведены к покорности, зачинщики и подстрекатели мятежа арестованы, и виновники убийства Барабаша будут преданы военному суду. Кроме того, об аграрных беспорядках, выражающихся в самовольном истреблении леса в частновладельческих и казенных дачах, получены указания из губерний: Витебской, Воронежской, Екатеринославской, Могилевской и Черниговской. В Воронежской губернии беспорядки сопровождались также разгромом трех помещичьих усадьб. Несмотря на строгие репрессивные меры, принимаемые против зачинщиков крестьянских беспорядков, для подавления которых местным властям предложено действовать самым решительным образом, агитация среди крестьян продолжается, и революционеры имеют даже в виду созвать крестьянский съезд. Первоначально он предполагался в Москве, но теперь переносится в провинцию, где обстановка может быть более благоприятной его занятиям. О недопущении съезда и рассеянии его в случае сопротивления даны соответствующие инструкции местным властям.

«29» декабря 1905 года.

Всеподданнейшим долгом поставляю себе доложить в а ш е м у и м п е р а т о р с к о м у в е л и ч е с т в у, что, в видах охранения общественного порядка и спокойствия, мною были сделаны в последнее время нижеследующие распоряжения:

1) Предпринято выяснение всех стачечных касс, находящихся в распоряжении забастовочных комитетов: железнодорожных и почтово-телеграфных, а также лиц, производящих сборы денег на поддержание преступных забастовок. Все эти кассы предпо-

ложено конфисковать и путем обысков отобрать деньги, собранные на забастовку отдельными лицами.

2) Предпринята ликвидация советов рабочих депутатов, федеративных советов и других тому подобных революционных организаций, руководящих политическими забастовками и распоряжающихся вообще революционным движением. Аресты членов этих организаций предложено местным властям продолжать до совершенного уничтожения означенных организации.

3) Предложено тем же властям лиц, задержанных за принадлежность к забастовочным комитетам и указанным выше революционным организациям, а равно за революционную пропаганду,— освобождать из-под стражи не иначе, как с особого каждый раз разрешения департамента полиции.

4) Предложено дела о покушениях на убийство и об убийствах должностных лиц передавать на рассмотрение военных судов.

5) Предложено не допускать заседаний нового крестьянского съезда, который предполагался к созыву в Москве, но теперь переносится в провинцию, в виду строгих мер, принимаемых в Москве против революционеров.

6) Предложено принимать самые суровые и решительные меры к подавлению крестьянских беспорядков, не останавливаясь перед применением вооруженной силы.

7) Предложено принять все меры к предупреждению беспорядков, могущих возникнуть в разных местностях империи, в период времени с 8 по 10 января будущего года, на почве агитации, предпринятой в этом смысле революционными партиями, и

8) Предложено обратить самое серьезное внимание на вольнонаемный персонал служащих в городских, общественных и земских учреждениях, среди которых особенно много лиц политически неблагонадежных и пользующихся своим служебным положением для преступных целей, и всех таких лиц, помимо привлечения к ответственности, немедленно же удалять от занимаемых ими должностей или от занятий.

« » декабря 1905 года.

В гор. Риге 30 декабря, при осмотре квартиры некоего Кляулиса, находящегося с 5 декабря в неизвестной отлучке, обнаружены четыре разрывных снаряда, из них один вполне снаряженный, несколько револьверов и кинжалов, большое количество патронов и машинка для выделки патронных гильз. К розыску и задержанию Кляулиса приняты меры.

По последним сведениям из Кавказского наместничества, благодаря осадному положению, введенному в гор. Батуме, спокойствие в этом городе не нарушается, но прилегающие к нему местности находятся в столь тревожном состоянии, что от Батума не имеется правильного сообщения с Тифлисом и

Кутаисом. В Кутаисской губернии Озургетский уезд (Гурия) охвачен восстанием; население отказывается платить подати и ставить новобранцев; по названному уезду, а частью и по губернии бродят вооруженные шайки. Значительная часть Кутаисской губернии, а равно и порт Поти находятся в руках мятежников. Противодействия им со стороны кутаисского губернатора коллежского советника Старосельского не замечается, и, по заявлению военного губернатора Батумской области и других местных властей, сам коллежский советник Старосельский может быть заподозрен в сознательном потворстве гурийскому движению.

В гор. Иркутске, в связи с непрекращающейся смутой, выразившейся в последнее время, как изложено в предшествовавшей записке, в покушении на жизнь исправляющего должность иркутского губернатора вице-губернатора Мишина и убийстве исправляющего должность иркутского полицеймейстера Драгомирова, местная администрация находится в состоянии полного разложения. Губернатор генерального штаба генерал-майор Кайгородов и управляющий казенной палатой Лавров больны и не желают воспользоваться предоставленным им правом введения военного положения, опасаясь возмездия со стороны крайних партий; управляющий государственными имуществами Штромберг выехал в С.-Петербург; старший советник иркутского губернского правления Людвиг, недавно назначенный якутским вице-губернатором, болен; о втором советнике губернского правления Виноградове, подавшем прошение об отставке, производится дознание; один непременный член Юган в отпуску; другой — Хмелевский — заявил губернатору о своем сочувствии противоправительственному союзу чиновников, и под его влиянием все служащие крестьянского отделения губернского правления отказались дать подписку о неучастии в названном союзе; полицеймейстер Никольский подал рапорт о болезни; два пристава подали в отставку; городовые уклоняются от службы. Иркутская городская дума приводит в исполнение постановление свое об организации городской милиции, вследствие чего возникло несколько революционных кружков самообороны. Митинги и демонстративные процессии устраиваются в городе постоянно. Забайкальской железной дорогой, управление которой находится в Иркутске, заведует особо избранный комитет, устранивший от должности начальника дороги и начальников отдельных служб. Почтовая забастовка в гор. Иркутске продолжается; служащие на телеграфе пытались возобновить работы, но эти попытки, под воздействием мятежников, успеха не имели.

В гор. Чите, Забайкальской области, войска присоединились к мятежникам, которые учредили милицию. Военный губернатор генерал-лейтенант Холщевников роздал милиционерам оружие. В распоряжении мятежников находится местная почтово-теле-

графная контора, не принимающая ныне казенной корреспонденции. С учредительным железнодорожным съездом революционеры, захватившие в городе власть, открыто ведут переписку и производят аресты по постановлениям этого съезда. В пределах области начались аграрные волнения, выразившиеся, между прочим, в том, что недалеко от Читы захвачено кабинетское имение.

Об изложенном всеподданнейшим долгом поставляю себе представить вашему императорскому величеству.

« » декабря 1905 года.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абамелек-Лазарев (князь). 395.
Абов, А. (Ансон). 36. 76.
Абраменко, Е. 73. 284.
Абрамов (доктор). 146. 149. 150.
Абрамович (околот. надзир.). 341.
Авдеев, Иван Ананьич. 115. 118. 119. 133. 138. 139.
Адаменко. 214.
Адамович. 282.
Адашев. С. В. 43.
Адрианова, Александра. 406.
Айзенберг, Хава. 402.
Акимов. 365.
Акимченко. 94.
Аксельбант. 93. 103.
Аксельрод, Павел Борисович. 9. 275.
Аксенов (влад. булочн.). 218.
Александров. 364.
Александров, А. 280.
Алексеев, Василий. 353.
Алексеев, Константин Иванович. 146.
Алексеев, Федор. 285.
Алехин. 94.
Алиханов. 209. 224.
Альтшуллер, Абрам. 119.
Альфтан (полк.). 209.
Амилахари, И. А. (бакинск. ген.-губ.). 207. 208.
Амосов, В. 280.
Андреев, П. 118.
Андреевский, Александр. 384.
Андрей. 73.
Андрин, В. А. 43.
Антипов, Василий. 154.
Антошкин, Дмитрий Васильевич. 284.
Арабас (зав.). 127.
Аргун, А. М. 281.
Арис (зав.). 122.
Арну, Артур. 270.
Арсеньев, Алексей. 385.
Арский, Р. 280. 281.
Асвадуров (фабр.). 119.
Асланиди (зав.). 147.
Асмолов (фабр.). 66. 67. 145. 166. 176.
Атаманов. 94.
Афанасий. 134.
Ахун, М. 280. 281. 282.
Ачканов, Ф. 118.
Ашашек, Станислав. 399.
Баба-Айвазов. 407.
Бабаев, Ага Рза. 204. 209.
Бабан (торговец). 108.
Бабахан, Н. 8.
Багаев, М. А. 14.
Бабкин. 184.
Бакулин (сотник). 355.
Балакирев (фабр.). 219.
Балокашин, А. А. 105.
Бальзак, Оноре. 242.
Барабаш (пом. испр.). 402. 411.
Баранов (фабр.). 364. 365. 388.
Бари (зав.). 218.
Барсуков. 378.
Бахтан, Иосиф Абрамович. 139. 141.
Бебель, Август. 251.
Безнамов, Вячеслав. 151.
Бек (фабр.). 357.

Бекас. 184.
Беличенко. 94.
Беллино-Фендрих (зав.). 122.
Белов, 384.
Белов 401.
Белов (зав.). 219.
Беляев (нач. станц.). 355.
Березников (новорос. вице-губ.). 97. 98. 104. 105. 111.
Берлин, Абрам. 399.
Бернштам, В. В. 281.
Бобков, А. 101.
Бобович. 108.
Бобринские (граф.). 340.
Бобров. 361.
Богданов, А. (Малиновский, Александр Александрович). 33. 43.
Богданов, Федор. 385.
Богданович (тамб. вице-губ.). 381. 393.
Богославский (пом. прист.). 340.
Бодянский. 101. 110. 114. 268. 284.
«Боевой». См. Иванов, П.
Бойко, Я. И. 133.
Боневур. 124.
Бонч-Бруевич, Владимир Дмитриевич. 263.
Борбышко. 94.
«Борис». 124.
Борисов, М. 101.
Боровенко, Захар. 406.
Браиловский. 147.
Бричкина, Ольга. 147.
Бродский (фабр.). 122.
Броинер, В. 278.
«Бур». См. Копылов, М.
«Бур». См. Эссен.
Буркин, Н. 37.
Бутов. 155.
Бутягин, Ю. П. («Макс»). 70. 156. 165. 175. 177. 178. 179. 183. 283.
В. М. См. М. В.
Вавилов. 27.
Вайно, Иван. 385,
Вакман, Р. 278.
Валдаев. 363.
Валка, Сигизм. Нат. 280.
Вальрод (имение). 400.
Вальтух (зав.). 116. 117. 122.
Ванаг, Николай Николаевич. 281 285.
«Варенга». 56.
Вартанов (торговец). 342.
Василиса (дочь Савицкой). 107.
Васильев, А. 214.
Васильев, Михаил Иванович (Южин). 33. 34. 43. 55. 56. 57. 58. 59. 60. 61. 62. 69. 239. 240. 255. 278. 286.
Васильченко, Семен Филиппович. 70. 156. 161. 178. 179. 184.
Вассал (имение). 339.
Введенский-Сверчков. См. Сверчков.
Вейде (фон-дер) (и. о. ростов. градон). 176. 184.
Величковский (жанд. ротм.). 216.
Верейский 114.
Вермель, Андрей Иванович. 154.
Ветошкин, Михаил Кузьмич. 278.
Виктор. 239.
Виндельштейн (типогр.). 215.
Виноградов. 61.
Виноградов. 366.
Виноградов. 413.
Виноградов, Степан. 334.
Витте, Сергей Юльевич. 233. 234. 236. 281. 282. 334.
Владимирский, Михаил Федорович. 61.
Власов. 381.
Водолазский, А. 279.
Войлошников (нач. Моск. сыск. отд.). 309. 375. 390.
Войноховский, Н. И. 105.
Войтенко, Степан. 156. 177. 184.
Войтинский, Владимир Самойлович. 9.
Волинский, Иоган Генрихович. 146.
Волков, Клавдий Прокофьевич. 154. 157.

Волковвичер, Исидор Владимирович. 229. 278.
Волынский, Антоний (еписк.). 204.
Возская. 151.
Воробейчик, З. (влад. маст.). 119.
Воробьев, Борис Николаевич. 146.
Ворожин, С. И. 146.
Вороницын, И. П. 228. 229.
Воронов. 270.
Воронцов-Дашков, Н. И. 208. 236. 242. 243. 267. 282.
Воронцова-Дашкова. 221.
Вылузгин, В. 13.
Выродов. 94.
Высоцкий. 94.
Высоцкий (фабр.). 126.
Вычегодский. 270.
Гайсинович, А. 284.
Гальперин (типогр.). 119.
Гамолицкий. 92.
Ган (зав.). 122. 218.
Ганжа, Роман. 352.
Гапон, Георгий Апол. 280.
Гарденин (помещик). 335.
Гартман (зав.). 24.
Гвоздев, П. Н. 86.
Гейден (граф). 374.
Гейсман, Шабс. 402.
Ген (зав.). 124. 125. 126.
Генкин, И. 229.
Герасим. 118.
Герасимов, А. 285.
Герих, Ф. 270.
Гершкович, Х. 214.
Глаголев (издат.). 9.
Глебов-Путиловский. 33.
Глонти, Н. 99, 111.
Гнедин (пристав). 67. 166.
Голенко (доктор). 136.
Голиков (ком. брон. «Потемкин»). 129. 130.
Головачевский. 407.
Головня (зав. имен.). 326.
Голубков, Федор Иванович. 119. 120. 133.
Гольдштейн, Герш. 402.
Гольман, И. 87. 97. 98. 103. 110. 111. 114.
Гончаров, А. 161.
Гоппер (фабр.). 219.
Горелов, В. 115. 122.
Горин, Павел Осипович. 8. 9. 19. 20. 22. 23. 24. 25. 33. 34. 37. 44. 50. 51. 65. 71. 72. 74. 209. 279. 280. 285. 286. 287.
Горшков, Дмитрий. 385.
Готлобер, Я. 133.
Гофман. 138.
Гофман, О. (свящ.). 102.
Гохберг (вл. мастер.). 402.
Гоцфренд. (вл. мастер.).119.
Гранат (издат.). 9.
Грачев, Н. П. 21.
Гредескул, Николай Андреевич (проф.). 345.
Грекова (помещ.). 400.
Гречкин. 71. 110. 113.
Греценко. 94.
Григорьев, Павел Иванович. 146.
Гридоцкий (вл. мастер.). 119.
Грищенкова. 107.
Грозинский. 113.
Громова (помещ.). 221.
Гросман (тип.). 215.
Грязнов. 270.
Губарев (подрядч.). 107.
Губарев, Дмитрий Дмитриевич. 146.
Губарев, Илья 385.
Гудков. 13.
Гужон (зав.). 284.
Гурвич, Самуил. 67. 68. 69. 161. 167. 168. 169. 171. 172. 174. 267. 283.
Гурштейн, Т. 115. 278.
Гучков, Александр Иванович. 203.
Гущин, И. 153. 155. 165.
Гюго, Виктор. 242.
Д. К. (раб.-меньш.). 86.
Давыдов (шт.-капит.). 242.
Дайг, Шева. 385.
Дан, Ф. (Гурвич, Ф. И.). 9. 10. 275.

Даненбаум, Владислав. 375.
Данилин. Д. Е. 157.
Дедюлин (петерб. гранд.). 280.
Дейнега. 214.
Дерябин, К. 118.
Джеджелов, И. 236.
Джибладзе, Сильвестр. 236.
Дзевонские. 157.
Диклер (тип.). 126.
«Дмитрий». 139.
Добровольский. 21.
Добровы (зав.). 218.
Дорофичук. 94.
Дорошенко, Н. 281.
Дорошенко, Семен. 107.
Доссер, Зиновий Николаевич. 61. 238.
Драгомиров (иркут. полицейм.). 408. 413.
Дрезен, А. 282.
Друцкий (доктор). 179. 184.
Дубровин, Филипп («Черный»). 71. 95. 96. 110.
Дубровский, С. М. 281. 282.
Дукат (фабр.). 219.
Дукельский (ротм.). 358.
Думнов. 104.
Дунаев. 14.
Дунин (инж.). 97.
Дурбен (замок). 330.
Дьяконов-Розанов. 68. 168. 171.
Е. (меньшевик). 143.
«Евгений», 139.
Евгений. 239.
Евгений (Маевский). См. Маевский.
Евдокимов. 14.
Егоров Ал. 279.
Емельянов (фабр.). 154.
Емельянов, А. 260.
Ерохин. 155.
Ершов, К. Г. 279.
Ефремов. 94.
Жако (фабр.). 116.
Жарновецкий, К. 280.
Жбанов. 361.
Жезмер, М. 115. 137. 142. 282. 284.
Желабова, В. П. 216.
Женевский, А. 280.
Жиргулевич, И. 94. 96. 108. 110. 114.
Жиро (фабр.). 219.
Жордания, Ной. 189.
Забродская (землевл.). 336.
Зайцев, Д. 36. 78. 270.
Закрадзе, С. 236.
Залога, Александр (агроном). 329.
Замятин. 361.
Замятина, Дина. 336.
Замятина, Серафима (землевл.). 336.
Захарященко. 94.
Зверева, Елизавета. 401.
Зеленый (одесск. градонач.). 121.
Зеленя. 70. 71. 97. 99. 100. 110. 111. 112. 114. 173.
Зеликман, Ц. Т. («Пушкин»). 116.
Зеликсон 355.
Зеликсон-Бобровская, Цицилия Самойловна. 204. 206.
Земблюхтер, М. В. 118.
Землячка, Розалия Самойловна. 239.
Зибрехт (фабр.). 218.
Зильберман, Гирш. 402.
Зиневич, Д. 282.
Злыднев, П. А. 13. 281. 346.
Золотарева (землевл.). 336.
Зотов (фабр.). 24. 27.
Зрелов. 155. 165. 175.
Зусьман (магаз.). 355.
Иванов (подполк.). 154. 155. 156. 157.
Иванов. 358.
Иванов, Иван. 385.
Иванов, П. («Боевой»). 145. 146. 147. 153. 161. 164. 165. 175. 178. 179. 184.
Иедигаров (домовл.). 407.
Илларионов, В. 65.

Ильницкий, Николай Степанович. 146. 161.
Имеретинская (княг.). 340.
Ионас, Герман (зав.). 119.
Ионно. 138.
Иогансон. 401.
Иорданский, Николай Иванович. 9. 286.
К. Д. См. Д. К.
К. Н. Л. См. Левин, К. Н.
К. П. 281.
Казем-Бек, Мария (влад. имения). 325. 328.
Кайгородов (ген.-майор). 413.
Калимитов. 94.
Калинин (фабр.). 27.
Калинский. 71. 101. 110.
Каменев, Лев Борисович. 54.
Каммермахер (упр. типогр.). 379.
Каплан. 284.
Карапетян. 279.
Карасик (прапорщ.). 345.
Карелин, Алексей Егорович. 43.
Карелина, В. М. 43.
Карнаухов. 117.
Карпов (жанд. полк.). 157. 176. 184.
Картожинский (зав.). 147.
Карчевский, Александр. 406.
Каспржак, М. 214.
Касьянов. 342
Каташева, Л. 279.
Каутский, Карл. 55. 251. 270.
Каутский. 155.
Кашанский, Глеб. 91. 99.
Кашкин. 270.
Каюров, В. 279.
Кейнен. 337.
Келеповский (уфимск. вице-губ.) 393.
Килинский. 94.
Кинан. 94.
Киреев (зав.). 147.
Киреев (новоросс. полицейм.). 98. 111.
Кирилл. 126. 129. 130. 270.
Кирилловский («Данила»). 117. 118.
Клебовский. 270.
Клекнер, Иоган. 337.
Клекнер, Паулина. 337.
Клитчоглу, Серафима Георг. 400.
Клюков. 94.
Кляулис. 412.
Книпович, Лидия Михайловна («Дяденька»). 117.
Кнунянц, Богдан Мирзожданович («Рубен», Радин). 9. 50. 86.
Кобылкин. 107.
Ковалев. 155.
Коваленко, А. 128. 130.
Коган, И. Г. 147.
Коган. 150.
Кожарский, И. 118. 133.
Козельский, Б. 73. 184.
Козин-Мищенко. 155.
Козицын. 94.
Козленко. 94.
Козловский, Андрей. 353.
Козловский, Всеволод. 353.
Козлянинов (офиц.). 336
Коковцев, Владимир Николаевич. 278.
Колокольников, Павел Николаевич (К. Дмитриев). 11. 13. 32.
Колтановский (пристав). 342.
Колычевский, И. 278.
Кольцов. 94.
Кондратьев, 14.
Кондратьев, В. 76.
Кондратьев, Ф. Т. 43.
Копылов, Михаил Миронович («Бур»). 146. 147. 170.
Коркунов, Н. 101.
Корнева. 332.
Коровицкий (суд. следов.). 341.
Коростыленко. 94.
Косоноцкая, Ольга. 406.
Коссович, Иосиф Николаевич («Николай»). 138.
Костицын, В. 61. 238. 255.
Костров. См. Жордания. Ной.

Костюк, Карп (швейцар). 377.
Котов (фабр.). 360.
Кохальков, Даниил. 385.
Коханский, Е. 260.
Кохманский (издат.). 270.
Кочетов. 171.
Кочмержевский. 270.
Кошкин, Иосиф. 157.
Кошуба. 214.
Крамаров, Г. 161. 184. 186.
Крамаров, Яков С. 146.
Крамер. 282.
Краснов, П. 98. 99. 102.
Красноухов, Павел. 354.
Красноухов (сын предыдущ.). 355.
Краснушкин (есаул). 217.
Крахмальникова (фабр.). 122.
Кривобоков, Иван Федорович. 157.
Кривошеина, Е. 33.
Кропин, В. М. 43.
Кругляков, Б. 278. 280.
Крупская, Надежда Константиновна. 267. 277.
Крылов, Борис. 375.
Крюгер, Карл. 385.
Кубланов, Самуил. 355.
Кубланов (отец предыдущ.). 355.
Кубышкин, П. С. 43.
Кувакин, Василий Васильевич. 119.
Куделли, Прасковья Францевна. 33.
Кудрявцев, Евгений Федорович. 279.
Кузнецов (фирма), 142.
Кузовлев, А. 10.
Кузьминский (сенатор). 204. 205. 207.
Кукуричкин, Эмануил. 360
Куманин (типогр.). 215.
Кун (мукомол). 398.
Куракин (князь). 374.
Куфнов. 94.
Кухаренко, Анастасия. 385. 396.
Кучкин, А. 279.
Кушнарев (тип.). 215.
Кушнарев (фабр.). 154.
Лабинский, Николай. 357.
Лабордин, Николай. 337.
Лавров. 413.
Лавров, Н. 280.
Лазуркин («Борис»). 118.
Лазуркина («Соня»). 118.
Ланге (зав.). 335.
Лац, Я. 214.
Лашевич, Михаил Михайлович («Миша Трудник»). 168.
Левин (зав.). 121.
Левин (тип.). 109.
Левин, Кирик Никитич. 239. 270.
Левинсон (тип.). 122. 215. 219.
Левинсон (фабр.). 119
Левицкий, Константин Осипович, («Осип Иванович»). 117. 118. 124. 133.
Лейбович, С. 71. 96. 98. 101. 103. 104. 110.
Ленин, Владимир Ильич. 7. 10. 11. 15. 16. 17. 18. 22. 23. 24. 25. 28. 30. 31. 33. 34. 38. 39. 42. 45. 46. 47. 48. 51. 52. 53. 54. 55. 58. 60. 69. 73. 77. 83. 84. 85. 86. 137. 142. 165. 166. 171. 191. 192. 195. 196. 202. 203. 212. 225. 227. 245. 246. 247. 248. 249. 253. 255. 256. 257. 259. 260. 261. 274. 275. 277. 279. 286. 287.
Леонтович. 99.
Леповский. 116.
Лесгафт, Петр Францевич. 406.
Лесковкий, Я. 278.
Либкнехт, Карл. 251.
Либман (кондитер.). 393. 399.
Ливен (князь). 328.
«Лиза». 110.
Лимоне, А. 74.
Липперт. 221.
Лир, Н. 103. 104.
Лисицкий. 97.
Лисицин, Иван. 171.

Лисицын, Козьма. 161. 171.
Лист (зав.). 218. 219.
Литкенс. 329.
Литовченко. 94.
Лобко, Илья Петрович. 154.
Лозинский. 93.
Лопухины. 340.
Лордкипанидзе, Константин. 71.
Лукашевич. 94.
Лукашевич, Николай. 385.
Лупандин. 94.
Лурье. (типогр.). 384.
Лысенко. 167.
Лысенко, Н. К. (проф.). 139.
Людвиг. 413.
Люлька. 94.
М. В. (Максаков, В.). 281.
Маевский, Евгений (Гутовский, В. А.). 9. 65.
Макарцев (околот.). 384.
Макеев. 176. 177. 178. 180. 184.
Маклер, И. М. 116.
Максвель (фабр.). 11.
Максименко. 94.
Максимович (генер.). 336. 339.
Малама (ген.-лейт.). 208. 404.
Малеев. 150.
Малицкий, Григорий Алекс. 146.
Малышев, Илья. 108.
Мальцев (тип.). 215.
Мамульянц. 114.
Мандельштам, Николай Николаевич (Михаил Мироныч). 61.
Мандрыкин (есаул). 355.
Манилов, В. 73. 284. 285.
Манташев (влад. парохода). 121.
Маньский, У. 143.
Мария (дочь Осушкиной). 116.
Маркс, Карл. 55. 247. 270. 279.
«Мартин». 139.
Мартин (зав.). 147.
Мартов, Юлий Осипович. 9. 40. 41. 186. 190. 252. 256. 272.
Мартынов. 252. 275.
Мартынов (тифлис. полицейм.). 407.
Маслиев, И. 278.
Маслов. 94.
Матвеев. 176.
Матюшенко, Афанасий Николаев. 135. 136.
Махновец-Акимов, Владимир. 194. 195.
Мишистов (типогр.). 219.
Мебель, М. И. 115.
Медведев, Н. 86.
Межберг, М. 73. 115 284.
Мей, П. 43.
Мелешко. 150.
Мелихов. 94.
Мельников. 97.
Мететич. 270.
Мец, Моисей. 399.
Микеладзе (князь). 208.
Миллер (подполк.). 237. 330.
Миллер, Н. К. 118. 133.
Миловидов. 340.
Мильрат (капит.). 373.
Мильштейн, А. 285.
Минков (типогр.). 357. 384.
Митрофанов, Алексей Васильевич. 146.
«Михаил». 124.
«Михаил». 139.
Михаил Мироныч. См. Мандельштам, Н. Н.
Михаил Николаевич (вел. кн.). 374.
Михина (фабр.). 24.
Мишин (и. о. иркут. губ.). 408. 413.
Молостова (помещ.). 326.
Молчанов. 94.
Морозов, Викула. 331.
Морозов, Савва. 331.
Мороховец, Евгений Андреевич. 277. 278.
Мошинский, И. 279.
Мошь, Исаак. 242.
Мощевитин, Дмитрий. 385.
Мстиславский, С. 279.
Мурашов. 37.

Мутафова. 110.
Мячим. 94.
Набгольц (зав.). 218.
Назаревич. 157.
Накашидзе (бакинск. губерн.). 206. 207. 349.
Наливкин. 94.
Намыка. 94.
Нападенская, Р. И. 116.
Наполеон (I). 319.
Невский, Владимир Иванович. 22. 37. 40. 115. 190. 191. 274. 281.
Недоносов. 94.
Недорез. 116.
Нейберг, А. Ю. 285.
Нейман, Дина. 339.
Неймарк (братья). 407.
Немиров-Колодкин. 219.
Немцов, Николай Михайлович. 45. 281.
Нестеров. 103.
Нечаев (генер.). 345.
Никитин. 270.
Никифоров. 214.
Николаев. 71. 97. 99. 102. 110. 111.
«Николай». См. Коссович, И. Н.
Николай II. 222. 235. 264. 282.
Николайнен, Онни. 358.
Никольский (иркут. полицейм.). 413.
Никулин (новорос. гор. голова). 92. 93. 97. 103. 110.
Ниненко, Василий. 96. 110.
Нирский. 221.
Нитнер (зав.). 146. 147.
Нобель (зав.). 352.
Нодельман. 98.
Ноздрин, А. Е. 20.
Обухов. 184.
Обуховский (завод). 11. 13.
Озолинг (фабр). 356.
Оноприенко, Николай. 108.
Орлов. 161.
Орлов (генерал). 385. 386.
Орлов, Петр. 382.
Осеев. 56.
«Осип». 118.
Остроменский, Ефим Никифорович. 146.
Остроухова, К. 278.
Осушкина, Либа. 116.
Охримович (прапор.). 393.
П. К. См. К. П.
П. Я. См. Я. П.
Павлов. 94.
Павловский, Ф. 43.
Паль (фабр.). 11. 13.
Пальвадре, Я. 224. 276.
Панкратова, А. М. 284. 285.
Панченко. 147. 157.
Парадизов, П. П. 25. 280. 287.
Парамонов, Н. Е. 149. 150. 157. 158.
Парвус (Гельфанд, А. А.). 9. 252. 253. 256. 275.
Пастушенко. 372.
Пастушенко, Иван. 106.
Пастухов (зав.). 146. 147. 174.
Патренко, А. 278.
Паулиш, А. 278.
Паялин, Н. П. 281.
Первушин. 94.
Перевощиков. 97.
Перегордиев. 111.
Петерс, Яков Христофорович. 278.
Петров. 342.
Петров. 229.
Петров. 214.
Петров, В. 280. 281.
Петров, К. 92. 93.
Петров-Широков. 72.
Петрункевич. 203.
Петрушевич. 98.
Петухов, Иван. 63.
Петухов. 267.
Пече, Ян Яковлевич. 278.
Писаревский (адмир.). 229.
Пихлау-Куцебу (фон) (растовск. градонач.). 148. 157 160.
Платковский, Д. Д. 105.

Платковский, Илья Мин. 146.
Платонов, Владимир. 352. 367.
Плеве, Вячеслав Константинович. 203.
Плеханов, Георгий Валентинович. 21. 244. 250. 253. 256. 276.
Плошель, Г. Е. 146.
Побединский, И. С. 147.
Поденко, Федор Петрович. 146.
Познанский, Анисим Степанович («Федор-Маляр»). 116. 118. 133.
Познер, Софья Макаровна. 210. 269.
Покровский, Михаил Николаевич. 37. 204. 210. 224. 245. 274. 285. 286. 287.
Полетаев (жанд. офиц.). 355.
Полетаев (подпоруч.). 242.
Полубояринов. 157.
Поляков («Александр Кацап»). 117. 118. 133.
Поляков (домовлад.). 366.
Поляков. 402.
Попов (фабр.). 122.
Попов (фирма). 142.
Попов, Н. И. 71. 92. 93. 97. 98. 99. 101. 110.
Попеляровский, Владислав. 154.
Поппен (ген.-лейтен.). 341.
Попсуй. 341.
Поспеев, Я. 118. 133.
Поссе, Владимир Александрович. 135.
Потаги, М. 279.
Преображенский. 341.
Прежевальский (генер.). 113.
Пригоровский, Владимир. 406.
Прокопович (ростов. полицейм.). 166. 176.
Прохоров, Б. 93. 94. 101. 103. 108. 110. 114. 268. 284.
Пряслов. 94.
Пуанкаре, Раймонд. 149.
Пустовойтов. 157. 162.
Путиловский (завод). 13.
Пятницкий, Осип Аронович. 73. 115. 132. 133. 283.
Р-о, Б. 281.
Рабаджиев, М. К. 146.
Рабинович, Хаим. 384.
Рабинович, Шифра. 358.
Рабинович-Лейбович, Ш. 94. 114.
Рабишевский. 94.
Радищев (мастерск.). 218.
Разуваева, Т. В. 43.
Раковец. 372.
Раковский, Христиан Георгиевич 129. 130.
Рамишвилли, Исидор. 236.
Растопчина, М. 26. 27. 79.
Ратнер, П. 279.
Рачковский. 217.
Рейзман, Соломон. 100. 161. 184.
Рех, Федор. 377.
Речкин (зав.). 12. 45.
Рибопьер (граф). 374.
Роберт. 117.
Рогов, В. И. (А. Чернявский). 44. 115. 118. 133. 283.
Родиков. 358.
Родионов. 94.
Рожков, Николай Александрович. 43. 239.
Рожкова, Мария Константиновна. 284.
Розанов, Николай. 151.
Розенблюм, К. 231. 246.
Романов, Константин. 282.
Российский. 270.
Роспубако. 94.
Ростов, Н. 285.
Ростоцкая. 126. 131. 270.
Рубен (Радин-Кнунянц). См. Кнунянц.
Рудакова, Елена. 171.
Русаков, Федор Григорьевич. 337.
Рутковский. 378.
Рушковский, С. А. 105.
Рыклин, Г. 285.
Рымарева. 221.
Рысс (зав.). 147.

Рысс (мельница). 172.
Рябинин. 270.
Рябинин-Скляревский. 115. 137. 283.
Рязанцев. 94.
Рянчук. 94.
Сабашвилли. 236.
Сабельников. 97.
Сабина, Анатолий. 68. 155. 156. 174. 177. 179. 183. 183.
Сабина (отец предыд.). 161.
Савинов. 27.
Савицкая. 107.
Сальник, Ф. Е. 146.
Самойлов, Федор Никитич. 15. 16. 17. 18. 20. 21. 22. 25. 28. 278.
Самойлович, Рудольф Лазаревич. 154.
Самуров, А. П. 43.
Санжур, В. 133.
Сарач (мельник). 121.
Сахаров (околоточн.). 390.
Сватиков, С. 150.
Свердлов, Яков Михайлович. 74. 279.
Сверчков, Дмитрий Федорович. 43. 281. 346.
Свидзинский. 270.
Свинаров. 94.
Севастьянов. 157. 160.
Севастьянов. 173.
Северный. 407.
Седой (Литвин, Зиновий Яковлевич). 61. 281.
Селицкий. 270.
Семен. 118. 133.
Семенников. 282.
Семенов, Ф. 285.
Семенчиков. 14.
Семерня. 94.
Семянников (зав.). 11. 13 281.
Сеньгин. 94.
Сергеев, С. 43.
Сергеев (генерал). 381.
Сергей. 73.
Сергей Александрович (вел. кн.). 148.
Сизенцев, Александр. 147.
Симанович, В. 279.
Симохин. 94.
Синицын, Дмитрий Трофимович. 146.
Синюхаев. 71. 110.
Синявский. 378.
Скиба, Митр. Гр. 146.
Скибин. 151.
Скобенников. 331.
Скрипыченко. 342.
Славкин, И. 278.
Слесер, Ю. 214.
Слободняк, П. 118.
Смидович. 33.
Смирнов. 367.
Смирнов, Александр Петрович. 71.
Смирнов, В. С. 14. 15. 21. 44.
Смирнов, Всеволод. 353. 358.
Смирнов, И. Д. 37.
Смирнова, Наталья. 385.
Смолянов (влад. магаз.). 95.
Снитко (пристав). 407.
Соболев, В. А. 279.
Соколов (инж.). 138.
Соколов, А. 239.
Соколов, В Н. 279.
Соколов, Владимир (подполк.). 332.
Соколовский, А. Ф. 121.
Сокольский. 94.
Сокольский, В. 101. 103. 110.
Соловьев. 97.
Соловьев (вет. врач). 342.
Соловьев, И. 278.
Солон. 94.
Сомов, С. И. (Пескин). 12. 13.
Сорокин, В. А. 281.
Сотири. Е. 94.
Софьев, В. 285.
Станкевич. 399. 409.
Старосельский (кутаис. губерн.). 413.
Степаненко. 162.

Степанов, Василий Лаврентьевич. 140. 141. 142.
Степенко. 94.
Стечкин, П. 285.
Стогов, Г. А. 45.
Столыпин, Петр Аркадьевич. 221.
Строганов. 356.
Струмилин, С. 41.
Стучка, Петр Иванович. 224. 225.
Суворов. 13.
Суздальцев, А. 281.
Сухов, А. 278.
Суховский. 21.
Сухомилинов (генер.). 377.
Сухорецкий, Георгий. 389.
Сухотин (генер.). 383. 395. 405.
Сушкин, Гавриил Григорьев. 279.
Сытин (тип.). 30. 213. 215. 218. 322. 368.
Сытин (фабр.). 359.
Талантов, Д. 14.
Тарасов, Алексей. 407
Тарасов, В. 281.
Таратута, Ольга. 399.
Татаров, И. 281.
Татарченко (городовой). 177.
Ташлицкий, Мотель. 384.
Темавт. 394.
Тер-Керсесьян, Тигран Лаэ. 146.
Теретенников. 101.
Терещенко (вл. мастерск.). 219.
Тетерин (поруч.). 399.
Тимофеев, Дмитрий Кузьмич («Кузьмич»). 154.
Тимофеев, С. 115. 117. 118. 133.
Титов. 214.
Тихомиров, Лев Александрович. 282.
Тихонов, А. Е. 281.
Тиц, Дмитрий. 385.
Токарев (зав.). 147.
Толмачев. 283.
Толстой, Лев Николаевич. 242.
Толстые. 340.
Тополев. 94.
Топорнин. 221.
Трепов, Дмит. Фед. (генер.). 210. 217. 218.
«Трофим». 117. 133.
Трофимов (новорос. губерн.). 92. 94.
Троцкий, Лев Давыдович. 9. 58. 253. 256. 273. 280. 285. 286. 284. 330.
Трощенко. 104.
Трубецкой. 339.
Туцевич (подполк.). 405.
Тюрин, Михаил. 385.
Тюшин. 13.
Уваров, Захар. 217.
Усанов, Г. С. 43.
Усков (подрядч.). 96. 97.
Устинович, Флориан. 385.
Ухтомский. 375.
Ушаков. 221.
Фабричный, А. 73.
Файнберг, С. И. 138.
Фарбштейн, А. 285.
Фатеев, Василий. 94.
Федичка. 94.
Федоров, Д. Ф. 72.
Федорович, Петр. 385.
Федотов (подполк.). 242.
Фельдман, Константин И. 127. 130. 136.
Фельдман. 150.
Фельдмер. 343.
Феофан. 63.
Фидлер (домовлад.). 322. 368.
Фидлер (училище). 239. 352.
Филевич, Феликс. 358.
Филиппов, Д. И. (влад. булочн.). 120. 217. 218. 219.
Филонов, С. 101.
Филонов. 402.
Фитингоф (барон). 330.
Фишер (фабр.). 219.
Фрезе (ген.-губ.). 362.
Фрейберг (фабр.). 218.
«Фридрих». 138. 139.
Фрумсон. 162.
Хаевский. 184.

Харечко, Тарас И. 35. 73. 74. 279.
Харженко. 94.
Харитонов, И. М. 43.
Харитонов. 270.
Хилков (министр). 221.
Хитин. 219.
Хмелевский. 413.
Хмельницкий (ростовск. гор. гол.). 160.
Хмельницкий, А. 214.
Хоботов. 94.
Ходжас. 361.
Холщевников. 413.
Хоруженков (ген.-майор). 330.
Хоткевич, И. 135. 136.
Хохлов. 94.
Хренкова, Софья Германовна. 400.
Христофоров. 407.
Хромов, А 76.
Хрусталев-Носарь, Георгий. 42. 48. 328. 346.
Хубулари, Д. 236.
Царда. 150. 157.
Царский. 21.
Цейтлин («Герасим»). 115. 117. 118. 133.
Целлер, Г. 278.
Циндель (фабр.). 218. 359.
Цхакая, Миха. 156.
Цыцарин. 13.
Чаадаева, Ольга Н. 284.
Чалов, К. С. 146.
Чаплинская. 355.
Частухин. 27.
Ченюгов. 358.
Чепуренко. 94. 110.
Черепнин. 331.
Черникин. 221.
Чернихов, Илья Соломон. 146.
Черномордик, С. И. (П. Ларионов). 59. 60. 61. 239. 255.
Черный. 214.
Чернявский, Александр Ильич (Саша Дальницкий). 116. 117 118.
Чижов (инспект.) 280. 281.
Чистов, Н. 279.
Чистяков, Е. 279.
Чуев (влад. булочн.) 218.
Чумаков, Илья. 334.
Чухнин, Григ. Павлович (вице-адм.) 395.
Шабашов. 355.
Шабров, И. Я. 340.
Шаброва. 270.
Шавдия, Варлам. Е. 139. 141. 143. 144.
Шаевич. 123.
Шаповалов Александр Сидорович. 133. 134. 135.
Шапочников, Александр. 353. 367.
Шатилов, Т. И. 281.
Шаханов, Н. 72.
Шахназаров. 407.
Шведов. 68. 169. 176.
Швейцер, Абрам. 147.
Швейцер (тип.). 119.
Швецов (фабр.). 326.
Шевич, Клеопатра. 336.
Шевченко. 35.
Шевченко, А. М. 138.
Шендерович, А. 118. 133.
Шендриков. 205.
Шер. В. В. 30. 32.
Шерешевская, Бейла. 399.
Шестаков, Андрей Васильевич. (Никодим). 41. 61. 65. 279. 285.
Шестаков, Н. 284.
Шидловский. 11. 12. 41. 45. 79.
Шилов, Алексей Алексеевич. 272. 280.
Шингарев. 387.
Шипке, Людовик. 343.
Ширангер. 104.
Ширинкин (ген.-майор). 205.
Ширинкина (помещ.). 400.
Шифман, Давид. 353.
Шифрин, Л. П. 138.
Шкловский, Г. 278.
Шкловский, Л. 278.
Шкляревич (минск. пом. полицейм.). 379. 393.
Шмаров. 133.

Шмидт. 375. 382. 389.
Шмидт (зав). 218.
Шмидт, Фридрих. 96. 110.
Шмидт, Петр Петрович. 229. 282.
Шмит (имение). 339.
Шотман, Александр Васильевич. 133.
Шпаков (нач. станц.). 406.
Шполянский (зав.). 119. 122. 123. 127.
Шредер (имение). 339.
Шрейберг, Двойра. 353.
Штейн (шт.-капит.). 229.
Штейнбок, Давид. 385.
Штейнбок, Соломон. 385.
Штерн (ротм.). 340.
Штольтерфорт, Эмма. 353.
Штомберг. 413.
Шувалов. 221.
Шульман, Константин. 360.
Шумяцкий, Борис Захарович. 36. 76. 77.
Шумяцкий, Яков Борисович. 279.
Щеголев. 107.
Щербак, А. 278.
Щербачев (генер.). 228.
Эйгель. 270.
Эйнштейн (зав.). 147.
Эйшискин, М. И. 150.
Экземплярский, П. М. 15. 22.
Энгельс, Фридрих. 55. 270.
Эпштейн. 98.
Эпштейн, С. 117. 118.
Эсс, Тарра. 151.
Эссен («Федор»). 117.
Эссен, Мария Моисеевна. 281.
Эссен, Александр Магнусович («Бур»). 133.
Юваинен, Александр. 385.
Юган. 403.
Южин. См. Васильев, М.
Юлиус (зав). 122.
Юнацевич 406.
Юселевич («Елена»). 118.
Я. П. 270.
Яковлев. 376. 380.
Яковлева. 353.
Янушевский. 184.
Янчевский, Н. 76. 87. 88. 91. 106. 112. 113. 114. 284.
Ярижанов (надзир.). 377.
Ярославский, Емельян («Лапин»). 117. 118. 133. 134. 204. 238. 239. 245. 249. 253. 255. 270. 279. 283. 285. 286. 287.
Ясинский, Ч. 285.
Ястребов, Ф. 73.
Яхновский, И. 279.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 5

I. Возникновение советов 7

1. Беспартийные организации Петербурга 7
2. Летняя стачка и Совет Рабочих Депутатов Иваново-Вознесенска 14
3. Костромская стачка и Совет Рабочих Депутатов в июле 1905 г. . 26
4. Совет депутатов печатников и мысль о создании общегородского Совета в сентябре 1905 г. в Москве 29
5. Организации в других городах России, из которых развились Советы 34

II. Петербургский и Московский Советы Рабочих Депутатов 39
III. Провинциальные Советы 65
IV. Структура Советов 79
V. Эволюция Советов 82
VI. Новороссийская республика 87
VII. Совет Рабочих Депутатов г. Одессы в 1905 г. 115
1. От Потемкинского восстания к Совету Рабочих Депутатов в г. Одессе 115
2. Одесский Совет Рабочих Депутатов 137
Совет Рабочих Депутатов и вооруженное восстание в Ростове н/Д. . . 145
1. События до октября 1905 г. 145
2. Октябрьские и ноябрьские дни в Ростове н/Д. 160
3. Совет Рабочих Депутатов в Ростове н/Д и Нахичевани на Дону 165
4. Декабрьское вооруженное восстание в Ростове н/Д 174

VIII. Вооруженное восстание в 1905 г. 189
1. Отношение революционных партий к грядущему восстанию . . 189
2. Весенние и летние события 1905 г. и тактика большевиков и меньшевиков в это время 193
3. Сентябрьская стачка в Москве—преддверие октября 211
4. Октябрьская стачка. Предпосылки восстания 220
5. Декабрьское восстание в Москве и в провинции 238
Восстание и партия 245

Стр.
XI. Обзор источников 262

1. Источники архивные 262
2. Печатные источники 274

Приложения

А. Документы к статье о вооруженном восстании 289
I. Наличные силы боевой организации Москвы и области перед созывом 1-й Думы по докладам представителей организаций . . 289
Доклад В.Т.Б. 289
Важнейшие данные о положение боевой подготовки к вооруженному восстаиию на местах, сообщенные представителями В. О. Московской обл. и Москвы (частное совещание) 290
Московский Окружной Комитет 291
Московский Комитет 291
Данные по отдельным районам 292
II. Проект устава областн. орг. боев. сил 292
Пояснительная записка к проекту Устава областной организации боевых сил партии 294
III. Устав боевой дружины Р.С.-Д.Р.П. 296
IV. Доклад, читанный представ. В.Т.Б. на одной из областных конференций 1906 г. 297
V. Тезисы доклада Моск. Бюро Ц.К. областной конфер. по вопросу о военно-технич. подготовке к В.В. 302
VI. Направление и задачи боевой деятельности 306
VII. Москва как стратегический пункт 315
VIII. К вопросу о роли Р.С.-Д.Р.П. в военно-технической подготовке В.В. 320
IX. Резолюция, выработанная военно-техническими бюро при Московском Бюро Центрального комитета Р.С.-Д.Р. партии 323
Б. Документы о революционном движении в империи в декабре 1905 г. 325
Указатель имен 415

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№